Типографія Монтвида. Уг. Конной ул., и Телѣжнаго пер., д. 3—5.

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Возмущеніе Ислама.—Царевичъ Атаназъ.—Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.—Розалинда и Елена.—Юліанъ и Маддало.—Освобожденный Прометей.—Ченчи.

Съ пояснительными примѣчаніями К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 руб.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ". С.-Петербургъ, Невскій, 92.
1904.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй томъ настоящаго изданія вошли тѣ произведенія Шелли, которыя наиболѣе полно и ярко обрисовываютъ его міросозерцаніе и его способность создавать воздушные, но въ то же время совершенно отчетливые образы. Шелли является здѣсь не только нѣжнымъ, но и могучимъ. Если въ Освобожденномъ Прометеѣ онъ успѣшно состязается съ Эсхиломъ, и достигаетъ вершинъ космической лирики, въ Ченчи онъ становится въ уровень съ лучшими драматургами Шекспировской эпохи, съ авторомъ Бѣлаго Дьявола, Вебстеромъ, и создателемъ Аннабеллы, Фордомъ, а въ Лаонѣ и Цитнѣ вступаетъ въ рядъ благородныхъ создателей Утопій, зажигаетъ одинъ изъ маяковъ, которые должны горѣть, потому что ночное море слишкомъ страшно.

Изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ произведеній только два появляются почти въ томъ же видѣ, какъ они уже были напечатаны ранѣе, Освобожденный Прометей и Ченчи,—хотя и въ нихъ текстъ цѣликомъ пересмотрѣнъ заново и мѣстами измѣненъ. Остальныя произведенія, Евганейскіе холмы, Розалинда и Елена, Юліанъ и Маддало и первая часть Царевича Атаназа, существовали только въ прозаическомъ переводѣ, а вторая часть Царевича Атаназа и поэма Лаонъ и Цитна появляются на русскомъ языкѣ впервые.

Третій томъ выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени: въ началѣ 1904 года русскій Шелли предстанетъ въ полной законченности своихъ очертаній.

К. БАЛЬМОНТЪ.

Меррекюль. Лѣто 1903.

ПОЭМЫ и драмы

(1817—1819).

ЛАОНЪ И ЦИТНА

(ВОЗМУЩЕНІЕ ИСЛАМА).

1817.

ЛАОНЪ и ЦИТНА

или

ВОЗМУЩЕНІЕ ЗОЛОТОГО ГОРОДА.

ВИДѢНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Дай гдѣ стать,
и я сдвину вселенную.

Архимедъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поэма, нынѣ предлагаемая мною міру, представляетъ изъ себя попытку, отъ которой я врядъ ли могу ожидать успѣха, и въ которой писатель съ установившейся славой могъ бы потерпѣть неудачу, не причинивъ себѣ этимъ никакого посрамленія. Это опытъ касательно природы общественнаго духа, имѣющій цѣлью удостовѣриться, насколько еще, при тѣхъ буряхъ, которыя потрясли нашу эпоху, среди людей просвѣщенныхъ и утонченныхъ, сохранилась жажда болѣе счастливыхъ условій общественной жизни, моральной и политической. Я старался соединить въ одно цѣлое напѣвность размѣрной рѣчи, воздушныя сочетанія фантазіи, быстрые и тонкіе переходы человѣческой страсти, словомъ, всѣ тѣ элементы, которые существеннымъ образомъ составляютъ Поэму, и все это я хотѣлъ посвятить дѣлу широкой и освободительной морали: мнѣ хотѣлось зажечь въ сердцахъ моихъ читателей благородное воодушевленіе идеями свободы и справедливости, ту вѣру и то чаяніе чего-то благого, которыхъ ни насиліе, ни искаженіе, ни предразсудокъ не могутъ совершенно уничтожить въ человѣчествѣ.

Для этой цѣли я избралъ исторію человѣческой страсти, въ ея наиболѣе всеобщей формѣ, исторію, перемѣшанную съ волнующими и романтическими приключеніями, и взывающую, вопреки всѣмъ искусственнымъ мнѣніямъ и учрежденіямъ, ко всеобщимъ влеченіямъ каждаго человѣческаго сердца. Я не дѣлалъ попытки восхвалять, съ помощью правилъ и систематическихъ доказательствъ, тѣ внутреннія побужденія, которымъ я хотѣлъ бы доставить торжество, взамѣнъ побужденій, нынѣ управляющихъ человѣчествомъ. Я хотѣлъ бы только возбудить чувства, такимъ образомъ, чтобы читатель могъ увидѣть красоту истинной добродѣтели, и былъ подвигнутъ къ тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя привели меня къ моему нравственному и политическому credo, являющемуся также догматомъ самыхъ возвышен-

ныхъ умовъ міра. Поэма, такимъ образомъ,—за исключеніемъ первой Пѣсни, чисто - вводной,—является повѣствовательной, не дидактической. Это смѣна картинъ, въ которыхъ изображены ростъ и преуспѣянія отдѣльнаго ума, стремящагося къ совершенству, и полнаго любви къ человѣчеству; его старанія утончить и сдѣлать чистыми самые дерзновенные и необычные порывы воображенія, разумѣнія и чувствъ; его нетерпѣніе при видѣ «всѣхъ угнетеній, свершенныхъ подъ солнцемъ», его стремленіе пробудить общественныя чаянія и, просвѣтительнымъ путемъ, улучшить человѣчество; быстрые результаты такого стремленія, приведеннаго къ осуществленію; пробужденіе великаго народа, погрязавшаго въ рабствѣ и низости, къ истинному чувству нравственнаго достоинства и свободы; безкровное низложеніе притѣснителей съ трона, и разоблаченіе ханжескихъ обмановъ, которыми эти люди были вовлечены въ подчиненность; спокойствіе торжествующаго патріотизма, и всеобъемлющая терпимость, озареннаго благоволеніемъ, истиннаго человѣколюбія; вѣроломство и варварство наемныхъ солдатъ; порокъ, какъ предметъ не кары и ненависти, а доброты и состраданія; предательство тирановъ; заговоръ Міровыхъ Правителей, и возстановленіе чужеземнымъ оружіемъ изгнанной Династіи; избіеніе и истребленіе Патріотовъ, и побѣда установленной власти; послѣдствія законнаго утѣсненія, гражданская война, голодъ, чума, суевѣріе, и крайнее погашеніе семейныхъ чувствъ; судебное убіеніе защитниковъ Свободы; временное торжество гнета, этотъ вѣрный залогъ конечнаго и неизбѣжнаго его паденія; переходный характеръ невѣжества и заблужденія, и вѣчная неизмѣнность генія и добродѣтели. Таково въ общихъ очертаніяхъ содержаніе Поэмы. И, если возвышенныя страсти, которыми я хотѣлъ отмѣтить это повѣствованіе, не возбудятъ въ читателѣ благороднаго порыва, пламенной жажды совершенства, глубокаго и сильнаго интереса, которые связаны со столь благородными желаніями, пусть эта неудача не будетъ отнесена на счетъ естественнаго отсутствія въ человѣческомъ сердцѣ сочувствія къ такимъ высокимъ и воодушевляющимъ замысламъ. Кому же, какъ не Поэту, надлежитъ сообщать другимъ наслажденіе и воодушевленье, проистекающія изъ такихъ образовъ и чувствъ, присутствіе которыхъ въ его умѣ составляетъ одновременно и его вдохновеніе и его награду!

Паника, подобно эпидемическому изступленію охватившая всѣ

классы общества во время излишествъ, сопровождавшихъ Французскую Революцію, мало-по-малу уступаетъ мѣсто здравому смыслу. Теперь уже болѣе не вѣрятъ, что цѣлыя поколѣнія людей должны примириться съ злополучнымъ наслѣдіемъ невѣжества и нищеты, лишь потому, что представители одной изъ націй, которая въ теченіи столѣтій была порабощена и одурачена, не были въ состояніи вести себя съ мудростью и спокойствіемъ свободныхъ людей, когда нѣкоторыя изъ ихъ оковъ частью распались. То, что поведеніе этихъ людей не могло быть отмѣчено ничѣмъ инымъ, какъ свирѣпостью и безразсудствомъ, представляетъ изъ себя историческій фактъ, служащій наибольшею хвалою свободѣ и показывающій ложь во всемъ отвратительномъ ея безобразіи. Въ потокѣ человѣческихъ вещей есть нѣкое теченіе, которое относитъ потерпѣвшія крушеніе людскія надежды въ вѣрную гавань, послѣ того какъ бури отшумѣли. Мнѣ кажется, тѣ, что живутъ теперь, пережили эпоху отчаянія.

Французская Революція можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ тѣхъ проявленій общаго состоянія чувствъ среди цивилизованнаго человѣчества, которыя создаются недостаткомъ соотвѣтствія между знаніемъ, существующимъ въ обществѣ, и улучшеніемъ или постепеннымъ уничтоженіемъ политическихъ учрежденій. 1788 годъ можно принять какъ эпоху одного изъ наиболѣе важныхъ кризисовъ, созданныхъ подобными чувствами. Влеченія, связанныя съ этимъ событіемъ, коснулись каждаго сердца. Наиболѣе великодушныя и добрыя натуры участвовали въ этихъ влеченіяхъ наиболѣе широкимъ образомъ. Но осуществить въ той степени, ни съ чѣмъ не смѣшанное, благо, какъ этого ждали, было невозможно. Если бы Революція была преуспѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ, злоупотребленія власти и суевѣріе наполовину утратили бы свои права на нашу ненависть, какъ цѣпи, которыя узникъ могъ разъять едва шевельнувъ своими пальцами, и которыя не въѣдаются въ душу ядовитою ржавчиной. Обратное враждебное теченіе, вызванное жестокостями демагоговъ, и возстановленіе послѣдовательныхъ тиранній во Франціи, было ужасно, и самые отдаленные уголки цивилизованнаго міра это почувствовали. Могли ли внимать доводамъ разсудка тѣ, кто стоналъ подъ тяжестью несчастій бѣдственнаго общественнаго состоянія, благодаря которому одни разгульно роскошествуютъ, а другіе, голодая, нуждаются въ кускѣ хлѣба? Можетъ ли тотъ, кого вчера топтали какъ раба, внезапно сдѣлаться свободомыслящимъ,

сдержаннымъ, и независимымъ? Это является лишь какъ слѣдствіе привычнаго состоянія общества, созданнаго рѣшительнымъ упорствомъ и неутомимою надеждой и многотерпѣливымъ мужествомъ, долго во что-нибудь вѣрившимъ, и повторными усиліями цѣлыхъ поколѣній, усиліями постепенно смѣнявшихся людей ума и добродѣтели. Таковъ урокъ, преподанный намъ нынѣшнимъ опытомъ. Но при первыхъ же превратностяхъ чаяній на развитіе Французской свободы, пылкое рвеніе къ добру перешло за предѣлы разрѣшенія этихъ вопросовъ, и на время погасло въ неожиданности результатовъ. Такимъ образомъ, многіе изъ самыхъ пламенныхъ и кротко-настроенныхъ поклонниковъ общественнаго блага были нравственно подорваны тѣмъ, что частичное неполное освѣщеніе событій, которыя они оплакивали, явилось имъ какъ бы прискорбнымъ разгромомъ ихъ завѣтныхъ упованій. Благодаря этому угрюмость и человѣконенавистничество сдѣлались отличительною чертою эпохи, въ которую мы живемъ, утѣшеніемъ разочарованія, безсознательно стремящагося найти утоленіе въ своенравномъ преувеличеніи собственнаго отчаянія. Въ силу этого литература нашего вѣка была запятнана безнадежностью умовъ, ее создавшихъ. Метафизическія изысканія, равно какъ изслѣдованія въ области нравственныхъ вопросовъ и политическаго знанія, сдѣлались ничѣмъ инымъ, какъ тщетными попытками оживить погибшія суевѣрія *), или софизмами, въ родѣ софизмовъ Мальтуса, разсчитанными на то, чтобы убаюкивать притѣснителей человѣчества, шепча имъ о вѣчномъ торжествѣ **). Наши беллетристическія и поэтическія произведенія омрачились той же смертоносной печалью. Но, какъ мнѣ кажется, человѣчество начинаетъ пробуждаться отъ своего оцѣпенѣнія. Я чувствую, думается мнѣ, медленную, постепенную, молчаливую перемѣну. Въ этой увѣренности я и написалъ данную Поэму.

Я не притязаю на состязательство съ нашими великими современными Поэтами. Но я не хочу также и идти по слѣдамъ

*) Я долженъ сдѣлать исключеніе для *Academical Questions* Сэра В. Друммонда,— томъ крайне острой и мощной метафизической критики.

**) Достопримѣчательно, какъ знакъ оживленія общественныхъ чаяній, что Мистеръ Мальтусъ, въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія, приписываетъ нравственному воздержанію безграничную власть надъ принципомъ народонаселенія. Эта уступка отвѣчаетъ на всѣ послѣдствія его системы, неблагопріятныя для человѣческаго преуспѣянія, и превращаетъ *Опытъ о Народонаселеніи* въ изъяснительную иллюстрацію къ неоспоримости *Общественной Справедливости*.

кого бы то ни было изъ моихъ предшественниковъ. Я старался избѣжать подражаній какому-либо стилю языка или стихосложенія, свойственному оригинальнымъ умамъ, съ которыми стиль этотъ причинно связанъ,—имѣя въ виду, чтобы то, что я создалъ, пусть даже оно не имѣетъ никакой цѣнности, было все же совершенно моимъ. Я не позволилъ также какой-нибудь чисто словесной системѣ отвлечь вниманіе читателя отъ достигнутаго мной интереса, каковъ бы онъ ни былъ, и обратить это вниманіе на собственную мою замысловатость въ изобрѣтательности. Я просто облекъ мои мысли такимъ языкомъ, который мнѣ казался наиболѣе явнымъ и подходящимъ. Кто сроднился съ природой, и съ самыми прославленными созданіями человѣческаго ума, тотъ врядъ ли ошибется, слѣдуя инстинкту, при выборѣ соотвѣтствующей рѣчи.

Есть нѣкоторое воспитаніе, особенно подходящее для Поэта, воспитаніе, безъ котораго геній и впечатлительность врядъ ли завершатъ полный кругъ своихъ способностей. Конечно, никакое воспитаніе не уполномочитъ на это наименованіе умъ тупой и ненаблюдательный, или умъ, хотя бы не тупой и способный къ наблюдательности, но такой, что въ немъ пути между мыслью и выраженіемъ засорены или закрыты. Насколько моимъ удѣломъ было принадлежать къ тому или къ другому разряду, я не знаю. Я стремлюсь къ тому, чтобы быть чѣмъ-нибудь лучшимъ. Случайныя обстоятельства моего воспитанія благопріятствовали этой честолюбивой мечтѣ. Я съ дѣтства сроднился съ горами и съ озерами, и съ моремъ, и съ уединеніемъ лѣсовъ: Опасность, играющая на краю пропастей, была моей сверстницей. Я проходилъ по ледникамъ Альпъ, и жилъ подъ взоромъ Монблана. Я скитался среди отдаленныхъ равнинъ. Я плылъ по теченію могучихъ рѣкъ, и видѣлъ, какъ солнце восходитъ и заходитъ, и какъ выступаютъ звѣзды, межъ тѣмъ какъ я плылъ и ночью, и днемъ по быстрому потоку среди горъ. Я видѣлъ людные города, и наблюдалъ, какъ страсти возникаютъ и распространяются, и падаютъ, и мѣняются среди нагроможденныхъ множествъ людей. Я видѣлъ сцену самыхъ явныхъ опустошеній тиранніи и войны, города и деревни, превратившіяся въ разъединенныя небольшія группы черныхъ домовъ, лишенныхъ кровли, видѣлъ, какъ нагіе ихъ обитатели сидятъ, голодные, на своихъ опустѣлыхъ порогахъ. Я говорилъ съ нынѣ живущими геніями. Поэзія древней Греціи и Рима, и современной Италіи, и нашей

собственной страны, была для меня, какъ внѣшняя природа, страстью и наслажденіемъ. Таковы источники, изъ которыхъ я извлекъ матеріалы для сценической обстановки моей Поэмы. Я разсматривалъ Поэзію въ самомъ широкомъ ея смыслѣ; я читалъ Поэтовъ, и Историковъ, и Метафизиковъ *), сочиненія которыхъ были мнѣ доступны; я смотрѣлъ на прекрасную и величественную панораму земли, какъ на общій источникъ тѣхъ элементовъ, соединять которые въ одно цѣлое и различнымъ образомъ сочетать—есть удѣлъ Поэта. Однако, опытъ и чувства, мною указываемыя, сами по себѣ не дѣлаютъ еще людей Поэтами, а только предуготовляютъ ихъ, чтобы они могли быть слушателями поэтовъ существующихъ. Насколько я буду признанъ обладателемъ этой другой, болѣе существенной, принадлежности Поэзіи, способности пробуждать въ другихъ ощущенія, подобныя тѣмъ, что оживляютъ мое собственное сердце, этого, говоря чистосердечно, я совершенно не знаю; и объ этомъ я, съ полной готовностью покориться, буду судить по впечатлѣнію, произведенному на тѣхъ, къ кому я теперь обращаюсь.

Какъ я уже говорилъ, я старался избѣгнуть подражанія какому-либо изъ современныхъ стилей. Но между всѣми писателями какой-либо данной эпохи должно быть извѣстное сходство, не зависящее отъ ихъ собственной воли. Они не могутъ уклониться отъ подчиненія общему вліянію, проистекающему изъ безконечнаго сочетанія обстоятельствъ, относящихся къ эпохѣ, въ которую они живутъ, хотя каждый изъ нихъ до извѣстной степени является созидателемъ того самаго вліянія, которымъ проникнуто все его существо. Такимъ образомъ, трагическіе поэты эпохи Перикла; Итальянскіе возродители древняго знанія; могучіе умы нашей собственной страны, наслѣдовавшіе Реформаціи, переводчики Библіи, Шекспиръ, Эдмундъ Спенсеръ, драматурги Елизаветинской эпохи, и Лордъ Бэконъ **); болѣе холодныя души слѣдующаго періода;—всѣ они имѣютъ сходство между собою, хотя они отличаются другъ отъ друга. При такомъ порядкѣ вещей Фордъ не болѣе можетъ быть названъ подражателемъ Шекспира, чѣмъ Шекспиръ подражателемъ Форда. Между двумя этими людьми было, можетъ быть, немного другихъ точекъ сопри-

*) Въ этомъ смыслѣ въ созданіи вымысла можетъ быть извѣстное усовершенствованіе, несмотря на нерѣдкое утвержденіе защитниковъ человѣческаго преуспѣянія, будто этотъ терминъ, усовершенствованіе, примѣнимъ только къ наукѣ.

**) Мильтонъ стоитъ одиноко въ эпохѣ, которую онъ озарилъ.

косновенія, кромѣ всеобщаго и неизбѣжнаго вліянія ихъ эпохи. Это именно то вліяніе, отъ котораго не властенъ ускользнуть ни самый ничтожный писака, ни самый возвышенный геній, какого бы то ни было времени; уклониться отъ такого вліянія не пытался и я.

Я выбралъ для своей Поэмы Спенсеровскую стансу,—размѣръ необыкновенно красивый,—не потому, что я считаю ее болѣе тонкимъ образцомъ поэтической гармоніи, чѣмъ бѣлый стихъ Шекспира и Мильтона, а потому, что въ области послѣдняго нѣтъ мѣста для посредственности: вы или должны одержать побѣду, или совершенно пасть. Этого, пожалуй, долженъ былъ бы желать духъ честолюбивый. Но меня привлекала также блестящая пышность звука, которой можетъ достигнуть умъ, напитанный музыкальными мыслями, правильнымъ и гармоническимъ распредѣленіемъ паузъ въ этомъ ритмѣ. Есть, однако, мѣста, гдѣ я потерпѣлъ въ своей попыткѣ полную неудачу, одно мѣсто я прошу читателя разсматривать какъ простую ошибку, ибо въ серединѣ стансы я, неосмотрительнымъ образомъ, оставилъ александрійскій стихъ.

Но какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, я писалъ безъ колебаній. Это истинное несчастіе нашего времени, что современные писатели, совершенно не думая о безсмертіи, необыкновенно чувствительны къ временнымъ похваламъ и порицаніямъ. Они пишутъ и въ то же время трепещутъ разныхъ обозрѣній, которыя какъ будто у нихъ передъ глазами. Подобная система критики возникла въ тотъ оцѣпенѣлый промежутокъ времени, когда поэзіи вовсе не было. Лонгинъ не могъ бы быть современникомъ Гомера, ни Буало современникомъ Горація. Но такой родъ критики никогда и не притязалъ на утвержденіе своихъ приговоровъ какъ таковыхъ: эта критика, нимало не похожая на истинное знаніе, не предшествовала мнѣнію людей, а всегда слѣдовала за нимъ, она хотѣла бы даже и теперь, цѣной своихъ ничтожныхъ похвалъ, подкупить нѣкоторыхъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, чтобы они наложили добровольныя оковы на свою фантазію, и сдѣлались безсознательными соучастниками въ ежедневномъ убіеніи каждаго генія, не столь стремительнаго или не столь счастливаго, какъ они. Я старался, поэтому, писать такъ, какъ писали, по моему представленію, Гомеръ, Шекспиръ, и Мильтонъ, съ крайнимъ пренебреженіемъ къ безъимяннымъ осужденіямъ. Я увѣренъ, что клевета и искаженіе моихъ мыслей могутъ вызвать во мнѣ соболѣзнованіе, но не могутъ

нарушить мой покой. Я уразумѣю выразительное молчаніе тѣхъ проницательныхъ враговъ, которые не осмѣливаются говорить сами. Изъ оскорбленій, поношеній, и проклятій я постараюсь извлечь тѣ увѣщанія, которыя могутъ содѣйствовать исправленію какихъ бы то ни было несовершенствъ, открытыхъ подобными осудителями въ моемъ первомъ серьезномъ обращеніи къ публикѣ. Если бъ извѣстные критики были столь же ясновидящи, какъ они злостны, сколько благого можно было бы извлечь изъ ихъ злобныхъ писаній. При данномъ порядкѣ вещей, боюсь, я буду достаточно лукавымъ, чтобы позабавиться на ихъ дрянныя ухищренія и на ихъ хромыя нападки. Если публика рѣшитъ, что мое произведеніе не имѣетъ цѣнности, я преклонюсь предъ трибуналомъ, отъ котораго Мильтонъ получилъ свой вѣнецъ безсмертія, и постараюсь, если только буду жить, найти въ этомъ пораженіи силу, которая подвигнула бы меня на новую попытку мысли, уже *не* лишенную цѣнности. Я не могу представить, чтобы Лукрецій, когда онъ размышлялъ надъ поэмой, идеи которой до сихъ поръ еще составляютъ основаніе нашего метафизическаго знанія, и краснорѣчію которой дивилось человѣчество, писалъ ее и въ то же время боялся осужденія наемныхъ софистовъ, подкупленныхъ грязными и суевѣрными аристократами Рима. Лишь въ тотъ періодъ, когда Греція была плѣнена, и Азія сдѣлалась данницей республики, почти уже склонявшейся къ рабству и разрушенію, толпа Сирійскихъ плѣнниковъ, слѣпо поклонявшихся своей безстыдной Астаротъ, и недостойные преемники Сократа и Зенона, нашли себѣ свое невѣрное пропитаніе въ томъ, что, подъ названіемъ вольноотпущенниковъ, способствовали порокамъ и тщеславностямъ великихъ. Эти злосчастные были опытны въ искусствѣ защищать, наборомъ поверхностныхъ, но пріемлемыхъ софизмовъ, презрѣніе къ добродѣтели, являющееся удѣломъ рабовъ, и вѣру въ чудеса, эту гибельнѣйшую замѣну благоволенія въ умахъ людей. Неужели на неодобреніе подобнаго сорта людей мудрый и возвышенный Лукрецій смотрѣлъ съ благодѣтельнымъ страхомъ? Послѣдній и, быть можетъ, самый малый изъ тѣхъ, кто пошелъ по его дорогѣ, съ презрѣніемъ отвернулся бы отъ жизни при такихъ условіяхъ.

Я работалъ надъ предлагаемой Поэмой полгода съ небольшимъ. Въ теченіи этого періода времени я предавался осуществленію своего замысла съ неустаннымъ рвеніемъ и воодушевленіемъ. По мѣрѣ того какъ моя работа подвигалась впередъ, я подвергалъ ее самой

внимательной и серьезной критикѣ. Я охотно предалъ бы ее гласности съ тѣмъ совершенствомъ, которое, говорятъ, дается долгой работой и пересмотромъ. Но я нашелъ, что, если бы этимъ путемъ я выигралъ что-нибудь въ точности, я много потерялъ бы въ свѣжести и силѣ образовъ и языка, въ ихъ прямой непосредственности. И хотя внѣшняя работа надъ Поэмой продолжалась не болѣе шести мѣсяцевъ, мысли, вложенныя въ нее, медленно накоплялись въ теченіи многихъ лѣтъ.

Я высказываю увѣренность, что читатель тщательно будетъ различать тѣ мнѣнія, которыя, какъ драматическая принадлежность, изъясняютъ изображаемые характеры, отъ тѣхъ мыслей, которыя принадлежатъ лично мнѣ. Такъ, напримѣръ, я нападаю на ошибочное и унизительное представленіе о Верховномъ Существѣ, которое составили себѣ люди, но я не нападаю на самое Верховное Существо. То мысленное утвержденіе, которое нѣкоторые суевѣры, выведенные мною на сцену, поддерживаютъ касательно Божества, оскорбительное для Его благоволенія, весьма отличается отъ моего. Точно также, взывая къ великой и важной перемѣнѣ въ области духа, оживляющаго общественныя учрежденія человѣчества, я избѣгалъ всякаго потаканія тѣмъ насильственнымъ и зловреднымъ страстямъ нашей природы, которыя всегда наготовѣ, чтобы смѣшаться и перепутаться съ самыми благодѣтельными нововведеніями. Здѣсь нѣтъ мѣста отмщенію, или Зависти, или Предубѣжденію. Вездѣ прославляется только Любовь, какъ единственный законъ, долженствующій управлять нравственнымъ міромъ.

Въ личномъ поведеніи моего героя и моей героини есть обстоятельство, которое введено съ цѣлью пробудить читателя изъ оцѣпенѣнія обычной повседневности. Моимъ намѣреніемъ было прорвать кору тѣхъ изношенныхъ мнѣній, на которыхъ зыблются нѣкоторыя установленія. Я воззвалъ поэтому къ наиболѣе всеобщему изъ чувствованій, и сдѣлалъ попытку усилить нравственное чувство, возбранивъ ему истреблять свою энергію въ стараніяхъ избѣгать дѣйствій, которыя представляютъ изъ себя лишь условныя преступленія. Истинныхъ добродѣтелей такъ мало именно потому, что существуетъ такое множество искусственно созданныхъ пороковъ. Только тѣ чувства, которыя полны благоволенія или зложелательства, являются по существу добрыми или злыми. Указываемое мною обстоятельство было, впрочемъ, введено мною главнымъ обра-

зомъ для того, чтобы пріучить людей къ тому милосердію и къ той терпимости, которыя имѣютъ наклонность возникать при созерцаніи обычаевъ, значительно отличающихся отъ нашихъ. На самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть столь зловреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ многія дѣйствія, невинныя сами по себѣ, но привлекающія на отдѣльныхъ людей слѣпое презрѣніе и бѣшенство толпы *).

*) Чувства, связанныя съ этимъ обстоятельствомъ, и ему присущія, не имѣютъ къ автору никакого личнаго отношенія.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Нѣтъ для того опасности, кто знаетъ,
Что жизнь и смерть: закона нѣтъ иного,
Чтобъ знаніе его превосходилъ:
И незаконно было бъ, чтобъ склонялся
Онъ предъ другимъ какимъ-нибудь закономъ.

ЧАПМАНЪ.

КЪ МЭРИ— —

1.

Теперь мой лѣтній трудъ оконченъ, Мэри.
Съ тобой я вновь, пріютъ сердечный мой,
Какъ Рыцарь Фей, своей послушный вѣрѣ,
Съ добычею вернувшійся домой,
Съ добычей для дворца его Царицы;
Не презри, если я мою звѣзду,
Сокрытую какъ бы во мглѣ темницы,
Съ твоею слилъ, когда я только жду,
Что можетъ быть я встрѣчу лучъ привѣта,
Тогда какъ ты—Дитя любви и свѣта.

2.

Оконченъ трудъ, что у тебя часовъ
Такъ много отнялъ,—онъ передъ тобою!
Не въ тишинѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
Гдѣ вѣтви, встрѣтясь, вьются пеленою,
Не тамъ, гдѣ въ полнозвучномъ забытьи
Журча, стремятся волны водопада,
Не между травъ, гдѣ для моей ладьи
Затонъ былъ тихій, вспыхнетъ мнѣ отрада,
Но близь тебя, души моей звѣзда,
Гдѣ сердцемъ въ эти дни я былъ всегда.

3.

Мечтой ласкалъ я свѣтлыя дѣянья,
Когда впервые съ міра спала тѣнь.
Проснулся духъ. Я помню обаянье.
То былъ веселый свѣжій Майскій день.
Я шелъ межь травъ, они въ лучахъ блестѣли,
Я плакалъ, самъ не зная, почему,
Изъ ближней школы крики долетѣли,
Міръ звуковъ, чуждыхъ сердцу моему,
Враждебный ропотъ боли и обмановъ,
Скрипучій смѣхъ насильниковъ, тирановъ.

4.

И, руки сжавъ, я посмотрѣлъ вокругъ,
Но слезъ моихъ никто не могъ замѣтить,
Я былъ одинъ, кругомъ былъ свѣтлый лугъ,
И, не боясь насмѣшку взора встрѣтить,
Воскликнулъ я: «Хочу я мудрымъ быть,
Свободнымъ, кроткимъ, нѣжнымъ, справедливымъ,
Не въ силахъ я ни видѣть, ни забыть,
Что сильный можетъ злымъ быть и счастливымъ.»
И я рѣшилъ быть твердымъ навсегда,
И кроткимъ я и смѣлымъ сталъ тогда.

5.

И сталъ я накоплять съ того мгновенья
Познанья изъ запретныхъ рудниковъ,
Къ тиранамъ полонъ былъ пренебреженья,
Не принималъ мой умъ пустыхъ ихъ словъ,
И для души, въ тѣхъ горницахъ сокрытыхъ,
Себѣ сковалъ я свѣтлую броню,
Изъ чаяній, изъ мыслей, вмѣстѣ слитыхъ,
Которымъ никогда не измѣню;
Я росъ, но вдругъ почувствовалъ однажды,
Что я одинъ, что духъ мой полонъ жажды.

6.

Увы, любовь—проклятье, злѣйшій врагъ,
Тому, кто все въ одномъ желаетъ встрѣтить!
Я жаждалъ свѣта; тщетно; всюду мракъ,
И только тѣни взоръ мой могъ замѣтить;
Повсюду тьма и холодъ безъ конца,
Одинъ скитался я въ ночи беззвѣздной,
Суровыя и жесткія сердца
Встрѣчалъ я на пути, во мглѣ морозной,
Въ груди былъ ледъ, покуда я, любя,
Не ожилъ подъ лучомъ, узнавъ тебя.

7.

О, Другъ мой, какъ надъ лугомъ омертвѣлымъ,
Ты въ сердцѣ у меня Весну зажгла,
Вся—красота, однимъ движеньемъ смѣлымъ,
Ты, вольная, оковы порвала,
Условности презрѣла ты, и ясно,
Какъ вольный лучъ, прошла межь облаковъ,
Средь дымной мглы, которую напрасно
Рабы сгустили силой рабскихъ словъ,
И, позабывши долгія страданья,
Мой духъ возсталъ для свѣтлаго свиданья!

8.

И вотъ я не одинъ былъ, чтобъ идти
Въ пустыняхъ міра, въ сумракѣ печали,
Хоть замысла высокаго пути
Передо мной, далекіе, лежали.—
Порой терзаетъ добрыхъ Нищета,
Безчестіе смѣется надъ невиннымъ,
Друзья—враги, повсюду темнота,
Толпа грозитъ, но въ сумракѣ пустынномъ
Есть радость—не склоняться предъ Судьбой,
Ту радость мы извѣдали съ тобой!

9.

Веселый часъ намъ шлетъ теперь сіянье,
И съ нимъ друзья спѣшатъ опять придти;
Страданье оставляетъ власть и знанье:
Презрѣньемъ за презрѣнье не плати.
Тобою рождены мнѣ два ребенка,
Отрадно намъ въ ихъ взорахъ видѣть рай.
Ихъ дѣтскій смѣхъ звучать намъ будетъ звонко
Мы счастливы съ тобой въ нашъ ясный Май;
И такъ какъ ты меня приводишь къ Маю,
Тебѣ я эти строки посвящаю.

10.

Быть можетъ, за созвучьемъ этихъ строкъ
Звучнѣй спою другое Пѣснопѣнье?
Иль духъ мой совершенно изнемогъ,
И замолчитъ, ища отдохновенья,—
Хоть онъ хотѣлъ бы властно потрясти
Обычай и насилія Закона,
И Землю къ царству Правды привести,
Священнѣе, чѣмъ лира Амфіона?
Надѣяться-ль, что буду сильнымъ вновь,
Иль Смерть меня погубитъ и Любовь?

11.

А ты? Что́ ты? Я знаю, но не смѣю
Сказать. Пусть это скажетъ голосъ дней.
Но блѣдностью чрезмѣрною твоею,
Задумчивостью свѣтлою своей,
Нѣжнѣйшими улыбками, слезами,
Пророческій ты воплощаешь сонъ,
И этимъ всѣмъ, и кроткими словами
Мой страхъ, завѣтный страхъ мой покоренъ:
Въ твоихъ глазахъ, въ твоей душѣ нетлѣнной,
Огонь весталки вижу я безсмѣнный.

12.

Мнѣ говорятъ, что ты была нѣжна
Отъ самаго рожденія,—о, Чадо
Родителей блестящихъ.—Да, Одна,
Чья жизнь была какъ звѣздный ликъ для взгляда,
Тебя одѣла ясностью своей
И отъ земли ушла; но въ дымѣ бури
Ты все хранишь сіянье тѣхъ лучей,
Твои глаза таятъ всю глубь лазури;
И именемъ безсмертнымъ твой Отецъ
Тебѣ даетъ пріютъ и въ немъ вѣнецъ.

13.

Единый зовъ изъ многихъ душъ могучихъ
Возсталъ, какъ громкій гулъ трехъ тысячъ лѣтъ;
И шумный міръ молчалъ. Въ пескахъ сыпучихъ,
Въ пустынѣ, пѣснь о дняхъ, которыхъ нѣтъ,
Такъ внемлетъ путникъ. Вздрогнули тираны,
Затрепетали блѣдные ханжи,
Насиліе, заботы, и обманы,
И чада Суевѣрія и Лжи
Оставили сердца людей на время,
Зловѣщее свое убрали бремя.

14.

Безсмертный голосъ правды межь людей
Живетъ и медлитъ! Если безъ отвѣта
Останется мой крикъ, и надъ моей
Любовью къ людямъ, и надъ жаждой свѣта
Глумиться станетъ бѣшенство слѣпыхъ,
О, другъ мой, ты и я, мы можемъ ясно,
Какъ двѣ звѣзды межь облаковъ густыхъ,
Въ ночи мірской свѣтиться полновластно,
Надъ гибнущими въ морѣ, много лѣтъ,
Мы будемъ сохранять свой ровный свѣтъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1.

Когда, какъ краткій блескъ непрочной славы,
Во Франціи послѣдній сонъ увялъ,
Отъ темныхъ сновъ, исполненныхъ отравы,
Я всталъ и поднялся къ вершинѣ скалъ,
На мысъ, что надъ пещерами вздымался,
Вокругъ которыхъ пѣлъ сѣдой прибой;
Разсвѣтъ вкругъ каждой тучки занимался,
Горѣлъ въ волнахъ, въ пустынѣ голубой:—
Но вдругъ Земля шатнулась въ основаньи,
Какъ бы въ своемъ предсмертномъ содроганьи.

2.

Внезапно прошумѣлъ ворчащій громъ,
Въ раскатахъ онъ прошелъ надъ глубиною,
Съ поспѣшностью, вверху, внизу, кругомъ,
Туманы разростались пеленою,
Они ползли и, сумрачно сплетясь,
Укрыли тѣнью солнце молодое:—
Не слышалось ни звука; свѣтъ погасъ;
Застыло все въ чудовищномъ покоѣ,
Лѣса и воды; и густая мгла
Темнѣй, чѣмъ ночь, страшнѣй, чѣмъ ночь, была.

3.

Чу, это вѣтеръ мчится надъ Землею
И океанъ мететъ. Вотъ, глубь Небесъ
Разъята вспышкой молній; дальней мглою
Ниспосланъ дождь изъ облачныхъ завѣсъ,
И вѣтеръ хлещетъ зыбь, она блистаетъ;
И все,—бурунъ, и молнія, и градъ,—
Въ водоворотъ единый наростаетъ.
Мигъ тишины.—Изъ тьмы пещеръ глядятъ
Морскія птицы: что̀ за тишь настала,
И что̀ это на Небѣ возблистало?

4.

Тамъ, гдѣ вверху была разъята мгла
Дыханіемъ неудержимой бури,
Межъ бѣлыхъ облачковъ, нѣжна, свѣтла,
Предстала глубь ликующей лазури,
Подъ тѣмъ просвѣтомъ просіялъ туманъ,
Все замерло, какъ бы подъ властью чуда,
И призрачно-зеленый Океанъ
Въ себѣ качалъ оттѣнки изумруда;
Лишь тамъ вверху несчетность облаковъ
Неслась быстрѣй оборванныхъ листовъ.

5.

Росла война межъ ярой силой бури
И грудой тучъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ росла
Блистательность проглянувшей лазури;
Громада облаковъ, тѣсна, бѣла,
Недвижной оставалась въ отдаленьи;
Межъ тѣмъ воздушно-блѣдный серпъ луны
Всходилъ въ неспѣшномъ царственномъ движеньи,
Свѣтясь съ недостижимой вышины;
Надъ нимъ туманы таяли, какъ таетъ
Подъ солнцемъ снѣгъ, и въ таяньи блистаетъ.

6.

Я не глядѣть не могъ; въ лунѣ, во всемъ,
Какое-то очарованье было,
Я грезилъ, и не знаю самъ, о чемъ,
Чего-то ждалъ:—вдругъ взоръ мой поразило,
Что въ небѣ синемъ, въ бѣлизнѣ луны
Возникла тѣнь, пятно, какъ бы видѣнье,
Оно росло въ провалахъ вышины,
Неслось ко мнѣ изъ бездны отдаленья;
Такъ въ морѣ, парусами шевеля,
Подъ солнцемъ мчится призракъ корабля.

7.

Да, какъ ладья, въ разсѣлинѣ скалистой,
Несется по теченью, и рѣка,
Набравшись новыхъ силъ въ тѣснинѣ мглистой,
Качаетъ легкій обликъ челнока,
И весла мчатъ его надъ пѣной бѣлой,—
Такъ на вѣтрахъ, въ лазури, предо мной,
Крылатый Призракъ мчался, онѣмѣлый,
Какъ будто опьяненный вышиной,
И гналъ его порывъ грозы могучій,
И молніи за нимъ рвались изъ тучи.

8.

Какъ бѣшено, какъ быстро, какъ легко
Чудовищное мчалося видѣнье!
Я въ воздухѣ увидѣлъ, высоко,
Орла и съ нимъ Змѣю, одно сплетенье:—
Они боролись, и предъ той скалой,
Гдѣ я стоялъ, Орелъ, раскинувъ крылья,
Замедлилъ, съ многоцвѣтною Змѣей,
Какъ бы изнемогая отъ усилья,
И такъ повисъ, какъ будто бы безъ силъ,
И воздухъ дикимъ крикомъ огласилъ.

9.

Стрѣлою, лучъ, изъ дальнихъ тучъ излитый,
Коснулся крылъ, сіяніе струя,
Змѣя и Птица вмѣстѣ были свиты,
Сверкнула какъ кольчуга чешуя;
Горя какъ драгоцѣнные каменья,
Сквозь перья золотыя, тамъ и здѣсь,
Просвѣчивали искристыя звенья,
И вздутый узелъ былъ блестящимъ весь.
И шею отклонивъ, и вынувъ жало,
Змѣя свой взоръ въ орлиный взоръ вперяла.

10.

Кругомъ, кругомъ,—срываясь и кружась,—
Орелъ леталъ съ неудержимымъ крикомъ,
Порой высоко въ Небо уносясь,
Почти скрываясь тамъ, въ порывѣ дикомъ,
Порою, какъ бы выбившись изъ силъ,
Онъ падалъ съ громкимъ воплемъ надъ волнами,
Змѣю до самой влаги доносилъ,
Ее терзая клювомъ и когтями;
Змѣя къ Орлу не уставала льнуть,
Ища—его смертельно ранить въ грудь.

11.

Какая жизнь, какая сила въ смѣнѣ
Удачи этихъ сказочныхъ враговъ!
Отъ схватки паръ, подобный легкой пѣнѣ,
Повисъ вкругъ нихъ въ дыханіи вѣтровъ;
Летали перья, въ воздухѣ, далеко,
Блестѣла подъ когтями чешуя,
Орлиное свѣтло горѣло око,
Во мглѣ мерцая, искрилась Змѣя;
И гдѣ они летѣли надъ волною,
Виднѣлась кровь надъ пѣнной глубиною.

12.

Какимъ борьба закончится концомъ?
Свирѣпый бой, и каждый ровно бьется;
Порою, брилліантовымъ кольцомъ
Змѣя вкругъ вражьей шеи обовьется,
Тогда Орелъ, сдержавши свой полетъ,
Съ своимъ врагомъ почти уже не споря,
Съ высотъ до пѣнной зыби упадетъ,
И чуть не мочитъ крылъ во влагѣ моря.
И у Змѣи, въ приливѣ торжества,
Вздутъ гребень и подъята голова.

13.

Порою, удушающія звенья
Змѣя разъять готова, чтобъ хлестать,
Всей силой искривленнаго движенья,
Морскую, вѣтромъ схваченную, гладь;
Чтобы порвать тяжелыя оковы,
Всей шеей мускулистой, взмахомъ крылъ,
Орелъ, изнеможенный и суровый,
Не разъ напрягъ остатокъ гордыхъ силъ,
И, мнилось, вольный, онъ среди тумана
Взлетитъ, какъ дымъ изъ жаркаго вулкана.

14.

Такъ длился перемѣнчивый тотъ бой,
На хитрость—хитрость, и на силу—сила;
Но та борьба конецъ имѣла свой:
Лампада дня почти ужь погасила
Свой яркій свѣтъ,—какъ мощная Змѣя
Повисла высоко, изнемогая,
Потомъ упала, еле жизнь тая,
И влага приняла ее морская,
Орелъ вскричалъ, крылами шелестя,
И вѣтеръ прочь отнесъ его, свистя.

15.

И вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпость дикой бури
Окончилась, заискрился просторъ
Земли и Океана и Лазури,
И только съ удивленьемъ видѣлъ взоръ,
Какъ, точно горы, трепетали волны,
Надъ солнцемъ, снизошедшимъ съ вышины;
Ихъ гулъ врывался въ тишь и въ миръ безмолвный.
Съ высотъ спустясь, дошелъ я до волны,—
Былъ ясенъ вечеръ, воды моря пѣли,
И спали, какъ ребенокъ въ колыбели.

16.

Тамъ, на прибрежьи, Женщина была,
Она внизу сидѣла, подъ скалами,
Прекрасная, какъ утренняя мгла,
И какъ цвѣтокъ, расцвѣтшій надъ снѣгами;
Прижавши руки нѣжныя къ груди,
Она глядѣла пристально на волны;
Съ волосъ завязка спала; впереди
Просторъ Небесъ раскинулся безмолвный;
А гдѣ волна ложилась на песокъ,
Дрожалъ красивый маленькій челнокъ.

17.

Казалось, это нѣжное Видѣнье
Слѣдило за причудливой борьбой;
Теперь въ глазахъ виднѣлось утомленье,
Для нихъ былъ слишкомъ силенъ свѣтъ дневной,
Въ нихъ слезы трепетали молчаливо,
И на песокъ сверкающій смотря,
Гдѣ въ кружевѣ шуршащаго прилива
Свѣтилася вечерняя заря,
Она стонала, блѣдная отъ горя,
И съ каждымъ стономъ взоръ бросала въ море.

18.

Когда-жь Змѣя упала съ высоты,
У ней, блѣднѣя, губы задрожали,
И дрогнули въ ея лицѣ черты,
Но, не издавъ ни возгласа печали,
Она привстала съ мѣста въ тотъ же мигъ,
Въ вѣтрахъ ея одежды развѣвались,
И бросила она свой звонкій крикъ,
На голосъ тотъ пещеры отозвались,
И серебро тѣхъ звуковъ разлилось,
Какъ пряди тѣневыхъ ея волосъ.

19.

Напѣвность этой рѣчи, полной странныхъ
Нездѣшнихъ чаръ, я слушалъ вновь и вновь.
Въ созвучіяхъ, и нѣжныхъ, и нежданныхъ,
Я чувствовалъ—лишь я одинъ—любовь.
Но для Змѣи тѣ сладостные звуки
Понятной были рѣчью и родной;
Она уже не билась, въ дикой мукѣ,
Средь пѣны, надъ зеленою волной,
А медлила среди тѣней прибрежныхъ.
У ногъ ея, воздушно-бѣлоснѣжныхъ.

20.

И Женщина вновь сѣла на пескѣ,
Заплакала опять, скрестила руки,
И въ непостижной сказочной тоскѣ
Согласные опять запѣли звуки;
Прекрасную она открыла грудь,
И къ мрамору, съ воздушной бѣлизною,
Сверкнувши, поспѣшила тѣнь прильнуть,
Рожденная зеленою волною:—
Она къ себѣ Змѣю изъ водъ звала,
И на груди ея Змѣя легла.

21.

Тогда она, вставая, съ грустью ясной,
Глазами улыбнулась нѣжно мнѣ,
Какъ та звѣзда, что свѣтъ вечерне-красный
Своимъ пронзаетъ свѣтомъ въ вышинѣ,
И молвила: «Печалиться—разумно,
Но безнадежность, что тебя сюда
Къ пучинѣ водъ приводитъ многошумной,
Напрасна: ты поймешь меня, когда
Дерзнешь, со мной и съ этою Змѣею,
Пуститься въ странный путь надъ глубиною.»

22.

Тотъ возгласъ былъ какъ самый грустный зовъ,
Какъ голосъ позабытый, но любимый.
Я плакалъ. Неужели въ зыбь валовъ,
Она одна, надъ бездной нелюдимой,
Со страшною Змѣею въ путь пойдетъ?
Змѣя у ней надъ сердцемъ, и, быть можетъ,
Чтобы добычу съѣсть, лишь мига ждетъ?
Такъ думалъ я. Кто ей въ бѣдѣ поможетъ?
Тутъ всталъ приливъ, качнула мощь волны
Челнокъ, что былъ какъ будто тѣнь луны.

23.

Челнокъ—мечта! Узорчато-воздушный,
Изъ луннаго былъ камня изсѣченъ
Передъ его; и вѣтерокъ послушный
Какъ будто сходствомъ съ тканью былъ плѣненъ,
Тотъ вѣтерокъ, котораго не слышитъ,
Не чувствуетъ никто, но по волнѣ
Который мчитъ, когда чуть внятно дышетъ.
Вотъ мы въ ладьѣ, довѣрясь глубинѣ;
Безмѣрное туманное пространство
Одѣлось въ многозвѣздное убранство.

24.

И Женщина разсказывала мнѣ
Пугающій разсказъ, пока мы плыли;
Кто сонъ такой увидитъ, тотъ во снѣ
Блѣднѣетъ! Но не сна, а странной были
То вѣсть была. Насталъ полночный часъ,
Безбрежнымъ Океанъ шумѣлъ потокомъ,
И мнѣ въ глаза блеснувъ сіяньемъ глазъ,
Она о чемъ-то страшномъ и высокомъ
Вѣщала, и, еще не слыша словъ,
Ужь былъ я полонъ музыки и сновъ.

25.

«Не говори, моимъ словамъ внимая,
Скажу я много повѣстью моей,
Но большее живетъ, свой ликъ скрывая
Въ туманной урнѣ—къ намъ грядущихъ—Дней.
Узнай же: глубина временъ безвѣстныхъ
Надъ смертными двѣ Власти вознесла,
Двухъ Геніевъ безсмертныхъ, повсемѣстныхъ,—
Двумъ Духамъ равнымъ въ царство міръ дала;
Когда возникли жизнь и мысль, въ ихъ знoѣ
Ничто родило ихъ, Ничто пустое.

26.

«Надъ хаосомъ, у грани, въ этотъ мигъ,
Стоялъ одинъ первѣйшій житель міра;
Двухъ метеоровъ бурный споръ возникъ
Предъ нимъ, надъ бездной, въ пропастяхъ эѳира;
Боролась съ Предразсвѣтною Звѣздой
Кровавая огнистая Комета,
И, весь дрожа взволнованной душой,
Слѣдилъ онъ за борeніемъ ихъ свѣта,
Вдругъ ликъ Звѣзды въ потокъ былъ устремленъ,
И тотчасъ же кровь брата пролилъ онъ.

27.

«Такъ зло возликовало; многоликій,
Многоименный, мощный Геній зла
Взялъ верхъ; непостижимо-сложный, дикій,
Царилъ надъ міромъ: всюду встала мгла:
Людей вчера родившееся племя
Скиталось, проклиная боль и мракъ,
И ненависти волочило бремя,
Хуля добро,—а зла безсмертный врагъ
Изъ звѣзднаго Змѣей сталъ нелюдимой,
Съ звѣрями и съ людьми непримиримой.

28.

«Тотъ мракъ, что надъ зарею всѣхъ вещей
Возсталъ, для Зла былъ жизнью и дыханьемъ;
Высоко, между облачныхъ зыбей,
Оно взлетѣло тѣневымъ созданьемъ;
А Духъ Добра великій ползать сталъ
Среди людей, вездѣ встрѣчалъ проклятья,
Никто добра отъ зла не отличалъ,
Хоть клички ихъ вошли во всѣ понятья,
И значились на капищѣ, гдѣ злой
Свирѣпый Демонъ властвовалъ толпой.

29.

«Неукротимый Духъ терзаній разныхъ,
Чье имя—легіонъ: Смерть, Мракъ, Зима,
Нужда, Землетрясенье, бичъ заразныхъ
Болѣзней, Помѣшательство, Чума,
Крылатые и блѣдные недуги,
Змѣя въ цвѣтахъ, губительный самумъ,
И то, что поощряетъ ихъ услуги,—
Страхъ, Ненависть, и Суевѣрный Умъ,
И Тираннія, тонкой паутиной,
И жизнь и смерть сплетаютъ въ адъ единый.

30.

«Онъ въ нихъ вошелъ, какъ мощь ихъ мрачныхъ силъ,
Они—его и слуги, и предтечи,
Во всемъ, отъ колыбели до могилъ,
Въ лучахъ, въ вѣтрахъ, и въ помыслахъ, и въ рѣчи,
Незримые; лишь иногда Кошмаръ
Ихъ въ зеркалѣ эбеновомъ вздымаетъ,
Предъ деспотомъ, какъ духовъ темныхъ чаръ,
И каждый—образъ черный принимаетъ,
И сонмы бѣдъ они свершить спѣшатъ,
На время покидая нижній адъ.

31.

«На утрѣ міра, власть его слѣпая
Была какъ этотъ самый міръ тверда;
Но Духъ Добра, пучину покидая,
Змѣею всталъ, отпрянула вода,
Безформенная бездна отступила,
И съ Духомъ крови снова страшный бой
Возникъ, въ сердцахъ людей проснулась сила,
Надежды лучъ зажегся надъ толпой,
И Ужасъ, демонъ блѣдный и лукавый,
Покинулъ, вздрогнувъ, свой алтарь кровавый.

32.

«Тогда возникла Греція, чей свѣтъ
Возславленъ мудрецами и пѣвцами;
Имъ, спавшимъ въ долгой тьмѣ несчетныхъ лѣтъ,
Во снѣ являлись Геніи, съ крылами
Воздушно-золотыми,—и огнемъ,
Зажженнымъ, о, святая Власть, тобою,
Сердца ихъ наполнялись яркимъ днемъ;
Позднѣй, когда твой врагъ подъятъ былъ тьмою,
Надъ схваткою—ихъ свѣтъ благой свѣтилъ,
Какъ свѣтитъ Рай надъ сумракомъ могилъ.

33.

«Таковъ тотъ бой:—когда, на гнетъ возставши,
Съ тиранами толпа ведетъ борьбу,—
Когда, какъ пламя молній заблиставши,
Умы людей на судъ зовутъ судьбу,—
Когда отродій гидры суевѣрья
Тѣснятъ сердца, уставшія отъ лжи,—
Когда свой страхъ, въ улыбкѣ лицемѣрья,
Скрываютъ притѣснители-ханжи—
Змѣя съ Орломъ тогда во мглѣ эѳира
Встрѣчается—дрожатъ основы міра!

34.

«Ты видѣлъ эту схватку,—но, когда
Домой вернешься ты, пусть въ сердцѣ рана
Закроется, хоть велика бѣда;
Міръ, скажутъ, сталъ добычею тирана,
И онъ его пособникамъ своимъ
Въ награду хочетъ дать, дѣля на доли.—
Не бойся. Врагъ, чьимъ духомъ міръ гонимъ,
Когда-то всепобѣдный богъ неволи,
Теперь дрожитъ, схватился за вѣнецъ,
И видитъ, что идетъ къ нему конецъ.

35.

«Вниманье, странникъ. Я какъ ты—земная,
Коснись меня—не бойся—я не духъ!
Моя рука тепла, въ ней кровь людская,
Но рѣчью зачарую я твой слухъ.—
Ужь много лѣтъ тому, какъ я впервые
Возжаждала тоскующей душой
Проникнуть мыслью въ тайны міровыя,
И дрогнула надъ мукою чужой,
И мысль моя, надъ сномъ ребенка нѣжнымъ,
Была полна томленіемъ безбрежнымъ.

36.

«Вдали отъ всѣхъ людей, съ своей мечтой,
У моря, глубоко въ долинѣ горной,
Я вольной и счастливой сиротой
Жила одна; кругомъ былъ лѣсъ узорный;
Въ грозу, во тьмѣ, блуждала въ чащѣ я,
Спокойная, когда гремѣли бури;
Но въ часъ, когда, въ усладѣ бытія,
Какъ будто былъ лучистый смѣхъ въ лазури,
Я плакала, въ восторгъ впадая вдругъ,
И трепетали пальцы сжатыхъ рукъ.

37.

«Предвѣстія моей судьбы—такія:
Предъ тѣмъ какъ сердце женщины въ груди
У дѣвушки забилось, неземныя
Оно вкусило знанья. Впереди
Просвѣтъ возникъ въ мечтаніяхъ. Съ кудрями
Сѣдыми, блѣдный юноша-поэтъ
Предъ смертью книги далъ мнѣ, и рѣчами
Безумными въ душѣ зажегъ онъ свѣтъ,
И, гость случайный, онъ во мнѣ оставилъ
Какъ будто вихрь стремленій, думъ и правилъ.

38.

Такъ я узнала повѣсть скорбныхъ дней,
Которую исторія вѣщаетъ,
Узнала, но не какъ толпа людей,
Изъ нихъ никто надъ нею не рыдаетъ;
Предъ Мудростью порвалась туча,—мгла
Скрывающая смертныя мученья;
Немногимъ вѣдомъ ликъ добра и зла,
Но я любила все огнемъ влеченья;
Когда же ключъ Надежды заблисталъ
Въ людскихъ умахъ,—мой духъ затрепеталъ.

39.

«Въ моей крови огонь зажегся новый,
Когда возстала Франція въ пыли,
Чтобы порвать тяжелыя оковы,
Сковавшія народы всей Земли;
Я вскрикнула въ восторгѣ безграничномъ,
Отъ своего вскочивши очага,
И крикомъ, какъ напѣвомъ гармоничнымъ,
Будила тучи, волны, и луга,
Они смѣялись всею силой свѣта;
Томленіемъ смѣнилась радость эта.

40.

«Безуміе напало на меня,
Грусть нѣжная и сонъ непобѣдимый:—
Мои видѣнья были изъ огня,
И сонмъ тѣней, сквозь мозгъ огнемъ гонимый,
Промчался, буря страсти пронеслась,
И глубь души спокойной стала снова,
Нѣжнѣй въ ней стала тьма, любовь зажглась,
Любила я—кого-то неземного!
Въ свое окно я глянула тогда,
Свѣтилась Предразсвѣтная Звѣзда.

41.

«Казалось мнѣ, что чей-то взоръ лучистый
Мнѣ свѣтитъ,—я глядѣла на нее,
Пока она не скрылась въ безднѣ мглистой
Средь волнъ, простершихъ царствіе свое;
Но духъ мой, воплотивъ весь міръ безбрежный
Въ одной мечтѣ, впилъ яркую любовь
Изъ тѣхъ лучей, и этотъ образъ нѣжный—
Единый образъ—свѣтитъ вновь и вновь!
Какъ пышный день средь облачнаго дыма,
Въ моемъ умѣ Звѣзда неугасима.

42.

«Такъ день прошелъ; а въ ночь приснился мнѣ
Какой-то призракъ сказочно-прекрасный,
Онъ былъ какъ свѣтъ, что дышетъ въ вышинѣ,
На тучахъ золотыхъ, въ лазури ясной;
Съ Предутренней Звѣздою на челѣ,
Онъ юношей крылатымъ мнѣ явился,
Возникъ онъ опьяненьемъ въ сладкой мглѣ,
И такъ дышалъ, такъ близко наклонился,
Взглянулъ, къ губамъ прильнулъ, красивъ и смѣлъ,
И долгій поцѣлуй напечатлѣлъ.

43.

«И молвилъ: «Любитъ Духъ тебя, о, дѣва,
Какъ, смертная, достойна будешь ты?»
Восторгъ и сонъ исчезли—какъ отъ гнѣва,
Я грустныя лелѣяла мечты,
И къ берегу пошла, но, возростая,
Иной восторгъ возникъ, и мнѣ свѣтилъ,
Онъ путь мой, точно въ чемъ-то убѣждая,
Отъ берега морского отвратилъ;
Казалось, голосъ Духа въ сердцѣ страстномъ
Шепталъ, маня идти путемъ неяснымъ.

44.

«Какъ въ городъ многолюдный я пришла,
Который полемъ былъ для битвъ священныхъ,—
Какъ средь живыхъ и мертвыхъ я была
Межь злыхъ людей, межь раненыхъ и плѣнныхъ,—
Какъ я была за истину борцомъ
И ангеломъ въ пещерѣ у дракона,—
Какъ смѣло, не заботясь ни о чемъ,
Я шла на смерть, не издавая стона,—
И какъ вернулась я, когда погасъ
Надежды лучъ,—то горестный разсказъ.

45.

«Молчу. Скрываю слезъ порывъ безплодный.
Когда немного легче было мнѣ,
Не стала я, какъ большинство, холодной;
Тотъ Духъ, что я любила въ тишинѣ,
Поддерживалъ меня; въ молчаньи ночи,
Въ волнахъ, въ объятыхъ бурею лѣсахъ,
Я чувствовала любящія очи,
И нѣжный зовъ; когда же въ Небесахъ
Просторъ сіяньемъ звѣзднымъ зажигался,
Я знала, это онъ свѣтло смѣялся.

46.

Въ пустынныхъ долахъ, возлѣ мощныхъ рѣкъ,
Во тьмѣ ночей безлунныхъ я узнала
Восторги, незабвенные вовѣкъ,
Всѣхъ словъ людскихъ, чтобъ ихъ повѣдать, мало;
Чуть вспомню, и блѣднѣю:—скорбный крикъ,
Чрезъ годы, разлучилъ меня со снами;
На мнѣ покровъ таинственный возникъ,
Незримыми онъ брошенъ былъ руками;
И ярко предо мной зажглась Звѣзда—
Змѣя съ своимъ врагомъ сошлась тогда.»

47.

«Ты значитъ съ ней слилась однимъ стремленьемъ?
Тебѣ Змѣя», спросилъ я, «не страшна?»
«Страшна?» она вскричала съ изумленьемъ,
И смолкла. Воцарилась тишина.
Я глянулъ. Мы неслись въ пустынѣ міра,
Какъ облако межь небомъ и волной;
Цѣпь снѣжныхъ горъ, какъ будто изъ сафира,
Вздымалась тамъ, далеко, подъ луной,
Весь горизонтъ обнявъ своей каймою;
Мы плыли къ нимъ теперь надъ глубиною.

48.

Отъ быстроты въ безпамятство тогда
Я впалъ; проснулся—музыкой разбуженъ:
Мы океанъ проплыли, что всегда
Вкругъ полюса шумитъ, и съ вѣтромъ друженъ,—
Природы отдаленнѣйшій предѣлъ.
Мы плыли по равнинѣ водъ лазурной,
Оплотъ эѳирныхъ горъ кругомъ блестѣлъ,
Въ срединѣ Храмъ стоялъ, въ тиши безбурной,
Грядою изумрудныхъ острововъ
Окутанъ въ зыбкой мглѣ морскихъ валовъ.

49.

Еще ни разу смертною рукою
Такой не воздвигался дивный Храмъ,
Взлелѣянъ не былъ грезою людскою;
Онъ былъ во всемъ подобенъ Небесамъ,
Когда по зыби западнаго ската
Еще плыветъ пурпуровый потокъ,
И мѣсяцъ между свѣтлыхъ тучъ заката
Готовъ поднять серебряный свой рогъ,
И звѣзды, обольстительно-безмолвны,
Глядятъ съ небесъ на мраморныя волны.

50.

Лишь Геній, устремляя свѣтлый взоръ
На свой очагъ, среди пустынь Вселенной,
Увидѣть могъ огромный тотъ соборъ,
Въ мечтѣ, въ глубинахъ мысли сокровенной.
Но ни ваянье, ни могучій стихъ,
Ни живопись, не въ силахъ смертнымъ чувствамъ
Понятье дать о тайнахъ мировыхъ,
Что неземнымъ сокрыты здѣсь искусствомъ:—
Такъ этотъ непостижно-сложный видъ
Стѣсняетъ грудь и разумъ тяготитъ.

51.

Межь островковъ зеленыхъ проскользая,
Изъ чьихъ лѣсовъ глядѣли вглубь цвѣты,
Ладья пристала къ лѣстницѣ. Мелькая,
Ступени нисходили съ высоты
До самыхъ волнъ; въ воздушную громаду
Черезъ высокій мы прошли порталъ,
Сводъ входа,—радость жаждущему взгляду,—
Изъ луннаго былъ камня и блисталъ
На изваянья, вставшія предъ нами,
Какъ жизнь, какъ мысль, съ глубокими глазами.

52.

Мы въ залъ вошли; высокій потолокъ,
Изъ бриліанта, весь былъ озаренный,
Но глазъ глядѣть безъ напряженья могъ,
Блескъ этихъ молній нѣгой жилъ смягченной,—
Какъ будто въ сводѣ—тучъ была волна,
И въ этой мягкой мглѣ, плѣняя взоры,
Виднѣлся въ кругѣ кругъ, съ луной луна,
Созвѣздія, планеты, метеоры,—
На черныя колонны опершись,
Какъ будто небосводъ спускался внизъ!

53.

Далеко лабиринтные придѣлы
Шли между этихъ призрачныхъ колоннъ,
Въ своихъ извивахъ радостны и смѣлы,—
И Храмъ былъ весь, какъ Небо, озаренъ;
На яшмовыхъ стѣнахъ блистали нѣжно
Картины, зачаровывая глазъ,
Въ нихъ повѣсть Духа зыблилась безбрежно,
Божественный и пламенный разсказъ;
То Геніи, въ своей крылатой пляскѣ,
Сплели стихійно ткань волшебной сказки.

54.

Великіе, что были межъ людей,
Сидѣли на престолахъ изъ сафира
Внизу; Совѣтъ могучій:—снѣгъ кудрей
У нихъ свѣтился кротко нѣгой мира;
И женщины, въ чьихъ жестахъ умъ дышалъ,
И юноши горячіе, и дѣти;
У нѣкоторыхъ лиры, лучъ блисталъ
На тѣхъ струнахъ, мерцавшихъ въ мягкомъ свѣтѣ;
И въ воздухѣ хрустальномъ тихій звонъ
Былъ каждый мигъ мерцаньемъ струнъ рожденъ.

55.

Одно сидѣнье было тамъ пустое;
На пирамидѣ, точно изъ огня,
Въ изваянномъ оно свѣтилось знoѣ;
Чуть Женщина вошла въ тотъ залъ,—стеня,
Назвавши Духа, вдругъ она упала,
И медленно сокрылася изъ глазъ.
И мракъ на мѣстѣ томъ возникъ средь зала,
Онъ занялъ все, и слитный свѣтъ погасъ,
Тотъ мракъ ушелъ къ краямъ и къ средоточью,
И Храмъ былъ скрытъ непостижимой ночью.

56.

Тогда на аметистовомъ полу
Два огонька зажглись; кружась, мерцая,
Змѣиные глаза пронзали мглу;
Какъ метеоръ—надъ рѣчкой пробѣгая,
Все шли кругомъ, кругомъ, и все росли,
Потомъ слились, блеснули какъ планета,
И облако нависшее зажгли
Сіяньемъ побѣдительнаго свѣта,
Пронзили тѣнь, которой былъ смущенъ
Возникшій на огнѣ хрустальный тронъ.

57.

Подъ тучею, тѣмъ свѣтомъ раздѣленной,
Сидѣлъ Безвѣстный; нѣтъ, ни сномъ мечты,
Ни мыслями, ни рѣчью изступленной
Не разскажу его я красоты;
Воздушной теплотой очарованья,
Какъ розоватой нѣжностью огня,
Онъ оживлялъ и Храмъ, и изваянья,
И всѣхъ сидѣвшихъ въ Храмѣ, и меня;
Онъ пышенъ былъ, но кротокъ, какъ мечтанье,
Спокоенъ, но исполненъ состраданья.

58.

На мигъ въ моихъ глазахъ померкнулъ свѣтъ,
Настолько былъ я полонъ изумленья,
Но кто-то мнѣ, какъ бы тая привѣтъ,
Далъ руку, и сверкнулъ какъ утѣшенье
Взглядъ синихъ глазъ—и кто-то мнѣ сказалъ:
«Сегодня только слушай, будь безгласнымъ.
Въ мірскомъ бурунѣ смолкъ гремучій валъ,
Два мощныхъ Духа къ намъ предвѣстьемъ яснымъ
Явились, чтобъ открыть Надежды рай.
Людская власть сильна. Учись, внимай!»

59.

Я посмотрѣлъ, и вотъ! передо мною
Стоялъ Одинъ; глубокъ былъ темный взоръ,
Чело сіяло, какъ горятъ весною
И Небо, и Земля, и выси горъ,
Движенія его въ отвѣтъ слагались
Его проникновенному уму,
Черты подъ властью мысли озарялись,
Владыкѣ повинуясь своему,
Изъ устъ полураскрытыхъ, съ силой жгучей,
Лилася рѣчь, какъ нѣкій ключъ кипучій.

60.

Такъ въ темнотѣ распущенныхъ кудрей
Стоялъ онъ тѣнью свѣтлою, а рядомъ
Другая тѣнь была, свѣтлѣй, нѣжнѣй;
Взявъ за руку его, лучистымъ взглядомъ
Она сливалась съ нимъ; но этихъ глазъ
Никто другой не видѣлъ; подъ покровомъ
Вся красота ея, едва свѣтясь,
Манила взоръ очарованьемъ новымъ:—
Воспоминанья встали въ немъ волной,
И такъ въ тиши разсказъ онъ началъ свой.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

1.

Улыбки свѣтозарныя ребенка,
Взглядъ женщинъ, грудь, вскормившая меня,
Немолчный звукъ ручьевъ, поющихъ звонко,
Зеленый свѣтъ измѣнчиваго дня,
Глядящаго сквозь виноградъ сплетенный,
Свѣтъ раковинъ морскихъ среди песка,
Цвѣты лѣсные, лучъ лампады сонной,
Среди стропилъ идущій съ потолка,—
Вотъ, въ утро жизни, звуки и видѣнья,
Питавшіе мое воображенье.

2.

Они во мнѣ сложились въ нѣжный свѣтъ,
Тамъ, въ Арголидѣ ласковой, у моря;
Какъ знакъ отъ тѣхъ, которыхъ больше нѣтъ,
Я помню ихъ;—но вскорѣ, съ ними споря,
Другіе къ нимъ на смѣну подошли,
Міръ прошлаго, тѣ мысли и дѣянья,
Что временемъ быть стерты не могли,
И темныя старинныя преданья,

Откуда, суевѣрьямъ давъ ростокъ,
Въ умы течетъ отравленный потокъ.

3.

Я слушалъ, какъ и всѣ, легенду жизни,
И плакалъ съ огорченіемъ надъ ней.
Среди кого я былъ въ моей отчизнѣ?
Историки ея постыдныхъ дней,
Разсказчики надеждъ и опасенья,
Рабы и слуги Гнета грубыхъ силъ,
Что въ лѣтопись тоски и униженья
Страницу ежедневно заносилъ,
Рабы того, кто гналъ ихъ, ненавидѣлъ,—
Такія тѣни въ юности я видѣлъ.

4.

Въ моей странѣ, какъ дикая чума,
Власть деспотовъ свирѣпая царила.
Въ конюшни обратилися дома,
Для вольныхъ мыслей каждый домъ—могила.
Убивши стыдъ въ разнузданныхъ сердцахъ,
Съ тираномъ рабъ въ Безпутствѣ состязался,
Смѣшались вожделѣніе и страхъ,
И дружескій союзъ образовался;
Такъ двѣ змѣи, въ пыли сплетясь, глядятъ,
И путникамъ уготовляютъ ядъ.

5.

Земля, пріютъ нашъ свѣтлый, волны, горы,
Воздушныя видѣнья, что висятъ
Въ лазури, для Земли плетя узоры,
Ничей не зачаровывали взглядъ,
Никто не видѣлъ тучекъ, порожденья
Морей и Солнца, нѣжно не слѣдилъ

Воздушныхъ красокъ мягкое сплетенье;
Въ сердцахъ у всѣхъ былъ душный мракъ могилъ;
Лучи стремятъ блистательныя стрѣлы,
Но видятъ ихъ лишь тѣ, что духомъ смѣлы.

6.

Пріютъ счастливыхъ духовъ, міръ живой,
Для всѣхъ моихъ былъ мрачною тюрьмою;
Хоть жалкихъ крохъ—искалъ несчастный рой,
Терзаемый бѣдой своей слѣпою,
Но лишь темнѣе находилъ тюрьму,
Еще, другія цѣпи, тяжелѣе;
Провалъ зіялъ, и росъ, идя во тьму,
Предъ взоромъ жадной пропастью чернѣя,
А сзади Страхъ и Время, въ перебой,
Несли корабль съ кричающею толпой.

7.

И создали Бѣда и Преступленье
Изъ океанскихъ выбросковъ свой домъ,
Жилье тревожной мысли; привидѣнья
Туда, сюда, на берегу морскомъ,
Блуждаютъ; и они, тѣней пугаясь,
Шептать молитвы стали; тѣ мольбы,
Изъ устъ въ уста вошли, и, повторяясь,
Вѣщали: жизнь—тюрьма! мы всѣ—рабы!
И этотъ міръ, прекрасный и безбрежный,
Пустыней сталъ, ничтожной, безнадежной!

8.

Въ цѣпяхъ томились всѣ: тиранъ и рабъ,
Душа и тѣло, жертва и мучитель,
Былъ каждый предъ единой Властью слабъ,
Надъ каждымъ былъ незримый притѣснитель;
Свою свободу дьяволу отдавъ,

Кровавые моленія слагая,
Для демонскихъ насмѣшекъ и забавъ
Они бросались въ прахъ, изнемогая,
И паутиной въ капищахъ, кругомъ,
Плелся обманъ, рождаемый умомъ.

9.

Въ узоры жизни я пытливымъ взоромъ
Проникъ, и въ сердцѣ опытъ записалъ;
Но изъ усмѣшекъ тѣхъ, кто жилъ позоромъ,
Изъ блѣдности того, кто голодъ зналъ,
Изъ той тоски, которая терзаетъ
Лишившуюся дѣтской ласки мать,
Изъ сердца, что въ борьбѣ горитъ и таетъ,
Собралъ я много пищи, чтобъ питать
Толпу неукротимую, живую,—
Мои мечты, ихъ силу роковую.

10.

Среди руинъ давно отшедшихъ дней,
Внимая, какъ шумитъ и стонетъ море,
Бродилъ я; первый слабый свѣтъ лучей
Луны всходящей жилъ въ нѣмомъ просторѣ,
Гдѣ между тучъ, одна, плѣняла взоръ
На Сѣверѣ, воздушная планета,
Едва свѣтя на выси темныхъ горъ,—
И сумерками блѣдными одѣта,
Какъ бы росла толпа колоннъ, могилъ,
И вѣтеръ, мчась, въ нихъ вѣчный стонъ будилъ.

11.

Кто создалъ ихъ, невѣдомо мнѣ было,
Что дѣлали они, не вѣдалъ я,
Но раса тѣхъ, въ комъ чувствовалась сила,
Кто былъ не грубымъ въ сказкѣ бытія,

Въ жилищахъ, въ саркофагахъ оставляетъ
Краснорѣчивый, полный тайнъ, языкъ,
И кто пытливъ, его онъ понимаетъ;
Въ лучахъ луны и я въ него проникъ,
Межъ тѣмъ какъ Небо надъ безгласной бездной
Являло мнѣ какъ бы толковникъ звѣздный.

12.

Такимъ былъ человѣкъ, и долженъ вновь
Такимъ быть,—о, мудрѣй, сильнѣй, нѣжнѣе,
Чѣмъ тѣ, что, въ сердцѣ чувствуя любовь,
Тотъ храмъ воздвигли, мощь свою лелѣя!
Я чувствовалъ, какъ водопадъ вѣковъ
Стремилъ мои текучія мечтанья,
И сердце билось,—мнилось, зовъ вѣтровъ
Рождался въ свѣтѣ луннаго сіянья,
И духъ мой, въ блескѣ истины святой,
Летѣлъ впередъ съ надеждой молодой.

13.

О, слишкомъ долго, въ сумракѣ могилы,
Сыны могучихъ предковъ, спали вы!—
У Правды, у Надежды мощны силы,
Проснитесь, встаньте, гордые, какъ львы!
И троны притѣснителей предъ вами,
Услышавши стремительный вашъ бѣгъ,
Падутъ во прахъ, и свѣжими вѣтрами
Тотъ жалкій прахъ разсѣется навѣкъ,
И Идолъ, убѣждавшій васъ къ безсилью,
Развѣется неуловимой пылью!

14.

Такъ быть должно—я встану, подниму
Дремотную толпу,—вулканомъ сѣрнымъ
Гоня снѣга вѣковъ, пронзая тьму,

Она огнемъ зажжется безпримѣрнымъ:
Такъ быть должно, въ томъ разума законъ,
Такъ будетъ!—и во тьмѣ землетрясенья
Кто жь можетъ твердымъ быть, какъ не Лаонъ?
Кто вражеское сдержитъ нападенье?
Въ пустынѣ гордой Вольности, во мглѣ,
Онъ мраморная башня на скалѣ!

15.

Разъ ночью, лѣтомъ, радость той надежды
Лелѣялъ я, среди сѣдыхъ руинъ,
И звѣздныя свѣтло дрожали вѣжды;
Съ тѣхъ поръ всегда, въ толпѣ или одинъ,
Въ видѣньи иль во снѣ, въ сіяньи свѣта
И въ темнотѣ ночной, всегда, вездѣ,
Мнѣ радостно горитъ надежда эта,
Подобная блистательной звѣздѣ,
Гдѣ бъ ни былъ я, она идетъ со мною,
Въ глухихъ горахъ, и надъ морской волною.

16.

Моя душа нашла въ себѣ слова,
Чтобы связать съ собою нѣжнымъ свѣтомъ
Всѣхъ тѣхъ, въ комъ жизнь воистину жива,
Кто обмѣняться могъ со мной привѣтомъ;
И какъ пылаетъ утренній туманъ,
Дождавшись съ солнцемъ столь желанной встрѣчи,
Такъ въ часъ, когда мой духъ былъ осіянъ,
Мои горѣли мысли въ свѣтѣ рѣчи:
И всѣ, къ кому струилъ я блескъ ума,
Свѣтлѣли, и въ сердцахъ рѣдѣла тьма.

17.

И часто думалъ я, что вижу брата,
У многихъ увлажнялся свѣтлый взоръ,

Когда душа другихъ, огнемъ объята,
Въ свои мечты вплетала мой узоръ,
Я чувствовалъ, что рѣчь мою онъ слышитъ,
Вонъ тотъ, и тотъ, и вотъ еще другой,
Я слышалъ, грудь взволнованная дышитъ,
И всѣ мы дѣти матери одной;
И точно,—такъ намъ будни представлялись,—
Мы къ скорби отъ блаженства просыпались.

18.

Да, часто, между тѣмъ какъ вечеръ гасъ,
Близь тѣхъ руинъ, сѣдѣвшихъ надъ волнами,
Лаонъ и другъ его, въ прозрачный часъ,
Мѣнялися высокими словами,
А между тѣмъ, свистя, шумя вокругъ,
Въ пещеры бились бѣшеныя волны;
Увы, невѣрнымъ былъ тотъ лживый другъ,
И умъ его, людскихъ обмановъ полный,
Могъ ложными сіяньями горѣть,
Могъ брату плесть предательскую сѣть.

19.

И я такой постигнутъ былъ тоскою,
Что, если бъ не великій помыслъ мой,
Я ринулся бы къ вѣчному покою,
Я слился бы съ недумающей тьмой;
Безъ ласковой улыбки, безъ привѣта,
Быть одному среди людскихъ пустынь,
Какъ тягостна для сердца пытка эта;
Но я не позабылъ своихъ святынь,
Стараясь разогнать туманъ печали,
Тѣ облака, что мудрость заслоняли.

20.

Съ безсмертными умами, что узоръ
Сіянья оставляютъ за собою,

Моя душа вступила въ разговоръ;
И, усладясь бесѣдою такою,
Я выковалъ оружье мощныхъ словъ,
Чтобъ защищать высокія усилья,
Броней они для яркихъ стали сновъ,
Мечты раскрыли искристыя крылья,
Но юный вѣстникъ истины, Лаонъ,
Былъ не одинъ той правдой осѣненъ.

21.

Сестру любилъ я, съ свѣтлыми глазами,
Подобными огню полярныхъ звѣздъ;
И ни къ кому подъ всѣми Небесами
Моя мечта не бросила бы мостъ;
Я шелъ куда-нибудь, но взоры эти
Меня всегда къ себѣ назадъ влекли;
И вотъ когда все было въ цѣломъ свѣтѣ
Такъ холодно,—когда друзья ушли,
Забывъ о всѣхъ, о, Цитна, лишь съ тобою
Сливался я улыбкой и тоскою.

22.

Чѣмъ ты была въ далекіе тѣ дни?
Ребенкомъ, неземнымъ, совсѣмъ невиннымъ;
Хоть въ помыслахъ уже зажглись огни,
И съ этимъ міромъ, дикимъ и пустыннымъ,
Во внутренній ужь ты вступила бой,
И иногда лучистый блескъ алмаза
Въ твоихъ глазахъ туманился слезой,
Отъ грезы, отъ печальныхъ словъ разсказа,
Или отъ словъ, чья страсть и чей привѣтъ
Въ ихъ глубинѣ зажгли свой бѣглый свѣтъ.

23.

Она была какъ нѣжное видѣнье
На этой утомительной Землѣ,
Въ себѣ самой тая всѣ побужденья,—
Какъ облачко, что утромъ, въ свѣтлой мглѣ,
Блуждаетъ безъ слѣда по безднѣ синей,
И, возростая въ нѣжной красотѣ,
Усладою возникнетъ надъ пустыней;
Свою мечту стремя къ моей мечтѣ,
По зыби жизни, въ часъ отдохновенья,
Шла эта тѣнь безсмертнаго видѣнья.

24.

Она была мнѣ какъ моя же тѣнь,
Другое я, но лучше и нѣжнѣе;
Она зажгла непогасимый день
Среди крутыхъ обрывовъ, гдѣ, чернѣя,
Все темное, людское, въ цѣпь сплелось,
Гдѣ я одинъ во тьмѣ былъ,—и покуда
Лишиться всѣхъ друзей мнѣ не пришлось,
Еще не зналъ я, что такое чудо
Взамѣну той утраты мнѣ дано,
Что сердцу съ сердцемъ слиться суждено.

25.

Цвѣтокъ прелестный, выросшій на камнѣ,
Ребенокъ, жившій лишь двѣнадцать лѣтъ,
И раньше дорога она была мнѣ,
Теперь же въ ней замкнулся цѣлый свѣтъ;
Товарищъ мой единственный, со мною
Она охотно шла впередъ, туда,
Гдѣ Океанъ встрѣчается съ Землею,
Гдѣ въ горы бьетъ вспѣненная вода,
И въ глушь густыхъ вѣтвей, въ лѣсные долы,
Гдѣ ароматъ и гдѣ ручей веселый.

26.

Такъ радостно мы шли, рука съ рукой,
Я счастливъ былъ прикосновеньемъ нѣжнымъ,
И всѣ мѣста, въ странѣ моей родной,
Я обнималъ стремленіемъ безбрежнымъ,
Всѣ памятники прошлыхъ славныхъ дней
Я озиралъ сочувствующимъ взглядомъ,
А Цитна, нѣжный свѣтъ души моей,
Была со мною въ тѣ мгновенья рядомъ,
И взоръ ея какъ будто убѣждалъ,
Чтобъ я душой тѣхъ мѣстъ не покидалъ.

27.

Ни днемъ, ни ночью мы не разлучались,
Насъ только разлучалъ короткій сонъ;
И если волны моря чуть качались,
И воздухъ былъ затишьемъ напоенъ,
У самыхъ волнъ, въ полуденномъ покоѣ,
Она дремала на моихъ рукахъ,
Надъ нами было Небо голубое,
И мысль ея скользила въ разныхъ снахъ,
То въ грусти, то въ лучахъ душа купалась,
И плакала она и улыбалась.

28.

И иногда, въ своемъ воздушномъ снѣ,
«Лаонъ» она шептала, и, вставая,—
Какъ птичка, въ часъ заката, въ тишинѣ,
Внезапнымъ пѣньемъ воздухъ наполняя,
Летитъ,—сестра и спутница моя
Надъ моремъ пѣла свѣтлый гимнъ Свободѣ,
Который, полный страсти, создалъ я,—
И мнилось, все внимало ей въ природѣ;
Какъ нѣжный духъ, въ порывѣ торжества,
Она роняла звонкія слова.

29.

И бѣлыя ея мерцали руки
Сквозь темную волну ея волосъ.
О, какъ впивалъ я сердцемъ эти звуки!
То упованье, что во мнѣ зажглось,
И выразилось въ пѣснѣ этой стройной,
Казалось мнѣ возвышеннымъ, когда
Она, смолкая, дѣлалась спокойной,
И духъ ея скользилъ туда, туда,
Уйдя изъ глазъ глубокихъ въ отдаленье,
На крыльяхъ моего, ея видѣнья.

30.

Предъ тѣмъ какъ Цитнѣ отдалъ я его,
Рой мыслей въ нескончаемой вселенной
Я создалъ изъ стремленья своего,
Чтобъ духъ людской, въ глубокомъ мракѣ плѣнный,
Освободить отъ тягостныхъ цѣпей:—
Подвластными я сдѣлалъ всѣ предметы
Для пѣсни героической моей,
Просторъ морской, и Землю, и планеты,
Судьбу и жизнь, и все, что въ дивный строй
Сливаетъ міръ, встающій предъ душой.

31.

И Цитна поняла порывъ могучій,
Усиливши, взяла его въ себя,
Какъ бѣлизна ростущей въ небѣ тучи
Вбираетъ вѣтеръ, гулъ грозы любя;
Всѣ помыслы мои, предъ тѣмъ какъ свѣтомъ
И музыкой зажглись, горѣли въ ней,
Ея лицо сіяло мнѣ привѣтомъ,
И блѣдностью, серьезностью своей
Она со мной безгласно говорила,
Въ моемъ лицѣ за сномъ моимъ слѣдила.

32.

Въ моей душѣ сильнѣй зажегся пылъ
Отъ единенья съ этой чистотою,
Въ ея умѣ мой разумъ мнѣ свѣтилъ,
Не тщетно мы надъ участью людскою
Съ ней размышляли,—мудрость возросла:
О, Цитна, духъ и кроткій, и могучій!
Безъ страха боли, смерти, или зла,
Но нѣжности исполненная жгучей,
Она была какъ ясный дѣтскій сонъ,
Но геній былъ въ ребенкѣ заключенъ!

33.

То знанье было новымъ: возрастъ старый
Съ легендой несущественныхъ вещей,
Ничто; онъ разогнать не въ силахъ чары
На жизнь души наброшенныхъ цѣпей,
Душа всегда раскрыть стремится крылья.
Но старость ледяная холодна,
Исполнена насмѣшки и безсилья,
Невольнической жесткости полна,
И человѣкъ смѣется, рабъ избитый,
Надъ той могилой, гдѣ надежды скрыты.

34.

Нѣтъ, не суровымъ міръ принадлежитъ,
Такъ Цитна въ чуткомъ снѣ мнѣ возвѣстила,
Не сознавая, что̀ за власть лежитъ
Въ такихъ словахъ, какая въ этомъ сила;
Пока она въ спокойствіи спала,
Моя душа задумалась тревожно:
Надъ вѣстниками правды духи зла
Владычествуютъ,—какъ это возможно?
И вотъ, въ краснорѣчивомъ полуснѣ,
Она дала отвѣтъ желанный мнѣ.

35.

Тотъ нѣжный обликъ, женскій умъ, невинный,
Въ себя совсѣмъ не воспринявшій ядъ,
Которымъ такъ отравленъ міръ пустынный,
Былъ мой очагъ, лелѣявшій мой взглядъ;
Увы, родной Земли другія дѣти,
Съ природной красотой разлучены,
Подвластны Злу, въ его попали сѣти,
Позорные его лелѣютъ сны,
И служатъ всѣмъ его увеселеньямъ,
И дышутъ, наконецъ, легко—презрѣньемъ.

36.

Я чувствовалъ лишь холодно позоръ
Такой бѣды; но съ Цитной я сдружился,
И болѣе широкимъ съ этихъ поръ
Сочувствіемъ мой разумъ озарился;
Не разъ о томъ скорбѣли вмѣстѣ мы,
Что половина всей людской пустыни—
Орудья вожделѣній, жертвы тьмы,
Невольницы въ тюрьмѣ, рабовъ рабыни:
На кладбищѣ убитыхъ юныхъ силъ
Гіена-страсть хохочетъ межъ могилъ.

37.

Въ ея лицѣ огонь горѣлъ, сверкая,
При мысли о позорности такой.
И я сказалъ: «О, Цитна дорогая,
Я вижу, ты вступаешь съ міромъ въ бой;
Пока мужчина съ женщиной не встрѣтятъ
Домашній миръ, свободны и равны,
Взоръ человѣка свѣта не замѣтитъ;
Оковы быть разрушены должны,—
Тогда придетъ восторгъ освобожденья.»—
И вспыхнулъ взоръ у ней отъ восхищенья.

38.

Съ серьезностью сказала мнѣ она:
«Лаонъ, мнѣ надлежитъ задача эта,
Съ умовъ счастливыхъ женщинъ—злого сна
Стряхну я гнетъ, и, полныя привѣта,
Мы, вольныя, толпою молодой,
Придемъ къ тебѣ, лучисты будутъ взгляды,
И окружатъ весь Городъ Золотой
Свободныя живыя миріады.»—
Она меня за шею обняла,
И трепетный во мнѣ отвѣтъ нашла.

39.

Я улыбнулся, и хранилъ молчанье.—
«Зачѣмъ ты улыбаешься, Лаонъ?»
Сказала Цитна. «Пусть мои мечтанья
Неопытны, и пусть мой духъ смущенъ,
И я блѣднѣть могу, но, не робѣя,
Коль хочешь, на тирановъ я пойду.
И было бы гораздо мнѣ труднѣе
Въ позорѣ жить, томиться какъ въ бреду,
Съ мѣстами, сердцу милыми, разстаться,
И, другъ родной, съ тобою не видаться.

40.

«Какъ сдѣлалась такою я, Лаонъ?
Ты знаешь, какъ ребенокъ можетъ смѣло
На міръ взглянуть. Ты властью надѣленъ,
И на тебя я походить хотѣла,
Чтобъ сдѣлаться свободнѣй и добрѣй;
Но тамъ, вдали за темнымъ Океаномъ,
Есть многія какъ бы съ душой моей,
Хотя они окованы обманомъ;
Когда они, какъ я, въ твой глянутъ взоръ,
Они отвергнутъ смѣло свой позоръ.

41.

«Иль словъ я не найду, полна боязни,
И холодны пребудутъ всѣ вокругъ?
Однажды, помню, присужденный къ казни,
Невольникъ спасся тѣмъ, что спѣлъ онъ вдругъ
Ту пѣсню, что судья любилъ когда-то.—
Такъ точно всѣ, услышавши меня,
Смягчатся; и, въ другомъ увидѣвъ брата,
Заплачетъ каждый; полныя огня,
Сердца забьются, въ волѣ непреклонной,
Чтобъ этотъ міръ возсталъ—преображенный!

42.

«Да, въ золотые я дворцы войду,
И въ хижины, и въ душные подвалы,
Гдѣ женщина живетъ въ больномъ бреду,
И рядомъ съ ней тиранъ ея усталый;
Тамъ музыкой твоихъ волшебныхъ чаръ
Освобожу тоскующихъ я плѣнныхъ,
И будетъ молодъ тотъ, кто былъ такъ старъ;
Твой духъ, что тайнъ исполненъ сокровенныхъ,
Черезъ меня какъ солнце будетъ имъ,
И въ знаньи скорбь разсѣется, какъ дымъ.

43.

«Какъ человѣкъ способенъ быть свободнымъ,
Когда съ нимъ рядомъ женщина-раба?
Кто воздухомъ упьется благороднымъ,
Когда вокругъ гніющіе гроба?
Какъ могутъ тѣ, чьи спутники суть твари,
Возстать на тѣхъ, кто ихъ гнететъ весь вѣкъ?
Въ позорномъ нескончаемомъ кошмарѣ
Живетъ, Обманомъ скованъ, человѣкъ;
Своихъ сестеръ позорятъ ихъ же братья,
И женщина—насмѣшка и проклятье.

44.

«Да, я еще ребенокъ, но идти
Мнѣ нужно, хоть остаться я желала бъ.
На мой огонь, на жизненомъ пути,
Толпы рабовъ, забывъ стенанья жалобъ,
Придутъ изъ темныхъ тюремъ, ощутивъ,
Что съ членовъ ихъ спадаетъ одряхлѣлость;
О, да, могучъ души моей порывъ,
Никто мою не поколеблетъ смѣлость,
На дѣтяхъ правды—свѣтлая печать,
Ее увидя, Ложь должна молчать.

45.

«Еще помедли. Должный день настанетъ,
Уѣдешь ты, я съ берега взгляну,
Какъ парусъ твой изъ отдаленья глянетъ,
Какъ ты прорѣжешь синюю волну;
И я скажу: вотъ я одна отнынѣ.
А ты надъ міромъ зовъ свой возгласишь,
И милліоны, какъ пески въ пустынѣ,
Къ тебѣ придутъ, ты ихъ соединишь,
Ты будешь имъ какъ свѣтъ освобожденья,
Ты будешь ихъ восторгъ и возрожденье.

46.

«Тогда, какъ лѣсъ, что между горъ, высокъ,
И вотъ объятъ пожаромъ разъяреннымъ,
Настолько, что обширнѣйшій потокъ
Подобенъ былъ бы каплямъ полусоннымъ,—
Изъ нашихъ сочетавшихся умовъ
Возникнетъ искра, зло сожжетъ всецѣло;
И Цитна, какъ ненужный гнетъ оковъ,
Младенчество свое отброситъ смѣло,
Направитъ въ міръ людей шаги свои,
Какъ птичка мчится прямо въ пасть змѣи.

47.

«Разлука ждетъ насъ.—О, Лаонъ, могла ли
Я думать, что разстанусь я съ тобой!—
О, братъ моей души, такой печали
Почти не принимаетъ разумъ мой!»—
Рыданья мнѣ сказали, какъ ей больно,
Она, дрожа, прижалася ко мнѣ,
И я молчалъ, и плакалъ я невольно.
Вдругъ, точно тотъ, кто былъ въ глубокомъ снѣ,
Она со мной объятіемъ сомкнулась,
И страстно такъ, и бурно содрогнулась.

48.

«Мы встрѣтимся—разлукѣ есть конецъ,
Для насъ придетъ блаженная минута,
Не въ нѣжной ласкѣ двухъ родныхъ сердецъ,—
Въ пустой Лазури нѣтъ для насъ пріюта,—
И не въ могилѣ встрѣтимся мы,—въ ней,
Я думаю, мы встрѣтимъ лишь забвенье;—
Мы встрѣтимся опять въ умахъ людей,
Что скажутъ намъ свое благословенье,
И свѣтъ нашъ сохранятъ въ своихъ сердцахъ,
Когда вотъ это тѣло будетъ прахъ.»

49.

Я говорить не могъ, ея волненье
Отхлынуло, смягчилися черты,
Вспѣненный токъ прервалъ свое теченье;
При свѣтѣ звѣздъ сошли мы съ высоты,
Безъ слезъ, безъ словъ домой свой путь свершили,
Но оба были блѣдны, страсть была
Внутри, въ душѣ, какъ вспышки звѣздной пыли,
Чей свѣтъ смягчаетъ облачная мгла;
И въ разставаньи, хоть мечтою слиты,
Искали другъ отъ друга мы защиты.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

1.

Какія мысли въ эту ночь во снѣ
Моей сестры возникли я не знаю;
Но тысячи вѣковъ приснились мнѣ,
И мнилось, я не сплю, я ихъ считаю,
Въ душѣ потокъ возникъ изъ темноты,
Безбрежный хаосъ буйствовалъ въ туманѣ,
Еще ничьи не вѣдали мечты
Подобныхъ волнъ, безъ отдыха, безъ грани:
И я глядѣлъ на тотъ бурунъ вокругъ,
То восхищенъ, то весь исполненъ мукъ.

2.

Такъ два часа промчались, кругомъ властнымъ
Обнявши продолжительнѣе срокъ,
Чѣмъ тотъ, что міръ, въ младенчествѣ прекрасномъ,
Сѣдымъ и престарѣлымъ сдѣлать могъ;
Когда жь они своей коснулись мѣры
И третій часъ насталъ, возникла тѣнь;
Приснилось мнѣ, что съ Цитной у пещеры
Сижу я; намъ сіяетъ ясный день,
Бріонія цвѣтетъ, струятся воды,
И мы вкушаемъ радости Природы.

3.

Мы жили какъ всегда, но былъ нашъ взглядъ
Сильнѣе всѣмъ, что видѣлъ онъ, прикованъ;
Весь міръ одѣлся въ праздничный нарядъ,
Свѣтлѣе воздухъ былъ, и зачарованъ
Казался камень, свѣжіе листы
Нѣжнѣе, чѣмъ имъ можно, трепетали,—

И въ ликѣ Цитны ясныя черты
Такъ радостно, такъ сказочно блистали,
Что, если раньше я ее любилъ,
Теперь объятъ я агоніей былъ.

4.

За утромъ полдень, вечеръ, ночь нѣмая.
Взошла луна, и мы за мигомъ мигъ
Теряли, легкій звонъ ихъ не считая,—
Какъ вдругъ въ душѣ нежданный страхъ возникъ:
Во мглѣ пещеры, сзади, встали звуки,
Отрывистые, вверхъ пошли по ней,
Подавленные крики, стоны муки,
Все ближе, все слышнѣе и слышнѣй,
И топотъ ногъ толпы неисчислимой
Возникъ въ пещерѣ этой нелюдимой.

5.

Картина измѣнилась, и впередъ,
Впередъ, впередъ, мы въ воздухѣ летѣли!
Я Цитну сжалъ; кругомъ былъ небосводъ,
Морскія волны тамъ внизу блестѣли,
А между тѣмъ разъятая Земля
Зіяла, изъ разсѣлинъ извергались
Видѣнья, и, руками шевеля,
За Цитну эти чудища цѣплялись,
А мы неслись,—и вскорѣ, въ страшномъ снѣ
Дѣйствительность являться стала мнѣ.

6.

И все еще подъ властью сновидѣнья,
Старался я порвать мечтаній нить,
Чтобъ тягостныя эти ощущенья
Съ тѣмъ, что вокругъ, умомъ соединить;
И въ свѣтѣ утра, блѣдный, бездыханный,
Я наконецъ прогналъ свой страшный сонъ,
И вижу вдругъ—нашъ домъ, во мглѣ туманной,

Толпой вооруженной окруженъ;
Мечи сверкаютъ въ этой мглѣ тумана,
Явились къ намъ прислужники Тирана.

7.

И прежде чѣмъ успѣлъ я въ тотъ же мигъ
Спросить причину,—слабый, отдаленный,
Привлекъ мое вниманье женскій крикъ,—
И тотчасъ я, на крикъ тотъ заглушенный,
Схвативши ножъ, среди толпы пошелъ,
Я слышалъ, это Цитна закричала!
Кругомъ шумѣлъ бурунъ разгульныхъ золъ,
Какъ буря, агонія бушевала;
Но я прошелъ къ ней,—связана, блѣдна,
Лежала на сырой землѣ она.

8.

И на нее я глянулъ съ изумленьемъ:
Улыбкою у ней былъ полонъ взоръ,
И вся она сіяла восхищеньемъ,
Какъ бы надѣвши праздничный уборъ;
И я подумалъ, что мученій сила
Разсудокъ у нея сожгла въ огнѣ;
«Прощай, прощай», она проговорила,
Спокойно обращаяся ко мнѣ;
«На мигъ лишь возмутилась я тревогой,
Вотъ я тверда—я вѣстникъ правды строгой.

9.

«Способны ль погубить меня рабы?
О, нѣтъ, Лаонъ, промолви: «До свиданья»,
Такъ не смотри; я для моей судьбы
Готова, и легко пойду въ изгнанье;
Не страшны мнѣ оковы, я смѣясь
Носить ихъ буду; зная остальное,
Будь безъ тревоги, ждетъ побѣда насъ;
Пребудемъ въ упованьи и въ покоѣ,

Что бъ ни было намъ послано судьбой,
Въ концѣ концовъ сольемся мы съ тобой«.

10.

Ее я слушалъ, но во мнѣ другая
Въ тотъ мигъ была забота: за толпой
Слѣдя, какъ бы разсѣянно взирая,
И увидавъ, что жертвою другой
Всѣ занялись, что близь нея немного
Рабовъ, я острый ножъ свой ухватилъ,
И, прежде чѣмъ въ нихъ вспыхнула тревога,
Я трехъ изъ тѣхъ прислужниковъ убилъ,
Четвертаго душилъ въ порывѣ дикомъ,
Своихъ на бой хотѣлъ поднять я крикомъ!

11.

Что́ было послѣ, неизвѣстно мнѣ:
На голову и руку тяжко пали
Удары, взоръ мой вспыхнулъ какъ въ огнѣ,
Я чувствъ лишился, и меня связали;
Очнувшись, увидалъ я, что меня
Несутъ по крутизнѣ къ скалѣ высокой;
Равнина, отъ рѣзни и отъ огня,
Была внизу стозвучной и стоокой,
И пламя крышъ, взлетая такъ легко,
Надъ Океаномъ рдѣло далеко.

12.

Скала кончалась мощною колонной,
Изваянной какъ будто въ небесахъ;
Для путниковъ пустыни отдаленной,
Среди морей, въ исчезнувшихъ вѣкахъ,
Она была какъ знакъ земной—въ лазури;
Надъ ней летѣть едва имѣютъ власть
Лишь туча, жадный коршунъ, или бури,
Когда жь тѣнямъ вечернимъ—время пасть
На Океанъ, вершиной вырѣзною
Она горитъ высоко надъ скалою.

13.

Въ пещеру, что была подъ башней той,
Я принесенъ былъ; мигъ свободы снова;
Одинъ меня совсѣмъ раздѣлъ; другой—
Сосудъ наполнилъ изъ прудка гнилого;
И факелъ былъ однимъ изъ нихъ зажженъ,
И четырьмя я былъ изъ тьмы пещеры
По лѣстницѣ высокой возведенъ,
По ступенямъ витымъ, сквозь сумракъ сѣрый,
Все вверхъ, пока нашъ факелъ въ блескѣ дня
Не глянулъ блѣднымъ, тусклымъ на меня.

14.

Къ вершинѣ башни былъ подъятъ я ими;
Къ площадкѣ, гдѣ зіяла высота;
Скрипя, темнѣли глыбами своими,
Тяжелыя желѣзныя врата;
Я къ нимъ, увы, прикованъ былъ цѣпями,
Въѣдавшимися въ тѣло, и враги
Ушли съ площадки, хлопнули вратами,
Раздался страшный гулъ, и вотъ шаги
Умолкли, вмѣстѣ съ этимъ шумомъ мрачнымъ,
Погаснувъ, скрылись въ воздухѣ прозрачномъ.

15.

Въ глубокомъ Небѣ былъ полдневный свѣтъ,
Въ глубокой тишинѣ синѣло море,
Мной овладѣлъ безбольный краткій бредъ,
И чувствовалъ себя я на просторѣ;
Я устремлялъ далеко жадный взоръ;
Какъ облака, лежали подо мною
Равнины, острова, громады горъ,
И, окруженъ лѣсною пеленою,
Виднѣлся городъ, сѣрый камень скалъ
Вкругъ бухты въ блескѣ солнечномъ сверкалъ.

16.

Такъ было тихо, что едва былинка,
Посѣянная на скалѣ орломъ,
Качалась; и какъ тающая льдинка
Одна свѣтлѣла тучка подъ лучомъ;
Ни тѣни не виднѣлось подо мною,
Лишь тѣнь меня и тѣнь моихъ цѣпей.
Внизу, огонь отъ кровель, съ дымной мглою,
Терялся въ необъятности лучей;
Ни звука до меня не доходило,
Лишь въ жилахъ кровь неясный звонъ будила.

17.

Исчезъ, исчезъ безумный тотъ покой,
Какъ скоро! Тамъ внизу, на зыби водной
Стоялъ корабль и бури ждалъ живой,
Чтобы уплыть; вмигъ, острой и холодной,
Знакомой боли былъ исполненъ я:
Я зналъ, далеко, водною пустыней
Корабль уйдетъ, на немъ сестра моя,
И Цитна станетъ жалкою рабыней;
Какъ взоръ мой вдаль бѣжалъ, все вдаль скользя,—
Что думалъ я тогда,—сказать нельзя.

18.

Я ждалъ, и тѣни вечера упали,
Закрыли Землю, точно смутный дымъ—
И двинулся корабль, и вѣтры встали,
Онъ шелъ надъ Океаномъ тѣневымъ;
И блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Зажглись, корабль исчезъ! И я хотѣлъ
Закрыть глаза, но жестки были вѣки,
И противъ воли я впередъ глядѣлъ,
Я встать хотѣлъ, поднять хотѣлъ я руки,
Но кожа расщепилась въ жгучей мукѣ.

19.

Я цѣпи грызъ, я ихъ хотѣлъ разъять,
И умереть. Ты мнѣ простишь, Свобода:
На мигъ одинъ меня могла отнять
Моей души чрезмѣрная невзгода,
О, Вольность, у тебя! На мигъ—и прочь
Прогналъ я малодушье сновъ могильныхъ;
Та звѣздная таинственная ночь
Дала мнѣ много думъ, великихъ, сильныхъ;
Все вспомнила въ тиши душа моя,
И былъ суровъ, но былъ доволенъ я.

20.

Дышать, и жить, надѣяться, быть смѣлымъ,
Иль умереть,—былъ разрѣшенъ вопросъ;
И пусть лучами, что подобны стрѣламъ,
Жгло солнце, раскаляя мой утесъ,
Пусть вслѣдъ за нимъ спустился вечеръ сонный,
И звѣзды вновь открыли вышній путь,
Пусть съ новымъ утромъ взоръ мой утомленный
На міръ безбрежный долженъ былъ взглянуть,—
Я твердымъ былъ въ пространствахъ распростертыхъ,
Я не желалъ спокойствія межъ мертвыхъ.

21.

Прошло два дня—и былъ я бодрымъ, да—
Но только жажда жгла меня, какъ лава,
Какъ будто скорпіоньяго гнѣзда
Во мнѣ кипѣла жгучая отрава;
Когда душа тоски была полна,
Я оттолкнулъ ногой сосудъ съ водою,
Не уцѣлѣла капля ни одна!
На третій день, своею чередою,
Явился голодъ. Руки я кусалъ,
Глоталъ я пыль, я ржавчину лизалъ.

22.

Съ четвертымъ днемъ мой мозгъ сталъ поддаваться:
Жестокій сонъ измученной души
Велѣлъ въ ея пещерахъ быстро мчаться
Чудовищамъ, взлелѣяннымъ въ тиши,—
Они неслись и падали съ обрыва,—
Я чувствовалъ, что чувства больше нѣтъ,
Все льется въ пустоту, во мглу залива,—
Тѣ привидѣнья въ мой вступили бредъ,
Что сторожатъ во мглѣ могилы сонной,—
Въ безбрежности, беззвѣздной и бездонной!

23.

Всѣ призраки чудовищнаго сна
Я помню, какъ видѣнья страшной сказки:
Хоръ дьяволовъ, живая пелена,
Они несутся въ безразсудной пляскѣ;
Какъ будто Океанъ сплеталъ ихъ нить,
Ихъ—легіоны, тѣни, тѣни, тѣни,
И мысль была не властна отдѣлить
Дѣйствительность отъ этихъ привидѣній;
Я видѣлъ всѣхъ, какъ будто бы дробя
Въ кошмарной многоликости—себя.

24.

Сознанье дня и ночи, и обмана
И правды—уничтожилось во мнѣ.
Я два видѣнья помню средь тумана;
Второе, какъ узналъ я, не во снѣ
Являлось мнѣ, и было не изъ сферы
Чудовищныхъ отверженныхъ тѣней;
Но первое, ужасное сверхъ мѣры,
Не знаю, сонъ иль нѣтъ. Хоть не яснѣй,
Но ярче, въ торопливости проворной,
Мракъ памяти они пронзаютъ черный.

25.

Мнѣ чудилось, ворота разошлись,
Тѣ семеро внесли четыре трупа,
Ихъ четыремъ вѣтрамъ швырнули внизъ,
За волосы повѣсивъ ихъ, и, тупо
Взглянувъ, ушли. Изъ этихъ мертвецовъ
Ужь почернѣли трое, но четвертый,
Прекрасенъ былъ. Межь свѣтлыхъ облаковъ
Взошла луна. И въ воздухѣ простертый,
Я, жадный, къ тѣлу мертвому прильнулъ,
Чтобъ ѣсть, чтобъ острый голодъ мой уснулъ.

26.

Трупъ женщины, холодный, сине-бѣлый,
Въ которомъ жилъ червей кишащій рой,
Къ себѣ я притянулъ рукою смѣлой,
И тощей повернулъ его щекой
Къ своимъ губамъ горящимъ. Что за пламень
Сверкнулъ въ глазахъ застывшихъ, въ глубинѣ?
На сердце легъ мнѣ точно тяжкій камень,
Мнѣ показалось—призракъ Цитны мнѣ
Въ тѣхъ взорахъ усмѣхнулся, это тѣло
Во рту моемъ еще какъ будто тлѣло.

27.

Мой разумъ вдругъ попалъ въ водоворотъ;
Неукротимымъ схваченъ ураганомъ,
За солнце онъ умчался въ небосводъ,
Гдѣ сонмы звѣздъ раскинулися станомъ,
Туда, за грань ихъ свѣтовыхъ убранствъ,
Гдѣ темное глубокое молчанье,
Къ окраинѣ безформенныхъ пространствъ;
Вдругъ, въ тишинѣ, какъ будто изваянье,
Прекрасный Старецъ предо мной возникъ,
И сонъ исчезъ, его увидѣвъ ликъ.

28.

И плакалъ я; когда же слезы пали,
Я увидалъ колонну, и луну,
И мертвецовъ,—и точно острой стали
Во мнѣ движенье было, я волну
Терзаній ощущалъ въ себѣ, внимая,
Какъ голодъ возросталъ; и я былъ радъ
Казалось мнѣ, что смертъ идетъ нѣмая;
Вдругъ ровный, но исполненный усладъ,
Раздался голосъ, точно ропотъ сонный,
Средь сосенъ въ полночь вѣтромъ пронесенный.

29.

Ворота растворились; подъ луной,
Явился Старецъ, просвѣтленный, стройный;
Разбивши цѣпи, кротко онъ со мной
Бесѣдовалъ, съ душой почти спокойной
Я на него глядѣлъ.—Онъ взялъ меня,
И тканью влажной все обвилъ мнѣ тѣло,
Исполненное боли и огня;
Внезапно что-то громко прогудѣло:
То цѣпь моя, меня освободивъ,
Вдоль лѣстницы, низринулась въ обрывъ.

30.

Чтó я потомъ услышалъ,—это ропотъ
Волны, что бьется въ гавань,—и, свистя,
Приморскій вѣтеръ превращался въ шопотъ,
Моими волосами шелестя;—
Я вверхъ взглянулъ,—тамъ, въ безднѣ отдаленной,
Надъ парусомъ свѣтилася звѣзда,
Гора съ своей высокою колонной
Виднѣлась, а кругомъ вода, вода,
И я подумалъ, вѣрно Демонъ, въ злобѣ,
Меня увлекъ въ своей ладьѣ, какъ въ гробѣ.

31.

Дѣйствительно, соленою волной
Я плылъ, но страхъ владѣлъ моей душою,
Не смѣлъ взглянуть я, кто мой рулевой,
Хоть на его колѣнахъ головою
Лежалъ я, и хотя его покровъ
Закрылъ мое измученное тѣло.
Но вотъ склонился онъ, какъ Геній сновъ,
Душа его изъ глазъ его глядѣла
Такъ ласково, какъ будто онъ хотѣлъ,
Чтобъ я совсѣмъ спокоенъ былъ и смѣлъ.

32.

Цѣлительный къ губамъ моимъ напитокъ
Онъ подносилъ—и вверхъ смотрѣлъ порой,
Чтобъ увидать,—чтó, многозвѣздный свитокъ
Нисходитъ ли надъ дымною волной;
И весело, и радостно, порою,—
Хотя онъ и не тратилъ много словъ,—
«Утѣшься», говорилъ онъ, «другъ съ тобою,
Свободенъ ты, свободенъ отъ оковъ!»
Я радовался слышать эти звуки,
Какъ тѣ, что годы знали рабства муки.

33.

Но эта радость бѣглымъ огонькомъ
Свѣтила мнѣ—и снова сновидѣнья;
Все жь думалъ я, что мы впередъ плывемъ;
Блѣднѣли звѣзды ночи; на теченье
Кипящихъ волнъ разсвѣтъ сошелъ сѣдой,
А Старецъ все склонялся надо мною,
Какъ будто я ребенокъ былъ больной,
А онъ моей былъ матерью родною;
Такъ плыли мы, и вотъ опять Востокъ
Свою лазурь въ покровы мглы облекъ.

34.

От берега-идущій вѣтеръ ночи
Принесъ по морю слабый ароматъ,
И съ каждымъ новымъ мигомъ все короче
Былъ путь; вотъ вижу, волны бороздятъ
Прибрежье, и тростникъ качаютъ тощій,
Вонъ вижу, мирты нѣжныя цвѣтутъ,
Звѣздятся на листвѣ зеленой рощи;
И кончилась дорога, вотъ мы тутъ,
Мы въ тихой бухтѣ, и во мглу залива
Сквозь сосны, звѣзды смотрятъ молчаливо.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Отшельникъ принялъ весла, и челнокъ
Присталъ близь башни—древняя громада:
Заросшій входъ былъ теменъ и высокъ,
Цвѣты плюща, усладою для взгляда,
На немъ вились цѣпляясь; на полу
Песокъ и чудо-раковины были,—
Мать мѣсяцевъ, пронзая полумглу,
Рождаетъ ихъ въ кипѣньи влажной пыли;
Та башня здѣсь была, какъ призракъ сна,
Искусствомъ человѣка рождена.

2.

У берега челнокъ свой привязавши,
Взялъ на руки меня Старикъ сѣдой,
И, нѣсколько привѣтныхъ словъ сказавши,
Пошелъ онъ внизъ по лѣстницѣ со мной,
По ступенямъ изношеннымъ пришли мы
Въ покой уютный, всюду по стѣнамъ
Узоры мховъ зеленыхъ были зримы,
Тихонько положилъ меня онъ тамъ,
Какъ бы въ альковъ, къ мечтамъ манящій соннымъ,
На ложе травъ, съ дыханьемъ благовоннымъ.

3.

Луною было все озарено,
Ея лучистымъ желтымъ теплымъ свѣтомъ,
Настолько теплымъ, что Старикъ окно
Раскрылъ; за нимъ, воздушнымъ силуэтомъ,
Качались зыбко тѣни на волнахъ,
До самаго порога добѣгая,
И въ призрачныхъ замѣтилъ я лучахъ,
Что комната вверху была—рѣзная,
И много было тамъ томовъ, чей пылъ
Въ себя принявъ, мудрецъ сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ.

4.

Предѣлъ морской во мглѣ былъ отдаленной,
По озеру скользилъ мой смутный взоръ,
Кругомъ—лѣса, ихъ миръ уединенный,
И бѣлыя громады снѣжныхъ горъ:—
Что жь, духъ мой уносился въ безконечность
Въ такомъ же многоцвѣтномъ забытьи,
Какъ лента, что окутываетъ вѣчность,—
Извивы символической змѣи?
И Цитна—сонъ, упавшій мнѣ на вѣжды?
Сонъ—юность, страхъ, восторги, и надежды?

5.

Такъ вновь ко мнѣ безуміе пришло,
Но кроткое, не страшное, какъ прежде;
И я не ощущалъ, какъ время шло:
Но Старецъ вѣренъ былъ своей надеждѣ,
Не отходилъ отъ ложа моего,
Какъ лучшаго меня лелѣялъ друга,
Въ бреду я все же чувствовалъ его,
И излѣчилъ меня онъ отъ недуга,
И онъ теперь бесѣду велъ со мной,
Онъ показалъ мнѣ весь свой міръ лѣсной.

6.

Онъ утѣшать меня умѣлъ словами,
Что самъ же я въ бреду произносилъ,
И какъ себя я спрашивалъ мечтами,
Меня и онъ о Цитнѣ такъ спросилъ,
И спрашивалъ, пока не перестало
То трепетное имя на его
Устахъ меня дивить; въ томъ было мало
Лукавства, и ума онъ своего
Не ухищрялъ, но взоръ его былъ жгучимъ,
Какъ молнія въ стремленіи могучемъ.

7.

Такъ постепенно умъ мой просвѣтлѣлъ,
Возникли мысли, стройное теченье;
Я думалъ, какъ прекрасенъ тѣхъ удѣлъ,
Въ комъ неустанно строгое рѣшенье—
Свѣтильникъ Упованья зажигать
Надъ затемненной долею людскою;
Въ зеркальную глядя нѣмую гладь,
Въ вечерній часъ склоняясь надъ водою,
Тому я открывалъ свой тайный сонъ,
Кто былъ Старикъ, но не былъ извращенъ.

8.

Сѣдой, всю жизнь свою онъ велъ бесѣду
Съ умершими, что, уходя отъ насъ,
Умѣютъ отмѣчать свою побѣду
Въ страницахъ, чей огонь въ немъ жилъ свѣтясь;
Такъ умъ его лучомъ сталъ надъ туманомъ,
Подобно тѣмъ, что онъ въ себя впиталъ;
По городамъ и по военнымъ станамъ
Скитаяся, не тщетно онъ блуждалъ;
Онъ былъ влекомъ глубокой жаждой знанья,
Среди людей зналъ всѣ пути скитанья.

9.

Но даже благородныя сердца
Обычай, притупляя, ослѣпляетъ:
Увидя, что мученьямъ нѣтъ конца,—
Тотъ рокъ, что человѣка угнетаетъ,
Онъ вѣчнымъ счелъ; чтобъ чѣмъ-нибудь свой духъ
Утѣшить, онъ ушелъ въ уединенье;
Но до него дошелъ однажды слухъ,
Что въ Арголидѣ претерпѣлъ мученье
Одинъ, что за свободу смѣло всталъ,
И, правду возвѣстивши, пострадалъ.

10.

Узнавши, что толпа пришла въ волненье,
Возликовалъ Отшельникъ въ тишинѣ;
Покинувши свое уединенье,
Направился къ родной моей странѣ,
Пришелъ туда, гдѣ битва прошумѣла,—
И каждое тамъ сердце было щитъ,
И точно правды мечъ, горящій смѣло,
Рѣчь каждаго «Лаонъ, Лаонъ» гласитъ;
Въ томъ имени Надежда ликовала,
Хоть власть тирана тамъ торжествовала.

11.

Къ колоннѣ одинокой, на скалѣ,
Придя, онъ былъ такимъ краснорѣчивымъ,
Что размягчилъ застывшія во злѣ
Сердца своимъ возвышеннымъ порывомъ.
И онъ вошелъ, и побѣдилъ онъ зло,
И стражи путь ему не преграждали;
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сказалъ, семь лѣтъ прошло,
Такъ долго мысли у меня блуждали
Въ безуміи; но сила думъ, свѣтла,
Мнѣ снова власть надѣяться дала.

12.

«Изъ юношескихъ собственныхъ видѣній,
Изъ знанія пѣвцовъ и мудрецовъ,
И изъ твоихъ возвышенныхъ стремленій,
Я выковалъ узоры мощныхъ словъ,
Твоихъ надеждъ безстрашное теченье
Въ себѣ не тщетно жадный умъ вмѣщалъ;
Отъ берега до берега, ученье
О власти человѣка я вѣщалъ,
Мои слова услышаны, и люди
О большемъ, чѣмъ когда-то, грезятъ чудѣ.

13.

«Родители, въ кругу своихъ дѣтей,
Въ слезахъ, мои писанія читаютъ;
И юноши, сойдясь во тьмѣ ночей,
Союзъ, враждебный деспотамъ, сплетаютъ;
И дѣвушки, которыхъ такъ любовь
Томила, что во влажной мглѣ ихъ взгляда
Жизнь таяла, страдать не будутъ вновь,
Прекраснѣйшая имъ нашлась отрада;
Во всѣхъ сердцахъ летучія мечты,
Какъ на вѣтрахъ осенніе листы.

14.

«Дрожатъ тираны, слыша разговоры,
Что наполняютъ Городъ Золотой;
Прислужники обмана, точно воры,
Не смѣютъ говорить съ своей душой;
Но чувствуютъ, одни другихъ встрѣчая,
Что правда—вотъ, что не уйти судьбы;
И на мѣстахъ судейскихъ засѣдая,
Убійцы поблѣднѣли, какъ рабы;
И золото презрѣли даже скряги,
Смѣхъ въ Капищахъ, и всюду блескъ Отваги.

15.

«Средь мирныхъ братьевъ—равенство законъ,
Вездѣ любовь, и мысль, и кроткій геній,
Взамѣнъ того, чѣмъ міръ былъ затемненъ,
Подъ гнетомъ этихъ долгихъ заблужденій;
Какъ властно мчитъ въ себя водоворотъ
Всѣ выброски, что бродятъ въ Океанѣ,
Такъ власть твоя, Лаонъ, къ себѣ влечетъ
Всѣ, всѣ умы, бродившіе въ туманѣ,
Всѣ духи повинуются тебѣ,
Сплотилися, готовые къ борьбѣ.

16.

«Я былъ твоимъ орудіемъ послушнымъ»—
Такъ говоря, Отшельникъ на меня
Взглянулъ, какъ будто весь онъ былъ воздушнымъ—
«Ты всѣмъ намъ далъ сіяніе огня
Нежданнаго, ты путь къ освобожденью
Отъ старыхъ, отъ наслѣдственныхъ цѣпей;
Ты насъ ведешь къ живому возрожденью,
Ты свѣточъ на вершинѣ для людей,
Ни времени, ни смерти не подвластный;
Я счастливъ былъ—пролить твой свѣтъ прекрасный.

17.

«Но неизвѣстенъ я, увы, и старъ,
И хоть покровы мудрости умѣю
Переплетать съ огнемъ словесныхъ чаръ,
Холодною наружностью своею
Показываю я, что долго жилъ—
Свои надежды въ сердцѣ подавляя;
Но именемъ Лаона побѣдилъ
Я множество; ты—какъ звѣзда живая,
Что властвуетъ и бурей, и волной,
Для шлемовъ зла ты какъ клинокъ стальной.

18.

«Быть можетъ крови и не нужно литься,
Разъ ты возстанешь; у самихъ рабовъ
Въ сердцахъ способна жалость пробудиться,
Поистинѣ могуча сила словъ:
Чуть не вчера, красивѣйшая дѣва,
Что тяжкій гнетъ отъ дѣтскихъ знала дней,
Какъ властью полнозвучнаго напѣва,
Всѣхъ покорила женъ мечтѣ своей;
Застылъ палачъ, отъ словъ ея блѣднѣя:
«Не тронь меня—молю—себя жалѣя!»

19.

«Она уже привязана была,
Чтобъ быть казненной, но палачъ смягчился,
И ей въ толпѣ никто не сдѣлалъ зла,
Ея словами каждый обольстился;
Вездѣ, въ великомъ Городѣ она
Проходитъ, говоритъ, ей всѣ внимаютъ,
Она сіяньемъ словъ окружена,
Презрѣнье, смерть, и пытка отступаютъ,
Она слила въ улыбкѣ молодой
Змѣю съ голубкой, мудрость съ простотой.

20.

«И женщины съ безумными глазами
Толпятся вкругъ нея; они ушли
Изъ чувственныхъ темницъ, гдѣ ласки сами
Какъ бы влачатся въ низменной пыли;
Изъ тюремъ на свободу убѣгаютъ,
Въ ней видятъ упованіе свое;
Войска рабовъ тираны посылаютъ,
Чтобъ укротить могущество ея;
Но, чарами той дѣвы обольщаясь,
Войска вождей свергаютъ, возмущаясь.

21.

«Такъ женщинамъ, что въ рабствѣ съ давнихъ поръ
Переживали тяжесть униженій,
Она, ихъ увлекая на просторъ,
Велитъ освободиться отъ мученій;
И зло вооруженное, предъ ней,
Трепещетъ, хоть оно еще могуче;
И дѣвы, жены, всѣ подвластны ей,
Она всегда съ толпой, подобной тучѣ!
Любовники соединяясь вновь,
Припоминаютъ прежнюю любовь.

22.

«Приходитъ къ ней и сирота бездомный,
И жертвы гордыхъ, выброски того,
Кто, грубо наслаждаясь страстью темной,
Казнитъ плоды безпутства своего;
Въ вертепахъ и въ дворцахъ, въ истомѣ страстной,
Порокъ сидитъ, оброшенный, одинъ;
Ея свободный голосъ, нѣжно-властный.
Надъ всей страной могучій властелинъ,
Ея враги, склоняя робко вѣжды,
Хотятъ любить и оживить надежды.

23.

«Такъ дѣва, силой кроткою своей,
Смирила разрушительныя страсти,
И выковали люди изъ цѣпей
Оружье, чтобъ лишить тирановъ власти;
Въ безвѣстныхъ деревняхъ, и въ городахъ,
Сбираются толпы вооруженныхъ,
Изъ душъ своихъ они изгнали страхъ,
Хотятъ возстановленья правъ законныхъ,
Но деспотъ, самовластьемъ ослѣпленъ,
Готовитъ бой, чтобъ поддержать свой тронъ.

24.

«И неизбѣжно кровь должна пролиться,
Хоть не хотятъ свободные ея;
Обычай, Царь Рабовъ, незрячій, тщится
Всегда умножить царствіе свое,
Онъ знамя развѣваетъ надъ тѣлами
Пророковъ и Владыкъ, онъ давитъ грудь,
Людскими онъ пробитыми сердцами
Усѣиваетъ свой жестокій путь;
И сѣя мракъ, и сѣя гнетъ безсилья,
Безмѣрныя онъ простираетъ крылья.

25.

«Равнина есть подъ городской стѣной,
Оплоты горъ вокругъ нея темнѣютъ,
Тамъ милліоны стягъ воздвигли свой,
Тамъ тысячи знаменъ свободныхъ вѣютъ,
И крикъ борцовъ пронзаетъ воздухъ—такъ,
Что чудится, то голосъ бурь и вьюги;
Короною увѣнчанный ихъ врагъ
Сидитъ въ своемъ дворцѣ, дрожитъ въ испугѣ,
И чувствуетъ—поддержки нѣтъ ни въ чемъ.
Что жь медлятъ побѣдители съ мечомъ?

26.

«Еще тѣлохранители Тирана
Крѣпятся; кровожадные, они
Отъ дѣтства жили радостью обмана,
Свирѣпости, разбоя, и рѣзни;
Имъ любо сердце пытками забавить,
Какъ благо, дорога имъ сила зла,
Чтобъ торжество жестокости доставить,
Толпа свирѣпыхъ цѣпи создала;
Свободные хотятъ людской любовью
Склонить ихъ духъ не упиваться кровью.

27.

«Любовь и днемъ и ночью сторожитъ
Надъ лагеремъ и надъ толпой свирѣпой;
Въ умахъ надежда лучъ зажечь спѣшитъ,
Внезапно всѣ слились незримой скрѣпой;
Такъ иногда, пронзая въ небѣ мракъ,
Промчится громъ, и смолкнетъ, отдаленный,
И видя, что утихло все, морякъ,
Молчанію внимаетъ, облегченный;
Въ сердцахъ у побѣдителей свѣтло,—
О, пусть погаснетъ въ сердцѣ вольныхъ Зло!

28.

«Разъ кровь прольется, это только смѣна
Однихъ оковъ другими, гнетъ цѣпей
Иныхъ—взамѣнъ наскучившаго плѣна,
Позорное паденье для людей!—
Пролей любовь на этихъ ослѣпленныхъ,
Твой голосъ—міръ преобразуетъ въ Рай,
Ты властенъ силой глазъ, лучомъ зажженныхъ!
Возстань, мой другъ, смѣлѣе, и прощай!»—
И бодро всталъ я, какъ отъ сновъ печальныхъ,
И глянулъ въ глубь, въ прозрачность водъ зеркальныхъ.

29.

Мой образъ въ этомъ зеркалѣ возникъ;—
Была какъ вѣтеръ юность золотая,
Какъ вѣтеръ на водахъ; мой блѣдный ликъ
Волна волосъ, до времени сѣдая,
Окутала; въ морщинахъ и чертахъ
Не старость, но страданье говорило,
Но все же на губахъ и на щекахъ
Горѣлъ огонь, въ немъ чувствовалась сила,
Я хрупкимъ былъ, но тамъ въ глазахъ горѣлъ
Духъ сильный, онъ утонченъ былъ и смѣлъ.

30.

И хоть печаль теперь была во взорахъ,
Хоть измѣнились блѣдныя черты,
Намекъ въ нихъ былъ на тѣ черты, въ которыхъ,
Свѣтился геній высшей красоты;
Въ нихъ чувствовался ликъ, что мнѣ когда-то
Струилъ благословеніе свое,
Лицо ея—съ ней слившагося—брата,
Тотъ обликъ былъ похожъ на ликъ ея;
Былъ зеркаломъ онъ помысловъ прекрасныхъ,
И все хранилъ слѣды видѣній ясныхъ.

31.

Что жь я теперь? Спитъ съ мертвыми она.
Восторгъ и блескъ, и миръ сверкнули, скрылись.
Погибла ли та тучка, что, пѣжна,
Горѣла, но сіянья затемнились?
Или въ безвѣстной ночи, въ темнотѣ,
На крыльяхъ вѣтра своего блуждаетъ,
И въ новой освѣженной красотѣ
Живымъ дождемъ на землю упадаетъ?
Когда подъ моремъ рогъ острить луна,
Мерцаньемъ звѣздъ лазурь озарена.

32.

Съ Отшельникомъ разстался я, печальный,
Но бодрый; много было взглядовъ, слезъ
И замедленныхъ словъ, но въ путь мой дальный
Вело меня сіянье высшихъ грезъ.
Туда, гдѣ Станъ. По мощнымъ горнымъ скатамъ
Я шелъ среди зазубренныхъ вершинъ,
Среди лѣсовъ, съ ихъ прянымъ ароматомъ,
Среди глухихъ болотъ, среди долинъ.
Земля была въ одеждѣ звѣздотканной,
Была весна, съ весельемъ, съ грустью странной.

33.

И ожилъ я, и бодро шелъ впередъ,
Какъ бы вѣтрами легкими влекомый;
Когда же ночь темнила небосводъ,
Во снѣ ко мнѣ склонялся ликъ знакомый,
Мнѣ улыбались ласковые сны,
Я видѣлъ Цитну, но живой, не мертвой;
Когда же день свѣтилъ мнѣ съ вышины,
Я просыпался, видѣлъ распростертый
Широкій міръ, и этотъ нѣжный сонъ
Какъ будто былъ стѣною отдѣленъ.

34.

Та дѣва, что свѣтильникъ Правды ясный
Надъ Городомъ проснувшимся зажгла,
Чьихъ свѣтлыхъ дѣлъ сіялъ узоръ прекрасный,
Въ моихъ мечтахъ восторженныхъ жила.
Надежда умъ питаетъ всѣмъ, что встрѣтитъ,
Цвѣтами, какъ и сорною травой.
Тотъ трупъ—была ли Цитна? Кто отвѣтитъ?
Иль было то безумною мечтой?
Умъ не терзало это упованье,
О, нѣтъ, оно струило мнѣ сіянье.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

1.

Я наконецъ прошелъ послѣдній скатъ,
Уклонъ обширный снѣговой вершины;
Подъ низкою луной увидѣлъ взглядъ,
И Станъ, и Городъ, и просторъ долины,
А по краямъ верхи Азійскихъ горъ,
Полночное мерцанье Океана,
Домовъ и крышъ причудливый узоръ,
Свѣтильники, какъ звѣзды средь тумана,
И вырвавшись какъ будто изъ Земли,
Костры горѣли тамъ и сямъ вдали.

2.

Не спали лишь одни сторожевые,
Да тѣ, что за огнемъ на маякѣ
Смотрѣли; рѣдко возгласы живые,
То тамъ вдали, то здѣсь невдалекѣ,
Вставали; тишина потомъ полнѣе
Была средь этой спящей темноты.
Какая ночь! Какая власть, лелѣя
Умы людей, питала въ нихъ мечты!
Добро и зло, въ страстяхъ переплетенныхъ,
Свой вѣчный бой вели въ тѣхъ душахъ сонныхъ.

3.

Побѣдной Власть Добра теперь была;
По множеству тропинокъ и уклоновъ,
Среди шатровъ, гдѣ были ночь и мгла,
Я шелъ среди безмолвныхъ милліоновъ;
Луна, окончивъ странствіе свое,
Сошла съ Небесъ; востокъ бѣлѣлъ зарею;
И юноша склоненный на копье
Въ рѣдѣвшей мглѣ предсталъ передо мною;
Я вскрикнулъ: «Другъ»!—и этотъ крикъ сейчасъ
Сталъ лозунгомъ живыхъ надеждъ для насъ.

4.

Я сѣлъ съ нимъ, и до самаго разсвѣта
О чаяньяхъ мы говорили съ нимъ,
Какъ высока была бесѣда эта!
И звѣзды уходили въ свѣтлый дымъ;
И мнилось мнѣ, пока мы говорили,
Что голосъ у него какъ бы тонулъ
Въ какой-то давней, мнѣ знакомой, были;
Когда жь разсвѣтъ широкій намъ блеснулъ,
Онъ посмотрѣлъ, и, точно предъ видѣньемъ,
«Такъ это ты!»—воскликнулъ съ изумленьемъ.

5.

Тогда я вдругъ узналъ, что это онъ,
Тотъ юноша, съ кѣмъ первыя надежды
Мой духъ связалъ; но былъ онъ отдаленъ
Словами клеветы; и онъ въ одежды
Холоднаго молчанія замкнулъ
Свою любовь, а я, какъ оскорбленный,
Стыдился,—и надолго потонулъ
Нашъ свѣтъ во тьмѣ, клеветникомъ сгущенной;
Намъ истина теперь открылась вдругъ,
И снова каждый былъ и братъ и другъ.

6.

Въ то время какъ, съ блестящими глазами,
Бесѣдовали мы, раздался зовъ;
Вставъ точно изъ земли, онъ вдругъ надъ нами
Промчался, исходя изъ всѣхъ шатровъ:
«Къ оружію!» Средь полчищъ, распростертыхъ
Во снѣ, прокрались воры-палачи,
И въ быстрой схваткѣ десять тысячъ мертвыхъ
Оставили ихъ подлые мечи;
Тѣ самыя сердца они топтали,
Что жизнь щадили ихъ и свѣтъ имъ дали.

7.

Подобно какъ ребенокъ для змѣи
Приноситъ пищу и встрѣчаетъ жало,
Они рубились въ дикомъ забытьи,
И въ воздухѣ проклятіе дрожало;
Людей свободныхъ дрогнули ряды,
Какъ вдругъ «Лаонъ!» раздался крикъ могучій,—
И точно подъ сверканіемъ звѣзды
Раздвинулись густѣющія тучи,—
Какъ будто вѣстникъ посланъ былъ съ Небесъ,
И дерзостный порывъ враговъ исчезъ.

8.

Убійцы, точно жалкихъ мошекъ стая
Подъ вѣтромъ,—скрылись прочь, ихъ строй бѣжалъ,
Но наше войско, ихъ опережая,
Замкнуло ихъ въ ущельи между скалъ;
Отчаянье, въ усиліяхъ безплодныхъ,
Прорвалось, но отмщеніе пришло,
И на мгновенье у бойцовъ свободныхъ
Душа была способна сдѣлать зло,
Одинъ ужь на врага копье намѣтилъ,—
«Стой, стой!»—вскричалъ я, и ударъ тотъ встрѣтилъ.

9.

Я руку поднялъ и ударъ копья
Ее пронзилъ; я улыбнулся ясно,
Увидѣвъ кровь на стали острія;
Я молвилъ: «Влага жизни, ты прекрасна,
Такое краснорѣчіе въ тебѣ,
Что съ нимъ бороться сердцу невозможно;
Пока тебя могу пролить въ борьбѣ,
Стремленіе мое живетъ не ложно;—
Вы плачете—блѣднѣете—вотъ такъ:
Вамъ правда подала теперь свой знакъ.

10.

«Солдаты, вами спящіе убиты
Друзья и братья наши. Для чего?
Когда бъ вы были терніемъ увиты,
Они бы съ васъ хотѣли снять его;
Вы погасили взоры, что лучами
Сочувствія хотѣли вамъ свѣтить,
Пролить бальзамъ надъ вашими сердцами,
И свѣтлую въ вашъ мракъ забросить нить.
А вы? Благихъ во снѣ вы закололи.
Но мстить не будутъ духи свѣтлой воли.

11.

«Зачѣмъ изъ зла исходитъ вѣчно зло,
Изъ пытки боль еще острѣйшей пытки?
Мы братья всѣ—и ежели могло
Чье сердце только смерть въ житейскомъ свиткѣ
Читать и по наему убивать,
Пусть и оно узнаетъ, въ чемъ свобода.
Несчастье—зломъ за злое воздавать.
О, Небо, о, Земля, и ты, Природа,
Все черезъ васъ: и тотъ, кто сдѣлалъ зло,
И кто, отмщенью чуждъ, глядитъ свѣтло!

12.

«Другъ другу дайте руки; мракъ и злоба
Пусть въ прошломъ—сномъ задремлютъ вѣковымъ,
Какъ мертвые, что не встаютъ изъ гроба!»
Тутъ умъ мой погрузился въ смутный дымъ,
Внезапной тѣнью взоръ мой затемнился,—
Такъ много крови вытекло моей;
Когда жь отъ забытья я пробудился,
Я былъ среди враговъ и межь друзей,
Смотрѣли всѣ съ участьемъ и съ любовью,
Заботливо склоняясь къ изголовью.

13.

Тотъ воинъ, что пронзилъ меня копьемъ,
Сидѣлъ печальный, съ влажными глазами;
Какъ братья, что въ оазисѣ одномъ
Сошлись, идя различными путями,
Глядѣли дружно всѣ, и я имъ былъ
Отецъ, и братъ, и вождь, я въ бой опасный
Какъ будто бы за нихъ, за всѣхъ, вступилъ,
И, раненъ, спасъ отъ смерти ихъ, ужасной.
Такъ въ этотъ день, восторгомъ братскихъ узъ,
Соединился мощный тотъ союзъ.

14.

И съ возгласами бурными пошли мы
По направленью къ Городу, толпой,
Желаніемъ единственнымъ томимы—
Въ добрѣ быть превосходнѣй, чѣмъ любой;
Свободныя тѣ воинства блистали
Прекраснѣй, чѣмъ омытые въ крови
Рабы тирана,—мы лишь мира ждали,
Мы вольности хотѣли и любви;
Мы шли теперь не отъ рѣзни позорной,
Въ сердцахъ у всѣхъ былъ свѣтъ, не сумракъ черный.

15.

Была толпа на городскихъ стѣнахъ,
На каждой башнѣ были миріады,
И свѣтлыя знамена въ Небесахъ
Качались, услаждая наши взгляды,—
Тамъ, тамъ, на шпиляхъ; и какъ голосъ бурь,
Въ толпѣ раздался общій крикъ привѣта,
Казалось, онъ наполнилъ всю Лазурь,
Имъ точно вся Земля была одѣта,
Какъ будто бы тотъ гулкій крикъ исторгъ
Безбрежный нескончаемый восторгъ.

16.

По сотнямъ улицъ Города, мелькая,
Мы разлились,—какъ горные ручьи
Въ тишь озера, со скатовъ убѣгая,
Скользятъ со звономъ, льются въ забытьи;
Живыхъ лучей ласкала позолота,
И между тѣмъ какъ мы все шли и шли,
Вѣнки бросали намъ, вѣнки безъ счета,
Прекраснѣйшія руки ихъ сплели,
Намъ ангелы любви смѣялись нѣжно,
Надъ нами Небо высилось безбрежно.

17.

Я шелъ—какъ зачарованъ въ странномъ снѣ:
Толпы людей, недавно столь враждебныхъ,
Такъ дружно шли, и было видно мнѣ,
Что всѣ полны любви и чувствъ цѣлебныхъ,
И такъ какъ каждый раньше дѣлалъ зло,
Они смотрѣли кротко другъ на друга,
И было въ сердцѣ каждаго свѣтло,
Легка была бы каждая услуга,
Насъ жизнь манила тысячью утѣхъ,
Законъ свободы—равенство для всѣхъ.

18.

И всѣ они запѣли пѣснопѣнье,
Привѣтствуя Свободу и меня.
«Другъ вольныхъ, свѣтлый духъ освобожденья,
Виновникъ столь плѣнительнаго дня!»
Какъ лики, что чарующимъ искусствомъ
Возсозданы,—сіяли мнѣ кругомъ
Прекрасные глаза, блистая чувствомъ,
Что было зажжено ея лучомъ,
Той дивной Дѣвы, бывшей яркимъ свѣтомъ.
Но гдѣ жь она? Никто не зналъ объ этомъ.

19.

Лаоною она себя звала,
Она была безъ имени, безъ рода.
Но гдѣ жь Лаона въ этотъ день была,
Когда побѣду празднуетъ Свобода?
Была мнѣ и желанна, и страшна
Мечта, что можетъ быть я встрѣчусь съ нею.
Да, завтра всѣмъ покажется она,
Сказали мнѣ. Что сдѣлать я сумѣю
Для войска, началъ думать я тогда:
Ужь выступала за звѣздой звѣзда.

20.

Но всѣ заботы были безполезны,
Хотя великъ нашъ строй безмѣрный былъ:
Законъ необходимости желѣзный
Заботливости братской уступилъ.
И въ полумглѣ направился тогда я
Къ Дворцу Тирана, и нашелъ его:
Онъ былъ одинъ, уныло возсѣдая
На ступеняхъ престола своего,
Горѣвшаго въ сіяньяхъ перемѣнныхъ
Металла и каменьевъ драгоцѣнныхъ.

21.

Лишь маленькая дѣвочка предъ нимъ
Кружилась въ граціозной легкой пляскѣ;
Еще вчера толпой онъ былъ любимъ,
Еще вчера онъ зналъ и лесть, и ласки,
Сегодня онъ одинъ. И вотъ она,—
За то, что онъ хвалилъ ее когда-то
За пляску,—вся блѣдна, истомлена,
Кружилась, грустью скорбною объята,—
Онъ слишкомъ занятъ былъ душой своей,
Ни разу онъ не улыбнулся ей.

22.

Она къ нему испуганно прижалась,
Услышавъ шумъ шаговъ; но онъ былъ нѣмъ,
Во взорахъ ничего не отражалось,
Онъ больше тронутъ быть не могъ ничѣмъ;
Не поднялъ взгляда онъ на наши лица,
Хотя, когда вступили мы толпой,
На звукъ шаговъ, какъ пышная гробница,
Рѣзныя стѣны дали откликъ свой;
И какъ внутри собора склепъ угрюмый,
Лелѣялъ сумракъ тягостныя думы.

23.

Какъ блѣдно было дѣтское чело,
И эти губы, и худыя щеки.
Но темные глаза, горя свѣтло,
У ней прекрасны были и глубоки;
Она очарованья своего
Какъ будто бы совсѣмъ не сознавала.
Тиранъ глядѣлъ сурово, ротъ его
Давнишнее презрѣнье искривляло:
Казалось, эти созданы черты
Въ вулканѣ и въ провалахъ темноты.

24.

Она предъ нимъ какъ радуга стояла,
Рожденная грозою, что едва
Прошла, и солнце въ тучахъ возсіяло;
Казалось, Цитна въ ней была жива,
Ея улыбка, этотъ свѣтъ мгновенный,
Что сердце взволновалъ въ моей груди;
Я видѣлъ счастья призракъ незабвенный,
Что въ прошломъ былъ, тамъ гдѣ-то позади;
Все вдругъ припомнилъ я, когда, волнуемъ,
Я къ ней прильнулъ отцовскимъ поцѣлуемъ.

25.

Вѣнчаннаго злодѣя я повелъ
Оттуда прочь, и, искренно жалѣя,
Сталъ утѣшать его, но онъ былъ золъ,
И въ гордости, и въ страхѣ цѣпенѣя,
Неловко злобу мрачную тая,
Онъ такъ смотрѣлъ, какъ посмотрѣть могла бы
Своихъ зубовъ лишенная змѣя,
Свирѣпѣй, чѣмъ смотрѣть умѣютъ жабы;
Разумнымъ не внимавшій голосамъ,
Другихъ губившій, вотъ, погибъ онъ самъ.

26.

Дворецъ его давилъ бы, какъ гробница;
Мы вышли сквозь изваянный порталъ,
Прекрасныя на немъ виднѣлись лица,
Тамъ точно сонъ, застывъ, чего-то ждалъ;
И тѣни, что слѣдятъ за грезой сонной,
Какъ стражи, молча стали по угламъ.—
Ребенокъ шелъ походкой утомленной,
Растерянно глядѣлъ вослѣдъ онъ намъ,
Въ слезахъ дрожало звѣздное сіянье,
Въ отвѣтъ на мой вопросъ—одни рыданья.

27.

Тиранъ вскричалъ: «Убей ее скорѣй,
Иль дай ей хлѣба, рабъ, она не ѣла!»
Лишь въ гробѣ можно звукъ такихъ рѣчей
Услышать. Это истина глядѣла
Ужасными глазами на меня.
Одни во всемъ дворцѣ, забыты, оба
Не ѣли ничего въ теченьи дня:
Онъ,—такъ какъ гордость въ немъ была, и злоба,
И страхъ,—сидѣлъ у трона своего,
Она совсѣмъ не знала ничего.

28.

Тиранъ смущенъ былъ тѣмъ, что такъ могильно
Міръ глянулъ на него, что власть прошла,
Что стало даже золото безсильно,—
Дивился онъ пресѣкновенью зла;
Столь быстрое и тяжкое паденье
Того, кто такъ недавно страшенъ былъ,
Пугало и внушало изумленье;
Его несчастный видъ въ сердцахъ будилъ
Смущенность удивленія; какъ пѣна,
Исчезло все—настала перемѣна.

29.

Толпа, какая въ доблестной странѣ
Въ тысячелѣтье разъ одинъ бываетъ,
Сошлась вокругъ Тирана; въ тишинѣ,—
Какъ дождь и градъ весною упадаетъ,—
Былъ слышенъ частый гулкій звукъ шаговъ,
Но всѣ хранили строгое молчанье,
И этотъ одинокій межъ враговъ
Постигъ впервые тяжкій гнетъ страданья,
Почувствовалъ, какъ силенъ стыдъ и страхъ,
И скрылъ лицо, отъ взглядовъ острыхъ, въ прахъ.

30.

Лишился чувствъ; я на землѣ сѣлъ рядомъ,
Ребенка взялъ изъ слабыхъ рукъ его,
И посмотрѣлъ кругомъ спокойнымъ взглядомъ,
Чтобъ имъ никто не сдѣлалъ ничего;
Когда имъ пищу принесли, хотѣла
Она его кормить, но отвратилъ
Онъ отъ нея лицо; малютка ѣла
И плакала; въ немъ голодъ побѣдилъ
Отчаянье, и такъ, изнеможенный,
Сидѣлъ онъ, какъ въ дремоту погруженный.

31.

Молчанье пошатнулося въ рядахъ;
Такъ, медленно, какъ бы придя изъ дали,
Шумъ вѣтра собирается въ лѣсахъ.
«Низвергнутъ деспотъ нашъ!» они вскричали,
«Тотъ, кто въ дома къ намъ посылалъ чуму,
Тотъ, кто заставилъ насъ извѣдать голодъ,
Убійца, палъ! Проклятіе ему!
Онъ насъ ввергалъ въ смертельный страхъ и холодъ,
Но въ безднѣ тотъ, кто слезы пилъ и кровь,
Никто его не возстановитъ вновь!»

32.

И крикъ раздался: «Кто судилъ, пусть будетъ
Влекомъ на судъ, чтобы отвѣтъ былъ данъ!
Земля его дѣяній не забудетъ,—
Ужели безнаказанъ лишь Османъ?
Ужели только тѣ, что, надрываясь,
Богатства исторгали изъ земли,—
Чтобъ жить онъ могъ, порокомъ наслаждаясь,—
Какъ черви, погибать должны въ пыли,
А кровь его кипитъ, и онъ свободенъ?
Встань! Ты суду, ты палачу угоденъ!»

33.

«Что нужно вамъ?» тутъ я, привставъ, вскричалъ,
«Чего боитесь вы? Зачѣмъ вамъ надо,
Чтобы Османъ васъ кровью запятналъ?
Разъ вольность—вашимъ помысламъ отрада,
Не бойтесь, что одинъ, кто жилъ во злѣ,
Вамъ можетъ повредить; подъ Небесами,
Чей свѣтъ для всѣхъ, на Матери-Землѣ,
Пусть онъ теперь живетъ свободный съ вами;
И видя смѣну новой жизни, онъ
Какъ бы вторично будетъ въ міръ рожденъ.

34.

«Что вы *судомъ* зовете? Неужели
Никто изъ васъ другому, втайнѣ, зла
Не пожелалъ?—Неужто вы сумѣли
Такъ сдѣлать, чтобъ вся жизнь была свѣтла?
Когда же нѣтъ,—а это нѣтъ, навѣрно,—
Какъ можете желать убійства вы?
Негодованье ваше лицемѣрно,
И, ежели вы сердцемъ не мертвы,
Поймете вы, что истина въ прощеньи,
Въ любви, не въ злобѣ, и не въ страшномъ мщеньи.»

35.

Умолкъ народный ропотъ, и кругомъ
Стоявшіе, разлучены съ враждою,
Участливо склонились надъ врагомъ,
Что былъ въ пыли, съ покрытой головою;
Рыданья зазвучали въ тишинѣ,
И многіе, въ безумьи состраданья,
Склоняясь, цѣловали ноги мнѣ,
Исполнены надеждъ и ожиданья,
Нашли слова сочувствія въ себѣ
Къ тому, кто былъ жестокъ и палъ въ борьбѣ.

36.

Тогда, безмолвной окруженъ толпою,
Въ просторный домъ онъ былъ сопровожденъ,
Гдѣ, пышною отравленъ мишурою,
Подобіе ея увидѣлъ онъ;
И если бъ обладалъ душой онъ ясной,
Какъ тѣ, кѣмъ былъ прощенъ онъ въ этотъ часъ,
Конецъ его могъ быть зарей прекрасной;
Но въ глубинѣ его обманныхъ глазъ,
Какъ говорили мнѣ, скрывалось что-то,
Измѣна и зловѣщая забота.

37.

Насталъ канунъ торжественнаго дня,
Когда рѣшили братскіе народы,
Что жили раньше плача и стеня,
Отпраздновать священный мигъ Свободы,
Провозглашенье равенства для всѣхъ.
Настала полночь. По домамъ всѣ скрылись,
И сновидѣнья, полныя утѣхъ,
Надъ спящими воздушныя носились.
Но чуждой сна была душа моя,
Тревожно о Лаонѣ думалъ я.

38.

Взошла заря, прогнала тьму ночную,
Надежду пилъ въ ея сіяньи взоръ,
И вышелъ я за стѣну городскую,
На свѣтлую равнину между горъ;
То—зрѣлище плѣнительное было,
Оно рыданья вызвать бы могло:
Давнишняя завѣса отступила
Отъ власти человѣка, и свѣтло
Глядя на міръ, всѣ вольны безъ изъятья,
Толпились въ дружныхъ чувствахъ люди-братья.

39.

Въ лучахъ зари, надъ утреннею мглой,
Безчисленныя вѣяли знамена,
Всѣ возгласы въ единый кликъ, живой,
Слились и вознеслись до небосклона;
А между тѣмъ верхи безсмертныхъ горъ,
Просторы моря въ трепетномъ сіяньи,
Какъ бы сплелись въ одинъ сплошной узоръ,
Участвуя въ безмѣрномъ ликованьи;
Сочувственно восторгъ людей дѣля,
Казалось, ликовала вся Земля.

40.

Какъ островъ надъ пустыней Океана,
Алтарь Союза средь равнины всталъ,
Вздымаясь пирамидой изъ тумана;
Народъ ему рожденье дружно далъ
Въ теченьи ночи, волей милліоновъ;
Такъ на востокѣ зрима иногда
Надъ сонмомъ горъ, надъ цѣпью ихъ уклоновъ,
Огромныхъ тучъ нѣмая череда;
Въ той мощной глыбѣ чувствовался геній,
До кораблей—ея тянулись тѣни!

41.

Вездѣ кругомъ толпа у Алтаря
Шумѣла, поминутно возростая;
Такъ подъ зарей, вкругъ острова, горя,
Атлантика трепещетъ золотая;
Какъ бы возникши гдѣ-то въ вышинѣ,
Идя изъ свѣтлой выси отдаленья,
Воздушные, какъ музыка во снѣ,
Сребрились и звучали пѣснопѣнья;
Такъ изъ плывущихъ сверху облаковъ
Идутъ лучи, лаская зыбь валовъ.

42.

То было счастьемъ, что даетъ намъ Лета,—
Въ то утро видѣть, чувствовать, и жить!
Всѣ слились связью новаго привѣта,
Воспоминаній всѣхъ порвалась нить.
Лишь у двоихъ, въ тревогѣ возбужденной,
Отъ собственной мечты горѣла грудь,
Я былъ однимъ,—и пусть я, пробужденный,
Дышалъ легко, но я хотѣлъ вздохнуть
Еще полнѣй, хотѣлъ иного счастья,
Утраченнаго бывшаго участья.

43.

Великой Пирамиды я достигъ;
На ступеняхъ ея сидѣли хоромъ
Прекраснѣйшія женщины; въ тотъ мигъ,
Всѣмъ овладѣвъ заоблачнымъ просторомъ,
Залило свѣтомъ солнце небосклонъ,
Алтарь сверкнулъ вершиной огневою:
Изъ далей Самоѳракіи Аѳонъ
Такъ видятъ виноградари, съ зарею;
Рѣзной престолъ горѣлъ тамъ, какъ огнемъ,
И женскій Призракъ видѣнъ былъ на немъ:—

44.

Какъ сказочное свѣтлое Видѣнье,
Сплетенное изъ свѣта и тѣней,
Рожденное во мглѣ воображенья,
Чтобъ чаровать мечтающихъ людей.
Всѣ смертные къ ней взоры приковались;
Такъ моряки, плывя сквозь бурный мракъ,
Въ которомъ сотни дней они метались,
Глядятъ на загорѣвшійся маякъ;
Лишь дрогнулъ я одинъ въ терзаньи новомъ:
Тотъ дивный ликъ закутанъ былъ покровомъ.

45.

И не слыхалъ привѣтственный я крикъ,
Въ которомъ, вдругъ нарушивши молчанье,
Двухъ родственныхъ именъ союзъ возникъ,
Ея и моего, одно слиянье;
Я не слыхалъ, какъ возглашали намъ,
Что мы освободили всѣ народы,
Привыкшіе къ томительнымъ цѣпямъ,
И не видалъ я празднества Свободы;—
На друга опираясь, я молчалъ;
Но вотъ волшебный голосъ зазвучалъ.

46.

И вдругъ я былъ исполненъ упоеній,
Тотъ голосъ тѣмъ же былъ, войдя въ мой слухъ,
Что музыка небесныхъ пѣснопѣній
Тому, кого терзаетъ злобный духъ.
Какъ въ зеркалѣ, въ моемъ предстали взорѣ
Три статуи, во всей красѣ своей,
То мѣсто, гдѣ стояли мы, и море,
И горы, и безчисленность людей;
Такъ въ часъ, когда окончится затмѣнье,
Хрустально все сіяетъ, какъ видѣнье.

47.

Сперва была Лаона смущена,
И трепетность въ словахъ ея звучала;
Но вскорѣ успокоилась она.
«О, нашъ избранникъ, я тебя искала!
Любила брата я, но умеръ онъ;
Изъ всѣхъ людей, что на землѣ я знаю,
Ты сходствомъ съ нимъ одинъ соединенъ;
Себя покровомъ я теперь скрываю,
Чтобъ могъ себѣ представить ты подъ нимъ
Того, кѣмъ былъ ты нѣкогда любимъ.

48.

«Того, кто вѣрно умеръ. Ты мнѣ это
Простишь? Отраду нѣжную прими,
Не отвѣчая на слова привѣта.
Была я Жрицей избрана людьми,
Но почему, не знаю; мнѣ извѣстно
Лишь то, что жизнерадостной волной
Сюда принесена я столь чудесно,
Чтобы могла я встрѣтиться съ тобой,
Желанный; дай теперь свою мнѣ руку,
И въ радости живой забудемъ муку.

49.

«Пусть боль застигнетъ насъ, восторгъ губя,
Коль въ нашихъ душахъ осквернимъ мы волю,
Коли другихъ не будемъ, какъ себя,
Любить, дѣля сочувственно ихъ долю.»
И строго указала мнѣ она
Три изваянья стройныя близь трона:
Одно—Гигантъ, какъ будто въ грезахъ сна,
Предъ нимъ лежали скипетръ и корона,
Онъ разрушалъ ихъ; кто-то льнулъ къ нему,
Не зналъ, скорбѣть, смѣяться ли ему.

50.

Другое—Женскій Образъ въ центрѣ диска
Земли; была прекрасна та Жена,
Дитя и молодого василиска
Кормила грудью нѣжною она;
Въ ея глазахъ плѣнительная нѣга,
Осенній вечеръ, мнилось, въ нихъ свѣтилъ.
И третій Образъ, точно въ хлопья снѣга,
Одѣтъ былъ бѣлизною быстрыхъ крылъ;
Топталъ онъ Ложь, и вился червь ползучій,
Но онъ глядѣлъ на обликъ Солнца жгучій.

51.

Я сѣлъ предъ этимъ Образомъ, предъ ней,
Она стояла, а толпа, съ волненьемъ,
Какъ свѣтъ звѣзды среди морскихъ тѣней,
Обмѣнивалась зыбкимъ восхищеньемъ.
Въ душѣ у всѣхъ былъ незабвенный сонъ,
Въ толпѣ росла плѣнительная чара,
И тотъ обрядъ, подъ Солнцемъ, былъ свершенъ;
Потомъ закатъ, какъ заревомъ пожара,
Зажегъ средь волнъ лазурныхъ острова,
И слышались волшебныя слова.

Во всѣхъ сердцахъ одна любовь свѣтила,
Въ созвучьи нѣжныхъ словъ дышала сила,
Прекрасная Лаона говорила.

«О, Мудрость, ты ясна, какъ тотъ закатъ,
Сильна, быстра, смѣла, неукротима,
Какъ тѣ Орлы, что, юные, летятъ
Въ лучахъ, превыше облачнаго дыма;
Безуміе, Обычай, мрачный Адъ,
И Суевѣрье, и Печаль, блѣднѣютъ;
Смотри, основы всей Земли дрожатъ,
Они твой голосъ разумѣютъ.
Всѣ духи вольные ея
Обѣтованіе твое

Хранятъ въ одной надеждѣ жгучей,
Твой зовъ вошелъ во всѣ сердца,
Они стремятся безъ конца,
Какъ туча мчится вдаль за тучей;
Одинъ ихъ вѣтеръ быстрый мчитъ,
О, Мудрость, посмотри, твои возстали чада,
Стихіи—слуги имъ, тебѣ привѣтъ звучитъ,
Ихъ воля—вся твоя, ты ихъ умамъ—отрада.

«О, Духъ, обширный, какъ покровъ Ночной,
Глубокій, какъ бездонности Лазури,
Мать и душа всего, въ чемъ свѣтъ живой,
Блаженство бытія, красивость бури,
Ты снова на престолъ восходишь свой,
Въ душѣ людской, гдѣ чувства еле тлѣли;
О, въ дивныхъ снахъ, чуть встрѣтя призракъ твой,
Поэты старыхъ дней блѣднѣли:—
Теперь всевластна мощь твоя,
Лучистымъ блескомъ бытія,
Дрожа, прониклись милліоны;
Природа, Богъ, Любовь, Восторгъ,
Иль кто бъ ты ни былъ, ты исторгъ
Тамъ счастья крикъ, гдѣ были стоны;
Ты насъ смѣяться научилъ;
Презрѣнье, Ненависть, Бездушіе, и Мщенье
Забыты навсегда, и въ блескѣ новыхъ силъ
Въ сердцахъ свободныхъ—Миръ, Любовь, и Упоенье.

«Старѣйшее изъ всѣхъ земныхъ вещей,
Божественное Равенство! Ты знаешь:
Любовь и Мудрость, полныя огней,
Твои рабы, лишь ты ихъ озаряешь;
Сокровища изъ помысловъ людей,
Со Звѣздъ, изъ темной бездны Океана
Они несутъ какъ дань красѣ твоей;
Всѣ тѣ, что жили безъ обмана,
Хранили свѣтъ, за годомъ годъ,
И приближали твой приходъ,

Дождались твоего возврата,
Ты появилось какъ весна,
И вся земля оживлена,
Ты всѣ дыханья аромата
Въ одно сливаешь для людей;
Сіянія твои не лживы и не зыбки,
Всѣ дѣтища Земли хотятъ твоихъ лучей,
И льнутъ къ твоимъ стопамъ, и ждутъ твоей улыбки.

«О, братья, мы свободны! Сонмы горъ,
Лѣса, равнины, и прибрежье моря—
Пріютъ счастливыхъ, радостный просторъ,
Гдѣ вольные блаженствуютъ не споря;
Низвергнутъ рабства тягостный позоръ,
Ни женщинамъ оковъ нѣтъ, ни мужчинамъ,
И безъ условій взоръ встрѣчаетъ взоръ
Межъ двухъ существъ огнемъ единымъ.
И пусть, пока земные мы,
Не чужды боли мы и тьмы,
Настало утро послѣ ночи,
Сіяетъ солнце за грозой,
И безпечальною слезой
Горятъ проснувшіяся очи;
Улыбки дѣтскія въ сердцахъ,
Мечты влюбленныя согласны и сліянны,
Заря ума горитъ, и тонетъ міръ въ лучахъ,
Тѣ пропасти зажглись, что были такъ туманны.

«О, братья, мы свободны! Какъ горятъ
Подъ звѣздами плоды! Какъ вѣтры дышатъ
Надъ спѣлой рожью! Тамъ, за рядомъ рядъ,
Колосья спятъ, и зовъ ихъ еле слышатъ,
И звѣри, и на вѣткахъ птицы, спятъ,
Теперь ихъ кровь не будетъ больше литься,
Вкушать не будутъ люди жгучій ядъ,
Что обвиненіемъ дымится,
Крича о мести къ Небесамъ;
Гдѣ родъ людской, не будутъ тамъ

Царить безумье и недуги,
И все, что дышетъ на землѣ,
Что носится въ воздушной мглѣ,
Въ одномъ замкнется свѣтломъ кругѣ,
Толпиться будетъ возлѣ насъ;
И Знаніе, свѣтясь отъ мыслей благородныхъ,
Поэзія, огнемъ своихъ лучистыхъ глазъ,
Преобразятъ поля и города свободныхъ.

«Побѣда всѣмъ, кто былъ поверженъ ницъ,
Свидѣтель—Ночь, свидѣтели—Созвѣздья,
Глядящія съ хрустальныхъ колесницъ.
И, вольные, мы не хотимъ возмездья;
Мы лишь гласимъ: «Побѣда!»—До границъ
Незримыхъ взору, до предѣловъ Южныхъ,
До Западныхъ прибрежій и станицъ,
Земля услышитъ—нашихъ дружныхъ
Освобожденныхъ мыслей зовъ;
Онъ донесется до песковъ,
До всѣхъ шумящихъ океановъ,
И поблѣднѣютъ, услыхавъ,
И задрожатъ, какъ стебли травъ,
Ряды испуганныхъ тирановъ.
Когда-то всемогущій Страхъ,
Тѣнь капищъ, Дьяволъ-Богъ, исчезнетъ въ безднѣ мглистой,
Отъ нашихъ чаръ живыхъ растаетъ онъ въ лучахъ,
И Радость съ Правдою взойдутъ на тронъ лучистый.»

52.

Ночной туманъ соткалъ свой дымный кровъ,
И надъ толпой простерся мглой безбрежной,
Но слышалась еще напѣвность словъ,
Въ молчаніи звучалъ тотъ голосъ нѣжный,
Лелѣялъ зачарованный онъ слухъ,
Какъ будто шопотъ вѣтра отдаленный,
И вся она свѣтилась, точно духъ;
Кто этой рѣчи, изъ огня сплетенной,

Внималъ, тотъ слышалъ, какъ онъ восхищенъ,
Какъ сладко тѣмъ огнемъ и онъ зажженъ.

53.

Тотъ звучный голосъ былъ какъ ключъ звенящій,
Что, съ горъ струясь, осенніе листы
Съ собою мчитъ, чтобъ кончить бѣгъ блестящій
Въ зеркальной глади озера—Мечты;
И такъ, какъ эти листья подъ волною
Впиваютъ влагу, чтобъ ожить потомъ
На берегу, веселою весною,
И вглубь глядятъ травою и цвѣткомъ,—
Такъ всѣ внимали множествомъ согласнымъ,
И шопотъ пробѣгалъ въ восторгѣ ясномъ.

54.

Теперь всѣ разошлись среди костровъ,
Которые отъ берега морского
Тянулись въ полумракѣ, полномъ сновъ,
До горъ, до ихъ оплота тѣневого;
У темныхъ кипарисовъ, чьи стволы
Мерцали въ ярко-красномъ зыбкомъ свѣтѣ,
Средь дрогнувшей отъ этихъ вспышекъ мглы,
Земли счастливой радостныя дѣти
Вели бесѣду; въ ней, какъ свѣтлый сонъ,
Вставали—Счастье, Вольность, и Лаонъ.

55.

И пировали всѣ; ихъ пиръ былъ ясный,
Безгрѣшный, какъ способна дать Земля,
Когда улыбкой Осени прекрасной
Озолотитъ она свои поля;
Иль какъ отецъ, исполненный участья,
Миритъ своихъ враждующихъ дѣтей,
И въ ихъ блеснувшихъ взорахъ слезы счастья,
И пиръ ихъ свѣтелъ кротостью своей;
Всѣ существа могли бъ въ томъ слиться Пирѣ,
Что на землѣ, иль въ водахъ, иль въ эѳирѣ.

56.

Тамъ не были обычные яды,
Кровь не была, отсутствовали стоны,
Тамъ громоздились пышные плоды,
Гранаты, апельсины, и лимоны,
И финики, и множество корней
Питательныхъ, и гроздья винограда,
Который не былъ пагубой огней
Въ напитокъ превращенъ съ проклятьемъ яда;
Не затемненъ разсудокъ былъ питьемъ,
Кто жаждалъ, тотъ склонялся надъ ручьемъ.

57.

Лаона со святилища спустилась,
И ею былъ прикованъ каждый взоръ,
И въ каждомъ съ нѣжной лаской сердце билось,
Хоть отблисталъ пѣвучихъ словъ узоръ;
Въ толпѣ она сняла покровъ свой бѣлый,
И, какъ цвѣтокъ, прекрасный ликъ расцвѣлъ,
Но я какой-то грезою несмѣлой
Удержанъ былъ, и къ ней не подошелъ,
Къ костру близь волнъ, что пѣнились широко,
Я на краю равнины сѣлъ, далеко.

58.

Нашъ праздникъ былъ весельемъ оживленъ,
Улыбками, и шутками, и пѣньемъ,
Пока горѣлъ далекій Оріонъ
Надъ островами, надъ морскимъ волненьемъ;
И нѣжной связью были слиты мы,
Пока не скрылся онъ среди тумана,
Не спряталъ поясъ свой средь дымной тьмы,
Что курится надъ грудью Океана;
Толпы людей пошли домой тогда,
И прошлый день свѣтилъ имъ, какъ звѣзда.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

1.

По берегу мерцающаго моря,
Въ узоръ сплетая нѣжность яркихъ словъ,
И родственному сердцу сердцемъ вторя,
Я съ другомъ шелъ, а между облаковъ
Свѣтили звѣзды намъ; воображенье
Намъ рисовало радостные дни,
Любви и мира кроткія видѣнья;
Погасли бивуачные огни
Послѣдніе, и тьма покрыла волны,
И тишь была кругомъ, и мракъ безмолвный.

2.

Когда мы къ городской пришли стѣнѣ,
Какъ, почему, никто не зналъ причины,
Возникло безпокойство въ тишинѣ,
Среди толпы идущей отъ равнины;
Сперва одинъ, весь блѣдный, пробѣжалъ
И дико поглядѣлъ, не молвивъ слова;
И съ шумомъ, какъ морской вспѣненный валъ,
Исполненные ужаса слѣпого,
Промчались женщинъ смутные ряды,
Спасаясь отъ невѣдомой бѣды.

3.

Возникли крики въ сумракѣ туманномъ;
«Къ оружію! Къ оружію! Онъ тутъ!
Тиранъ межь насъ, онъ съ войскомъ чужестраннымъ,
Чтобъ насъ поработить. Они идутъ!»
Напрасно. Всѣми Паника владѣла,
Тотъ дьяволъ, что и сильныхъ, властью чаръ,
Сражаетъ; словно буря налетѣла,
Такъ всѣ бѣгутъ—увидѣвши пожаръ,
И я взбѣжалъ на башню городскую,
Я въ бѣшенствѣ, я въ гнѣвѣ, негодую.

4.

На Сѣверѣ весь городъ былъ въ огнѣ,—
Краснѣя, росъ онъ каждое мгновенье,
И все яснѣе слышалися мнѣ
Крикъ торжества и возгласы мученья,
Внизу, въ проходѣ, между тяжкихъ вратъ,
Толпа кипѣла длинной пеленою,
Какъ будто бы вспѣненный водопадъ,
Взлелѣянный вершиной снѣговою,
И бомбы, разрѣзая темноту,
Вонзались въ ту живую густоту.

5.

И прискакали всадники—скорѣе,
Чѣмъ скорость этихъ словъ; я увидалъ,
Какъ мечъ, въ рукѣ у каждаго краснѣя,
Въ зарѣ, еще не вспыхнувшей, блисталъ.
Я бросился въ толпу, и силой взгляда,
И силою отчаянья и словъ,
Была на мигъ удержана громада,
Проснулся стыдъ въ сердцахъ у бѣглецовъ,
Но, стиснутые новою толпою,
Они неслись, не властны надъ собою.

6.

Я бился, какъ захваченный волной,
Несущійся по зыби водопада
И слышащій его стозвучный вой;
Мной овладѣла быстрая громада,
Что мчалась все скорѣе и скорѣй,
Межь тѣмъ какъ бомбы, съ трескомъ разрываясь,
Прорывы образовывали въ ней;
Живые, съ умерщвленными сливаясь,
Исторглись на равнину наконецъ,
И въ смертной нивѣ мечъ ходилъ какъ жнецъ.

7.

Собаки кровожадныя Тирана
Предательской толпой примчались къ намъ,
Пришли, какъ духи страха и обмана,
И всадники носились по полямъ,
Звучалъ ихъ хохотъ, смѣхъ души ихъ низкой,
Сбирали жатву смерти наглецы,
А съ кораблей, отъ Пропонтиды близкой,
Струился дождь огня во всѣ концы:
Такъ иногда, во мглѣ землетрясенья,
Горятъ вулканы, и въ моряхъ—волненье.

8.

Нашъ праздникъ былъ внезапно превращенъ
Въ зловѣщій пиръ для хищныхъ птицъ, простертыхъ
Тамъ въ Небесахъ, какъ саванъ. Страшный сонъ!
Въ разсвѣтѣ я ступалъ по грудамъ мертвыхъ,
Стеклянными казались ихъ глаза.
И я совсѣмъ не думалъ о спасеньи,
Въ моей душѣ проснулася гроза,
Я громко о своемъ кричалъ презрѣньи,
И многихъ къ упованью я вернулъ,
Во многихъ стыдъ спасительный блеснулъ.

9.

Вокругъ меня сплотилась кучка смѣлыхъ,
И хоть оружья не было у насъ,
Въ рядахъ мы прорывались порѣдѣлыхъ,
Враговъ пугая блескомъ нашихъ глазъ;
Сомнительнымъ мы сдѣлали сраженье,
И, сплоченные волею одной,
Укрылися на холмъ, подъ возвышенье,
Нависшее скалистою стѣной;
Но нашихъ братьевъ все еще рубили,
И по кровавой мы ступали пыли.

10.

Недвижно мы стояли. Какъ я былъ
Обрадованъ, съ собой увидѣвъ рядомъ
Отшельника, котораго любилъ,
Съ божественнымъ неукротимымъ взглядомъ;
Онъ былъ какъ бы могучею сосной,
Упорною среди вѣтровъ бѣгущихъ,
И юный другъ мой также былъ со мной,
Среди борцовъ, судьбы безстрашно ждущихъ;
И тысячи, ряды враговъ дробя,
Столпились къ намъ, чтобъ умереть любя.

11.

Пока всходило солнце по Лазури,
Враждебные ряды рубили насъ,
Но сотни нашихъ, точно силой бури,
Отбросили ихъ тысячи, въ тотъ часъ,
Когда, увлечены рѣзней свирѣпой,
Они чрезмѣрно близко подошли;
И стали намъ защитою и скрѣпой
Тѣла убитыхъ; но, гремя вдали,
Не спали пушки, и враги смѣялись,
Когда по вѣтру стоны раздавались.

12.

Холмъ защищалъ со стороны одной
Фалангу тѣхъ мужей неукротимыхъ,
Съ другой же—трупы наросли стѣной,
Теряли мы товарищей любимыхъ,
Ручьями кровь на зелень травъ лилась,
Какъ бы болото было подъ ногами,
Но мужество не погасало въ насъ;
Когда жь на западъ, между облаками,
Спустилось солнце, сталъ сильнѣе бой,—
Сомнительной смѣнился онъ борьбой.

13.

Въ пещерѣ, на холмѣ, нашли мы груду
Тяжелыхъ деревенскихъ грубыхъ пикъ,
Какъ нѣкому обрадовавшись чуду,
Воинственный мы испустили крикъ,
Не всѣмъ изъ насъ оружія хватило,
Былъ изъ шести вооруженъ одинъ,
Но нашу бодрость это пробудило,
И съ длинной цѣпью вражескихъ дружинъ
Съ удвоенною силой мы схватились,
Безстрашно съ наступавшими мы бились.

14.

Враги почти готовы были прочь
Бѣжать отъ насъ; но вотъ сплотились снова;
Понявъ, что наступающая ночь
Побѣду намъ отдастъ,—полны двойного,
Усиленнаго бѣшенства, они
Сойдя съ коней, ряды свои сомкнули,
И началось неравенство рѣзни,
И все смѣшалось въ ропотѣ и гулѣ,
И то мечомъ, то силою гранатъ
Они фалангу тѣсную громятъ.

15.

О, ужасъ, о, позоръ—глядѣть, какъ братья
Другъ съ другомъ сочетаются рѣзней,
Звѣрѣютъ, на устахъ у нихъ проклятья,
А самъ виновникъ тамъ, за ихъ спиной!—
Мой юный другъ, какъ молодость прекрасный,
Заколотъ былъ!—хранитель мой, старикъ,
Мечомъ разрубленъ въ схваткѣ былъ ужасной,
На землю онъ у ногъ моихъ поникъ!—
Сознанье закружилось, улетѣло,
Я былъ какъ всѣ, мной бѣшенство владѣло.

16.

И все сильнѣй былъ бой, и все страшнѣй;
Среди бойцовъ замедливъ, я увидѣлъ,
Какъ ты гнусна, о, Ненависть, въ своей
Свирѣпости,—хотя бъ, кто ненавидѣлъ,
Неустрашимо бился за любовь.
Земля кругомъ какъ бы была изрыта,
Мѣнялся жребій схватки вновь и вновь
И съ грудью грудь была враждебно слита,
Одни другихъ душили—страшный видъ!—
Глаза ихъ выходили изъ орбитъ.

17.

Языкъ ихъ, какъ у бѣшеной собаки,
Болтался, мягкій, пѣной оскверненъ;
Нужда, Чума, таящійся во мракѣ
Безумный Лунатизмъ, Кошмарный Сонъ—
Всѣ собственной отмѣчены печатью,
И въ томъ была твоя печать, Война,
Наемникъ жадный, служащій проклятью.
Всю пропасть смерти видѣлъ я до дна,
Всѣ образы ея, она богата,
Я видѣлъ смерть съ разсвѣта до заката.

18.

Немного оставалося бойцовъ,
Но длился бой. Въ лазури небосклона,
Превыше горъ, на фонѣ ихъ снѣговъ,
Еще возникли новыя знамена:
Они дрожали въ тающихъ лучахъ
Исчезнувшаго между горъ свѣтила;
Все чаще, чаще смерть у насъ въ рядахъ,
И вотъ для всѣхъ раскрылася могила;
Лишь я одинъ лежу, сраженъ, но живъ,
И вижу смерть, ко мнѣ спѣшитъ приливъ.

19.

Вдругъ страхъ среди враговъ, ихъ разгоняя,
Возникъ,—какъ будто съ неба палъ огонь:
Топча убитыхъ и живыхъ роняя,—
Гляжу,-бѣжитъ Татарскій черный конь,
Гигантскій; стукъ копытъ его ужасенъ,
И нѣкто свѣтлый, въ бѣломъ, на конѣ,
Съ мечомъ, и ликъ сидящаго прекрасенъ;
Войска бѣгутъ, смѣшались, какъ во снѣ,
Сквозь ихъ ряды, съ чудовищною силой,
Летитъ какъ будто Ангелъ бѣлокрылый.

20.

Бѣжали всѣ испуганные прочь.—
Я всталъ; сдержалось Призрака стремленье;
И вѣтеръ наступающую ночь
Наполнилъ какъ бы ласковостью пѣнья:
Остановился конь передо мной,
Мнѣ женскій ликъ предсталъ, какъ ликъ святыни,
И прозвучалъ мнѣ зовъ души родной,
Плѣнительный, какъ звонкій ключъ въ пустынѣ:
«Лаонъ, садись!»—звала она меня,
И рядомъ съ нею сѣлъ я на коня.

21.

«Впередъ! впередъ!»—тогда она вскричала,
Взмахнувъ мечомъ надъ головой коня,
Какъ будто это бичъ былъ. Ночь молчала.
Какъ буря мчитъ туманъ, его гоня,
Такъ мчался конь, и были мы безмолвны,
Неслись, неслись, безстрашно, какъ гроза;
Ея волосъ темнѣющія волны
Развѣявшись, слѣпили мнѣ глаза,
Мы миновали долъ, и гладь потока,
Тѣнь отъ коня въ ней зыблилась широко.

22.

Онъ высѣкалъ огонь изъ камня скалъ,
Копытами гремя по мертвымъ скатамъ,
Потокъ подъ нимъ весь брызгами сверкалъ,
И въ бѣгѣ, точно бурею объятомъ,
Онъ мчалъ насъ, мчалъ, впередъ и все впередъ,
Сквозь ночь, къ горѣ, чья гордая вершина
Свѣтилась: тамъ виднѣлся нѣкій сводъ,
Мерцала тамъ подъ звѣздами руина;
Могучій конь напрягъ сурово грудь,
И наконецъ, окончили мы путь.

23.

Утесъ стоялъ въ выси надъ Океаномъ,
И можно было слышать съ вышины,
Какъ, скрытая нависнувшимъ туманомъ,
Живетъ вода, и внятенъ звукъ волны,
Такіе звуки слышатся порою
Тамъ, гдѣ вздыхаютъ вѣтры неспѣша,
Гдѣ въ чарахъ, порожденныхъ Тишиною,
Какъ будто что поетъ, едва дыша;
И можно было видѣть, тамъ далеко,
Шатры, и Море, спавшее широко.

24.

Глядѣть, внимать,—то былъ единый мигъ,
Онъ промелькнулъ—два существа родныя
Одинъ въ другомъ нашли всего родникъ,
Всю глубь Небесъ, всѣ радости земныя;
Во взорахъ Цитны,—то была она,—
Такое было нѣжное сіянье,
Такой бездонной грусти глубина,
Что силою волшебнаго вліянья
Я заколдованъ былъ,—и вотъ у ней
Невольно слезы льются изъ очей.

25.

И скрыла омоченное слезами
Она на грудь ко мнѣ лицо свое,
И обнялъ я усталыми руками
Все тѣло истомленное ея;
И вотъ, не то скорбя, не то въ покоѣ,
Она сказала мнѣ: «Минувшимъ днемъ,
Ты потерялъ сраженье, въ тяжкомъ боѣ,
А я была въ цѣпяхъ передъ Царемъ.—
Разбивъ ихъ, мечъ Татарскій я схватила,
И на коня могучаго вскочила.

26.

«И вотъ я здѣсь съ тобою рѣчь веду,
Свободны мы.»—Она коня ласкала,
И бѣлую на лбу его звѣзду,
Съ признательностью нѣжной цѣловала,
И множество благоуханныхъ травъ,
Рвала ему вокругъ руины сонной,
Но я, ея усталость увидавъ,
На камень усадилъ ее, склоненный,
Къ стѣнѣ, и въ уголкѣ, межь темныхъ мховъ,
Коню я груду положилъ цвѣтовъ.

27.

Былъ обращенъ къ созвѣздіямъ востока,
Въ руинѣ той разрушенный порталъ,
Тамъ только духи жили одиноко,
Которымъ человѣкъ пріютъ здѣсь далъ,
Оставивъ имъ въ наслѣдство то строенье:
Надъ кровлею его переплелись,
Вокругъ плюща ползучія растенья,
И свѣшивались въ залъ, съ карниза внизъ,
Цѣплялись вдоль сѣдыхъ его расщелинъ,
И плотный ихъ узоръ былъ нѣжно-зеленъ.

28.

Осенніе здѣсь вѣтры, изъ листовъ,
Сложили даже, силой дуновеній,
Какъ бы пріютъ для безтревожныхъ сновъ,
Подъ нѣжной тѣнью вьющихся растеній,
И каждой годъ, въ блаженномъ забытьи,
Надъ этими умершими листами,
Лелѣяла весна цвѣты свои,
Звѣздясь по нимъ цвѣтными огоньками,
И стебли, ощущая блескъ мечты,
Переплетали тонкіе персты.

29.

Не знаемъ мы, какое сновидѣнье
Въ пещерахъ нѣжной страсти насъ ведетъ,
Въ какое попадаемъ мы теченье,
Когда плывемъ во мглѣ безвѣстныхъ водъ,
Въ потокѣ жизни, между тѣмъ какъ нами
Владѣютъ крылья вѣтра,—и зачѣмъ,
Намъ знать, что́ тамъ сокрыто за мечтами?
Любовь сильнѣй, когда разсудокъ нѣмъ,
Нѣжнѣй мечта, когда душою плѣнной
Мы въ Океанѣ, въ музыкѣ Вселенной.

30.

Для чистыхъ чисто все. Мои мечты,
Ея мечты—окутало Забвенье:
Забыли мы, подъ чарой красоты,
Всѣхъ чаяній общественныхъ крушенье,
Хоть съ ними мы связали столько лѣтъ;
На насъ нашла та власть, та жажда, знанье,
Что мысли всѣ живитъ, какъ яркій свѣтъ,
Всѣмъ облакамъ даетъ свое сіянье;
Созвѣздія намъ навѣвали сны,
На насъ глядя съ лазурной вышины.

31.

То сладкое въ насъ было упоенье,
Когда въ молчаньи каждый вздохъ и взглядъ,
Исполненные страсти и смущенья,
О счастьи безглагольномъ говорятъ:—
Всѣ грезы юныхъ дней, ихъ благородство,
Кровь общая, что въ насъ, кипя, текла,
И самыхъ чертъ, намъ дорогое, сходство,
И все, чѣмъ наша жизнь была свѣтла,
Вплоть до именъ,—все, что въ душѣ боролось,
Нашло для насъ безмолвный властный голосъ.

32.

И прежде чѣмъ тотъ голосъ миновалъ,
Ночь сдѣлалась холодной и туманной,
Съ болота, что лежало между скалъ,
Сквозь щель въ руину гость пришелъ нежданный—
Бродячій Метеоръ; и поднялось
До потолка то блѣдное сіянье,
И пряди голубыхъ его волосъ
Отъ вѣтра приходили въ колебанье,
И вѣтеръ странно въ листьяхъ шелестѣлъ,
Какъ будто духъ шепталъ намъ и блестѣлъ.

33.

Тотъ Метеоръ облекъ въ свое сіянье
Листы, на ложѣ чьемъ я съ Цитной былъ,
И обнаженныхъ рукъ ея мерцанье,
И взоръ ея, что нѣжилъ и любилъ,—
Одной звѣзды двойное отраженье,
На влагѣ перемѣнчивой волны,—
Ея волосъ роскошное сплетенье,
Мы оба были имъ окружены,
И нѣжность губъ я видѣлъ, поблѣднѣвшихъ,
Какъ лепестки двухъ розъ, едва зардѣвшихъ.

34.

Къ болоту Метеоръ ушелъ, во тьму;
Въ насъ кровь какъ бы на мигъ остановилась,
И ясно стало сердцу моему,
Что вотъ она однимъ огнемъ забилась
Въ обоихъ; кровь ея и кровь моя
Смѣшалась, въ чувствѣ все слилось туманномъ,
Въ насъ былъ восторгъ нѣмого бытія,
Съ недугомъ, упоительно-желаннымъ;
Лишь духи ощутить его могли,
Покинувъ темный тусклый сонъ земли.

35.

То было ли мгновеніемъ услады,
Смѣшавшимъ чувства, мысли, въ зыбяхъ тьмы,
И даже погасившимъ наши взгляды,
Чтобы другъ друга не пугали мы,
И ринувшимъ насъ въ вольное забвенье,
Гдѣ встрѣтили мы страстность какъ весну?
Иль было это тѣхъ временъ теченье,
Что создали и солнце, и луну,
И всѣхъ людей, что умерли, но были,
Пока мы здѣсь о времени забыли?

36.

Не знаю. Какъ назвать, мечтой какой,
Тѣ полныя забвенья поцѣлуи,
Когда рука сплетается съ рукой,
И съ жизнью жизнь сливается, какъ струи?
Какъ взоръ назвать, что потонулъ въ огнѣ,
И что это за властное хотѣнье,
Что сердце по обрывной крутизнѣ
Ведетъ впередъ, за грани отдаленья,
Къ тѣмъ вихрямъ міровымъ, гдѣ, павъ на дно,
Два существа сливаются въ одно?

37.

То тѣнь, что между смертными незрима,
Хотя слѣпые чувствуютъ ее;
И власть ея божественнаго дыма
Здѣсь знать дала присутствіе свое,
Гдѣ нѣжною четой, въ любви сплетенной,
Мы пребывали, до тѣхъ поръ, когда
Ночь минула и новый день зажженный
Погасъ—и я почувствовалъ тогда.
Луна была въ выси надъ облаками,
Сбиралась буря, съ громкими вѣтрами.

38.

Казались поблѣднѣвшими уста . .
У Цитны, подъ холодною луною,
Ея волосъ роскошныхъ красота
На грудь струилась темною волною;
А тамъ, въ груди, царила тишина,
Въ ея глазахъ, въ ихъ глубинѣ бездонной,
Была услада радости видна;
Пусть за стѣною вѣтеръ возмущенный
Свистѣлъ и пѣнилъ ключъ, бѣжавшій съ горъ,—
Мы были тихи, ясенъ былъ нашъ взоръ.

39.

Любовь горѣла въ насъ безгрѣшнымъ свѣтомъ,
И подтверждалъ безмолвно каждый взглядъ,
Что слиты мы негаснущимъ обѣтомъ,
Что совершенъ таинственный обрядъ.—
Немногимъ былъ восторгъ такой прозрачный
Дарованъ,—къ намъ пришелъ онъ вновь и вновь:
Мы праздновали въ этой ночи брачной
Созвучность думъ и первую любовь,—
И всѣ мечты, съ ихъ вешнимъ ароматомъ,
Плѣнительно сестру вѣнчали съ братомъ.

40.

Природы цѣломудренный законъ
Любовь влагаетъ въ тѣхъ, что вмѣстѣ были
Въ младенчествѣ,—когда свой первый сонъ
Они подъ властью новыхъ не забыли,
И если ихъ обычай не стѣснилъ,
И рабство не связало роковое.
Тамъ, гдѣ течетъ Эѳіопійскій Нилъ,
Въ священной рощѣ дерево живое,
Чуть тѣнь къ нему отъ птицы, съ высоты,
Падетъ,—сжимаетъ, дрогнувши, листы:—

41.

Но родственные листья обнимаетъ—
И въ часъ когда ему сіяетъ день,
И въ часъ когда листы разъединяетъ
У всѣхъ другихъ растеній ночи тѣнь.
Такъ мы сливались въ ласкѣ неизмѣнной,
Любовь питала юныя сердца
Той мудростью святой и сокровенной,
Чья музыка струится безъ конца;
Такъ мощный Нилъ даритъ обогащеньемъ,—
Египетъ весь живетъ его теченьемъ.

42.

Какъ откликъ тѣхъ журчавшихъ родниковъ
Былъ голосъ Цитны, нѣжно-перемѣнный,
Мой голосъ слитъ былъ съ нимъ созвучьемъ словъ,
Мы были двое въ пропастяхъ вселенной;
И между тѣмъ какъ буря въ облакахъ
Гремѣла, говорили мы о грозномъ
Крушеньи всѣхъ надеждъ,—о сѣменахъ,
Что скрыты все же въ воздухѣ морозномъ
И зло убьютъ; для насъ горѣлъ маякъ,
Не поглотилъ насъ въ жадной бездне мракъ.

43.

Но Цитна третій день уже не ѣла;
Я разбудилъ Татарскаго коня,
И обнуздалъ его рукой умѣлой,
Довѣрчиво смотрѣлъ онъ на меня;
Скорбя о неизбѣжности разлуки,
Хотя и на недолгій, быстрый срокъ,
Былъ полонъ я такой глубокой муки,
Что устъ отъ устъ я оторвать не могъ,—
Въ такихъ прощальныхъ ласкахъ есть безбрежность:
Еще, еще, ростетъ и жаждетъ нѣжность.

44.

Въ послѣдній разъ поцѣловать, взглянуть,—
И Цитна смотритъ, какъ я уѣзжаю;
Гроза и ночь не закрывали путь
Среди стремнинъ ближайшихъ; дальше, съ краю.
Ползли туманы, вѣтеръ мглу принесъ,
Но все еще сквозь сѣть дождя виднѣлась
На бѣлой ткани темнота волосъ,
Разлившаяся ихъ волна чернѣлась,
Домчался по вѣтрамъ прощальный крикъ,
И вотъ уже равнины я достигъ.

45.

Я не боялся бури; не былъ страшенъ
Ея порывъ и гордому коню,
Когда срывался громъ съ небесныхъ башенъ,
Онъ радовался синему огню,
Широкіе глаза налились кровью,
И ржаньемъ откликался онъ громамъ,
Какъ будто былъ охваченъ онъ любовью,
И ноздри раздувалъ въ отвѣтъ вѣтрамъ;
И вскорѣ пепелище я замѣтилъ,
Тамъ, гдѣ Огонь Рѣзню привѣтомъ встрѣтилъ.

46.

Достигъ я раззореннаго села,
Съ деревьевъ листья въ бурѣ облетали,
Тамъ кровь людская пролита была,
Стояли груды стѣнъ, какъ знакъ печали,
Теперь огонь въ жилищахъ тѣхъ потухъ,
Бѣжала жизнь, и смерть въ права вступила,
Отшелъ отъ тѣлъ, ихъ согрѣвавшій, духъ,
Чернѣлись въ блескахъ молніи стропила,
Лежали кучей, точно сонмъ тѣней,
Тѣла мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей.

47.

На площади былъ ключъ, и были трупы;
Чтобъ жажду утолить, я слѣзъ съ коня,
Глаза усопшихъ, стекловидны, тупы,
Глядѣли другъ на друга, на меня,
На землю, и на воздухъ безучастный;
Склонясь къ ключу, отпрянулъ въ страхѣ я:
Вкусъ крови былъ въ немъ, горькій и ужасный;
На привязи коня я у ручья
Оставилъ, и въ пустынѣ той гнетущей
Искать сталъ, есть ли въ ней еще живущій.

48.

Но были мертвы всѣ, и лишь одна
Тамъ женщина по улицамъ бродила,
Какой-то странной скорбью сражена,
Она на духа ада походила:
Заслышавъ шумъ шаговъ, она сейчасъ
Къ моимъ губамъ горячій ротъ прижала,
И въ дикомъ долгомъ смѣхѣ веселясь,
Съ безумнымъ взглядомъ, громко закричала:
«Ты пилъ напитокъ Язвы моровой,
Мильоны скоро чокнутся съ тобой.»

49.

«Меня зовутъ Чума—сестру и брата—
Малютокъ двухъ кормила грудью я;
Пришла домой: одна огнемъ объята,
Другой лежитъ разрубленъ, кровь струя.
И съ той поры ужь я не мать, живая,
Но я Чума;—летаю здѣсь и тамъ,
Блуждая и живущихъ убивая:
Чуть только прикоснусь я къ чьимъ губамъ,
Они увянутъ, какъ и ты увянешь,
Но разъ ты Смерть, ты помогать мнѣ станешь.

50.

«Что ищешь ты? Сбирается туманъ,
Горитъ луна, и росы холодѣютъ;
Мой мальчикъ спитъ, глубоки язвы ранъ,
И черви въ немъ теперь кишатъ, густѣютъ.
Но что ты ищешь?»—«Пищи.»—«Ты ее
Получишь; Голодъ—мой любовникъ жадный,
Но онъ удержитъ бѣшенство свое,
Тебя во мракъ не броситъ непроглядный:
Лишь тотъ, кого цѣлую я теперь,
Придетъ на пиръ, въ отворенную дверь.»

51.

И съ силой сумасшедшею схватила
Она меня, и повела съ собой;
Все мимо труповъ, каждый шагъ—могила,
Вотъ мы дошли до хижины одной;
Изъ всѣхъ домовъ, теперь опустошенныхъ,
Къ себѣ она собрала хлѣбы въ домъ,
И въ видѣ трехъ столбовъ нагроможденныхъ
Межъ мертвецовъ поставила кругомъ,
Она младенцевъ мертвыхъ нарядила,
Какъ бы на пиръ, и рядомъ посадила.

52.

Грозясь рукою на гремѣвшій громъ,
Она вскричала, съ сумасшедшимъ взглядомъ:
«Пируйте, ѣшьте—завтра мы умремъ!»
И хлѣбный столбъ, который былъ съ ней рядомъ,
Толкнувъ ногой, разрушила она,
Какъ бы гостямъ безкровнымъ предлагая;
Я былъ въ сѣтяхъ чудовищнаго сна,
И, если бъ не ждала меня родная,
Тамъ далеко,—меня бъ схватила тьма,
Отъ состраданья я бъ сошелъ съ ума.

53.

Теперь же, взявши три-четыре хлѣба,
Уѣхалъ я:—безумную съ собой
Не могъ увлечь. Уже съ востока, Небо
Мелькнуло мнѣ полоской голубой,—
Гроза притихла; по прибрежью моря
Могучій конь проворно несъ меня,
Сѣдыя скалы показались вскорѣ,
И гулъ пошелъ отъ топота коня,
Межъ этихъ скалъ, надъ вьющейся дорогой,
Сидѣла Цитна, и ждала съ тревогой.

54.

Какъ радостно мы встрѣтились! Она
Вся блѣдная, покрытая росою,
Истомлена была, почти больна,
И я домой повелъ ее тропою,
Обнявши нѣжно; мнилось мнѣ, что въ ней
Отъ этого такое было счастье,
Какое неизвѣстно для людей;
Нашъ конь, какъ бы исполненный участья,
За нами мирно шелъ, и въ полумглѣ
Окончили мы путь нашъ по скалѣ.

55.

Мы ласками другъ друга отогрѣли,
Былъ поцѣлуемъ встрѣченъ поцѣлуй,
Потомъ мы наши яства мирно ѣли;
И какъ порой осенней, возлѣ струй,
Цвѣтокъ, совсѣмъ иззябшій подъ дождями,
Вдругъ радугой распустится въ лучахъ,—
Жизнь юная, улыбкой и огнями,
Сверкнула на щекахъ ея, въ глазахъ,
Забота уступила власть здоровью,
И озарилась вся она любовью.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

1.

Такъ мы сидѣли въ утреннихъ лучахъ,
Веселые, какъ этотъ блескъ разсвѣта,
Прогнавшій ночь, горящій въ облакахъ;
Трава была росой полуодѣта,
И въ ней игралъ чуть слышный вѣтерокъ,
Свѣтили намъ созвучья словъ и ласки,
И нашъ восторгъ настолько былъ глубокъ,
Что время, видя роскошь этой сказки,
Забыло, что мгновенія летятъ,
Забыло стрѣлъ своихъ смертельный ядъ.

2.

Я разсказалъ ей всѣ мои страданья,—
Какъ я терзался, какъ сошелъ съ ума,
И какъ Свободы гордое возстанье
Вернуло умъ, и какъ распалась тьма;
И по щекамъ ея струились слезы,
Вслѣдъ мыслямъ быстрымъ, что питали ихъ;
Такъ солнце, побѣдивъ въ горахъ морозы,
Струитъ потоки съ высей снѣговыхъ;
Я кончилъ, воцарилося молчанье,
И начала она повѣствованье.

3.

Необычаенъ былъ ея разсказъ,
Въ немъ точно память многихъ душъ сплеталась,
И хоть въ умѣ огонь тѣхъ дней не гасъ,
Она почти въ ихъ правдѣ сомнѣвалась,
Такъ много было сказочнаго въ нихъ.
Въ тотъ страшный день она не проронила
Слезы, была тверда въ мечтахъ своихъ,
Душевная въ ней не слабѣла сила,
Когда рабы ее, чрезъ Океанъ,
Перевезли къ предѣлу новыхъ странъ.

4.

И вотъ она раба, кругомъ рабыни
Тирана, низкихъ полнаго страстей,
Они могли смѣяться въ той пустынѣ,
Былъ устремленъ къ иному духъ у ней,
Къ высокому; она была спокойна,
Хотя грустна, и какъ-то въ грустный часъ
Она подъ звуки лютни пѣла стройно,
Какъ пѣлъ бы духъ, когда восторгъ погасъ;
Тиранъ ее услышалъ—на мгновенье
Своей души забылъ онъ оскверненье.

5.

И увидавъ, какъ вся она нѣжна,
Смягчилъ онъ духъ, гдѣ было все сурово,
На мигъ вкусилъ чудеснаго онъ сна;
Когда жь въ сокрытость своего алькова
Ту жертву онъ, что билася, стеня,
Велѣлъ ввести, и всѣ ея терзанья,
Слова и взгляды, полные огня,
Не оказали на него вліянья,—
Предъ ней, что въ пыткѣ билась, не любя,
Проснулся звѣрь, властитель, рабъ себя.

6.

Она узнала гнусное мученье,
Прикосновенье нежеланныхъ губъ,
Кошмаръ, въ которомъ грубость наслажденья
Терзаетъ безучастный полутрупъ;
Та ночь была ночь ужаса и страха,
Въ ея душѣ зажегся свѣтъ такой,
Что лишь душѣ, стряхнувшей бремя праха,
Бросаетъ лучъ свой, пламень огневой;
Тиранъ, ея увидѣвъ изступленье,
Бѣжалъ, исполненъ страха и смущенья.

7.

Ея безумье было точно лучъ,
Прорвавшій темноту души глубокой,
Ея порывъ настолько былъ могучъ,
Такою возмущенной, свѣтлоокой
Была въ негодованіи она,
Что захватило всѣхъ ея волненье:
Въ водоворотъ попавши такъ, волна
Не можетъ не испытывать вращенья;
Рабы прониклись жалостью; они
Горѣли, какъ подземные огни.

8.

Бояться сталъ Тиранъ за тронъ свой пышный,
И ночью къ ней послалъ онъ двухъ рабовъ:
Одинъ былъ евнухъ, съ поступью неслышной,
Не человѣкъ, орудье царскихъ словъ,
Уродливый, ползучій, весь согбенный;
Другой былъ съ дѣтства отъ отравы нѣмъ,
Все въ немъ навѣки тайной было плѣнной,
Внималъ онъ молча повелѣньямъ всѣмъ,
Онъ былъ пловецъ-ныряльщикъ, тощій, длинный,
Какъ бы взрощенъ волной морей пустынной.

9.

Отъ огненныхъ пришелъ онъ острововъ
Оманова коралловаго моря.
Они ее снесли ко мглѣ валовъ,
И вотъ челнокъ, съ морскою зыбью споря,
Поплылъ впередъ, и въ безднѣ голубой
Причалили мы тамъ, гдѣ подъ вѣтрами
И безъ вѣтровъ всегда кипитъ прибой;
Пловецъ своими длинными руками
Ее обвилъ, сжалъ ноги сталью ногъ,
И вмѣстѣ съ нею ринулся въ потокъ.

10.

«Проворный, какъ орелъ, что въ лѣсъ тѣнистый
Свергается съ заоблачныхъ высотъ,
Въ зеленой тишинѣ пустыни мглистой,
Онъ мчался сквозь пещеры вѣчныхъ водъ,
Гдѣ логовища были чудищъ темныхъ,—
И тѣни мощныхъ формъ бѣжали прочь,
Другія тѣни формъ иныхъ, огромныхъ,
За нимъ гнались, плывя сквозь эту ночь,
Онъ былъ быстрѣй, и до скалы примчался,
Гдѣ цѣпи золотой узоръ качался.

11.

«Послышался засововъ тяжкихъ гулъ,
Онъ повторенъ былъ темной глубиною,
Могучій столбъ кипящихъ водъ плеснулъ,
Открылося пространство подъ скалою,
Блеснуло небо, точно изумрудъ,
Сквозь влагу многихъ волнъ переплетенныхъ,
Такъ вечеромъ лучи сіянье льютъ
Сквозь нѣжную листву акацій сонныхъ,—
Пловецъ въ пространство свѣтлое нырнулъ,
Онъ искрою проворной промелькнулъ.

12.

«Потомъ въ пещеру», Цитна продолжала,
«Меня провелъ онъ, что надъ бездной водъ
Въ кипѣніи немолкнущемъ лежала,
Приливъ и днемъ и ночью тамъ реветъ;
Онъ отдыхалъ короткое мгновенье,
И, вновь нырнувши, пересѣкъ потокъ;
Была моя пещера какъ строенье,
Какъ храмъ—вверху открытъ, широкъ, высокъ,
И лишь съ вершины этого собора
Лились лучи, усладою для взора.

13.

«Внизу былъ обрамленъ тотъ водоемъ
Всѣмъ, что въ глубинахъ привлекаетъ взоры:
Жемчужины, коралловъ яркій сонъ,
И раковинъ пурпуровыхъ узоры,
Расписаны не смертною рукой,
Песокъ, какъ драгоцѣнныя запястья
Изъ золота, рожденныя волной
Въ приливныя мгновенья полновластья,
Какъ изваянья—формы, рядъ колоннъ,
И тутъ престолъ, и тутъ свободный тронъ.

14.

«Безумный бредъ, какъ демонъ, овладѣвшій
Моей душой, на краткій срокъ прошелъ,
Все видѣла я мыслью прояснѣвшей:
Мнѣ пищу приносилъ морской орелъ,
Его гнѣздо на островѣ томъ было,
Онъ былъ тюремщикъ странной той тюрьмы,
Я дружескій его прилетъ любила,
Какъ днемъ и ночью брата любимъ мы;
Единственной онъ былъ душой родною,—
Но вновь безумье овладѣло мною.

15.

«Оно какъ мгла окутало меня,
И мнилось мнѣ, что море—все воздушно,
Что вся земля—изъ яркаго огня,
Что облака, чуть плывшія послушно
Въ полдневный часъ подъ легкимъ вѣтеркомъ,
Уродливыя страшныя видѣнья,
Морской орелъ былъ демономъ, врагомъ,
Мнѣ въ клювѣ онъ, для полноты мученья,
Куски тебя кровавые давалъ,
Меня отравный саванъ обвивалъ.

16.

«Я знала вновь теченіе мгновеній,
Я видѣла орла, и водоемъ;
Былъ бредъ другой, и новый гнетъ мученій—
Во мнѣ—на сердцѣ кто-то былъ моемъ;
Живое что-то прочно поселилось
Тамъ, въ родникахъ завѣтныхъ бытія:—
Видѣнье предо мной всегда носилось,
Его въ душѣ сплела тоска моя,
Во мглѣ кошмаровъ, зыбкой, безнадежной,
Оно мнѣ засвѣтилось правдой нѣжной.

17.

«Казалось мнѣ, я жизнь родить должна,
Шли мѣсяцы, недѣли, и недѣли,
Мнѣ говорили ощущенья сна,
Что кто-то возлѣ сердца въ самомъ дѣлѣ
Трепещетъ,—что дитя мое и я
Мы скоро будемъ міромъ другъ для друга;
И вотъ, когда, веселый дождь струя,
Повѣяла весна, какъ бы надъ лугомъ,
Надъ водоемомъ,—вижу я во снѣ,
Что милое дитя смѣется мнѣ.

18.

«Оно прекрасно было отъ рожденья,
Совсѣмъ какъ ты, твои глаза и ротъ,
Я чувствую, въ блаженствѣ восхищенья,
Какъ пальчики свои оно кладетъ
На руку мнѣ,—какъ ты теперь, мой милый:—
И пусть умчался быстро дивный сонъ,
Во мнѣ живетъ сейчасъ съ такою силой,
Съ такою сладкой болью бьется онъ.»—
И Цитна на меня свѣтло взглянула,
Какъ будто бы догадка въ ней блеснула.

19.

Догадка, и сомнѣнье, и вопросъ,
И нѣжность испытующей печали;
Потомъ, когда прошло волненье слезъ,
Какъ та, кого рыданья потрясали,
Промолвила она: «Въ пустынѣ лѣтъ
Оазисомъ она душѣ блистала,
И нѣженъ былъ тотъ благотворный свѣтъ;
Своею грудью я ее питала,
И страха не испытывала я,
Я чувствовала, это дочь моя.

20.

«Слѣдила я за первою улыбкой,
Когда она глядѣла на волну,
И видѣла на этой влагѣ зыбкой
Созвѣздія, и солнце, и луну,
Протягивалась нѣжная ручонка,
Чтобъ изъ лучей одинъ, любимый, взять,
Но онъ въ водѣ былъ, и смѣялась звонко
Она, что лучъ не могъ ее понять,
И дѣтскіе слѣдили долго взоры,
Какъ зыблились лучистые узоры.

21.

«Мнѣ чудились слова въ ея глазахъ,
Такъ много въ нихъ виднѣлось выраженья,
И звуки сочетались на устахъ,
Неясные, но полные значенья,
Я видѣла въ ея лицѣ любовь,
И пальчики ея моихъ искали,
Однимъ біеньемъ билась наша кровь
Въ согласіи, когда мы вмѣстѣ спали;
Однажды свѣтлыхъ раковинъ набравъ,
Мы выдумали много съ ней забавъ.

22.

«Предъ вечеромъ, въ ея взглянувши очи,
Усталую въ нихъ радость я прочла,
И спали мы подъ кровомъ нѣжной ночи,
Какъ двѣ сестры, душа была свѣтла;
Но въ эту ночь исчезло наслажденье,
Она ушла, какъ легкій призракъ сна,
Какъ съ озера уходятъ отраженья,
Когда дымится предъ грозой луна,
Ушла лишь греза, созданная бредомъ,
Но та бѣда была вѣнецъ всѣмъ бѣдамъ.

23.

«Мнѣ чудилось, въ полночной тишинѣ
Явился вновь пловецъ изъ бездны водной,
Ребенка взялъ, и скрылся въ глубинѣ,
Я увидала зыбь волны холодной,
Когда, какъ раньше, быстро онъ нырнулъ;
Настало утро—свѣтлое, какъ прежде,
Но жизни смыслъ, какъ камень, потонулъ,
«Прости» мечтамъ, «прости» моей надеждѣ;
Я тосковала, гасла день за днемъ,
Одна межь волнъ, съ моимъ погибшимъ сномъ.

24.

«Ко мнѣ вернулся умъ, но мнѣ казалось,
Что грудь моя была измѣнена,
И каждый разъ кровь къ сердцу отливалась,
Какъ я была той мыслью смущена,
И сердце холодѣло на мгновенье;
Но наконецъ рѣшилась твердо я
Прогнать мечту, и вмѣстѣ съ ней мученье,
Чтобъ вновь ко мнѣ вернулась жизнь моя,
И наконецъ видѣнье отступило,
Хотя его безмѣрно я любила.

25.

«Я вновь владѣла разумомъ теперь,
И я боролась противъ сновидѣнья,
Оно, какъ жадный и красивый звѣрь,
Хотѣло моего уничтоженья;
Но измѣнилось все въ пещерѣ той
Отъ мыслей, что навѣки незабвенны,
Я вспоминала взглядъ, и смѣхъ живой,
Всѣ радости, что были такъ мгновенны;
Я тосковала, гасла день за днемъ,
Одна межъ волнъ, съ моимъ погибшимъ сномъ.

26.

«Шло время. Сколько? Мѣсяцы иль годы,
Не знала я: потокъ ихъ ровный несъ
Лишь день и ночь, круговоротъ природы,
Безслѣдность дней, безплодность думъ и слезъ;
Я гасла и блѣднѣла молчаливо,
Какъ облака, что таютъ и плывутъ.
Разъ вечеромъ, въ прозрачности прилива,
Игралъ моллюскъ, что Ботикомъ зовутъ,
Лазурный парусъ свой распространяя,
Качался онъ, межъ свѣтлыхъ волнъ играя.

27.

«Когда же прилетѣлъ Орелъ,—пища
Защиты у меня, тотъ Ботикъ мглистый,
Какъ веслами, ногами трепеща,
Пригналъ ко мнѣ челнокъ свой серебристый;
И медленно Орелъ надъ нимъ леталъ,
Но, видя, что свою ему тревожно
Я пищу предлагаю,—переСталъ
Ерошить перья онъ, и осторожно
Повисъ надъ нѣжнымъ дѣтищемъ волны,
Роняя тѣнь съ воздушной вышины.

28.

«И вдругъ во мнѣ душа моя проснулась,
Не знаю какъ, не знаю почему,
Вся власть былая въ сердцѣ шевельнулась;
И духъ мой сталъ подобенъ твоему,
Подобенъ тѣмъ, что, свѣтлые безъ мѣры,
Должны бороться противъ золъ людскихъ.
Въ чемъ было назначенье той пещеры?
Въ глубокихъ основаніяхъ своихъ
Она не знала той побѣдной силы,
Которой умъ горитъ надъ тьмой могилы.

29.

«И гдѣ мой братъ? Возможно ль, чтобъ Лаонъ
Былъ живъ, а я была съ душою мертвой?
Просторъ земли, какъ прежде, затемненъ,
Надъ нимъ, какъ раньше, саванъ распростертый,—
Но тотъ покровъ клялась я разорвать.
Свободной быть должна я. Если бъ птица
Могла веревокъ гдѣ-нибудь достать,
Разрушена была бъ моя гробница.
Игрой предметовъ, смѣной ихъ, Орла
Я мысли той учила, какъ могла.

30.

«Онъ приносилъ плоды, цвѣты, обломки
Вѣтвей,—не то, что нужно было мнѣ.—
Мы можемъ разогнать свои потемки,
Мы можемъ жить надеждой въ яркомъ снѣ:
Я вся жила въ лучахъ воображенья,
То былъ мой міръ, я стала вновь смѣла,
Повторность дней, и длительность мученья,
Мнѣ власть безстрашно-твердой быть дала;
Умъ глянулъ въ то, что скрыто за вещами,
Какъ этотъ свѣтъ, что тамъ за облаками.

31.

«Мой умъ сталъ книгой, и, глядя въ нее,
Людскую мудрость всю я изучила,
Богатство сокровенное свое
Глубь рудника внимательной открыла;—
Единый умъ, прообразъ всѣхъ умовъ,
Недвижность водъ, гдѣ видны всѣ движенья
Вещей живыхъ,—любовь, и блески сновъ,
Необходимость, смерть какъ отраженье,
И сила дней, съ надеждою живой,
И вся окружность сферы міровой.

32.

«Ткань мысли, сочетавшейся въ узоры,
Я знаками чертила на пескахъ,
Основность ихъ читали ясно взоры,
Чуть тронь узоръ, и вновь черты въ чертахъ:
Ключъ истинъ тѣхъ, что нѣкогда въ Кротонѣ
Неясно сознавались; и во снѣ,
Меня какъ бы качая въ нѣжномъ звонѣ,
Твои глаза склонялися ко мнѣ,
И я, принявъ внезапность откровенья,
Слова любви слагала въ пѣснопѣнья.

33.

«По волѣ я летала на вѣтрахъ
Въ крылатой колесницѣ пѣснопѣній,
Задуманныхъ тобой, и въ облакахъ
Какъ бы хрустальныхъ былъ мой юный геній;
Вдвоемъ сидѣли мы въ волнахъ лучей
На берегу сѣдого Океана,
Счастливые какъ прежде, но мудрѣй,
Мы были надъ могилою Обмана,
И Суевѣрья рабскаго; навѣкъ
Былъ мудрымъ, чистымъ, вольнымъ человѣкъ.

34.

«Мои мечтанья всѣ мои хотѣнья
Осуществляли волею своей;
Изъ тѣневой волны воображенья
Они сзывали мнѣ толпы людей,
Лучистые я имъ бросала взоры,
Ихъ покоряла силой страстныхъ словъ,
Проникла я въ земные ихъ раздоры,
Я поняла войну земныхъ умовъ,
И власть я извлекла изъ пониманья,—
Ихъ мыслямъ дать восторгъ пересозданья.

35.

«Такъ стала вся Земля моей тюрьмой,
И такъ какъ боль мученій лишь преддверье
И свѣтъ востока властвуетъ надъ тьмой,
Я видѣла, какъ гибнетъ Суевѣрье,
Какъ пало Зло, чтобъ не воскреснуть вновь.
Какъ стали всѣ и кротки, и счастливы,
Какъ сдѣлалась свободною любовь,
Какъ нераздѣльно зажелтѣлись нивы,—
Изъ крови и изъ слезъ взростили мы
Роскошный міръ, взамѣнъ былой тюрьмы.

36.

«Потеряно не все! Есть воздаянье
Для тѣхъ надеждъ, что ярко такъ горятъ.
Безсильно, хоть вѣнчанно, Злодѣянье,
Вокругъ него кипитъ жестокій адъ;
Не заглушить словъ правды и свободы,
Грань смерти можно смѣло перейти,
Есть души, что въ тюрьмѣ томятся годы,
И все жь онѣ какъ свѣточъ на пути,
И многое, какъ бы сквозь сумракъ дыма,
Сверкаетъ и горитъ непобѣдимо.

37.

«Такія мысли свѣтятъ намъ теперь,
Они въ тѣ дни мнѣ пѣли точно струны,
Они для насъ—въ тотъ міръ счастливый—дверь,
Гдѣ не шумятъ вкругъ острова буруны;
Они какъ цвѣтъ фіалки, полной слезъ,
Предъ тѣмъ какъ день прольетъ потоки свѣта,
Какъ въ Скиѳіи растаявшій морозъ,
Узнавшій блескъ весенняго расцвѣта,
То вѣстники, что посланы съ небесъ,
Предчувствія нелживости чудесъ.

38.

«Такъ годы шли,—какъ вдругъ землетрясеньемъ
Была разъята въ морѣ глубина,
Какъ будто схваченъ міръ былъ разрушеньемъ,
И смерть была вселенной суждена;
Подъ громкій гулъ глубинъ и ихъ раската,
Въ пещеру сверху лился водопадъ,
Очнулась я, и вижу—все разъято,
Приливы волнъ вокругъ меня кипятъ,
Разрушенъ мой пріютъ, тюрьма распалась,
Кругомъ широко море разстилалось.

39.

«Предъ взоромъ—воды, небо надо мной,
На камнѣ я разрушенномъ стояла,
И съ плескомъ, надъ вспѣненной глубиной,
Скала, еще, еще скала, упала,
И вдругъ—молчанье мертвое кругомъ.
И ясно стало мнѣ, что я свободна,
Дрожала зыбь въ безлюдіи морскомъ,
Надъ влагой вѣтеръ ластился безплодно,
Крутясь, въ моихъ онъ вился волосахъ,
И лучъ горѣлъ въ высокихъ Небесахъ.

40.

«Мой духъ бродилъ надъ моремъ и въ лазури,
Какъ вѣтеръ, что окутываетъ мысъ
Лелѣйно,—хоть поднять онъ можетъ бури
И устремить дожди изъ тучи внизъ;
Ужь день почти прошелъ; въ лучахъ блѣднѣвшихъ
Корабль я увидала, тамъ, вдали,
На парусахъ онъ шелъ отяжелѣвшихъ,
И тѣни отъ него на зыбь легли;
Увидѣвъ новыхъ странныхъ скалъ откосы,
Въ испугѣ якорь бросили матросы.

41.

«Когда они сидящей на скалѣ
Увидѣли меня, ладью послали;
Зубцы утесовъ новыхъ къ нимъ во мглѣ
Какъ будто бы съ угрозой нависали,
И воды мчались, пѣнясь и звеня;
Причаливши,—какъ я попала въ море,
Они спросили съ робостью меня,
И смолкли, съ тайной жалостью во взорѣ,
Услышавши дрожащій голосъ мой;
И молча мы поплыли надъ волной.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

1.

«На кораблѣ я, сѣвши-къ рулевому,
Вскричала:—«Распустите паруса!
Подобная свѣтильнику морскому,
Луна горитъ, покинувъ небеса,—
Тамъ, возлѣ горъ; волненье наростаетъ;
За этимъ Мысомъ Городъ Золотой,
Отъ сѣвера къ намъ буря долетаетъ,
Дрожитъ созвѣздій зябкихъ блѣдный рой!
Нельзя вамъ быть въ пустынѣ безпредѣльной!—
Домой, домой, къ усладѣ колыбельной!»

2.

«И Моряки повиновались мнѣ;
И съ Кормчимъ Капитанъ шептался:—«Злая
Тѣнь Мертвой, что увидѣлъ я во снѣ,
Предъ тѣмъ какъ намъ отплыть, теперь, желая
Насъ погубить, вселилась въ Дѣвѣ той!»—
Но Кормчій отвѣчалъ ему спокойно:
—«Нѣтъ злого въ этой Дѣвѣ молодой,
Ея призывъ, что прозвучалъ такъ стройно,
Въ насъ будитъ грусть, насъ увлекаетъ въ путь,
О, да, она невѣста чья-нибудь!»

3.

«Мы миновали островки, влекомы
Теченьемъ водъ и свѣжимъ вѣтеркомъ;
Какъ нѣкій духъ, съ боязнью незнакомый,
Я говорила смѣло, и кругомъ
Столпились Моряки:—«Зачѣмъ вы спите?
Проснитесь: всѣ вы—люди; лунный ликъ,
Лучистыя къ намъ протянувшій нити,
Вѣщаетъ всѣмъ, что брату братъ—двойникъ;
И тѣ же мысли въ васъ, что въ милліонахъ,
Какъ тотъ же свѣтъ въ лѣсу, въ листахъ зеленыхъ.

4.

«Зачѣмъ вы спите? Собственный свой домъ
Вы строили для собственнаго счастья;
Для многихъ тамъ, вдали, въ краю родномъ,
Зажжется взоръ, исполненный участья,
Навстрѣчу дѣти выбѣгутъ къ нему,
Бросаясь отъ давно-знакомой двери,
Къ нему, кто служитъ счастью своему.
Иль мните вы, что гдѣ-то въ высшей сферѣ
Проклятіемъ отмѣтилъ темный Рокъ
Всѣхъ вашихъ дней земныхъ недолгій срокъ?

5.

«Кто скажетъ Рокъ, тотъ произвольно вложитъ
Людское въ то, что неизвѣстно вамъ;
Какъ будто бы причина жизни можетъ
Жить, мыслить, ощущать—подобно намъ!
Тогда и жизнь людская ощущала бъ,
Какъ человѣкъ,—всѣ внѣшнія дѣла
Узнали бъ свѣтъ надеждъ и сумракъ жалобъ.
Но вотъ! Чума свободна, Сила Зла
Кипитъ, Болѣзнь, Нужда, Землетрясенье,
Ядъ, Страхъ, и Градъ, и Снѣгъ, и Угнетенье.

6.

«Что жь значитъ Рокъ? Одинъ безумный лжецъ,
Увидѣвъ тѣнь души своей трусливой,
Закрылъ ей Небо изъ конца въ конецъ
И Землю сдѣлалъ мрачно-молчаливой;
И почитать сталъ свой же Призракъ онъ
Въ зеркальности огромной мірозданья,—
Подобіе свое; то былъ бы сонъ
Невинный, но за нимъ пришли страданья,
И было рѣшено, что Смерть есть бичъ,
Чѣмъ Рокъ враговъ всегда готовъ застичь.

7.

«И люди говорятъ, что Рокъ являлся,
Былъ зримымъ для избранниковъ порой,
Какъ Форма онъ огромная склонялся
Съ высотъ,—Тѣнь между Небомъ и Землей;
Святоши и тираны, суевѣрья,
Обычаи, домашній тяжкій гнетъ,
Что держатъ духъ людской во мглѣ преддверья
Тѣхъ областей, гдѣ вольный свѣтъ живетъ,—
Прислужники чудовищнаго Рока,
Что ненавидятъ истину глубоко.

8.

«И говорятъ, что Рокъ отмститъ, въ своей
Свирѣпости прибавитъ къ мукамъ муки,
Что адъ кипитъ среди безсмертныхъ змѣй,
И воплей тамъ не умолкаютъ звуки;
Что, наложивъ позорное пятно
На жалкихъ, жившихъ язвой моровою,
Онъ къ злу, что здѣсь имъ было суждено,
Прибавитъ тамъ, за гранью гробовою;
Добро и зло, любовь и злость—равны,
Они на пытки имъ осуждены.

9.

«Что значитъ сила? Сила есть лишь мнѣнье,
Непрочное какъ тучка надъ луной:
Пока глядимъ, въ единое мгновенье
Ея ужь нѣтъ, сокрыта глубиной;
Ликъ правды затемняется обманомъ,
Но лишь на мигъ онъ ложью затемненъ,
Которая—слѣпой оплотъ тиранамъ,
Туманный призракъ съ тысячью именъ;
Ложь учитъ, въ слѣпотѣ повиновенья,
Съ мучительствомъ сливать свои мученья.

10.

«Названья лжи, любое—какъ бы знакъ
Насилія, позорное проклятье:
Безумье, похоть, гордость, злоба, мракъ,
Всего здѣсь злого, низкаго—зачатье;
Законъ неправый: передъ нимъ любовь
Повержена, убійца безпощадный,
Проливши материнскую ту кровь,
Созвалъ сиротъ во тьмѣ, и хочетъ, жадный,
Ихъ, будто бы любя, усыновить,
Чтобы наслѣдства матери лишить.

11.

«Любовь, ты для сердецъ людскихъ, въ печали,
Какъ тишина для океанскихъ волнъ;
Ты вмѣстѣ съ правдой, изъ туманной дали,
Ведешь людскихъ стремленій зыбкій челнъ,
Изъ лабиринта рабскихъ заблужденій
Выводишь, имъ свою давая нить,
На волю, на просторъ, для наслажденій,
Къ которымъ всѣхъ ты хочешь пріобщить;
Безстрашію ты учишь и терпѣнью,—
Идти къ добру, прощая преступленью.

12.

«Быть въ ясности гармоніи съ собой,
Всѣхъ видѣть, никого не оскорбляя,
Какъ бы шатеръ раскинуть голубой,
Въ которомъ свѣтитъ Радость молодая,
И такъ закончить вечеръ бытія,—
Иль отереть со щекъ Печали слезы,
Жить такъ, чтобы любовь и жизнь твоя
Слились въ одну воздушность нѣжной грезы,—
Такая участь только тѣмъ дана,
Въ комъ, вольная, царитъ любовь одна.

13.

«Но дѣти предъ родителями нынѣ
Трепещутъ въ послушаніи слѣпомъ,
Высокимъ, низкимъ правитъ Рокъ въ пустынѣ,
И брату братъ является рабомъ;
И Злоба, съ блѣдной матерью, Боязнью,
Сидитъ въ предѣлахъ высшей вышины,
Всему живому угрожая казнью;
Источники любви затемнены,
И Женщина живетъ съ рабомъ рабою,
И жизнь полна отравой роковою.

14.

«И человѣкъ въ глубокихъ рудникахъ
Отыскиваетъ золото, чтобъ цѣпи
Себѣ сковать; онъ терпитъ трудъ и страхъ,
Проходитъ чрезъ лѣса, моря, и степи,
Чтобъ услужить такимъ, какъ онъ, рабамъ;
Убійство совершаетъ онъ въ угоду
Своимъ же мрачнымъ деспотамъ-врагамъ;
Приноситъ въ жертву онъ свою свободу,
И кровь свою предъ идоломъ онъ льетъ,
Слѣпецъ, къ своей же гибели идетъ.

15.

«Что Женщина? Раба! Сказать мнѣ стыдно,
Что Женщина—отбросокъ очага,
Въ ней все, о чемъ и думать намъ обидно,
Она игрушка подлаго врага;
Отъ слезъ у ней вдоль щекъ идутъ морщины,
Хотя у ней улыбка на щекахъ,—
Правдива зыбь и борозды пучины,
Обманенъ свѣтъ на гибельныхъ волнахъ;
Извѣстно всѣмъ вамъ, Женщиной рожденнымъ,
Какая боль дается угнетеннымъ.

16.

«Такъ быть не должно; можно вамъ возстать,
И золото своей лишится силы;
Любовь способна въ мірѣ возблистать,
Какъ лучъ; и суевѣрья мракъ унылый,
Себя связавшій съ кровью встарину,
Разсѣется. Взгляните, мысъ высокій
Скрываетъ нисходящую луну;
Такъ тюрьмы—только призракъ одинокій,
И капища исчезнутъ какъ туманъ,
Лишь Человѣку свѣточъ вѣчный данъ.

17.

«Пусть будутъ всѣ и равны, и свободны!—
Въ душѣ у всѣхъ васъ откликъ слышу я,
Нѣжнѣйшій звукъ, отрадно-благородный.
Откуда вы? скажите мнѣ друзья.
Увы, какъ много я читаю горя,
Какъ много скорбныхъ тягостныхъ страницъ,
Всего, что возникало, тайно споря,
Въ чертахъ изнеможенныхъ вашихъ лицъ;
Легенды я читаю въ вашихъ взорахъ
О войнахъ, о владыкахъ, о раздорахъ.

18.

«Откуда вы приходите, друзья?
Вы лили кровь? вы золото сбирали,
Чтобы Тиранъ, обманъ въ душѣ тая,
Могъ быть убійцей, создавать печали?
Или у бѣдныхъ вымогали вы
Достатокъ ихъ, надъ чѣмъ они корпѣли?
Иль кровь на васъ еще свѣжа, увы?
Сердца у васъ въ обманахъ посѣдѣли?
Познавъ себя, омойтесь, какъ росой,
Я буду вамъ и другомъ, и сестрой.

19.

«О, не скрывайтесь,—сердце въ насъ людское,
Одно,—у мыслей всѣхъ одинъ очагъ;
Чтó въ томъ, коль преступленье роковое
Тебѣ сказало: будь живущимъ врагъ;
Въ томъ приговоръ, что былъ, могъ быть, иль будетъ
Твоимъ, и всѣхъ людей. Въ томъ намъ судьба.
На краткій срокъ насъ Жизнь изъ тьмы пробудитъ,
И Время замыкаетъ насъ въ гроба,
И насъ, и наши мысли, и стремленья,
Всей цѣпи нескончаемыя звенья.

20.

«О, не скрывайтесь—вы полны борьбы,
Сестра Стыда, въ васъ есть Вражда глухая;
Въ вашъ умъ взгляните—книга въ немъ судьбы—
Тамъ имена, и тьма въ нихъ роковая,
Въ нихъ множество зеркалъ для одного;
Но черный духъ, что, обмакнувъ въ отравѣ,
Желѣзное перо, для своего
Безсмертья, о своей тамъ пишетъ славѣ,
Безвреднымъ былъ бы, если бъ у людей
Въ сердцахъ берлоги не нашелъ своей.

21.

«Да, это Злоба, призракъ безобразный,
Что носитъ много мерзостныхъ именъ,
Подъ маскою является онъ разной,
Но смертнымъ жаломъ вѣчно надѣленъ;
Когда свои змѣиные извивы
Вкругъ сердца онъ совьетъ, и утолитъ
Голодные свирѣпые порывы,
Онъ съ бѣшенствомъ всѣмъ, кто кругомъ, грозитъ;
Такъ Амфисбена, возлѣ трупа птицы,
Шипя, вращаетъ узкія зѣницы.

22.

«Не упрекай же собственной души,
Не ненавидь чужого преступленья,
Порывъ самопрезрѣнья утиши.
Въ томъ себялюбье, самопоклоненье,
Желать, чтобъ плакалъ, бился человѣкъ,
За мысли прошлыхъ дней и ихъ дѣянья;
Напрасно; что прошло, прошло навѣкъ,
Слилось со Смертью, тщетно воздаянье;
Но—твой просторъ идущихъ къ намъ годовъ,
Въ груди создать ты можешь рай цвѣтовъ.

23.

«Откуда вы? Скажи мнѣ!»—Нѣкто Юный
Отвѣтилъ мнѣ: «Въ пустынѣ бурныхъ водъ
Плывемъ мы, и шумятъ вокругъ буруны,
И вѣтеръ насъ на зыбкой влагѣ бьетъ;
Твоя душа въ глазахъ читать умѣетъ,
Но многое въ приниженныхъ сердцахъ
Такъ глубоко, такъ боязливо тлѣетъ,
Что отраженья нѣтъ ему въ глазахъ;
Хлѣбъ рабства, горькій, мы ѣдимъ отъ дѣтства,
Дается безнадежность намъ въ наслѣдство.

24.

«Да, я тебѣ отвѣчу, хоть меня
Безъ словъ томила, до сегодня, тайна,
Что, тлѣя, жгла меня, какъ головня;
На всѣхъ ты смотришь такъ необычайно,
О, дивная, что блеску острыхъ глазъ
Безспорно надлежитъ повиновенье;
Да, вѣрно ты зовешь рабами насъ,
Отъ мѣстъ, что сердцу дороги съ рожденья,
Оторваны, влачимъ мы по волнамъ
Добычу, что назначена не намъ.

25.

«Изъ мирныхъ селъ, отъ доловъ молчаливыхъ,
Красивѣйшихъ изъ горныхъ дочерей
Влачимъ туда, гдѣ свѣтъ вещей красивыхъ
Пятнается навѣкъ въ душѣ своей;
Рядъ лѣтъ прошелъ и сжалъ свои посѣвы,
И не было мышленія во мнѣ,
До той поры, какъ очи нѣжной Дѣвы
Блеснули мнѣ, горя въ своей веснѣ;
Въ ней жизнь моя,—я только отраженье,
Я дымъ костра,—и ждетъ уничтоженье.

26.

«Ее везутъ къ Тирану во дворецъ!»—
Онъ смолкъ и сѣлъ у паруса, согбенный,
Какъ будто былъ въ его душѣ свинецъ;
И плакалъ; между тѣмъ надъ влагой пѣнной
Корабль бѣжалъ, покуда за звѣздой
Звѣзда не стала гаснуть, и Матросы
Толпились вкругъ меня, и Рулевой
Глядѣлъ,—въ душѣ у каждаго вопросы,—
И Капитанъ смотрѣлъ въ нѣмой тоскѣ,
Въ немъ скорбь была—какъ въ вѣчномъ родникѣ.

27.

«Проснитесь! И не медлите! Скорѣе!
Ты старъ. Надежда можетъ молодить.
Любовь, Надежду съ Юностью лелѣя,
Связуетъ ихъ, свою даетъ имъ нить.
На насъ глядятъ созвѣздья съ небосклона.
Жива ль въ васъ правда? Жалость есть ли въ васъ
Къ другимъ сердцамъ, къ тоскѣ чужого стона?
Хотите ль вы, чтобъ жгучій ядъ погасъ?—
Свободны будьте,—вмигъ отъ тьмы проснемся.
Клянитесь!—И вскричали всѣ: «Клянемся!»

28.

«Тьма дрогнула, какъ будто тяжкій громъ
Проснулся въ отдаленномъ подземельи,
И отклики на берегу морскомъ
Зарокотали, точно ночь, въ весельи,
Съ Землей и съ Небомъ въ праздникѣ слилась,
Свободу торжествуя, въ честь которой
Семья матросовъ радостно клялась;
Раздвинулись тяжелые запоры,
И плѣнницы, при факелахъ, толпой,
На палубѣ сошлись во мглѣ ночной.

29.

«Нѣжнѣйшія чистѣйшія созданья,
Въ глазахъ у нихъ виднѣлася весна,
Святилище дремотнаго мечтанья,
Гдѣ мысль еще не нарушала сна,
На ихъ челѣ тяжелое мученье
Еще не начертало страшный слѣдъ.—
Была свобода имъ—какъ сновидѣнье,
Но, черезъ мигъ понявъ, что рабства нѣтъ,
Они слились въ словахъ, въ улыбкахъ нѣжныхъ,
Въ восторгахъ молодыхъ и безмятежныхъ.

30.

«И лишь одна въ безмолвіи была,
Она была нѣжнѣй, чѣмъ день лучистый,
Она была какъ лилія свѣтла,
Подъ прядями акаціи душистой;
Но блѣдность перемѣнная ея,
Какъ перемѣнность лиліи отъ тѣни,
Являла грусть; дыханіе свое
Сдержавши въ нѣгѣ сладостныхъ мученій,
Тотъ Юный всталъ, я руки ихъ взяла,
И счастьемъ ихъ я счастлива была.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

1.

«Въ ту ночь пристали къ бухтѣ мы лѣсистой,
И такъ же къ намъ не прикасался сонъ,
Какъ въ часъ, когда нѣтъ больше скорби мглистой,
Онъ нѣженъ въ томъ, кто счастливъ и влюбленъ;
Ночь провели мы въ радости взаимной,
Кругомъ былъ лѣсъ дубовъ и тополей,
Сіянье звѣздъ, своею тѣнью дымной,
Они скрывали въ зеркалѣ зыбей,
И намъ шептали шопотомъ привѣтнымъ,
И трепетали въ вѣтеркѣ разсвѣтномъ.

2.

«И каждой дѣвой, каждымъ морякомъ
Принесена была изъ чащи лѣса
Живая вѣтка, не съ однимъ цвѣткомъ,
И вскорѣ ихъ зеленая завѣса
Виднѣлась между мачтъ и парусовъ,
Цвѣли цвѣты надъ носомъ и кормою;
Какъ жители веселыхъ острововъ,
Мы плыли въ свѣтѣ солнца надъ волною,
Какъ будто гнаться были мы должны
За смѣхомъ вѣчно-радостной волны.

3.

«И много кораблей, чей парусъ бѣлый
Пятналъ воздушно голубой просторъ,
Отъ насъ бѣжало въ робости несмѣлой;
И тысячи людей глядѣли съ горъ,
И точно пробудилась вся Природа,
Тѣ тысячи внимали долгій крикъ,
Въ немъ былъ восторгъ, въ немъ былъ твой смѣхъ, Свобода,
Земля явила дѣтямъ нѣжный ликъ.
Всѣ слышали тотъ крикъ:—такъ надъ горами
Высь къ выси шлетъ свой «Добрый день!» лучами.

4.

«Какъ тѣ лучи надъ цѣпью дружныхъ горъ,
Окутанныхъ рѣдѣющимъ туманомъ,
Возникъ всеобщій возгласъ, и въ просторъ
Вознесся, точно вскинутый вулканомъ;
Въ людскихъ сердцахъ безумья яркій лучъ
Промчался побѣдительнымъ потокомъ,
И этотъ токъ настолько былъ могучъ,
Что смылъ всю тьму въ стремленіи широкомъ,
Никто не зналъ, какъ Вольность къ нимъ пришла,
Но чувствовали всѣ—она свѣтла.

5.

«Мы гавани достигли. Были души,
Въ которыхъ жилъ тотъ блескъ лишь краткій часъ,
Какъ свѣтъ зари, не освѣтивши суши,
За моремъ вспыхнувъ, тотчасъ же погасъ;
Но вскорѣ пламя, точно изъ расщелинъ,
Обниметъ трупы, саваны сожжетъ,
И снова будетъ міръ весенній зеленъ,
И будетъ синимъ ясный небосводъ,
Во всѣ умы проникнетъ восхищенье,
Какъ судорожный блескъ землетрясенья.

6.

«Черезъ великій городъ я тогда,
Окружена счастливою толпою,
Прошла безъ страха, чуждая стыда;
И какъ среди пещеръ, глухой грозою,
Подземною, встревоженъ сонный лѣсъ,
Надъ каждою душою пробужденной
Промчался шопотъ, вѣянье чудесъ,
И плакали иные, и, смущенный,
Иной твердилъ, что кончился позоръ,
Возстановлялъ забытыхъ словъ узоръ.

7.

«Я рѣчью порвала покровъ тотъ черный,
Что Правду скрылъ, Природу, и Любовь,
Какъ тотъ, кто говоритъ съ вершины горной,
Что солнце тамъ, вонъ тамъ зажжется вновь,
И тѣни подтверждаютъ указанье,
Бѣгутъ изъ рощъ, уходятъ отъ ручьевъ.
Такъ помыслы зажгли свое сіянье
Во мглѣ едва проснувшихся умовъ;
И мудрость для сердецъ была бронею,
Соединившись съ волею стальною.

8.

«Иные говорили, что ума
Лишилась я, другіе, что Пророка
Невѣста къ нимъ явилася сама,
Иные же, что демонъ, духъ порока,
Укравъ людскую форму, къ нимъ пришелъ
Изъ темной зачарованной пещеры;
Нѣтъ, это духъ къ намъ Божій снизошелъ,—
Иные утверждали, полны вѣры,—
Чтобъ съ женщинъ смерть и цѣпи рабства снять,
И на себя гнетъ ихъ грѣховъ принять.

9.

«Но вскорѣ я для словъ людскихъ правдивыхъ
Сочувствіе въ людскихъ сердцахъ нашла,
Союзъ возникъ изъ душъ вольнолюбивыхъ,
Въ которыхъ мысль была, какъ жизнь, смѣла;
Другіе, въ ожиданіи успѣха,
Вступили въ тотъ союзъ въ своихъ сердцахъ;
И каждый мигъ,—свѣтила ль имъ утѣха,
Иль проводили день въ своихъ дѣлахъ,—
Они въ себѣ лелѣяли усилья,
Чтобъ Жизнь легко свои взмахнула крылья.

10.

«Но женщинъ главнымъ образомъ мой зовъ
Извлекъ изъ ихъ темницъ, нѣмыхъ, холодныхъ;
Вдругъ сбросивъ гнетъ мучительныхъ оковъ,
Они въ себѣ увидѣли свободныхъ;
Тираны ихъ сидятъ въ своихъ дворцахъ,
Пустынныхъ, всѣ рабы изъ нихъ бѣжали,
Въ глазахъ исчезъ когда-то бывшій страхъ,
И вспышки гнѣва ихъ не удержали;
Ничѣмъ не наложить цѣпей на тѣхъ,
Кто раньше былъ готовъ на рабскій грѣхъ.

11.

«И тѣ, кого меня схватить послали,
Рыдали, опустивъ свои мечи,
Въ нихъ таялъ духъ, свои увидѣвъ дали,
Какъ таетъ воскъ въ пылающей печи;
Надъ Городомъ великое молчанье,
Въ предчувствіи таящихся громовъ,
Лелѣяло и страхъ, и упованья,
Такъ глыбы темныхъ грузныхъ облаковъ
Висятъ, и люди блѣдные томятся,
Предъ тѣмъ какъ змѣи молній разразятся.

12.

«Какъ тучи, что пришли изъ дальнихъ странъ,
На горные, въ вѣтрахъ, ложатся склоны,
Раскинулся вольнолюбивыхъ станъ,
Вкругъ Города собрались милліоны;
Надежды—темныхъ вызвали изъ норъ,
Людей сплотила истина святая,
Твои напѣвы, дивный ихъ узоръ,
Твоихъ созвучій сила молодая
По воздуху плыла, какъ ароматъ,
Подъ крикъ «Лаонъ» свѣтился смѣлый взглядъ.

13.

«Тиранъ узналъ, что власть его безсильна,
Но Страхъ, сынъ Мщенья, приказалъ ему
Быть преданнымъ тому, что грязно, пыльно,—
Измѣна, деньги снова могутъ тьму
Родить въ людскихъ умахъ, затьмить обманомъ
Возможно мысли, возбудить въ нихъ страсть;
Святоши были посланы тираномъ,
Жрецы, чтобы мятежниковъ проклясть.—
И вотъ они взывали къ Разрушенью,
Къ Чумѣ, къ Нуждѣ, къ Бѣдѣ, къ Землетрясенью.

14.

«И подкупилъ онъ важныхъ стариковъ
Вѣщать о томъ, что славныя Аѳины
Лишь пали отъ того, что гнетъ оковъ
Имъ былъ противенъ; нужны властелины
Немногіе, чтобъ многихъ обуздать,
Необходимость въ томъ, и гласъ Природы,
На людяхъ старыхъ—мудрости печать,
А въ юныхъ—дикій бредъ, недугъ Свободы,
Въ неволѣ—миръ, и люди старыхъ дней
Всѣхъ вольныхъ, гордыхъ утишили ей.

15.

«И низкой ложью устъ своихъ отравныхъ
На время затемнить они могли
Сіянье мудрецовъ и бардовъ славныхъ;
Намъ нужно быть смиренными, въ пыли,—
Такъ купленные громко возвѣщали,—
Вся жизнь—необходимость темноты,
Земной удѣлъ—тревоги и печали,
Мы слабы, грѣшны, полны слѣпоты,
И воля одного есть миръ спокойный,
А мы должны терзаться въ день нашъ знойный.

16.

«Такъ устранимъ мы, намъ грозящій, адъ.—
И лицемѣры лгали богохульно,
Но время ихъ прошло, пришелъ закатъ,
Не ликовать имъ властно и разгульно;
Не обмануть умовъ имъ молодыхъ,
Смѣшна была тщеславность ихъ сѣдая;
Еще была толпа рабовъ другихъ,
Они кивали, пошло утверждая,
Что отошло владычество мужчинъ,
И нынѣ разумъ женщинъ—господинъ.

17.

«На улицахъ монеты разсыпали,
Лилось вино на пиршествахъ дворцовъ,
Напрасно! Башни шпили вверхъ вздымали,
Какъ прежде, но на возгласы жрецовъ
Чума Эѳіопійскою дорогой
Не приходила, Голодъ жадный взглядъ
Кидалъ, какъ прежде, внизъ, къ толпѣ убогой,
Изъ пышныхъ и возвышенныхъ палатъ,
Куда награбилъ онъ достатокъ бѣдныхъ;
И Страхъ не омрачалъ надеждъ побѣдныхъ.

18.

«Да, Золото, а съ нимъ и Страхъ, и Адъ,
Какъ нѣкіе развѣнчанные боги,
Утратили побѣдоносный взглядъ,
Жрецы ихъ храмовъ ждали на порогѣ
Напрасно почитателей своихъ,
День изо дня ихъ алтари пустѣли,
Ихъ голосъ въ мрачномъ капищѣ затихъ,
И стрѣлы лжи безвредныя летѣли,
И тщетный клевета плела узоръ,
Чтобъ между вольныхъ возбудить раздоръ.

19.

«Тебѣ извѣстно, слишкомъ, остальное.—
Съ тобою отъ крушенья мы спаслись—
Мы здѣсь—и въ странномъ я теперь покоѣ—
Съ тобой, взираю я съ утеса внизъ,
И хоть могла бы вызывать рыданье
Любовь людская, я смѣюсь свѣтло,
Мы пережили радость внѣ страданья,
И чувство тишины въ меня вошло,
Нѣтъ мысли о случайностяхъ измѣны,
О дѣтяхъ Завтра, что обманнѣй пѣны.

20.

«Не знаемъ мы, что будетъ, но, Лаонъ,
Знай, Цитна свѣтлой вѣстницею будетъ,
Той нѣжностью, чѣмъ духъ твой озаренъ,
Она въ чужихъ сердцахъ любовь пробудитъ,
Свое одѣвши этой красотой,
И сливши съ ней воздушныя видѣнья;
Я связана съ тобой одной мечтой,
Единой крови въ насъ горитъ теченье,
Насиліе—какъ безпредметный сонъ,
Что безвозвратной зыбью унесенъ.

21.

«Осенній вѣтеръ сѣмена нѣмыя
Мчитъ надъ Землей,—затѣмъ придутъ дожди,
Морозъ, мятели, вихри снѣговые,
Изъ Скиѳіи далекой. Но гляди!
Опять Весна промчалася надъ міромъ,
Роняя росы съ нѣжно-свѣтлыхъ крылъ,
Цвѣты въ горахъ, окутанныхъ эѳиромъ,
Въ лѣсахъ, вездѣ, біенье новыхъ силъ,
И музыка въ волнахъ, въ вѣтрахъ воздушныхъ,
Въ живыхъ—любовь, спокойствіе—въ бездушныхъ.

22.

«Весна, эмблема радости, любви,
Крылатый символъ юности, надежды!
Откуда ты? Пріютъ свой назови.
Ты надѣваешь свѣтлыя одежды,
Сливаешь слезы съ темною Зимой,
Дочь Осени, съ ея улыбкой нѣжной,
Соединенной съ радостью живой,
Ты на ея могилѣ безмятежной
Рождаешь блески свѣжіе цвѣтовъ,
Но не тревожишь саванъ изъ листовъ.

23.

«Любовь, Надежда, Благо, какъ сіянье
И Небо—суть окружность нашихъ сферъ.—
Мы ихъ рабы. Отъ насъ порывъ мечтанья
Занесъ—до отдаленнѣйшихъ пещеръ
Людскихъ умовъ—посѣвы Правды ясной.
Но вотъ, приходитъ мрачная Зима,
Печаль могилъ, и холодъ Смерти властной,
Приливъ насилья, буря и чума,
Кровавость водъ сгустившихся застыла,
И въ каждомъ сердцѣ—темная могила.

24.

«Посѣвы спятъ въ землѣ; а между тѣмъ
Во мглѣ темницъ—рядъ жертвъ, какъ въ безднѣ зыбкой,
И ихъ казнятъ—на поученье всѣмъ;
На эшафотъ они идутъ съ улыбкой,
И день за днемъ, во тьмѣ блѣднѣетъ ликъ
Ущербной славы Мудрости, и люди
Молчатъ, ихъ умъ предъ идоломъ поникъ,
Они лежатъ въ пыли, въ стѣсненной груди,
Ликуютъ сѣдовласые Жрецы,
И бичъ заботъ прошелъ во всѣ концы.

25.

«Зима настала въ мірѣ;—мы съ тобою
Застынемъ, какъ осенняя волна,
Покрытые туманной пеленою.—
Но вотъ гляди. Опять идетъ Весна,
Залогомъ были мы ея рожденья,
Изъ нашей смерти, какъ сквозь горный сводъ,
Грядущее приходитъ оживленье,
Широкій яркій солнечный восходъ;
Въ одеждѣ изъ тѣней, Земля блистаетъ,
Подъ тѣнью крылъ своихъ орелъ взлетаетъ.

26.

«Любовь моя! остывшимъ будешь ты,
И буду я остывшею, холодной,
Когда займется утро красоты.
Ты хочешь видѣть блескъ ея свободный?
Взгляни въ глубины сердца твоего,
Въ немъ дышетъ рай безсмертнаго расцвѣта,
И между тѣмъ какъ все кругомъ мертво
И въ Небесахъ лазурь Зимой одѣта,
Въ лучахъ твоей мечты цвѣты горятъ,
И слышенъ звонъ, и дышетъ ароматъ.

27.

«Въ своихъ сердцахъ всѣ тѣ, въ комъ упованье,
Всѣ тѣ, кто упованіемъ великъ,
Находятъ волю добрую, сіянье,
Непогасимо-бьющійся родникъ,
И если мгла завистливая встанетъ,
Есть нѣчто, что встаетъ живымъ звеномъ,
И неизбѣжно лживаго обманетъ,
И свяжетъ зло со зломъ, добро съ добромъ,
И власть добра пребудетъ безпредѣльна,
Съ тѣмъ, что—благое, слита нераздѣльно.

28.

«Они въ могилахъ, и глубокъ ихъ сонъ,
Мыслители, Герои, и Поэты,
Властители законченныхъ временъ,
Но бездны міра славой ихъ одѣты;—
Мы имъ подобны: пусть могила ихъ
Сокроетъ,—ихъ мечты, любовь, надежды,
Ихъ вольность—для мечтаній міровыхъ
Какъ легкія лучистыя одежды;
Все, что сковалъ ихъ геній,—для временъ
Позднѣйшихъ—знакъ примѣра и законъ.

29.

«Пусть также подъ землей останки наши
Уснутъ, познавши странный тотъ удѣлъ,
Хотя бъ своей не выпили мы чаши,
Не охладили жизнью нашихъ тѣлъ;
Пусть наша мысль, и чувство, и мечтанья
Отъ нашего отступятъ существа,
Не будутъ тамъ, гдѣ дышутъ всѣ созданья,
Гдѣ будетъ нашей волей мысль жива,
Пусть тѣ, что черезъ насъ въ покой вступили,
Не будутъ даже знать, кто въ той могилѣ.

30.

«Пусть. Наша жизнь, и мысли, и любовь,
И все, чѣмъ были мы, и наше счастье,
Безсмертно будутъ жить, свѣтиться вновь,
Какъ яркій день надъ сумракомъ ненастья;—
Въ разорванности тьмы былъ явленъ свѣтъ,
Ликъ мира явленъ былъ надъ бездной шумной;
И какъ увидѣвъ сцену давнихъ лѣтъ,
Къ надеждѣ возвращается безумный,
И, вспомнивъ все, опять живетъ, любя,
Такъ вспомнитъ темный человѣкъ—тебя.

31.

«И Клевета межь тѣмъ терзать насъ будетъ,
Какъ пожираютъ черви мертвецовъ,
Презрѣнье и проклятія пробудитъ
Во мракѣ капищъ, въ душной мглѣ дворцовъ;
Что мы свершили, будетъ всѣмъ извѣстно,
Хотя никто того не подтвердитъ,
Но наша память будетъ повсемѣстно,
А ихъ дѣла забвенный прахъ затмитъ;
Въ людской душѣ живыя изваянья
Прочнѣй живутъ, чѣмъ льстивыхъ рукъ созданья.

32.

«Но Разумъ съ Чувствомъ между тѣмъ отъ насъ
Уйдутъ, и волшебство ихъ прекратится,
Погаснетъ свѣтъ вотъ этихъ губъ и глазъ,
Во тьмѣ могилъ, гдѣ жадный червь таится,
Въ чудовищности мрачной слѣпоты,
И намъ не вспыхнутъ блески возрожденья,
Въ дремотности той душной темноты
Не загорятся золотомъ видѣнья;
Безчувственная смерть—гніенье—тьма,
Глубокая холодная тюрьма.

33.

«Нѣтъ, духъ нашъ лишь фантазіей терзаемъ:
Какъ знать уму—что мыслью не поймемъ,
Ни чувствомъ не постигнемъ! Мы не знаемъ,
Откуда мы, и какъ, зачѣмъ живемъ,
Не знаемъ мы, какое Повелѣнье
Велитъ горѣть созвѣздьямъ въ вышинѣ,
Влагаетъ жизнь свою въ звѣрей, въ растенья,
Вотъ въ эти мысли.—О, поди ко мнѣ!
Я цѣпь кую, чьи звенья неразрывны,
Огни ихъ слишкомъ ярки и призывны.

34.

«Да, да—горятъ огнемъ твои уста,
Твой поцѣлуй плѣнителенъ, о, милый,
И разъ твоя погибнетъ красота,
Пусть будетъ взоръ мой скрытъ глухой могилой,
Пусть я засну, чтобъ не проснуться вновь:
Что жизнь, нераздѣленная съ тобою!
Да, Цитну мудрой сдѣлаетъ Любовь,
Когда погаснетъ Мудрость предо мною:
Смерть темная, разъ только смерть вѣрна,
Милѣй, чѣмъ жизнь, коль безъ тебя она.

35.

«Что мыслимъ мы, уносится теченьемъ,
И не придетъ къ началу своему;
Земля и Небо, съ вѣчнымъ ихъ сплетеньемъ,
Ихъ дѣти—тучи, Свѣтъ ведущій Тьму,
Зима, Весна, и всѣ цвѣты земные,
Несутся въ бездну, гдѣ ихъ вѣченъ плѣнъ;
Съ тѣхъ поръ какъ рѣчь я начала впервые,
Какъ много совершилось перемѣнъ!
Но всякую прощу я жизни смѣну,
Лишь не въ тебѣ, лишь не твою измѣну.»

36.

Она умолкла, день межь тѣмъ погасъ,
Умолкла, но какъ будто рѣчь звучала
Въ сіяніи глубокихъ темныхъ глазъ,
И ласка вѣтра прядь волосъ качала
Такъ нѣжно.—«О, восторгъ моей души»,
Воскликнулъ я, «звѣзда любви безбрежной!
Когда бъ я Небомъ былъ въ ночной тиши,
Я тысячами глазъ съ любовью нѣжной
Глядѣлъ бы на тебя!»—Воздушно-нѣмъ,
Въ ея улыбкѣ вспыхнулъ мнѣ Эдемъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

1.

Не духъ ли человѣческій скрывался
Въ конѣ, что громкимъ ржаніемъ прервалъ
Нашъ сонъ, когда разсвѣтъ не зачинался?
Иль тотъ, кто живъ, великъ ли онъ, иль малъ,
Съ другими слитъ, живыми, и мышленьемъ
Для всѣхъ одинъ воздвигнутъ общій тронъ,
Куда приходитъ каждый съ приношеньемъ
Посильнымъ? И Земля, услышавъ стонъ
Своихъ дѣтей, сама, любя, тоскуетъ,
Своей любви богатства всѣмъ даруетъ?

2.

Я часто слышалъ нѣжный зовъ друзей
Въ рѣчахъ рожденныхъ не душой людскою:
Мнѣ пѣлъ съ воздушной лаской Соловей,
Среди плюща, межъ тѣмъ какъ я тоскою
Былъ угнетенъ; въ долинахъ я видалъ,
Какъ Антилопы легкія блуждаютъ,
Въ ихъ голосахъ родной мнѣ звукъ вставалъ,
Они какъ люди чувствуютъ, страдаютъ;
Такъ мнѣ теперь сказалъ тотъ гордый конь,
Что вотъ ужъ скоро день зажжетъ огонь.

3.

Тотъ конь могучій каждой ночью мчался
Среди равнинъ, межъ горъ, во мглѣ ночной,
И съ пищею домой я возвращался;
Но конь запятнанъ кровью былъ людской,
Она текла вездѣ; и въ полумракѣ
Волковъ я видѣлъ, коршуновъ, и змѣй,
Рычали одичавшія собаки,
Гіены, съ мерзкой жадностью своей,
Въ ужасномъ мірѣ, трупами питались,
Передъ конемъ какъ волны размыкались.

4.

Съ предѣловъ отдаленнѣйшихъ земли
Рабы къ Тирану шли и шли толпами,
Ихъ деспоты въ нихъ злой огонь зажгли;
И какъ на Югѣ, жгучими волнами,
Пожаръ жжетъ травы, окруживъ стада,
Такъ шли войска державъ соединенныхъ,
Вождемъ тѣхъ рабскихъ войскъ была Бѣда,
Ихъ путь—пожары деревень зажженныхъ;
Земля дрожала отъ толпы людей,
И море—отъ бѣгущихъ кораблей.

5.

Они пришли отъ каждаго народа,
Толпы существъ, лишившихся сердецъ,
Не знавшихъ, что такое есть Свобода;
Они пришли съ покорностью овецъ,
Которыхъ ихъ пастухъ окровавленный
Ведетъ на бойню; волей ихъ владыкъ
Сюда пришелъ Татаринъ разъяренный,
И Франкъ, и милліоны тѣхъ, чей ликъ
Вѣтровъ Индійскихъ вѣдалъ дуновенье,
И Сѣверныя были здѣсь видѣнья.

6.

Отъ Идумейскихъ были здѣсь песковъ
Толпы тѣней,—чудовищное братство,
Сынъ Азіи былъ слушаться готовъ,
Когда его, исполненный злорадства,
Европы хищный сынъ училъ пускать
Стрѣлу въ грудь пастуха, что на высокой
Скалѣ сидѣлъ,—и, въ счастьи—убивать,
У дикаря улыбкою широкой
Лицо сіяло, и другъ друга такъ
Учили злу враги, сгущая мракъ.

7.

Исполненный позорнаго обмана,
Въ тотъ самый часъ, когда онъ былъ спасенъ,
Тиранъ воззвалъ къ врагамъ,—и за Тирана
Возсталъ за милліономъ милліонъ.
Другимъ владыкамъ, съ горныхъ башенъ, знаки
Онъ подавалъ,—днемъ устремляя дымъ,
И зажигая цѣпь огней во муакѣ;
Они пришли, соединились съ нимъ,
И въ перемирье странное вступили
Тѣ, что волками межъ собою были.

8.

Ужъ миріады къ Деспоту пришли,
Еще въ дорогѣ были милліоны;
Кровь передъ нимъ ручьемъ лилась въ пыли,
Средь палачей онъ жадно слушалъ стоны,
Смерть посылалъ Тиранъ во всѣ концы,
«Я чувствую, что я теперь Владыка!»
Сказалъ онъ, принести велѣлъ щипцы,
Огонь, и дыбу, и смѣялся дико,
Что крючья и жестокій скорпіонъ
Извлечь изъ тѣла могутъ долгій стонъ.

9.

«Но для чего вернулися дружины?»
Спросилъ онъ. «Пусть мятежныхъ бьютъ и бьютъ,
Ихъ милліоны, а изъ нихъ единый
Зажечь пожаръ способенъ: тлѣетъ трутъ;
Пусть, кромѣ тѣхъ, что здѣсь въ стѣнахъ сокрыты,
Погибнутъ всѣ, и каждый пятый здѣсь
Залогъ того, что дерзкіе избиты,—
Чтобъ городъ былъ отъ нихъ очищенъ весь!»
Одинъ солдатъ отвѣтилъ: «О, владыка,
Прости, но царство ночи многолико!

10.

«И утренній ужь близится огонь;
Занесъ я руку надъ вождемъ ужаснымъ,
Вдругъ вижу, мчится черный адскій конь,
Несется онъ подъ Ангеломъ прекраснымъ,
Мечъ огненный у Ангела того.»
«Ты смѣешь говорить со мной, несчастный?»
Воскликнулъ Деспотъ.—«Привязать его
На дыбѣ; пусть за этотъ бредъ напрасный
Терзается; получитъ плату тотъ,
Кто женщину найдетъ и приведетъ.

11.

«И если у него есть врагъ заклятый,
Онъ можетъ сжечь его.—Впередъ! Скорѣй!»
И вотъ копытъ послышались раскаты,
То конница помчалась средь полей,
За нею потянулася пѣхота,
Какъ облако, до отдаленныхъ горъ.
Пять сутокъ не сомкнула глазъ дремота,
И кровь лилась, заполнила просторъ,
И въ день шестой у города сгустилась,
И на седьмой рѣзня остановилась.

12.

Миръ—на поляхъ, въ селеніяхъ пустыхъ,
Средь жалкихъ изуродованныхъ мертвыхъ.
Миръ—въ городѣ, на улицахъ нѣмыхъ,
Погостомъ неоглянымъ распростертыхъ;
Лишь тамъ и сямъ безумной жертвы крикъ,
Которую влачатъ къ терзаньямъ пытки,
И близкіе блѣднѣютъ,—вдругъ языкъ
Кричащаго отмѣтитъ въ длинномъ свиткѣ
Кого-нибудь еще; во мглѣ дворца—
Миръ, пиршество, и пѣсни безъ конца.

13.

День ото дня, какъ огненное око,
Надъ оскверненной смертію Землей,
Катилось Солнце жгучее съ востока,
Колосьевъ рѣдкихъ вырощая строй;
Оно какъ факелъ Осени горѣло,
Въ лазури зной стоячій тяготѣлъ,
Безвѣтріемъ лазурь отяжелѣла,
Объятъ былъ жаждой воздухъ,—и изъ тѣлъ
Всю выпилъ влажность, этотъ паръ гніенья
Былъ скоръ, незримо было испаренье.

14.

Къ звѣрямъ пришла Чума, пришла Бѣда,
Они вдыхали воздухъ зараженный,
Ихъ запахъ крови заманилъ сюда,
Они пришли толпой многомильонной
Вослѣдъ толпѣ враждующихъ людей,
Себя сполна имъ трупы въ пищу дали;
Они теперь, какъ полчища тѣней,
Свирѣпые и тощіе блуждали,
Въ глазахъ зеленыхъ странный былъ недугъ,
Къ нимъ смерть являлась въ судорогахъ, вдругъ.

15.

Въ отравныхъ рѣкахъ рыбы умирали,
И въ чащѣ птицы гибли безъ слѣда;
Родъ насѣкомыхъ вымеръ; и стонали
Послѣднія исчахшія стада,
Животныя, глядя другъ другу въ лица,
Кончались; а вкругъ Города, всю ночь,
Гіенъ худыхъ рыдала вереница,
Какъ дѣти,—точно имъ прося помочь,—
И многія изъ матерей, съ тоскою,
Дрожали, болью тронуты такою.

16.

Средь минаретовъ, легкихъ, какъ мечты,
Эѳіопійскихъ коршуновъ чернѣли
Ряды; вдругъ коршунъ падалъ съ высоты,
И люди, вздрогнувъ, съ ужасомъ блѣднѣли.—
Въ тѣхъ знакахъ слишкомъ ясной вѣсть была,
Что быть бѣдѣ. И паника настала.
Предчувствіе пугающаго зла,
Во всѣхъ сердцахъ прикосновенье жала;
Неизреченный и тошнотный ядъ
Распространялся быстро, точно взглядъ.

17.

Съ исходомъ года наступаетъ холодъ,
Вѣнокъ листовъ срывая каждый день;
Такъ вихремъ, къ этимъ страннымъ людямъ, Голодъ
Примчался, ихъ орды сдавила Тѣнь,
И воздухъ застоналъ отъ новой пытки;
У Смуты порожденья нѣтъ страшнѣй,
Хотя она рождаетъ ихъ въ избыткѣ,
Питая тѣни тысячью грудей,
Чуму, Рѣзню, Ложь Мысли, Бичъ Заботы,
Безъ вѣкъ глаза ихъ, чутокъ мракъ дремоты.

18.

Ѣсть нечего, хлѣбъ вытоптанъ въ поляхъ:
Стада погибли, всѣ; гнилыя рыбы
Лежали на зловонныхъ берегахъ;
Глубины водъ, озеръ и рѣкъ изгибы—
Безъ пищи; на поверхности вѣтровъ
Нѣтъ тѣни крыльевъ птицъ, какъ въ дни былые;
Пространства виноградниковъ, садовъ,
Всѣ Осени амбары золотые,
Сгорѣли; каждый маленькій кусокъ—
Вѣсъ золота; духъ Скряги изнемогъ.

19.

Нѣтъ хлѣба—на базарахъ продавали
Всѣ гнусности, вплоть до кусковъ людскихъ,
При видѣ ихъ у многихъ застывали
Отъ страха лица; въ кладовыхъ своихъ
Взявъ золота, скупецъ звенѣлъ имъ звонко;
И дѣва, ставъ отъ голода смѣлѣй,
Себя продать хотѣла бъ; и ребенка,
Влекомая слѣпой нуждой своей,
Мать приносила, снова возвращалась,
Его кормила грудью, и кончалась.

20.

На родъ людской низвергся синій Моръ.
«О, если бъ сталь, что такъ еще недавно
Здѣсь кровь лила, вновь ослѣпила взоръ!
Когда бъ землетрясенье полноправно
Взыграло, иль взметнулся бъ Океанъ!
Напрасный вопль. Безумный строй несется
Средь улицъ, каждый пыткой обуянъ,
И каждый воетъ, и горитъ, и жмется,
Или, подъ властью сумасшедшихъ сновъ,
Сидятъ на свѣжихъ грудахъ мертвецовъ.

21.

Теперь не голодъ былъ, а ужасъ жажды.
Гнилою кучей тяжкихъ темныхъ тѣлъ
Набитъ былъ, какъ котелъ, колодецъ каждый,
И мглой зеленой по утрамъ блестѣлъ.
Къ нимъ все же притекали миріады,
Чтобы залить огонь горячихъ мукъ
Гніющей влагой мерзостной услады;
Безъ мыслей, безъ стыда, они вокругъ
Толклись, нагіе, возрастовъ различныхъ,
Въ багровыхъ язвахъ, въ ранахъ необычныхъ.

22.

Теперь была не жажда, дикій бредъ.
Предъ многими, вездѣ, ихъ образъ тощій
Шелъ рядомъ, отъ него спасенья нѣтъ,—
Двойникъ упорный, полный тайной мощи,—
И убивали жалкіе себя,
Чтобы уйти отъ привидѣнья сразу;
Иные жь гибли, но другихъ губя,
Распространяли радостно заразу;
Иные рвали волосы, крича:
«Мы дождались небеснаго меча!»

23.

Порой, живой былъ спрятанъ между мертвыхъ.
На площади, гдѣ водоемъ большой,
Средь труповъ, пирамидой распростертыхъ,
Крошившихся и принимавшихъ зной,
Былъ слышенъ вздохъ задавленный, о жизни;
И было странно видѣть красоту,
Лежащую на этой гнусной тризнѣ,
Какъ бы во снѣ хранящую—мечту;
Подъ золотомъ волосъ, какъ изваянье,
Иной былъ въ смерти—внѣ ея вліянья.

24.

Въ дворецъ Тирана Голодъ не входилъ:—
Онъ пировалъ съ покорною толпою
Ханжей и стражей. Призракъ ихъ щадилъ,
И не было Нужды; не такъ съ Чумою,
На все она свою роняетъ тѣнь.
Дай Голоду поѣсть, и онъ смѣется,
Проходитъ мимо, какъ минувшій день;
Но Волкъ-Чума за много миль несется,
Крылатъ и жаденъ, вѣчно самъ не свой,
Не будетъ сытъ онъ жалкой требухой.

25.

Такъ на пиру, въ дворцѣ, средь безразсудства,
Закованный въ блестящую броню,
Или полураздѣтый для распутства,
Вдругъ преданный заразному огню,
Смолкалъ на полусловѣ воинъ сильный,
Ночь новая въ его входила взоръ,
Внизъ головой, онъ падалъ въ мракъ могильный,
Или сидѣлъ, застывъ, глядя въ упоръ,
Иль выкликалъ, въ припадкѣ изступленья,
Провидецъ ада, тьмы, и угнетенья.

26.

Смутились и Владыки, и Жрецы;
Они въ своихъ обманахъ были смѣлы,
И вотъ, по недосмотру, ихъ стрѣльцы
Спустили въ нихъ же гибельныя стрѣлы:
Пріюта нѣтъ, а смерть идетъ, близка,
И провожатый былъ слѣпецъ слѣпому;
И шли, и шли по улицамъ войска,
По направленью къ Капищу большому,
И каждый въ той процессіи слѣпой
Напрасно умоляетъ Идолъ свой.

27.

Они кричали: «Боже, мы надменно
Презрѣли поклоненіе тебѣ,
Мы думали, что будемъ неизмѣнно,
Смѣясь, противоборствовать судьбѣ;
Но мы теперь полны стыдомъ и страхомъ,
Будь милостивъ, о, мощный Царь Небесъ,
Мы прахъ и мы хотимъ смѣшаться съ прахомъ,
Дерзнули мы не знать твоихъ чудесъ,
Но отпусти намъ наши прегрѣшенья,
Твоимъ рабамъ не дай уничтоженья.

28.

«Всесильный Богъ, лишь ты имѣешь власть.
Кто тѣ, что предъ тобою будутъ смѣлы?
Коль ты кого задумаешь проклясть,
Кто сдержитъ наказующія стрѣлы?
Кто сдержитъ токъ нарывнаго дождя?
Будь милосердъ въ своей побѣдной силѣ!
Твоихъ враговъ, какъ пашню, бороздя,
Въ одинъ алтарь мы Землю превратили,
Мы Небо храмомъ сдѣлали твоимъ,
Гдѣ кровью дерзновенныхъ былъ ты чтимъ.

29.

«Низливъ на этотъ Городъ нечестивый
Токъ мщенья, нынѣ гнѣвъ свой отзови.
Клянемся мы тобой, что міръ строптивый,
Покорные, потопимъ мы въ крови,
Лишь только дай свое соизволенье
Дружинѣ умоляющей твоей,
Мы приготовимъ страшныя мученья,
Адъ дьяволовъ и медленныхъ огней
Для дерзкихъ, что искупятъ долгимъ стономъ
Насмѣшку надъ святымъ твоимъ закономъ.»

30.

Они такъ чтили, блѣдные, дрожа,
Огромный призракъ собственнаго сердца,
Какъ бы завѣсу, съ трепетомъ, держа
Предъ каждымъ чуждымъ свѣтомъ иновѣрца;—
Изъ Храма вышли;—между тѣмъ Чума
То одного сражала, то другого,
Внезапная въ глазахъ вставала тьма,
Исполненная ужаса нѣмого,
И смута овладѣла всей толпой,
Былъ прославляемъ каждымъ богъ иной.

31.

Ормуздъ, и Моисей, и Фо, и Брама,
И Заратустра, Будда, Магометъ,
Предъ зданіемъ оставленнаго храма
Возникъ именъ, паролей дикій бредъ;
Вздѣвая руки, каждый изступленный
Кричалъ: «Нашъ Богъ есть Богъ, и только онъ!»
И бой ужь надвигался, разъяренный,
Вдругъ каждый точно льдомъ былъ охлажденъ:
Раздался голосъ, жуткій, какъ шипѣнье,
Подъ клобукомъ возникло привидѣнье.

32.

То былъ ревнивый Иберійскій жрецъ,
Отъ запада привелъ онъ легіоны,
Въ его словахъ—расплавленный свинецъ,
Удѣлъ невѣрныхъ—пытки, казнь, и стоны;
Онъ былъ зловѣщимъ даже для друзей,
Притворство жило въ немъ и вмѣстѣ злоба,
Какъ узелъ двухъ, сплетенныхъ тѣсно, змѣй,
Какъ двойня подъ одною крышкой гроба;
Былъ врагъ ему—кто быть инымъ посмѣлъ,
Страшась Небесъ, онъ людямъ мстить хотѣлъ.

33.

Но болѣе всего онъ ненавидѣлъ
Свѣтъ мудрости и вольнаго ума,
Ужь онъ, дрожа, въ воображеньи видѣлъ,
Что Идола его разъята тьма;
Въ Европѣ уже искрилось веселье,
Въ предчувствіи, что конченъ сумракъ сновъ,
И много жертвъ, въ одной съ убійцей кельѣ,
Узнали гнетъ колодокъ и оковъ,
И видѣли, что дѣти ихъ ханжами
Захвачены и быть должны рабами.

34.

Въ Европѣ онъ не смѣлъ карать огнемъ
Или мечомъ невѣрныхъ, только пытки
Могъ назначать законнымъ онъ путемъ,
Но у закона слишкомъ длинны свитки,
И вотъ, на время—въ мирѣ, былъ онъ тамъ,
Гдѣ Богъ его презрѣньемъ безпредѣльнымъ
Былъ окруженъ: онъ ждалъ, чтобы Исламъ
Возникъ какъ бичъ врагамъ его смертельнымъ;
Страхъ Неба тлѣлъ въ немъ вѣчно, какъ очагъ,
И былъ онъ людямъ—нетерпимый врагъ.

35.

«Умолкните!» вскричалъ онъ: «Послѣ смерти,
Когда настанетъ Страшный День Суда,
Чей Богъ есть Богъ, узнаете,—о, вѣрьте,
За всѣ ошибки въ вѣрѣ вы тогда
Заплатите мученьемъ безконечнымъ.
Но месть теперь на землю снизошла,
За то, что, надъ судомъ смѣяся вѣчнымъ,
Болѣзнь нечестья смѣлой быть могла,
И потому возмездья васъ коснулись,
Основы государства пошатнулись.

36.

«Вы думаете, сдержитъ Богъ Чуму,
Въ отвѣтъ на ваши стоны и рыданья?
Ее по милосердью своему
Таилъ онъ, было долго ожиданье,
И выпустилъ на волю, наконецъ,
Судить его враговъ: такъ что жь мы стòимъ,
Чтобъ этотъ полномочный божій жрецъ
Въ служеніи своемъ былъ безпокоимъ?
Нѣтъ, не замкнутся смертныя врата,
Пока живетъ его враговъ чета.

37.

«Да, голодъ есть въ глубокой безднѣ ада.
И зѣвъ раскрытъ у змѣй огнистой тьмы,
Они отъ насъ не отрываютъ взгляда,
Въ ихъ пасти всѣ, что пали отъ Чумы,
Они кишатъ, какъ рыбы въ мелководье,
Имъ голодно, хотятъ пожрать они
Ихъ братьевъ, Сатанинское отродье,
Что манитъ души въ вѣчные огни;
Они хотятъ желѣзными клыками
Натѣшиться надъ гнусными сердцами.

38.

«Чумѣ велитъ умолкнуть Царь Небесъ;—
Возвышенный костеръ нагромоздите,
Вѣтвистый, оборвите цѣлый лѣсъ,
Камеди ядовитой положите,
Она лѣниво будетъ липнуть, жечь;
Прокрадываясь медленной походкой,
Огонь пройдетъ по сучьямъ, будетъ жечь,
Подъ красною желѣзною рѣшеткой,
А снизу будутъ жалить все больнѣй
Стоножки, скорпіоны, ленты змѣй.

39.

«На тотъ костеръ Лаона и Лаону
Взведите, мѣдью жаркою ихъ сливъ,—
Тогда молитесь Высшему Закону,
Услышанъ будетъ Небомъ вашъ призывъ.»
Онъ смолкъ, они молчаніе хранили,
Межъ тѣмъ какъ отзвукъ голоса вдали
Стихалъ, какъ въ сказкѣ молкнетъ отзвукъ были,
И на колѣни, злобный, всталъ въ пыли,
И бормоталъ проклятья. и въ раздорѣ
Толпа заволновалася, какъ море.

40.

Тотъ голосъ былъ какъ властный ураганъ,
Въ легендѣ растворившій двери Ада;
Разверзся, мнилось, огненный туманъ,
Раскрылася небесная громада,
Возникъ какъ будто тронъ на облакахъ,
На немъ Судья, окутанный грозою,
Въ душѣ у всѣхъ возсталъ безвѣстный страхъ,
Сдавилъ ихъ всѣхъ палящей полосою;
Они какъ звѣри были, въ лѣтній зной,
Когда кругомъ кипитъ пожаръ лѣсной.

41.

То было утромъ—въ полдень, между мертвыхъ
И средь живыхъ, глашатай возгласилъ:
«Владыка странъ, какъ море, распростертыхъ,
Въ своемъ совѣтѣ высшемъ такъ рѣшилъ:
Кто приведетъ Лаона, иль Лаону,
Живыми, иль обоихъ ихъ убьетъ,
Наслѣдникъ царства будетъ по закону,
Но кто живьемъ обоихъ приведетъ,
Тотъ вступитъ въ бракъ съ владѣтельной Княгиней,
И будетъ, равнымъ, царствовать отнынѣ.»

42.

До ночи былъ костеръ нагроможденъ,
И сверху былъ рѣшеткою украшенъ,
А снизу страшнымъ ложемъ гадовъ; онъ
Превыше былъ окрестныхъ мощныхъ башенъ;
Страхъ слѣдуетъ покорною стопой
За Злобою, не чувствуя обиды,—
Былъ созданъ сумасшедшею толпой
Огромный темный остовъ пирамиды;
Рабы, какъ овцы подъ огнемъ слѣпней,
Толклись, несли еще, еще вѣтвей.

43.

Настала ночь, беззвѣздная, нѣмая,
Толпа ждала вкругъ этого костра,
Глубокое молчанье сохраняя,
Войска не расходились до утра;
И только змѣй свистанье и шипѣнье
Порою раздавалось въ этой тьмѣ,
Да кто-нибудь въ дремотное забвенье
Впадалъ, поддавшись бѣшеной Чумѣ,
Въ веселіи она носилась дикомъ,
Свой путь въ толпѣ отмѣтивъ быстрымъ крикомъ.

44.

Настало утро,—въ полчищахъ людей
Безумье, Голодъ, Страхъ, Чума крылами
Тѣла нагромождали: такъ ручей
Въ осенній день чернѣетъ весь листами;
Живые блѣдный составляли кругъ;
Предъ полднемъ вспыхнулъ страхъ всеобщій ада,
Паническій, какъ голодъ, какъ недугъ,
Онъ всѣхъ душилъ удавной силой яда;
Шептались всѣ: «Чу! Чу! Они идутъ?
О, Боже, близокъ часъ твой, близокъ судъ!»

45.

Жрецы, Святоши были въ полной силѣ,
Они въ толпѣ бродили, и одни
Являли рвенье, а другіе были
Въ дѣйствительномъ безумьи; да, въ огни,—
Они кричали,—надо богохульныхъ,
Иначе не насытимъ адскихъ змѣй,—
И вотъ зажглись, какъ въ пиршествахъ разгульныхъ,
Три сотни алчныхъ пламенныхъ печей,
И каждый, хоть родной, но разъ невѣрный,
Роднымъ сжигался, въ ревности примѣрной.

46.

Въ свирѣпомъ дымѣ полдень потонулъ,
Вечерній вѣтеръ прахъ развѣялъ сѣрый,
Отъ этихъ жертвъ, на время, бредъ уснулъ,
Но на закатѣ вновь возсталъ, безъ мѣры.
Кто скажетъ, что̀ случилось въ темнотѣ,
Добра и зла кто уровень отмѣтитъ?
Онъ тайну къ должной приведетъ чертѣ,
И лабиринтъ людской души освѣтитъ,
Гдѣ чаянье, близь мысленныхъ стремнинъ,
Съ тоской въ борьбѣ—не часъ, не годъ одинъ.

47.

Такъ, мать одна троихъ дѣтей, со смѣхомъ,
Приволокла къ огню, и умерла;
И преданные мерзостнымъ утѣхамъ,
Служители чудовищнаго зла,
Что ѣли трупы, въ Небѣ тронъ узрѣли,
И Ангела, и Ангелъ тотъ—она;
И въ ту же ночь, какъ на восторгъ веселій,
Къ огню одинъ, какъ бы подъ властью сна,
Придя, сказалъ: «Я—онъ! Въ огонь—скорѣе!»
И былъ сожженъ, и умеръ, пламенѣя.

43.

И въ ту же ночь рядъ нѣжныхъ юныхъ дѣвъ,
Прекрасныхъ, какъ живыя изваянья,
Сгорѣлъ, подъ тихій сладостный напѣвъ,
И пламени дрожали очертанья;
Одѣтыя какъ бы сіяньемъ сновъ,
Онѣ въ огнѣ ложились, какъ въ постели,
«Свобода»—было слышно между словъ
Той пѣсни, что онѣ, сгорая, пѣли,
И многіе, цѣлуя ноги ихъ,
Сгорѣли, ихъ послѣдній часъ былъ тихъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

1.

Надъ пропастью застывши, какъ видѣнье,
Не слыша, и не чувствуя меня,
Безъ возгласа, безъ вздоха, безъ движенья,
Она стояла въ яркомъ свѣтѣ дня,
И что-то было у нея во взорѣ,
То, что бываетъ только въ тишинѣ,
Мысль глубины, бездонная, какъ море;
Безгласно было Небо въ вышинѣ;
Въ пещерахъ, тамъ внизу, потоки пѣли;
Сквозь сѣть волосъ ея глаза блестѣли.

2.

На западѣ, надъ скатомъ темныхъ горъ,
Висѣла туча; передъ ней сѣдые
Туманы низливалися въ просторъ
Отъ сѣвера, какъ волны снѣговыя;
День умиралъ; вдругъ яркій снопъ лучей,
Какъ золото на зыби Океана,
Прорвался всей текучестью своей
И плылъ на клочьяхъ быстраго тумана;
Какъ выброски морскіе на волнахъ,
Они носились въ красныхъ Небесахъ.

3.

То былъ потокъ живыхъ лучей,—и справа,
И слѣва туча берегомъ была;
Въ ея разрывъ онъ лился величаво,
Она въ краяхъ вдвойнѣ была свѣтла;
Какъ бы велѣньемъ безглагольной бури,
Приливъ огня стремился прямо къ *ней*;
Ея блестящій образъ на лазури
Какъ бы мелькалъ въ текучести лучей;
Свѣтъ поблѣднѣлъ, она затрепетала,
Волна ея волосъ огнемъ блистала.

4.

Она меня не видѣла, хоть я
Былъ рядомъ; взоръ ея глядѣлъ на море,
На Небо; счастье, радость бытія,
Блаженство быть въ такомъ нѣмомъ просторѣ—
Соткали страсть, сильнѣе слезъ и словъ,
Сильнѣе всѣхъ обыденныхъ движеній;
Та страсть ее сковала чарой сновъ,
Нашедшихъ много нѣжныхъ отраженій
Въ ея глазахъ, все существо мое
Затмившихъ и являвшихъ лишь ее.

5.

Въ устахъ,—я слышалъ,—мѣрное волненье
Дышало; въ зыбкой безднѣ темныхъ глазъ,
Кругъ въ кругѣ,—глубже смерти, сновидѣнья,—
Весь блескъ Небесъ горѣлъ, дрожалъ, и гасъ;
Съ волненьемъ сердца слился онъ безбрежнымъ,
Которое вошло въ глубокій взоръ,
И всю ее своимъ сіяньемъ нѣжнымъ
Окутало на этой грани горъ,
Дрожаніемъ ея же атмосферы,
Блестящей и плѣнительной сверхъ мѣры.

6.

Она во мнѣ могла бы Рай зажечь,
Ко мнѣ прильнуть горячими устами,
Всѣмъ тѣломъ, этой нѣгой груди, плечъ,
Но, унесенъ холодными вѣтрами,
Не вспыхнулъ нѣжно-страстный поцѣлуй;
Могъ услыхать я этотъ звучный голосъ,
Что былъ нѣжнѣй, весной поющихъ, струй,
И все, что у меня въ душѣ боролось,
Нашло бы въ ней живой отвѣтъ тогда,—
Но мигъ, и мы разстались навсегда.

7.

Мы встрѣтились лишь разъ еще, не болѣй.
Мои шаги услышала она,
И я съ своей почти разстался волей,
Услышавъ зовъ, и цѣпь ужь создана
Почти была, и я лишался силы.
«Куда? Мнѣ не догнать тебя! Куда?
Слабѣю я! Вернись ко мнѣ, мой милый!
Вернись, вернись! Приди ко мнѣ сюда!»
Тотъ зовъ домчался въ вѣтрѣ, замолкая,
Слабѣя, и въ конецъ изнемогая.

8.

О, эта ночь безъ звѣздъ и безъ луны!
Чума и Голодъ страшны, но страшнѣе,
Чѣмъ эти ужасающіе сны,
Страхъ Ада; онъ, какъ гидра, злость лелѣя,
Все возросталъ и жертвами владѣлъ,
И каждый, этимъ страхомъ удушенный,
Былъ въ пламени, былъ межь горящихъ тѣлъ,
Какъ скорпіонъ, огнями окруженный;
Но страхъ не могъ одну надежду сжечь,
Она была—на нити острый мечъ.

9.

Не смерть—смерть больше не была покоемъ,
Не жизнь—въ ней дикій ужасъ!—и не сонъ:
Онъ преисподней и свирѣпымъ роемъ
Бѣсовъ былъ всѣхъ обычныхъ сновъ лишенъ;
Кто бодрствовалъ, тотъ зналъ, что онъ предъ бездной,
Грядущее влекло въ провалъ огней,
И каждаго вело рукой желѣзной,
Уторопляя шагъ бичомъ изъ змѣй,
И каждый часъ, съ походкой равномѣрной,
Грозилъ имъ адскимъ ревомъ бездны сѣрной.

10.

Погаснувъ для всего, что на землѣ,
Одно лелѣялъ каждый упованье;
Такъ на объятой пѣною скалѣ
Морякъ, дрожа, глядитъ на возростанье
Кипучихъ волнъ; такъ въ бурю, на суднѣ
Стоятъ матросы, сдерживая шопотъ;
Дрожали всѣ, чуть только въ тишинѣ
Раздастся, тамъ далеко, конскій топотъ,
Или невнятный возгласъ, здѣсь и тамъ,
Возникнетъ и помчится по вѣтрамъ.

11.

Зачѣмъ блѣднѣютъ лица отъ надежды?
Въ нихъ смерть, и здѣсь ничѣмъ нельзя помочь.
Зачѣмъ не спятъ и не смыкаютъ вѣжды
Толпы людей уже вторую ночь?
Нѣтъ жертвъ,—и часъ за часомъ, дѣти праха,
Ложатся на тѣла еще тѣла,
И въ смертный часъ уста дрожатъ отъ страха,
Плоть холодѣетъ, что была тепла;
Толпы молчатъ, какъ скошенныя нивы;
Вверху Арктуръ сіяетъ молчаливый.

12.

А! слышишь? смѣхъ, и вскрикъ, и топотъ ногъ?
Восторгъ, что разразился полновластно?
Идетъ, бѣжитъ стремительный потокъ.
Они идутъ! Дорогу имъ!—Напрасно.
То лишь толпа безумныхъ, блѣдный хоръ,
Отъ душнаго колодца мчится съ крикомъ:
Земной, рожденный гнилью, метеоръ,
Оттуда выйдя въ блескѣ многоликомъ,
Въ ихъ спутанные волосы впился,
Какъ синій дымъ, окутавшій лѣса.

13.

И многіе, съ сочувствіемъ ужаснымъ,
Въ толпѣ, пустились въ этотъ странный плясъ;
Спокойствіемъ смѣняяся безгласнымъ,
Послѣдній откликъ страшныхъ воплей гасъ,
И отзвучалъ средь улицъ отдаленныхъ.
Какъ сдавленный послѣдній смертный стонъ.—
Среди своихъ совѣтниковъ безсонныхъ,
Тиранъ сидѣлъ, и, опершись на тронъ,
Ждалъ вѣсти; вдругъ предъ ними Нѣкто стройный
Предсталъ одинъ, прекрасный и спокойный.

14.

Ряды Бойцовъ надменныхъ и Жрецовъ
На пришлеца взглянули съ изумленьемъ,
Въ монашескій онъ былъ одѣтъ покровъ;
Но овладѣлъ онъ тотчасъ ихъ смущеньемъ,
Едва заговорилъ: въ его словахъ
И въ самомъ тонѣ голоса дышали
Увѣренность, которой чуждъ былъ страхъ,
И кротость; эти люди задрожали
Отъ чувства неизвѣстнаго, когда
Заговорила съ ними не вражда.

15.

«Вы въ ужасѣ, Властители Земные,
Вы проклинали,—что жь, на звукъ тѣхъ словъ
Проснувшись, встали силы роковыя,
И темный Страхъ явился къ вамъ на зовъ.
Я врагъ вашъ,—вы хотите быть врагами,—
О, если бъ могъ зажечь я свѣтлый день
Своимъ врагамъ, я тотчасъ былъ бы съ вами
Какъ братъ и другъ! Но зло бросаетъ тѣнь,
Которая не такъ проходитъ скоро,
И Злоба—мать печали и позора.

16.

«Вы къ Небесамъ взываете въ бѣдѣ.
О, если бъ вы, въ комъ мудрость есть и страстность,
Постигли, что возможно вамъ вездѣ,
Всегда являть живую полновластность,
Лишь нужно не бояться ложныхъ сновъ,
Что ты и ты, вы создали, чтобъ ими
Держать въ повиновеніи рабовъ;
Задумайтесь надъ мыслями своими:
Готовите вы жертву, и она
Безцѣльности, жестокости полна.

17.

«Вы счастія желаете—но счастья
Нѣтъ въ золотѣ, нѣтъ въ славѣ, нѣтъ его
Въ уродующихъ играхъ сладострастья;
Обычай—вашъ тиранъ, и для него
Свои сердца пустили вы въ продажу.
Хотите вы, чтобъ въ вашей смерти умъ
Забылъ кошмары, сновъ тревожныхъ пряжу,—
Но смертный въ смерти холоденъ, безъ думъ,
И, если остается что, конечно,
Любовь,—ея сіянье дышетъ вѣчно.

18.

«Зачѣмъ скорбѣть о прошломъ, и дрожать
Предъ будущимъ! Когда бъ я могъ заставить
Васъ въ вольномъ мірѣ радостно дышать,
И полному забвенью предоставить
Эмблемы вашихъ пытокъ—багрянецъ,
И золото, и сталь! Когда бъ могли вы
Вѣщать народамъ, изъ конца въ конецъ,
Что вотъ отнынѣ люди всѣ счастливы,
Что лишь отъ рабства—Страхъ, Чума, Нужда,
Что больше лжи не будетъ никогда!

19.

«Разъ такъ, отлично,—если жь нѣтъ, скажу я,
Вашъ врагъ Лаонъ—», но въ тотъ же самый мигъ,
Злорадную побѣду торжествуя,
Внезапный страхъ и шумъ въ дворцѣ возникъ:
Изъ молодыхъ воителей иные,
Какъ пчелы медъ, впивали тѣ слова,
Они проникли въ смыслы ихъ живые,
И видѣли, что истина права;
Вскочилъ невольно каждый юный съ трона,—
Ихъ закололи вѣстники закона.

20.

Со смѣхомъ въ спину закололи ихъ,
И рабъ, что былъ близь Деспота за трономъ,
Взялъ трупы, чтобъ во мглѣ могилъ глухихъ
Кровавость тѣлъ подъ дерномъ скрыть зеленымъ;
Одинъ, смѣлѣй другихъ, пронзить хотѣлъ
Безвѣстнаго, но онъ сказалъ сурово:
«Прочь отъ меня, ты, тѣло между тѣлъ!»
И дерзкаго сразило это слово,
Онъ выронилъ кинжалъ, и сѣлъ безъ силъ
На тронъ свой,—Юный вновь заговорилъ.

21.

«О, нѣтъ, вы недостойны сожалѣнья,
Вы стары, измѣниться вамъ нельзя,
И ваша участь—ваше же рѣшенье;
Отъ книги вашей славы кровь, скользя,
Струится на-земь; въ сказкѣ, полной стона,
Жизнь будетъ правду въ лучшій день читать.
Теперь побѣда—вамъ. Я другъ Лаона,
И вамъ его теперь хочу предать,
Разъ вы мое несложное желанье
Исполните. Я все скажу. Вниманье!

22.

«Народъ есть, мощный, въ юности своей,
Въ немъ цѣнится Правдивость и Свобода;
Страна за гранью Западныхъ морей—
Пріютъ того великаго народа;
Ему напитокъ Мудрости былъ данъ
Той гордою и мудрою страною,
Что первою была межь прочихъ странъ,
Когда простилась Грецiя съ весною;
Теперь же проситъ помощи она,
У той страны, что ею рождена.

23.

«Тотъ край Орлу подобенъ, что въ лазури
Питаетъ взоръ свой утреннимъ лучомъ,
Безтрепетно плывя въ теченьи бури,
Когда Земля еще сокрыта сномъ;
Ты будешь новой жизнью надъ гробницей
Европы умерщвленной, Юный Край,
Твои дѣянья встанутъ вереницей
Прекрасныхъ думъ; цвѣти, преуспѣвай;
Твой ростъ—блескъ дня, что ширится съ разсвѣтомъ,
Ты на Землѣ сверкнешь роскошнымъ цвѣтомъ.

24.

«У Вольности въ пустынѣ есть очагъ.
Подъ новымъ Небомъ возникаютъ зданья,
Эдемъ, еще безвѣстныхъ, новыхъ благъ;
И тѣ, которыхъ бросили въ скитанья
Тираны, тамъ находятъ свой пріютъ.
Хочу, чтобъ Цитну въ этотъ край свезли вы,
Гдѣ люди пѣсни Вольности поютъ,
Гдѣ всѣ, что здѣсь бездомны, тамъ счастливы,
Въ Америку, отъ васъ навѣки прочь,—
Лаона я предамъ вамъ въ ту же ночь.

25.

«Со мною поступите, какъ хотите.
Я врагъ вашъ!» Вдругъ во взорахъ ста людей
Сверкнули какъ бы искристыя нити,
Какъ изумрудъ въ глазахъ голодныхъ змѣй.—
«Гдѣ, гдѣ Лаонъ? Зачѣмъ не за порогомъ,
Не здѣсь? Скорѣй! Исполнимъ просьбу мы!»
—«Клянитесь мнѣ ужаснымъ вашимъ Богомъ!»
—«Клянемся имъ, и бѣшенствомъ Чумы!»
На нихъ взглянувши ясными глазами,
Плащъ сбросивъ, Юный молвилъ: «Онъ—предъ вами!»

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

1.

Чудовищная радость и восторгъ
По улицамъ распространились люднымъ;
Безумный, задыхаясь, вдругъ исторгъ
Изъ сердца звучный крикъ, въ бореньи трудномъ;
Кто умиралъ межь труповъ въ этотъ часъ,
Услышавъ передъ смертью благовѣстье,
Закрывъ глаза, въ спокойствіи погасъ;
Изъ дома въ домъ, весь Городъ и предмѣстья
Та вѣсть веселымъ крикомъ обошла,
И отклики во всѣхъ сердцахъ нашла.

2.

Разсвѣтъ зажегся въ полумракѣ дымномъ,—
И вотъ открылся длинный рядъ солдатъ;
Жрецы, съ своимъ кровавымъ жаднымъ гимномъ,
Въ которомъ мысли черныя звучатъ,
Шли рядомъ; на блестящей колесницѣ
Средь яркихъ копій возсѣдалъ Тиранъ;
Съ нимъ рядомъ, въ этой длинной вереницѣ,
Былъ Призракъ, нѣжнымъ свѣтомъ осіянъ,
Плѣнительный ребенокъ. И въ суровыхъ
Цѣпяхъ Лаонъ—свободный и въ оковахъ.

3.

Босой, и съ обнаженной головой,
Онъ твердо ждалъ пылающаго гроба;
И тѣсной былъ онъ окруженъ толпой,
Но ни въ одномъ не шевелилась злоба;
Не поблѣднѣвъ, онъ былъ спокойно-смѣлъ,
Въ устахъ его не видѣлось презрѣнья,
Какъ утро, на идущихъ онъ глядѣлъ,
Принявъ свое великое рѣшенье;
Какъ нѣжное дитя въ дремотѣ, онъ
Со всѣми и съ собой былъ примиренъ.

4.

Кругомъ былъ страхъ, злорадство, и сомнѣнье,
Но, увидавъ, что жертва такъ свѣтла,
Толпа пришла невольно въ изумленье,
И тишь въ сердца глубокая сошла.
Къ костру идетъ процессія, въ убранствѣ
Зловѣщемъ; сотни факеловъ нѣмыхъ
Лишь знака ждутъ въ обширнѣйшемъ пространствѣ,
Въ рукахъ рабовъ покорныхъ; ропотъ стихъ;
И утро стало ночью похоронной,
Принявши свѣтъ, толпой рабовъ зажженный.

5.

Подъ балдахиномъ яркимъ, какъ разсвѣтъ,
На возвышеньи, что съ костромъ равнялось,
Сидѣлъ Тиранъ, блистательно одѣтъ,
Вокругъ престола свита помѣщалась;
У всѣхъ улыбки, лишь у одного
Ребенка взоръ печаленъ; окруженный
Нѣмыми, вотъ ужь гроба своего
Коснулся я, Лаонъ, неустрашенный;
Всѣ острова, тамъ въ морѣ, видны мнѣ,
И башни точно пламя въ вышинѣ.

6.

Такъ было все безгласно въ то мгновенье,
Какъ это можно видѣть въ страшный мигъ,
Когда, узнавъ ударъ землетрясенья,
Всѣ ждутъ, чтобъ вотъ еще ударъ возникъ;
Безмолвствовали всѣ, лишь, умоляя
Тирана, тотъ ребенокъ говорилъ,
Онъ смѣлъ былъ, въ немъ была любовь живая,
Онъ за Лаона Деспота молилъ;
Малютка трепетала, какъ въ долинѣ
Межъ мрачныхъ сосенъ—листья на осинѣ.

7.

О чемъ онъ думалъ, солнцемъ осіянъ,
Средь змѣй? Среди всего, что необычно?
Чу! выстрѣлъ—и сигналъ для казни данъ,
Чу! новый выстрѣлъ прозвучалъ вторично.
А онъ лежитъ, какъ въ безмятежномъ снѣ—
И факелы дымятся—выстрѣлъ третій
Раздался въ этой страшной тишинѣ—
И въ каждомъ сердцѣ какъ порвались сѣти:
Всѣ чутко ждутъ, дыханье затаивъ,
Чтобъ вспыхнулъ пламень,ярокъ и бурливъ.

8.

Рабы бѣгутъ—и факелы роняютъ—
Крикъ ужаса идетъ къ высотамъ дня!—
Они въ испугѣ жалкомъ отступаютъ.
Вотъ, слышенъ топотъ мощнаго коня,
Гигантскій, темный, онъ съ грозою сроденъ,
Онъ пролагаетъ путь среди рядовъ,
И женскій призракъ, нѣженъ, благороденъ,
На томъ конѣ; сіяющій покровъ
На этой тѣни ласки и привѣта,
На этомъ стройномъ призракѣ разсвѣта.

9.

Всѣ думали, что Богъ послалъ его,
Что ждетъ ихъ адскій пламень, дикъ и зноенъ;
Тиранъ бѣжалъ съ престола своего,
Ребенокъ былъ невиненъ и спокоенъ;
Притворствомъ свой испугъ сокрывъ, жрецы
Къ нему взывали съ лживою любовью,
Его молили злобные льстецы,
Служившіе ему чужою кровью;
И страхъ животный въ сердцѣ ощутивъ,
Толпа бѣжала, какъ морской отливъ.

10.

Остановились, думаютъ, стыдятся,
Раздался общій вопль, какъ всплескъ пучинъ,
Когда потоки моря возмутятся:—
Все множество остановилъ одинъ,
Кто никогда предъ нѣжной красотою
Не преклонилъ упорной головы,
И въ сердцѣ жесткомъ вѣрою слѣпою
Оледенилъ разорванные швы:—
Жрецъ Иберійскій мудрыми считаетъ,
Лишь тѣхъ, кто кровью, въ сердцѣ, истекаетъ

11.

Другіе также думали, что онъ
Великъ и мудръ, божественнымъ считая
Все, въ чемъ терзанья пытокъ, страхъ, и стонъ,
И красоты въ любви не замѣчая.
Теперь, съ улыбкой демонской въ глазахъ,
Возникши какъ злорадное видѣнье,
Въ товарищахъ своихъ сдержалъ онъ страхъ,
Сказавъ устами, полными презрѣнья:
«Владыки передъ женщиной бѣгутъ?
Опомнитесь, другая жертва—тутъ.»

12.

Тиранъ сказалъ: «Но это нечестиво
Нарушить клятву!»—И воскликнулъ Жрецъ:
«Сдержать ее—безчестно и трусливо!
Пусть этотъ грѣхъ—мой будетъ, наконецъ!
Рабы, къ столбу ее! Представъ предъ трономъ
Всевышняго, воскликну я: тебѣ
Я предалъ ту, что надъ твоимъ закономъ
Смѣялась, непокорная судьбѣ;
Когда бъ не я, она бы радость знала,
Но мысль моя тебя не забывала.»

13.

Дрожа, никто не двигался кругомъ,
Молчали всѣ. И повода бросая,
Разсталась Цитна съ бѣшенымъ конемъ,
Цѣлуетъ лобъ его, и, убѣгая,
По улицамъ пустыннымъ онъ летитъ,
Какъ вѣтеръ, какъ порывъ грозы мятежной,
И скрылся. О, какой печальный видъ,—
Видъ женщины такой прекрасной, нѣжной,
Чей юный, полный мягкихъ блесковъ, ликъ
Въ густомъ огнѣ исчезнетъ черезъ мигъ.

14.

Изъ многихъ глазъ невольно лились слезы,
Но не могла роса весны блистать,
Оледенили свѣтлую морозы;
И что жь они могли, какъ не рыдать!
Увы, усталость Цитну побѣдила,
Она изнемогла въ своемъ пути,
И вотъ нѣмыхъ улыбкой убѣдила
Помочь ей на костеръ ко мнѣ взойти;
Заставивъ ихъ себѣ повиноваться,
Она взошла, чтобъ съ жизнію разстаться.

15.

Со мною, у столба, средь жадныхъ змѣй,
Она стояла. Ласковымъ упрекомъ
Она сказала все, и вотъ мы съ ней
Слились глазами, въ счастіи глубокомъ;
Молчаніе безтрепетно храня,
Насытиться другъ другомъ не могли мы;
Не слитые съ толпой и съ свѣтомъ дня,
Другъ съ другомъ были мы нераздѣлимы,
Передъ любовью нашей міръ исчезъ,
Земля сокрылась, не было Небесъ.

16.

Одно—одно—возвратное мгновенье,
Въ пространствахъ незапятнаннаго дня
Огней кроваво-красныхъ воспаленье,
Взметнувшися, коснулось до меня;
Окутано свирѣпымъ токомъ дыма,
Оно плеснуло съ шумомъ, какъ приливъ,
Свистя и трепеща неукротимо;
И сквозь его пылающій разрывъ
Увидѣлъ я, какъ будто изъ тумана,
Что палъ ребенокъ на̀-земь, близь Тирана.

17.

И это смерть? костеръ исчезъ отъ глазъ,
Нѣтъ Деспота, Чумы, толпы несчетной;
Огонь, что былъ такъ яростенъ, погасъ;
Я слышалъ звуки пѣсни беззаботной,
Подобной тѣмъ, что въ юности поютъ,
Когда нѣжна любовь съ отрадой цѣльной,
И ласки для души—живой пріютъ;
Она росла усладой колыбельной,
Она плыла, мѣняясь каждый мигъ,
И духъ ея къ моей душѣ приникъ.

18.

Я былъ разбуженъ ласковой рукою,
Коснувшейся меня; передо мной
Сидѣла Цитна; свѣтлою водою
Блисталъ затонъ, манившій глубиной;
На берегу, въ сіяніяхъ привѣтныхъ,
Росли, склоняясь, нѣжные цвѣты,
Былъ страненъ ликъ коронокъ звѣздоцвѣтныхъ,
Безвѣстныя деревья съ высоты
Глядѣли въ глубь, цвѣты ихъ, нѣжно-юны,
Въ зеркальной влагѣ были точно луны.

19.

Кругомъ вздымался склонъ зеленыхъ горъ,
Съ пещерами, съ душистыми лѣсами,
Идущими въ блистательный просторъ;
Тамъ, гдѣ вода встрѣчалась съ берегами,
Лѣсное эхо съ откликами струй
Вело переговоры; изъ расщелинъ
Волна стремила влажный поцѣлуй
Въ міръ травъ, который ласковъ былъ и зеленъ,
И возникала межъ холмовъ рѣка,
Быстра, стрѣлообразна, глубока.

20.

Межъ тѣмъ какъ мы глядѣли съ изумленьемъ,
Приблизилась воздушная ладья,
Она плыла, влекомая теченьемъ,
И вѣтеръ пѣлъ, волну подъ ней струя;
Ребенокъ съ серебристыми крылами
На ней сидѣлъ, и такъ прекрасенъ былъ,
Что тѣнь, какъ отъ созвѣздій, надъ волнами
Ронялъ онъ съ этихъ нѣжно-томныхъ крылъ;
И, вѣтру подчиняясь, эти крылья
Бѣгъ лодки направляли безъ усилья.

21.

Была изъ перламутра та ладья,
Она плыла, внутри лучомъ играя;
И были заостренными края,
Она была—какъ будто молодая
Луна, когда, превыше темныхъ горъ,
Надъ соснами горитъ потокъ заката,
Но багрянецъ и золотой узоръ
Блѣднѣютъ, даль земная мглой объята,
И грань Земли пріемлетъ поздній свѣтъ,
Отливъ лучей отхлынулъ, солнца нѣтъ.

22.

Ладья у нашихъ ногъ остановилась,
И Цитна повернулася ко мнѣ,
Сіянье слезъ въ ея глазахъ свѣтилось,
Восторгъ внезапный былъ въ ихъ глубинѣ;
«Такъ это Рай», она сказала нѣжно,
«Не сонъ, мы—вмѣстѣ, здѣсь передо мной
Мое дитя, и счастіе безбрежно;
Когда моей измученной душой
Безуміе владѣло, какъ могила,
Ко мнѣ малютка эта приходила.»

23.

Къ плѣнительному Призраку она
Съ рыданьемъ упоенія прильнула,
Нѣжнѣй, чѣмъ этотъ нѣжный образъ Сна,
Ея земная красота блеснула,
И чудилось, что воздухъ задрожалъ
И заалѣлъ отъ свѣтлаго блаженства,
Согрѣлся и тепломъ ея дышалъ;
Вся—нѣга, вся—видѣнье совершенства,
Она дитя волной своихъ волосъ
Закрыла, сердце съ сердцемъ здѣсь сошлось.

24.

Тогда тотъ Серафимъ голубоглазый
Заговорилъ, приблизившись ко мнѣ,
И искрились въ его зрачкахъ алмазы:
«Я вся была какъ будто бы во снѣ,
Съ тѣхъ поръ, когда мы встрѣтились впервые;
Меня очаровавъ мечтой своей,
Ты далъ узнать мнѣ грезы золотыя,
Твой образъ я соединяла съ *ней;*
И встрѣтились въ блаженный мигъ мы снова,
Изъяты отъ страданія земного.

25.

«Когда зажгли костеръ, мечта моя
Исчезла, и, поддавшися безсилью,
Въ безчувствіи упала нá-земь я,
Мой смутный взоръ закрылся сѣрой пылью,
Мой умъ блуждалъ; вдругъ, яркій, точно день,
Передо мною Ликъ Чумы промчался,
Дохнулъ, и вотъ меня коснулась тѣнь,
И шопотъ, мнѣ почудилось, раздался:
«Спѣши къ нимъ, ждутъ они, оконченъ мракъ!»
И грудь моя пріяла смертный знакъ.

26.

«И стало мнѣ легко—я умирала.
Я видѣла дымящійся костеръ,
Зола сѣдая кучею лежала,
И черный дымъ, заполнившій просторъ,
Еще висѣлъ у шпилей и на башняхъ;
Молчали отупѣвшія войска,
Забывши о своихъ мечтахъ вчерашнихъ,
Въ сердцахъ была глубокая тоска,
Исполнилось завѣтное желанье,
И пустота смѣнила ожиданье.

27.

«Видъ пытокъ былъ какъ мигъ бѣгущихъ сновъ,
И налегло жестокое молчанье;
Тогда одинъ возсталъ среди рядовъ,
И молвилъ: «Токъ временъ, безъ колебанья,
Течетъ впередъ, мы—на его краю,
Они же къ мирнымъ отошли предѣламъ,
Гдѣ тихо смерть струитъ рѣку свою.
И что же, вы своимъ довольны дѣломъ?
Погибли тѣ, кѣмъ жизни душный сонъ
Могъ быть въ видѣнье счастья превращенъ.

28.

«Они погибли такъ, какъ погибали
Великіе—великихъ прошлыхъ дней;
Убійцы ихъ узнаютъ гнетъ печали,
И много слезъ прольется изъ очей
Лишь потому, что вамъ скорбѣть придется,
О тѣхъ, чьей жизнью былъ украшенъ міръ,
Чей яркій свѣточъ больше не вернется;
Но, если неземной ихъ взялъ эѳиръ,
Въ томъ мудрость есть для тѣхъ, что горько знаютъ,—
Жизнь—смерть, когда такіе умираютъ.

29.

«Теперь бояться нечего Чумы,
Отъ насъ должны исчезнуть страхи Ада,
Освободились отъ невѣрныхъ мы,
Ихъ казнь въ огнѣ была для васъ услада;
Но горестно вернетесь вы домой,
Несчастные и робкіе, какъ дѣти,
И этотъ часъ забросить отблескъ свой
Въ нѣмую бездну будущихъ столѣтій;
И эту ночь, въ которой все мертво,
Навѣки озаритъ огонь его.

30.

«Что до меня, мнѣ этотъ міръ холодный
Сталъ тѣсенъ, какъ уродливая клѣть.
Узнайте же, какъ можетъ благородный
Республиканецъ смѣло умереть,—
И дѣтямъ разскажитѐ.»—Тутъ, нежданно,
Себѣ кинжаломъ сердце онъ пронзилъ;
Въ моемъ умѣ все сдѣлалось туманно,
И смерть меня совсѣмъ лишила силъ,
Но все же гулъ толпы сказалъ мнѣ ясно,
Что новый свѣтъ возникъ въ ней полновластно.

31.

«Крылатой Мыслью, очутилась я
Съ безсмертными, съ ихъ Хоромъ многоликимъ,
Тамъ, гдѣ, сіянье звѣздное струя,
Надъ всѣмъ, что можемъ мы назвать великимъ,
Былъ Духъ блестящій, Геній міровой.
Вкругъ Храма простираетъ онъ владѣнья,
Тамъ островà, Элизіумъ живой,
Тамъ вольные живутъ для наслажденья;
Отъ ихъ жилищъ я послана сюда,
Чтобъ въ этотъ Рай ввести васъ навсегда.»

32.

Ласкающей безмолвною улыбкой
Она дала намъ знакъ войти въ ладью,
И вотъ мы, молча, сѣли въ лодкѣ зыбкой,
Тревожившей прозрачную струю;
И, распустивъ блистающія крылья
По вѣтру благовонному, она
Вела свой челнъ; воздушно, безъ усилья,
Какъ паутинка, что едва видна,
Ладья летѣла, устремляясь къ дали,
И точно берега отъ насъ бѣжали.

33.

Все внизъ и внизъ ликующій потокъ
Среди стремнинъ, гдѣ кедры смотрятъ мрачно,
Бѣжалъ, и по нему летѣлъ челнокъ,
И глубь воды подъ нимъ была прозрачна,
Незримый вѣтеръ, рѣя и звеня,
Мчалъ звуки и дыханья аромата,
Такъ плыли мы три ночи и три дня,
Въ разсвѣтѣ, въ полднѣ, въ заревѣ заката,
Мы уносились весело впередъ,
По лабиринту свѣтлыхъ вольныхъ водъ.

34.

Какая поразительная смѣна
Тѣней и формъ и всѣхъ картинъ рѣки!
Горитъ заря, и золотится пѣна,
Дрожатъ, переливаясь, огоньки;
Средь скалъ, поросшихъ нѣжными цвѣтами,
Съ пѣвучимъ всплескомъ льется водопадъ;
Сверкаютъ искры быстрыми звѣздами,
Водовороты зыбкіе кипятъ;
Блеснетъ луна и глянетъ съ небосклона,—
Вкругъ острововъ недвижна гладь затона.

35.

Сквозь день и ночь, жемчужная ладья
Летѣла вдаль, какъ тучка золотая,
Какъ мысль, что вѣчно мчится, свѣтъ струя,
И мчится все, нигдѣ не отдыхая,—
Черезъ лѣса дремучіе, какъ тьма,
Средь мощныхъ горъ, на чьихъ нѣмыхъ вершинахъ
Циклоповскіе были терема,
Вѣщая намъ о давнихъ властелинахъ;
Нахмурившись, глядѣли съ высоты
На блескъ воды ихъ грубыя черты.

36.

Порой среди луговъ необозримыхъ
За милей милю, плыли мы впередъ,
И въ очертаньяхъ еле уловимыхъ
Бѣжали тѣни облачныхъ высотъ;
Порой сквозь мглу пещеръ дугообразныхъ
Скользили, съ ихъ высокихъ потолковъ
Струился свѣтъ какъ бы лучей алмазныхъ,
Воздушно-изумрудныхъ нѣжныхъ сновъ,
И проскользали тѣни чрезъ теченье,
Какъ сны на свѣтлой зыби сновидѣнья.

37.

И между тѣмъ какъ мы вступали въ Рай,
Въ умахъ у насъ любовь и мудрость были,
Какъ въ чашахъ, что налиты черезъ край,
Кипитъ вино сверканьемъ влажной пыли;
Безумны были быстрыя слова,
Звучавшія, какъ откликъ въ чащѣ лѣса,
Улыбки, слезы, радость въ нихъ жива,—
И порвалась великая завѣса;
Мы знали, что, хоть благо на Землѣ
Затемнено, оно горитъ во мглѣ.

38.

Три дня, три ночи—мысли сосчитали,
Какъ много обольстительныхъ часовъ!
Межъ тѣмъ въ лазурной выси, въ новой дали,
Неслись Луна, и Солнце, сонмы снѣвъ
Лучистыхъ, лунно-ликія свѣтила,
Созвѣздья неизвѣданныхъ Небесъ;
Въ четвертый разъ заря озолотила
Весь этотъ міръ непознанныхъ чудесъ,
И сталъ потокъ—какъ яростное море,
Но прямо духъ стремилъ челнокъ въ просторѣ.

39.

Да, прямо, тамъ, гдѣ, точно глыбы горъ,
Вздымались груды волнъ въ лощинѣ смутной,
И изо всѣхъ щелей лился въ просторъ,
Подъ дикій громъ, потокъ ежеминутный,
И вѣтеръ прилеталъ отъ береговъ,
Какъ стая вихрей, зарыдавшихъ звонко,—
Какъ тѣнь, на зыби яростныхъ валовъ,
Летѣлъ челнокъ прекраснаго ребенка,
И радугъ изступленныхъ блескъ сверкалъ,
И бился пѣнный дождь о камни скалъ.

40.

Потокъ рѣки, безумьемъ обуянной,
Умолкъ; челнокъ застылъ, какъ онъ взвился;
Мы глянули назадъ: во мглѣ туманной
Прибой блестящій съ озеромъ слился;
И, точно овладѣла ей услада,
Ладья застыла между двухъ Небесъ;
Четыре рокотали водопада,
Какъ бы изъ золотыхъ идя завѣсъ;
Они изъ тучъ бѣгутъ по горнымъ склонамъ,
И это море дѣлаютъ затономъ.

41.

На глади недвижимъ, я увидалъ,
Какъ льнетъ вершина снѣжная къ вершинѣ,
И каждый островъ, тамъ вдали, блисталъ,
И, точно сфера свѣта, посрединѣ,
Храмъ Духа возвышался вдалекѣ,
Оттуда исходилъ къ намъ звукъ призывный,
Къ нему, въ объятомъ чарой челнокѣ,
Скользили мы дорогой переливной,
Такъ дискъ Луны проходитъ вкругъ Земли,
И гавань здѣсь мы свѣтлую нашли.

1817.

ЦАРЕВИЧЪ АТАНАЗЪ.

ОТРЫВОКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Былъ юноша; какъ будто отъ чрезмѣрныхъ
Трудовъ и странствій, въ слишкомъ ранній срокъ,
Онъ посѣдѣлъ; никто его невѣрныхъ

И зыбкихъ мыслей разгадать не могъ,
Но изъ страны въ страну, какъ привидѣнье,
Гонимъ былъ блѣдный—демономъ тревогъ.

На немъ не тяготѣло преступленья,
Онъ ничего дурного не хотѣлъ,
И чувствовалъ онъ только сожалѣнье

Къ тѣмъ, въ комъ возможность темныхъ думъ и дѣлъ;
И власти онъ не жаждалъ, или славы,
Чей свѣтъ, чуть вспыхнувъ, вотъ ужь отблестѣлъ;

Онъ не вкушалъ отъ низменной отравы,
Что зажигаетъ грубыя сердца,
И гаситъ въ душномъ дымѣ ихъ забавы;

И смертный страхъ былъ чуждъ его лица:
Онъ былъ избранникъ Мудрости лучистой,
Такъ какъ же могъ бояться онъ конца!

Никто такой межь смертныхъ не былъ чистый,
Никто, добромъ плѣненный какъ добромъ,
Такъ не былъ свѣтелъ въ этой жизни мглистой.

Нѣтъ, ничего не могъ онъ быть рабомъ
Ни на землѣ, ни въ небѣ отдаленномъ.
Какою же онъ скорбью былъ влекомъ

Въ рядахъ людей? И духомъ угнетеннымъ
Въ какой безвѣстный уходилъ онъ мракъ?
О чемъ томился помысломъ безсоннымъ?

Онъ нѣженъ былъ, онъ всѣмъ былъ другъ, не врагъ,
Такіе въ чуждыхъ блескахъ утѣшенье
Находятъ, разъ родникъ своихъ изсякъ.

У страждущихъ онъ утолялъ мученья,
Но даже въ этомъ не былъ на другихъ
Похожъ онъ: изъ подобнаго стремленья

Онъ не извлекъ услады для своихъ
Мученій, хоть со щедростью широкой
Другимъ давалъ отъ благъ онъ родовыхъ.

Онъ съ Мудростью вѣнчался свѣтлоокой,
Своей душой, и взялъ любовь за ней,
И пребывалъ какъ въ башнѣ одинокой,

Вдали отъ вѣчно-суетныхъ людей,
Жалѣя о тщетѣ людскихъ стремленій.
Но даже въ ранней юности своей—

Свое богатство иль природный геній
Ни разу онъ во зло не обратилъ,
Онъ никогда не освящалъ тѣхъ мнѣній,

Которыми всѣ тѣ, въ комъ много силъ
И кто богатъ, для призрачныхъ величій,
Гнетутъ всѣхъ тѣхъ, кто мало благъ вкусилъ.

Ни у кого не отнялъ онъ добычи
Его труда, но, отмѣчая тѣхъ,
Кто мудръ, кто бѣденъ, скорбенъ,—безъ различій

Старался онъ обрадовать ихъ всѣхъ,
Несчастій ихъ разузнавалъ причины,
И доставлялъ имъ радости утѣхъ.

Безстрашный, презирая всѣ личины,
Чтò дѣлалъ онъ, чтò увидалъ умомъ,—
Не такъ, какъ большинство—до половины,—

Нѣтъ, до конца онъ доходилъ во всемъ,
И мягко говорилъ, но неуклонно,
И кроткій взоръ его горѣлъ огнемъ.

Его душа звучала полнозвонно,
Онъ горячо друзьями былъ любимъ,
И не скрывалъ онъ душу потаенно,

Но сердце раскрывалъ охотно имъ,
Коль только, въ помышленіи завѣтномъ,
Онъ находилъ слова мечтамъ своимъ.

Коль нѣтъ, онъ оставался безотвѣтнымъ,
И улыбался, иль грустилъ безъ словъ,
Но взоръ его лучомъ горѣлъ привѣтнымъ.

Не ненавидѣлъ онъ своихъ враговъ,
Хоть ненавистью дикой и смертельной
Звучалъ стозвучный хоръ ихъ голосовъ.

Но кротостью дышалъ онъ безпредѣльной,
И эти крики, точно тучи стрѣлъ,
Летѣли мимо, бурею безцѣльной.

Замкнуться ни предъ кѣмъ онъ не хотѣлъ,
Онъ былъ открытъ для всѣхъ, кого вмѣстила
Земная жизнь въ безмѣрный свой предѣлъ.

Какая жь грусть тотъ вешній духъ смутила?
Увы, онъ самъ не зналъ. Пусть день за днемъ
Жизнь юная незримо уходила,

Какъ звонкій ключъ бѣжитъ своимъ путемъ;—
Пусть взоръ его лелѣялъ сумракъ тучи,
Пронзенный нѣжнымъ Веспера лучомъ;—

Пусть, какъ тростникъ надъ влагою текучей,
Изгибы губъ дрожали иногда,
А въ снахъ его, тревожны и кипучи,

Стремились мысли, мчалась череда,
Невѣдомою силою влекома,
Сверканьемъ, безпокойнымъ навсегда,—

Съ какимъ природа горная знакома,
Когда отъ башни къ башнѣ мчится зовъ,
И слышатся псалмы ночного грома,

И слышится вкругъ замковъ свистъ вѣтровъ,
И внемлютъ эти ропоты и звуки
Встревоженные жители луговъ,

И холодѣютъ ихъ, отъ страха, руки;—
Пусть эти мысли, точно духовъ рой,
Чья пища—нескончаемыя муки,

Безсонно надъ его неслись душой,—
Въ чемъ были тѣ печали, для которыхъ
Онъ знака не нашелъ въ душѣ чужой,

Ни зеркала въ чужихъ мечтахъ и взорахъ,—
Не зналъ онъ, и никто не могъ узнать,
Въ какихъ они сплеталися узорахъ.

Но кто бъ его ни вздумалъ вопрошать,
Всегда свѣтло смотрѣлъ онъ и открыто,
Какъ будто бы желая показать,

Что онъ не зналъ, какая скорбь въ немъ скрыта,
И точно снисхожденья грустный взглядъ
Просилъ,—такъ много чувствъ въ немъ было слито;

Иль, страстью безглагольною объятъ,
Онъ вздрагивалъ, или блѣднѣлъ безгласно;
Итакъ, какіе сны его томятъ,

Друзья его не знали, и, напрасно
Терзать его разспросами боясь,
Касались рѣдко боли, что безгласно

Глядѣла изъ его глубокихъ глазъ;
Межь сердцемъ и умомъ его былъ тайный
Покровъ, непроницаемъ, какъ алмазъ,

И въ битвѣ жизни, съ пыткой чрезвычайной,
Они отдѣльно бились, лишь порой
Соединяясь встрѣчею случайной.

И говоръ шелъ среди толпы людской,
Что онъ безуменъ былъ; «воспоминанья,
О жизни, что предшествуетъ земной»,—

Другіе говорили,—«на скитанья
Земную осудили жизнь его,
Ее преобразуя въ воздаянье»;

«Для тѣхъ, кто не боится ничего»,—
Такъ нѣкоторые мудро утверждали,—
«Господь, отъ недовольства своего,

«Готовитъ тяжкій гнетъ такой печали,
Затѣмъ, что ихъ душа подчинена
Одной любви, лишь видитъ въ ней скрижали»;

«Нѣтъ, это тѣнь таинственнаго сна»,—
Еще иное было утвержденье,—
«Что пропастью души затемнена,

«Живя въ умѣ, какъ смутное видѣнье,
Проносится, какъ взрывчатый потокъ,
Въ подземности, во мракѣ разрушенья;

«И никогда не можетъ и не могъ
Свѣтъ радости ему блеснуть лучистый,
Чтобъ не погаснуть въ слишкомъ быстрый срокъ,

«Въ водоворотъ не погрузиться мглистый—
Того, чуть вспоминаемаго, сна;
Но вскорѣ въ глубинѣ души, столь чистой,

«Притихнетъ эта бурная волна:
О, Атаназъ душа твоя святая
Не можетъ быть надолго смущена!»

Безплодно такъ и праздно разсуждая
О томъ, что̀ можетъ быть въ душѣ чужой,
Лишь тѣшила себя толпа людская,

Исполненная мудрости пустой,—
Въ томъ для людей одно изъ утѣшеній.
И онъ, какъ тотъ, кто знаетъ духъ людской,

Не отклонялъ подобныхъ разсужденій,
Но, точно былъ вопросъ о комъ другомъ,
Утонченную ткань предположеній

Сплеталъ усталымъ творческимъ умомъ;
Никто не зналъ,—лишь близкіе душою,—
Какъ больно это отзывалось въ немъ.

Надъ этой жизнью, нѣжно-молодою,
Печаль нависла, какъ кошмаръ безъ глазъ,
Сжимая существо его змѣею,

И жгла его, терзая каждый часъ;
Изъ жизни жизнь упорно изгоняя,
Тотъ цѣпкій врагъ, вокругъ него віясь,

Былъ всюду, ни на шагъ не отступая,
Безъ имени, но съ властностью оковъ,—
И потому печаль его нѣмая

Осталась—пусть останется—безъ словъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Царевичъ Атаназъ былъ въ дружбѣ нѣжной
Съ сѣдымъ и старымъ-старымъ мудрецомъ;
Тотъ старецъ—съ бородой былъ бѣлоснѣжной,

Съ небесно-кроткимъ радостнымъ лицомъ,
Съ улыбкой говорившей о покоѣ,
И кротокъ былъ въ словахъ онъ, и во всемъ;

Его глаза—какъ зеркало живое,
Гдѣ отразилась тысяча умовъ;
Въ Элладѣ суевѣрье роковое,

Изъ всѣхъ другихъ содѣлавши рабовъ,
Лишь на него, и избранныхъ свободныхъ,
Не наложило тягостныхъ оковъ.

Въ Эноѣ, полный мыслей благородныхъ,
Онъ съ дѣтства жилъ средь шепчущихъ оливъ.
Какъ тотъ, кто островъ между водъ безплодныхъ

Нашелъ въ пустынѣ, гдѣ шумитъ приливъ,
И какъ морякъ, на кораблѣ живущій,
Товарищей погибшихъ переживъ,—

Онъ жилъ въ своей душѣ, всегда-поющей,
Воздушно съ древней мудростью былъ слитъ,
Свой нѣжный свѣтъ на тѣхъ, кто слитъ съ ней, льющей:—

«Умъ дѣлается тѣмъ, на что глядитъ»,—
Такъ и Зонорасъ, вѣчно созерцая
Созданья мудрыхъ, свѣтомъ былъ повитъ;

И услыхавъ, о, Греція святая,
Что смуты большей грянулъ ураганъ,
Чѣмъ та, въ которой ты, изнемогая,

Извѣдала всю боль глубокихъ ранъ,
Онъ много лѣтъ провелъ среди скитаній,
Прошелъ пространства многихъ, разныхъ, странъ,

Извѣдалъ сѣть различныхъ испытаній,
И въ Лайю, наконецъ, въ зеленый долъ,
Вступилъ, исполненъ смутныхъ ожиданій;

По памятнымъ мѣстамъ онъ молча шелъ,
Гдѣ стаей прошумѣли Мусульмане,
Принесшіе съ собою бремя золъ;

Еще недавно, въ утреннемъ туманѣ,
Безстрашный рыцарь ѣхалъ здѣсь съ копьемъ,
Но смерть его, въ безбрежномъ океанѣ,

Окутала глубокимъ забытьемъ,
Его вдова, безмолвная, сидѣла
Грустя передъ рѣшетчатымъ окномъ;

Поражены въ ней были духъ и тѣло
Извѣстіемъ, что мужа нѣтъ въ живыхъ,
И въ даль она туманную глядѣла,

Внизу, среди орѣшниковъ густыхъ,
Шелъ нѣкій старецъ, сильно утомленный,
Сіяньемъ окруженъ волосъ сѣдыхъ,

Въ ея дворецъ роскошный приглашенный,
Величественно-кротко онъ взиралъ,
И весело пылалъ огонь зажженный,

А Атаназъ, хотя и былъ онъ малъ,—
Всего трехъ лѣтъ,—глядѣлъ съ большимъ вниманьемъ,
И всѣмъ словамъ Зонораса внималъ.

2.

Таковъ Зонорасъ былъ; и какъ съ разсвѣтомъ
Блистаетъ амарантъ своей слезой,
Горитъ какъ бы невянущимъ привѣтомъ,

Когда кругомъ повсюду листъ сухой,
Такъ послѣ всякихъ бурь, мятелей мглистыхъ,
Сіялъ Зонорасъ истиной святой;

Изъ родниковъ заброшенныхъ, но чистыхъ,
Онъ душу Атаназа напиталъ
Сіяньемъ пѣсенъ мудрыхъ и лучистыхъ,

Сокровища забытыхъ знаній далъ,
Ему, ребенку съ темными глазами,
И тонкіе узоры съ нимъ сплеталъ,

Съ ученикомъ мѣняяся словами,
Дѣля неуменьшающійся кладъ;
И какъ надъ изумрудными холмами

Проворно тѣни шаткія скользятъ,
Перегоняя бѣгъ вѣтровъ, ихъ мчащихъ,
Такъ, всѣ огни принявши въ жадный взглядъ,

Созвучія всѣхъ словъ, къ мечтѣ манящихъ,
Въ себя впитавъ, Царевичъ возвѣстилъ
Учителю рядъ новыхъ словъ блестящихъ,

И, черпая въ ключахъ природныхъ силъ,
Со старцемъ связанъ дружбою святою,
Его онъ новымъ истинамъ училъ.

Въ лѣсныхъ пещерахъ, съ ихъ зеленой мглою,
Близь океана, между гулкихъ скалъ,
Нерѣдко, жаркой лѣтнею порою,

Ихъ дровосѣкъ какой-нибудь видалъ;
Когда жь зимой носилися мятели
И въ морѣ свирѣпѣлъ кипящій валъ,

И вѣтры гимнъ войны протяжно пѣли,
Отъ дальнихъ Балеарскихъ острововъ
Отбившись, рыбаки сквозь мглу глядѣли,

Какъ ихъ свѣтильникъ сумракъ облаковъ
Пронзалъ, горя на башнѣ, въ Лайѣ сонной,
Какъ ликъ звѣзды, что, выше всѣхъ вѣтровъ,

Струитъ свой лучъ надъ моремъ, неуклонный,
Межь тѣмъ какъ всѣ созвѣздія небесъ
Какъ бы погасли въ бурѣ разъяренной.

Какъ бы погасли? Нѣтъ, восторгъ чудесъ
Все длится: вновь надъ чащами лѣсными
Горитъ Арктуръ межь облачныхъ завѣсъ,

Надъ южными волнами, словно въ дымѣ,
Явилъ свой поясъ яркій Оріонъ,
И серпъ Луны, съ лучами молодыми,

Поитъ мечтой закатный небосклонъ.—
«Ночь лѣтняя! какой небесной властью
Ночной пѣвецъ тобою надѣленъ,

«Чтобъ онъ, отдавшись ласковому счастью,
Звенѣлъ и пѣлъ, какъ будто свѣтъ струя!
Какъ много душъ, объятыхъ темной страстью,

«Забывшихъ о восторгѣ бытія,
И вновь оживъ отъ ласки колыбельной,
Благословили пѣсню соловья!

«Въ томительности скорбной и безцѣльной
Какъ часто умъ отъ скорби отдыхалъ,
Услышавъ шопотъ Ночи безпредѣльный,

«Услышавъ, какъ чуть плещетъ сонный валъ,
Какъ вѣтеръ, прилетѣвъ отъ сосенъ дальнихъ,
Которымъ грусть онъ нѣжно навѣвалъ,

«Лепечетъ о какихъ-то снахъ зеркальныхъ!
Лишь мнѣ не помогаетъ ничего,
И странно бремя думъ моихъ печальныхъ!»

Никто не слышалъ возгласа того,
Не выразилъ онъ, что̀ его томило,
Но горечь тѣнь движенья своего

На блѣдный ликъ чуть зримо уронила,
Какъ будто бы надъ озеромъ лѣснымъ
Движенье вѣтра воды затемнило.

Почувствовавъ, что другомъ молодымъ
Владѣетъ скорбь, мистическую муку
Желая просвѣтлить умомъ своимъ,

На блѣдную безжизненную руку
Свою Зонорасъ ласково кладетъ,
И такъ, какъ звукъ къ согласному съ нимъ звуку

До глубины мелодіи идетъ,
Онъ съ юношей, спокойно и размѣрно,
Возвышенную, тихо, рѣчь ведетъ:

«Ужь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,—ты помнишь, вѣрно?—
Какъ мы по взморью, надъ ночной волной,
Съ тобою шли, и цѣлый міръ, безмѣрно,

«Захваченъ былъ ростущей тишиной,
Луна межь тѣмъ сокрылась съ небосклона,
Чтобъ серпъ острить за темной глубиной.

«Блестящія реченія Платона
Для насъ съ тобой весь наполняли міръ,
Отъ высей неба до морского лона;

«Мы только что съ тобой читали *Пиръ*,
И мнилось, Агатонъ и Діотима
Увидѣли блистательный эѳиръ,

«Отъ смертнаго освободившись дыма.»

3.

То было въ дни, когда земной просторъ
Стеблями одѣвается живыми;
И такъ же, какъ дочь Ангела свой взоръ

Крылами изумрудно-золотыми
Скрываетъ, и стоитъ передъ отцомъ,
И воздухъ слитъ одной любовью съ ними,—

Такъ, съ долгимъ разлучившись зимнимъ сномъ,
Земля предъ Солнцемъ юностью дышала,
И Солнце льнуло къ ней своимъ тепломъ.

Сѣдая роща вся зеленой стала,
Цвѣты сверкнули звѣздной пеленой,
Трава, качаясь, нѣжно заблистала,

Блеснули подъ прозрачною волной
Морскія почки:—о, какъ часто нѣжный
Безмолвно любитъ, раннею весной,

Онъ любитъ тѣнь души своей безбрежной,
Не видя предъ собой иной души,
Или любимцевъ грезы безмятежной—

Листы, едва возросшіе въ тиши,
И, сладкаго исполненный безсилья,
Какъ будто слышитъ зовъ мечты: «Спѣши!»

Его душа развертываетъ крылья,
Тогда и вѣтру не нагнать ее,
Хотя бъ онъ сдѣлалъ крайнія усилья;

Душа вступаетъ въ царствіе свое,
Ее несетъ въ лазури сновидѣнье,
Ее качаетъ нѣжно забытье.

Внизу, тамъ гдѣ-то, зыби отдаленья,
Насталъ веселый праздникъ, свѣтлый часъ,
Прошла зима и всѣ ея мученья.

Въ такіе дни Царевичъ Атаназъ
Прошелъ черезъ Альпійскія громады,
Гдѣ ткань снѣговъ блистала какъ алмазъ;

Кругомъ безгласны были водопады,
Ихъ всѣ морозъ въ кристаллы превратилъ,
Слѣпившіе своимъ сіяньемъ взгляды,

Или холодный вѣтеръ, въ видѣ крылъ,
Ихъ влагу остужалъ и мчалъ по скатамъ,
И кружевомъ алмазнымъ серебрилъ

Провалы, озаренные закатомъ.

4.

Любовь, Любовь, ты сладкое вино,
Лишь твоего хотимъ мы опьяненья,
И счастливъ тотъ, кому оно дано;

Блаженные, хотящіе забвенья,
Пока еще листы не облетятъ,
Готовя мудро кубки наслажденья,

Сбираютъ твой роскошный виноградъ,
И тысячи, что ждутъ очарованья,
Росою изъ амврозіи поятъ;—

Ты Океану льешь свои сіянья,
Тобой живетъ морская глубина,
И чарой нѣжной твоего вліянья

Лазурью глубь Небесъ напоена;—
То тѣнь твоихъ таинственныхъ воскрылій,
Когда Земля особенно нѣжна

Богатствами цвѣточныхъ изобилій;—
Ты межъ камней, въ горахъ, родишь мечту,
Твои огни просторъ-пустынь поили

И ихъ не разъ одѣли въ красоту;—
Весною, въ пышность листьевъ одѣвая
Озябшихъ зимнихъ вѣтокъ черноту,

Ты дышешь, и тобой душа людская
Осѣнена всечасно, безъ конца,
Ты ждешь, толпу людскую умоляя

О томъ, что̀ страстно, съ блѣдностью лица,
Вымаливать она должна была бы,
И отдаютъ тебѣ свои сердца

Разбитыя—одни лишь тѣ, что слабы,
Передъ тобой лицомъ склоняясь въ прахъ,—
Но всѣхъ одѣть сіяньемъ ты могла бы!

5.

Темна была ея волосъ волна,
И взоръ глубокихъ темныхъ глазъ былъ страненъ;
Въ нихъ точно отражалася луна,

Когда въ затменье лунный дискъ туманенъ;
Но, если свѣтъ, что въ нихъ былъ скрытъ, блисталъ,
Казалось, духъ ея былъ сладко раненъ

И въ боли наслажденья трепеталъ.

1818,

Октябрь.

СТРОКИ, НАПИСАННЫЯ СРЕДИ ЕВГАНЕЙСКИХЪ ХОЛМОВЪ.

Какъ много нужно острововъ,
Какъ много нужно травъ, цвѣтовъ,
Среди морей, въ пустынѣ Горя,
Чтобы измученный морякъ
Могъ плыть и плыть по безднѣ моря,
Сквозь неизвѣданность и мракъ,
Подъ кровомъ сумрачной лазури,
Такъ, ночь за ночью, день за днемъ,
Межъ тѣмъ какъ вслѣдъ за кораблемъ
Стремится тьма, несутся бури,
И полны молній небеса,
И воетъ вѣтеръ быстрокрылый,
Рветъ снасти, доски, паруса,
И, схваченъ влажною могилой,
Надъ гладью жадной глубины,
Корабль впиваетъ зыбь волны,
Все ниже, ниже утопаетъ,—
Какъ тотъ, кому внушаютъ сны,
Что онъ въ пространствѣ погибаетъ,
Что вѣчность, силой своего
Стремленья, прочь несетъ его:
Вдали, во мглѣ, чертой туманной,
Родимый берегъ чуть глядитъ.
О, какъ далекъ, далекъ, желанный!
Уходитъ отъ него, бѣжитъ,
Совсѣмъ развѣяться спѣшитъ,—
И вотъ онъ, съ волей раздѣленной,
И спитъ, и рветъ узоры сна,
Но безпокойная волна
Своею властью неуклонной,

Все мчитъ и мчитъ его впередъ,
Туда, гдѣ пристань смерти ждетъ.
Что, если нѣтъ тамъ дружбы нѣжной?
Что, если скорбнаго, его
Любовь не ждетъ, и все мертво?
О, гдѣ бъ въ пустынности безбрежной
Онъ ни скитался день и ночь,
Найдетъ ли онъ пріютъ отъ горя,
Любовь захочетъ ли помочь
Тому, кто зналъ невѣрность моря?
Когда уйдетъ дыханье прочь,
Чтò нужды въ томъ, что ждетъ участье:
Ужь грудь бездушна, холодна,
Которой такъ хотѣлось счастья;
Безкровны жилы, и блѣдна
Та ткань, въ которой жизнь увяла;
И каждый нервъ, что, какъ ни малъ,
Отъ словъ упрека трепеталъ,
Теперь навѣкъ застылъ устало,
Скривился, точно листъ зимой,
Что къ мерзлой вѣткѣ льнетъ, сухой.

На взморьи сѣверномъ, гдѣ, споря
Съ волной тоскующаго моря,
Бушуютъ бури безъ конца,
Какъ будто разъ прилегъ несчастный,
Чтобъ отдохнуть отъ муки страстной,
И смерть застигла бѣглеца.
Гдѣ возлѣ волнъ пески сѣдые,
Тамъ бѣлый черепъ, семь костей
Лежатъ средь сумрачныхъ камней,
И, какъ черты сторожевыя,
Въ пустынной дремлющей тиши
Стоятъ и шепчутъ камыши.
И не скорбитъ никто, не стонетъ,
Лишь чайки жалобно кричатъ,
И вѣтры быстрые ихъ мчатъ,
Ихъ крикъ мгновенно въ вихрѣ тонетъ,

И ропотъ бури по волнѣ
Несется бѣшено и дико,
Какъ будто царственный владыка
Въ братоубійственной войнѣ.
Да, много воплей раздается,
Но эти вопли не о немъ,—
Кто никогда не засмѣется,
Кто раньше былъ согрѣтъ огнемъ,
Кто раньше зналъ мечты и думы,
Но какъ туманъ теперь, угрюмый,
Безъ мысли, безъ лучей, безъ словъ.

О, много, много острововъ,
Стеблей зеленыхъ въ даляхъ моря,
Успокоительныхъ цвѣтовъ
Средь безднъ властительнаго Горя.
И къ одному, въ недавній срокъ,
Прибитъ былъ утромъ мой челнокъ,
Влекомый мягкими вѣтрами.
Я между Евганейскихъ горъ
Стоялъ надъ свѣтлыми холмами,
И видѣлъ мой плѣненный взоръ,
Какъ, вѣя сѣрыми крылами,
Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Кружились полчища грачей.
Какъ въ безпредѣльномъ Океанѣ
Сѣдыхъ тѣней кричащій рой,—
Въ росистомъ тающемъ туманѣ
Они безумствуютъ толпой,
Пока востокъ не загорится
Всепобѣдительнымъ огнемъ,
Тогда ихъ хоръ угомонится,—
И какъ обрывки тучекъ, днемъ,
Горятъ въ просторѣ голубомъ,
И таютъ, полныя безсилья,—
Такъ ихъ мелькающія крылья,
Подъ золотымъ дождемъ свѣтясь,
И краской алой золотясь,

Горятъ высоко надъ лѣсами,
И молчаливыми рядами,
Черезъ разорванный туманъ,
Летитъ ихъ строй, и юнъ, и пьянъ;
Межъ тѣмъ, въ порывѣ дуновенья
Полунѣмого вѣтерка,
Сползаютъ ниже испаренья,
Течетъ съ утесовъ ихъ рѣка,
И вотъ вокругъ холма все ясно,
Заря пылаетъ полновластно.

Внизу, куда ни кинешь взоръ,
Какъ бы зеленая пучина,
Какъ бы безъ волнъ морской просторъ,
Лежитъ Ломбардская равнина,
Луга, колосья, и трава,
И города, какъ острова;
Тамъ, въ дымкѣ свѣтлаго тумана,
Пронзеннаго тепломъ огня,
Подъ синими глазами дня,
Я вижу чадо Океана,
Венецію, чертогъ златой
Для Амфитриты молодой,
Пріютъ, изгибовъ странныхъ полный,
Теперь отецъ ея сѣдой
Тамъ стелетъ искристыя волны.
Въ огнѣ рожденья своего,
Вотъ, изъ-за нихъ выходитъ солнце;
Широкій красный кругъ его,
Свѣтлѣе яркаго червонца,
Надъ линіей дрожащихъ водъ
Полусклонился—и плыветъ;
Ростетъ ликующая сила,
Возникъ проваломъ яркій свѣтъ.
И, будто бы внутри горнила,
Его сіяніемъ одѣтъ,
Его лучами ослѣпленный,
Проснулся Городъ къ счастью дня

Соборы, башни и колонны,
Какъ обелиски изъ огня,
Восходятъ къ пропастямъ эѳира,
Роняя тѣнь свою волнамъ,
Уходятъ къ синимъ небесамъ,
Горящимъ красками сафира;—
Какъ эта яркая заря,
Какъ это пламя небосклона,—
Огонь вставалъ отъ алтаря,
Когда-то, въ храмѣ Аполлона.

Твой поясъ—огнецвѣтный лучъ,
О славный Городъ! Ты когда-то
Вольнолюбивъ былъ и могучъ,
Но для тебя пора заката
Настала,—сумракъ темныхъ тучъ;
Ты былъ царицей Океана,
Но все почти въ тебѣ мертво,
Добычей будешь ты его,
Коль въ дымѣ своего тумана
Онъ дастъ уснуть твоей борьбѣ,
И влажный гробъ создастъ тебѣ.
Не столь угрюмою руиной
Какъ ты теперь, съ своимъ челомъ,
Отмѣченнымъ,—о, стыдъ!—клеймомъ,
Рукой чужого властелина,
И не рабынею рабовъ,
Сошедшей съ царственнаго трона,—
Ты отдохнешь средь тихихъ сновъ,
Среди измѣнчивыхъ валовъ
Дремотнаго морского лона;
Просторъ морской—твой будетъ царь,
Все будетъ такъ, какъ было встарь,
Надъ островами окружными,
Надъ ихъ пустынями нѣмыми,
Морскія чайки полетятъ,
И только силою извива
Прилива волнъ и ихъ отлива,

Надъ гладью водъ, что такъ блестятъ,
Поросшія морскими мхами,
Морскими странными цвѣтами,
Твои дворцовыя врата
Чуть слышно будутъ осыпаться,
Какъ будто морю высота
Твоихъ дворцовъ должна отдаться:
Утесъ, что созданъ глубиной,
Разрушенъ долженъ быть волной.
Рыбакъ, на склонѣ дня блуждая
По этимъ сумрачнымъ волнамъ,
Свой сѣрый парусъ расширяя,
Весломъ сильнѣе ударяя,
Направитъ путь къ инымъ краямъ,
Чтобъ миновать скорѣе мрачность
Твоей пустыни, и боясь,
Что, возмутивъ ея прозрачность,
Въ тотъ запоздалый звѣздный часъ,
Твои усопшіе проснутся,
Волну поднимутъ за волной,
И въ пляскѣ смерти понесутся
Надъ пробужденной глубиной.

Да, тѣмъ, которые видали
Лишь въ золотистой зыбкой дали
Твои соборы и дворцы,
Не видны сумрачныя лица,
Не виденъ Городъ весь—гробница,
Въ которой скрыты мертвецы;
Людскія блѣдныя видѣнья,
Какъ черви, въ смрадѣ разложенья,
Къ убитому величью льнутъ,
Густѣя тамъ, цѣпляясь тутъ.
Но, если властная Свобода
Своими крыльями взмахнетъ,
И гнетъ Кельтійскаго народа
Съ себя безстрашно отряхнетъ.
Отниметъ власть у этой Смуты

И вырветъ всѣ ключи темницъ,
Гдѣ, точно въ холодѣ гробницъ,
Въ цѣпяхъ, засовами замкнуты,
Лежатъ сто братскихъ городовъ,—
Ты можешь воскресить рабовъ,
И въ краѣ солнца, снова живы,
Какъ всѣ вы будете красивы,
О прошломъ память сочетавъ
Съ вѣнкомъ изъ новыхъ пышныхъ травъ.
А если нѣтъ,—о, пусть скорѣе
Погибнешь ты, и всѣ они,
Пусть солнце рдѣетъ, пламенѣя,
Пусть жгутъ туманъ его огни.
Васъ пощадитъ земля: въ пустынѣ
Временъ, подобные цвѣтамъ,
Гдѣ вы погибли, встанутъ тамъ,
Чтобы иной служить святынѣ,
Народы новыхъ лучшихъ лѣтъ,
Чей будетъ радостнѣй расцвѣтъ.

Погибни! Пусть надъ моремъ соннымъ,
Не опускаяся на дно,
Лишь рѣетъ ликомъ озареннымъ
Воспоминаніе одно:
Оно прекраснѣй, силой смѣвшихъ
И жаждавшихъ очей пѣвца,
Чѣмъ саванъ дней твоихъ истлѣвшихъ
Вокругъ увядшаго лица:
Воспоминаніе живое,
Что въ это царство голубое,
Въ гостепріимный твой предѣлъ,
Изъ тьмы родного небосклона
Прекрасный лебедь Альбіона
Къ тебѣ на волю прилетѣлъ,
И Океанъ въ своей лазури,
Ему, чей взмахъ прорѣзалъ бури,
Взволнованъ, былъ настолько радъ,
Что это бурное волненье

Преобразилось въ пѣснопѣнье,
Въ громовый яростный раскатъ,
И этой пѣсни лебединой,
Надъ всколыхнувшейся пучиной,
Созвучья все еще звучатъ.
Что̀ въ томъ, что, звонкій, полновластный,
Поэзіи живой ручей
Струитъ кристальность влаги ясной
И подъ сіяніемъ лучей
Въ предѣлахъ Альбіона вьется,
Тревожитъ тишь святыхъ могилъ,
Скорбя, что лебедь не вернется,
Въ которомъ столько юныхъ силъ!
Что̀ въ томъ, что съ грезами былыми
Со всѣми мертвыми твоими,
Противоставить образъ свой
Едва ль ты можешь славѣ той,—
Или вѣрнѣй, что̀ въ томъ, что въ дымѣ,
Грѣхами рабскими своими,
Хоронишь ты, туманомъ тучъ,
Тотъ духъ, который весь—какъ лучъ!
Какъ тѣнь Гомера, свѣточъ міра,
Вокругъ Скамандра навсегда;—
Какъ духъ великаго Шекспира
Эвонъ не кинетъ никогда,
И въ міръ вошелъ, какъ ликъ всезнанья,
Какимъ онъ между смертныхъ былъ;—
Какъ негасимое сіянье,
Любви непобѣдимый пылъ,
Изъ урны нѣжнаго Петрарки
Еще горитъ межь тѣхъ холмовъ,
И взоры сердца, странно-ярки,
Тамъ видятъ свѣтъ нездѣшнихъ сновъ;—
Такъ пребываешь неизмѣннымъ
И ты, непобѣдимый духъ,
Такъ будетъ городъ незабвеннымъ,
Гдѣ пѣньемъ ты плѣнилъ нашъ слухъ.

Уже дорогой золотою
Заря высоко поднялась;
Такъ, окрыленная мечтою,
Свобода всѣхъ равняетъ насъ,
Включая все въ свой свѣтъ единый—
Высоты, волны, и долины.
Отъ моря всталъ туманъ, и свѣтъ,
Которымъ Городъ былъ украшенъ,
Въ Венеціи совлекся съ башенъ,
Какъ блескъ ея отшедшихъ лѣтъ.
Вонъ, по краямъ той сѣрой тучи,
Свободно различаетъ взоръ
Соборъ, дворецъ, еще соборъ,
То Падуя; въ пустынѣ жгучей,
Средь желтыхъ выжженныхъ полей,
Крестьянинъ жатву собираетъ
И въ житницы нагромождаетъ—
Тирановъ родины своей;
Тамъ дальше, по пустынѣ жгучей,
Въ телѣгѣ тяжкой и скрипучей,
Молочно-бѣлые волы
Волочутъ груды винограда,
Чтобы, изъ нихъ добывши яда,
Который полонъ пьяной мглы,
Могъ грубый Кельтъ свою заботу
Питьемъ дурманящимъ залить,
Свою звѣриную дремоту
Могъ своевольемъ напоить;
И мѣста, взятаго насильемъ,
Не уступаетъ серпъ мечамъ,
Хотя, подобныя тѣнямъ,
Кишатъ надъ этимъ изобильемъ
Пришельцевъ жадныя толпы,
Изъ сорныхъ травъ плетутъ оковы,
И этихъ плевеловъ снопы
Уже для гибели готовы:
Что люди сѣютъ, то и жнутъ,
Ведетъ къ насилію насилье,

Къ несчастью, безполезны тутъ
Какія бъ ни было усилья:
Такъ было встарь, такъ будетъ вновь,
Не можетъ умъ убить обмана,
Не можетъ укротить любовь
Ни месть раба, ни злость тирана.

О, Падуя,—нища утѣхъ,
Въ твоихъ стѣнахъ сидѣли гости:
Мать съ мерзкимъ сыномъ, Смерть и Грѣхъ,
Играли межь собою въ кости
На Эццелина; Смерть съ косой—
«Мой выигрышъ!» вскричала, «Мой!»
Теряя ставку, Грѣхъ бранился,
И Смерть, чтобъ онъ угомонился,
Пообѣщалась—за него
Просить владыку своего,
Чтобъ награжденъ былъ Грѣхъ лукавый
Какой-нибудь иною славой,
Чтобъ онъ, блистающій умомъ,
Былъ сдѣланъ Вице-королемъ
Надъ всѣмъ, что есть между снѣгами
Восточныхъ Альпъ и По,—чтобъ всѣхъ,
Кто смятъ Австрійскими властями,
Плѣнилъ онъ, для своихъ утѣхъ.
Грѣхъ, слыша это, улыбнулся,
Какъ можетъ улыбаться Грѣхъ;
И миръ въ томъ краѣ пошатнулся,
И вотъ, съ минуты горькой той,
Здѣсь сѣмя брошено обмановъ
Кровосмѣсительной четой,
Сопровождающей тирановъ,
Всегда идущей имъ вослѣдъ,
Какъ со звѣздой приходитъ свѣтъ,
Раскаяніе съ Преступленьемъ,
И какъ временъ круговращеньемъ,
Дается бремя новыхъ бѣдъ.

О, Падуя, твой срокъ измѣренъ:
Замелъ, затмилъ въ твоихъ стѣнахъ
Лампаду знанья дольный прахъ;
Какъ метеоръ, чей путь потерянъ
Надъ свѣтлою могилой дня,
Своей невѣрностью маня,
Она горитъ непрочнымъ свѣтомъ,
Чтобъ не свѣтить, а лгать привѣтомъ.
Когда-то прежде, въ оны дни,
Являлись дальніе народы,
Чтобъ почитать твои огни,
Когда, зажженныхъ у Свободы,
Немного было очаговъ,
Чтобъ отдохнуть отъ холодовъ.
Теперь отъ пламени святого
Зажглися новые огни,
Но силой вражескаго слова
Въ тебѣ затоптаны они.
Работая у ели стройной,
Норвежскій дровосѣкъ, порой,
Роняя искру въ чащѣ хвойной,
Ее тяжелою ступней
Затаптываетъ межь кустами,
Но вдругъ безбрежный этотъ лѣсъ
Дрожитъ, и весь кипитъ огнями,
Восходитъ пламя до небесъ
Волнами языковъ горящихъ,
И, ужаснувшись, дровосѣкъ
Подъ пламенемъ воздушныхъ рѣкъ
Упалъ на землю, межь свистящихъ
Огней, глядящихъ съ высоты.
Такъ точно, тираннія, ты
Пожаръ огромный созерцаешь,
Огни вокругъ себя считаешь,
И слыша ихъ, вблизи, вдали,
Ползешь, склоняясь до земли:
Извѣдай Правды неизмѣнность,

Умри, позорная Надменность,
Сокройся въ прахѣ и пыли!

Вокругъ меня теперь нисходитъ
Осенній полдень, весь въ огнѣ,
И свой багряный блескъ приводитъ,—
Воздушный тотъ туманъ, что мнѣ
Звѣздой, въ лазури растворенной,
Является,—или, лучистъ,
Горитъ, какъ влажный аметистъ,
Огнемъ текучимъ напоенный;
До самой высоты небесъ
Отъ выгнутости кругозора,
Усладой радостной для взора,
Простеръ онъ блескъ своихъ завѣсъ,
Перемѣшавши въ нѣжной ласкѣ
Благоуханія и краски.
Равнины мирныя внизу,
Листы, не тронутые зноемъ,
Гдѣ, блескомъ солнца безпокоимъ,
Свою лучистую слезу
Дитя-морозъ оставилъ нѣжно,
И виденъ слѣдъ его слезы;—
Извивы зрѣющей лозы,
Что протянулись безмятежно,
Пустыню, скованную мглой,
Пронзивши пестрою каймой;—
И травы острыя, что съ башни
Повисли, точно лезвіё,
Сдержавши шопотъ свой всегдашній,
Роптанье вѣчное свое;—
И полный сновъ благоуханныхъ,
Полураскрывшійся цвѣтокъ,
Вотъ тутъ мерцающій, у ногъ;—
И въ очертаніяхъ туманныхъ,
Горя, какъ островъ, какъ узоръ,
Вершины Аппенинскихъ горъ;—
И Альпы, вѣчными снѣгами

Пронзившіе нѣмой просторъ,
Межъ солнцемъ вставъ и облаками;—
И всѣ живыя существа;—
И я, и это пѣснопѣнье,
Всѣ тусклыя мои слова,
Сдержавшія его теченье;—
Все свѣтомъ неба сплетено,
Живетъ и дышетъ заодно:—
Гармонія, благоуханья,
Любовь, и свѣтъ, и, какъ роса,
Что покидаетъ небеса,
Услада этого молчанья,
Душа созвучная всего,
И строй напѣва моего,
Тотъ разумъ, что, хотя и плѣнный,
Родитъ въ себѣ созвучья могъ,
И населилъ огнями строкъ
Уединеніе вселенной.

Нисходитъ полдень. Недалекъ
Тотъ часъ, когда зажжется, сонный,
Осенній вечеръ золотой,
Съ своей луной новорожденной,
И одинокою звѣздой,
Что, нѣжнымъ пламенемъ богата,
Какъ будто половину ей
Багряныхъ тѣхъ дастъ лучей,
Что взяты ею у заката:
И тѣ предутренніе сны,
Что, какъ полетъ вѣтровъ изъ дали,
И какъ движеніе волны,
Сюда ладью мою примчали,
Къ другимъ уходятъ островамъ,
Къ инымъ, ихъ ждущимъ, существамъ,
Въ безбрежное умчитъ ихъ море
Непобѣдимая волна,
И вновь старинный кормчій, Горе,
За руль проворнаго челна

Въ раздумьи сумрачномъ садится:
Куда теперь челнокъ помчится?

Иныхъ есть много пышныхъ сновъ,
Другихъ цвѣтущихъ острововъ,
Для тѣхъ, кому даны скитанья
Въ моряхъ, гдѣ жизнь и умиранье.
Еще, еще, и ихъ не счесть,
Какъ не измѣрить дали звѣздной;
Иные духи въ мірѣ есть,
Что вьются надъ глубокой бездной.
Быть можетъ, и сейчасъ, во мглѣ,
Тамъ гдѣ-то въ даляхъ на скалѣ,
Какъ бы окутанной приливомъ,
Они глядятъ въ предѣлы дня,
Сложивши крылья, ждутъ меня,
Чтобы въ затонѣ молчаливомъ,
Въ цвѣтущей малой бухтѣ могъ
Пристать у суши мой челнокъ.
Тамъ вѣчный свѣтъ царитъ, ликуя,
Тамъ для меня, какъ и для всѣхъ,
Съ кѣмъ радость нѣжную утѣхъ
Дѣлить сочувственно хочу я,
Они мечтами создаютъ
Святой безвѣтренный пріютъ,
И неизвѣстны тамъ обманы,
Нѣтъ преступленій, страсти, мукъ,
Зеленыхъ горъ тамъ мирный кругъ,
Долины, свѣтлыя поляны,
Тамъ вѣченъ кроткій гулъ лѣсовъ,
Тамъ вѣченъ странный ропотъ моря,
И звуки эхо, блескъ цвѣтовъ,
Своею сказкой съ ними споря,
Полны неизреченныхъ сновъ.
Тамъ будемъ жить, вдали ненастья,
Исполнены такого счастья,
Такихъ восторговъ, выше словъ,
Что духи воздуха, нашъ алый,

Нашъ ясный увидавши Май,
Нечистую толпу, пожалуй,
Заманятъ въ нашъ цѣлебный Рай;
Но свѣтлоокое забвенье
И примиреніе свое
Здѣсь встрѣтитъ бѣшенство ея,
Отъ вѣтерковъ, отъ дуновенья
Ихъ крылъ, съ которыхъ по сердцамъ,
Когда-то плакавшимъ въ раздорѣ,
Прольется сладостный бальзамъ;
И вѣчно-дышущее море
Создастъ имъ музыку волны;
Когда жь мгновенье тишины,
Порою, бездыханно встанетъ,
Смѣнитъ безмолвіе спѣша,
Заговоритъ стихомъ душа,
И пѣть любовь не перестанетъ,
И всѣхъ, кто, слыша говоръ водъ,
Въ томъ обиталищѣ живетъ,
Соединитъ въ союзъ единый,
И въ братство кроткое сольетъ,
Эдемъ спокойный надъ пучиной.
И вскорѣ каждый духъ земной,
Живущій въ мірѣ подъ луной,
Забудетъ зависть, просвѣтлѣетъ,
И вновь Земля помолодѣетъ,
И будетъ вѣчно молодой.

1817—1818.

РОЗАЛИНДА И ЕЛЕНА.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКЛОГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Розалинды и Елены не представляетъ изъ себя, конечно, поэтическаго опыта въ самомъ высокомъ стилѣ. Ея авторъ отнюдь не разсчитывалъ вызвать читателя на глубокія размышленія, и, если она, затронувъ его чувства и усладивъ на мигъ его воображеніе, пробудитъ въ немъ нѣкоторую идеальную печаль, благопріятную для воспріятія болѣе значительныхъ впечатлѣній, это будетъ все, что авторъ самъ испытывалъ, когда ее писалъ. Въ тѣ часы, когда слагалась эта исторія, я отрѣшался отъ себя, подчиняясь порыву чувствъ, опредѣлившихъ замыселъ, и даннымъ обстоятельствомъ объясняются перерывы въ ритмѣ, который имѣетъ притязанія на правильность лишь въ той степени, въ какой это соотвѣтствуетъ неправильности фантазіи, послужившей источникомъ вдохновенія.

Я не знаю, какія изъ немногихъ, оставленныхъ мною въ Англіи, поэмъ выберетъ мой издатель, чтобы присоединить ихъ къ предлагаемой. Одна изъ посланныхъ мной отсюда, изъ Италіи *), была написана послѣ небольшого путешествія среди прекрасныхъ горъ, окружающихъ то мѣсто, которое нѣкогда было убѣжищемъ Петрарки, а теперь служитъ ему гробницей. Быть можетъ, кто-нибудь осудитъ вступительныя строки Поэмы, рисующія внезапное отдохновеніе отъ чувства глубокой душевной подавленности, благодаря лучезарнымъ видѣніямъ, создаваемымъ внезапными вспышками Итальянскаго восхода солнца, осенью, среди этихъ высокихъ восхитительныхъ горъ; я могу представить въ оправданіе только одно, а именно: эти строки

*) *Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ*. Кромѣ нея, къ поэмѣ *Розалинда и Елена* были присоединены *Гимнъ Духовной Красотѣ* и сонетъ *Озимандія*.

К. Б.

не были выкинуты по просьбѣ дорогого друга, по отношенію къ которому каждый новый годъ дальнѣйшаго единенія только усиливаетъ сознаніе высокихъ его качествъ, и который, болѣе чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ бы право сѣтовать, что во мнѣ не погасла самая способность изображать печаль.

Неаполь, Декабря 20-го, 1818.

Розалинда и Елена съ своимъ ребенкомъ. Сцена: берегъ озера Комо.

ЕЛЕНА.

Поди ко мнѣ, побудь со мною,
Прими сердечный мой привѣтъ;
О, Розалинда, мы съ тобою
Не видѣлись такъ много лѣтъ,
Но было бъ дурно намъ, душою,
Забыть мгновеній прошлыхъ свѣтъ.
У озера, въ странѣ далекой,
Я вижу, ты стоишь одна,
И красотою свѣтлоокой,
Волной кудрей, свѣтло-широкой,
Ты точно въ высь вознесена,
Въ твоихъ глазахъ играютъ краски
Зари, и дышетъ тишина,
И прелестью вечерней ласки
Ты вся какъ будто бы полна.
О, милый другъ мой, подойди же!
Ты хочешь сѣсть со мной, поближе?
Ты хочешь быть со мной опять,
Какъ были прежде мы съ тобою?
Насъ здѣсь не могутъ увидать,
И власть, что дружною четою,
Въ уединенный этотъ часъ,
Опять соединила насъ,
Когда бы ты ушла съ враждою,
Была бы зломъ награждена
За то, что насъ свела она.

О нашей родинѣ желанной,
Что гдѣ-то тамъ, въ дали туманной,
Поговоримъ, мой другъ, съ тобой;
Вѣдь мы въ Италіи, въ изгнаньи,
И хоть угрюмъ нашъ край родной,
Но онъ живетъ въ воспоминаньи,
Съ своей пустынной красотой,
Одѣтый въ бѣлые туманы,
Нѣжнѣй, чѣмъ пышные каштаны
Въ странѣ чужой и золотой;
Припомнимъ свѣтлыя тропинки,
Густую чащу и кусты,
Ручьи, и надъ ручьемъ травинки,
И наши дѣтскія мечты,
Все то, что было намъ въ наслѣдство
Даровано самой судьбой,
Холмы, что свѣтлою толпой
Просторъ пронзили голубой,
Обломки сновидѣній дѣтства,
Одѣтыхъ солнечнымъ лучомъ,
Не повторяемыхъ ни въ чемъ:
Теперь, когда во мглѣ изгнанья
Мы знали столько бѣдъ и зла,
Мрачитъ о нихъ воспоминанье,
Какъ память дружбы, что прошла.
Я не ищу тѣхъ прежнихъ отношеній,
Огонь, что намъ свѣтилъ, теперь погасъ,
Но будь со мной хоть нѣсколько мгновеній.
О, говори! Ты помнишь? Каждый часъ
Съ тобою были вмѣстѣ мы когда-то...
Не хмурься... Не прошу я прежнихъ узъ,
Чтò было, миновало безъ возврата,
Ты порвала нашъ дружескій союзъ.
Но я тебя теперь не осуждаю,
Ты порвала лишь то, что порвалось;
Но въ этотъ часъ моей будь, заклинаю
Вотъ этой прядью нѣжною волосъ,
Ты отъ нея не можешь отказаться,

Взгляни же на меня—какъ будто я
Не та, съ которой ты могла разстаться,
А только мысль, и только тѣнь моя.

РОЗАЛИНДА.

Чтò это, сонъ возникъ, какъ пѣна,
На мигъ рожденная волной,
Иль легковѣрная Елена
Дѣйствительно передо мной?
Отъ твоего прикосновенья
Хотѣла бъ скрыться я сейчасъ,
Но въ памяти встаютъ мгновенья,
Чей свѣтъ донынѣ не погасъ;
Запретныя приносятъ слезы,
И вновь тоскливая душа,
Къ тебѣ, уставши видѣть грозы,
Бѣжитъ, въ прибѣжище спѣша.
Твое дѣлю я преступленье,
И нѣжно плачу я съ тобой;
Сама такого облегченья
Я не ищу для скорби той,
Которая всегда со мной,—
Въ моихъ глазахъ нѣтъ слезъ привычныхъ
Для думъ, для пытокъ необычныхъ.
Тебя любила я всегда,
И, какъ сестрѣ, не измѣняла,
Но жизни нужно жертвъ,—о, да,
Я это слишкомъ, слишкомъ знала,
И, о паденіи скорбя,
Всегда жалѣла я тебя,
Но отрекалась отъ Елены,
Наружной полная измѣны.
Теперь же, вся дрожа въ борьбѣ,
Въ изнеможеніи тоскуя,
Стыжусь, что лишь въ одной тебѣ
Любовь и дружбу нахожу я.
Припомнимъ же былые сны.
Сядь здѣсь, на этомъ сѣромъ камнѣ.

ЕЛЕНА.

О, нѣтъ, мой другъ, здѣсь быть нельзя мнѣ,
Меня тревожитъ шумъ волны.
Мнѣ чудятся родные звуки,
Когда я слышу рѣчь твою,
Мнѣ мнится, я въ родномъ краю,
И вновь томительныя муки
Гнетутъ, терзаютъ мысль мою.
Вонъ тамъ, въ лѣсу, среди каштановъ,
Есть тихій долъ, тамъ есть скамья,
Съ вечерней мглою, въ часъ тумановъ,
Нерѣдко тамъ бываю я;
Тамъ одиночество не мрачно,
Какъ наше,—призракъ мира тамъ,
Лазурь надъ доломъ тѣмъ прозрачна,
И хорошо тамъ будетъ намъ.
Коли твое расположенье
Мнѣ не измѣнитъ, приходи
Въ то кроткое уединенье,
Мы будемъ говорить.

РОЗАЛИНДА.

Иди
Впередъ, пойду я за тобою.

ГЕНРИ.

Куда вы, мама? Не туда.
Къ скамейкѣ Фѣничи вонъ тою
Дорогой, гдѣ блеститъ вода,
Пройти черезъ деревья надо.

ЕЛЕНА.

Да, я разсѣялась совсѣмъ.
О, милый, какъ тебѣ я рада!
Ну, поцѣлуй меня. Зачѣмъ
Вздыхаешь ты?

ГЕНРИ.

Не знаю, мама,
Но какъ могу я не вздыхать,
Когда и ты и эта дама
Такъ горько можете рыдать!

ЕЛЕНА.

Ступай теперь домой, мой милый,
И поиграй немного съ Лиллой,
Я скоро къ вамъ приду, иди.
Мы просто плакали отъ счастья,
Что увидались. Погляди,
Намъ весело, и въ насъ участье
Другъ къ другу. Ну, прощай, дружокъ.

На мать свою взглянувши быстрымъ взглядомъ,
Ребенокъ лишь улыбку видѣть могъ,
И онъ, привыкшій къ смѣху и къ отрадамъ,
Въ той радости притворства не призналъ,
Улыбкой озарился онъ живою
И матери тихонько прошепталъ:
«Смотри же, приведи ее съ собою.»
«Она такая странная!» шепнулъ.
Потомъ онъ устремился, убѣгая,
Остановился, матери кивнулъ,
И вновь улыбка вспыхнула живая,
И онъ легко, какъ птичка, упорхнулъ.
Межъ тѣмъ, лицо руками закрывая,
Стояла Розалинда, и, блѣдна,
Сдержать была не въ силахъ слезъ она,
И вотъ они, храня молчанье,
Вступили въ этотъ темный лѣсъ,
Онъ былъ исполненъ обаянья
И мглы средь лиственныхъ завѣсъ.
Сплетались заросли густыя,
Гнѣздился въ чащѣ сумракъ сна,
И тѣни вечера сѣдыя

Скользили, какъ скользитъ луна,
И наростала тишина.
Тропинка шла среди огромныхъ
Деревьевъ, между ихъ корней,
Змѣистыхъ, узловатыхъ, темныхъ,
Среди кочующихъ тѣней,
Въ зеленой дремлющей пустынѣ;
И вотъ онѣ пришли къ долинѣ,
Изъ камня тамъ была скамья
У сладкозвучнаго ручья;
Стволы, подобные колоннамъ,
Росли въ порядкѣ стройномъ тамъ,
И создавали нѣкій храмъ,
Подъ небомъ синимъ и бездоннымъ,
Какъ будто капище тѣхъ дней,
Когда еще ученьемъ новымъ
Не сдѣланъ былъ нашъ міръ суровымъ,
И раса ранняя людей
Предъ божествомъ, съ высотъ глядящимъ,
Склонялась съ кроткою мольбой.
Здѣсь, надъ ручьемъ, всегда звенящимъ,
Безгласный въ небѣ былъ прибой,
Росли въ немъ тучки и тонули,
И звѣзды рѣдкія блеснули
По этой безднѣ голубой.
Къ ручью, къ волнѣ его пѣвучей,
Скользитъ змѣя, чтобъ въ полдень жгучій
Дыханье жаркое смягчить
И жажду влагой утолить,
И съ неба вѣчно-голубого,
Съ высотъ сверкающаго крова,
Къ ней льется лучъ,—въ волнахъ ручья
Плыветъ и вся горитъ змѣя.
И птички легкія порхаютъ,
Безъ страха, близко отъ змѣи,
И перья свѣтлыя свои
Блестящей влагой орошаютъ,
И капли брызжутъ въ забытьи.

Внезапно вѣтеръ пронесется,
И слышно внемлющей мечтѣ,
Какъ одинокій листъ забьется
Средь вѣтокъ, гдѣ-то въ высотѣ.
И въ травахъ стрекотанье льется,
Средь нихъ найдя себѣ пріютъ,
Поютъ кузнечики, поютъ.
Все, что живетъ здѣсь, въ полдень лѣта,
Трепещетъ, нѣжитъ слухъ и взоръ:
Встаетъ единый слитный хоръ
Движенья, красокъ, звуковъ, свѣта.
Теперь здѣсь сонъ и тишина,
Теперь здѣсь забытье Природы.
Змѣя въ пещерѣ, спитъ она;
Дремотныя чуть плещутъ воды;
Какъ нарисованы—сучки,
И птички сонъ на нихъ лелѣютъ;
И только призраки густѣютъ,
И лишь сверкаютъ свѣтляки;
И только соловьи и совы,—
Когда слабѣетъ день въ лѣсахъ
И звѣзды заблистать готовы,—
Здѣсь просыпаются въ кустахъ;
Но даже совы улетѣли
Къ другой полянѣ въ этотъ часъ:
Здѣсь смотрятъ слишкомъ мрачно ели,
И мѣсяцъ въ облакахъ погасъ.
И къ этой тишинѣ привычный,
Поющій нѣжно соловей
На вѣткѣ здѣсь сидитъ обычной,
Но онъ молчитъ среди вѣтвей:
Его невѣрная подруга
Куда-то улетѣла прочь;
Молчитъ просторъ лѣсного луга,
Безмолвствуетъ глухая ночь.

Преданья сумрачнаго генія
Долину эту населилъ

Тѣнями мертвыхъ привидѣній;
Здѣсь адскій призракъ приводилъ
Видѣнье юноши сѣдого,
Въ полночный часъ, и съ нимъ сидѣлъ,
И напряженно съ нимъ глядѣлъ
Въ глубины сумрака ночного,
И въ женщину, какъ въ нѣжный сонъ,
Во мракѣ превращался онъ,
И къ нимъ ребенокъ обнаженный
Являлся въ этотъ вѣщій часъ.
О, да, чудовищный разсказъ,
И тотъ, кто говорилъ,—смущенный,
Дрожалъ и опускалъ свой взглядъ.
Дѣйствительность была страшнѣе.
Здѣсь нѣкогда сестра и братъ,
Другъ къ другу страсть въ сердцахъ лелѣя,
Видались позднею порой,
И въ этомъ мѣстѣ онѣмѣломъ,
Въ горѣніи желанья смѣломъ,
Она ему, въ полночный часъ,
Душой и тѣломъ отдалась.
Есть тѣнь за всѣмъ необычайнымъ.
Толпа ихъ выслѣдила въ тайномъ
Лѣсномъ прибѣжищѣ любви,
И вотъ ребенка разорвали,
Онъ весь потопленъ былъ въ крови,
Мать закололи, растоптали,
А юношу священникъ спасъ,
Чтобы онъ даромъ не погасъ,
Чтобы узналъ предѣлъ печали,
Итакъ, толпою окруженъ,
Онъ былъ на площади сожженъ.

По вечерамъ сюда Елена
Являлась въ свой обычный срокъ
Въ уединенный уголокъ;
Въ теченьи будней перемѣна
Была желанна ей, она,

Внимая повѣсти печальной,
Была въ своей многострадальной
Мечтѣ слегка облегчена.
Подъ вечеръ шла сюда Елена,
Съ ребенкомъ ласковымъ своимъ,
Когда на небѣ, точно пѣна,
И точно уходящій дымъ,
Слабѣли краски дня, блѣднѣя.
Она садилась на скамьѣ,
Въ душѣ спокойствіе лелѣя;
Дрожали тѣни, тамъ, въ ручьѣ,
У ногъ ея былъ мальчикъ нѣжный,
Онъ на нее глядѣлъ порой,
И былъ прекрасенъ безмятежный
Взоръ глазъ, съ игрою голубой.
Порою, слѣдуя порывамъ
Своей причудливой души,
Какъ бы стремясь къ краямъ счастливымъ,
Онъ исчезалъ въ лѣсной глуши,
Его забавы были кротки,
Была нѣжна его мечта,
И изъ сухого онъ листа
Нерѣдко дѣлалъ остовъ лодки,
И закрѣплялъ ее перомъ,
То парусъ былъ надъ челнокомъ,
И вотъ, съ незримымъ вѣтеркомъ,
Ладья на зыби струй качалась,
И мысль ребенка устремлялась
Въ безвѣстность, вдаль, рѣчнымъ путемъ.
Елена скорбно улыбалась,
И съ нѣжной думала тоской,
Что такъ играть здѣсь могъ другой
Ребенокъ, и такой же нѣжный,
Въ такой же грезѣ безмятежной,
Онъ былъ у этого ручья,
И мать за нимъ, любя, слѣдила,
Въ глубокомъ взорѣ грусть тая,
Пока ихъ смерть не захватила.

При этой мысли, передъ ней,
Скрывался образъ давнихъ дней.

За перемѣной перемѣна
Свершилась въ нашемъ мірѣ сна;
Ужь много мѣсяцевъ Елена
Сюда являлась, не одна;
Была съ ней прежняя подруга,
Онѣ сидѣли на скамьѣ,
И свѣжія травинки луга
Склонясь, купалися въ ручьѣ.,
Онѣ молчанье сохраняли
Въ очарованьи тишины;
Освободивъ ихъ отъ печали,
Она имъ навѣвала сны.
Рука съ рукой, онѣ сидѣли,
Довѣрье нѣжное тая,
И имъ во мглѣ вечерней пѣли
Чуть слышно ропоты ручья.
И какъ осенній вѣтеръ, вѣя,
Къ ночной красавицѣ прильнетъ,
И, поцѣлуй его лелѣя,
Цвѣтокъ раскрывшійся цвѣтетъ,
Окутавши могильный сводъ,—
Такъ голосъ ласковый Елены,
Ея души печальный звукъ,
Нѣжнѣй вѣтровъ, нѣжнѣе пѣны,
Заставилъ раскрываться кругъ
Замкнутыхъ и давнишнихъ мукъ
Въ груди ея подруги нѣжной,
И изъ груди, какъ изъ тюрьмы,
Какъ вспышки пламени изъ тьмы,
Рвался на волю вздохъ мятежный,
И одѣвалася въ слова
Печаль, что въ ней была жива.

РОЗАЛИНДА.

Я видѣла, какъ упадала
Земля на гробъ, какъ камень былъ

Положенъ, межь другихъ могилъ,
Надъ тѣмъ, чья жизнь горѣть устала,
Кто припадалъ ко мнѣ на грудь,
Чтобы спокойнѣе уснуть.
Ты не узнаешь агоніи,
Въ которой я тогда была;
Вдругъ ощутила я впервые—
Я больше плакать не могла,
Такъ не могла я утѣшаться,
О, нѣтъ, но я могла смѣяться,
И я безтрепетно спала,
Хоть въ сердцѣ слышала упреки,
И на грядущее намеки,
Гдѣ можно было ждать всего.
У гроба мужа моего
И днемъ и ночью я сидѣла,
Была не въ силахъ отойти,
Была не въ силахъ слезъ найти.
Я на умершаго глядѣла,
И все глядѣла безъ конца.
Играли дѣти безъ печали,
Въ мечтѣ, что дома нѣтъ отца,
Но вдругъ они захохотали,
Когда, прервавъ ихъ шумъ и звонъ,
Сказала я, что умеръ онъ,
Въ восторгѣ крики испускали,
Въ которыхъ радость ихъ жила,
И бѣгали, въ ладоши били,
Другъ съ другомъ весело шутили,
И, какъ въ насмѣшку, я была
Одѣта въ трауръ, и молчала.

Они смѣялись, умеръ онъ,
Кѣмъ духъ мой такъ былъ омраченъ,
И я тихонько проклинала,
Пока раскаянье во мнѣ
Ту радостность не замѣнило,
Хоть безъ грѣховъ сознанье жило.

И я томилась на огнѣ,
Въ аду невидимомъ тоскуя.

Тебѣ всю правду разскажу я.
Онъ человѣкъ былъ жесткій, злой,
Съ душою замкнутой участью,
Томился онъ одною страстью,
Страсть къ золоту его сожгла,
И лжи душа полна была;
Онъ лгалъ душою нечестивой,
И льстивый сдержанный языкъ
Передавать щекамъ привыкъ
Румянецъ краски низко-лживой;
Онъ съ сильнымъ былъ всегда труслнвъ,
А съ слабымъ—ярымъ былъ тираномъ,
И онъ всегда дышалъ обманомъ,
И былъ всегда во всемъ онъ лживъ;
Не разъ презрѣнье заблистало,
Рѣзнувъ его, въ чужихъ глазахъ,
И къ памяти его пристало,
Его къ могилѣ провожало,
Гдѣ спитъ его остывшій прахъ.
Онъ съ слабымъ былъ тираномъ ярымъ,
Мы были слабыми, увы.
И часто, отдаваясь чарамъ,
Какъ мотыльки среди травы,
Малютки весело играли,
Или садились близь меня,
И молча сказкѣ фей внимали,
При тусклыхъ отсвѣтахъ огня,
И вдругъ онъ шелъ, иль намъ казалось,
Что онъ по лѣстницѣ идетъ,
Въ груди дыханье занималось,
Веселье наше прерывалось,
И холодѣли мы, какъ ледъ;
Ребенокъ младшій мой пугался,
Къ груди невольно прижимался,
Смущенъ внезапной тишиной,

И ждалъ чего-то, самъ не свой,
Два старшихъ мальчика, въ тревогѣ,
Дрожа, мои сжимали ноги,
Увидѣвъ, что и я дрожу.

Тебѣ всю правду я скажу.
О, да, любила я другого,
Жилъ ликъ его въ душѣ моей,
И имя было мнѣ милѣй,
Чѣмъ всякое земное слово;
Но, если кто-нибудь чужой
Произносилъ его случайно,
Владѣлъ испугъ моей душой,
Блѣднѣли губы, въ сердцѣ тайна
Дрожала, полная огня;
Терзали ночью сны меня,
И плыли дни, какъ клубы дыма,
Я вѣчно думала о немъ,
Любовь была неистребима.
Такъ ночь за ночью, день за днемъ,
Онъ былъ моимъ дыханьемъ, свѣтомъ,
Моею жизнью, нѣжнымъ лѣтомъ.
Три года быстрые прошли,
Съ собой четвертый привели,
И мать моя, чтобы обѣтомъ
Навѣкъ соединились мы,
Ввела насъ въ храмъ, въ пріютъ моленій,
Исполненный огней и тьмы.
Въ предвосхищеньи наслажденій,
Стояли мы у алтаря,
Лампады искрились, горя;
Какъ вдругъ, въ какомъ-то страхѣ дикомъ,
Тревогой страшной обуянъ,
Отецъ, прибывъ изъ дальнихъ странъ,
Къ намъ устремился съ долгимъ крикомъ,
Вѣнчанье наше прервалось.
Я видѣла худую руку,
Волну сѣдыхъ его волосъ,

И тусклый взоръ, являвшій муку,
Я слышала его слова,
О, Господи, и я жива!
«Постойте!» вскрикнулъ онъ тревожно,
«Имъ сочетаться невозможно,
Вѣдь это братъ ея родной.
О, юноша, узнай, не скрою,
Что мать твоя въ землѣ сырой,
Вонъ тамъ, подъ ивою густою,
Теперь я дряхлъ, теперь я старъ,
И мысли прежнее забыли,
Но было время юныхъ чаръ,
Когда-то счастливы мы были,
Былъ поцѣлуй для этихъ губъ:
Когда-то вмѣстѣ мы любили,
Я прежнихъ дней, и этотъ трупъ.
Ты наше дѣтище!» Смущенный,
Онъ замолчалъ и отошелъ,
И мой женихъ, какъ изступленный,
На каменный церковный полъ
Упавъ, остался распростертымъ.
Онъ поднятъ былъ—о, горе!—мертвымъ.
И всѣ глядѣли на меня,
Чтобъ увидать мои терзанья.
Но сохранила я молчанье,
Хоть сердце плакало, стеня.
Да, я молчанье сохранила,
И я спокойно прочь ушла.
И я замкнулась, какъ могила,
Какъ глыба мертвая была.
Но я недѣлю за недѣлей
Бродила, какъ живой мертвецъ.
И дни ползли, и дни летѣли,
И миновали, наконецъ.
Мой другъ, быть можетъ, ты сказала бъ,
Что камень у меня въ груди:
Хоть сердце знало горечь жалобъ,
Оно не порвалось, гляди.

Недолго жилъ отецъ. Я знала,
Что дни сосчитаны его;
Улыбка скорбная дрожала
Въ глазахъ, гдѣ было все мертво.
И вотъ лежалъ онъ тамъ, гдѣ тлѣли
Другіе трупы межъ червей.
Мы совершенно обѣднѣли,
Намъ тяжко было бремя дней.
Съ печалью неизмѣнной взгляда,
Моя тоскующая мать
Старалась что-нибудь сказать,
Въ чемъ для меня была бъ услада,
Но означали всѣ слова,—
Ей больно, что она жива,
И умереть она бы рада.
И я изъ церкви, въ ту же дверь,
Прошла, чтобъ стать женой другого,
И послѣ мукъ, не знавшихъ слова,
Онъ умеръ, наконецъ, теперь,
Проживъ со мной недѣли, годы,
Лишивъ меня моей свободы.
И я, какъ вѣрная жена,
Была все это время честной;
Что дѣлать я была должна,
То дѣлала, хоть въ долѣ тѣсной
Была терзаній я полна;
Я шла и шла, какъ побѣжденный,
Сквозь сумракъ жизни монотонный;
Однообразные часы,
Какъ дождь, неумолимо-вялый,
Что все стучитъ-стучитъ, усталый,
Не прерывая полосы,
Мнѣ ничего не приносили,
Одни мученья, и во мнѣ
Надежду даже погасили,
Что отдохну я въ тишинѣ,
Когда домчится смерть ко мнѣ.
Въ моей тоскѣ, всегда туманной,

Та мысль была поддержкой странной,
Единственной, съ тѣхъ самыхъ поръ,
Когда погасъ для счастья взоръ.

Всегда моя была забота,
Покуда мать жива была,
Чтобъ раньше я не умерла,
Чтобы послѣдняя дремота
Ко мнѣ до срока не пришла.
И для нея притворнымъ свѣтомъ
Блисталъ, порой, потухшій взоръ,
Та мысль была моимъ завѣтомъ,
Вся жизнь моя была лишь въ этомъ,
Но миновали дни съ тѣхъ поръ,
Какъ надъ ея могилой травы
Зазеленѣли, и въ землѣ,
Могильной полные отравы,
Густѣя, черви, въ душной мглѣ,
Въ глубокомъ гробовомъ туманѣ,
Ее баюкали, для сновъ,
Свободныхъ отъ земныхъ оковъ,
Какъ сонъ ребенка подлѣ няни.
И я внезапно ожила,
Нѣмого полная волненья:
Подъ сердцемъ теплой кровь была,
Живое было тамъ біенье.
И я не знала, отчего,
Въ такомъ восторгѣ онѣмѣломъ,
Во мнѣ, гдѣ было все мертво,
Кровь бьется такъ, въ порывѣ смѣломъ.
Увы, какъ твердо знала я,
Что такъ не бьется кровь моя.
Какъ будто мысль любви дрожащей
Распространялася во мнѣ,
И кто-то пѣлъ мнѣ о веснѣ,
И властный тотъ порывъ, манящій,
Зажегъ всѣ жилы мнѣ огнемъ,
И часъ за часомъ, день за днемъ,

То обольстительное чудо
Все продолжалося, покуда
Тоска изъ сердца не ушла,—
И не было мнѣ больше больно,
И, наконецъ, я поняла,
Что больше не одна была,
И я заплакала невольно.
О, сколько долгихъ темныхъ лѣтъ
Въ своей тоскѣ я слезъ не знала,
И слышала, что вотъ ихъ нѣтъ.
Теперь же мнѣ блеснулъ ихъ свѣтъ.
Весна роскошная настала,
Всѣ слезы выплакалъ Апрѣль,
И наступило царство Мая,
Играла по утрамъ свирѣль,
И я мечтала, ей внимая.
Я дни, недѣли напролетъ,
Передъ окномъ своимъ сидѣла,
И солнце ласковое грѣло,
Я чувствовала, какъ течетъ
Слеза, за ней слеза другая,—
Такъ капли свѣтлыя дождя,
Изъ вешнихъ облаковъ идя,
Тепло трепещутъ, съ крышъ стекая.
Кто могъ бы разсказать тебѣ,
Елена, что̀ это за счастье—
Возможность слезъ,—рыдать въ борьбѣ,
Вновь знать какъ бы тепло участья!

Во мнѣ дрожала мысль одна:
Какъ это было бы жестоко,
Когда бъ ушла моя весна,
Когда бъ лишилась я намека
На счастье,—если бъ у меня
Вдругъ отняли сіянье дня,
Мою любовь, мои улыбки,
Чьи ласки такъ воздушно-зыбки.
Еще не знала я тогда,

Что эти трепетныя ласки
Погаснуть могутъ навсегда,
Вдругъ измѣниться въ гнѣвность маски,
Что зубы скалитъ и грозитъ,
Чудовищный жестокій видъ!
И какъ это должно быть нѣжно,
Я думала, кормить его,
Біеньемъ сердца моего
Его баюкать безмятежно,
И видѣть, какъ его душа
Чуть свѣтится въ улыбкѣ кроткой,
И слышать, какъ, едва дыша,
Въ немъ жизнь идетъ своей походкой,
Едва замѣтною, но четкой,
И въ глубинѣ прекрасныхъ глазъ
Искать намеки на сіянья
Ушедшаго воспоминанья,
Огонь, что вспыхнулъ и погасъ.
Я легкое сложила бремя,
И видѣла, что жизнь живетъ,
Межъ тѣмъ, потокомъ темнымъ, время
Все уносилося впередъ,
И много было въ немъ узоровъ,
И для моихъ любовныхъ взоровъ,
Какъ бы въ волшебномъ нѣжномъ снѣ,
Два лучезарныя видѣнья,
Два новые ребенка мнѣ
Возникли въ этой мглѣ теченья;
Для сердца, гдѣ жила тоска,
Двойная кроткая отрада,
Была нѣжнѣе та услада,
Чѣмъ видъ ночного маяка,
Въ крушеніе, для моряка.
Рождаясь, каждый упоенье
Своимъ рожденьемъ приносилъ,
Волшебное успокоенье,
И теплоту сердечныхъ силъ,
И изъ груди, теперь остывшей,

Пилъ нѣжно каждый молоко,
И въ ней, о счастіи забывшей,
Такъ становилося легко;
Когда отъ груди отнимала
Родимаго ребенка я,
Въ душѣ томленье пропадало,
Смягчалась мука бытія.
Всѣ горести и оскорбленья,—
Что составляли мой удѣлъ,
Съ тѣхъ поръ какъ первое рожденье
Мнѣ даровало наслажденье,
И міръ природы поглядѣлъ
Мнѣ въ душу съ радостью живою,—
Какъ тѣнь, темнѣли предо мною,
Но между горечью и мной
Вставали свѣтлыя видѣнья.
Теперь, всегда полна тоской,
Скорбя, что ихъ исчезновенье—
Удѣлъ ненарушимый мой,
Я плачу, нѣтъ успокоенья,
Изнемогаю каждый часъ.
О, дай мнѣ выплакать томленье!

И слезы падали изъ глазъ,
Сверкали средь росы блестящей,
Сіяніемъ луны горящей.
И снова зазвучалъ разсказъ.

Онъ умеръ. Почему, не знаю.
Коль возрастъ мѣрить смѣной лѣтъ,
Насколько я припоминаю,
Онъ не былъ старъ еще, о, нѣтъ.
Но онъ, всегда покорный страху,
Отъ алчности склонялся къ праху,
Она гнела его, какъ гнетъ,
Онъ вѣчно былъ какъ бы въ припадкѣ
Жестокой жадной лихорадки,
И былъ онъ холоденъ, какъ ледъ,

Онъ чуждъ былъ радостямъ, утѣхамъ,
Былъ искаженъ притворнымъ смѣхомъ,
Онъ самъ себѣ готовилъ гробъ;
Своекорыстьемъ, не годами
Изборожденъ былъ узкій лобъ,
И онъ жестокими мечтами
Питался, злобу затая,
Какъ ядовитая змѣя
Живетъ отравными листами.
Была ли смертью иль грѣхомъ
Его болѣзнь, того не знали,
Когда жь онъ умеръ, увидали,
Что смерть и грѣхъ гнѣздились въ немъ.

Семь дней лежалъ мертвецъ холодный,
И дожидался похоронъ,
И дѣти, въ радости свободной,
Играли, былъ не страшенъ онъ.
Я, наконецъ, имъ объяснила,
Въ чемъ смерть, и дѣтскій смѣхъ притихъ,
Имъ стыдно стало, страшно было,
И старшій сѣлъ у ногъ моихъ.
Вослѣдъ за нимъ пришли другіе,
И сѣли около меня.
Ребенку ль, что узналъ впервые
Всѣ наши радости земныя,
Весну, и смѣхъ, и ласку дня,
Вникать, что̀ значитъ смерть, могила.
Быть можетъ, мнѣ не нужно было
Совсѣмъ объ этомъ говорить,
Но жгли сознанье угрызенья,
Мнѣ нужно было разъяснить,
Въ чемъ состоитъ уничтоженье.
И я была не въ силахъ скрыть
Отъ глазъ моихъ, какъ было мало
Въ нихъ горести,—какъ отвѣчала
Ихъ радость радости моей,
Что снято бремя нашихъ дней.

Я слишкомъ ясно увидала,
Въ ихъ безъискусственныхъ глазахъ,
Гдѣ озабоченность и страхъ
Тѣнями сжали ихъ своими,
Что были мысли ихъ моими;
Они не говорили вслухъ,
Но каждый жилъ такой же думой:
«Теперь онъ умеръ, свѣтъ потухъ,
Не свѣтъ потухъ, а мракъ угрюмый
Отъ насъ ушелъ; отрадно намъ
Отдаться ласковымъ мечтамъ.»

Прошли, казалось, испытанья.
Онъ, наконецъ, былъ схороненъ,
Родные, послѣ похоронъ,
У насъ назначили собранье,
И прочитали завѣщанье,
Которое оставилъ онъ.
О, другъ мой, ты не представляешь,
Навѣрно ты совсѣмъ не знаешь,
Что мертвецы, въ гробахъ своихъ,
Спокойно могутъ издѣваться,
Пытать и мучить и смѣяться.
Кто живъ, невольно онъ живыхъ
Еще трепещетъ и боится,
Но безпощаденъ въ гробѣ трупъ,
Не дрогнетъ сжатость мертвыхъ губъ,
Онъ жалостью не возмутится,
И для жестокости своей
Онъ не найдетъ ни въ чемъ предѣла,
Спокойно спрятанное тѣло,
Среди кишѣнія червей.
Нѣтъ больше у меня дѣтей!
Меня терзанье жжетъ и гложетъ,
И дальше мой разсказъ не можетъ
Идти, сѣдѣетъ въ горѣ онъ,
О, пусть же мой душевный стонъ
Исчерпаетъ мой слабый голосъ,

Пусть все, что въ сердцѣ такъ боролось,
Замкнется въ непробудный сонъ,
Погаснетъ, принимая блѣдность.

Ты знаешь, что такое Бѣдность—
Для тѣхъ, чей встрѣтилъ темный взоръ
Нужду, глядящую въ упоръ;
Въ ней Преступленье, въ ней Позоръ,
Скитанья, грязь, лохмотья въ лужѣ,
Бездомность, и еще,—что хуже,
Чѣмъ это все,—о, да, пятно,
Которымъ все осквернено,
Ужасное Самопрезрѣнье,
Что лучезарный юный смѣхъ,
Какъ будто бъ былъ онъ тайный грѣхъ,
Преобразуетъ въ отвращенье,
Въ тотъ смѣхъ, чей самый звукъ—вражда,
И въ желчь всѣ слезы превращаетъ,
И, чтобъ не плакать никогда,
Въ глазахъ ихъ вовсе изсушаетъ.
Ты знаешь, мать не обречетъ
Своихъ дѣтей на скорбь такую;
Онъ тоже зналъ всю жизнь людскую.
Былъ безошибоченъ разсчетъ.
То завѣщаніе гласило,
Что, если на дѣтей взглянуть
Я захочу когда-нибудь,
Иль, если бъ тамъ я,—гдѣ свѣтило
Мнѣ солнце съ юности моей,
Гдѣ матери моей могила,—
Осталась болѣе трехъ дней,
Тѣмъ самымъ осужу ихъ дѣтство,
И навсегда лишу наслѣдства;
И тотъ, кто взялъ бы все себѣ,
Законникъ жесткій и холодный,
Слѣдилъ, какъ я, въ моей борьбѣ,
Въ моей печали безъисходной,
Терзалась; губы сжавъ свои,

Онъ обсуждалъ мое рѣшенье,
Грѣхи обдумывалъ мои
И мертвеца постановленье;
Такъ возвѣщала клевета:
«Она жила любодѣяньемъ,
Въ ея душѣ живетъ мечта,
Что въ небѣ только пустота,
Она, смѣясь надъ воздаяньемъ,
Рѣшила—Христіанство ложь,
И въ адъ за грѣхъ свой не пойдешь;
Мои мечты не такъ рѣшили,
И я хочу моихъ дѣтей
Отъ адскихъ упасти огней.»
О, да, онъ былъ въ своей могилѣ,
Какъ въ крѣпости, и могъ онъ лгать.
Спокойно могъ онъ утверждать,
Что я была не Христіанка,
И мужу не была вѣрна.
Полусгорѣвши, Индіанка
Могла быть такъ обвинена,
Хоть на кострѣ, скорбя о мужѣ,
Сгорала, мучаясь, она;
Мои мученья были хуже,
Чѣмъ пытки кроткія огня:
Онъ, низкій, обнималъ меня.
А что до Христіанства, ложно
Иль свято-истинно оно,
Рѣшать мнѣ не было дано,
И думать было невозможно,
Его я просто приняла,
И въ этомъ я какъ всѣ была;
У мысли не было досуга,
И не было у сердца друга,
Чтобъ размышляла я о томъ,
Что утверждали всѣ кругомъ.

Всѣмъ были слышны обвиненья,
Не мало было тамъ людей,

Мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей,
На лицахъ выразивъ презрѣнье,
Всѣ отошли брезгливо прочь,
Никто не думалъ мнѣ помочь,
Во всѣхъ дышало осужденье.
И я дорогою своей
Пошла, не проронивъ ни слова,
Полна страданія нѣмого.
И даже на двоихъ дѣтей,
Что на дворѣ въ тотъ мигъ играли,
Была не въ силахъ я взглянуть,
Но, затаивши гнетъ печали,
Безтрепетно пустилась въ путь.
И шла я ровными шагами,
Покуда, миновавъ туманъ,
Не увидала океанъ.
И тамъ, съ сѣдыми волосами
Старуха, павъ передо мной,
Служанка старая родной,—
Что матери моей служила,—
Моихъ не отпуская ногъ,
Меня слезами умолила
Принять набитый кошелекъ;
Изъ денегъ, что она копила,
Изо всего, что сберегла,
Она щедротною рукою
Мнѣ половину отдала.
И вотъ, съ безсонною тоскою,
Скитаюсь я, душа пуста,
И все проходитъ безучастно.
Есть у меня одна мечта,
Хоть можетъ быть она напрасна,
Но только ею я жива.
Вонъ, посмотри на ту вершину,
Чья многоснѣжная глава,
Пронзивъ лазурную пучину,
Глядитъ, какъ островъ въ высотѣ,
На томъ утесистомъ хребтѣ.

Она бѣлѣетъ передъ нами,
Съ своими гордыми снѣгами,
Надъ цѣлой бездной быстрыхъ тучъ,
Что простираются широко,
Идя на западъ отъ востока,
Надъ царствомъ пропастей и кручъ,
И шепчущихъ ручьевъ. Кто знаетъ,
Хоть это непонятно намъ,
Но можетъ быть, что мертвый тамъ
Величье смерти ощущаетъ.
Пусть будетъ тамъ, мечтаю я,
Могила вырыта моя.
И потому мое желанье
Найти могилу въ той глуши,
Что онъ, душа моей души,
Такое же имѣлъ мечтанье.
Однажды, помню, онъ сказалъ:
«Какое, вѣрно, это счастье—
Быть тамъ, гдѣ дышетъ полновластье
Стихій, гдѣ громъ родитъ свой валъ,
Быть между звѣздъ и молній жгучихъ,
Среди снѣговъ, вѣтровъ могучихъ,
Гдѣ хлопья снѣга, нѣжа взоръ,
Чуть бьются объ оплоты горъ,
Гдѣ царственно-огромны горы,—
И безглаголенъ ихъ покой,
Гдѣ тихо дремлютъ метеоры,
Уставъ безумствовать съ грозой,
Гдѣ—все, что сильно, все, что длится,
И что не можетъ прекратиться!
Какъ знать, быть можетъ, если тамъ
Среди снѣговъ быть схороненнымъ,—
Въ своемъ стремленіи безсонномъ,
Стихіи, мчась по тѣмъ хребтамъ,
Средь воздуха, что свѣтъ вбираетъ
И все собою окружаетъ,
Свои откроютъ тайны намъ,
И въ ихъ безсмертьи души наши

Увидятъ міръ свѣтлѣй и краше,
Чѣмъ то даровано мечтамъ?»
Тогда мнѣ эта рѣчь казалась
Причудливой, я засмѣялась,
Иль показала, что смѣюсь.
Теперь я тѣ слова лелѣю,
И съ ними навсегда сольюсь.
Пусть, эпитафіей моею,
Они въ тебѣ найдутъ пріютъ,
Въ тебѣ до времени живутъ.
Я знаю, ты ихъ не забудешь?
Ты упрекать меня не будешь
За то, что въ формѣ этихъ горъ
Я вижу тайное значенье,
За то, что къ нимъ мое влеченье
Сильнѣе, чѣмъ твой нѣжный взоръ.

ЕЛЕНА.

Не говори такъ, умоляю,
Поближе лучше сядь ко мнѣ.
Твою печаль я раздѣляю,
Хоть я сама горю въ огнѣ.
И много мукъ въ душѣ, на днѣ.
Моя печаль была безгласна,
И мнѣ казалося, что я
Одна, со мной лишь скорбь моя;
Но нѣтъ, ты болѣе несчастна,
Ты въ мірѣ болѣе одна.
О, я къ тебѣ любви полна,
И мы не будемъ разлучаться,
Коли разлуки въ смерти нѣтъ,
А если вовсе гаснетъ свѣтъ,
И если мы должны разстаться,
Мы будемъ спать, когда умремъ.
Но хочешь ли повѣствованье,
Мой другъ, услышать, обо всемъ,
Что отъ послѣдняго свиданья
И до сегодня знала я?

РОЗАЛИНДА.

Я слушаю, сестра моя.
Мерцая, звѣзды поблѣднѣли
Отъ перемѣнчивой луны;
Едва достигнувъ вышины,
Она ушла и еле-еле
Лучи струитъ изъ темноты:
Такъ въ юности любовь намъ свѣтитъ,
Но чуть ее душа замѣтитъ,
Ужь гаснутъ нѣжныя мечты.

ЕЛЕНА.

Да, тихо теплый вѣтеръ вѣетъ,
Но какъ остыла грудь моя,
Она всечасно холодѣетъ,
Всечасно остываю я.
И между тѣмъ какъ межь листами
Воздушенъ лепетъ вѣтерка,
Въ моей душѣ горитъ тоска,
Она печальными мечтами
Полна, и вся дрожитъ въ борьбѣ,
И посѣдѣла вся отъ горя.

РОЗАЛИНДА.

Не плачь, хотя я плачу, вторя
Въ уныньи горестномъ тебѣ.
Не плачь, сдержи свое страданье,
И разскажи мнѣ о себѣ.

ЕЛЕНА.

Боюсь, мое повѣствованье
Мученьемъ будетъ для тебя.
Ты помнишь, я жила, любя,
И я не вѣдала печали.
Ты помнишь, какъ мы перестали
Съ тобой видаться, и, хотя
Любовь свѣтила мнѣ, блестя,

Хоть Ліонель мой былъ со мною,
Я оскорбилась глубоко,
На то, что ты, полна враждою,
Была способна такъ легко
Со мною больше не видаться,
Такъ не по-дружески разстаться.
Во мнѣ отвѣтъ нашла вражда
Въ негодованьи. Но, когда
Онъ умеръ, вмѣстѣ съ нимъ надежды
Погибли, гордость прежнихъ дней;
Увы, когда смежилъ онъ вѣжды,
Настала тьма въ душѣ моей.
А людямъ въ эти дни казалось,
Что на изношенной землѣ,
Привыкшей быть всегда во злѣ,
Эпоха свѣтлая рождалась,
Тотъ предвкушенный мыслью вѣкъ,
Что грезился давно поэтамъ,—
Казалось имъ, что яркимъ свѣтомъ
Проникся въ сердцѣ человѣкъ,—
Что въ упоительныхъ узорахъ
Любовь и правда расцвѣтетъ,
Тѣ сны, которыхъ греза ждетъ,
Для воплощенія которыхъ
Лишь воли намъ недостаетъ.

Была великая минута.
Всѣ знаютъ, какъ среди людей
Напрасная настала смута,
Какъ въ дикомъ бѣшенствѣ страстей,
Средь ослѣпленія народа,
Средь воплей,—заглушая крикъ,—
Твой драгоцѣнный гимнъ, Свобода,
Въ созвучьяхъ радостныхъ возникъ.
И хоть изъ знатнаго былъ рода
Прекрасный Ліонель, раскатъ
Созвучій тѣхъ прошелъ сквозь стѣны,
Ему сказалъ, что перемѣны

Неустранимыя грозятъ.
И какъ полночною порою
Воспламененный метеоръ
Внезапно поражаетъ взоръ
Того, кто былъ объятъ мечтою,
Своей дремотной слѣпотою,—
Такъ правда, въ пламени лучей,
Всѣ юныя его томленья,
Мечтанія и сновидѣнья
Проникла силою своей,
Къ его прильнула изголовью,
И онъ зажегся—не любовью,
Но упованьемъ, и мечтой,
Что смѣлостью безстрашной блещетъ,
Молчитъ, и дышетъ красотой,
И въ самой смерти не трепещетъ;
Да, не любовью, потому,
Что лучъ ея свѣтилъ ему,
Любовь и жизнь въ немъ были снами,
Они въ немъ были близнецами,
Что родились въ единый часъ;
Въ другихъ сначала жизнь зажглась,
Потомъ любовь въ нихъ возникаетъ,
И темный міръ ихъ раздѣляетъ,
И нѣтъ имъ встрѣчи никогда,
Пока ихъ смерть не сочетаетъ,—
Онъ въ мірѣ все любилъ, всегда.
Въ тѣ дни, когда была закономъ
Глухая слѣпота страстей,
Прошелъ онъ чрезъ толпу людей,
И точно тотъ, кто тронутъ стономъ
Всѣхъ тѣхъ, кто былъ и слабъ и хилъ,
Предсталъ онъ смѣло передъ трономъ
Вооруженныхъ алчныхъ силъ.
Средь смуты, дикой и всегдашней,
Надъ зыбью бѣшеныхъ страстей,
Въ спокойной красотѣ своей,
Онъ высился, какъ бы на башнѣ;

Какъ музыка, онъ чаровалъ
Толпы кишащей бушеванье,
Стихалъ ея текучій валъ,
И этой властью очарованья,
Какъ сказочный волшебникъ, могъ
Онъ прекращать тревожный токъ,
То роковое сновидѣнье,
Что люди правдою зовутъ,
На дѣлѣ-жъ есть неправый судъ,
Безумье, гордость и отмщенье.
Въ немъ точно жили небеса,
Такая радость въ немъ свѣтилась,
Въ глазахъ надежда золотилась,
И будто свѣтлая роса
Отъ нѣжныхъ словъ его струилась;
Такъ въ сумеречный часъ, когда
Скользитъ вечерняя звѣзда,
Вся проникаясь обаяньемъ,
По краю сумрачныхъ морей,
Туманы влажно дышутъ ей,
Свѣтясь, живутъ ея сіяньемъ:
И какъ вечерняя звѣзда
Царитъ сіяніемъ всегда
Надъ мглой плывущаго тумана,
Такъ жесты самые его,
Красой вліянья своего,
Невольно трогали тирана,
И онъ, хоть былъ неубѣжденъ,
Но для безвѣстнаго волненья
Въ душѣ былъ темной пробужденъ;
И жертвъ терзаемыхъ мученья
Мучитель созерцать не могъ,
Увидѣвъ взоръ его лучистый,
И пытокъ сокращался срокъ,
И въ тѣхъ сердцахъ, гдѣ сумракъ мглистый,
Отъ волшебства его рѣчей
Пылалъ огонь живыхъ лучей,
И руки, что для всѣхъ, суровы,

Ковали тяжкія оковы,
И золотомъ давили міръ,
Въ порывѣ новомъ размыкались,
Какъ бы подъ звонъ свободныхъ лиръ.
Дивились люди,—и смѣялись
Иные, видя, что всегда
Онъ сѣялъ сѣмена такія,
Что мысли онъ взроститъ людскія,
Но жать не будетъ никогда.
Они съ укоромъ говорили:
Вѣдь онъ богатъ, и молодъ онъ,
Быть могъ онъ страстью опьяненъ,
Блистать въ роскошествѣ и въ силѣ;
Коль хочетъ славу онъ найти,
Такъ неужели онъ не знаетъ,
Что взоръ свой слава не склоняетъ
Къ тому, кто медлитъ на пути,
Защитникомъ погибшей вѣры.
Краснорѣчивые примѣры
Онъ могъ бы безъ труда найти.
Быть можетъ, онъ желаетъ власти?
Такъ власть всегда имѣетъ тронъ
Средь тѣхъ, кто слабъ и угнетенъ,
Кто собственной лишился части
На пирѣ жизни, потерявъ
Наслѣдіе законныхъ правъ.
Кто хочетъ власти и отличій,
Кто хочетъ побѣдить враговъ,
Тотъ долженъ силой разныхъ ковъ,
Тотъ долженъ лестью и добычей
Кормить прожорливыхъ волковъ,
Они, голодные, блуждаютъ
По всѣмъ возвышеннымъ мѣстамъ,
Весь міръ ихъ можетъ видѣть тамъ,
Какъ важно звѣри засѣдаютъ.
Чего же въ жизни ищетъ онъ?
Онъ все, чего хотятъ другіе,
Къ чему идутъ со всѣхъ сторонъ,

Бросаетъ за окошко, вонъ,
Какъ море—выброски морскія
Прочь извергаетъ изъ себя.
И если, все кругомъ дробя,
Желаютъ нищіе—законы
Низвергнуть, и порвать препоны
Для недовольства своего,
Нельзя намъ не понять того,
Законы ихъ влачатъ къ работѣ,
Къ нуждѣ, позору и заботѣ;
Тутъ ясно все, на первый взглядъ,
Хоть ихъ мятежъ есть заблужденье.
Но Ліонель? Вѣдь онъ богатъ,
И знатнаго происхожденья!
Такъ удивлялись на него,
Но Ліонеля всѣ любили;
Однимъ лишь исключеньемъ были
Святоши, въ чьихъ сердцахъ мертво,
Ихъ ненависть—какъ бы проклятье
Чрезмѣрно-огненныхъ лучей,
Что силой жгучею своей
Сжигаютъ нѣжныя зачатья
Побѣговъ юныхъ, и трава
Подъ ними больше не жива;
Они къ нему питали злобу
За то, что онъ въ стихахъ своихъ
Осмѣивалъ обманы ихъ,
Все то, чѣмъ жадную утробу
Они умѣютъ усладить,
Все, что они, сплетая нить,
Преобразуютъ въ измышленья,
Чтобъ ими глупыхъ устрашать
И для себя пріобрѣтать
Вліянье, почести, имѣнья.
О хитрыхъ демонахъ, о тѣхъ,
Кто побѣждаетъ искушенья,
И о святыхъ, и обо всѣхъ,
Подобныхъ этимъ, дѣтскихъ сказкахъ,

Умѣлъ разсказы онъ писать,
Въ такихъ живыхъ забавныхъ краскахъ,
Что ихъ никто не могъ читать
Безъ смѣха. Про него сказали:
«Гоните отъ себя бѣду,
Гоните старость и печали,
И прочитайте *Пиръ въ аду*,
Тамъ Ліонель намъ далъ такого
Напитка свѣтлаго, что мы
Отъ смѣха молодѣемъ снова,
Какъ будто выйдя изъ тюрьмы.»
Его за это не терпѣли
Сторонники цѣпей и лжи,
Притворно-кроткіе ханжи;
Но онъ, исполненный веселій,
Смѣялся радостно въ отвѣтъ.
Погибъ, погасъ тотъ яркій свѣтъ,
Надежды міра потускнѣли,
Перемѣнились времена,
И унесла въ своемъ теченьи
Его свирѣпая волна;
Такъ, улыбаясь въ нисхожденьи,
Горитъ ущербная луна,
Во мглѣ Апрѣльской свѣжей ночи,
И лѣтній ласковый цвѣтокъ,
Что вспыхнулъ, свой не выждавъ срокъ,
Навѣки закрываетъ очи,
Омоченъ пагубной росой,
Ему оледенившей вѣжды.
Увы, погасли всѣ надежды,
Спокойно Произволъ сѣдой
Возсѣлъ на свой престолъ старинный,
И Суевѣрье, какъ Пиѳонъ,
Что раненъ, но не пораженъ,
Въ игрѣ, и мерзкой, и безчинной,
Въ наставшей смутѣ черныхъ дней,
Звѣрей, что жизнь не поборола,
Собрало, въ низости своей,

Вплоть до кровавыхъ ступеней
Позорно-грязнаго престола.
Вновь топчутъ деспоты людей,
Вновь люди скованы обманомъ
Рабы склонились предъ тираномъ,
Смогли условности опять
Все человѣчество связать
И осквернить его позоромъ.
И голодъ воцарился вновь,
И въ бѣшенствѣ огонь и кровь
Сплетались гибельнымъ узоромъ,
Они для трепетныхъ рабовъ
Сковали цѣлый сонмъ оковъ,
И заразили ихъ недугомъ.
И вновь на улицахъ другъ съ другомъ
Встрѣчались люди, какъ всегда,
Въ чертогахъ прежнихъ возсѣдали,
Вновь идоламъ молиться стали,
Какъ будто солнце никогда
Не лило имъ свой лучъ свободный.
Но друга ждалъ пріемъ холодный
У друга лучшаго его,
Полуизношенныя мысли,
Какъ тѣни, надо всѣмъ повисли,
И было все, какъ мракъ, мертво,
И по своимъ кругамъ обычнымъ,
Готовя жизнью смерти пиръ,
Опять, въ стремленьи безразличномъ,
Кружиться началъ скучный міръ.

Въ то время желчью, не слезами,
Всѣ плакали, въ сердцахъ у всѣхъ,
Нѣмыми скованныхъ мечтами,
Паденье капель было тѣхъ,
Чьей силой, камень, какъ ни проченъ,
А все же у ключа источенъ.
Въ тѣ дни всѣ помыслы людей,
Любовь, надежда, дружба, слава—

Хотя любовь была отрава,
И свѣтъ надежды—мгла тѣней,—
Отъ этой мрачной перемѣны
Окраску приняли свою,
Какъ трепетанье бѣлой пѣны
Мѣняетъ синюю струю,
И какъ земля воспринимаетъ
Окраску воздуха, когда
Дрожатъ отъ бури города,
И кратеръ токъ огня вздымаетъ.

Для многихъ перемѣна та
Была, какъ ночи темнота,
Какъ снѣгъ внезапный надъ Апрѣлемъ,
Въ весеннемъ царствѣ зимній знакъ;
Всего больнѣе Ліонелемъ
Воспринятъ былъ тотъ скорбный мракъ.
Надежда въ немъ, какъ день, блистала,
Когда же онъ лишился чаръ,
Она зажглась въ немъ, какъ пожаръ,
И пламя жгучее снѣдало
Его повсюду, и всегда,
Онъ былъ какъ бы исполненъ зноя,
И, въ мірѣ странствуя, покоя
Не могъ найти онъ никогда.
Онъ былъ въ скитаніяхъ три года,
Когда же на четвертый годъ
Вернулся, въ немъ сама природа
Какъ бы пріяла недочетъ,
Всѣ видѣли, что онъ не тотъ,
Прошла ужь не одна недѣля,
Но онъ въ душѣ таилъ недугъ,
Онъ замкнутъ былъ въ какой-то кругъ,
Былъ непохожъ на Ліонеля.
Когда, бывало, онъ дремалъ,
Въ его лицѣ, воздушно-зыбки,
Играли ясныя улыбки,
Какъ будто онъ во снѣ внималъ

Созвучьямъ стройныхъ пѣснопѣній;
Когда онъ бодрствовалъ, вкругъ глазъ,
И возлѣ губъ его свѣтясь,
Толпа прекрасныхъ убѣжденій
Витала на крылахъ своихъ,
Воздушныхъ, какъ пѣвучій стихъ,
Чтобъ людямъ всѣ его мечтанья
Передавать, и ихъ плѣнять,
Его малѣйшія желанья
Безпрекословно исполнять.
Его увидѣть лишь—бывало—
Блаженство рая, а теперь
Къ нему какъ бы замкнулась дверь,
Печать тоски на немъ лежала,
Въ душѣ погасъ тотъ прежній пылъ,
Хоть ко всему, что окружало
Его, онъ такъ же нѣженъ былъ,
И кротко всѣхъ и все любилъ.

Въ краяхъ далекихъ,—говорили,—
Въ любви пріюта онъ искалъ,
Но призракъ счастія солгалъ,
Была мечта лишь горстью пыли:
Въ тѣхъ странахъ на землѣ нашли
Стихи съ пѣвучими словами,—
Но полустертые слезами,
Какъ тѣ, въ комъ скорби страсть зажгли,
Созвучьемъ словъ, обыкновенно,
Лелѣютъ то, что въ сердцѣ плѣнно,—
И всякій, видя тѣ мечты,
Въ строкахъ еще стиралъ черты.

«О, какъ я измѣнился! Я огнемъ
Горѣлъ когда-то: я любилъ, мечтая,
Что жизнь—любовь. Я былъ обманутъ сномъ.
Мой духъ, на крыльяхъ жаждущихъ блуждая,
Небеснымъ мнѣ давалъ идти путемъ.
Я спалъ,—сны серебрились мнѣ, блистая.

Я просыпался,—міръ былъ весь со мной,
Я думалъ, что создамъ Эдемъ земной.

«Еще люблю, но ужь въ любовь не вѣрю.
Желаю, но надежды больше нѣтъ.
Усталый разумъ, чувствуя потерю,
Сны молитъ, чтобъ зажгли погибшій свѣтъ.
Проснувшись, я слезами время мѣрю,
Я прячу въ сердцѣ кладъ ушедшихъ лѣтъ,
И, какъ скупецъ, незримое считаю,
Одинъ люблю, всегда одинъ страдаю.»

Онъ жилъ у моря, близь меня.
Встрѣчались въ вечеръ мы безмолвный,
Когда серебряныя волны,
Шурша и ласково звеня,
Подъ свѣтомъ дальнихъ звѣздъ сверкаютъ,
И, стройно пѣнясь, забѣгаютъ
На желтый дремлющій песокъ.
Тотъ часъ былъ нѣженъ и глубокъ.
Мы съ нимъ встрѣчались. Говорили.
Слова свѣтло-печальны были.
И эта грусть была легка.
Онъ прояснялся понемногу,
Въ словахъ кончалася тоска,
Мы проходили всю дорогу,
Что шла надъ зыбкою волной,
И вновь онъ свѣтлый былъ, иной:
Такъ, вся сверкая красотою,
Гроза порою расщепитъ
Могучій дубъ, что высотою
Глубины неба веселитъ,
И вотъ онъ теменъ, грустный видъ,
Но вновь повѣяло весною,
И вотъ, хоть сломаны сучки,
На нихъ проглянули листки,
Они такъ слабы, рѣдки, блѣдны,
Но все же смотрятъ съ высоты,
Они утонченно-побѣдны,

Какъ неизвѣстные цвѣты,
Съ едва-раскрывшейся коронкой.
Его слова, какъ пламень тонкій,
Дышали въ тѣхъ, кто былъ при немъ,
И, видя это совершенство,
Кто слушалъ, полонъ былъ блаженства,
Воздушнымъ былъ согрѣтъ огнемъ.
Онъ былъ исполненъ упоенья,
Какой-то легкости живой,
Свободны были всѣ движенья,
Такъ дышетъ вѣтра дуновенье,
Когда надъ свѣжею травой
Онъ легкой зыбью пробѣгаетъ,
Стеблями свѣтлыми сверкаетъ,
И гаснетъ въ безднѣ голубой;
Опять изъ раненаго сердца
Какъ бы струилась красота;
Въ немъ тайная открылась дверца,
И вознесенная мечта
Въ его глазахъ какъ бы витала,
Какъ нѣкій свѣтлый духъ, блистала,
Что свѣтомъ только-что рожденъ,
И пролетаетъ небосклонъ.
Но надъ глазами, надъ словами
И выраженіемъ лица,
Мракъ, прежними рожденный днями,
Струилъ, какъ будто тѣнь вѣнца,
Въ ней грусть дышала безъ конца,
И этотъ голосъ, эти взоры
Въ душѣ будили нѣжно страсть,
И заразительная власть
Сплетала свѣтлые узоры,
Какъ бы дыханіе цвѣтовъ,
Отъ нѣги росъ вечернихъ—пьяныхъ,
Насъ облекало чарой сновъ;
Изъ чувствъ и мысли жилъ покровъ,
Тонули въ нѣжныхъ мы туманахъ,
Воздушность въ тотъ волшебный часъ

Окутывала мягко насъ,
Другъ съ другомъ въ легкой дремѣ слиты,
Мы становилися—сокрыты
Отъ собственныхъ, отъ нашихъ глазъ,
Ото всего, чья жизнь—въ эѳирѣ,
Что только есть въ безбрежномъ мірѣ.
Такъ исцѣлялся духъ его,
Мой проникался страхомъ тайнымъ:
Въ томленіи необычайномъ,
Тревожно-чуткій для всего,
Блѣднѣлъ онъ, силъ въ немъ было мало,
Ему здоровье измѣняло,
И онъ какъ хрупкій былъ челнокъ,
Что вѣтра вынести не можетъ,
Хоть онъ попутный,—и потокъ
Его поглотитъ, онъ глубокъ,
Никто, ничто здѣсь не поможетъ.
Въ то время самое, какъ онъ
Былъ новымъ свѣтомъ озаренъ,
Заботой я томилась новой;
Росла въ немъ сила скрытыхъ ранъ,
Жизнь таяла своей основой:
Онъ былъ не блѣденъ, а румянъ,
Какъ чаши нѣжно-блѣдныхъ лилій,
Которыхъ розы затѣнили;
Густые волосы его,—
Въ одномъ лишь этомъ онъ затмился
И къ худшему перемѣнился,—
Лишившись блеска своего,
Какъ травы на нѣмыхъ могилахъ,
Рѣдѣли, вились пряди ихъ.
И кровь его въ прозрачныхъ жилахъ,
Во всѣхъ движеніяхъ своихъ,
Такъ призрачно, лѣниво билась,
Что очевиднымъ становилось—
Не жизнь, любовь ея законъ,
Теченье жизни—прекратилось.
Нерѣдко имъ внезапный сонъ

Овладѣвалъ, такой спокойный,
Подобный смерти блѣдно-стройной;
И только межъ его рѣсницъ
Слеза дрожащая блистала,
Въ ней то сіянье трепетало,
Что видимъ въ блѣдности зарницъ.
Дыханье было перемѣнно,
Такъ вѣтеръ, вѣя надъ огнемъ,
То гаситъ пламя, то мгновенно
Живую силу будитъ въ немъ;
И надъ уснувшимъ я склонялась,
Я за его слѣдила сномъ,
Пока настолько не смущалась,
Что слезы падали изъ глазъ,
И просыпался онъ сейчасъ:
Такъ въ озерѣ, въ водѣ зеркальной,
Дождь, пробудившись въ вышинѣ,
Стираетъ образъ на волнѣ.
«Не плачь. Зачѣмъ? Не будь печальной.»
Онъ говорилъ, проснувшись, мнѣ:
«Разъ мы не будемъ разлучаться,
Смерть не придетъ ко мнѣ. Жива
Моя душа, какъ травы луга.»
Обманно-сладкія слова!
Такъ съ нимъ любили мы другъ друга,
Соединяя все, что въ насъ
Природа разно засвѣтила.
Я помню, онъ сказалъ мнѣ разъ:
«Обычай для любви—могила,
И то, что создано людьми,
Чтобы скрѣплять навѣки узы,
Обряды, лживые союзы,
Насъ только осквернятъ, пойми,
Они убьютъ насъ ликованьемъ
И молча скажутъ: Свѣтъ погасъ!»
Я дрогнула, и съ обаяньемъ
Ему промолвила, смѣясь:
«Скрѣпимъ мы тоже узы наши,

Но свѣтъ нашъ не исчезнетъ прочь,
Намъ храмомъ будетъ эта ночь,
Гдѣ звѣзды краше все и краше,
Земля намъ будетъ алтаремъ,
И вѣтеръ, что листы качаетъ,
Насъ, какъ священникъ, обвѣнчаетъ,
И мы, счастливые, уснемъ.»

Когда я это говорила,
Спускаясь, солнце заходило.
Одна звѣзда едва зажглась,
Туманъ, плывя, возсталъ отъ дола,
Былъ тихій безмятежный часъ.
Внезапно слуги произвола
Явились къ намъ издалека,
И Ліонелемъ завладѣли,
И цѣпи на него надѣли,
И вотъ,—о, горе, о, тоска!—
Они его съ собою взяли,
Въ обширный городъ, въ башню, въ тьму,
Въ зловѣще-мрачную тюрьму.
Какъ эти черви утверждали,
Онъ посягнулъ своимъ умомъ
На ихъ боговъ, и дьяволъ въ немъ,
И хоть душа его за это
Въ озерахъ пламени и свѣта
Въ аду горѣть должна всегда,
Подвергнуться онъ долженъ мести
И на землѣ, во имя чести
Боговъ, которыхъ никогда
Не оскорбляютъ безъ возмездья,—
Свидѣтели тому—созвѣздья.
Что значатъ слезы и мольбы,
Когда ихъ слушаютъ рабы,
Что въ ненависти возростали?
Что значитъ сжатая душа,
Когда, исполнена печали,
Дрожа, скорбя, едва дыша,

Она напраснымъ стономъ молитъ,
Лицо свое блѣднѣтъ неволитъ?
Насъ разлучили. Какъ могла,
Я, хоть въ душѣ погасла сила,
Біенье крови утишила,
И, жгучей полная тоски,
Ихъ приказаньямъ вопреки,
Пошла за нимъ, какъ мать уходитъ
Вослѣдъ убійцъ, что унесли
Ребенка трупъ, и не находитъ
Сокрывшихся, безумно бродитъ,
Найти не можетъ ихъ вдали.
Мы до дверей тюрьмы дошли,
И я безчувственныхъ молила,
Чтобъ мнѣ позволили они
Дѣлить съ нимъ заключенья дни,
Но, безучастны, какъ могила,
Они меня прогнали прочь,
И въ небо я съ тоской глядѣла,
Но небо также не хотѣло
Моимъ терзаніямъ помочь.
И въ этотъ часъ, такой печальный,
Одинъ лишь взглядъ его прощальный
Успокоеніемъ былъ мнѣ,
Хоть скорбь не погасилъ вполнѣ.
Онъ пристально передъ собою
Взглянулъ, какъ будто за толпою,
За сумракомъ домовъ и стѣнъ,
За мглой обычныхъ перемѣнъ,
Какъ за темнѣвшею горою,
То увидалъ онъ, что лучомъ
Горитъ волшебно, и о чемъ,
Огнемъ пророческимъ одѣты,
Намъ говорятъ въ стихахъ поэты;
И голосъ прозвучалъ его,
Всѣ дрогнули, ему внимая,
И точно музыка живая
Коснулась сердца моего;

Отъ словъ проснулася темница,
И отзвукъ повторилъ слова,
И до сихъ поръ во мнѣ жива
Та лучезарная зарница:
«Не бойся, что будутъ тираны всегда,
Покорные лжи и злословью;
Они надъ обрывомъ, бушуетъ вода,
И волны окрашены кровью:
Взлелѣяна тысячью темныхъ низинъ,
Вкругъ нихъ возростаетъ свирѣпость пучинъ,
Я вижу, на зыби временъ, какъ обломки,
Мечи ихъ, вѣнцы ихъ—считаютъ потомки.»

Осталась я передъ тюрьмой.
И странная толпа входила
И выходила предо мной;
Въ сердцахъ у многихъ то же было,
Удѣлъ ихъ тотъ же былъ, какъ мой.
И этотъ ропотъ неустанный
И неумолчный шумъ шаговъ
Меня-бъ измучилъ, если-бъ въ странной
Тоскѣ я не слыхала словъ,
Что у меня въ душѣ, вставая
Слышнѣе, чѣмъ толпа людская,
Не жгли меня, горя свѣтло.
Немного времени прошло,
Вновь было небо не беззвѣздно,
Враги раскаялись, и онъ
Былъ изъ тюрьмы освобожденъ.
Но это было слишкомъ поздно:
Я не могу забыть, какъ онъ,
Весь блѣдный, тонкій, исхудалый,
Изъ кельи выходилъ, усталый,
Онъ былъ настолько истощенъ,
Что на тюремщика склонялся,
И, опираясь, улыбался
Улыбкой слабою, а тотъ,
Чьимъ міромъ былъ тюремный сводъ,

Не въ силахъ былъ владѣть собою,
Слезу ронялъ онъ за слезою.
И многіе, кто до тѣхъ поръ
Не плакалъ никогда, рыдали,
Всѣ, кто тюремный видѣлъ дворъ,
Всѣ тѣ, что, позабывъ о дали,
Въ тюрьмѣ за мигомъ мигъ считали,
И даже тѣ, чей произволъ
Сюда рабовъ такъ много свелъ,
Въ почтительности удивленья
Почувствовали въ этотъ день,
Что и они не привидѣнья,
Хоть каждый былъ изъ нихъ, какъ тѣнь.
И вотъ тюремныя собаки,
Привыкшія ворчать во мракѣ,
Увидѣвши въ тотъ свѣтлый часъ,
Что̀ было въ глубинѣ ихъ глазъ,
Людской душою заразились,
Визжа, у ногъ его кружились,
И узники, что въ душной тьмѣ
Томились много лѣтъ въ тюрьмѣ,
Вздохнувъ свободнѣе, шепнули,
Что злобный пламень въ нихъ затихъ,
И пытки горестныя ихъ
Почти на цѣлый день уснули:
Дремали коршуны сердецъ,
Приснилось узникамъ несчастнымъ,
Что былъ тюремщикъ—ихъ отецъ,
И въ ихъ томленіи ужасномъ
Къ нимъ больше не былъ безучастнымъ.

Вдвоемъ, свободны были мы;
Не знаю, какъ это случилось,
Карета быстро уносилась,
Насъ удаляя отъ тюрьмы,
Мелькали улицы; смотрѣли
Другъ другу нѣжно мы въ лицо;
Рука съ рукой, сплетясь, горѣли,

Какъ будто ихъ одно кольцо
И кровь одна для наслажденья
Соединили; между тѣмъ
Мѣнялись быстро впечатлѣнья,
Хоть я молчала, онъ былъ нѣмъ.
Такъ проносились мы сквозь длинный
Рядъ улицъ, сквозь просторъ пустынный,
Гдѣ неисчисленность тѣней,
Сквозь городъ многомилліонный,
Гдѣ человѣкъ среди людей
Одинъ съ тоской своей безсонной,
И вѣчной жаждою томимъ,
И такъ живетъ неутоленный,
Никѣмъ не будетъ онъ любимъ,
Никто не сжалится надъ нимъ.
И вотъ намъ небо голубѣло,
Открылись пышные луга,
Какъ будто море безъ предѣла
Здѣсь затопило берега,—
Къ нему въ объятья я упала,
Безмѣрность въ нихъ любви была,
И ночь счастливая настала,
И утру уступила мгла,
Часы блаженства улетали,
И въ этой смѣнѣ свѣтлыхъ дней
Стремились мы къ завѣтной дали,
Среди лѣсовъ, среди полей,
Покрытыхъ желтыми цвѣтами,
Черезъ селенья, города,
И все любовь владѣла нами,
Желая съ нами быть всегда.
То былъ Іюнь лазурно-нѣжный,
Когда просторъ небесъ глубокъ,
И прихотливый вѣтерокъ
Душисто-теплый, безмятежный,
Волнуетъ свѣжіе листы,
Лелѣетъ ласково терновникъ,
И, какъ невидимый садовникъ,

Взрощаетъ свѣтлые цвѣты;
Тогда блуждали ароматы,
И воздухъ мягкимъ былъ отъ нихъ,
И наши души, имъ объяты.
На крыльяхъ радости живыхъ,
Какъ восхищенныя созданья,
Неслись къ бездонностямъ огня,
Гдѣ сочетались всѣ дыханья,
Всѣ вѣтры солнечнаго дня.
И надъ луной новорожденной
Взошла вечерняя звѣзда,
И отъ земли блаженно-сонной
Свѣтъ съ звукомъ, сладко утомленный,
Волною отступилъ туда,
Въ лазурь, гдѣ было все красиво;
Такъ въ часъ усталаго отлива
Уходитъ сонная вода,
Чтобъ успокоиться, къ глубинамъ;
И бездыханный сонъ земли,
Съ нимъ слившись въ помыслѣ единомъ,
Мы приняли и миръ нашли:
И какъ цвѣты, что, другъ на другѣ
Закрывъ листы, когда ночной
Прохладою смѣнился зной,
Спятъ на росисто-нѣжномъ лугѣ,
Лелѣяли мы нашъ покой,
До самаго того мгновенья,
Какъ новыя пришли волненья,
Что тѣло дѣлаютъ душой,
И форму смертныхъ зажигаютъ,
И жизнью жизни въ нихъ сверкаютъ,
Имъ жить даютъ въ своихъ лучахъ,
Вторымъ рожденіемъ въ мірахъ
Прекраснѣе земного міра;
Волненья, что, какъ двѣ рѣки
Гармоніи, свѣтло-легки
Въ пространствахъ вольнаго эѳира,
Сливаются блаженнымъ сномъ,

Разъединяются потомъ,
Во взорахъ слезы оставляютъ,
И въ сердцѣ сладко поселяютъ
Забвенье всѣхъ земныхъ тѣней,
Съ дремотой кроткой для очей.
Такъ межъ цвѣтовъ любя долинныхъ,
Мы были въ чарахъ свѣта, тьмы,
И дома Ліонеля мы
Достигли. Между горъ пустынныхъ,
Стоялъ онъ близь сѣдой волны
Сѣдого западнаго моря,
И лѣсъ густой, роптанью вторя,
Роняя тѣни съ вышины,
Глядѣлъ на быстрый бѣгъ волны,
Всегда ей находя отвѣты.

Когда мы вышли изъ кареты,
Дворецкій старый зарыдалъ
Отъ неудержнаго волненья,
Онъ господина увидалъ
Не прежнимъ, нѣтъ, но какъ видѣнье.
И вотъ рыданья старика,
Въ своей печальной скорбной силѣ,
Меня отъ счастья пробудили,
И съ правдой вспыхнула тоска.
На Ліонеля я взглянула,
И вижу—это смерть на немъ.
Но новый день смѣнялся днемъ,
Онъ жилъ, тоска моя заснула,
Надеждою смѣнился страхъ,
И снова свѣтъ горѣлъ въ мечтахъ,
Я въ глубинѣ души шепнула:
Нѣтъ, не проходитъ красота,
Мракъ смерти грозенъ и ужасенъ,
А онъ, какъ лучъ зари, прекрасенъ,
Въ немъ дышетъ каждая черта.
Но что ни день, онъ былъ слабѣе,
И голосъ, въ ласковыхъ словахъ,

Все падалъ, меркнулъ, цѣпенѣя;
На восковыхъ его щекахъ
Румянецъ чуть свѣтилъ, какъ въ сказкѣ,
Какъ розоватыя тѣ краски,
Что въ часъ заката на снѣгахъ
Высотъ Альпійскихъ догораютъ,—
Блѣднѣютъ, исчезаютъ, таютъ.
И смерть не походила въ немъ
На смерть: надъ этимъ существомъ
Духъ жизни медлилъ, и устало
Мгла чувства, мысли, въ немъ дышала.
Когда же лѣтнихъ вѣтерковъ
Примчалось слабое дыханье,—
И ароматъ и обаянье,
Отъ горныхъ призрачныхъ цвѣтовъ,
Съ собой несли, какъ мглу, забвенье,—
Онъ въ это самое мгновенье,
Какъ дуновеніе прошло,
Притихъ, и взоры измѣнились,
Какъ будто вѣтры проносились
Надъ моремъ, спавшимъ такъ свѣтло,
И легкой зыбью отразились.
Какъ будто облачною мглой
Лазурь небесная блѣднѣла,
Слабѣло гаснущее тѣло,
И на лицѣ, въ игрѣ живой,
Свѣтилися и гасли краски;
При звукахъ музыки, въ его
Глазахъ, всегда такъ полныхъ ласки,
Росу сіянья своего
Роняла грусть, и въ нихъ мелькали
Улыбки, полныя печали;
И губы нѣжныя его,
Въ дыханьи, быстромъ отъ волненья,
Разъединялись, и біенье
Неровное дрожало въ немъ,
И сердце таяло огнемъ.
Все помню, все мечтой лелѣю.

Нерѣдко прядями моихъ
Волосъ—свою обвивши шею,
Въ бесѣдкѣ, межъ вѣтвей густыхъ,
Онъ усмѣхался, беззаботный,
И въ сладостную глубину
Взаимной ласки безотчетной
Онъ влекъ меня во мглѣ дремотной,
Я въ сердцѣ слышала весну,
Въ несознаваемомъ весельи
Сплетались члены, въ жилахъ кровь
Горѣла, чувствуя любовь;
Такъ узница о стѣны кельи,
Желая быть свободной вновь,
Все бьется, бьется, но безплодно.
А жизнь его, казалось мнѣ,
Уже была совсѣмъ свободна;
Она витала въ томъ огнѣ,
Которымъ онъ, какъ бы тѣнями,
Меня повсюду окружалъ.
Онъ медлилъ, онъ не улеталъ,
Онъ надо мной любовно ждалъ,
Когда съ закрытыми глазами
Я грезила, полна мечтами;
Но такъ, какъ тучка предъ луной
Незрима, полная безсилья
Предъ этой свѣтлой бѣлизной,
И зрима въ тотъ лишь часъ ночной,
Когда она, свернувши крылья,
Въ равнину полночи сошла,—
Я вскорѣ видѣть стала снова,
Я вновь сама собой жила,
Вернувшись къ прошлому, ушла
Моя душа изъ-подъ живого
Вліянья сладостной мечты,
Спустившись съ свѣтлой высоты,
Я въ жизнь вошла, изнемогая,
Зажглись страданья, наростая,

И я ихъ до сихъ поръ терплю,
И до сихъ поръ его люблю.

На мысѣ ласково-зеленомъ,
Что опоясанъ бѣлизной
И зеленью волны морской,
Предъ уходящимъ къ морю склономъ,
Въ лѣсу, гдѣ не было цвѣтовъ,
И только мирты возростали,—
Какъ образъ памятныхъ годовъ,
Что намъ свой свѣточъ передали,
Блестящій высился алтарь,
Намекъ на то, что было встарь.
Храмъ окруженъ былъ ступенями;
Надъ входомъ, тонкими чертами,
Виднѣлось—«Вѣрности»; зари
Сіянье было въ этомъ словѣ,
Тамъ, въ этомъ капищѣ, внутри,
Виднѣлась статуя въ покровѣ,
Въ улыбкѣ зыбилась печаль,
Смѣшавшись съ нѣжною мечтою,
Кого-то было тѣни жаль;
Она склонялась головою
На руку лѣвую слегка,
А правая ея рука
Какъ бы въ объятую борьбою
Грудь,—въ сердце нѣжное свое,—
Вонзала острое копье.
И каждому, кто видѣлъ это,
Всѣмъ чудилось въ видѣньи томъ,
Что, хоть покровомъ тѣнь одѣта,
Но нервы въ ней дрожатъ огнемъ.
Рука, что мраморъ тотъ согрѣла,
Была наивна, неумѣла,
Но жаркій геній ей водилъ,
И въ грезѣ пламя засвѣтилъ.
Однажды, ужь давно когда-то,
Свирѣпствовалъ приливъ морской.

Мать Ліонеля, имъ объята,
Тонула, схвачена волной,
И въ волны бросилась собака,
И утопавшую спасла,
Изъ смертнаго исторгла мрака,
Сама же—подлѣ умерла.
Спасенная ей посвятила
То капище среди вѣтвей,
А Ліонель,—живая сила
Мечтаніе въ немъ породила,—
Тотъ стройный призракъ высѣкъ ей.
И каждый мѣсяцъ, въ новолунье,
Здѣсь, въ этомъ капищѣ лѣсномъ,
Она, какъ нѣжная колдунья,
Склонялась передъ алтаремъ,
И къ божеству съ мольбой взывала,
Рожденному ея умомъ,
Цвѣты и травы разсыпала
На этомъ мраморномъ полу,
И въ храмѣ оживляла мглу;
Виднѣлся, кругомъ бѣлоснѣжнымъ,
Изъ ласковыхъ цвѣтовъ вѣнокъ,
Зовущихся морской глазокъ,
Съ дыханьемъ слабымъ, сладко-нѣжнымъ,
И были травы,—нѣжно слитъ
Со стеблемъ стебель былъ пригожій,
Въ сплетеньи сказочномъ похожій
На развѣтвленный хризолитъ:
И вотъ она, полна печали,
Молилася у алтаря,
И слезы, брызнувъ, упадали,
Росой вечернею горя.
Лишь стоило взглянуть на эту
Самогубительную тѣнь,
И духъ былъ тотчасъ преданъ свѣту,
И плакалъ, и горѣлъ какъ день.
И Аравійскихъ благовоній
Сквозь чащу миртъ волна плыла,

Съ шипѣньемъ, ладонъ въ легкомъ стонѣ
Сгоралъ,—блестя, дымилась мгла,
Какъ пѣна легкая, свѣтла;
Подъ сводъ воздушно-бирюзовый,
Напоминавшій сводъ небесъ,
Тотъ дымъ, волной вставая новой,
Всходилъ, онъ пробирался въ лѣсъ,
Надъ заостренными огнями,
Что бились въ кедровыхъ кускахъ,
Онъ восходилъ надъ ступенями,
И въ хлопьяхъ медлилъ на стѣнахъ;
И звуки арфы сочетались
Въ напѣвъ старинный и простой,
Въ нихъ сновидѣнія качались
Толпою вѣчно-молодой.
Все было въ ласковомъ туманѣ.
И приходили поселяне,
И, поклоненіе ея
Съ своей мечтой соединяя,
Толпа скорбѣла, ей внимая,
Лелѣя въ душахъ забытье.

Привелъ онъ въ то уединенье
Однажды вечеромъ меня.
Уже слабѣли краски дня,
Въ послѣдней тучкѣ отраженье
Виднѣлось яркаго огня,
И вскорѣ краски посѣрѣли;
И вотъ ужь звонкій соловей
Запѣлъ, и зазвенѣли трели
Среди узорчатыхъ вѣтвей:
Его мелодія ночная
То побѣдительно звучитъ,
Кругами къ небу возлетая,
То вдругъ слабѣетъ, упадая,
И на мгновенье замолчитъ,
И новой силою объята,
Она разсѣется, зоветъ,

И въ тысячѣ отдѣльныхъ нотъ,
Въ нашъ нѣжный чуткій слухъ плыветъ,
Какъ дуновенья аромата
Усладно дышущихъ полей,
Что намъ знакомы съ дѣтскихъ дней,
И вновь баюкаетъ насъ пѣнье,
Впадая вновь—въ изнеможенье.
Въ уединенье то вступивъ,
На плитахъ мраморныхъ мы сѣли,
И струны арфы зазвенѣли,
Я пробудила въ нихъ порывъ,
И строй ихъ звуковъ былъ красивъ.
Межь тѣмъ созвучья нѣжной сказки,
Которой, въ радости своей,
Лазурь давала свѣтъ и краски,
Прервалъ влюбленный соловей.
«Осушимъ сладостную чашу»,
Промолвилъ нѣжно Ліонель,
«Которую на радость нашу
Небесный налилъ менестрель
Виномъ своей мечты блестящей,
Въ созвучьяхъ плавно говорящей.
Ты слышишь свѣтлыя слова
Сквозь это ласковое пѣнье?
Ты слышишь звуковъ упоенье,
Что передъ смертью, но жива,
Душа, въ расцвѣтѣ изступленья,
Сознавъ, что жить не будетъ вновь,
Поетъ? Вѣдь это смерть—любовь,
Когда сольется съ тѣломъ тѣло,
Смерть—сонъ, когда дневное прочь
Уйдетъ, раздвинувъ жизни ночь,
Смерть—мысль, что вьется, мчится смѣло
Въ моряхъ міровъ, до ихъ предѣла,
Смерть—музыка, созвучій счетъ,
Когда возлюбленный поетъ?
Благословимъ же радость нашу
И выпьемъ сладостную чашу,

Гдѣ отъ пѣвца небесъ дано
Намъ золотистое вино.»
Помедливъ, онъ приблизилъ нѣжно
Свои уста къ моимъ губамъ;
Какъ духъ, подобныя огнямъ,
Его слова зажглись мятежно
Въ моей крови, и, вся свѣтла,
Я вдругъ пронизана была
Ихъ пламенною быстротою:
И взглядъ пронзительный его,
Лучомъ сіянья своего,
Усладой, нѣгой неземною,
Наполнилъ трепетно меня;
Сіяніе того огня
Въ его глазахъ горѣло гдѣ-то
Тамъ далеко: въ дрожаньяхъ свѣта,
Такъ въ темномъ небѣ иногда
Горитъ безмѣрная звѣзда.
И въ то мгновенье не искусство
Во мнѣ возникло, какъ бурунъ,
А имъ взволнованное чувство
Дало мнѣ власть надъ звономъ струнъ.
Его душа внушила звуки,
Скользили пальцы по струнамъ,
И полная блаженной муки,
Воздушно пѣла арфа намъ.
И губы у меня дрожали,
И съ нихъ сорвался долгій крикъ,
И гимнъ любви, и гимнъ печали
Живой симфоніей возникъ.
Быстрѣй, быстрѣй струилось пѣнье,
И темный воздухъ задрожалъ.
Что дало пѣснѣ той рожденье?
Невыразимое волненье,
Я вся была самозабвенье,
Какъ будто онъ во мнѣ дышалъ.
Нѣжнѣй мечты, нѣжнѣй свирѣли,
Мой голосъ въ то мгновенье былъ,

И губы у меня блѣднѣли.
Безгласно Ліонель застылъ,
Весь блѣдный, весь какъ будто снѣжный,
Прильнулъ своей щекою нѣжной
Къ колоннѣ онъ, и бѣлизна
Щеки была вдвойнѣ блѣдна,
Не такъ былъ блѣденъ мраморъ смежный;
Но всѣ черты его лица
Во мглѣ такимъ огнемъ сверкали,
Что блескомъ въ душу проникали,
Ее ласкали безъ конца:
Такъ свѣтъ луны ночныя тучи
Прорветъ, лучи ея могучи,
Ихъ блескъ, что долженъ въ нихъ дышать,
Ничто не въ силахъ удержать.
На мигъ умолкла я, но вскорѣ
Движеніе его руки
Въ моемъ воспламененномъ взорѣ
Какъ бы зажгло огни рѣки;
Такъ вѣтеръ воздымаетъ волны,
И тотъ просторъ, что былъ безмолвный,
Просторъ рѣчныхъ спокойныхъ водъ,
Придя въ волненіе, поетъ.
Но только пѣсня измѣнилась,
И, медля въ нѣгѣ низкихъ нотъ,
Она все тише становилась;
Изнеможенная рука
По сѣти свѣтлыхъ струнъ мелькала,
И смѣну звуковъ извлекала,
Гдѣ, въ погасаньи глубока,
Жизнь, догорая, умирала.
Для Ліонеля моего
Дышало грустью это пѣнье,
Оно окутало его,
Въ воздушныя замкнуло звенья;
И съ каждымъ звукомъ все нѣжнѣй
Печаль пѣвучая блистала,
И возбужденность вмѣстѣ съ ней

Въ лицѣ застывшемъ пропадала;
Онъ обратилъ его ко мнѣ,
И радость страшная, что свѣтомъ
Горѣла въ нѣжномъ ликѣ этомъ,
Блѣднѣла, гасла, тамъ, на днѣ,
Въ его глазахъ; со взоромъ яснымъ
Ко мнѣ прильнулъ онъ, и, свѣтла,
Какъ ропотъ, пѣсня замерла
И шопотомъ смѣнилась страстнымъ;
И счастлива я съ нимъ была.
Какими взглядами, словами
Мы обмѣнялися? Что съ нами
Случилось? Этотъ мигъ тая,
Тебѣ сказать не смѣю я.
Но какъ слова любви смѣшались,
Такъ и уста, любя, слились.
Но вдругъ мечтанья оборвались,
Съ высотъ судьба ихъ свергла внизъ.
Похолодѣвъ, теряя силы,
Притихъ такъ страшно онъ, и я
Спросила: «Что съ тобою, милый?»
Молчанье! Нити бытія
Порвались. И въ отвѣтъ ни взгляда,
Ни звука! Что произошло?
Сказать нельзя. Нѣтъ силъ. Ушло
То, въ чемъ была мнѣ вся отрада.
И увидавъ, что мертвъ онъ былъ,
Упала я, какъ внизъ изъ тучи
Орелъ, предъ тѣмъ свѣтло-могучій,
На землю падаетъ безъ силъ,
Когда нѣтъ больше въ сердцѣ свѣта,
И вспышка жизни тьмой одѣта.

Онъ смерть тогда мнѣ запретилъ,
А какъ я умереть хотѣла!
Любовь, ты, вспыхнувъ, догорѣла,
Зачѣмъ же ты, о жизнь моя,
Просилъ, чтобъ здѣсь томилась я?

О, если бы, съ мечтой во взорѣ,
Я вновь могла безумной быть!
Но нѣтъ, хочу тебя любить,
Съ тобой твое нѣмое горе,
О Розалинда, раздѣлить.
И я тебя совсѣмъ забыла,
Мой милый мальчикъ. Но, когда
Насъ наше горе побѣдило,
Мы говоримъ, у насъ бѣда
Живетъ въ словахъ, и никогда
Не знаемъ, что̀ мы совершаемъ,
Когда слова свои слагаемъ.

Объ этомъ берегѣ морскомъ
Нѣтъ болѣе воспоминанья.
И на меня одно мечтанье
Нахлынуло безумнымъ сномъ.
Мнѣ чудилась толпа видѣній
Со мною рядомъ у кормы,
Подъ силой быстрыхъ дуновеній
Бѣжалъ корабль, и плыли мы.
Слова невѣдомыхъ нарѣчій
Слагались въ зыбкія черты,
И, точно въ первой съ жизнью встрѣчѣ,
Вставали странные цвѣты,
Они цвѣли на влажномъ ложѣ.
И чудилося также мнѣ,
Что звѣзды въ синей вышинѣ
На наши были непохожи.
Лазурь безоблачныхъ небесъ,
Безбурное нѣмое море
Внушили мнѣ, что я въ просторѣ
Загробныхъ таинствъ и чудесъ,
И міръ тотъ былъ мнѣ страшнымъ адомъ,
Хоть тѣмъ, кто рядомъ былъ со мной,
Онъ былъ Эдемомъ и весной,
И къ новымъ влекъ онъ ихъ отрадамъ;
Въ мой мозгъ низвергся смертный сонъ,

И жизни творческая сила
На много лѣтъ ушла, забыла
Ту пропасть, гдѣ и скорбь и стонъ.
Когда же это сновидѣнье
Окончилось, и разумъ мой
Ко мнѣ вернулся,—пробужденье
Я скорбной встрѣтила мечтой;
Я плакала, когда узнала,
Что это время все—за мной
Ухаживала, наблюдала
Мать Ліонеля, геній мой,
Съ серебряными волосами,
Съ живыми темными глазами,
И съ доброй ласковой душой,
Но умерла, до наступленья
Желаннаго выздоровленья.
Еще въ тотъ первый проблескъ дня
Узнала чудо я другое:
То чудо, болѣе живое,
Былъ милый мальчикъ для меня.
Во мнѣ твоя дрожала сила,
О Ліонель, сквозь смутный сонъ,
Ты былъ во мнѣ преображенъ,
Душа въ дремотѣ сохранила
Тѣнь дорогого существа,
Она всегда была жива
Въ тревогѣ сновъ неравномѣрной,
Хоть память и была невѣрной,—
Хранились милыя черты,
Твое дышало тяготѣнье,
И потому-то, нѣтъ сомнѣнья,
Ребенокъ нашъ такой, какъ ты.
Но, правда, это очень странно,
Что было такъ въ душѣ туманно,
Что такъ спала душа моя,
Совсѣмъ не сознавала я
Такого въ жизни измѣненья,
Какъ зарожденье и явленье

На свѣтъ—единственной моей
Услады этихъ темныхъ дней.

Оставилъ все мнѣ состоянье
Мой Ліонель, но завѣщанье
Оспорилъ, полный лжи, законъ,
Мой мальчикъ былъ всего лишенъ.
Все это очень объяснимо.
Но не хочу я вспоминать,
Что̀ вытерпѣть способна мать,
И пусть сознанье уязвимо
Для жала и уколовъ зла,
Легко презрѣнье я снесла
Отъ самыхъ низменныхъ, когда я,
Съ рабами кривды въ споръ вступая,
Нашла опору и пріютъ
Не въ просьбахъ, не въ мольбахъ и стонахъ,
А въ тѣхъ же тягостныхъ законахъ,
Что эти люди создаютъ.
Я вѣрно впала-бъ въ заблужденье,
Сказавъ, что мой удѣлъ—презрѣнье:
Я возгордиться бы могла
Когда бы, какъ и тѣ, была я,
Чья слава, вѣчно-золотая,
Неумирающе-свѣтла.

Она умолкла. «Посмотри», сказала
Ей Розалинда: «блескъ зари въ лѣсу
Уже горитъ, его сіянье ало,
Но серебритъ онъ нѣжную росу.»
И съ мѣста вставши, съ этими словами,
Подруги, взявшись за руки, пошли
Тропой лѣсною, ровными шагами,
По направленью къ озеру; вдали,
Гдѣ берегъ былъ высокими скалами
Обрывисто-узорно затѣненъ,
Пронзали кипарисы небосклонъ,
Темнѣли ихъ зеленыя вершины,

Роняя тѣни въ водныя глубины,
Въ молчаніи безтрепетномъ своемъ,
И между нихъ виднѣлся мирный домъ.
Отъ небольшой террасы, окруженной
Цвѣтами миртъ и зеленью лимонной,
Гдѣ блѣдные цвѣты раскрыли взглядъ,
По мрамору спокойнаго затона,
Хранившему всѣ тучки небосклона,
Распространялся сладкій ароматъ.
Былъ полонъ тишины тотъ старый садъ,
И, точно руки, свисились на склонахъ
Сѣдые сучья межъ одеждъ зеленыхъ.
Здѣсь домикъ былъ Елены, онъ въ водѣ
Былъ отраженъ, весь бѣлый и старинный,
Подобный тѣмъ, что можно кое-гдѣ
Еще у насъ найти въ глуши пустынной;
Подъ солнцемъ, что свершало вышній путь,
Блистали окна въ листьяхъ винограда,
И за стѣнами врядъ ли что-нибудь
Скрывалось, что служило бы для взгляда
Намекомъ на Италію. О, да,
Взошедши, Розалинда въ этомъ домѣ
Увидѣла, что все въ немъ, навсегда,
Напоминаетъ объ Англійскомъ home'ѣ.
И преданная горестнымъ мечтамъ,
Она далеко мыслью улетѣла:
Она была какъ тотъ, чьи мысли тамъ,
Гдѣ съ ними быть его не можетъ тѣло.
Елена отвела ее туда,
Гдѣ спалъ ребенокъ. «Посмотри», сказала:
«Мнѣ Ліонель въ немъ видится всегда,
Такъ онъ похожъ; вотъ такъ, какъ бы устало,
Держалъ всегда онъ руку, и во снѣ
Склонялся на нее. Какъ милъ онъ мнѣ!
Ты глазъ его не видишь: это словно
Два влажные колодца свѣтлыхъ грезъ.
Уйдемъ теперь.»—Но слушать хладнокровно
Могла ли Розалинда? Брызги слезъ

Изъ глазъ ея, въ сверкающей печали,
На мальчика, живой росой, упали,
И онъ раскрылъ рѣсницы, и на нихъ
Услышалъ влажность слезъ, но не своихъ,
И странная внезапность пробужденья
Невинныя прогнала сновидѣнья.

И стали въ тѣсной дружбѣ съ этихъ поръ
Жить вмѣстѣ Розалинда и Елена;
Во всемъ была, въ ихъ жизни, перемѣна,
Но нѣжностью любви свѣтился взоръ,
Какъ въ дни, когда подъ солнцемъ, подъ дождями,
Онѣ блуждали, юныя, средь горъ,
Гдѣ верескъ росъ пахучими кустами.
Людская жизнь, какъ вѣтеръ горныхъ странъ,
Мѣняется, она—что океанъ:
За горечью дается людямъ сладость,
Хоть Розалинда и была грустна,
Но все же къ ней заглядывала радость,
Ей дочь ея была возвращена.
И въ этотъ тихій кругъ, идя дозоромъ,
За темной ночью долгихъ грустныхъ лѣтъ,
Входилъ и улыбался нѣжный свѣтъ.
То милый былъ ребенокъ, съ яснымъ взоромъ,
Въ движеніяхъ изящна и нѣжна,
Своей воздушной граціей она,
Къ чему ни прикоснется, все смѣется,
И съ ней воздушной граціей сольется.
Елены мальчикъ вмѣстѣ съ нею росъ,
Они питались тѣми же мечтами,
Вліяніемъ однихъ и тѣхъ же грезъ,
Дышали тѣ же мысли въ нихъ цвѣтами,
И двѣ души, какъ нѣжныхъ два ручья,
Въ невинности нетронутой глубоки,
Слились, блаженство радости тая,
Въ одномъ и томъ же ласковомъ потокѣ.
И въ ихъ союзѣ матери ихъ двухъ
Увидѣли намекъ на то сліянье,

Котораго такъ раньше ждалъ ихъ духъ,
Но жизнь имъ не сдержала обѣщанья.
И, такъ какъ, если въ сердцѣ уязвленъ
Бываетъ стебель, умираютъ травы,
До срока Розалиндѣ смертный сонъ
Далъ выпить усыпляющей отравы;
И тѣ, что оставалися въ живыхъ,
Останки взявъ, полны благоговѣнья,
Съ печалью блѣдной, проводили ихъ
За грань дождей, на высь уединенья:
Ей тамъ могила грезилась всегда,
Гдѣ тишина и сны безперемѣнны,—
И вотъ надъ мертвой пропастью Кьявенны
Возникла пирамида изо льда,
Лучъ первый еле вспыхнувшаго солнца
Ея пріемлютъ гладкіе края,
И вечеромъ она горитъ, тая
Послѣдній блескъ закатнаго червонца.
Во тьмѣ ночей вкругъ этихъ свѣтлыхъ льдовъ
Проносятся Арктоса колесницы,
Вокругъ, для дольнихъ помысловъ и сновъ
Проскальзываютъ бѣглыя зарницы.
Не таетъ пирамида изо льда;
Въ ней памятникъ любви—безъ перемѣны.
Она видна изъ домика Елены,
И каждый годъ восходятъ ввысь, туда,
Гдѣ снѣгъ разсыпалъ хлопья надъ обрывомъ,
Жильцы долинъ; на склепѣ томъ красивомъ
Темнѣютъ нѣжно локоны средь льдовъ,
Вѣнки изъ амарантовыхъ цвѣтовъ,—
И воздухъ, измѣненный ихъ привѣтомъ,
Горитъ, морозный, необычнымъ свѣтомъ:
Тѣ странные цвѣты цвѣли вокругъ,
Что нашей зимней памяти подобны,
Когда отъ насъ ушелъ любимый другъ,
И мысль о немъ—какъ свѣтъ, но свѣтъ загробный.

Елену, чья печаль слабѣй была,

Чья свѣтлая душа была нѣжнѣе,
Смерть медленно, ее какъ бы лелѣя,
Въ предѣлы царства своего ввела.
Она въ преклонныхъ лѣтахъ умерла.
И если въ странахъ смерти, распростертыхъ,
Любовь не умираетъ въ спящихъ мертвыхъ,
Но въ нихъ живетъ, какъ здѣсь во всемъ живомъ,
Тогда прекрасна эта перемѣна,
И между смертныхъ, дышущихъ кругомъ,
Никто въ блаженствѣ не живетъ такомъ,
Какъ нынѣ—Розалинда и Елена.

1818.

ЮЛІАНЪ И МАДДАЛО.

БЕСѢДА.

Пчелъ не насытишь тминомъ, лу-
говъ не насытишь ручьями,
Ни козъ—молодою листвою Весны,
ни слезами — Любовь.
Виргилій, Gallus.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Графъ Маддало—благородный Венеціанецъ, изъ древней фамиліи, очень богатый; не вступая въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ своихъ соотечественниковъ, онъ пребываетъ, главнымъ образомъ, въ родовомъ роскошномъ палаццо, находящемся въ Венеціи. Онъ представляетъ изъ себя генія высшаго порядка, и могъ бы сдѣлаться освободителемъ своей униженной родины, если-бы захотѣлъ посвятить свою энергію такой цѣли. Но его слабость заключается въ его гордости: изъ сопоставленія своего необыкновеннаго ума съ жалкими умами, его окружающими, онъ выводитъ непокидающее его представленіе о ничтожествѣ человѣческой жизни. Его страсти и его способности несравненно выше страстей и способностей другихъ людей; и, вмѣсто того, чтобы первыя оказались подавленными силой вторыхъ, онѣ послужили другъ для друга взаимнымъ возбудителемъ. Его честолюбіе пожираетъ само себя, за недостаткомъ предметовъ, которые оно могло бы считать достойными своего вниманія. Я говорю, что Маддало гордъ, ибо не могу найти никакого другого слова для выраженія нетерпѣливыхъ и напряженныхъ чувствъ, его снѣдающихъ; но, повидимому, онъ топчетъ свои собственныя надежды и привязанности, потому что въ общежитіи никто не могъ бы быть болѣе любезнымъ, терпѣливымъ, и снисходительнымъ. Маддало веселъ, прямодушенъ и остроуменъ. Когда онъ говоритъ о чемъ-нибудь серьезномъ, его разговоръ представляетъ изъ себя нѣчто опьяняющее; всякій, кто участвуетъ въ такихъ бесѣдахъ, испытываетъ какое-то волшебство. Онъ много путешествовалъ, и необыкновенное очарованіе сквозитъ въ его словахъ, когда онъ разсказываетъ о какихъ-нибудь приключеніяхъ, испытанныхъ имъ въ разныхъ странахъ.

Юліанъ—Англичанинъ изъ хорошей семьи; онъ страстно преданъ тѣмъ философскимъ идеямъ, которыя гласятъ, что человѣкъ вполнѣ властенъ надъ своимъ умомъ, и что человѣческое общество можетъ испытать великія преобразованія черезъ погашеніе извѣстныхъ нравственныхъ предразсудковъ. Нисколько не отрицая, что въ мірѣ есть зло, онъ постоянно размышляетъ, какимъ образомъ можно доставить торжество добру. Онъ человѣкъ совершенно невѣрующій въ смыслѣ религіозномъ; онъ постоянно смѣется надо всѣмъ, что считается святымъ, и Маддало испытываетъ извращенное удовольствіе, побуждая его къ разнымъ выходкамъ противъ религіи. Что̀ по поводу этого предмета думаетъ самъ Маддало, въ точности неизвѣстно. Вопреки своимъ еретическимъ мнѣніямъ, Юліанъ, какъ думаютъ его друзья, обладаетъ нѣкоторыми хорошими качествами. Въ какой мѣрѣ это возможно, пусть рѣшитъ благочестивый читатель. Во всякомъ случаѣ, Юліанъ человѣкъ серьезный.

О Безумномъ я не могу дать никакихъ свѣдѣній. Судя по его собственному разсказу, онъ, повидимому, испыталъ разочарованіе въ любви. Очевидно, онъ былъ образованъ и привлекателенъ, когда вполнѣ владѣлъ своимъ разсудкомъ. Взятая въ цѣломъ, его исторія можетъ напомнить столько другихъ подобныхъ: безсвязныя восклицанія, въ которыхъ выражается его агонія, быть можетъ, покажутся читателю достаточнымъ поясненіемъ темныхъ страницъ въ жизни каждаго сердца.

ЮЛІАНЪ И МАДДАЛО.

Въ вечерній часъ, когда еще свѣтло
И воздухъ полонъ грусти безпричинной,
Я ѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Маддало
По той дорогѣ, узкой и пустынной,
Что прекращаетъ бѣгъ морскихъ валовъ
Прозрачной Адріатики, текущихъ
Туда, гдѣ въ тѣсной грани береговъ
Блистаетъ, какъ видѣнье дней грядущихъ,
Венеція съ толпой своихъ дворцовъ.
Дорога пролегаетъ полосою,
Средь вѣчно-перемѣнчивыхъ песковъ,
Средь земноводныхъ порослей, волчцовъ,
Среди всего, что рождено землею,
Обнявшейся съ наплывомъ иловымъ,—
Безлюдный берегъ моря, гдѣ, какъ дымъ,
Плывутъ и таютъ клубы легкой пѣны.
Отсюда прочь скорѣй спѣшитъ рыбакъ,
Едва лишь сѣти высохнутъ, и такъ
Здѣсь пребываетъ все безъ перемѣны.
Два-три ничтожныхъ деревца, а тутъ
Какіе-то изломанные колья,
И вѣчно волны новыя ростутъ,
Спѣшатъ къ землѣ отъ влажнаго приволья,
И будто хочетъ сузить бѣгъ валовъ,
Пришедшихъ изъ раскинувшейся дали,
То узкое пространство изъ песковъ,
Гдѣ мы вдвоемъ неспѣшно проѣзжали,
Въ косыхъ лучахъ слабѣющаго дня.
Такъ ѣздить было счастьемъ для меня.

Я чувствую томительную нѣжность
Къ пустынному, къ далекому, гдѣ намъ
Такъ сладко представляется, что тамъ—
Въ душѣ у насъ—такая же безбрежность.
Насъ вѣчно манитъ ширь, влечетъ обманъ,
Въ насъ вѣчно спитъ какой-то сонъ свободный.
Такимъ и былъ тотъ вольный океанъ,
И этотъ берегъ, болѣе безплодный,
Чѣмъ влага водъ. Но болѣе всего
Люблю я съ другомъ ѣхать въ свѣтлой дали,
Забывъ о всемъ, что грустно и мертво,
Какъ мы тогда неспѣшно проѣзжали.
Кругомъ живые вѣтры пѣну гнали,
Сорвавъ ее съ домчавшейся волны,
И прочь несли по воздуху, чуть зримо,
Бросая намъ въ лицо, и дальше, мимо,
Налетъ ея воздушной бѣлизны.
Лазурь небесъ, до самой глубины,
Была чиста, и, точно звуки Рая,
Гармонію свою легко сливая
Съ гармоніей безлюдной тишины,
Отъ волнъ вставалъ какой-то гимнъ, играя
Въ сердцахъ у насъ воздушностью струны.
Мы ѣхали, бесѣдуя другъ съ другомъ,
Мы дали волю сердцу своему,
И мысли сочетались быстрымъ кругомъ,
Покинувъ умъ и вновь спѣша къ уму,
Сочувственно-раскрытому; дышали,
Подъ звучный говоръ нашихъ голосовъ,
Воспоминанья памятныхъ часовъ,
Свободныхъ отъ медлительной печали.
Мы понемногу къ дому подъѣзжали,
Подъ эту примирительную сѣнь.
Былъ холоденъ, хотя и ясенъ день,
И солнце къ горизонту опустилось,
И вѣтеръ начиналъ уже спадать,
Какъ будто онъ усталъ дышать и ждать.
Бесѣда наша тихой становилась,

Смутилась думъ враждующая рать.
Такъ иногда иронія, съ борьбою,
Иную мысль не въ силахъ презирать,
Смѣется не надъ ней, а надъ собою,
И тише смѣхъ ея и глубже взглядъ.
Печальная, но свѣтлая услада!
Такъ нѣкогда, поэты говорятъ,
Затеряны въ глухихъ долинахъ ада,
Отверженные демоны, громада,
По временамъ склоняя горькій взоръ,
Вели проникновенный разговоръ
О Богѣ, о судьбѣ, свободной волѣ,
О собственной непоправимой долѣ.
Все, чѣмъ Земля была, чѣмъ будетъ впредь,
Чего достигнутъ воля и страданье,
Все, что себѣ рисуетъ ожиданье,
Привыкшее въ грядущее смотрѣть,
Слегка смеживъ тоскующія вѣжды,
Все, что лелѣютъ замыслы надежды,
То вольное, чего такъ жаждемъ мы,
О чемъ молчитъ безмолвная могила,
Въ догадкахъ нашихъ смутно проходило,
Подъ ласкою вечерней полутьмы.
И я, стремясь извлечь добро изъ злого,
Привѣтствовалъ разсвѣтъ грядущихъ дней,
Но другъ мой, въ темной гордости своей,
Ждалъ только зла ото всего земного.
Онъ чувствовалъ, что все предъ нимъ мертво,
Что онъ другихъ превысилъ красотою,
И кажется, орлиный духъ его
Былъ пораженъ глубокой слѣпотою
Отъ созерцанья блеска своего.
А солнце между тѣмъ распростирало
Надъ гранью горъ пурпурный свой нарядъ,
И, прежде чѣмъ послѣдній бросить взглядъ,
Оно свой бѣгъ стремительный сдержало.—
О, какъ прекрасенъ солнечный закатъ,
Когда имъ край такой, какъ ты, украшенъ,

Италія, изгнанниковъ Эдемъ,
Когда блистаетъ небо надо всѣмъ,
Горятъ моря, дворцы, верхушки башенъ,
Густые виноградники, поля,
Подъ свѣтлымъ небомъ нѣжная земля.—
Италія, и мы тебя любили,
И намъ свѣтилъ твой свѣтъ въ вечерній часъ,—
И мы свой путь какъ будто бы забыли,
Хоть гòндола ужь поджидала насъ.—
У волнъ, что ярко пѣнились, дробясь,—
Покинувъ лошадей своихъ усталыхъ,—
Смотрѣли мы, какъ тонетъ въ краскахъ алыхъ
Далекій западъ, какъ блеститъ потокъ,
Межъ городомъ и берегомъ лежащій,
Какъ въ немъ чуть дышетъ образъ неба спящій;
И сводъ небесъ былъ ясенъ и высокъ.
Тамъ къ сѣверу, небесные оплоты,
Вздымались Альпъ воздушные хребты,
Раскинувъ, подъ игрою позолоты,
Какъ дымку, бѣлоснѣжные мосты
Отъ запада къ востоку; трепетало
Полнеба въ лучезарныхъ облакахъ,
Какъ гордая легенда—о вѣкахъ
Дѣяній пышно-царственныхъ; блистало
Изъ глубины зенита, въ вышинѣ,
Сіяніе пурпуроваго цвѣта
И, къ западу сходя по крутизнѣ,
Гдѣ было все туманами одѣто,
Оно ихъ нѣжнымъ золотомъ зажгло,
До той черты, гдѣ пышно и свѣтло,
Блистательнѣй, чѣмъ жгучій цвѣтъ червонца,
Замедлило, покуда не зашло,
Среди холмовъ, ликующее солнце:
То были Евганейскіе холмы;
Когда среди вечерней полутьмы
На нихъ глядишь изъ Лидо,—передъ взоромъ,
За гаванью, сквозь сѣть ея столбовъ,
Они встаютъ причудливымъ узоромъ

Высокихъ заостренныхъ острововъ.
И мигъ насталъ, когда земля и море,
Какъ бы растаявъ озеромъ огня,
Слились въ одномъ блистающемъ просторѣ,
И въ свѣтѣ убывающаго дня
Верхи холмовъ, къ лазури вознесенныхъ,
Возстали какъ изъ волнъ воспламененныхъ,
Къ себѣ своей воздушностью маня.
Товарищъ мой промолвилъ мнѣ: «Покуда
Еще свѣтло, хочу вамъ показать
Другое мѣсто.» Въ зыбяхъ изумруда,
Тревожа эту искристую гладь,
Мы начали скользить; перегибаясь
За черный край той траурной ладьи,
Я видѣлъ, какъ, въ огнѣ зари купаясь,
Вздымали глыбы стройныя свои
Какъ будто зачарованныя зданья,
Дворцы и храмы многихъ острововъ,
Тая весь блескъ вечерняго сіянья,
Окружены громадой облаковъ.
И молвилъ Маддало: «Вотъ мы приплыли»,
И гондольерамъ перестать грести
Онъ приказалъ. «Вонъ тамъ, гдѣ свѣтлой пыли
Рѣдѣетъ мгла на водяномъ пути»,
Мнѣ Маддало сказалъ, скрестивши руки:
«На западъ поглядите, Юліанъ,
Не слышите ли колокола звуки?»
И я взглянулъ, вдали горѣлъ туманъ,
На островѣ одномъ вздымалось зданье,
Одно изъ тѣхъ, что строитъ человѣкъ,
Для цѣлей низкихъ, чтобъ, родя терзанье,
Передавать его изъ вѣка въ вѣкъ;
Громада, распростертая широко;
На башнѣ, въ свѣтѣ, таявшемъ кругомъ,
Былъ колоколъ, онъ зыблился высоко,
И хрипло пѣлъ желѣзнымъ языкомъ;
Угрюмо онъ чернѣлъ на фонѣ сонныхъ
Вечернихъ тучекъ, таявшихъ свѣтло.

«То, что мы видимъ, домъ умалишенныхъ,
«Съ своею башней», молвилъ Маддало:—
«Вотъ въ этотъ часъ всегда здѣсь слышать можно,
Какъ надъ лагуной колоколъ поетъ,
И каждаго изъ кельи онъ тревожно
Къ вечернѣ для моленія зоветъ.»
—«Предлогъ у нихъ, конечно, надлежащій
Благодарить Того, Кто жизнь имъ далъ,
И радоваться жизни предстоящей»,
Отвѣтилъ я. —«А!» Маддало сказалъ:
«Вы говорите, какъ въ былые годы.
Да; въ людяхъ очень мало перемѣнъ.
Вы все еще тревожный духъ свободы,
Волкъ между агнцевъ, и опасный членъ
Въ союзѣ правовѣрныхъ. Разъ надъ бездной
Не можете вы плавать, никогда
Не возставайте на законъ желѣзный.»
Ему въ глаза я посмотрѣлъ тогда,
Но въ нихъ погасла свѣтлая улыбка.
«Таковъ-то», онъ воскликнулъ, «нашъ удѣлъ,
Что̀ вѣчнымъ быть должно, мгновенно-зыбко,
Здѣсь символъ нашъ, эмблема, и предѣлъ:
Вися въ небесной озаренной башнѣ,
Какъ этотъ черный колоколъ,—душа
Желаній нашихъ, мыслей рой всегдашній
Сзываетъ, чтобъ сошлись они, спѣша,
Вкругъ сердца изболѣвшаго молиться,
Какъ эти сумасшедшіе,—зачѣмъ?
Они не знаютъ, но молитва длится,
И голосъ нашихъ думъ не будетъ нѣмъ,
Покуда смертный мракъ не воцарится,—
Какъ этотъ погасающій закатъ
Стираетъ это странное видѣнье,
И нашихъ глазъ отъ насъ исчезнетъ взглядъ,
Отъ нашего мы отойдемъ стремленья,
Что дало намъ насмѣшку вмѣсто сновъ.»

Я помню только смыслъ тогдашнихъ словъ:
Какъ возсоздать всю мощь ихъ выраженья!
Межъ тѣмъ звѣзда блистательнаго дня
Исчезла за холмомъ широкой сферой;
И колоколъ незримъ сталъ безъ огня,
И башня, вмѣсто красной, стала сѣрой;
И все кругомъ,—дворцы и корабли,—
Слилось и стерлось въ сумрачномъ просторѣ;
Оранжевыя краски, тамъ вдали,
Тонули въ небѣ, въ ярко-красномъ морѣ.
Немного говорили мы, и вскорѣ
Скользя подъ всплески легкіе весла,
Свой путь возвратный гѐндола прошла.

Туманнымъ встало утро и дождливымъ.
Я къ Маддало пришелъ, еще онъ спалъ,
И, дожидаясь друга, я игралъ
Съ его ребенкомъ, нѣжнымъ и красивымъ.
О, нѣтъ, объята ласковымъ порывомъ,
Природа не рождала до сихъ поръ
Такой игрушки чудной; вся—забава,
Она была серьезна и лукава,
Безъ умысла изящна, какъ узоръ,
Не видящій себя. И что за взоръ!
Взгляните въ тѣ глаза и объясните,—
Нѣтъ, лучше ужь о нихъ не говорите.
Два Неба Итальянскія, и въ нихъ,
Въ зеркальности глубокой—отраженье
Той глубины нѣмого выражѐнья,
Что въ лицахъ лишь встрѣчается людскихъ.
Она была любимицей моею:
Я, слабенькую, выростилъ ее,
Какъ надъ травинкой, я дышалъ надъ нею,
Когда она вступила въ бытіе;
Она, казалось, и теперь узнала
Товарища своихъ забавъ былыхъ,
Шесть мѣсяцевъ разлуки очень мало
Измѣнъ внесли во всѣхъ чертахъ моихъ,

Въ ней больше,—и, когда прошли мгновенья
Обычной первой робости, она
Со мной,—ко мнѣ довѣрія полна,—
Особое постигла развлеченье:
Насъ Графъ засталъ, какъ мы, въ пылу игры,
Катали билліардные шары.
Я молвилъ, за привѣтствіемъ привычнымъ:
«То, что вы мнѣ сказали въ эту ночь,
Легло на душу гнетомъ необычнымъ,
И тьма изъ сердца не уходитъ прочь:
Будь человѣкъ игрушкою покорной,
Какъ это говорите вы, тогда
Я въ суевѣрьяхъ, въ мудрости ихъ вздорной,
Въ желѣзной ихъ жестокости позорной
Особаго не видѣлъ бы вреда,
Они могли-бъ ложиться тяжкимъ игомъ,
Чтобъ обуздать природу. Никогда
Не могъ бы я признать любовь къ веригамъ,
О, нѣтъ, мой догматъ вовсе не такой.»
Такъ говорилъ я,—онъ хранилъ молчанье,
И я прибавилъ:—«Вотъ передо мной,
Предъ вами—вашъ ребенокъ; обаянья,
Веселости онъ полонъ,—и заботъ
Немного у него; къ намъ гнетомъ льнетъ
Болѣзненная мысль, какъ тѣ мечтанья,
Что вами овладѣли въ эту ночь,
Но не захватятъ тьмою вашу дочь.
Со зломъ мы слиты собственною волей,
Согласье мы же дали на него.
Иною жизнь намъ улыбнется долей,
Разъ захотимъ добиться своего.
Мы можемъ быть всѣмъ тѣмъ, что сердцу снится
О счастьи, о величьи, высотѣ.
Гдѣ, какъ не въ нашихъ помыслахъ, таится
Все, что намъ говоритъ о красотѣ,
Что къ правдѣ насъ влечетъ, къ любви, къ мечтѣ?
Мы можемъ быть иными. И, когда бы
Столь слабыми мы не были, дѣла

Мечта бы никогда не превзошла.»—
—«О, да, бѣда лишь въ томъ, что такъ мы слабы»,
Промолвилъ Маддало: «Замкнутый кругъ.
Изъ путъ своихъ безсильный тщетно рвется.
Какъ сильнымъ стать? Утопія, мой другъ.»—

Я возразилъ: «Узнать намъ остается,
И кто захочетъ, можетъ это знать,
Насколько крѣпки вѣковыя цѣпи,
Въ которыхъ умъ нашъ, какъ въ подземномъ склепѣ,
Терзается, и нечѣмъ намъ дышать.
Быть можетъ, какъ соломинка—оковы.
Мы знаемъ: изъ того, что давитъ насъ,
Мы многое ужь сбросили сейчасъ,
И сбросимъ больше, разъ къ тому готовы,
Разъ мы хотимъ душой нашъ гнетъ проклясть.
Надъ нами есть у насъ,—мы знаемъ,—власть,
Чтобъ сдѣлать,—что? Мы этого не знаемъ,
Пока попытки нѣтъ,—но что-нибудь
Прекраснѣй, чѣмъ идти и кончить путь,
Пожить и умереть, какъ грезы съ Маемъ;
Такъ насъ учили древніе цари
Высокихъ мыслей, прежде чѣмъ свѣтила
Разсвѣтнаго погасли янтари,
И суевѣрье Землю ослѣпило,—
Такъ чувствуютъ всѣ тѣ, кто терпитъ зло,
Сочувственно дѣля съ другимъ мученье.»

—«Мой милый другъ», промолвилъ Маддало:
«Мое вы не измѣните сужденье,
Хоть, если дѣло только о словахъ,
Я знаю, для такихъ доброжелательствъ,
Найдете цѣлый рядъ вы доказательствъ,
Опору въ фактахъ, въ мысляхъ, и въ мечтахъ.
Я зналъ здѣсь одного въ такомъ же родѣ,
Какъ вы; и такъ же споры съ нимъ я велъ
О жизни, человѣческой природѣ,—
И вотъ теперь бѣднякъ съ ума сошелъ.

Онъ изъ чужихъ краевъ. Коли хотите,
Мы можемъ навѣстить его, и вы
Въ его безумной рѣчи разглядите,
Какъ замыслы подобные мертвы.»—

—«Надѣюсь», возразилъ я, «утвержденье
Мое я подтвержу инымъ путемъ:
Я вѣрю, что души его смятенье
Свое начало получило въ томъ,
Что именно отсутствовала вѣра
Въ добро, въ разумность каждаго примѣра,
Стремленье встрѣтить благо и въ дурномъ,
Найти его въ себѣ или въ другомъ:—
Есть гордыя натуры,—всѣ несчастья
Снесутъ въ лучахъ терпѣнья своего;
Имъ нужно въ жизни только одного—
Любя, любимымъ быть и знать участье:
За нѣжность—нѣжность; если же въ отвѣтъ
Они увидятъ лишь пренебреженье,
Ихъ жизнь тогда—смерть заживо и тлѣнье;
Не странно это, и судьбы тутъ нѣтъ,
А только злая воля человѣка,
Ей все равно, что кто-то сталъ—калѣка.»—

Пока слова я эти говорилъ,
Слуга, вошедши, Графу возвѣстилъ,
Что гондола насъ ждетъ; во влажной пыли,
Сквозь частый дождь, проворно мы поплыли
По направленью къ острову, туда,
Гдѣ находился домъ умалишенныхъ,
И пѣнилась кипящая вода,
Подъ трепетаньемъ вѣтровъ возмущенныхъ.
Мы вышли. Вопли, возгласы вокругъ,
Звукъ бьющихся и судорожныхъ рукъ,
Пронзительныя жалкія рыданья,
Смѣхъ тамъ, гдѣ стонъ звучалъ бы веселѣй,
Молитвы богохульныя, стенанья,
И крики, въ общей смутности своей,

Въ своемъ разнообразьи безконечномъ,
Привѣтствіемъ для насъ возникли встрѣчнымъ.
По грязной скользкой лѣстницѣ вошли
Мы въ старый дворъ. И я услышалъ звуки,
Исполненные трогательной муки.
Кто пѣлъ вверху? Мы видѣть не могли.
Лишь видѣли, что межъ рѣшетокъ черныхъ,
На томъ или иномъ нѣмомъ лицѣ,
Подъ бурею, какъ стебли травъ узорныхъ,
Ростущихъ на разрушенномъ дворцѣ,
Вились и фантастично развѣвались
Запутанные волосы всѣхъ тѣхъ
Безумцевъ, что за мигъ предъ тѣмъ смѣялись,
Кто вдругъ притихъ въ безмолвіи утѣхъ,
Кто былъ той пѣсней нѣжной зачарованъ,
И къ ней душой безумною прикованъ.

«Мнѣ кажется», промолвилъ я: «что ихъ
Заботливостью кроткой было-бъ можно
Вернуть отъ сновъ, мятущихся тревожно,
Къ разумности, разъ, властью чаръ своихъ,
Ихъ музыка такъ нѣжитъ и волнуетъ.
Но кто онъ тотъ, кто здѣсь въ тюрьмѣ тоскуетъ?»

И Маддало отвѣтилъ: «Лишь одно
Извѣстно мнѣ: когда онъ появился
Въ Венеціи, ужь въ немъ недугъ гнѣздился,
И сердце было въ немъ угнетено.
Онъ былъ богатымъ, какъ молва гласила,
Или когда-то прежде былъ богатъ.
И будто бы,—иные говорятъ,—
Его утрата денегъ поразила.
Наврядъ ли. Нѣтъ, не этимъ онъ страдалъ,
Всегда онъ въ вашемъ духѣ разсуждалъ.
Но только былъ онъ болѣе печаленъ,
Казалось, что, хоть онъ и угнетенъ
Своей обидой, былъ сильнѣе онъ
Обиженъ тѣмъ, что такъ многострадаленъ

Предъ сильнымъ слабый: онъ страдалъ всегда
При мысли, что для жалкихъ міръ ужасенъ,
Что наглость и обманы иногда,—
Кой въ чемъ, конечно, съ вами я согласенъ!—
Понявъ, что такъ, порой, удобенъ мракъ,
Въ мошенничествѣ явномъ торжествуютъ,
Изобличеній нѣтъ,—они ликуютъ.
Имѣлъ свои достоинства бѣднякъ,
Хоть и чудачествъ я не отрицаю.»

—«Но что же приключилось съ нимъ, и какъ
Онъ помѣшался?»

—«Право, я не знаю.
Изъ Франціи какая-то сюда
Пріѣхала съ нимъ дама, и, когда
Онъ ею брошенъ былъ, онъ сталъ скитаться
Вокругъ вонъ тѣхъ пустынныхъ острововъ,
Онъ съ ней мечтой никакъ не могъ разстаться,
И одичалъ. Ни денегъ, ни домовъ
Онъ больше не имѣлъ. Что дѣлать было?
Полиція его здѣсь помѣстила.
Причуда овладѣла имъ, и онъ
Не захотѣлъ отсюда выселяться;
Чтобъ былъ капризъ безумнаго свершенъ,
Я далъ ему возможность здѣсь остаться,
Обставилъ эти комнаты ему,
Онѣ выходятъ окнами на море,
Послалъ цвѣтовъ и книгъ; съ несчастьемъ въ спорѣ,
Онъ можетъ дать порыву своему
Какой-нибудь исходъ, хотя печальный,
За инструментъ садяся музыкальный.—
Я все ему доставилъ, отъ чего
Когда-то такъ свѣтилась жизнь его.
Что̀ больше могъ бы сдѣлать чужестранецъ,
Иль меньше, разъ онъ видитъ предъ собой
Красивый умъ, подавленный судьбой?
И онъ какъ бы сплетаетъ тѣни въ танецъ,

Онъ вызываетъ чары въ пѣньи струнъ,
На мигъ въ умалишенныхъ спитъ бурунъ
Безумныхъ думъ, и этотъ адъ ужасный,
Гдѣ смѣшанъ вопль со звяканьемъ цѣпей,
Онъ превращаетъ музыкой своей
Въ Эдемъ священный тишины безгласной.»

—«Вы были милосердны,—никакихъ
Правъ онъ на это не имѣлъ, какъ люди
Сказали бы.»

—«Да, кромѣ правъ моихъ
На всѣхъ людей, во всей ихъ жалкой грудѣ,
Когда-бъ я былъ несчастіемъ такимъ
Застигнутъ. Вотъ, какъ пѣсня дней прошедшихъ,
Окончился напѣвъ, и вслѣдъ за нимъ
Чу, возростаютъ вопли сумасшедшихъ.
Пойдемте, навѣстимъ его теперь;
Всегда онъ послѣ музыки съ собою
Ведетъ бесѣду, говоритъ съ мечтою,
Не слыша никого.»

Смотритель дверь
Открылъ намъ, и въ его мы помѣщенье
Вошли. Въ печальной мглѣ самозабвенья,
У фортепьяно мрачно онъ сидѣлъ,
И пальцы были судорожно сжаты;
Морской налетъ къ нему въ окно летѣлъ,
Врывались вздохи вѣтра, и, объяты
Порывомъ бури, волосы его
Въ соленыхъ брызгахъ бились и блистали;
Отъ помысла дрожалъ онъ своего,
И что-то непонятное шептали
Его уста, былъ слишкомъ красенъ цвѣтъ
Тѣхъ жалкихъ губъ, чтобъ отнести къ здоровью
Румяность ихъ; со скорбью и съ любовью,
Какъ будто къ знаку невозвратныхъ лѣтъ,
Они къ листу бумаги прижимались.

И точно въ сердцѣ струны оборвались,
Такая страсть въ его глазахъ зажглась,
Лицо онъ поднялъ, полное печали,
Онъ поднялъ взоръ своихъ блестящихъ глазъ,
И началъ говорить, какъ бы изъ дали;
То будто онъ кому-то написалъ
Въ далекій край, и думалъ—эти строки
Растрогаютъ того, къ кому взывалъ:
То повторялъ онъ горькіе упреки,
Что вотъ чего-то измѣнить нельзя,
И чувствовалъ, сквозь горькую усталость,
Къ себѣ онъ поразительную жалость;
Терялась рѣчь въ уныніи, скользя
Отъ слова къ слову, холодно и сонно,
Безъ выраженья, скучно, монотонно;
И только потому, что говоръ тотъ
Срывался въ рѣзкій тонъ безумныхъ жалобъ,
Чужая мысль немедля увидала-бъ,
Что безъисходный нестерпимый гнетъ
Тотъ говоръ сдѣлалъ столь однообразнымъ;
И между тѣмъ какъ такъ онъ говорилъ,
Свирѣпый вѣтеръ, съ свистомъ, съ воемъ празднымъ,
Въ окно врывался, брызги приносилъ,
И сзади мы, незримые, стояли,
И слушали безумныя слова,
Отдѣльныя реченія печали
У воющаго вѣтра отнимали,
Ихъ память до сихъ поръ во мнѣ жива,
Не стерта силой жизненныхъ мятелей.
Онъ восклицалъ:—

«Какой же смыслъ есть въ томъ?
О, день за днемъ, недѣлю за недѣлей,
Какъ лошадь, что исхлестана кнутомъ,
Влачить, влачить мучительное бремя,
И чувствовать, что не спасаетъ время,
И видѣть за собою цѣпь, тиски,
И видѣть, какъ ростутъ все снова звенья

Того же нестерпимаго мученья,
Не выражать въ словахъ своей тоски,
И не влагать отчаяніе въ голосъ,
Но двигаться, и даже,—о, бѣда!—
Являть улыбку,—точно никогда
Ты не скрывалъ все, что въ душѣ боролось,
Не отходилъ въ свой уголъ, сжато-нѣмъ,
Чтобъ тамъ лишь, наконецъ, прорвались слезы;
Жить каждый мигъ подъ тяжестью угрозы,
Быть въ маскѣ безпечальной передъ тѣмъ,
Кто сердцу всѣхъ желаннѣй, всѣхъ дороже,
И мучиться, терзаться. Но за что же?
Ищи, душа, отвѣта не найдешь.
Ни ненависть, ни пытки, ни презрѣнье
Не могутъ такъ гнести, какъ эта ложь;
Но что всего страшнѣй,—одно мученье,
Котораго не въ силахъ я снести,
Чудовищность послѣдняго проклятья,—
Знакомый ликъ инымъ, инымъ найти,
Почувствовать холодныя объятья,
И столько недовѣрья, скорби, зла,
Что, если бы душа и захотѣла
Себя винить, она бы не смогла.
О, пусть совсѣмъ мое остыло-бъ тѣло!
Пусть жизнь въ моемъ погасла бы умѣ,
Пусть я бы пересталъ кипѣть во тьмѣ!
Тогда бы эта пытка отступила,—
Иль мысль терзаетъ даже мертвецовъ?

«Какая же безжалостная Сила
Насъ мучаетъ? Ей сладокъ звонъ оковъ?
Я знаю, что всецѣло не могу я
Взять на себя вину въ томъ, что терплю,
Хоть есть моя вина, и, негодуя,
Рокъ сдѣлалъ такъ, что горько я скорблю.
Увы, никто не разсыпалъ мнѣ нѣжныхъ
Цвѣтовъ на той дорогѣ бытія,
Гдѣ повстрѣчалась мнѣ, для мукъ безбрежныхъ,

Скорбь блѣдная, нѣмая тѣнь моя.
Когда я заблуждался, въ заблужденьи
Я радости для сердца не нашелъ,
Я только встрѣтилъ гнетъ несчетныхъ золъ,
Страхъ, безпокойство, муку, оскорбленье,
Не дѣлалъ, какъ другіе, и цѣной
Раскаянья не покупалъ восторга,
Хотя я зналъ, что отъ такого торга
Улыбка засіяетъ предо мной,
И я могу извѣдать наслажденье,
Манящаго запретомъ, преступленья;
Когда бы правда, нѣжность, и любовь
Продлились за минутностью Надежды,
Моя слеза не омочила-бъ вѣжды,
И былъ бы я спокоенъ, веселъ вновь;
Но ненависть, насмѣшка, и презрѣнье
Возстали, какъ враги, лицомъ къ лицу
Съ любовью, что иное отношенье
Когда-то знала: нѣжность упоенья
Пришла къ неумолимому концу,
Я точно спалъ, и было сновидѣнье
Такъ сладостно въ плѣнительной тиши,—
Какой смѣнилось пыткою мечтанье!—

«О, ты, невѣста, свѣтъ моей души,
Ты вся—отрада, мудрость, состраданье,
Ты вѣрно пожалѣла бы меня,
Когда-бъ прочла мое повѣствованье,
Но я одинъ, я мучаюсь, стеня,
И не прочтешь ты этотъ скорбный свитокъ;
Ты плакала-бъ, узнавъ, какъ много пытокъ,
Принять былъ долженъ твой погибшій другъ,
Узнать, какія вѣдалъ я мученья,—
Для нихъ нѣтъ словъ, нѣмой ихъ замкнутъ кругъ.

«О, вы, къ кому—души моей стремленье,
Вы въ дружбѣ ясно видѣли меня,
Я не хочу такого униженья,

Какъ предъявлять къ вамъ, честнымъ, обвиненье
Въ томъ, что теперь я такъ томлюсь, стеня.
О, нѣтъ, я васъ совсѣмъ не обвиняю,
Одна дорога къ миру есть, я знаю,
Дорога полной правды, и по ней
Идете вы. Любовь дорогой ложной
Нерѣдко насъ ведетъ къ тоскѣ тревожной.
Но, если я подавленъ тьмой скорбей,
(А я подавленъ,—можно-ль отрекаться?),—
Чтобъ грудь святой природы запятнаться
Свирѣпымъ адомъ чувствъ моихъ могла,—
Душа моя согласья не дала;
Какъ тѣ, не поступилъ я, что въ презрѣньи
И въ ненависти думаютъ найти
Для раненаго сердца облегченье,
Сказавъ: «За злобу злобой заплати».
О, нѣтъ, кинжалъ не уврачуетъ рану,
Ее онъ только разрываетъ вновь.
Я не довѣрюсь этому обману,
Хоть обманула нѣжная любовь.
Все тотъ же я, исполненный довѣрья,
И сердце можетъ быть побѣждено,
Но пониманье чуждо суевѣрья,
И умъ не гибнетъ съ сердцемъ заодно.
Иначе все погибнетъ въ агоніи.
О, нѣтъ, я крикомъ не сольюсь съ толпой,
Молчаньемъ не признаю тиранніи,
Забвенья не хочу въ мечтѣ слѣпой.
Я не хочу минутнаго забвенья
Въ какомъ-нибудь безуміи, что тутъ,
Среди людей, зовутъ порывомъ мщенья,
И честолюбьемъ, выгодой зовутъ.
Чужда мнѣ грубость жадныхъ помышленій,
Какъ тѣ, что были казнью для меня,
И сладострастья, алчности ступени,
Съ своимъ сверканьемъ дымнаго огня.
Нагромоздись скорѣе надо мною,
О, ты, могильный прахъ! А до тѣхъ поръ

Я не разстанусь съ тѣсною тюрьмою,
И, встрѣтясь, могутъ Бѣдность и Позоръ
Прильнувъ ко мнѣ на рынкѣ, средь народа,
Сказать: «Онъ нашъ любовникъ. Конченъ счетъ.
Будь съ нимъ, онъ поживетъ еще съ полгода.»—
Или возстанетъ красный эшафотъ,
Что тамъ, въ странѣ у насъ, встаетъ порою.
И къ жертвѣ добровольной возгласитъ;
Иль вы, друзья, истерзаны тоскою,
Падете, духъ мой боль предотвратитъ;
Всегда готовъ я, съ радостью, какъ прежде,
Когда еще цвѣла моя весна,
Служить добру и правдѣ и надеждѣ,
Я твердъ.

«Постой, на мозгѣ пелена.
Она порвется. Вѣрьте мнѣ, о, вѣрьте!
Вотъ, порвалась! О, ты блѣдна, блѣдна,
Невѣста, предназначенная Смерти!
Искажены красивыя черты.
Но я вѣдь такъ же блѣденъ, какъ и ты,
Насмѣшка, что сидишь со мною рядомъ.
Зачѣмъ же ты глядишь укорнымъ взглядомъ?
Могильный зовъ я въ гробѣ услыхалъ,
И поспѣшилъ на свадебный твой балъ,
Духъ—духу, шлю привѣтъ я привидѣнью,
Любовнику, съ которымъ ты сошлась,
Съ которымъ, въ брачной связи, наслажденью
Ты на моей могилѣ предалась.
Но то, что было, я не позабуду,
У вашихъ ногъ лежать я, молча, буду,
Слѣдить за вами, въ ткани гробовой,
Мертвецъ, поднявшій саванъ, и безсонный—
Куда же ты? Не уходи, постой!—
Не уходи, о призракъ возмущенный!—
О, выслушай—я говорю съ тобой—
Что говорю я? Я и самъ не знаю,
Мой умъ отягощенъ—боюсь, въ немъ бредъ—

Да, ты блѣдна, блѣдна, я это знаю.
Но ты ушла. Тебя здѣсь больше нѣтъ.
Ты сдѣлала, что̀ сдѣлать захотѣла,
И я одинъ.

* * *

«О, слушай, это тѣло
Тебя своей душой и лаской грѣло,
А ты была отравною змѣей!
И между тѣмъ не ты-ль меня искала,
Не ты-ль зажгла любовью разумъ мой,
Не ты ли говорила: «Будь со мной!
Цѣлуй меня, еще, еще, мнѣ мало,
Боюсь я, что не любишь ты меня!»
Но я любилъ, любовь меня терзала,
И я погибъ въ пылу ея огня.
Свои слова ты сердцемъ позабыла,
Но врѣзалась страшная ихъ сила
Слѣдомъ нетлѣннымъ въ мозгѣ у меня,
И смѣна пытокъ ихъ не побѣдила.

* * *

«Ты говоришь, я гордъ: мои уста
Трепещутъ и кривятся поневолѣ
Отъ внутренней невыраженной боли.—
О, если-бъ въ комъ была такъ заперта
Самолюбиво-гордая мечта!
Никто такой цѣной покой не купитъ.
Вѣдь даже червь, разъ на него наступятъ,
Взметнется, какъ бы гнѣвъ въ себѣ тая,
И голову безсильно опускаетъ,
И корчится въ пыли—и умираетъ?
И умираетъ, можетъ быть, какъ я?
О, нѣтъ, живетъ въ смертельной агоніи,
И между тѣмъ какъ тѣни врѣзныя
Ростущихъ травъ, какъ знаки для временъ,

Мѣняются,—его нѣмыя пытки
Мѣняясь, не кончаются въ избыткѣ,
И каждый мигъ томительнаго дня
Какъ вѣчность для него и для меня.

* * *

«О, если-бъ ты со мною не встрѣчалась,
Не слышала мой голосъ никогда!
Объятіемъ моимъ не оскверняласъ—
Не говорила мнѣ, что ты всегда
Моею будешь—если-бъ я руками
Своими же, какъ изувѣръ-монахъ,
Исторгъ, съ окровавленными корнями,
Нервъ жизни, и въ стремительныхъ мечтахъ
Сердца бы наши, вспыхнувъ, не сливались,
И съ ужасомъ опять не размыкались!—
Такъ думала, такъ говорила ты.
То не были мгновенныя черты,
Глухія подавляемыя вспышки,
Что въ краткомъ отвратительномъ излишкѣ
Врываются порою къ намъ въ мечты,
Но не находятъ прочнаго пріюта
Въ умѣ, гдѣ благородство думъ замкнуто,—
Ты, какъ печатью, закрѣпила ихъ
Чудовищностью грубыхъ словъ своихъ,
И память мнѣ прижгла,—о, да, неложно,
И мнѣ уже забыть ихъ невозможно.
Проклятія свои перемѣшай,
И мнѣ, какъ смѣсь ядовъ, ихъ выпить дай,
Ихъ слитность будетъ мнѣ—благословенье,
Какого ты, мою любовь кляня,
Еще не накликала на меня,—
Смерть, смерть, ея безмѣрное забвенье!

«Для самаго жестокаго, когда-бъ
Способенъ былъ любить жестокій рабъ,
Ужаснымъ это было-бъ наказаньемъ:

Изъ той любви душевный сдѣлать адъ,
Наполнить душу злобою, терзаньемъ,
Презрѣніемъ, тоской, непониманьемъ.
Но для *меня*, кто, уронивши взглядъ
На боль чужую, зналъ весь гнетъ печали,
Какъ будто камни въ душу упадали;—
Кто все кругомъ любилъ и все жалѣлъ,
Кто могъ стонать, скорбя о томъ мученьи,
Котораго не видятъ въ отдаленьи
Другіе,—уносился за предѣлъ
Ближайшаго, и уходилъ далеко
Нѣжнѣйшимъ взоромъ мысленнаго ока,
Съ униженнымъ и нищимъ шелъ во тьму,
И узника сопровождалъ въ тюрьму;—
Да, для *меня*, для нерва, что трепещетъ
Отъ золъ земли, невидныхъ никому,
Для пламени, что только лаской блещетъ,—
Ты накопила для меня чуму!
Обрушила потокъ проклятій, гнѣва,
Устами, что шептали мнѣ слова,
Въ которыхъ нѣжность ласкъ была жива,
Какъ въ нѣжныхъ звукахъ майскаго напѣва!
Такъ пусть же не колеблется теперь,
Кто совершить задумалъ злодѣянье
Чрезмѣрное, безъ слова, безъ названья;
Пусть будетъ онъ безжалостнымъ, какъ звѣрь,
Коль хочетъ онъ найти примѣръ того же:—
Тебѣ я въ жизни былъ всего дороже,
Но ты, жестокимъ взглядомъ жизнь казня,
Вотъ такъ и такъ смотрѣла на меня,
Ты такъ и такъ со мною говорила.
О, я живу, чтобъ показать, что̀ было,—
Какъ много можетъ человѣкъ стерпѣть,
Какъ можетъ биться—и не умереть!

* * *

«Я знаю, съ искаженнымъ выраженьемъ,
Ты будешь говорить, что для тебя

Любовь моя явилась омерзеньемъ,
Когда, меня ужъ больше не любя,
Ты видѣла ее; ты, со своею
Жестокостью, мнѣ скажешь, какъ я смѣю
Сказать «люблю»—съ наружностью такой,
Что если бы еще я былъ другой...
О, да, твоя насмѣшка справедлива,
Мое лицо, я знаю, некрасиво,
Природа, въ мигъ созданія меня,
Не какъ поэтъ явилась въ блескѣ дня.
Но развѣ для тебя въ томъ оправданье?
Съ тѣхъ поръ, какъ много лѣтъ тому назадъ
Твой взглядъ зажегся, встрѣтивши мой взглядъ,
И въ первый разъ возникло губъ сліянье,
Ничто не измѣнилося во мнѣ,
Но знаю я, любовь сама мѣняетъ
То, что къ себѣ ее ужъ не склоняетъ,
Что послѣ многихъ мукъ и долгихъ лѣтъ
Въ ней пробуждаетъ только слово: «Нѣтъ.»

* * *

«О, какъ слова напрасны! Никогда я
Не думалъ повторить подобныхъ словъ—
Хотѣлъ, чтобы ихъ сила роковая
Была во тьмѣ душевныхъ тайниковъ,
И даже тамъ чтобъ крѣпко эта тайна
Спала,—но вотъ слова, сверкнувъ случайно,
Идутъ, сорвавшись, живы, какъ вчера,
Они глядятъ, ростутъ изъ-подъ пера,
И слѣпну я отъ слезъ ежеминутно,
Я плачу и сквозь слезы вижу смутно
Бездушность буквъ, тщету ихъ на листкѣ,
Они сжигаютъ мозгъ въ больной тоскѣ,
Въѣдаются въ него и оскверняютъ
Все мудрое, что времени рука
Вписала,—и тѣснятъ, и вытѣсняютъ
Мечту, хотя мечта и глубока.

«Тотъ, кто другому причиняетъ горе,
Необходимо долженъ пострадать,
Онъ видитъ то, что захотѣлъ создать,
И боль въ отвѣтъ—въ его зажжется взорѣ.
Въ томъ наша кара.—О мое дитя,
Хотѣлъ бы я, чтобы твое возмездье
Уменьшило мучительный свой гнетъ,—
Для насъ обоихъ, для тебя; но вотъ,
Ужъ не блеснутъ сочувственно созвѣздья,
И видишь ты, что мракъ ихъ погасилъ,
Но ихъ для насъ опять зажечь—нѣтъ силъ.
Проходятъ годы длинной чередою,
Когда-жь пройдетъ тотъ похоронный рядъ,
Гдѣ тянется за каждымъ тѣнь съ мечтою
Погибшей, устремивъ укорный взглядъ,
Ужель тогда, надъ мертвымъ, надо мною,
Чья смерть и жизнь была одна тоска,
Ты не уронишь, другъ мой, ни цвѣтка?

* * *

«Любовь моя, не бойся, ничего нѣтъ
Въ душѣ, что я враждою назову;
И если это сердце горько стонетъ,
Не для того ли все же я живу,
Чтобъ ты причины большей для мученья
Не получила. Слезы за презрѣнье
Я отдаю тебѣ, одну любовь
За ненависть; и, чтобъ такой тоскою,
Какъ скорбный, что растоптанъ былъ тобою,
Ты не терзалась, плача вновь и вновь,
Отказываю я себѣ, на много
Жестокихъ дней, въ томъ безпечальномъ снѣ,
Гдѣ спятъ всѣ скорби, всякая тровога.
Смотри, не говори же обо мнѣ:
«Не могъ простить онъ.» Нѣтъ, я здѣсь терзался.
Но посмотри, совсѣмъ я отказался
Отъ всякихъ человѣческихъ страстей,

От мести и от гордости своей;
Во мнѣ нѣтъ больше ничего дурного
Ни въ мысляхъ, ни въ поступкахъ, ни въ словахъ;
Скрываетъ этотъ пепелъ, этотъ прахъ,
Вотъ это замирающее слово—
Послѣдній уголь, свѣтъ того огня,
Который, жаромъ вспыхнувъ, сжегъ меня.
Уже зіяетъ темная могила:
Какъ, ей закрыть, я буду вовсе нѣмъ,—
О, если-бъ такъ забвеніе покрыло
Мою печаль, чтобъ я притихъ совсѣмъ!
Вотъ, воздухъ скрылъ всѣ звуки восклицаній,
Какъ скорбь взяла все сердце—пусть теперь
Смерть скорбь возьметъ—и въ жизнь закроетъ дверь.»

Онъ смолкъ, и легъ, помедливъ, на диванѣ,
Съ печальною улыбкою, и спалъ
Тяжелымъ сномъ, и грустно, и невнятно
Во снѣ родное имя называлъ,
Оплакивая то, что невозвратно,
И вмѣстѣ съ нимъ, слезъ нашихъ не стыдясь,
Мы плакали. Нѣтъ, никогда взволнованъ
Такъ не былъ я, какъ въ этотъ скорбный часъ.
Кто-бъ не былъ скорбью съ этимъ скорбнымъ скованъ!
Нечеловѣкъ онъ былъ бы.—Кликнувъ слугъ,—
Забывши о недавнемъ разговорѣ,—
Мы къ Маддало отправились, и море
Туманилось и пѣнилось вокругъ,
Бросая свой налетъ, воздушнѣй пуха.
Пріѣхали къ обѣду. Но вино
И пища намъ расположенья духа
Не создали. Въ душѣ у насъ одно
Стояло—эта тѣнь съ лицомъ несчастнымъ,
И говорили только мы о немъ,
Всю ночь, пока на небѣ голубомъ,
Гася созвѣздья, не зажегся яснымъ
Сіяніемъ разсвѣтъ,—дневной пожаръ.
Рѣшили оба мы, что другъ любимый,

Въ жестокости, ему непоправимый
Нанесъ, и страшно-тягостный, ударъ;
Слѣпая вопіющая измѣна,
Измѣна послѣ клятвъ, которымъ нѣтъ
Забвенья; въ этой женщинѣ свой свѣтъ
Онъ видѣлъ, и для этого онъ плѣна
Какой-то ложью запятналъ свой умъ,
Который жилъ лишь въ свѣтѣ правды полной;
Она ушла, пришли и скрылись волны,
И онъ остался съ ядомъ этихъ думъ.
А что еще? Всей глубины несчастья
Мы не могли представить. У него
Друзья когда-то были, свѣтъ участья,
Онъ былъ богатъ, и вотъ нѣтъ ничего.
Онъ нѣженъ былъ, и зналъ вещей внушенья,
И онъ лишенъ всего, къ чему привыкъ,
Всю красоту, всѣ жизни украшенья
Все промѣнялъ на хрупкій онъ тростникъ.
Его ума изысканныя краски
Какъ будто не поблекли до сихъ поръ,
Рѣчь дикая, всѣхъ смутныхъ словъ узоръ—
Дышали благородствомъ дивной сказки:
Вложи онъ въ ритмъ стонъ сердца своего,
Назвали-бъ мы поэзіей его.
«Злосчастнѣйшіе люди отвѣчаютъ,»
Сказалъ, я помню, Маддало тогда:
«На боль дремотой, скорби ихъ качаютъ,
И спятъ они, имъ свѣтитъ, какъ звѣзда,
Поэзія въ недолгихъ сновидѣньяхъ:
Познавшій въ скорби, учитъ въ пѣснопѣньяхъ.»

Когда бы я совсѣмъ свободнымъ былъ,
Съ Венеціей я больше-бъ не разстался,
Въ плѣнительной надолго бы остался:
Я такъ поѣздки эти полюбилъ
На лошади вдоль побережья моря;
И въ городѣ такая тишина,
Стукъ не ворвется въ грезу, съ нею споря;

Когда-жь настанетъ ночь, взойдетъ луна,
Незримо ото всѣхъ дыша прохладой,
Спокойно можно въ гондолѣ читать
Съ ея обычной мѣдною лампадой;
Здѣсь книги есть, картины, и мечтать
Предъ статуями можно, есть безсмѣнно
Та красота, что въ мірѣ родилась
Съ поэзіей святой одновременно,
Все, что такъ въ городахъ плѣняетъ насъ,
И для чего почти безъ сожалѣнья
Бросаемъ мы полей уединенье.
Въ чарующемъ палаццо Маддало
Я могъ сидѣть безъ горя и тревоги,
И въ немъ, какъ въ зачарованномъ чертогѣ,
Немало-бъ зимнихъ вечеровъ прошло
Въ утонченности стройныхъ разсужденій,
И смыслъ ихъ, знаю я, помогъ бы мнѣ
Понять себя; въ привѣтливомъ огнѣ,
Въ каминѣ, трепетали-бъ въ краскахъ тѣни,
Сверканіемъ дрожащихъ отраженій
Мѣняя наши лица, до тѣхъ поръ
Пока бы день, забрезживъ, не явился
Напоминаньемъ, озаривъ просторъ
Лазури,—и тогда бъ я удивился,
Что я еще все здѣсь съ мечтой своей.
Все это такъ. То было бы мечтаньемъ
Заманчивымъ—продлить здѣсь сказку дней.
Но въ Лондонѣ оставилъ я друзей.
Особенно я былъ плѣненъ желаньемъ,
Что, вставши разъ, не уходило прочь:
Желаніемъ безумному помочь.
Быть можетъ, эта мысль была и праздной,
Но мнѣ казалось, будь я съ нимъ всегда,
Въ тоскѣ, въ игрѣ часовъ однообразной,—
Его бы могъ я излѣчить тогда;
Когда бъ въ его я сердцѣ всѣ біенья
Съ вниманьемъ неослабнымъ изучилъ,
Какъ тѣ, что изучаютъ съ пыломъ рвенья

Искусство, не щадя духовныхъ силъ,
Когда бы мощью своего терпѣнья
Вошелъ я въ лабиринтъ его ума,
Душевная въ немъ просвѣтлѣла-бъ тьма.
Я въ дружбѣ счастливъ былъ, но никогда я
Не видѣлъ никого, кому бы я
Охотно такъ, всю душу открывая,
Сказалъ «Мой другъ». Но эта мысль моя
Осталась не свершенною. Влеченья
Подобныя приходятъ иногда,
На людяхъ и въ тиши уединенья,
Не оставляя въ памяти слѣда.—
Одно скажу: живое впечатлѣнье
Того, что я хотѣлъ, на много лѣтъ
Оставило во мнѣ свой прочный слѣдъ.
— Отозванный какими-то дѣлами,
Венецію тогда покинулъ я.—

И дни прошли. И годы за годами.
И многое въ картинѣ бытія
Перемѣнилось. Я вернулся—снова,
На это мѣсто мертваго Былого.
Венеція Венеціей звалась,
И видъ ея, какъ былъ, такъ и остался.
Но Маддало не встрѣтилъ я въ тотъ часъ,
Онъ гдѣ-то тамъ въ Арменіи скитался.
Давно его собака умерла.
А дочь его, что дѣвочкой была,
Стать женщиной успѣла,—да, одною
Изъ тѣхъ немногихъ, что случилось мнѣ
Увидѣть на землѣ какъ бы во снѣ,—
Какъ чудо, какъ звѣзду надъ мглой земною,
Какъ будто бы она вступила въ міръ
Одной изъ тѣхъ, о комъ мечталъ Шекспиръ.
Съ привѣтливостью, съ лаской безконечной,
Съ вниманьемъ, тонко-нѣжнымъ безъ конца,
Она была особенно сердечной

Со мной, какъ съ другомъ своего отца.
Когда я о безумцѣ томъ несчастномъ
Ее спросилъ, припомнила она
Разсказъ,—какъ въ очертаніи неясномъ
Онъ отъ другихъ былъ переданъ. Грустна
Была та повѣсть: «Минуло два года,
Въ здоровьи сильно пошатнулся онъ,
Ударамъ пытокъ поддалась природа;
И сбылся, наконецъ, желанный сонъ:
Она къ нему вернулась. Съ видомъ властнымъ,
Но съ духомъ присмирѣвшимъ; можетъ быть,
Зовъ совѣсти, съ своимъ огнемъ ужаснымъ,
Велѣлъ ей тихой стать и вновь любить.
Присутствіемъ ея преображенный,
Поправился больной, и много дней
У моего отца жилъ вмѣстѣ съ ней.
Я жизнь ихъ вижу, точно повторенной.
Лѣтъ шесть, я помню, было мнѣ тогда;
Я помню, какъ ея играла шалью.
Они разстались все же, навсегда.»—

—«Какъ! и она смертельною печалью
Не задохнулась? Какъ все порвалось?»

«Что-жь, развѣ не довольно? Повстрѣчались,
Разстались. Безполезенъ твой вопросъ.»
—«Дитя! И это все?»

«Нѣтъ, совершались
И совершились вещи, въ чемъ уму
Казалось яснымъ это *почему:*
Какъ встрѣтились они и *какъ* разстались;—
Но, если ты не хочешь, чтобъ изъ глазъ
Усталыхъ пали слезы на морщины,
Не спрашивай; свѣтъ жизни ихъ погасъ,
Вонъ тамъ ихъ скрылъ навѣки гробъ единый,
Запечатлѣй молчаньемъ память лѣтъ,

Что отошли, и молча стерли слѣдъ.»
Я былъ настойчивъ, и мое желанье
Исполнила она—но тотъ разсказъ
Не для толпы, и я на этотъ разъ
Кончаю здѣсь мое повѣствованье.

1819.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Audisne haec, Amphiarae, sub terram abdite?
Слышишь ли ты это, Амфіарей, скрытый подъ землею?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Греческіе трагики, заимствуя свои замыслы изъ отечественной исторіи или миѳологіи, при разработкѣ ихъ соблюдали извѣстный сознательный произволъ. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятаго толкованія, или подражать, въ повѣствованіи и въ заглавіи, своимъ соперникамъ и предшественникамъ. Подобный пріемъ привелъ бы ихъ къ отреченію отъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя служили побудительнымъ мотивомъ для творчества, отъ желанія достичь превосходства надъ своими соперниками. Исторія Агамемнона была воспроизведена на Аѳинской сценѣ съ такимъ количествомъ видоизмѣненій, сколько было самыхъ драмъ.

Я позволилъ себѣ подобную же вольность. *Освобожденный Прометей* Эсхила предполагалъ примиреніе Юпитера съ его жертвой, какъ отплату за разоблаченіе опасности, угрожавшей его власти отъ вступленія въ бракъ съ Ѳетидой. Согласно съ такимъ разсмотрѣніемъ замысла, Ѳетида была дана въ супруги Пелею, а Прометей, съ соизволенія Юпитера, былъ освобожденъ отъ плѣнничества Геркулесомъ. Если-бъ я построилъ мой разсказъ по этому плану, я не сдѣлалъ бы ничего иного, кромѣ попытки возстановить утраченную драму Эсхила, и если бы даже мое предпочтеніе къ этой формѣ разработки сюжета побудило меня лелѣять такой честолюбивый замыселъ, одна мысль о дерзкомъ сравненіи, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресѣчь ее. Но, говоря правду, я испытывалъ отвращеніе къ такой слабой развязкѣ, какъ примиреніе Поборника человѣчества съ его Утѣснителемъ. Моральный интересъ вымысла, столь мощнымъ образомъ поддерживаемый страданіемъ и непреклонностью Прометея, исчезъ бы, если-бъ мы могли себѣ представить, что онъ отказался отъ своего гордаго языка и робко преклонился передъ торжествующимъ и коварнымъ противникомъ. Единственное созданіе воображенія, сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана, и на мой взглядъ Прометей представляетъ изъ себя болѣе поэтическій характеръ, чѣмъ Сатана, такъ какъ,—не говоря уже о храбрости, величіи и твердомъ сопротивленіи всемогущей силѣ,—его можно представить себѣ лишеннымъ тѣхъ недостатковъ честолюбія, зависти, мстительности, и жажды возвеличенія, которые въ Героѣ *Потеряннаго Рая* вступаютъ во вражду съ интересомъ. Характеръ Сатаны порождаетъ въ умѣ вредную казуистику, заставляющую насъ сравнивать его ошибки съ его несчастіями и извинять первыя потому, что вторыя превышаютъ всякую мѣру. Въ умахъ тѣхъ, кто разсматриваетъ этотъ величественный замыселъ съ религіознымъ чувствомъ, онъ порождаетъ нѣчто еще худшее. Между тѣмъ Прометей является типомъ высшаго нравственнаго и умственнаго совершенства, повинующимся самымъ чистымъ, безкорыстнымъ побужденіямъ, которыя ведутъ къ самымъ прекраснымъ и самымъ благороднымъ цѣлямъ.

Данная поэма почти цѣликомъ была написана на горныхъ развалинахъ Термъ Каракаллы, среди цвѣтущихъ прогалинъ и густыхъ кустарниковъ, покрытыхъ пахучими цвѣтами, что распространяются въ видѣ все болѣе и болѣе запутанныхъ лабиринтовъ по огромнымъ террасамъ и головокружительнымъ аркамъ, висящимъ въ воздухѣ. Яркое голубое небо Рима, вліяніе пробуждающейся весны, такой могучей въ этомъ божественномъ климатѣ, и новая жизнь, которой она опьяняетъ душу, были вдохновеніемъ этой драмы.

Образы, разработанные мною здѣсь, во многихъ случаяхъ извлечены изъ области движеній человѣческаго ума, или изъ области тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми они выражаются. Въ современной поэзіи это пріемъ необычный, хотя Данте и Шекспиръ полны подобныхъ примѣровъ,—и Данте болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и съ наибольшимъ успѣхомъ, прибѣгалъ къ данному пріему. Но Греческіе поэты, какъ писатели, знавшіе рѣшительно о всѣхъ средствахъ пробужденія сочувствія въ сердцахъ современниковъ, пользовались этимъ сильнымъ рычагомъ часто. Пусть же мои читатели припишутъ эту особенность изученію созданій Эллады, потому что въ какой-нибудь другой, болѣе высокой, заслугѣ мнѣ, вѣроятно, будетъ отказано.

Я долженъ сказать нѣсколько чистосердечныхъ словъ относительно той степени, въ которой изученіе современныхъ произведеній могло повліять на мою работу, ибо именно такой упрекъ дѣлался

относительно поэмъ гораздо болѣе извѣстныхъ, чѣмъ моя, и, несомнѣнно, заслуживающихъ гораздо большей извѣстности. Невозможно, чтобы человѣкъ, живущій въ одну эпоху съ такими писателями, какъ тѣ, что стоятъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы, могъ добросовѣстно утверждать, будто его языкъ и направленіе его мыслей могли не претерпѣть измѣненій отъ изученія созданій этихъ исключительныхъ умовъ. Достовѣрно, что если не характеръ ихъ генія, то формы, въ которыхъ онъ сказался, обязаны не столько ихъ личнымъ особенностямъ, сколько особенностямъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія тѣхъ умовъ, среди которыхъ они создались. Извѣстное число писателей такимъ образомъ обладаетъ внѣшней формой, но имъ недостаетъ духа тѣхъ, кому будто бы они подражаютъ; дѣйствительно, форма есть какъ бы принадлежность эпохи, въ которую они живутъ, а духъ долженъ являться самопроизвольною вспышкой ихъ собственнаго ума.

Особенный стиль, отличающій современную Англійскую литературу, — напряженная и выразительная фантастичность, — если его разсматривать, какъ силу общую, не былъ разультатомъ подражанія какому-нибудь отдѣльному писателю. Масса способностей во всякій періодъ остается, въ сущности, одной и той же; обстоятельства, пробуждающія ее къ дѣятельности, безпрерывно мѣняются. Если-бъ Англія была раздѣлена на сорокъ республикъ, причемъ каждая по размѣрамъ и населенію равнялась бы Аѳинамъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что, при учрежденіяхъ не болѣе совершенныхъ, чѣмъ учрежденія Аѳинскія, каждая изъ этихъ республикъ создала бы философовъ и поэтовъ равныхъ тѣмъ, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключимъ Шекспира. Великимъ писателямъ золотого вѣка нашей литературы мы обязаны пламеннымъ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія, низвергнувшимъ наиболѣе старыя и наиболѣе притѣснительныя формы ортодоксальныхъ предразсудковъ. Мильтону мы обязаны ростомъ и развитіемъ того же самаго духа: пусть вѣчно помнятъ, что священный Мильтонъ былъ республиканцемъ и смѣлымъ изслѣдователемъ въ области морали и религіи. Великіе писатели нашей собственной эпохи, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, являются созидателями и предшественниками какой-то неожиданной перемѣны въ условіяхъ нашей общественной жизни, или въ мнѣніяхъ, являющихся для нихъ цементомъ. Умы сложились въ тучу, она разряжается своей многосложной молніей, и равновѣсіе между учрежденіями и мнѣніями теперь возстановляется, или близко къ возстановленію.

Что касается подражанія, поэзія есть искусство мимическое. Она создаетъ, но она создаетъ посредствомъ сочетаній и изображеній. Поэтическія отвлеченія прекрасны и новы, не потому, что составныя ихъ части не имѣли предварительнаго существованія въ умѣ человѣка или въ природѣ, а потому, что все въ цѣломъ, будучи создано ихъ сочетаніемъ, даетъ нѣкоторую мыслимую и прекрасную аналогію съ этими источниками мысли и чувства, и съ современными условіями ихъ развитія: великій поэтъ представляетъ изъ себя образцовое созданіе природы, и другой поэтъ не только долженъ его изучать, но и непремѣнно изучаетъ. Если бъ онъ рѣшился исключить изъ своего созерцанія все прекрасное, что существуетъ въ произведеніяхъ какого-нибудь великаго современника, это было бы такъ же неразумно и такъ же трудно, какъ приказать своему уму не быть болѣе зеркаломъ всего прекраснаго, что есть въ природѣ. Такая задача была бы пустымъ притязаніемъ для каждаго, кромѣ самаго великаго, и даже у него въ результатѣ получились бы напряженность, неестественность и безсиліе. Поэтъ представляетъ изъ себя сочетаніе извѣстныхъ внутреннихъ способностей, измѣняющихъ природу другихъ, и извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, возбуждающихъ и поддерживающихъ эти способности; онъ является такимъ образомъ олицетвореніемъ не одного недѣлимаго, а двухъ. Въ этомъ отношеніи каждый человѣческій умъ измѣняется подъ воздѣйствіемъ всѣхъ предметовъ природы и искусства, подъ воздѣйствіемъ всякаго слова, всякаго внушенія, которому онъ позволилъ вліять на свое сознаніе; онъ—какъ зеркало, гдѣ отражаются всѣ формы, сочетаясь въ одну. Поэты, такъ же какъ философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются въ одномъ отношеніи творцами своей эпохи, въ другомъ—ея созданіями. Отъ такой подчиненности не могутъ уклониться даже высшіе умы. Есть извѣстное сходство между Гомеромъ и Гезіодомъ, Эсхиломъ и Эврипидомъ, Виргиліемъ и Гораціемъ, Данте и Петраркой, Шекспиромъ и Флетчеромъ, Драйденомъ и Помомъ; въ каждомъ изъ нихъ есть общая родовая черта, подъ господствомъ которой образуются ихъ личныя особенности. Если такое сходство есть слѣдствіе подражанія, охотно признаюсь, что я подражалъ.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, что

мною руководило чувство, которое Шотландскій философъ весьма мѣтко опредѣлилъ, какъ «страстное желаніе преобразовать міръ». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого онъ не объясняетъ. Что касается меня, я предпочелъ бы скорѣе быть осужденнымъ вмѣстѣ съ Платономъ и Лордомъ Бэкономъ, чѣмъ быть въ Небесахъ вмѣстѣ съ Палеемъ и Мальтусомъ Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтическія произведенія единственной задачѣ—усиливать непосредственно духъ преобразованій, или что я смотрю на нихъ, какъ на произведенія, въ той или иной степени содержащія какую-нибудь, созданную разсудкомъ, схему человѣческой жизни. Дидактическая поэзія мнѣ отвратительна; то, что можетъ быть одинаково хорошо выражено въ прозѣ, въ стихахъ является претенціознымъ и противнымъ. Моею задачею до сихъ поръ было—дать возможность наиболѣе избранному классу читателей съ поэтическимъ вкусомъ обогатить утонченное воображеніе идеальными красотами нравственнаго превосходства; я знаю, что до тѣхъ поръ пока умъ не научится любить, преклоняться, вѣрить, надѣяться, добиваться, разсудочныя основы моральнаго поведенія будутъ сѣменами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путникъ будетъ топтать ихъ, хотя они должны были бы принести для него жатву счастья. Если-бъ мнѣ суждено было жить для составленія систематическаго повѣствованія о томъ, что̀ представляется мнѣ неподдѣльными элементами человѣческаго общежитія, защитники несправедливости и суевѣрія не могли бы льстить себя тою мыслью, будто Эсхила я беру охотнѣе своимъ образцомъ, нежели Платона.

Говоря о себѣ съ свободой, чуждой аффектаціи, я не нуждаюсь въ самозащитѣ передъ лицомъ людей чистосердечныхъ; что касается иныхъ, пусть они примутъ во вниманіе, что, искажая вещи, они оскорбятъ не столько меня, сколько свой собственный умъ и свое собственное сердце. Какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, онъ обязанъ имъ пользоваться, разъ этотъ талантъ можетъ сколько-нибудь служить для развлеченія и поученія другихъ: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будетъ для него достаточнымъ наказаніемъ; пусть же никто не утруждаетъ себя, громоздя надъ его усиліями прахъ забвенія; куча пыли въъ этомъ случаѣ укажетъ на могилу, которая иначе осталась бы неизвѣстной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прометей.	Азія, Пантея, Іона — Океаниды.
Демогоргонъ.	Призракъ Юпитера.
Юпитеръ.	Духъ Земли.
Земля.	Духъ Луны.
Океанъ.	Духи Часовъ.
Аполлонъ.	Духи, Отзвуки Эхо, Фавны, Фуріи.
Меркурій.	
Геркулесъ.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: Индійскій Кавказъ, ущелье среди скалъ, покрытыхъ льдомъ. Надъ пропастью прикованъ Прометей. Пантея и Іона сидятъ у его ногъ.—Ночь. По мѣрѣ развитія сцены медленно занимается разсвѣтъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Монархъ Боговъ и Демоновъ могучихъ,
Монархъ всѣхъ Духовъ, кромѣ Одного!
Передъ тобой—блестящія свѣтила,
Несчетные летучіе міры;
Изъ всѣхъ, кто живъ, кто дышетъ, только двое
На нихъ глядятъ безсонными очами:
Лишь ты и я! Взгляни съ высотъ на Землю,
Смотри, тамъ нѣтъ числа твоимъ рабамъ.
Но что-жь ты имъ даешь за ихъ молитвы,
За всѣ хвалы, колѣнопреклоненья,
За гекатомбы гибнущихъ сердецъ?
Презрѣнье, страхъ, безплодную надежду.
И въ ярости слѣпой ты мнѣ, врагу,
Далъ царствовать въ тріумфѣ безконечномъ
Надъ собственнымъ моимъ несчастьемъ горькимъ,
Надъ местью неудавшейся твоей.
Три тысячи какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
Исполненныхъ безсонными часами,
Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,
Что каждый мигъ казался дольше года,—
Сознаніе, что нѣтъ нигдѣ пріюта,
И боль тоски, отчаянье, презрѣнье—
Вотъ царство, гдѣ царить досталось мнѣ.
Въ немъ больше славы, вѣчной и лучистой,

Чѣмъ тамъ, гдѣ ты царишь на пышномъ тронѣ,
Котораго я не взялъ бы себѣ.
Могучій Богъ, ты былъ бы Всемогущимъ,
Когда бы я съ тобою сталъ дѣлить
Позоръ твоей жестокой тиранніи,
Когда бы здѣсь теперь я не висѣлъ,
Прикованный къ стѣнѣ горы гигантской,
Смѣющейся надъ дерзостью орла,
Безмѣрной, мрачной, мертвенно-холодной,
Лишенной травъ, животныхъ, насѣкомыхъ,
И формъ и звуковъ жизни. Горе мнѣ!
Тоска! Тоска всегда! Тоска навѣки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
Ни ласки сна! И все же я терплю.
Скажи, Земля, граниту горъ не больно?
Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
Скажите, эти пытки вамъ не видны?
Ты, Море, область бурь и тихихъ сновъ,
Небесъ далекихъ зеркало земное,
Скажи, ты было глухо до сихъ поръ,
Не слышало стенаній агоніи?
О, горе мнѣ! Тоска! Тоска навѣки!

Меня тѣснятъ враждебно ледники,
Пронзаютъ остріемъ своихъ кристалловъ,
Морозно-лунныхъ; цѣпи, точно змѣи,
Въѣдаются, сжимаютъ до костей
Объятіемъ—и жгучимъ, и холоднымъ.
Нѣмыхъ Небесъ крылатая собака
Нечистымъ клювомъ, дышущимъ отравой,
Огнями яда, даннаго тобою,
Въ груди моей на части сердце рветъ;
И полчища видѣній безобразныхъ,
Исчадія угрюмой сферы сновъ,
Вокругъ меня сбирается съ насмѣшкой;
Землетрясенья демонамъ свирѣпымъ
Довѣрена жестокая забава—

Изъ ранъ моихъ дрожащихъ дергать гвозди,
Когда за мной стѣна бездушныхъ скалъ
Раздвинется, чтобъ тотчасъ вновь сомкнуться;
Межъ тѣмъ какъ духи бурь изъ безднъ гудящихъ
Торопятъ дикимъ воемъ ярость вихря,
Бѣгутъ, спѣшатъ нестройною толпой,
И бьютъ меня, и хлещутъ острымъ градомъ.

И все же мнѣ желанны день и ночь,
Блѣднѣетъ ли туманъ сѣдого утра,
Покорный свѣту солнечныхъ лучей,
Восходитъ ли по тусклому Востоку,
Межъ тучъ свинцовыхъ, Ночь въ одеждѣ звѣздной,
Медлительна и грустно-холодна,—
Они влекутъ семью часовъ безкрылыхъ,
Ползучую лѣнивую толпу,
И между ними будетъ часъ урочный,
Тебя онъ свергнетъ, яростный Тиранъ,
И вынудитъ—стереть лобзаньемъ жаднымъ
Потоки крови съ этихъ блѣдныхъ ногъ,
Хотя они тебя топтать не будутъ,
Такимъ рабомъ потеряннымъ гнушаясь.
Гнушаясь? Нѣтъ, о, нѣтъ! Мнѣ жаль тебя.
Какъ будешь ты ничтожно-беззащитенъ,
Какая гибель будетъ властно гнать
Отверженца въ бездонныхъ сферахъ Неба!
Твоя душа, растерзанная страхомъ,
Откроется, зіяя точно адъ!
Въ моихъ словахъ нѣтъ гнѣва, много скорби,
Ужь больше я не въ силахъ ненавидѣть:
Сквозь тьму скорбей я къ мудрости пришелъ.
Когда-то я дышалъ проклятьемъ страшнымъ,
Теперь его хотѣлъ бы я услышать,
Чтобъ взять его назадъ. Внемлите, Горы,
Чье Эхо чары горькаго проклятья
Разсыпало, развѣяло кругомъ,
Гремя стозвучно въ хорѣ водопадовъ!
О, льдистые холодные Ключи,

Покрытые морщинами Мороза,
Вы дрогнули, услышавши меня,
И съ трепетомъ тогда сползя съ утесовъ,
По Индіи поспѣшно потекли!
Ты, ясный Воздухъ, гдѣ блуждаетъ Солнце,
Пылая безъ лучей! И вы, о Вихри,
Безгласно вы повисли между скалъ,
Съ безжизненно-застывшими крылами,
Вы замерли надъ пропастью притихшей,
Межъ тѣмъ какъ громъ, что былъ сильный, чѣмъ вашъ,
Заставилъ міръ земной дрожать со стономъ!
О, если тѣ слова имѣли власть,—
Хоть зло во мнѣ теперь навѣкъ погасло,
Хоть ненависти собственной моей
Я болѣе не помню,—все-жъ прошу васъ,
Молю, не дайте имъ теперь погибнуть!
Въ чемъ было то проклятіе? Скажите!
Вы слушали, вы слышали тогда!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ: ИЗЪ ГОРЪ.

Много дней и ночей, трижды триста вѣковъ
Наполнялись мы лавой кипучей,
И, какъ люди, подъ бременемъ тяжкихъ оковъ,
Содрогались толпою могучей.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ: ОТЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Насъ пронзали стремительныхъ молній огни,
Оскверняли мы горькою кровью.
И внимали стенаньямъ свирѣпой рѣзни,
И дивились людскому злословью.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ: ИЗЪ ВОЗДУХА.

Съ первыхъ дней бытія надъ землей молодой
Я блисталъ по высотамъ и склонамъ,
И не разъ и не два мой покой золотой
Былъ смущенъ укоризненнымъ стономъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ: ОТЪ ВИХРЕЙ.

У подножія горъ мы крутились вѣка,
Мы внимали громовымъ ударамъ.

И смотрѣли, какъ лавы несется рѣка
Изъ вулкановъ, объятыхъ пожаромъ.
Не умѣли молчать и, чтобъ вѣчно звучать,
Мы желаньемъ ломали Безмолвья печать,
Отдаваясь ликующимъ чарамъ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Но лишь однажды ледники
До основанья пошатнулись,
Когда мы съ ужасомъ согнулись
Въ отвѣтъ на крикъ твоей тоски.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Всегда стремясь къ пустынѣ Моря,
Одинъ лишь разъ во тьмѣ временъ
Промчали мы протяжный стонъ
Нечеловѣческаго горя.
И вотъ морякъ, на днѣ ладьи
Лежавшій въ сонномъ забытьи,
Услышалъ ревъ пучины шумной,
Вскочилъ,—и, вскрикнувъ: «Горе мнѣ!»—
Онъ въ Море бросился, безумный,
И скрылся въ черной глубинѣ.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ.

Внимая страшнымъ заклинаньямъ,
Былъ такъ истерзанъ сводъ Небесъ,
Что между порванныхъ завѣсъ
Рыданья вторили рыданьямъ;
Когда жь лазурь сомкнулась вновь,
По небу выступила кровь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ.

А мы ушли къ высотамъ спящимъ
И тамъ дыханьемъ леденящимъ
Сковали шумный водопадъ;
Въ пещеры льдистыя бѣжали
И тамъ испуганно дрожали,
Глядя впередъ, глядя назадъ;
Отъ изумленья и печали,

Мы все молчали, *мы* молчали,
Хотя для насъ молчанье—адъ.

ЗЕМЛЯ.

Неровныхъ скалъ безгласныя Пещеры
Тогда вскричали: «Горе!» Сводъ Небесъ
Отвѣтилъ имъ протяжнымъ воплемъ: «Горе!»
И волны Моря, пурпуромъ покрывшись,
Карабкались на землю съ громкимъ воемъ,
Толпа вѣтровъ хлестала ихъ бичомъ,
И блѣдные дрожащіе народы
Внимали долгій возгласъ: «Горе! Горе!»

ПРОМЕТЕЙ.

Я слышу смутный говоръ голосовъ,
Но собственный мой голосъ дней далекихъ
Не слышенъ мнѣ. О мать моя, зачѣмъ
Глумишься ты съ толпой своихъ созданій
Надъ тѣмъ, безъ чьей все выносящей воли
Исчезла бъ ты съ семьей своихъ дѣтей
Подъ бѣшенствомъ свирѣпаго Тирана,
Какъ легкій дымъ незримо исчезаетъ,
Развѣянный дыханіемъ вѣтровъ.
Скажи мнѣ, вы не знаете—Титана,
Кто въ горечи своихъ терзаній жгучихъ
Нашелъ преграду вашему врагу?
Вы, горныя зеленыя долины,
Источники, питаемые снѣгомъ,
Чуть видные глубоко подо мной,
Лѣсовъ тѣнистыхъ смутныя громады,
Гдѣ съ Азіей когда-то я бродилъ,
Встрѣчая жизнь въ ея глазахъ любимыхъ,—
Зачѣмъ теперь тотъ духъ, что васъ живитъ,
Гнушается бесѣдовать со мною?
Со мною, кто одинъ вступилъ въ борьбу
И всталъ лицомъ къ лицу съ коварной силой
Властителя заоблачныхъ высотъ,
Насмѣшливо глядящаго на Землю,

Гдѣ стонами измученныхъ рабовъ
Наполнены безбрежныя пустыни.
Зачѣмъ же вы безмолвствуете? Братья!
Дадите ли отвѣтъ?

ЗЕМЛЯ.

Они не смѣютъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Но кто жь тогда посмѣетъ? Я хочу
Опять услышать звуки заклинанья.
А! Что за страшный шопотъ пробѣжалъ.—
Встаетъ, ростетъ! Какъ будто стрѣлы молній
Дрожатъ, готовясь бурно разразиться.
Стихійный голосъ Духа смутно шепчетъ,
Онъ близится ко мнѣ, я съ нимъ сливаюсь.
Скажи мнѣ, Духъ, какъ проклялъ я его?

ЗЕМЛЯ.

Какъ можешь ты услышать голосъ мертвыхъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Ты—Духъ живой. Скажи, какъ жизнь сама
Сказала бы, ведя со мной бесѣду.

ЗЕМЛЯ.

Я знаю рѣчь живыхъ, но я боюсь,—
Жестокій Царь Небесъ меня услышитъ
И въ ярости привяжетъ къ колесу
Какой-нибудь свирѣпой новой пытки,
Больнѣй, чѣмъ та, которую терплю.
Въ тебѣ добро, ты можешь все постигнуть,
Твоя любовь свѣтла,—и, если Боги
Не слышатъ этотъ голосъ,—ты услышишь,
Ты болѣе, чѣмъ Богъ,—ты мудрый, добрый:
Такъ слушай же внимательно теперь.

ПРОМЕТЕЙ.

Какъ сумрачныя тѣни, быстрымъ роемъ,
Въ моемъ умѣ встаютъ и таютъ мысли,
И вновь трепещутъ страшною толпой.

Я чувствую, что все во мнѣ смѣшалось,
Какъ въ томъ, кто слился съ кѣмъ-нибудь въ объятьи;
Но въ этомъ нѣтъ восторга.

ЗЕМЛЯ.

Нѣтъ, о, нѣтъ,—
Услышать ты не можешь, ты безсмертенъ,
А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
Кто долженъ умереть.

ПРОМЕТЕЙ.

Печальный Голосъ!
Но кто же ты?

ЗЕМЛЯ.

Я мать твоя, Земля.
Та, въ чьей груди, въ чьихъ жилахъ каменистыхъ,
Во всѣхъ мельчайшихъ фибрахъ,—до листовъ,
Трепещущихъ на призрачныхъ вершинахъ
Деревьевъ высочайшихъ,—билась радость,
Какъ будто кровь въ живомъ и тепломъ тѣлѣ,
Когда отъ этой груди ты воспрянулъ,
Какъ духъ кипучій радости живой,
Какъ облако, пронизанное солнцемъ!
И внявъ твой голосъ, всѣ мои сыны
Приподняли измученныя лица,
Покрытыя обычной грязной пылью,
И нашъ Тиранъ, жестокій и всевластный,
Въ испугѣ жгучемъ сталъ дрожать, блѣднѣть,
Пока не грянулъ громъ ему въ защиту,
И ты, Титанъ, прикованъ былъ къ скалѣ.
И вотъ взгляни на эти милліоны
Міровъ, что мчатся въ пляскѣ круговой,
Со всѣхъ сторонъ пылая вѣчнымъ блескомъ:
Ихъ жители, взирая на меня,
Увидѣли, что свѣтъ мой гаснетъ въ Небѣ;
И встало Море съ ропотомъ протяжнымъ,
Приподнятое властью странной бури;
И столбъ огня, невиданнаго прежде,
Подъ гнѣвомъ Неба всталъ изъ снѣжныхъ горъ,
Тряся своей мохнатой головою;

Въ равнинахъ былъ Потопъ—и стрѣлы Молній,
Цвѣли волчцы средь мертвыхъ городовъ;
Въ чертогахъ жабы ползали, и пала
Чума на человѣка и звѣрей
И на червей, а съ ней явился Голодъ;
И черный вередъ глянулъ на растеньяхъ;
И тамъ, гдѣ прежде нѣжились хлѣба,
И тамъ, гдѣ виноградникъ былъ и травы,
Мелькнули ядовитые цвѣты,
И сорною толпой зашевелились,
И высосали грудь мою корнями,
И грудь моя изсохла отъ тоски;
Мое дыханье,—воздухъ утончённый,—
Мгновенно потемнѣло, запятналось
Той ненавистью жгучей, что возникла
У матери къ врагу ея дѣтей,
Къ врагу ея возлюбленнаго чада;
Я слышала проклятіе твое,
И если ты теперь его не помнишь,—
Мои моря, пещеры, сонмы горъ,
Мои ручьи, и тотъ далекій воздухъ,
И вѣтры, и несчетныя громады
Невнятно говорящихъ мертвецовъ
Хранятъ его, какъ талисманъ завѣтный.
Мы въ радованьи тайномъ размышляемъ,
Надѣемся на страшныя слова,
Но вымолвить не смѣемъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Мать моя!
Все, что живетъ, что бьется и страдаетъ,
Находитъ утѣшенье у тебя,
Цвѣты, плоды, и радостные звуки,
И сладкую, хоть бѣглую, любовь;
Не мой удѣлъ—извѣдать это счастье,
Но я свои слова прошу назадъ,
Отдай ихъ мнѣ, молю, не будь жестокой.

ЗЕМЛЯ.

Ты долженъ ихъ услышать. Такъ внимай же!
Въ тѣ дни, какъ не былъ прахомъ Вавилонъ,
Мой мудрый сынъ, кудесникъ Зороастръ,
Въ саду блуждая, встрѣтилъ образъ свой.
Изъ всѣхъ людей одинъ лишь онъ увидѣлъ
Видѣніе такое. Знай, что есть
Два міра: жизни міръ и блѣдной смерти.
Одинъ изъ нихъ ты видишь, созерцаешь,
Другой сокрытъ въ глубинахъ преисподнихъ,
Въ туманномъ обиталищѣ тѣней
Всѣхъ формъ, что дышутъ, чувствуютъ, и мыслятъ,
Покуда смерть ихъ вмѣстѣ не сведетъ
Навѣкъ туда, откуда нѣтъ возврата.
Тамъ сны людей, ихъ свѣтлыя мечтанья,
И все, чему упорно сердце вѣритъ,
Чего надежда ждетъ, любовь желаетъ;
Толпы видѣній, образовъ ужасныхъ,
Возвышенныхъ, и странныхъ, и таящихъ
Гармонію спокойной красоты;
Въ тѣхъ областяхъ и ты висишь, какъ призракъ
Страданьемъ искаженный, между горъ,
Гдѣ бурные гнѣздятся ураганы;
Всѣ боги тамъ, всѣ царственныя силы
Міровъ неизреченныхъ, сонмы духовъ,
Тѣней огромныхъ, властью облеченныхъ,
Герои, люди, звѣри; Демогоргонъ,
Чудовищнаго мрака воплощенье;
И онъ, Тиранъ верховный, на престолѣ
Огнисто-золотомъ. Узнай, мой сынъ,
Одинъ изъ этихъ призраковъ промолвитъ
Слова проклятья, памятнаго всѣмъ,—
Какъ только воззовешь протяжнымъ зовомъ,
Свою ли тѣнь, Юпитера, Гадеса,
Тифона, или тѣхъ Боговъ сильнѣйшихъ,
Властителей дробящагося Зла,
Что въ мірѣ распложаются обильно,
Съ тѣхъ поръ какъ ты погибъ, со дня, какъ стонутъ

Мои сыны, поруганныя чада.
Спроси, они должны тебѣ отвѣтить,
Спроси, и въ этихъ призракахъ безплотныхъ
Отмщеніе Всевышняго забьется,—
Какъ бурный дождь, гонимый быстромъ вѣтромъ,
Врывается въ покинутый чертогъ.

ПРОМЕТЕЙ.

О мать моя, хочу, чтобъ злое слово
Не высказано было мной опять
Иль кѣмъ-нибудь, въ комъ сходство есть со мною.
Подобіе Юпитера, явись!

ІОНА.

Крылами скрыла я глаза,
Крылами мой окутанъ слухъ,—
Но чу! мнѣ слышится гроза,
Но вотъ! встаетъ какой-то Духъ.
Сквозь мягкихъ перьевъ бѣлизну
Я вижу темную волну,—
И свѣтъ потухъ!
О только-бъ не было вреда
Тебѣ, чьи боли намъ больны,
Чьи пытки видимъ мы всегда,
Съ кѣмъ мы страдать должны.

ПАНТЕЯ.

Подземный смерчъ гудитъ вокругъ,
Звучитъ гряда разбитыхъ горъ,
Ужасенъ Духъ, какъ этотъ звукъ,
На немъ изъ пурпура уборъ.
Своею жилистой рукой
Онъ держитъ посохъ золотой.
О, страшный взоръ!
Свирѣпъ огонь глубокихъ глазъ,
Тотъ свѣточъ ненависть зажгла,
Онъ точно хочетъ мучить насъ,
Но самъ не терпитъ зла.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Зачѣмъ сюда велѣнье тайныхъ силъ,
Что властвуютъ надъ этимъ міромъ страннымъ,
Въ раскатахъ бурь закинуло меня,
Непрочное пустое привидѣнье?
Вкругъ устъ моихъ какіе звуки рѣютъ?
Не такъ во мракѣ, блѣдными устами,
Толпа видѣній шепчетъ межь собой.
И ты, скажи, страдалецъ гордый,—кто ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Ужасный Образъ! Вотъ таковъ, какъ ты,
И онъ, Тиранъ свирѣпый, тотъ, чьей тѣнью
Ты долженъ быть. Я врагъ его, Титанъ.
Скажи слова, которыя услышать
Желалъ бы я, хотя глухой твой голосъ
Не будетъ отраженьемъ думъ твоихъ.

ЗЕМЛЯ.

Внимайте всѣ, сдержавши голосъ Эхо,
Сѣдыя горы, древніе лѣса,
Семья ручьевъ, цвѣтами окруженныхъ,
Пророческихъ пещеръ, ключей, бѣгущихъ
Вкругъ пышныхъ островковъ,—ликуйте всѣ.
Внимая звукамъ страшнаго заклятья,
Котораго не можете сказать.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Какой-то духъ, меня своею силой
Окутавши, бесѣдуетъ во мнѣ.
Онъ рветъ меня, какъ тучу—стрѣлы молній.

ПАНТЕЯ.

Смотрите! онъ глядитъ могучимъ взглядомъ.
Надъ нимъ темнѣетъ Небо.

ІОНА.

Если бъ скрыться!
Куда бы скрыться мнѣ! Онъ говоритъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Въ его движеньяхъ, гордыхъ и холодныхъ,
Проклятіе сквозитъ. Я вижу взоры,
Въ нихъ свѣтится безстрашный вызовъ, твердость,
Отчаянье и ненависть,—и все
Какъ будто бы записано на свиткѣ.
О, говори, скорѣе говори!

ПРИЗРАКЪ.

Заклятый врагъ! Свирѣпствуй! Будь готовъ
Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
Тиранъ Людского рода и Боговъ,—
Есть духъ одинъ, что выше дикой власти.
Я здѣсь! Смотри! Бичуй меня
Морозомъ, язвою огня,
Громи вѣтрами, градомъ, бурей,
Какъ вѣстникъ ужаса приди,
За болью боль нагромозди,
Гони ко мнѣ скорѣй толпу голодныхъ фурій!

А! Сдѣлай все! Тебѣ запрета нѣтъ.
Ты всемогущъ,—собой лишь не владѣешь,
Да тѣмъ, что я хочу. Источникъ бѣдъ!
Ты бременемъ надъ міромъ тяготѣешь.
Пытай на медленномъ огнѣ
Меня и всѣхъ, кто дорогъ мнѣ;
Гонимый злобой вѣроломной,
Достигни грани роковой,
А я, съ подъятой головой,
Взгляну, какъ будешь ты гремѣть изъ тучи темной.

Но помни, Богъ и Царь среди Боговъ,
Ты, чьей душой исполненъ міръ мученій,
Ты, правящій подъ громкій звонъ оковъ,
И жаждущій колѣнопреклоненій,
Тебя, мучитель, проклялъ я,
Съ тобою ненависть моя,
Она тебя отравитъ ядомъ,

Вѣнецъ, въ которомъ будетъ зло,
Тебѣ надѣнетъ на чело,
На тронѣ золотомъ съ тобою сядетъ рядомъ.

Будь проклятъ! Знай: тебѣ придетъ пора,
Одинъ, ты встрѣтишь вражескую Вѣчность,
И, зло любя, познаешь власть добра,
Извѣдаешь мученій безконечность.
Да будетъ! Дѣлай зло—и жди,
Потомъ къ возмездію приди,—
Лишенный царскаго убранства,
Исчерпавъ бѣшенство и ложь,
Позорнымъ плѣнникомъ падешь,
Въ безбрежности временъ, въ безбрежности пространства.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи, о Мать, мои слова то были?

ЗЕМЛЯ.

Твои слова.

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ жаль. Они безплодны.
Я не хочу, чтобъ кто-нибудь страдалъ.

ЗЕМЛЯ.

О, гдѣ для горя взять мнѣ силъ!
Теперь Юпитеръ побѣдилъ.
Реви, гремучій Океанъ!
Поля, покройтесь кровью ранъ!
О Духи мертвыхъ и живыхъ,
Рыдайте въ мукахъ огневыхъ,
Земля отвѣтитъ вамъ на стонъ,—
Кто былъ защитой вамъ, разбитъ и побѣжденъ!

ПЕРВОЕ ЭХО.

Разбитъ и побѣжденъ!

ВТОРОЕ ЭХО.

И побѣжденъ!

ІОНА.

Не бойтесь: это лишь порывъ,
Титанъ еще не побѣжденъ;
Но тамъ, взгляните за обрывъ,
За снѣжный горный склонъ:
Воздушный Призракъ тамъ спѣшитъ,
Подъ нимъ лазурь Небесъ дрожитъ,
Крутится тучекъ длинный рядъ;
Блестя отдѣлкой дорогой,
Его сандаліи горятъ;
Подъятой правою рукой
Какъ будто онъ грозитъ,—и въ ней
Сверкаетъ жезлъ, и вкругъ жезла
То меркнетъ свѣтъ, то вспыхнетъ мгла,—
Играютъ кольца змѣй.

ПАНТЕЯ.

Юпитера герольдъ, спѣшитъ Меркурій.

ІОНА.

А тамъ за нимъ? Несчетная толпа,—
Видѣнія съ желѣзными крылами,
Съ кудрями гидры,—вотъ, они плывутъ,
Ихъ воплями смущенъ далекій воздухъ,
И гнѣвный Богъ, нахмурившись, грозитъ имъ.

ПАНТЕЯ.

Юпитера прожорливые псы,
Въ раскатахъ бурь бѣгущія собаки,
Которыхъ онъ накармливаетъ кровью,
Когда несется въ сѣрныхъ облакахъ,
Предѣлы Неба громомъ разрывая.

ІОНА.

Куда-жь они теперь спѣшатъ
Неисчислимыми толпами?
Покинувъ пытокъ темный адъ,
Питаться новыми скорбями!

ПАНТЕЯ.

Титанъ глядитъ не гордо, но спокойно.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

А! Запахъ жизни здѣсь я слышу!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Дай мнѣ
Лишь заглянуть въ лицо ему!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Надежда
Его терзать мнѣ сладостна, какъ мясо
Гніющихъ тѣлъ на стихшемъ полѣ битвы
Для хищныхъ птицъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Еще ты будешь медлить,
Герольдъ! Впередъ, смѣлѣй, Собаки Ада!
Когда же Майи сынъ намъ пищу дастъ?
Кто можетъ Всемогущему надолго
Угоднымъ быть?

МЕРКУРІЙ.

Назадъ! къ желѣзнымъ башнямъ!
Голодными зубами скрежещите
Вблизи потока воплей и огня!
Ты, Геріонъ, возстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинксъ, изъ демоновъ хитрѣйшій,
Что Ѳивамъ далъ небесное вино,
Отравленное ядомъ,—далъ уродство
Чудовищной любви, страшнѣйшей злобы:
Они за васъ свершатъ задачу вашу.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

О, сжалься, сжалься! Мы умремъ сейчасъ
Отъ нашего желанья. Не гони насъ.

МЕРКУРІЙ.

Тогда лежите смирно и молчите.—
Страдалецъ грозный, я къ тебѣ пришелъ
Безъ всякаго желанья, противъ воли,

Иду, гонимый тягостнымъ велѣньемъ
Всевышняго Отца, дабы свершить
Замышленную пытку новой мести.
Мнѣ жаль тебя, себя я ненавижу
За то, что сдѣлать большаго не въ силахъ.
Увы, едва вернусь я отъ тебя,
Какъ Небо представляется мнѣ Адомъ,—
И день и ночь преслѣдуетъ меня
Измученный, истерзанный твой образъ,
Съ улыбкой укоризненной. Ты—мудрый,
Ты—кроткій, добрый, твердый,—но зачѣмъ же
Напрасно ты упорствуешь одинъ
Въ борьбѣ со Всемогущимъ? Иль не видишь,
Что яркіе свѣтильники небесъ,
Медлительное время измѣряя,
Тебѣ гласятъ о тщетности борьбы,
И будутъ вновь и вновь гласить все то же.
И вотъ опять Мучитель твой, задумавъ
Тебя подвергнуть пыткамъ, страшной властью
Облекъ тѣ силы злыя, что въ Аду
Неслыханныя муки измышляютъ.
Мой долгъ—вести сюда твоихъ враговъ,
Нечистыхъ, ненасытныхъ, изощренныхъ
Въ свирѣпости,—и здѣсь оставить ихъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь ты же знаешь тайну,
Сокрытую отъ всѣхъ живыхъ существъ,
Способную исторгнуть власть надъ Небомъ
Изъ рукъ того, кто ею облеченъ,
И дать ее другому; этой тайны
Страшится нашъ верховный Повелитель:
Одѣнь ее въ слова, и пусть она
Придетъ къ его стопамъ, какъ твой заступникъ;
Склони свой духъ къ мольбѣ, и будь какъ тотъ,
Кто молится въ великолѣпномъ храмѣ,
Согнувъ колѣна, гордость позабывъ:
Ты знаешь, что даянье и покорность
Смиряютъ самыхъ дикихъ, самыхъ сильныхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Злой умъ мѣняетъ доброе согласно
Своей природѣ. Кто его облекъ
Могучей властью? Я! А онъ въ отплату
Меня сковалъ на мѣсяцы, на годы,
На долгіе вѣка,—и Солнце жжетъ
Изсохшую, израненную кожу,—
И холодъ Ночи снѣжные кристаллы,
Смѣясь, бросаетъ въ волосы мои,
Въ то время какъ мои любимцы, люди,
Для слугъ его потѣхой стали. Такъ-то
Тиранъ платить умѣетъ за добро!
Что-жь, это справедливо: злыя души
Принять добра не могутъ: дай имъ міръ,—
Въ отвѣтъ увидишь страхъ, и стыдъ, и злобу,
Но только не признательность. Онъ мститъ мнѣ
За рядъ своихъ же низкихъ злодѣяній.
Для душъ такихъ добро—больнѣй упрека,
Оно терзаетъ, ранитъ ихъ, и жалитъ,
И спать имъ не даетъ, твердя о Мести.
Покорности онъ хочетъ? Нѣтъ ея!
И что сокрыто въ томъ зловѣщемъ словѣ?
Глухая смерть и рабство для людей.
Покорность—Сицилійскій мечъ, дрожащій
На волоскѣ надъ царскою короной,—
Онъ могъ бы взять ее, но я не дамъ.
Другіе пусть потворствуютъ Злодѣйству,
Пока оно, безчинствуя, царитъ.
Имъ нечего бояться: Справедливость,
Достигнувъ торжества, карать не будетъ,
А только съ состраданіемъ оплачетъ
Мученія свои. И вотъ я жду.
А часъ возмездья близится, и даже
Пока мы рѣчь ведемъ, онъ ближе сталъ.
Но слышишь—то ревутъ собаки Ада,
Скорѣй, не медли, Небо омрачилось,
Нахмурился во гнѣвѣ твой Отецъ.

МЕРКУРІЙ.

О, если бъ можно было намъ избѣгнуть:
Тебѣ—страданій, мнѣ—постылой кары
Быть вѣстникомъ твоихъ скорбей. Отвѣть мнѣ,
Ты знаешь, сколько времени продлится
Владычество Юпитера?

ПРОМЕТЕЙ.

Одно лишь
Открыто мнѣ: оно должно пройти.

МЕРКУРІЙ.

Увы, не можешь ты исчислить, сколько
Еще придетъ къ тебѣ жестокихъ мукъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Пока царитъ Юпитеръ, будутъ пытки—
Не менѣе, не болѣе.

МЕРКУРІЙ.

Помедли,
Мечтой въ нѣмую Вѣчность погрузись,
Туда, гдѣ все, что Время записало,
Все то, что можемъ въ мысляхъ мы увидѣть,
Вѣка, загроможденные вѣками,
Лишь точкой представляются,—куда
Смущенный умъ идти не можетъ больше,—
Въ предѣлы, гдѣ, уставши отъ полета,
Онъ падаетъ и кружится во тьмѣ,
Потерянный, ослѣпшій, безпріютный,—
Быть можетъ, даже тамъ ты счесть не сможешь
Всей бездны лѣтъ, которыя придутъ
Съ безсмѣннымъ рядомъ новыхъ-новыхъ пытокъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Быть можетъ, умъ безсиленъ счесть мученья,—
И все-жь они проходятъ.

МЕРКУРІЙ.

Если бъ ты
Могъ жить среди Боговъ, овѣянъ нѣгой!

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ лучше здѣсь,—висѣть въ ущельи мертвомъ,
Не вѣдая раскаянья.

МЕРКУРІЙ.

Увы!
Дивлюсь тебѣ, и все-жь тебя жалѣю.

ПРОМЕТЕЙ.

Жалѣй рабовъ Юпитера покорныхъ,
Снѣдаемыхъ презрѣніемъ къ себѣ,
Меня жалѣть нельзя, мой духъ спокоенъ,
Въ немъ ясный миръ царитъ, какъ въ солнцѣ—пламя.
Но что̀ слова! Зови скорѣй враговъ.

ІОНА.

Сестра, взгляни, огнемъ бездымно-бѣлымъ
Разбило стволъ того густого кедра,
Окутаннаго снѣгомъ. Что̀ за гнѣвъ
Звучитъ въ раскатахъ яростнаго грома!

МЕРКУРІЙ.

Его словамъ, а также и твоимъ,
Я долженъ быть послушенъ. Какъ мнѣ трудно!

ПАНТЕЯ.

Смотри, ты видишь, тамъ дитя Небесъ
Бѣжитъ, скользитъ крылатыми ногами
По косвенной покатости Востока.

ІОНА.

Сестра моя, сверни скорѣе крылья,
Закрой глаза: увидишь ихъ—умрешь:
Они идутъ, идутъ, рожденье дня
Несчетными крылами затемняя,
Какъ смерть, пустыми снизу.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Прометей!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Титанъ безсмертный!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Другъ Людского рода!

ПРОМЕТЕЙ.

Тотъ, кто здѣсь слышитъ этотъ страшный голосъ,
Титанъ плѣненный, Прометей. А вы,
Чудовищныя формы,—что вы, кто вы?
Еще ни разу Адъ, всегда кипящій
Уродствами, сюда не высылалъ
Такихъ кошмаровъ гнусныхъ, порожденныхъ
Умомъ Тирана, жаднымъ къ безобразью;
Смотря на эти мерзостныя тѣни,
Какъ будто бы я дѣлаюсь подобенъ
Тому, что созерцаю,—и смѣюсь,
И глазъ не отрываю, проникаясь
Чудовищнымъ сочувствіемъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Мы—слуги
Обмановъ, пытокъ, страха, преступленья
Когтистаго и цѣпкаго; всегда,
Подобныя собакамъ исхудалымъ,
Что жадно гонятъ раненую лань,
Мы гонимся за всѣмъ, что плачетъ, бьется,
Живетъ и намъ дается на забаву,
Когда того захочетъ высшій Царь.

ПРОМЕТЕЙ.

О, множество ужаснѣйшихъ созданій
Подъ именемъ однимъ! Я знаю васъ.
И гладь озеръ, и стонущее Эхо
Знакомы съ шумомъ вашихъ темныхъ крылъ.
Но все жь зачѣмъ другой, кто васъ ужаснѣй,
Изъ бездны вызвалъ ваши легіоны?

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Не знаемъ. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

ПРОМЕТЕЙ.

Что можетъ въ безобразьи ликовать?

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Влюбленные, взирая другъ на друга,
Отъ прелести восторга веселѣютъ:
Равно и мы. И какъ отъ яркихъ розъ
Воздушный свѣтъ струится, нѣжно-алый,
На блѣдное лицо склоненной жрицы,
Для празднества сплетающей вѣнокъ,
Такъ съ нашихъ жертвъ, съ ихъ мрачной агоніи,
Струится тѣнь и падаетъ на насъ,
Давая вмѣстѣ съ формой одѣянье,
А то бы мы безъ образа дышали,
Какъ наша мать, безформенная Ночь.

ПРОМЕТЕЙ.

Смѣюсь надъ вашей властію, надъ тѣмъ,
Кто васъ послалъ сюда для низкой цѣли.
Презрѣнныя! Исчерпайте всѣ пытки!

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Не думаешь ли ты, что мы начнемъ
Срывать отъ кости кость и нервъ отъ нерва?

ПРОМЕТЕЙ.

Моя стихія—боль, твоя—свирѣпость.
Терзайте. Что мнѣ въ томъ!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Да ты какъ будто
Узналъ, что мы всего лишь посмѣемся
Въ твои глаза, лишенные рѣсницъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Что дѣлаете вы, о томъ не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьемъ зла. О, какъ жестоко
То властное велѣніе, которымъ
Вы созданы, и все, что такъ же низко!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Подумалъ ли о томъ, что мы способны
Тобою жить, въ тебѣ, черезъ тебя,

Одна, другая, третья, всей толпою?
И если омрачить не можемъ душу,
Горящую внутри,—мы сядемъ рядомъ,
Какъ праздная крикливая толпа,
Что портитъ ясность духа самыхъ мудрыхъ.
Въ твоемъ умѣ мы будемъ страшной думой,
Желаньемъ грязнымъ въ сердцѣ изумленномъ,
И кровью въ лабиринтѣ жилъ твоихъ,
Ползущей жгучимъ ядомъ агоніи.

ПРОМЕТЕЙ.

Иначе быть не можете. А я
Попрежнему—владыка надъ собою,
И роемъ пытокъ такъ же управляю,
Какъ вами—вашъ Юпитеръ.

ХОРЪ ФУРІЙ.

Отъ предѣловъ земли, отъ предѣловъ земли,
Гдѣ и Утро и Ночь полусумракъ сплели,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Вы, отъ возгласовъ чьихъ стонъ стоитъ на холмахъ,
Въ часъ, когда города разсыпаются въ прахъ,
Вы, что мчитесь межь тучъ, разрушенье творя,
И безкрылой стопой возмущая моря,
Вы, что гоните смерчъ, промелькнувшій вдали,
Чтобъ со смѣхомъ губить и топить корабли,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Бросьте сонныхъ мертвецовъ,
Тѣхъ, что дремлютъ сномъ вѣковъ;
Дайте отдыхъ лютой злобѣ,
Пусть до времени она
Спитъ, какъ въ тихомъ черномъ гробѣ,—
Встанетъ свѣжей послѣ сна,—
Радость вашего возврата.
Бросьте юные умы,—
Въ нихъ дыханіе разврата
Вскормитъ бѣшенство чумы.
Пусть безумецъ тайну Ада
Не измѣритъ силой взгляда;

Страхомъ собственнымъ смущенъ,
Будетъ вдвое мучимъ онъ.
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Мы бѣжимъ изъ мрачныхъ вратъ,
Сзади воетъ шумный Адъ,
Мы плывемъ,
Громъ усилилъ свой раскатъ,
Васъ на помощь мы зовемъ!

ІОНА.

Сестра, я слышу грохотъ новыхъ крыльевъ.

ПАНТЕЯ.

Оплоты скалъ дрожатъ отъ этихъ звуковъ,
Какъ чуткій воздухъ. Сонмы ихъ тѣней
Рождаютъ мракъ темнѣе черной ночи.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Къ намъ домчался быстрый зовъ,
Насъ умчалъ среди вѣтровъ,
Съ красныхъ пажитей войны;

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Прочь отъ людныхъ городовъ;

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всѣ улицы полны
Стономъ тѣхъ, кто хочетъ ѣсть;

ЧЕТВЕРТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всечасно льется кровь,
Гдѣ страдающихъ не счесть;

ПЯТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ пылаютъ вновь и вновь,
Въ яркомъ пламени печей,
Бѣлыхъ, жаркихъ—

ОДНА ИЗЪ ФУРІЙ.

Стой, молчи,
Вмигъ прервемъ потокъ рѣчей,
Не шепчи:

Если втайнѣ сохранимъ,
Въ чемъ—страшнѣйшая бѣда,
Непокорнаго тогда
Мы скорѣе побѣдимъ,
Мы его поработимъ,
А теперь, Поборникъ Мысли, онъ еще неукротимъ.

ФУРІЯ.

Порви покровъ!

ДРУГАЯ ФУРІЯ.

Онъ порванъ, онъ разорванъ!

ХОРЪ.

Встала, выросла бѣда!
Съ Неба свѣтитъ на нее
Утра блѣдная звѣзда.
Что, спокойствіе свое
Позабылъ, Титанъ?
Ты падешь,
Не снесешь
Новыхъ ранъ!
Что-жь, ты похвалишь то знанье, что въ душахъ людей пробудилъ?
Дать имъ сумѣлъ только жажду,—а чѣмъ же ты ихъ напоилъ?
Далъ имъ надежду, желанья, любви лихорадочный бредъ,
Воды ключей мелководныхъ,—безплодный вопросъ,— не отвѣтъ.

Видишь мертвыя поля,
Видишь, видишь, вся Земля
Кровью залита.
Вотъ пришелъ одинъ, съ душой
Нѣжной, кроткой и святой,
Молвили уста
Тѣ слова, что будутъ жить
Послѣ смерти этихъ устъ,
Будутъ истину душить,
Будетъ міръ угрюмъ и пустъ.
Видишь, дальній небосклонъ

Дымомъ яростнымъ смущенъ:
Въ многолюдныхъ городахъ
Крикъ отчаянья и страхъ.
Плачетъ нѣжный духъ того,
Кто страдалъ отъ слезъ людскихъ:
Кроткимъ именемъ его
Губятъ тысячи другихъ.
Вотъ, взгляни еще, взгляни:
Гдѣ-жь блестящіе огни?
Точно искрится свѣтлякъ,
Чуть смущая лѣтній мракъ.
Тлѣютъ угли,—вкругъ углей
Сонмъ испуганныхъ тѣней.
Всѣ глядятъ по сторонамъ.
Радость, радость, радость намъ!
Всѣ вѣка временъ прошедшихъ громоздятся вкругъ тебя,
Мракъ въ грядущемъ, всѣ столѣтья помнятъ только про себя,
Настоящее простерлось, какъ подушка изъ шиповъ,
Для тебя, Титанъ безсонный, для твоихъ надменныхъ сновъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Агонія верхъ взяла:
Онъ трепещетъ, онъ дрожитъ,
Съ поблѣднѣвшаго чела
Кровь мученія бѣжитъ.
Пусть немного отдохнетъ:
Вотъ, обманутый народъ
Отъ отчаянья возсталъ,
Полднемъ яркимъ заблисталъ,
Правды хочетъ, Правды ждетъ,
Воли духъ его ведетъ:—
Всѣ какъ братья стали вновь,
Ихъ зоветъ дѣтьми Любовь—

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Стой, гляди, еще народъ,
Братъ на брата, всѣ на всѣхъ,
Жатву пышную сберетъ
Вмѣстѣ съ смертью черный грѣхъ:

Кровь, какъ новое вино,
Шумно бродитъ, заодно
Съ горькимъ страхомъ,—гибнетъ міръ,
Тлѣетъ, гаснетъ,—и тирановъ, и рабовъ зоветъ на пиръ.

(Всѣ Фуріи исчезаютъ, кромѣ одной).

ІОНА.

Сестра, ты слышишь, какъ благой Титанъ
Въ мученьяхъ стонетъ,—тихо, но ужасно,—
Какъ будто грудь его должна порваться:
Такъ бурный смерчъ взрываетъ глубь морей,
И стонутъ вдоль по берегу пещеры.
Быть можетъ, ты осмѣлишься взглянуть,
Какъ лютые враги его терзаютъ?

ПАНТЕЯ.

Смотрѣла дважды,—больше не могу.

ІОНА.

Что-жь видѣла?

ПАНТЕЯ.

Ужасное! прибитый
Къ кресту, печальный юноша, со взоромъ,
Исполненнымъ терпѣнья.

ІОНА.

Что еще?

ПАНТЕЯ.

Кругомъ—все небо, снизу—вся земля
Усѣяны толпой тѣней ужасныхъ,
Нѣмыхъ видѣній смерти человѣка,
Сплетенныхъ человѣческой рукой;
Иныя представляются созданьемъ
Людскихъ сердецъ: толпы людскія гибнутъ
Отъ одного движенья устъ и глазъ;
Еще другія бродятъ привидѣнья,
На нихъ взглянуть—и послѣ жить нельзя,
Не станемъ искушать сильнѣйшій ужасъ,
Къ чему смотрѣть, когда мы слышимъ стоны?

ФУРІЯ.

Замѣть эмблему: кто выноситъ зло
За человѣка, кто гремитъ цѣпями,
Идетъ въ изгнанье,—тотъ лишь громоздитъ
И на себя и на него страданья
Все новыя и новыя.

ПРОМЕТЕЙ.

Смягчи
Мучительную боль очей горящихъ;
Пусть губы искаженныя сомкнутся;
Пускай съ чела, увитаго шипами,
Не льется кровь,—мѣшается она
Съ росою глазъ твоихъ! О, дай орбитамъ,
Которыя вращаются въ испугѣ,
Узнать недвижность смерти и покоя;
И пусть твоей угрюмой агоніей
Не будетъ сотрясаться этотъ крестъ,
И пальцы блѣдныхъ рукъ играть не будутъ
Запекшеюся кровью. Не хочу
Назвать тебя по имени. Ужасно!
Оно проклятьемъ стало. Вижу, вижу
Возвышенныхъ, и мудрыхъ, и правдивыхъ;
Твои рабы ихъ съ ненавистью гонятъ;
Иныхъ нечистой ложью отпугнули
Отъ очага ихъ собственныхъ сердецъ,
Оплаканнаго послѣ—слишкомъ поздно;
Иные цѣпью скованы съ тѣлами,
Гніющими въ темницахъ нездоровыхъ;
Иные—чу!—толпа хохочетъ дико!—
Прикованы надъ медленнымъ огнемъ.
И множество могучихъ царствъ проходитъ,—
Плывутъ у ногъ моихъ, какъ острова,
Изъ глубины исторгнутые съ корнемъ;
Ихъ жители—всѣ вмѣстѣ, въ лужахъ крови,
Въ грязи, облитой заревомъ пожаровъ.

ФУРІЯ.

Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;

Но худшее, неслышимо, незримо,
Сокрыто позади.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи!

ФУРІЯ.

Въ душѣ
У каждаго, кто пережилъ погибель,
Рождается боязнь; высокій духомъ
Боится увидать, что вѣрно то,
О чемъ онъ даже мыслить не хотѣлъ бы;
Встаетъ обычай вмѣстѣ съ лицемѣрьемъ,
Какъ капища, гдѣ молятся тому,
Что совѣстью изношено. Не смѣя
О томъ, что людямъ нужно, размышлять,
Они не сознаютъ, чего не смѣютъ.
У добраго нѣтъ силы, кромѣ той,
Что позволяетъ плакать безнадежно.
У сильныхъ нѣтъ того, что имъ нужнѣе,
Чѣмъ что-нибудь другое,—доброты.
Мудрецъ лишенъ любви, а тотъ, кто любитъ,
Не знаетъ свѣта мудрости,—и въ мірѣ
Все лучшее живетъ въ объятьяхъ зла.
Для многихъ, кто богатъ и власть имѣетъ,
Является мечтою справедливость,
А между тѣмъ среди скорбящихъ братьевъ
Они живутъ, какъ будто бы никто
Не чувствовалъ: не знаютъ, что творятъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова—какъ туча змѣй крылатыхъ,
И все же я жалѣю тѣхъ, кого
Не мучаютъ они.

ФУРІЯ.

Ты ихъ жалѣешь?
Нѣтъ больше словъ!

(Исчезаетъ)

ПРОМЕТЕЙ.

О, горе мнѣ! О, горе!
Тоска всегда! Навѣки ужасъ пытки!
Глаза мои, безъ слезъ, закрыты—тщетно:
Въ душѣ, терзаньемъ жгучимъ озаренной,
Яснѣй лишь вижу всѣ твои дѣянья,
Утонченный тиранъ! Въ могилѣ—миръ.
Въ могилѣ все скрывается благое,
Прекрасное, но я, какъ Богъ, безсмертенъ,
И смерти не хочу искать. О, пусть,
Свирѣпый царь, ты страшно мстить умѣешь.—
Въ отмщеньи нѣтъ побѣды. Тѣ видѣнья,
Которыми ты мучаешь меня,
Моей душѣ терпѣнья прибавляютъ,
И часъ придетъ, и призраки не будутъ
Прообразомъ дѣйствительныхъ вещей.

ПАНТЕЯ.

Увы! Что видѣлъ ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Есть два мученья:
Одно—смотрѣть, другое—говорить;
Избавь меня отъ одного. И слушай:
Въ святилищахъ Природы внесены
Завѣтныя слова,—то кличъ безгласный,
Къ высокому и свѣтлому зовущій.
На тотъ призывъ, какъ человѣкъ одинъ,
Сошлись народы, громко восклицая:
«Любовь, свобода, правда!» Вдругъ съ небесъ
Неистовство, какъ молнія, упало
Въ толпу людей,—борьба, обманъ и страхъ,—
И вторгнулись тираны, раздѣляя
Добычу межъ собою. Такъ я видѣлъ
Тѣнь истины.

ЗЕМЛЯ.

Возлюбленный мой сынъ,
Я чувствовала всѣ твои мученья,

Съ той смѣшанною радостью, что въ сердцѣ
Встаетъ отъ чувства доблести и скорби.
Чтобъ дать тебѣ вздохнуть, я позвала
Прекрасныхъ легкихъ духовъ, чье жилище—
Въ пещерахъ человѣческихъ умовъ;
Какъ птицы рѣютъ крыльями по вѣтру,
Такъ эти духи носятся въ эѳирѣ;
За нашимъ царствомъ сумерекъ они,
Какъ въ зеркалѣ, грядущее провидятъ;
Они придутъ, чтобъ усладить тебя.

ПАНТЕЯ.

О сестра, посмотри, тамъ сбираются духи толпой,
Точно хлопья играющихъ тучекъ на утрѣ весны,
Наполняютъ просторъ голубой.

ІОНА.

Посмотри, вонъ еще, какъ туманы среди тишины,
Что встаютъ съ родника, если вѣтры усталые спятъ,
И встаютъ, и спѣшатъ по оврагу скорѣй и скорѣй.
Слышишь? Что̀ это? Музыка сосенъ? Вершины шумятъ?
Или озеро плещетъ? Иль шепчетъ ручей?

ПАНТЕЯ.

Это что-то гораздо печальнѣй, гораздо нѣжнѣй.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съ незапамятныхъ временъ
Мы не дремлемъ надъ толпой
Человѣческихъ племенъ,
Угнетаемыхъ судьбой.
Мы услада всѣхъ скорбей,
Мы защитники людей,
Мы печалимся о нихъ,
Дышемъ въ помыслахъ людскихъ,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ;
Если тамъ сгустится тьма,
Если тамъ за лѣтнимъ днемъ
Встанетъ бурная зима;—
Или все опять свѣтло,

Словно въ часъ, когда рѣка—
Какъ недвижное стекло,
Гдѣ не таютъ облака;—
Легче вольныхъ рыбъ морскихъ,
Легче птицъ въ дыханьи бурь,
Легче помысловъ людскихъ,
Вѣчно мчащихся въ лазурь,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ
Мы какъ тучки вешнимъ днемъ;
Ищемъ молній и зарницъ,
Медлимъ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.
Мы для всѣхъ, кто твердъ въ борьбѣ.
Тотъ завѣтъ несемъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

ІОНА.

Еще, еще приходятъ другъ за другомъ,
И воздухъ, окружающій видѣнья,
Блистателенъ, какъ воздухъ вкругъ звѣзды.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Прочь отъ яростной борьбы,
Гдѣ сошлись на зовъ трубы
Возмущенные рабы,
Я летѣлъ среди зыбей,
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй.
Все смѣшалось тамъ, какъ сонъ,
Тѣнь разорванныхъ знаменъ,
Тамъ глухой протяжный стонъ
Мчится въ меркнущую твердь:
«Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
Но одинъ побѣдный звукъ,
Выше мрака и могилъ,
Выше судорожныхъ рукъ,
Всюду двигался и жилъ,—
Нѣжно въ яростной борьбѣ
Тотъ завѣтъ звучалъ, любя,

Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Замокъ радуги стоялъ,
Въ морѣ снизу бился валъ;
Побѣдительно могучъ,
Призракъ бури прочь бѣжалъ,
Между плѣнныхъ, между тучъ,
Жгучихъ молній яркій лучъ
Пополамъ ихъ раздѣлялъ.
Посмотрѣлъ я внизъ—и вотъ
Вижу, гибнетъ мощный флотъ,
Точно щепки—корабли,
Бьются, носятся вдали,
Вотъ ихъ волны погребли,—
Точно адъ кругомъ возсталъ,
Бѣлой пѣной заблисталъ.
Точно въ хрупкомъ челнокѣ,
Плылъ спасенный, на доскѣ,
Врагъ его невдалекѣ,
Обезсилѣвъ, шелъ во тьму—
Доску отдалъ онъ ему,
Самъ, смиряясь, утонулъ,
Но предъ смертію вздохнулъ,
Былъ тотъ вздохъ воздушнѣй грезъ,
Онъ меня сюда принесъ.

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

У постели мудреца
Я, незримый, молча ждалъ;
Красный свѣтъ огня блисталъ
Возлѣ блѣднаго лица:
Книгу тотъ мудрецъ читалъ.
Вдругъ на пламенныхъ крылахъ
Началъ рѣять легкій Сонъ,
Я узналъ, что это онъ,
Тотъ же самый, что въ сердцахъ
Много лѣтъ назадъ зажегъ

Вдохновенье и печаль,
Ослѣпительный намекъ,
Тѣнь огня, что манитъ вдаль.
Онъ меня сюда увлекъ—
Быстро, быстро, точно взглядъ.
Прежде чѣмъ настанетъ день,
Долженъ онъ летѣть назадъ,
А не то сгустится тѣнь
Въ сонныхъ думахъ мудреца,
И, проснувшись, онъ весь день
Не прогонитъ эту тѣнь
Съ омраченнаго лица.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

У поэта на устахъ,
Какъ влюбленный, я дремалъ
Въ упоительныхъ мечтахъ;
Онъ едва-едва дышалъ.
Онъ не ищетъ нѣгъ земныхъ,
Знаетъ ласки устъ иныхъ,
Поцѣлуи красоты,
Что живетъ въ глуши мечты;
Любитъ онъ лелѣять взоръ,—
Не волнуясь, не ища,—
Блескомъ дремлющихъ озеръ,
Видомъ пчелъ въ цвѣтахъ плюща;
Онъ не знаетъ, что̀ предъ нимъ,
Занятъ помысломъ однимъ:
Изъ всего онъ создаетъ
Стройность дышущихъ тѣней,
Имъ дѣйствительность даетъ,
Что прекраснѣй и полнѣй,
Чѣмъ живущій человѣкъ,
Долговѣчнѣй блѣдныхъ дней,
И живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.
Изъ видѣній тѣхъ одно
Сна разрушило звено,—
Я скорѣй умчался прочь,
Я хочу тебѣ помочь.

ІОНА.

Ты видишь, два видѣнія сюда
Отъ запада летятъ и отъ востока,
Созданія воздушныхъ высшихъ сферъ,
Какъ близнецы, какъ голуби, что мчатся
Къ родимому гнѣзду,—плывутъ, скользятъ,—
Ты слышишь звуки нѣжныхъ пѣснопѣній,
Плѣнительно-печальныхъ голосовъ,
Съ любовью въ нихъ отчаянье смѣшалось!

ПАНТЕЯ.

Ты говоришь! Во мнѣ слова погасли.

ІОНА.

Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Видишь,
Какъ свѣтятся измѣнчивыя крылья,
То облачно-пурпурныя, то вновь
Лазурныя и нѣжно-золотыя;
Улыбкой ихъ окрестный воздухъ дышетъ
И свѣтится, какъ въ пламени звѣзды.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Ты видѣлъ нѣжный ликъ Любви?

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Летѣлъ я надъ пустыней,
Какъ облачко, спѣшилъ, скользилъ въ пространствѣ тверди синей;
И этотъ призракъ ускользалъ на крыльяхъ искрометныхъ,
Звѣзда—въ челѣ, восторгъ живой—въ движеньяхъ беззаботныхъ;
Куда ни ступитъ, вмигъ цвѣты воздушные блистаютъ,
Но я иду, они за мной, блѣднѣя, увядаютъ.
Зіяла гибель позади: безглавые герои,
Толпы безумныхъ мудрецовъ, страдальцевъ юныхъ рои
Сверкали въ сумракѣ ночномъ. Блуждалъ я въ безднѣ зыбкой,
Пока твой взоръ, о Царь скорбей, не скрасилъ все улыбкой.

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

О духъ родной! Отчаянье живетъ въ нездѣшней мглѣ,

Не носится по воздуху, не ходитъ по землѣ,
Придетъ оно безъ шороха и вѣяньемъ крыла
Навѣетъ упованія въ сердца, что выше зла,
И лживое спокойствіе отъ тѣхъ безшумныхъ крылъ
Въ сердцахъ, что дышутъ нѣжностью, смиряетъ страстный пылъ,
И музыка воздушная лелѣетъ ихъ тогда,
Баюкаетъ и шепчетъ имъ о счастьи навсегда,
Зовутъ они Любовь къ себѣ,—чудовище земли,—
Пробудятся и Скорбь найдутъ въ лохмотьяхъ и въ пыли.

ХОРЪ.

Пусть съ Любовью Скорбь—какъ тѣнь,
Пусть за ней, и ночь, и день,
Гибель мчится по пятамъ,
Бѣлокрылый скачетъ конь,
Вѣстникъ Смерти, весь—огонь,
Смерть всему, цвѣтамъ, плодамъ,
Воплощенью красоты
И уродливымъ чертамъ.
Пусть! Но часъ пробьетъ,—и ты
Укротишь безумный бѣгъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Вамъ открыто, что̀ придетъ?

ХОРЪ.

Если таетъ вешній снѣгъ,
Если стаялъ вешній ледъ,—
Опадаетъ старый листъ,
Мягкій вѣтеръ нѣжитъ слухъ,
Воздухъ ласковъ и душистъ,
И блуждающій пастухъ,
Торжествуя смерть зимы,
Ужь предчувствуетъ и ждетъ,
Что шиповникъ зацвѣтетъ;—
Такъ и тамъ, гдѣ дышемъ мы,
Правда, Мудрость и Любовь,
Пробуждаясь къ жизни вновь,

Намъ, недремлющимъ въ борьбѣ,
Тотъ завѣтъ несутъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

ІОНА.

Куда же скрылись Духи?

ПАНТЕЯ.

Только чувство
Отъ нихъ осталось въ сердцѣ,—словно чары
Отъ музыки, въ тѣ свѣтлыя мгновенья,
Когда утихнетъ лютня, смолкнетъ голосъ,
Но отзвуки мелодіи нѣмой
Въ душѣ глубокой, чуткой, лабиринтной
Еще живутъ и будятъ долгій гулъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Плѣнительны воздушныя видѣнья,
Но, чувствую, напрасны всѣ надежды,
Одна любовь вѣрна; и какъ далеко
Ты, Азія, чье сердце предо мной,
Въ былые дни, открытое, горѣло,
Какъ искристая чаша, принимая
Душистое и свѣтлое вино.
Все тихо, все мертво. Тяжелымъ гнетомъ
Виситъ надъ сердцемъ сумрачное утро;
Я сталъ бы спать теперь, хотя съ тревогой,
Когда бы можно было мнѣ уснуть.
О, какъ хотѣлъ бы я свершить скорѣе
Свое предназначенье—быть опорой,
Спасителемъ страдальца-человѣка;
А то—уснуть, безмолвно потонуть
Въ первичной безднѣ всѣхъ вещей,—въ пучинѣ,
Гдѣ нѣтъ ни сладкихъ нѣгъ, ни агоніи,
Гдѣ нѣтъ утѣхъ Земли и пытокъ Неба.

ПАНТЕЯ.

А ты забылъ, что около тебя
Всю ночь, въ холодной мглѣ, тревожно дышетъ

Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда надъ ней тѣнь духа твоего
Наклонится съ заботливостью нѣжной.

ПРОМЕТЕЙ.

Я говорилъ, что всѣ надежды тщетны,
Одна любовь вѣрна: ты любишь.

ПАНТЕЯ.

Правда!
Люблю глубоко. Но звѣзда разсвѣта
Блѣднѣетъ на востокѣ. Я иду.
Ждетъ Азія—тамъ, въ Индіи далекой,
Среди долинъ изгнанья своего,—
Гдѣ раньше были дикіе утесы,
Подобные морозному ущелью,
Свидѣтели твоихъ безсмѣнныхъ пытокъ,
Теперь же дышутъ нѣжные цвѣты,
Вздыхаютъ травы, отклики лѣсные,
И звуки вѣтра, воздуха и водъ,
Присутствіемъ ея преображенныхъ,—
Всѣ чудныя созданія эѳира,
Которыя живутъ сліяньемъ тѣснымъ
Съ твоимъ дыханьемъ творческимъ. Прощай!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утро.—Красивая долина въ Индійскомъ Кавказѣ.—Азія одна.

АЗІЯ.

Во всѣхъ дыханьяхъ неба ты нисходишь,
Какъ духъ, какъ мысль,—Весна, дитя вѣтровъ!—
Въ глазахъ застывшихъ нѣжно будишь слезы,
Въ пустынномъ сердцѣ, жаждущемъ покоя,
Біенья ты рождаешь,—о Весна,
Питомица, взлелѣянная бурей!
Приходишь ты внезапно, точно свѣтъ
Печальныхъ думъ о сладкомъ сновидѣньи;
Ты—геній, ты—восторгъ, съ лица земли
Встающій сонмомъ тучекъ золотистыхъ
Въ пустынѣ нашей жизни. Ночь проходитъ.
Вотъ время, день и часъ. Я жду тебя,
Сестра моя, желанная, ты медлишь,
Съ разсвѣтомъ ты должна ко мнѣ придти,
Я жду тебя, приди, приди скорѣе!
Едва ползутъ безкрылыя мгновенья,
Еще трепещетъ блѣдный ликъ звѣзды,
Надъ алыми вершинами, въ просвѣтѣ
Ростущей ввысь оранжевой зари;
Смотря въ провалъ разорванныхъ тумановъ,
Въ зеркальной глади озера дрожитъ
Стыдливая звѣзда, блѣднѣетъ, гаснетъ—
Опять горитъ въ прозрачной ткани тучекъ—
И нѣтъ ея! И сквозь вершины горъ,

Съ ихъ облачно-воздушными снѣгами,
Трепещетъ розоватый свѣтъ зари.
Чу! слышу вздохъ Эоловыхъ мелодій,—
То звукъ ея зеленоватыхъ крылъ,
Съ собою приносящихъ алость утра.

(Входитъ Пантея)

Я чувствую глаза твои. Я вижу
Лучистый взоръ,—въ слезахъ улыбка меркнетъ,
Какъ свѣтъ звѣзды, потопленный въ туманахъ
Серебряной росы. Сестра моя,
Любимая, прекрасная! Съ тобою
Приходитъ тѣнь души, которой я
Живу. Зачѣмъ ты медлила такъ долго?
Ужъ солнца свѣтлый шаръ взошелъ по морю.
Мой духъ надеждой раненъ былъ, предъ тѣмъ
Какъ воздухъ, гдѣ ничьихъ слѣдовъ не видно,
Почувствовалъ движенье крылъ твоихъ.

ПАНТЕЯ.

Прости, сестра! Полетъ мой былъ замедленъ
Восторгомъ вспоминаемаго сна,
Какъ медленный полетъ вѣтровъ полдневныхъ,
Впивающихъ дыханіе цвѣтовъ.
Всегда спала я сладко, пробуждалась
Окрѣпшею и свѣжей, до того
Какъ палъ Титанъ священный, и любовью
Несчастною меня ты научила
Соединять страданье и любовь.
Тогда въ пещерахъ древнихъ Океана
Спала я межь камней зелено-сѣрыхъ,
Въ пурпурной колыбели нѣжныхъ мховъ;
Тогда, какъ и теперь, меня Іона
Во снѣ рукою нѣжной обнимала,
Касаясь темныхъ ласковыхъ волосъ,
Межь тѣмъ какъ я закрытыми глазами
Къ ея груди волнистой прижималась,
Вдыхая свѣжесть юности ея.
Теперь не то, теперь я словно вѣтеръ,
Что падаетъ, стихая отъ мелодій

Твоихъ рѣчей безмолвныхъ; я дрожу,
Мой сонъ смущенъ какой-то сладкой нѣгой,
Какъ будто слышу я слова любви;
А только сонъ уйдетъ,—приходитъ мука,
Заботы угнетаютъ.

АЗІЯ.

Подними
Опущенный свой взоръ,—прочесть хочу я
Твой сонъ.

ПАНТЕЯ.

Я говорю: у ногъ его
Спала я вмѣстѣ съ нашею сестрою,
Океанидой. Горные туманы,
Внявъ голосъ нашъ, сгустились подъ луной
И хлопьями пушистыми покрыли
Колючій ледъ, чтобъ спать намъ не мѣшалъ.
Два сна тогда пришли. Одинъ не помню.
Въ другомъ я увидала Прометея,
Но не былъ онъ израненъ, изнуренъ,—
И ожилъ вдругъ лазурный сумракъ ночи
Отъ блеска этой формы, что живетъ—
Внутри не измѣняясь. Прозвучали
Его слова, какъ музыка,—такая,
Что умъ отъ счастья гаснетъ, задыхаясь
Въ восторгѣ опьяненія: «Сестра
Той, чьи шаги воздушные рождаютъ
Цвѣты и чары,—ты, что всѣхъ прекраснѣй,
Лишь менѣе прекрасна, чѣмъ она,—
О тѣнь ея, взгляни!» И я взглянула:
Безсмертный призракъ высился, блистая
Любовью ослѣпительной; и весь,—
Въ своихъ воздушныхъ членахъ, въ гармоничныхъ
Устахъ, порывомъ страсти раздѣленныхъ,
Въ пронзительныхъ и меркнущихъ глазахъ,—
Весь, весь горѣлъ онъ пламенемъ подвижнымъ;
Дыханьемъ всемогущей сладкой власти
Окуталъ онъ меня, и я тонула,

Я таяла,—какъ облачко росы,
Блуждающей въ эѳирѣ, таетъ, тонетъ,
Въ дыханьи теплыхъ утреннихъ лучей:
Не двигаясь, не слыша, и не видя,
Я вся жила присутствіемъ его,
Онъ въ кровь мою вошелъ, со мной смѣшался,
И онъ былъ—мной, и жизнь его—моей,
Моя душа въ его душѣ исчезла.
Потомъ огонь погасъ, и я опять
Во тьмѣ ночной сама собою стала,
Какъ сумрачный туманъ, что въ часъ заката
На соснахъ собирается и плачетъ
Въ дрожащихъ капляхъ; мысли вновь зажглись,
И я могла еще услышать голосъ,
Еще дрожали звуки, замирая,
Какъ слабый вздохъ мелодіи ушедшей,
Но между смутныхъ звуковъ только имя
Твое, сестра, могла я разобрать.
Напрасно слухъ я снова напрягала,
Глухая ночь въ безмолвіи замкнулась.
Іона, пробудившись ото сна,
Сказала мнѣ: «Не можешь ты представить,
Что̀ въ эту ночь встревожило меня!
Всегда я прежде знала, что̀ мнѣ нужно,
Чего хочу; ни разу не вкушала
Блаженства неисполненныхъ желаній.
Чего теперь ищу—сказать не въ силахъ;
Не знаю; только сладкаго чего-то,
Затѣмъ что даже сладко мнѣ желать;
Ты, вѣрно, посмѣялась надо мною,
Негодная сестра, ты, вѣрно, знаешь
Какихъ-нибудь старинныхъ чаръ восторги:
Съ ихъ помощью похитивши мой духъ,
Покуда я спала, съ своимъ смѣшала:
Когда съ тобой сейчасъ мы цѣловались,
Внутри твоихъ разъединенныхъ губъ
Услышала я сладостный тотъ воздухъ,
Что былъ во мнѣ; живительная кровь,

Безъ теплоты которой я томилась,
Дрожала въ нашихъ членахъ въ мигъ объятья.»—
Звѣзда Востока между тѣмъ блѣднѣла,
И я, сестру оставивъ безъ отвѣта,
Скорѣй къ тебѣ направила полетъ.

АЗІЯ.

Слова твои—какъ воздухъ; не могу я
Проникнуть въ нихъ. О, подними свой взоръ,
Хочу въ твоихъ глазахъ увидѣть цѣльность
Его души.

ПАНТЕЯ.

Взгляну, какъ ты желаешь,
Хотя къ землѣ склоняются они
Подъ тяжестью невыраженныхъ мыслей.
Что можешь ты увидѣть въ нихъ иное,
Какъ не свою прекраснѣйшую тѣнь?

АЗІЯ.

Твои глаза подобны безграничнымъ
Глубокимъ темносинимъ небесамъ;
Ихъ обрамляютъ длинныя рѣсницы;
Я вижу въ кругѣ—кругъ, въ чертѣ—черту,
Все вмѣстѣ сплетено въ одну безмѣрность,
Далекую, неясную.

ПАНТЕЯ.

Зачѣмъ
Ты смотришь такъ, какъ будто духъ прошелъ?

АЗІЯ.

Въ твоихъ глазахъ свершилась перемѣна:
Тамъ далеко, въ ихъ глубинѣ завѣтной,
Я вижу призракъ, образъ: это—Онъ,
Украшенный плѣнительнымъ сіяньемъ
Своихъ улыбокъ, льющихъ нѣжный свѣтъ,
Какъ облачко, скрывающее мѣсяцъ.
Твой образъ, Прометей! Еще помедли!
Не говорятъ ли мнѣ твои улыбки,

Что мы опять увидимся съ тобою
Въ роскошномъ и блистательномъ шатрѣ,
Который будетъ выстроенъ надъ міромъ
Изъ ихъ лучей нетлѣнныхъ? Сонъ повѣданъ.
Но что за тѣнь возникла между нами?
Грубѣетъ вѣтеръ, только прикоснувшись
Къ кудрямъ суровымъ; взоръ поспѣшно-дикъ;
Но то—созданье воздуха: сквозь ткани
Одежды сѣрой искрится роса,
Не выпитая полднемъ свѣтозарнымъ.

СОНЪ.

Иди за мной!

ПАНТЕЯ.

Мой сонъ другой!

АЗІЯ.

Онъ скрылся.

ПАНТЕЯ.

Онъ шествуетъ теперь въ моей душѣ.
Казалось мнѣ, пока мы здѣсь сидѣли,
Вдругъ вспыхнули гирляндами цвѣты
На деревѣ миндальномъ, что разбито
Ударомъ грозовымъ; поспѣшный вѣтеръ,
Съ пустынь сѣдыхъ, отъ Скиѳіи, примчался,
Лицо земли избороздилъ морозомъ,
И всѣ листы сорвалъ; но каждый листъ,—
Какъ синій колокольчикъ Гіацинта
О мукахъ Аполлона повѣствуетъ,
Въ себѣ хранилъ слова: „ИДИ ЗА МНОЙ!“

АЗІЯ.

Пока ты говоришь мнѣ, понемногу
Изъ словъ твоихъ рождаются видѣнья
И формами своими заполняютъ
Мой собственный забытый сонъ. Мнѣ снилось,
Бродили мы съ тобой среди долинъ,
Въ сѣдомъ разсвѣтѣ дня; по горнымъ склонамъ
Чуть шли стада рунообразныхъ тучъ,
Густой толпой, лѣниво повинуясь
Медлительнымъ велѣньямъ вѣтерка;
И бѣлая роса висѣла, молча,
На листьяхъ чуть пробившейся травы;
И многое,—чего я не припомню.
Но вдоль пурпурныхъ склоновъ сонныхъ горъ,
На тѣневыхъ изображеньяхъ тучекъ,
Забрезжились слова: „ИДИ ЗА МНОЙ!“
Когда они, блеснувши, стали таять,
Переходя къ травѣ, на каждый листъ,
Съ себя стряхнувшій блескъ росы небесной,—
Поднялся вѣтеръ, въ соснахъ зашумѣлъ,
И музыкой звенящей онъ наполнилъ
Сквозную сѣть ихъ вѣтокъ,—и тогда,
Звуча, переливаясь, замирая,
Какъ стонъ «Прости!» исторгнутый у духовъ,
Послышалось: „ИДИ! ИДИ ЗА МНОЙ!“
Я молвила: «Пантея, посмотри!»
Но въ глубинѣ очей, желанныхъ сердцу,
Все видѣла: „ИДИ ЗА МНОЙ!“

ЭХО.

За мной!

ПАНТЕЯ.

Смѣясь между собою вешнимъ утромъ,
Утесы вторятъ нашимъ голосамъ:
Подумать можно, будто ихъ устами
Вѣщаетъ духъ.

АЗІЯ.

Вкругъ этихъ скалъ нависшихъ
Какое-то витаетъ существо.
Струятся звуки ясные! О, слушай!

ОТЗВУКИ ЭХО, НЕЗРИМЫЕ.

Мы отзвуки Эхо,
Мы вѣчно бѣжимъ,
Для жизни и смѣха
Рождаться спѣшимъ,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Чу! межъ собою духи говорятъ.
Еще не смолкли плавные отвѣты
Воздушныхъ устъ. Сестра, ты слышишь?

ПАНТЕЯ.

Слышу.

ОТЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!

(Болѣе отдаленно).

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Звуки таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Вслѣдъ за ними поспѣши
Въ чащу лѣса, гдѣ въ тиши
Еле дышетъ межъ листовъ
Сладкій сонъ ночныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ не держитъ путь пчела,
Гдѣ и въ полдень вѣчно мгла,
Гдѣ въ пещерахъ лишь ручьи
Льютъ сіянія свои,
Гдѣ нѣжнѣй твоихъ шаговъ
Нашъ воздушный странный зовъ,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Не слѣдовать ли намъ за роемъ звуковъ?
Они уходятъ въ даль, они слабѣютъ.

ПАНТЕЯ.

Чу! ближе къ намъ опять плыветъ напѣвъ!

ОТЗВУКИ ЭХО.

Въ безвѣстномъ молчаньи
Спитъ мертвая рѣчь.

Лишь ты въ состояньи
Тотъ голосъ зажечь,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Отхлынулъ вѣтеръ, съ нимъ слабѣютъ звуки.

ОТЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!
Звуки таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Въ глушь лѣсную, гдѣ—роса,
Гдѣ чуть видны небеса,
Гдѣ въ ущельи древнихъ горъ
Блещетъ зеркало озеръ,
Гдѣ съ уклона на уклонъ
Отъ ключей нисходитъ звонъ,
Гдѣ когда-то *Онъ*, скорбя,
Удалился отъ тебя,
Чтобъ теперь обняться вновь,
Принести любви любовь,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

О милая Пантея, дай мнѣ руку,
Иди за мной, пока напѣвъ не смолкъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лѣсъ, перемежающійся утесами и пещерами. Въ него входятъ Азія и Пантея. Два молодые Фавна сидятъ на скалѣ и слушаютъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ ДУХОВЪ.

Прошла прекрасная чета,
И путь ея покрытъ тѣнями;
Сокрыта неба красота,
Какъ сѣть нависшими, вѣтвями;
Здѣсь кедры, сосны, вѣчный тисъ
Одной завѣсою сплелись.

Сюда ни солнце, ни луна,
Ни дождь, ни вѣтеръ не заходятъ;
Здѣсь медлитъ вѣчная весна
И росы дышущія бродятъ,
Ростутъ лавровые кусты,
Глядятъ ихъ блѣдные цвѣты.

На мигъ возставши ото сна,
Здѣсь тотчасъ вянетъ анемона;
Звѣзда случайная, одна,
Сюда заглянетъ съ небосклона;
Но небо мчится, мчится прочь,
И ту звѣзду сокрыла ночь.

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Здѣсь въ часъ полудня соловьи
Поютъ о нѣгѣ сладострастья,
Сперва одинъ мечты свои
Разскажетъ въ звукахъ, полныхъ счастья,—
Всего себя изливши, вдругъ
Онъ гаснетъ, полный сладкихъ мукъ.

Тогда въ плющѣ, среди вѣтвей,
Слѣдя за звукомъ уходящимъ,
Другой рокочетъ соловей,—
И полонъ рокотомъ звенящимъ,
И полонъ жаждою чудесъ,
Внимаетъ чутко смутный лѣсъ.

И кто, войдя въ тотъ лѣсъ, молчитъ,
Онъ крыльевъ быстрый плескъ услышитъ,
И будто флейта прозвучитъ,
И онъ, волнуясь, еле дышитъ,
Его зоветъ куда-то вдаль
До боли сладкая печаль.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Здѣсь нѣжный сонъ завороженъ,
Звеня, кружатся отголоски,

Имъ Демогоргонъ далъ законъ,
Чтобъ вѣчно пѣли переплески;
И власть онъ далъ имъ—всѣхъ вести
На сокровенные пути.

Когда сугробы стаютъ съ горъ,—
Потокъ ростетъ среди тумана,
Ладья спѣшитъ въ морской просторъ,
Въ неизмѣримость Океана;
Такъ душу, полную заботъ,
Неясный голосъ вдаль зоветъ.

И тѣхъ, кому насталъ предѣлъ,
Какъ будто вѣтеръ приподниметъ,
Отъ ихъ вседневныхъ тусклыхъ дѣлъ
Умчитъ, и звуками обниметъ;
И умъ не знаетъ, отчего
Такъ легокъ быстрый бѣгъ его.

Они спѣшатъ своимъ путемъ,
Плывутъ въ просторѣ незнакомомъ,
И звуки падаютъ дождемъ,
И гимнъ внезапно грянетъ громомъ,
И вѣтеръ мчитъ ихъ въ полумглѣ,—
Умчитъ къ таинственной скалѣ.

ПЕРВЫЙ ФАВНЪ.

Не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ живутъ
Тѣ духи, что мелодіей пѣвучей
Звенятъ въ лѣсахъ? Заходимъ мы въ пещеры,
Гдѣ мало кто бываетъ,—въ глушь лѣсовъ,—
И знаемъ эти странныя созданья,
И часто слышимъ голосъ ихъ, но встрѣтить
Не можемъ никогда,—они дичатся.
Гдѣ прячутся они?

ВТОРОЙ ФАВНЪ.

Нельзя узнать.
Отъ тѣхъ, кто видѣлъ много разныхъ духовъ,

Такой разсказъ я слышалъ: чары солнца
Проходятъ съ высоты на дно затоновъ,
На илистое дно лѣсныхъ озеръ,
Тамъ блѣдныя подводныя растенья
Цвѣтутъ, и съ ихъ цвѣтовъ лучи дневные
Впиваютъ сокъ воздушныхъ пузырей;
Вотъ въ этихъ-то шатрахъ, такихъ прозрачныхъ,
Въ зеленой золотистой атмосферѣ,
Которую засвѣчиваетъ полдень,
Пройдя сквозь ткань листовъ переплетенныхъ,
Тѣ духи гармоничные живутъ;
Когда же ихъ жилища разлетятся,
И воздухъ, распаленный ихъ дыханьемъ,
Изъ этихъ замковъ свѣтлыхъ мчится къ небу,—
Они летятъ на искрахъ, гонятъ ихъ,
И внизъ полетъ блестящій направляютъ,
И вновь скользятъ огнемъ въ подводной мглѣ.

ПЕРВЫЙ ФАВНЪ.

О, если такъ, тогда другіе духи
Живутъ иною жизнью? Въ лепесткахъ
Гвоздики, въ колокольчикахъ лазурныхъ,
Ростущихъ на лугахъ? Внутри фіалокъ,
Иль въ ихъ душистой смерти—въ ароматѣ?
Иль въ капелькахъ сверкающей росы?

ВТОРОЙ ФАВНЪ.

И множество еще придумать можемъ
Для нихъ жилищъ. Но если будемъ мы
Стоять и такъ болтать,—Силенъ сердитый,
Увидѣвъ, что до полдня не доили
Мы козъ его, начнетъ на насъ ворчать,
За то, что мы поемъ святые гимны
О Хаосѣ, о Богѣ, о судьбѣ,
О случаѣ, Любви, и о Титанѣ,
Какъ терпитъ онъ мучительную участь,
Какъ будетъ онъ освобожденъ, чтобъ сдѣлать
Единымъ братствомъ землю,—тѣ напѣвы,
Которые мы въ сумерки поемъ,

Смягчая одиночество досуга
И заставляя смолкнуть соловьевъ,
Не знающихъ, что есть на свѣтѣ зависть.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Вершина скалы между горъ. Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Сюда привелъ насъ звукъ, на выси горъ,
Гдѣ царствуетъ могучій Демогоргонъ.
Встаютъ врата, подобныя жерлу
Вулкана, извергающаго искры
Падучихъ звѣздъ; на утрѣ дней, блуждая,
Здѣсь люди одинокіе впиваютъ
Дыханіе пророческихъ паровъ,
Зовутъ ихъ добродѣтелью, любовью,
Восторгомъ, правдой, геніемъ,—и пьютъ
Хмѣльной напитокъ жизни, до подонковъ,
Пока не опьянятъ себя,—и громко
Кричатъ, какъ рой вакханокъ, «Эвоэ!»—
Для міра заразителенъ тотъ голосъ.

АЗІЯ.

Престолъ, достойный Власти! Что за пышность!
Земля, о какъ прекрасна ты! И если
Ты только тѣнь прекраснѣйшаго духа,
И если запятнала язва зла
Красивое и слабое созданье,—
Я все-таки готова ницъ упасть,
И передъ нимъ и предъ тобой молиться.
И даже въ этотъ мигъ моя душа
Готова обожать. О, какъ чудесно!
Взгляни, сестра, пока еще пары
Твой умъ не затуманили: подъ нами
Нѣмая ширь волнистыхъ испареній,
Какъ озеро въ какой-нибудь долинѣ
Среди Индійскихъ горъ, подъ небомъ утра
Сверкающее блескомъ серебра!
Смотри, равнина этихъ испареній,
Подобная могучему приливу,

Плыветъ, и верхъ скалы, гдѣ мы стоимъ,—
Какъ островъ одинокій, посрединѣ;
А тамъ, кругомъ, какъ поясъ исполинскій,
Цвѣтущіе и темные лѣса,
Прогалины, окутанныя мглою,
Пещеры, озаренныя ключами,
И вѣтромъ зачарованныя формы
Кочующихъ и тающихъ тумановъ;
А дальше, съ горъ, прорѣзавшихъ лазурь,
Отъ ихъ остроконечностей воздушныхъ,
Встаетъ заря, какъ брызги свѣтлой пѣны,
Разбившейся объ островъ, гдѣ-нибудь
Въ Атлантикѣ, по вѣтру Океана
Разсыпавшей играющія блестки;
Ихъ стѣны опоясали долину;
Отъ ихъ обрывовъ, тронутыхъ тепломъ,
Ревущіе струятся водопады
И грохотомъ тяжелымъ насыщаютъ
Заслушавшійся вѣтеръ; долгій гулъ,
Возвышенный и страшный, какъ молчанье!
Снѣгъ рушится! Ты слышишь? Это—солнце
Лавину пробудило; тѣ громады,
Просѣянныя трижды горной бурей,
По хлопьямъ собирались; такъ въ умахъ,
На судъ зовущихъ небо, возникаетъ
За думой дума властная, пока
Не вырвется на волю пѣсня правды,
И долгимъ эхомъ вторятъ ей народы.

ПАНТЕЯ.

Взгляни, прибой тумановъ безпокойныхъ
Разсыпался у самыхъ нашихъ ногъ
Багряной пѣной! Ширится все выше,
Какъ волны Океана, повинуясь
Волшебной чарѣ мѣсяца.

АЗІЯ.

Обрывки
Огромныхъ тучъ развѣялись кругомъ;

И вѣтеръ, что разноситъ ихъ, ворвался
Въ волну моихъ волосъ; мои глаза
Какъ будто слѣпнутъ; умъ—въ водоворотѣ;
Рядъ образовъ прозрачныхъ предо мной!

ПАНТЕЯ.

Я вижу—вдаль зовущую улыбку!
И въ золотѣ кудрей огонь лазурный!
За тѣнью тѣнь! Они поютъ! Внимай!

ПѢСНЬ ДУХОВЪ.

Внизъ, туда, гдѣ глубина,
Внизъ, внизъ!
Гдѣ у Смерти, въ царствѣ сна,
Съ Жизнью вѣчная война.
Дальше, сквозь обманъ вещей,
Бросивъ кладбище тѣней,
Гдѣ миражи обнялись,—
Внизъ, внизъ!

Неустанно звукъ спѣшитъ
Внизъ, внизъ!
Отъ собаки лань бѣжитъ;
Въ тучѣ молнія дрожитъ;
Смерть къ отчаянью ведетъ;
За любовью мука ждетъ;
Мчится все,—и ты умчись
Внизъ, внизъ!

Къ безднѣ вѣчной и сѣдой,—
Внизъ, внизъ!
Гдѣ ни солнцемъ, ни звѣздой
Не зажжется мракъ пустой,
Гдѣ всегда вездѣ—Одно,
Тѣмъ же все Однимъ полно,—
Въ эту бездну устремись,—
Внизъ, внизъ!

Въ глубь туманной глубины,—
Внизъ, внизъ!

Для тебя сохранены
Чаръ властительные сны,—
Цѣнный камень въ рудникахъ,
Голосъ грома въ облакахъ,—
Заклинанью подчинись,—
Внизъ, внизъ!

Мы тебя очаровали,
Заклинаніемъ связали,—
Внизъ, внизъ!
Съ утомленьемъ безъ печали
Сердцемъ кроткимъ не борись!
О, въ Любви такая сила,
Что ее не побѣдила
Неуступчивость Судьбы,
И Безсмертный, Безконечный
Эту кротость къ жизни вѣчной
Пробудилъ отъ сна борьбы!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пещера Демогоргона.—Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Какая форма, скрытая покровомъ,
Сидитъ на томъ эбеновомъ престолѣ?

АЗІЯ.

Покровъ упалъ.

ПАНТЕЯ.

Я вижу мощный мракъ,
Онъ дышетъ тамъ, гдѣ мѣсто царской власти,
И черные лучи струитъ кругомъ,—
Безформенный, для глазъ неразличимый;
Ни ясныхъ чертъ, ни образа, ни членовъ;
Но слышимъ мы, что это Духъ живой.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Спроси о томъ, что хочешь знать.

АЗІЯ.

Что можешь
Ты мнѣ сказать?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Все, что спросить посмѣешь.

АЗІЯ.

Кто создалъ міръ живущій?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ.

АЗІЯ.

Кто создалъ
Все, что содержитъ онъ,—порывъ страстей,
Фантазію, разсудокъ, волю, мысль?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ: Всемогущій Богъ.

АЗІЯ.

Кто создалъ чувство,
Что въ меркнущихъ глазахъ рождаетъ слезы,
Свѣтлѣй, чѣмъ взоръ неплачущихъ цвѣтовъ,
Когда весенній вѣтеръ, пролетая,
Къ щекѣ прильнетъ случайнымъ поцѣлуемъ,
Иль музыкой желанной прозвучитъ
Любимый голосъ,—то нѣмое чувство,
Что цѣлый міръ въ пустыню превращаетъ,
Когда, мелькнувъ, не хочетъ вновь блеснуть?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ, полный милосердія.

АЗІЯ.

Кто-жъ создалъ
Раскаянье, безумье, преступленье,
И страхъ, и все, что, бросивъ цѣпь вещей,
Влачась, вползаетъ въ разумъ человѣка
И тамъ надъ каждымъ помысломъ виситъ,
Идя невѣрнымъ шагомъ къ смертной ямѣ?

Кто создалъ боль обманутой надежды,
И ненависть—обратный ликъ любви,
Презрѣніе къ себѣ—питье изъ крови,
И крикъ скорбей, и стоны безпокойства,
И Адъ, иль острый ужасъ Адскихъ мукъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІЯ.

Скажи мнѣ только имя,—
Лишь имени его хотятъ страдальцы,
Проклятія его повергнутъ ницъ.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІЯ.

Я вижу, знаю. Кто?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІЯ.

Кто царствуетъ? Въ началѣ
Повсюду были—Небо и Земля,
Любовь и Свѣтъ; потомъ Сатурнъ явился,
Съ его престола Время снизошло,
Завистливая тѣнь. Въ его правленье
Всѣ духи первобытные земли
Спокойствіемъ и радостью дышали,
Какъ тѣ цвѣты, которыхъ не коснулся
Ни вѣтеръ изсушающій, ни зной,
Ни ядъ червей полуживыхъ; но не далъ
Онъ права имъ—рождать себѣ подобныхъ.
Ни знанія, ни власти, ни умѣнья
Повелѣвать движеньями стихій,
Ни мысли проникающей, какъ пламя,
Въ туманный міръ, ни власти надъ собою,
Ни стройнаго величія любви,
Чего имъ такъ хотѣлось. И тогда-то
Юпитеру далъ мудрость Прометей,

А мудрость—власть; и лишь съ однимъ закономъ—
«Пусть вѣчно будетъ вольнымъ человѣкомъ!»—
Ему все Небо сдѣлалъ онъ подвластнымъ.
Не вѣдать ни закона, ни любви,
Ни вѣры; быть всесильнымъ, не имѣя
Друзей,—то значитъ царствовать; и вотъ
Юпитеръ царствовалъ; угрюмымъ роемъ
На родъ людской съ небесъ низверглись бѣды;
Свирѣпый голодъ, темный рядъ заботъ,
Несчастія, болѣзни и раздоры,
И страшный призракъ смерти, неизвѣстный
Дотолѣ никому; поперемѣнно
То зной, то холодъ, сонмомъ стрѣлъ своихъ,
Въ безвременное время безпріютныхъ
Погналъ къ пещерамъ горнымъ: тамъ себѣ
Нашли берлогу блѣдные народы;
И въ ихъ сердца пустынныя послалъ онъ
Кипящія потребности, безумство
Тревоги жгучей, мнимыхъ благъ миражъ,
Поднявшій смуту войнъ междоусобныхъ
И сдѣлавшій пріютъ людей—вертепомъ.
Увидѣвъ эти бѣды, Прометей
Своимъ призывомъ ласковымъ навѣялъ
Дремоту многоликихъ упованій,
Чье ложе—Элизійскіе цвѣты,
Нетлѣнный Амарантъ, Непенсисъ, Моли,
Чтобъ эти пробужденныя надежды,
Прозрачностью небесно-нѣжныхъ крылъ,
Какъ радугой, закрыли призракъ Смерти.
Послалъ Любовь связать единой сѣтью
Сердца людей,—побѣги винограда,
Дающаго напитокъ бытія,
Смирилъ огонь,—и пламя, точно звѣрь,
Хоть хищный, но ручной, рѣзвиться стало
Отъ одного движенья глазъ людскихъ;
И золото съ желѣзомъ, знаки власти,
Ея рабы, сокрытые въ землѣ,
Покорны стали волѣ человѣка,—

И цѣнные каменья, и яды,
И сущности тончайшія, что скрыты
Въ водѣ и въ нѣдрахъ горъ; онъ человѣку
Далъ слово, а изъ слова мысль родилась,
Что служитъ измѣреніемъ вселенной;
И Знаніе, упорный врагъ преградъ,
Поколебало мощные оплоты
Земли и Неба; стройный умъ излился
Въ пророческихъ напѣвахъ; духъ того,
Кто слушалъ вздохи звуковъ гармоничныхъ,
Возвысился, пока не сталъ блуждать
По свѣтлой зыби музыки, изъятый
Изъ тьмы заботъ, изъ смертнаго удѣла,
Какъ Богъ; и стали руки человѣка
Ваянія изъ камня создавать,
Сначала зримымъ формамъ подражая,
Потомъ превосходя ихъ такъ высоко,
Что мраморъ сталъ печатью Божества.
Ключей и травъ сокрытую цѣлебность
Истолковалъ,—Недугъ вкусилъ и спалъ.
И смерть, какъ сонъ, являться людямъ стала.
Онъ изъяснилъ запутанность орбитъ,
Разоблачилъ пути свѣтилъ небесныхъ,
И все сказалъ онъ—какъ мѣняетъ солнце
Прибѣжище свое въ скитаньяхъ вѣчныхъ,
Какая власть чаруетъ блѣдный мѣсяцъ,
Когда его мечтательное око
Не смотритъ на подлунныя моря;
Онъ научилъ людей, какъ нужно править
Крылатой колесницей Океана,
И Кельтъ узналъ Индійца. Въ эти дни
Воздвиглись города; чрезъ ихъ колонны,
Сверкающія снѣжной бѣлизной,
Повѣяли ласкающіе вѣтры,
Съ высотъ на нихъ глядѣлъ эѳиръ лазурный,
Вдали виднѣлось море голубое,
Тѣнистые холмы. Такія были
Дарованы услады Прометеемъ,

Чтобъ человѣкъ имѣлъ иной удѣлъ;
И вотъ за это онъ виситъ и терпитъ
Назначенныя пытки. Кто же въ мірѣ
Является владыкой темныхъ золъ,
Чумы неизлѣчимой, той отравы,
Которая,—лишь стоитъ человѣку
Великое создать и поглядѣть
Съ божественнымъ восторгомъ на созданье,—
Спѣшитъ скорѣй клеймомъ его отмѣтить,
И дѣлаетъ скитальцемъ, отщепенцемъ,
Отверженнымъ посмѣшищемъ земли?
Юпитеръ? Нѣтъ: когда, отъ гнѣва хмурясь,
Онъ небо сотрясалъ, когда противникъ
Его въ своихъ цѣпяхъ алмазныхъ проклялъ,—
Онъ самъ дрожалъ, какъ рабъ. Молю, открой же,
Кто господинъ его? И рабъ-ли онъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Всѣ духи,—если служатъ злу,—рабы.
Таковъ иль нѣтъ Юпитеръ,—можешь видѣть.

АЗІЯ.

Скажи, кого ты Богомъ называешь?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Я говорю, какъ вы. Юпитеръ—высшій
Изъ всѣхъ существъ, которыя живутъ.

АЗІЯ.

Кому подвластенъ рабъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Возможно-ль безднѣ
Извергнуть сокровенность изъ себя!
Нѣтъ образа у истины глубокой,
Нѣтъ голоса, чтобъ высказать ее.
И будетъ ли тебѣ какая польза,
Когда передъ тобой весь міръ открою
Съ его круговращеніемъ? Заставлю
Бесѣдовать Судьбу, Удачу, Случай,

Измѣнчивость, и Время? Имъ подвластно
Все, кромѣ нескончаемой Любви.

АЗІЯ.

Такъ много вопрошала я,—и въ сердцѣ
Всегда отвѣтъ такой же находила,
Какъ ты давалъ; для этихъ истинъ каждый
Въ себѣ самомъ найти оракулъ долженъ.
Еще одно спрошу я, и отвѣть,
Какъ мнѣ моя душа отвѣтъ дала бы,
Когда бы знала то, о чемъ прошу я.
Въ урочный часъ возстанетъ Прометей
И будетъ солнцемъ въ мірѣ возрожденномъ.
Когда же этотъ часъ придетъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Смотри!

АЗІЯ.

Раздвинулся утесъ, въ багряной ночи
Я вижу—быстро мчатся колесницы,
На радужныхъ крылахъ несутся кони
И топчутъ мракъ вѣтровъ; ихъ гонятъ вдаль
Возницы съ удивленными глазами,
Съ безумнымъ взоромъ; тотъ глядитъ назадъ,
Какъ будто врагъ за нимъ заклятый мчится,
Но сзади только—лики яркихъ звѣздъ;
Другіе, съ лучезарными очами,
Впередъ перегибаются—и жадно
Впиваютъ вѣтеръ скорости своей,
Какъ будто тѣнь, что такъ для нихъ желанна,
Предъ ними—тутъ—несется—и они
Ее сейчасъ обнимутъ—обнимаютъ;
Ихъ локоны блестящіе струятся,
Какъ вспыхнувшіе волосы кометъ;
И всѣ, легко скользя, стремятся дальше,
Все дальше.

ДЕМОГОРГОНЪ.

То безсмертные Часы,
О нихъ ты вопрошала за минуту.
Одинъ съ тобою хочетъ говорить.

АЗІЯ.

Съ лицомъ ужаснымъ, духъ одинъ замедлилъ
Полетъ поспѣшный темной колесницы
Надъ бездною разорванныхъ утесовъ.
Ты, страшный, ты, на братьевъ непохожій,
Скажи мнѣ, кто ты? Дай мнѣ знать, куда
Меня умчишь?

ДУХЪ.

Я тѣнь предназначенья,
Страшнѣйшаго, чѣмъ этотъ видъ ужасный.
И не зайдетъ еще вонъ та планета,
Какъ черный мракъ, со мною восходящій,
Неумолимой ночью обойметъ
Небесный тронъ, царя небесъ лишенный.

АЗІЯ.

Что хочешь ты сказать?

ПАНТЕЯ.

Тотъ страшный призракъ
Сплываетъ вверхъ съ престола своего,
Какъ всплылъ бы надъ равниною морскою
Зловѣще-синій дымъ землетрясенья,
Дыханіе погибшихъ городовъ.
Смотри: на колесницу онъ восходитъ.
Объяты страхомъ, кони понеслись.
Смотри, какъ путь его межь звѣздъ небесныхъ
Чернѣетъ въ черной ночи!

АЗІЯ.

То—отвѣтъ.
Не странно ли!

ПАНТЕЯ.

Взгляни: у края бездны
Другая колесница; въ перламутрѣ
Играетъ алый пламень, измѣняясь
По краю этой раковины нѣжной,
Какъ кружево сквозное; юный духъ,
Сидящій въ ней, глядитъ, какъ духъ надежды;
Улыбка голубиныхъ глазъ его
Притягиваетъ душу; такъ во мракѣ
Лампада манитъ бабочекъ ночныхъ.

ДУХЪ.

Поспѣшностью молній лучистыхъ
Пою я проворныхъ коней,
Съ зарею, межъ тучъ золотистыхъ,
Купаю ихъ въ морѣ огней.
Быстрота! Что сравняется съ ней!
Улетимъ же, о дочь Океана!

Я жажду: и полночь блистаетъ;
Боюсь: отъ Тифона уйдемъ;
И съ Атласа туча не стаетъ,
Какъ землю съ луной обогнемъ.
Отъ скитаній мы въ полдень вздохнемъ.
Улетимъ же, о дочь Океана!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Колесница останавливается въ облакѣ на вершинѣ снѣжной горы. Азія, Пантея и Духъ Часа.

ДУХЪ.

Гдѣ разсвѣтъ и ночная прохлада,
Тамъ былъ отдыхъ всегда для коня.
Но Земля прошептала, что надо
Гнать коней съ быстротою огня,—
Пусть дыханіе пьютъ у меня!

АЗІЯ.

Ты дышешь въ ноздри имъ, но я могла бы,
Вздохнувъ, придать имъ больше быстроты.

ДУХЪ.

Увы! нельзя.

ПАНТЕЯ.

Скажи, о Духъ, откуда
Свѣтъ въ облакѣ? Вѣдь солнце не взошло!

ДУХЪ.

Оно взойдетъ сегодня только въ полдень.
На небѣ Аполлонъ удержанъ чудомъ,
И этотъ свѣтъ, подобный легкой краскѣ
Въ водѣ—отъ розъ, глядящихся въ фонтанъ,
Исходитъ отъ твоей сестры могучей.

ПАНТЕЯ.

Да, чувствую, что...

АЗІЯ.

Что съ тобой, сестра?
Блѣднѣешь ты.

ПАНТЕЯ.

О, какъ ты измѣнилась!
Не смѣю на тебя взглянуть. Не вижу,
Лишь чувствую тебя. Почти не въ силахъ
Переносить сіянье красоты.
Я думаю, въ стихіяхъ совершилась
Благая перемѣна, если могутъ
Они терпѣть присутствіе твое,
Не скрытое покровомъ. Нереиды
Разсказывали мнѣ, что въ день, когда
Раздвинулась прозрачность океана,
И ты стояла въ раковинѣ свѣтлой,
По глади водъ хрустальныхъ уплывая,
Межъ острововъ Эгейскихъ, къ берегамъ,
Что носятъ имя Азіи,—любовью,
Внезапно засверкавшей отъ тебя,
Наполнился весь міръ, какъ свѣтомъ солнца,—
И небо, и земля, и океанъ,
И темныя пещеры,—до тѣхъ поръ,
Пока печаль—въ душѣ, откуда встала,—

Не создала затменія; теперь
Не я одна, твоя сестра, подруга,
Избранница,—а цѣлый міръ со мной
Въ тебѣ найти сочувствіе хотѣлъ бы.
Ты слышишь звуки въ воздухѣ? То вѣсть
Любви всѣхъ тѣхъ, въ комъ есть душа и голосъ.
Ты чувствуешь, что даже мертвый вѣтеръ
Къ тебѣ любовью страстной дышетъ? Чу!

(*Музыка*)

АЗІЯ.

Твои слова—какъ эхо словъ его;
По нѣжности однимъ лишь имъ уступятъ.
Но всякая любовь нѣжна,—и та,
Что ты даешь, и та, что получаешь;
Любовь—для всѣхъ, какъ свѣтъ; и никогда
Ея знакомый голосъ не наскучитъ;
Какъ даль небесъ, какъ все хранящій воздухъ,
Она червя равняетъ съ Божествомъ.
И кто внушитъ любовь, тотъ сладко счастливъ,
Какъ я теперь; но кто полюбитъ самъ,
Насколько онъ счастливѣй, послѣ скорби,
Какъ скоро буду я.

ПАНТЕЯ.

О, слушай! Духи!

ГОЛОСЪ ВЪ ВОЗДУХѢ, ПОЮЩІЙ.

Жизни Жизнь! Любовью дышетъ
Воздухъ между губъ твоихъ;
Счастливъ тотъ, кто смѣхъ твой слышитъ.
Спрячь его въ глазахъ своихъ;
Кто туда свой взглядъ уронитъ,
Въ лабиринтѣ ихъ потонетъ.

Чадо Свѣта! Твой покровъ
Свѣтлыхъ членовъ не скрываетъ;
Такъ завѣсу облаковъ
Блескъ разсвѣта разрываетъ;
И куда бы ты ни шла,

Вкругъ тебя растаетъ мгла.

Красота твоя незрима,
Только голосъ внятенъ всѣмъ,
Ты для сердца ощутима,
Но невидима никѣмъ,
Души всѣхъ съ тобой, какъ звенья,—
Я, погибшее видѣнье.

Свѣтъ Земли! Вездѣ, гдѣ ты,
Тѣни, въ блескѣ, бродятъ стройно,
Въ ореолѣ красоты
По вѣтрамъ идутъ спокойно,
И погибнутъ—не скорбя,
Ярко чувствуя тебя.

АЗІЯ.

Моя душа—какъ лебедь сонный,
И какъ челнокъ завороженный,
Скользитъ въ волнахъ серебрянаго пѣнья.
А ты, какъ ангелъ бѣлоснѣжный,
Ладью влечешь рукою нѣжной,
И вѣтры чуть звенятъ, ища забвенья.
Тотъ звукъ впередъ ее зоветъ,
И вотъ душа моя плыветъ
Въ рѣкѣ, среди излучинъ длинныхъ,
Средь горъ, лѣсовъ, средь новыхъ водъ,
Среди какихъ-то мѣстъ пустынныхъ.
И мнѣ ужь снится Океанъ,
И я плыву, за мной—туманъ,
И сквозь волненье,
Сквозь упоенье,
Все ярче ширится немолкнущее пѣнье,
И я кружусь въ звенящей мглѣ забвенья.
Все выше мчимся мы, туда,
Гдѣ свѣтъ гармоніи всегда,
Гдѣ небеса всегда прекрасны.
И нѣтъ теченій, нѣтъ пути,
Но намъ легко свой путь найти,

Мы чувству музыки подвластны,
И мы спѣшимъ. Отъ лучшихъ сновъ,
Отъ Элизійскихъ острововъ,
Ты мчишь ладью моихъ желаній,
Въ иныя сферы бытія,—
Туда, гдѣ смертная ладья
Еще не вѣдала скитаній,—
Въ тотъ свѣтлый край, гдѣ все любовь,
Гдѣ чище волны, вѣтры тише,
Гдѣ землю, узрѣнную вновь,
Соединимъ мы съ тѣмъ, что всѣхъ предчувствій выше.
Покинувъ Старости пріютъ,
Гдѣ льды свой блескъ холодный льютъ,
Мы Возмужалость миновали,
И Юность, ровный океанъ,
Гдѣ все—улыбка, все—обманъ,
И дѣтство, чуждое печали.
Сквозь Смерть и Жизнь—къ иному дню,
Къ небесно-чистому огню,—
Чтобъ вѣчно дали голубѣли!
Въ Эдемъ уютной красоты,
Гдѣ внизъ глядящіе цвѣты
Струятъ сіянье въ колыбели,—
Гдѣ миръ, гдѣ мѣста нѣтъ борьбѣ,
Гдѣ жизнь не будетъ сномъ докучнымъ,
Гдѣ тѣни, близкія тебѣ,
Блуждаютъ по морямъ, съ напѣвомъ сладкозвучнымъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небо.—Юпитеръ на престолѣ; Ѳетида и другія Божества.

ЮПИТЕРЪ.

Союзъ, подвластный мнѣ,—о силы неба,
Вы дѣлите со мною власть и славу,
Ликуйте! Я отнынѣ всемогущъ.
Моей безмѣрной силѣ все подвластно,
Лишь духъ людской, огнемъ неугасимымъ,
Еще горитъ, взметаясь къ небесамъ,
Съ упреками, съ сомнѣньемъ, съ буйствомъ жалобъ,
Съ молитвой неохотной,—громоздя
Возстаніе, способное подрыться
Подъ самыя основы нашей древней
Монархіи, основанной на вѣрѣ
И страхѣ, порожденномъ вмѣстѣ съ адомъ.
Какъ хлопья снѣга въ воздухѣ летятъ,
Къ утесу прилипая,— такъ въ пространствѣ
Безчисленность моихъ проклятій людямъ
Пристала къ нимъ, заставила взбираться
По скатамъ жизни, ранящимъ ихъ ноги,
Какъ ранитъ ледъ лишеннаго сандалій,—
И все-таки они, превыше бѣдъ,
Стремятся ввысь, но часъ паденья близокъ:
Вотъ только-что родилъ я чудо міра,
Дитя предназначенья, страхъ земли,
И ждетъ оно медлительнаго часа,
Чтобъ съ трона Демогоргона примчать

Чудовищную силу вѣчныхъ членовъ,
Которой этотъ страшный духъ владѣетъ,—
Оно сойдетъ на землю и растопчетъ
Мятежный духъ возстанья.

Ганимедъ,
Налей вина небеснаго, наполни
Какъ бы огнемъ Дедаловыя чаши.
И ты, союзъ торжественныхъ гармоній,
Воспрянь въ цвѣтахъ отъ пажитей небесныхъ,
Всѣ пейте, всѣ,—покуда свѣтлый нектаръ
Въ крови у васъ, о Геніи безсмертья,
Не поселитъ духъ радости живой,
И шумная восторженность прорвется
Въ одномъ протяжномъ говорѣ, подобномъ
Напѣвамъ Элизійскихъ бурь.

А ты,
Блестящій образъ вѣчности, Ѳетида,
Взойди и сядь на тронъ со мною рядомъ,
Въ сіяніи желанія, которымъ
И я, и ты сливаемся въ одно.
Когда кричала ты: «О всепобѣдный
Богъ, пощади меня! Изнемогаю!
Присутствіе твое—огонь палящій;
Я таю вся, какъ тотъ, кого сгубила
Отравой Нумидійская змѣя,»—
Въ то самое мгновеніе два духа
Могучіе, смѣшавшись, породили
Сильнѣйшаго, чѣмъ оба; онъ теперь
Невоплощенный между насъ витаетъ
Невидимо; онъ ждетъ, чтобы къ нему
Отъ трона Демогоргона явилось
Живое воплощенье! Чу! грохочутъ
Среди вѣтровъ колеса изъ огня!
Побѣда! Слышу громъ землетрясенья.
Побѣда! Въ быстролетной колесницѣ
Тотъ мощный духъ спѣшитъ на высь Олимпа.

(Приближается колесница Часа. Демогоргонъ сходитъ и направляется къ трону Юпитера)

Чудовищная форма, кто ты?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вѣчность.
Не спрашивай названія страшнѣе.
Сойди, и въ бездну уходи со мною.
Тебя Сатурнъ родилъ, а ты меня,
Сильнѣйшаго, чѣмъ ты; и мы отнынѣ
Съ тобою будемъ вмѣстѣ жить во тьмѣ.
Не трогай молній. Въ небѣ за тобою
Преемника не будетъ. Если-жь хочешь,
Съ червемъ полураздавленнымъ сравняйся,—
Онъ корчится, покуда не умретъ,—
Что-жь, будь червемъ.

ЮПИТЕРЪ.

Исчадье омерзенья!
Въ глубокихъ Титаническихъ пещерахъ
Тебя я ростопчу. Вотъ такъ! Ты медлишь?

Пощады, о, пощады! Нѣтъ ея!
Ни жалости, ни капли снисхожденья!
О, если-бъ врагъ мой былъ моимъ судьей,
Хоть тамъ, гдѣ онъ виситъ въ горахъ Кавказа,
Прикованный моею долгой местью,
Не такъ бы онъ судилъ меня. Скажи мнѣ,
Онъ кроткій, справедливый и безстрашный,
Монархъ вселенной? Кто же ты? Скажи!
Отвѣта нѣтъ.

Такъ падай же со мною.
Въ угрюмыхъ зыбяхъ гибели умчимся,
Какъ коршунъ съ истощенною змѣей,
Сплетенные въ одномъ объятьи схватки
Низвергнемся въ безбрежный океанъ,
Пусть адское жерло испуститъ пламя,
Пусть въ эту бездну огненную рухнетъ
Опустошенный міръ, и ты, и я,
И тотъ, кто побѣжденъ, и побѣдитель,

И выброски ничтожныя того,
Изъ-за чего была борьба.
О, горе!
Не слушаютъ меня стихіи. Внизъ!
Лечу! Все ниже, ниже! Задыхаюсь!
И, словно туча, врагъ мой торжествомъ
Темнитъ мое паденіе. О, горе!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Устье широкой рѣки на островѣ Атлантидѣ. — Океанъ, склонившійся около берега.—Аполлонъ возлѣ него.

ОКЕАНЪ.

Ты говоришь: онъ палъ? Низвергнутъ въ бездну
Подъ гнѣвомъ побѣдителя?

АПОЛЛОНЪ.

Да! Да!
И лишь борьба, смутившая ту сферу,
Что мнѣ подвластна, кончилась, и звѣзды
Недвижныя на небѣ задрожали,—
Какъ ужасъ глазъ его кровавымъ свѣтомъ
Все небо озарилъ, и такъ онъ палъ
Сквозь полосы ликующаго мрака
Послѣдней вспышкой гаснущаго дня,
Горящаго багряной агоніей
По склону неба, смятаго грозой.

ОКЕАНЪ.

Онъ палъ въ туманность бездны?

АПОЛЛОНЪ.

Какъ орелъ,
Застигнутый надъ высями Кавказа
Взорвавшеюся тучей, въ бурѣ бьется,
И съ вихремъ обнимается крылами,—
И взоръ очей, глядѣвшихъ прямо въ солнце,
Отъ блеска ярко-бѣлыхъ молній слѣпнетъ,
А градъ тяжелый бьетъ его, пока

Онъ внизъ не устремится, точно камень,
Облѣпленный воздушнымъ цѣпкимъ льдомъ.

ОКЕАНЪ.

Отнынѣ подъ мятежными вѣтрами
Поля морей, куда глядится Небо,
Не будутъ подниматься тяжело,
Запятнанныя кровью; нѣтъ, какъ нивы,
Едва шумя въ дыханьи лѣтнихъ дней,
Они чуть слышно будутъ волноваться;
Мои потоки мирно потекутъ
Вокругъ материковъ, кишащихъ жизнью,
Вкругъ острововъ, исполненныхъ блаженства;
И съ троновъ глянцевитыхъ будетъ видно
Протею голубому, влажнымъ нимфамъ,
Какъ будутъ плыть нѣмые корабли;
Такъ смертные, поднявъ глаза, взираютъ
На быструю ладью небесъ—луну,
Съ наполненными свѣтомъ парусами
И съ рулевымъ—вечернею звѣздой,
Влекомой въ быстрой зыби, по отливу
Темнѣющаго дня; мои валы
Въ скитаніяхъ не встрѣтятъ криковъ скорби,
Не встрѣтятъ ни насилія, ни рабства,
А лики—въ глубь глядящихся—цвѣтовъ,
Дыханіе пловучихъ ароматовъ,
И сладостныхъ напѣвовъ музыкальность,
Какая духамъ грезится.

АПОЛЛОНЪ.

А я
Не буду видѣть темныхъ злодѣяній,
Мрачащихъ духъ мой скорбью, какъ затменье
Подвластную мнѣ сферу омрачаетъ.
Но чу! звенитъ серебряная лютня,
То юный духъ на утренней звѣздѣ
Изъ струнъ воздушность гимна исторгаетъ.

ОКЕАНЪ.

Спѣши. Твои недремлющіе кони
Подъ вечеръ отдохнутъ. Пока прощай.
Морская глубь зоветъ меня протяжно,
Чтобъ я питалъ ее лазурной нѣгой,
Что въ урнахъ изумрудныхъ, въ преизбыткѣ.
Скопляется у трона моего.
Смотри, изъ волнъ зеленыхъ Нереиды
Возносятъ по теченью, какъ по вѣтру,
Волнующихся членовъ красоту,
Приподняты ихъ руки къ волосамъ,
Украшеннымъ гирляндами растеній,
Морскими звѣздоносными цвѣтами,—
Они спѣшатъ привѣтствовать восторгъ
Своей сестры могучей.

(*Слышенъ звукъ волнъ*)

Это—море
Спокойной нѣги жаждетъ. Подожди же,
Чудовище. Иду! Прощай.

АПОЛЛОНЪ.

Прощай.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Кавказъ.—Прометей, Геркулесъ. Іона, Земля, Духи, Азія и Пантея несутся въ колесницѣ вмѣстѣ съ Духомъ Часа.
Геркулесъ освобождаетъ Прометея; Прометей сходитъ внизъ.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Славнѣйшій въ царствѣ духовъ! Такъ должна
Служить, какъ рабъ, властительная сила
Предъ мудростью, предъ долгою любовью
Предъ мужествомъ,—передъ тобой, въ чьемъ сердцѣ
Всѣхъ этихъ свѣтлыхъ качествъ совершенство.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова желаннѣй для меня,
Чѣмъ самая свобода, о которой
Такъ долго, такъ мучительно мечталъ я.

Внемлите мнѣ—ты, Азія моя,
Свѣтъ жизни, тѣнь неузрѣннаго солнца,
Вы, сестры-нимфы, сдѣлавшія мнѣ
Года жестокихъ пытокъ сномъ чудеснымъ,
Любовью вашей скрашеннымъ навѣкъ,—
Отнынѣ мы не будемъ разлучаться.
Здѣсь есть пещера; вся она кругомъ
Обвита сѣтью вьющихся растеній,
Семьей цвѣтовъ,—преградою для дня;
Мерцаетъ подъ отливомъ изумруда,
Звучитъ фонтанъ, какъ пѣсня пробужденья;
Съ изогнутаго верха сходятъ внизъ,
Какъ серебро, какъ снѣгъ, какъ брилліанты,
Холодныя спирали, слезы горъ,
Струятъ вокругъ невѣрное сіянье;
И слышенъ здѣсь всегда-подвижный воздухъ,
Отъ дерева онъ къ дереву спѣшитъ,
Съ листа на листъ; тотъ рокотъ—внѣ пещеры;
И слышно пѣнье птицъ, жужжанье пчелъ;
Повсюду видны мшистыя сидѣнья,
И камни стѣнъ украшены травой,
Продолговатой, сочной; здѣсь мы будемъ
Въ жилищѣ невзыскательномъ сидѣть,
Бесѣдовать о времени, о мірѣ,
О томъ, какъ въ немъ приливы и отливы
Проходятъ цѣлымъ рядомъ перемѣнъ,
Межъ тѣмъ какъ мы отъ вѣка неизмѣнны,—
О томъ, какъ человѣка уберечь
Отъ узъ его измѣнчивости вѣчной.
Вздохнете вы, и я вамъ улыбнусь,
А ты, Іона, слухъ нашъ зачаруешь,
Припомнивъ звуки музыки морской,—
Пока изъ глазъ моихъ не брызнутъ слезы,
Чтобъ вы улыбкой стерли ихъ опять.
Переплетемъ лучи, цвѣты, и почки,
Сплетемъ изъ повседневности узоры,
Нежданные по странности своей,—
Какъ то доступно дѣтямъ человѣка

Въ разсвѣтѣ ихъ невинности; мы будемъ
Упорствомъ словъ любви и жадныхъ взглядовъ
Искать сокрытыхъ мыслей, восходя
Отъ свѣтлаго къ тому, въ чемъ больше свѣта,
И точно лютни, тронутыя въ бурю
Воздушнымъ поцѣлуемъ, создадимъ
Все новыхъ-новыхъ звуковъ гармоничность,
Изъ сладостныхъ различій безъ вражды;
Со всѣхъ концовъ небесъ примчатся съ вѣтромъ,—
Какъ пчелы, что съ цвѣтовъ воздушныхъ Энны
Летятъ къ своимъ знакомымъ островамъ,
Домамъ въ Химерѣ,—отзвуки людскіе,
Почти неслышный тихій вздохъ любви,
И горестное слово состраданья,
И музыка, сердечной жизни эхо,
И все, чѣмъ человѣкъ, теперь свободный,
Смягчается и дѣлается лучшимъ;
Красивыя видѣнія,—сперва
Туманныя, блистательныя позже,
Какъ умъ, въ который брошены лучи
Отъ тѣснаго объятья съ красотою,—
Прибудутъ къ намъ: безсмертное потомство,
Чьи свѣтлые родители—Ваянье
И Живопись, и сказочный восторгъ
Поэзіи, и многія искусства,
Что въ эти дни невѣдомы мечтѣ,
Но будутъ ей открыты; рой видѣній,
Призывы, откровенія того,
Чѣмъ будетъ человѣкъ,—восторгъ предчувствій,
Связующихъ зиждительной любовью
Людей и насъ,—тѣ призраки и звуки,
Что быстро измѣняются кругомъ,
Становятся прекраснѣй и нѣжнѣе,
Въ то время какъ добро сильнѣй ростетъ
Среди людей, бѣгущихъ отъ ошибокъ.
Такихъ-то чаръ исполнена пещера
И все вокругъ нея.

(Обращаясь къ Духу Часа)

Прекрасный Духъ,
Еще одно сверши предназначенье.
Дай раковину свѣтлую, Іона,
Которую изъ моря взялъ Протей
Для Азіи, какъ свадебный подарокъ:
Дыша въ нее, онъ вызоветъ въ ней голосъ,
Тобою скрытый въ травахъ подъ скалой.

ІОНА.

Желанный Часъ, изъ всѣхъ Часовъ избранникъ,
Вотъ раковина тайная, возьми;
Играютъ въ ней мистическія краски,
Лазурь, блѣднѣя, чистымъ серебромъ
Ее живитъ и нѣжно одѣваетъ:
Неправда ли, она какъ тотъ напѣвъ,
Что дремлетъ въ ней, мечтою убаюканъ?

ДУХЪ.

Да, въ водахъ Океана нѣтъ другой,
Чтобъ съ ней могла сравниться; въ ней, конечно,
Сокрытъ напѣвъ—и сладостный, и странный.

ПРОМЕТЕЙ.

Спѣши, лети надъ сонмомъ городовъ,
Пусть кони вѣтроногіе обгонятъ
Стремительное солнце, вкругъ земли
Свершающее путь; буди повсюду
Горящій воздухъ; въ раковинѣ свѣтлой
Могучесть звуковъ скрытыхъ воззови,—
На этотъ громъ Земля отвѣтитъ эхомъ,
Потомъ вернись, и будешь вмѣстѣ съ нами
Въ пещерѣ жить. А ты, о Мать Земля—

ЗЕМЛЯ.

Я слышу, слышу устъ родныхъ дыханье,
Твое прикосновеніе доходитъ
До центра брилліантоваго мрака,
Что бьется въ нервахъ мраморныхъ моихъ.
О жизнь! О радость! Чувствую дыханье
Безсмертно-молодое! Вкругъ меня

Какъ будто мчатся огненныя стрѣлы.
Отнынѣ въ лонѣ ласковомъ моемъ
Всѣ дѣтища мои, растенья, рыбы,
Животныя, и птицы, и семья
Ползучихъ формъ и бабочекъ цвѣтистыхъ,
Летающихъ на радужныхъ крылахъ,
И призраки людскіе, что отраву
Въ груди моей увядшей находили,—
Теперь взамѣну яда горькихъ мукъ
Найдутъ иную сладостную пищу;
Всѣ будутъ для меня—какъ антилопы,
Рожденныя одной красивой самкой,
Всѣ будутъ нѣжно-чистыми, какъ снѣгъ,
И быстрыми, какъ вѣтеръ безпокойный,
Питаемый шумящею рѣкой
Средь бѣлыхъ лилій; сонъ мой будетъ рѣять
Росистыми туманами надъ міромъ,—
Бальзамъ для всѣхъ, кто дышетъ въ царствѣ звѣздъ;
Цвѣты, свернувъ листки свои во мракѣ,
Найдутъ во снѣ таинственныя краски,
Что раньше имъ не грезились; а люди
И звѣри, въ сладкой нѣгѣ сновъ ночныхъ,
Для зрѣющаго дня найдутъ блаженство
Нетронутыхъ, нерасточенныхъ силъ;
И будетъ смерть—объятіемъ послѣднимъ
Той матери, что жизнь дала ребенку
И шепчетъ: «Милый, будь со мной всегда».

АЗІЯ.

Зачѣмъ ты вспоминаешь имя смерти?
Скажи, родная; тотъ, кто умираетъ,
Перестаетъ глядѣть, дышать, любить?

ЗЕМЛЯ.

Могу ли я отвѣтить? Ты безсмертна,
А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
Кто мертвое хранитъ молчанье, мертвый;
Смерть есть покровъ, который въ царствѣ жизни
Зовется жизнью: если-жь тотъ, кто жилъ,

Уснетъ навѣкъ,—покровъ предъ нимъ приподнятъ;
А между тѣмъ, въ разнообразьи нѣжномъ,
Проходятъ смѣны осени, зимы,
Весны и лѣта; радугой обвиты,
Спѣшатъ дожди, воздушно шепчутъ вѣтры,
И стрѣлы метеоровъ голубыхъ
Пронизываютъ ночь, и солнце свѣтитъ
Всезрящимъ, вѣчно-творческимъ огнемъ,
И льется влажный блескъ спокойствій лунныхъ;
Вліянія зиждительныя всюду,
Въ лѣсахъ, въ поляхъ, и даже въ глубинѣ
Пустынныхъ горъ, лелѣющихъ растенья.
Но слушай! Есть пещера, гдѣ мой духъ
Изнемогалъ отъ горести безумной,
Дыша твоимъ мученьемъ,—и другіе,
Дышавшіе тѣмъ воздухомъ со мной,
Испытывали также бредъ безумья:
Построивъ храмъ, воздвигли въ немъ оракулъ,
И множество кочующихъ народовъ
Къ войнѣ междоусобной подстрекнули;
Теперь въ мѣстахъ, гдѣ рѣялъ духъ вражды,
Вздыхаетъ дуновеніе фіалокъ,
Сіянье безмятежное поитъ
Прозрачный воздухъ алостью чудесной;
Живутъ лѣса, уклоны горъ; змѣится
Зеленый виноградъ; плететъ узоры
Причудливый, замысловатый плющъ;
Цвѣты,—въ бутонахъ,—въ пышности расцвѣта,—
Съ увядшимъ благовоніемъ,—вздыхаютъ,
Звѣздятся въ вѣтрѣ вспышками цвѣтными;
Висятъ плоды округло-золотые
Въ своихъ родныхъ зеленыхъ небесахъ,
Среди листовъ съ ихъ тканью тонкихъ жилокъ;
Среди стеблей янтарныхъ дышутъ чаши
Пурпуровыхъ цвѣтовъ, блестя росою,
Напиткомъ духовъ; съ шопотомъ о счастьи
Кругомъ чуть вѣютъ крылья сновъ полдневныхъ,
Блаженныхъ, потому что съ нами—ты.

Иди въ свою завѣтную пещеру.
Явись! Возстань!
(Духъ появляется въ образѣ крылатаго ребенка).
Мой факельщикъ воздушный,
Онъ въ древности свѣтильникъ погасилъ,
Чтобъ въ тѣ глаза смотрѣть, откуда снова
Досталъ огня сверкающей любви,
Въ твои глаза, о дочь моя, въ которыхъ
Дѣйствительно горитъ огонь лучистый.
Бѣги впередъ, шалунъ, веди собранье
Все дальше, за Вакхическую Нису,
Пристанище Менадъ,—за выси Инда
Съ подвластной свитой рѣкъ, топчи потоки
Извилистыхъ ручьевъ, топчи озера
Своими неустанными ногами,—
Иди туда, туда, гдѣ мирный долъ,
Къ стремнинѣ зеленѣющей, гдѣ дремлетъ
На глади неподвижнаго прудка,
Среди кристальной влаги, образъ храма,
Стоящаго въ прозрачной высотѣ,
Съ отчетливою стройностью узоровъ
Колоннъ и архитрава, и съ похожей
На пальму капителью, съ цѣлымъ роемъ
Праксителевыхъ формъ, созданій мысли,
Чьи мраморныя кроткія улыбки
Притихшій воздухъ вѣчно наполняютъ
Безсмертіемъ немеркнущей любви.
Тотъ храмъ теперь покинутъ, но когда-то
Твое носилъ онъ имя, Прометей;
Тамъ юноши въ пылу соревнованья
Сквозь мракъ священный въ честь твою несли
Твою эмблему—свѣточъ; вмѣстѣ съ ними
Другіе проносили тотъ же факелъ,
Свѣтильникъ упованія, сквозь жизнь
Идя въ могилу,—какъ и ты побѣдно
Пронесъ его сквозь тьму тысячелѣтій
Къ далекой цѣли Времени. Прощай.
Иди въ тотъ храмъ, иди къ своей пещерѣ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣсъ.—На заднемъ фонѣ пещера.—Прометей, Азія, Пантея, Іона, и Духъ Земли.

ІОНА.

Сестра! Но это что-то неземное!
Какъ онъ легко надъ листьями скользитъ!
Надъ головой его горитъ сіянье,
Какая-то зеленая звѣзда;
Сплетаются съ воздушными кудрями,
Какъ пряди изумрудныя, лучи;
Онъ движется, и вслѣдъ за нимъ на землю
Ложатся пятна снѣга. Кто-бъ онъ былъ?

ПАНТЕЯ.

Прозрачно-нѣжный духъ, ведущій землю
Сквозь небо. Съ многочисленныхъ созвѣздій
Издалека онъ виденъ всѣмъ, и нѣтъ
Другой планеты болѣе прекрасной;
Порою онъ плыветъ вдоль пѣны моря,
Проносится на облакѣ туманномъ,
Блуждаетъ по полямъ и городамъ,
Покуда люди спятъ; онъ бродитъ всюду,
На высяхъ горъ, по водамъ рѣкъ широкихъ,
Средь зелени пустынь, людьми забытыхъ—
Всему дивясь, что видитъ предъ собой.
Когда еще не царствовалъ Юпитеръ,
Онъ Азію любилъ, и каждый часъ,
Когда освобождался отъ скитаній,
Онъ съ нею былъ, чтобъ пить въ ея глазахъ
Лучистое и влажное мерцанье.
Ребячески онъ съ ней болталъ о томъ,
Что̀ видѣлъ, что̀ узналъ, а зналъ онъ много,
Хотя о всемъ по-дѣтски говорилъ.
И такъ какъ онъ не зналъ,—и я не знаю,—
Откуда онъ,—всегда онъ звалъ ее:
«О мать моя!»

ДУХЪ ЗЕМЛИ (*бѣжитъ къ Азіи*).

О мать моя родная!
Могу ли я бесѣдовать съ тобою?
Прильнуть глазами къ ласковымъ рукамъ,
Когда отъ счастья взоры утомятся?
И близь тебя рѣзвиться въ долгій полдень,
Когда въ безмолвномъ мірѣ нѣтъ работы?

АЗІЯ.

Люблю тебя, о милый, нѣжный мой,
Теперь всегда тебя ласкать я буду;
Скажи мнѣ, что ты видѣлъ: рѣчь твоя
Была утѣхой, будетъ наслажденьемъ.

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

О мать моя, я сдѣлался умнѣе,
Хоть въ этотъ день ребенокъ быть не можетъ
Такимъ, какъ ты—и умнымъ, и счастливымъ.
Ты знаешь, змѣи, жабы, червяки,
И хищныя животныя, и вѣтви,
Тяжелыя отъ ягодъ смертоносныхъ,
Всегда преградой были для меня,
Когда скитался я въ зеленомъ мірѣ.
Ты знаешь, что въ жилищахъ человѣка
Меня пугали грубыя черты,
Вражда холодныхъ взглядовъ, гнѣвность, гордость,
Надменная походка, ложь улыбокъ,
Невѣжество, влюбленное въ себя,
Съ усмѣшкою тупой,—и столько масокъ,
Которыми дурная мысль скрываетъ
Прекрасное созданіе,—кого
Мы, духи, называемъ человѣкомъ;
И женщины,—противнѣе, чѣмъ все,
Когда не такъ онѣ, какъ ты, свободны,
Когда не такъ онѣ чистосердечны,—
Такую боль мнѣ въ сердцѣ поселяли,
Что мимо проходить я не рѣшался,
Хотя я былъ незримъ, онѣ же спали;

И вотъ, послѣдній разъ, мой путь лежалъ
Сквозь городъ многолюдный, къ чащѣ лѣса,
Къ холмамъ, вокругъ него сплетеннымъ цѣпью;
Дремалъ у входа въ городъ часовой;
Какъ вдругъ раздался возгласъ, крикъ призывный,—
И башни въ лунномъ свѣтѣ задрожали:
То былъ призывъ могучій, нѣжный, долгій,
Онъ кончиться какъ будто не хотѣлъ;
Вскочивъ съ постелей, граждане сбѣжались,
Дивясь, они глядѣли въ Небеса,
А музыка гремѣла и гремѣла;
Я спрятался въ фонтанъ, въ тѣнистомъ скверѣ,
Лежалъ, какъ отраженіе луны,
Подъ зеленью листовъ, на зыбкой влагѣ,
И вскорѣ всѣ людскія выраженья,
Пугавшія меня, проплыли мимо
По воздуху, блѣднѣющей толпой.
Развѣялись, растаяли, исчезли;
И тѣ, кого покинули они,
Видѣньями плѣнительными стали,
Ниспала съ нихъ обманчивая внѣшность;
Привѣтствуя другъ друга съ восхищеньемъ,
Всѣ спать пошли; когда же свѣтъ зари
Забрезжился,—не можешь ты представить,—
Вдругъ змѣи, саламандры и лягушки,
Немного измѣнивши видъ и цвѣтъ,
Красивы стали; все преобразилось;
Въ вещахъ дурное сгладилось; и вотъ,
Взглянулъ я внизъ на озеро, и вижу—
Къ водѣ склонился кустъ, переплетенный
Съ вѣтвями белладонны; на вѣтвяхъ
Усѣлись два лазурныхъ зимородка
И быстрыми движеніями клюва
Счищали гроздья свѣтлыхъ ягодъ амбры,
Ихъ образы виднѣлись въ глади водъ,
Какъ въ небѣ; видя всюду перемѣны
Счастливыя, мы встрѣтились опять,
И въ этой новой встрѣчѣ—верхъ блаженства.

АЗІЯ.

И больше мы не будемъ разлучаться,
Пока твоя стыдливая сестра,
Ведущая непостоянный мѣсяцъ,—
Холодную луну,—не взглянетъ съ лаской
На болѣе горячее свѣтило,
И сердце у нея, какъ снѣгъ, растаетъ,
Чтобъ въ свѣтѣ вешнихъ дней тебя любить.

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Не такъ ли, какъ ты любишь Прометея?

АЗІЯ.

Молчи, проказникъ. Что̀ ты понимаешь?
Ты думаешь, взирая другъ на друга,
Вы можете самихъ себя умножить,
Огнями напоить подлунный воздухъ?

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Нѣтъ, мать моя, пока моя сестра
Свѣтильникъ свой на небѣ оправляетъ,
Идти впотьмахъ мнѣ трудно.

АЗІЯ.

Тсс! Гляди!

(*Духъ Часа входитъ*)

ПРОМЕТЕЙ.

Мы чувствуемъ, что̀ видѣлъ ты, и слышимъ,
Но все же говори.

ДУХЪ ЧАСА.

Какъ только звукъ,
Обнявшій громомъ землю съ небесами,
Умолкъ,—свершилась въ мірѣ перемѣна.
Свѣтъ солнца вездѣсущій, тонкій воздухъ
Таинственно вездѣ преобразились,
Какъ будто въ нихъ растаялъ духъ любви
И слилъ ихъ съ міромъ въ сладостномъ объятьи.
Острѣе стало зрѣніе мое,
Я могъ взглянуть въ святилища вселенной;

Отдавшись вихрю, внизъ поплылъ я быстро,
Лѣнивыми крылами развѣвая
Прозрачный воздухъ; кони отыскали
На солнцѣ мѣсто; гдѣ они родились,
И тамъ отнынѣ будутъ жить, питаясь
Цвѣтами изъ ростущаго огня.
Тамъ встану я съ своею колесницей,
Похожей на луну, увижу въ храмѣ
Плѣнительныя Фидіевы тѣни—
Тебя, себя, и Азію съ Землей,
И васъ, о нимфы нѣжныя,—глядящихъ
На ту любовь, что въ нашихъ душахъ блещетъ;
Тотъ храмъ воскреснетъ въ память перемѣнъ,
Вздымаясь на двѣнадцати колоннахъ,
Глядя открыто въ зеркало небесъ
Нѣмымъ соборомъ, съ фресками-цвѣтами;
И змѣи-амфисбены...

Но увы!
Увлекшись, ничего не говорю я
О томъ, что̀ вы хотѣли бы узнать.
Какъ я сказалъ, я плылъ къ землѣ, и было
До боли сладко двигаться и жить.
Скитаясь по жилищамъ человѣка,
Я былъ разочарованъ, не увидѣвъ
Такихъ же полновластныхъ перемѣнъ,
Какія ощутилъ я въ мірѣ внѣшнемъ.
Но это продолжалось только мигъ.
Увидѣлъ я, что больше нѣтъ насилій,
Тирановъ нѣтъ, и нѣтъ ихъ троновъ больше,
Какъ духи, люди были межь собой,
Свободные; презрѣніе, и ужасъ,
И ненависть, и самоуниженье
Во взорахъ человѣческихъ погасли,
Гдѣ прежде въ страшный приговоръ сплетались,
Какъ надпись на стѣнѣ у входа въ адъ:
«Кто въ эту дверь вошелъ, оставь надежду!»
Никто не трепеталъ, никто не хмурилъ
Очей угрюмыхъ; съ острымъ чувствомъ страха

Никто не долженъ былъ смотрѣть другому
Въ холодные глаза и быть игрушкой
Въ рукахъ тирановъ, гонящихъ раба
Безжалостно, покуда не падетъ онъ,
Какъ загнанная лошадь; я не видѣлъ,
Чтобъ кто-нибудь съ усмѣшкой спуталъ правду,
Храня въ своей душѣ отраву лжи;
Никто огня любви, огня надежды
Въ своемъ остывшемъ сердцѣ не топталъ,
Чтобы потомъ, съ изношенной душою,
Среди людей влачиться, какъ вампиръ,
Внося во все своей души заразу;
Никто не говорилъ холоднымъ, общимъ,
Лишеннымъ содержанья языкомъ,
Твердящимъ *нѣтъ* на голосъ утвержденья,
Звучащій въ сердцѣ; женщины глядѣли
Открыто, кротко, съ нѣжной красотою,
Какъ небо, всѣхъ ласкающее свѣтомъ,—
Свободныя отъ всѣхъ обычныхъ золъ,
Изящныя блистательныя тѣни,
Онѣ легко скользили по землѣ,
Бесѣдуя о мудрости, что прежде
Имъ даже и не снилась,—видя чувства,
Которыхъ раньше такъ онѣ боялись,—
Сливаясь съ тѣмъ, на что дерзнуть не смѣли,
И землю обращая въ небеса;
Исчезли ревность, зависть, вѣроломство,
И ложный стыдъ, горчайшій изъ всего,
Что портило восторгъ любви—забвенье.
Суды и тюрьмы, все, что было въ нихъ,
Все, что ихъ спертымъ воздухомъ дышало,
Орудья пытокъ, цѣпи, и мечи,
И скипетры, и троны, и тіары,
Тома холодныхъ, жесткихъ размышленій,
Какъ варварскія глыбы, громоздились,
Какъ тѣнь того, чего ужь больше нѣтъ,—
Чудовищные образы, что смотрятъ
Съ безсмертныхъ обелисковъ, поднимаясь

Надъ пышными гробницами, дворцами
Тѣхъ, кто завоевалъ ихъ,—рядъ эмблемъ,
Намекъ на то, что прежде было страхомъ,—
Видѣнія, противныя—и богу,
И сердцу человѣка; въ разныхъ формахъ
Они служили дикимъ воплощеньемъ
Юпитера,—мучителя міровъ,—
Народности, окованныя страхомъ,
Склонялись передъ ними, какъ рабы,
Съ разбитымъ сердцемъ, съ горькими слезами,
Съ мольбою, оскверненной грязью лести—
Тому, къ кому они питали страхъ;
Теперь во прахѣ идолы; распались;
Разорванъ тотъ раскрашенный покровъ,
Что въ дни былые жизнью назывался
И былъ изображеніемъ небрежнымъ
Людскихъ закоренѣлыхъ заблужденій;
Упала маска гнусная; отнынѣ
Повсюду будетъ вольнымъ человѣкъ,
Братъ будетъ равенъ брату, всѣ преграды
Исчезли межь людьми; племенъ, народовъ,
Сословій больше нѣтъ; въ одно всѣ слились,
И каждый полновластенъ надъ собой;
Настала мудрость, кротость, справедливость;
Душа людская страсти не забудетъ,
Но въ ней не будетъ мрака преступленья,
И только смерть, измѣнчивость и случай
Останутся послѣднею границей,
Послѣднимъ слабымъ гнетомъ надъ движеньемъ
Души людской, летящей въ небеса,—
Туда, гдѣ высшій ликъ звѣзды блистаетъ
Въ предѣлахъ напряженной пустоты.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена.—Часть лѣса вблизи пещеры Прометея.—Пантея и Іона спятъ; въ теченіи первой пѣсни онѣ постепенно пробуждаются.

ГОЛОСЪ НЕЗРИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Звѣзды, блѣднѣя, ушли,
Свѣтъ ихъ потухъ;
Солнце вдали,
Ихъ быстрый пастухъ,
Въ выси голубой
Блескомъ своимъ
Гонитъ стада ихъ домой,—
Встаетъ въ глубинѣ разсвѣта,
Метеоры гаснутъ за нимъ
Въ волнахъ голубого свѣта,
И близкія звѣзды къ далекой звѣздѣ
Спѣшатъ, отдаваясь предутреннимъ играмъ,
Толпятся, какъ лани предъ тигромъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

ДЛИННЫЙ РЯДЪ ТЕМНЫХЪ ФОРМЪ И ТѢНЕЙ СМУТНО ПРОХОДИТЪ СЪ ПѢНІЕМЪ.

Идемъ мы къ забвенью,
Несемъ къ погребенью
Отца отошедшихъ годовъ;
Уносимъ мы въ вѣчность
Временъ безконечность,
Мы тѣни погибшихъ Часовъ!

Не зеленью тиса,
Не сномъ кипариса,

А мрачностью мертвыхъ цвѣтовъ,—
Не свѣтлой росою,—
Почтите слезою
Царя отошедшихъ Часовъ!

Скорѣе, скорѣе!
Какъ тѣни, блѣднѣя,
Бѣгутъ предъ сіяніемъ дня,
Небесной пустыней,
Бездонной и синей,
Развѣются въ брызгахъ огня,—

Такъ пѣной мы таемъ,
Бѣжимъ, пропадаемъ
Предъ чадами лучшаго дня;
И вѣтры за нами
Чуть плещутъ крылами,
Чуть плещутъ, крылами звеня!

ІОНА.

Кто тамъ шествуетъ толпой?

ПАНТЕЯ.

То минувшіе Часы
Мчатся длинною тропой
Въ свѣтѣ гаснущей росы.

ІОНА.

Гдѣ же всѣ они?

ПАНТЕЯ.

Ушли.
Вонъ ужь тамъ, вдали, вдали,
Обогнали молній свѣтъ,—
Лишь сказали мы, ихъ нѣтъ.

ІОНА.

Ушли, но куда? Къ Небесамъ? Или къ морю огромному?

ПАНТЕЯ.

Ушли навсегда къ невозвратному, къ мертвому, къ темному.

ГОЛОСЪ НЕЗРИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Сбираются тучи и таютъ,
И звѣздныя росы блистаютъ,
Рѣдѣетъ туманъ,
Высоты безмолвны,
Всталъ Океанъ,
Пляшутъ шумящія волны;
Въ синей водѣ
Рождается грохотъ,
Паническій хохотъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

Безсмертныя сосны-громады
Поютъ вѣковыя баллады;
Ихъ голосъ могучъ,
Звенятъ ихъ вершины;
Плещется ключъ,
Музыкѣ внемлютъ долины,
Радость вездѣ,
Въ восторгѣ истомы
Рождаются громы.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

ІОНА.

Кто они?

ПАНТЕЯ.

Гдѣ они?

ПОЛУХОРЪ ЧАСОВЪ.

Заклятія духовъ Земли и Лазури
Порвали узорное кружево сна;
Мы спали глубоко въ дыханіи бури.

ГОЛОСЪ.

Глубоко?

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Глубоко: гдѣ спитъ глубина.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Надъ нами во мракѣ склонялись видѣнья

Бѣжали столѣтья, враждою полны,
И мы открывали глаза на мгновенье,
Чтобъ встрѣтиться съ правдой—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Страшнѣе, чѣмъ сны.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Любовь позвала насъ, и мы задрожали,
Внимали мы лютнѣ Надежды во снѣ,
И вѣянье Власти услышавъ, бѣжали—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Какъ утромъ волна убѣгаетъ къ волнѣ.

ХОРЪ.

Носитесь, кружитесь по склонамъ зефира,
Пронзайте напѣвомъ нѣмой небосводъ,
Чтобъ день торопливый не скрылся изъ міра
Въ пещерѣ полночной, за дымкою водъ.
Когда-то Часы безпощадной толпою,
Голодные, гнали испуганный день;
Теперь онъ не будетъ долиной ночною
Бѣжать, какъ бѣжитъ полумертвый олень.
Сплетемъ же, сплетемъ полнотою пѣвучей
И пѣсни и пляски въ живое звено,
Чтобъ духи блаженства, какъ радуга съ тучей,
Съ Часами сливались.

ГОЛОСЪ.

Сливались въ одно.

ПАНТЕЯ.

Толпятся Духи разума людского,
Закутаны, какъ въ свѣтлую одежду,
Въ гармонію напѣвовъ неземныхъ!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Въ восторгѣ своемъ
Мы пляшемъ, поемъ,
И дикіе вихри свистятъ;

Такъ съ птичьей толпой
Надъ бездной морской
Летучія рыбы летятъ.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Откуда вы мчитесь? Безуменъ вашъ взглядъ!
На вашихъ сандаліяхъ искры горятъ,
Стремительны крылья, какъ мысли полетъ,
Во взорахъ любовь никогда не умретъ!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Изъ людского ума,
Гдѣ сгущалася тьма,
Гдѣ была слѣпота безъ просвѣта;
Тамъ растаялъ туманъ,
Тамъ теперь океанъ,
Небеса безграничнаго свѣта.

Изъ глубокихъ пучинъ,
Гдѣ лишь свѣтъ—властелинъ,
Гдѣ дворцы и пещеры—хрустальны,
Гдѣ съ воздушныхъ высотъ
Вьется Думъ хороводъ,
Гдѣ Часы навсегда безпечальны.

Изъ нѣмыхъ уголковъ,
Гдѣ въ прозрачный альковъ
Никогда не заглянутъ измѣны;
Изъ лазурной тиши,
Гдѣ улыбки Души
Зачаруютъ, какъ пѣсня сирены.

Гдѣ Поэзіи свѣтъ,
Гдѣ Скульптуры привѣтъ,
Гдѣ Наука, вздохнувъ отъ усилья.
Ключевою водой
И росой молодой
Освѣжаетъ Дедаловы крылья.

За годами года
Намъ грозила Сѣда
И съ тоскою мы ждали блаженства,
Но въ травѣ острововъ
Было мало цвѣтовъ,
Полумертвыхъ цвѣтовъ совершенства.

А теперь нашъ полетъ
Человѣческій родъ
Орошаетъ бальзамомъ участья
И любовь изъ всего
Создаетъ торжество,
Создастъ Элизійское счастье.

ХОРЪ ДУХОВЪ И ЧАСОВЪ.

Сплетемте-жь узоры мелодій пѣвучихъ;
Съ небесныхъ глубинъ, отъ предѣловъ земли,
Придите, о Духи восторговъ могучихъ,
Чтобъ пѣсни и пляски устать не могли;
Какъ дождь между молній проворныхъ и жгучихъ
Мы будемъ, блистать въ золотистой пыли,
Мы будемъ какъ звуки поющаго грома,
Какъ волны, какъ тысячи брызгъ водоема.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Мы закрытую дверь
Отомкнули теперь,
Мы свободны, свободны, какъ птицы;
По высотамъ летимъ,
За звѣздою слѣдимъ,
Догоняемъ сверканье зарницы.

Мы уходимъ за грань;
Многозвѣздную ткань
Разрываемъ въ бездонной лазури;
Смерть, и Хаосъ, и Ночь
Устремляются прочь,
Какъ туманъ отъ грохочущей бури.

Нашъ могучій полетъ
Всѣмъ Дыханье даетъ,
И Любовь улыбается Нѣгѣ;
Звѣздъ играющій рой,
Свѣтъ, и Воздухъ съ Землей
Сочетаются въ огненномъ бѣгѣ.

Въ пустотѣ мы поемъ
И чертогъ создаемъ,
Будетъ Мудрость царить въ немъ, свѣтлѣя;
Возрожденья хотимъ,
Новый міръ создадимъ,
Назовемъ его сномъ Прометея.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонію словъ,
Одни оставайтесь, умчитесь другіе;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Насъ манитъ за небо, за ткань облаковъ;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Насъ держатъ, къ намъ ластятся чары земныя;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы быстры, мы дики, свободны во всемъ,
Мы новую землю мечтой создаемъ,
У неба не проснмъ отвѣта;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы шествуемъ тихимъ и яснымъ путемъ,
И Ночь обгоняемъ, и День мы ведемъ,
Мы—Геніи чистаго свѣта;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы вьемся, поемъ,—и являются сномъ
Деревья, и звѣри, и тучи кругомъ,
И въ хаосѣ дышутъ видѣнья;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы вьемся вокругъ океановъ земли,

И горы, какъ тѣни, подъ нами легли,—
Созвучія нашего пѣнья.

ХОРЪ ЧАСОВЪ И ДУХОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонію словъ,
Одни оставайтесь, умчитесь другіе;
Для нѣжной любви мы сплетаемъ покровъ,
Мы всюду несемъ откровенія сновъ,
Несемъ облака дождевыя.

ПАНТЕЯ.

Они ушли!

ІОНА.

Но развѣ ты не слышишь,
Какъ дышетъ сладость нѣжности минувшей?

ПАНТЕЯ.

О, слышу! Такъ зеленые холмы
Смѣются милліономъ свѣтлыхъ капель,
Когда гроза, промчавшись, отзвучитъ.

ІОНА.

И вновь, пока бесѣда наша длится,
Кругомъ встаютъ иныя сочетанья
Пѣвучихъ звуковъ.

ПАНТЕЯ.

То напѣвъ чудесный.
То музыка грохочущаго міра,
Летящаго по воздуху нѣмому
И въ вѣтрѣ зажигающаго звуки
Эоловыхъ мелодій.

ІОНА.

Слушай, слушай!
Еще звучатъ стихающіе звуки,
Пронзительно-сребристые напѣвы,
Чаруютъ душу, съ чувствами живутъ
Однимъ созвучьемъ братскимъ, точно звѣзды,
Кто въ воздухѣ зимы кристальной свѣтятъ,
Глядя на ликъ свой въ зеркалѣ морей,

ПАНТЕЯ.

Но видишь, тамъ, среди вѣтвей нависшихъ,
Раздвинулись прогалины въ лѣсу,
Средь мховъ густыхъ, съ фіалками сплетенныхъ,
Одинъ ручей раскинулъ два теченья,
И два ключа спѣшатъ, какъ двѣ сестры,
Чтобъ встрѣтиться съ улыбкой послѣ вздоховъ.
Тамъ два видѣнья въ блескѣ непонятномъ
Плывутъ въ волнахъ магическихъ мелодій,
Что все звончѣй, настойчивѣй звучатъ
Во мглѣ земли, въ безвѣтріи лазури.

ІОНА.

Я вижу, колесница быстро мчится,
Какъ та ладья тончайшая, въ которой
По тающимъ волнамъ глубокой ночи
Мать мѣсяцевъ уносится на Западъ,
Когда встаетъ отъ междулунныхъ сновъ,
Обвѣянныхъ покровомъ нѣжной дымки.
И темные холмы, лѣса, долины
Отчетливо изъ этой мглы ростутъ,
Какъ тѣни въ свѣтломъ зеркалѣ у мага;
Ея колеса—тучи золотыя,
Подобныя громадамъ разноцвѣтнымъ,
Что геніи громовъ молніеносныхъ
Надъ моремъ озареннымъ громоздятъ,
Въ тотъ часъ, какъ солнце ринется за волны;
Какъ будто вѣтромъ внутреннимъ гонимы,
Они ростутъ, и катятся, и блещутъ;
Внутри сидитъ крылатое дитя,
Его лицо блистаетъ бѣлизною
Нетронутаго снѣга; перья крыльевъ—
Какъ пухъ мороза въ солнечныхъ лучахъ;
Сквозь складки перламутровой одежды
Воздушно-бѣлой, дышетъ красота
Лучисто-бѣлыхъ членовъ; кудри—бѣлы,
Какъ бѣлый свѣтъ, разсыпанный по струнамъ,
Но взоръ двухъ глазъ—два неба влажной тьмы,

Какъ будто Божество туда излилось,
Какъ буря изливается изъ тучъ,
И стрѣльчатыхъ рѣсницъ густыя тѣни
Холодный свѣтлый воздухъ умягчаютъ;
Въ рукѣ того крылатаго дитяти—
Дрожащій лунный лучъ; съ его конца,
Какъ кормчій, сходитъ правящая сила,
Ведя по тучамъ эту колесницу,
Межъ тѣмъ какъ тучи мчатся надъ травой,
Надъ царствомъ волнъ, цвѣтовъ, и будятъ звуки
Нѣжнѣй, чѣмъ звонъ поющаго дождя.

ПАНТЕЯ.

А изъ другой прогалины стремится,
Съ гармоніей кружащихся циклоновъ,
Иная сфера,—сотни тысячъ сферъ
Какъ будто въ ней вращаются,—кристаллы
Могли бы съ ней по плотности сравниться,
Но сквозь нее, какъ сквозь просторъ пустой,
Плыветъ сіянье, музыка: я вижу,
Какъ тысячи круговъ, одинъ въ другомъ,
Одинъ легко летящій изъ другого,
Сплетаются, пурпурно-золотые,
Лазурные, играющіе свѣтомъ,
То бѣлымъ, то зеленымъ; сфера въ сферѣ;
И каждое пространство между ними
Населено нежданными тѣнями,
Какія снятся духамъ въ глубинѣ
Безжизненныхъ просторовъ, чуждыхъ свѣта;
Но каждая изъ тѣхъ тѣней прозрачна,
И всѣ онѣ вращаются, кружатся,
Въ богатствѣ направленій разнородныхъ,
На тысячѣ незримыхъ тонкихъ осей,
И съ силой быстроты, въ себѣ самой
Рождающей и гибель, и начало,
Настойчиво, торжественно стремятся,
И смѣшанностью звуковъ зажигаютъ
Разумность словъ, безуміе напѣвовъ;

Вращеніемъ могучимъ сложный шаръ,
Какъ жерновомъ, захватываетъ воды
Блестящаго ручья, дробитъ ихъ мелко,
Изъ нихъ лазурный дѣлаетъ туманъ—
На свѣтъ похожей тонкости стихійной;
И дикій ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ,
Богатство пѣсенъ воздуха, деревьевъ,
Живыхъ стеблей, листовъ переплетенныхъ,
Съ ихъ свѣтомъ переливно-изумруднымъ,
Вкругъ этой напряженной быстроты,
Въ себѣ самой преграду находящей,
Сливаются легко въ одну воздушность,
Гдѣ тонутъ чувства. Въ самомъ центрѣ шара,
Склонясь на алебастровыя руки,
Свернувши крылья, кудри разметавъ,
Забылся Духъ Земли въ дремотѣ сладкой,
Усталое и нѣжное дитя,
Едва лепечутъ маленькія губы,
Въ невѣрномъ свѣтѣ собственныхъ улыбокъ,
И чудится, что шепчетъ онъ о томъ,
Чтó любитъ въ сновидѣніи.

ІОНА.

Онъ только
Гармоніи всей сферы подражаетъ.

ПАНТЕЯ.

Съ его чела звѣзда струитъ лучи,
Подобные мечамъ огнисто-синимъ
И копьямъ золотымъ, переплетеннымъ
Съ листами кроткой мирты—символъ мира
Земли и неба, слитыхъ воедино—
Огромные лучи, какъ будто спицы
Колесъ незримыхъ,—кружатся они
Съ круженьемъ сферы; молніи трепещутъ,
Летятъ, бѣгутъ, пространство заполняютъ,
Здѣсь косвенны они, а тамъ отвѣсны,
Огнемъ пронзаютъ сумрачную почву,
И грудь земли разоблачаетъ тайны;

Виднѣются безъ счета рудники,
Въ нихъ слитки золотые, бриліанты,
Игра камней невиданныхъ, безцѣнныхъ,
Пещеры на столбахъ изъ хрусталя,
Съ отдѣлкой изъ серебряныхъ растеній,
Бездонные колодцы изъ огня;
Ключи прозрачной влажности, кормильцы
Своихъ дѣтей—морей необозримыхъ,
Сплетающихъ свои пары въ узоры—
Царямъ земли, вершинамъ горъ, покрытымъ
Воздушностью нетронутыхъ снѣговъ,
Одеждою изъ царскихъ горностаевъ;
Лучи горятъ, и въ блескѣ ихъ встаютъ
Умершихъ цикловъ скорбныя руины;
Вонъ якори, обломки кораблей;
Вонъ доски, превратившіяся въ мраморъ;
Колчаны, шлемы, копья; рядъ щитовъ,
Съ верхушками—какъ голова Горгоны;
Украшенныя рѣжущей косою,
Военныя повозки; цѣлый міръ
Знаменъ, трофеевъ, битвенныхъ животныхъ,
Вкругъ чьей толпы смѣялась смерть; эмблемы
Погибшія умершихъ разрушеній;
Развалина въ развалинѣ! Обломки
Обширныхъ населенныхъ городовъ,
Чьи жители, засыпанные прахомъ,
Когда-то были, двигались и жили
Толпой нечеловѣческой, хоть смертной;
Лежатъ изображенья страшныхъ дѣлъ,
Раскинуты ихъ грубые скелеты,
Ихъ статуи, ихъ капища, дома:
Объятыя сѣдымъ уничтоженьемъ,
Чудовищныя формы, другъ на другѣ,
Другъ другомъ сжаты, стиснуты, разбиты,
Въ угрюмой, безпощадной глубинѣ;
Другіе сверху видятся скелеты
Крылатыхъ и невѣдомыхъ существъ,
Скелеты рыбъ, что были островами

Подвижной чешуи,—цѣпей когтистыхъ,
Гигантскихъ змѣй,—одни изъ нихъ свились
Вкругъ черныхъ скалъ,—другіе, въ смертныхъ
мукахъ
Своею извивающейся мощью
Испепеливъ желѣзные утесы,
Застыли въ грудахъ праха; въ высотѣ
Виднѣется зубчатый аллигаторъ,
И землю потрясавшій бегемотъ;
Среди звѣрей они царями были
И, точно черви въ лѣтній день на трупѣ,
Плодились въ вязкомъ илѣ, размножались
На берегахъ, средь исполинскихъ травъ,
До той поры, когда потопъ, сорвавшись
Со свода голубого, задушилъ ихъ
Одеждою текучей, между тѣмъ какъ,
Разинувъ пасть, они пугали воздухъ
Пронзительнымъ, протяжно-дикимъ воплемъ,
Иль, можетъ быть, до той поры, когда
Промчался Богъ какой-нибудь по небу,
На огненной кометѣ пролетѣлъ,
И крикнулъ: „Да не будетъ ихъ!"—И вотъ ужь,
Какъ этихъ словъ, ихъ въ мірѣ больше нѣтъ.

ЗЕМЛЯ.

Восторгъ, безумье, счастье, торжество!
Безбреженъ блескъ блаженства моего!
Я вся горю, дрожу отъ изступленья!
Во мнѣ для муки мѣста нѣтъ,
Меня, какъ тучу, обнялъ свѣтъ,
Уноситъ бури дуновенье.

ЛУНА.

О счастливая сфера земли,
Братъ, спокойно бѣгущій вдали,
Отъ тебя устремляется Духъ изъ огня,
Онъ пѣвучъ, онъ могучъ, онъ подобно ручью
Проникаетъ въ замерзшую сферу мою,
Онъ проходитъ, любя, и дыша, и звеня,
Сквозь меня, сквозь меня!

ЗЕМЛЯ.

Мои пещеры, долы, склоны горъ,
Мои ключи, бѣгущіе въ просторъ,
Грохочутъ побѣдительностью смѣха;
Вулканы вторятъ имъ, горя,
Пустыни, тучи и моря
Имъ шлютъ хохочущее эхо.

Они кричатъ: Проклятіе всегда
Пугало насъ; намъ грезилась бѣда,
Зловѣщая угроза разрушенья;
Земля дрожала, и надъ ней
Изъ тучъ свергался дождь камней,
Живому несъ уничтоженье.

Чума плыла вездѣ, во всѣ концы;
Соборы, обелиски, и дворцы,
И сонмы горъ, окутанныхъ лавиной,
Листы, прильнувшіе къ вѣтвямъ,
Лѣса подобные морямъ,
Казались мертвенной трясиной.

О, счастіе! Уничтоженьемъ зло
Исчерпано; растаяло; прошло;
Все выпито, какъ стадомъ ключъ въ пустынѣ;
И небеса уже не тѣ,
И въ безпредѣльной пустотѣ
Любовь—любовь горитъ отнынѣ.

ЛУНА.

Снѣга на моихъ помертвѣлыхъ горахъ
Превратились въ ручьи говорящіе,
Мои океаны сверкаютъ въ лучахъ,
Гремятъ, какъ напѣвы звенящіе.
Духъ загорѣлся въ груди у меня,
Что-то рождается, нѣжно звеня,
Духъ твой, согрѣтый въ кипучемъ огнѣ,
Дышетъ на мнѣ,—
На мнѣ!

Въ равнинахъ моихъ выростаютъ цвѣты,
И зеленые стебли качаются,
Въ лучахъ изумрудныхъ твоей красоты
Влюбленныя тѣни встрѣчаются.
Музыкой дышетъ мой воздухъ живой,
Море колышетъ просторъ голубой,
Тучи, растаявъ, сгущаются вновь,
Это любовь,—
Любовь!

ЗЕМЛЯ.

Всѣ камни, весь гранитъ проникнутъ ей,
Узлы глубокихъ спутанныхъ корней,
Листы, что чуть трепещутъ на вершинахъ;
Она проносится въ вѣтрахъ,
Живетъ въ забытыхъ мертвецахъ,
Въ никѣмъ незнаемыхъ долинахъ.

И какъ гроза изъ облачной тюрьмы
Гремитъ, встаетъ, взрывается изъ тьмы,—
Болото мысли, спавшее отъ вѣка,
Огнемъ любви возмущено,
И страхъ съ тоскою за одно
Бѣгутъ, бѣгутъ отъ человѣка.

Многостороннимъ зеркаломъ онъ былъ
И столько отраженій извратилъ;
Теперь любовь не смята въ немъ обманомъ,
Теперь душа съ душой людской,
Какъ небо съ бездною морской
Горятъ единымъ океаномъ.

Ребенокъ зачумленный такъ идетъ
За звѣремъ заболѣвшимъ, все впередъ,
Къ расщелинѣ, гдѣ ключъ цѣлебный блещетъ,
И возвращается домой,
Здоровый, розовый, живой,
И мать рыдаетъ и трепещетъ.

Теперь душа людей слилась въ одно—
Любви и мысли мощное звено,
И властвуетъ надъ сонмомъ силъ природныхъ,
Какъ солнце въ безднѣ голубой
Царемъ блистаетъ надъ толпой
Планетъ и всѣхъ свѣтилъ свободныхъ.

Изъ многихъ душъ единый духъ возникъ,
Въ себѣ самомъ всему нашелъ родникъ,
Въ немъ все течетъ, сливаясь на просторѣ,
Какъ всѣ потоки, всѣ ручьи
Несутъ теченія свои
Въ неисчерпаемое море.

Обычныхъ дѣлъ знакомая семья
Живетъ въ зеленой рощѣ бытія,
И новыя въ нихъ краски заблистали;
Никто не думалъ никогда,
Чтобъ скорбь и тягости труда
Когда-нибудь такъ легки стали.

Людская воля, страсти, мракъ заботъ
Слились, преображенныя, и вотъ
Корабль крылатый мчится океаномъ,
Любовь на немъ, какъ рулевой,
Волна звучитъ, ростетъ прибой
И манитъ къ новымъ дикимъ странамъ.

Все въ мірѣ признаетъ людскую власть,
На мраморѣ запечатлѣлась страсть,
И въ краскахъ спятъ людскихъ умовъ мечтанья,
Изъ свѣтлыхъ нитей—для дѣтей—
Сплетаютъ руки матерей
Живыя ткани одѣянья.

Людской языкъ—Орфическій напѣвъ,
И мысли внемлютъ звукамъ, присмирѣвъ,
Ростутъ по зову стройныхъ заклинаній,

И громъ изъ дальнихъ облаковъ
Гремитъ въ отвѣтъ на звучный зовъ
И ждетъ послушно приказаній.

И взоромъ человѣка сочтены
Всѣ звѣзды многозвѣздной глубины,
Они идутъ покорными стадами;
И бездна къ небу говоритъ:
«И твой, и твой покровъ раскрытъ!
Людская мысль царитъ надъ нами!»

ЛУНА.

Наконецъ отъ меня отошла
Бѣлой смерти упорная мгла,—
Мой могильный покровъ
Мертвыхъ сновъ и снѣговъ;
И въ зеленой пустынѣ моей молодой,
Обнимаясь, идетъ за счастливой четой
Молодая чета;
И хоть въ дѣтяхъ твоихъ дышетъ высшая власть,
Но въ сердцахъ у моихъ—та же нѣга и страсть,
И одна красота.

ЗЕМЛЯ.

Какъ теплое дыханіе зари,
Обнявъ росу, живитъ ея кристалы,
И золотомъ пронзаетъ янтари,
И ласки дня властительны и алы,
И мчится ввысь крылатая роса,
Скитается, воздушна и лучиста,
До вечера не броситъ небеса,
Весь день виситъ руномъ изъ аметиста,—

ЛУНА.

Такъ и ты лежишь, объята
Блескомъ радостей безпечныхъ—
Своего же аромата
И своихъ улыбокъ вѣчныхъ.
Сколько есть свѣтилъ небесныхъ,

Всѣ тебѣ струятъ сіянье,
Изъ лучей плетутъ чудесныхъ
Золотое одѣянье.
И богатствомъ свѣтлой сферы
Ты струишь потокъ огня,
Ты лучи свои безъ мѣры
Проливаешь на меня.

ЗЕМЛЯ.

Вращаюсь я подъ пирамидой ночи,
Она горитъ въ лазури гордымъ сномъ,
Глядитъ въ мои восторженныя очи,
Чтобъ я могла упиться торжествомъ;
Такъ юноша, въ любовныхъ снахъ вздыхая,
Лежитъ подъ тѣнью прелести своей
И нѣжится, и слышитъ пѣсни Рая,
Подъ грѣющей улыбкою лучей.

ЛУНА.

Когда на влюбленныхъ дрожащихъ устахъ
Въ затменіи сладкомъ съ душою сойдется душа,
Темнѣетъ огонь въ лучезарныхъ глазахъ,
И гордое сердце дрожитъ, не дыша;
Когда на меня упадетъ отъ тебя
Широкая тѣнь, я твоей красотой смущена,
Молчу и дрожу, замираю, любя!
Тобою полна! О, до боли полна!

Сфера жизни, ты блистаешь
Самой свѣтлой красотой,
Ты вкругъ солнца пролетаешь
Изумрудною звѣздой;
Міръ восторговъ повсемѣстныхъ
И непознанныхъ чудесъ,
Межъ свѣтильниковъ небесныхъ
Ты избранница небесъ;
Притягаетъ лучезарный,
Побѣдительный твой видъ,
Какъ влечетъ Эдемъ полярный

И любимыхъ глазъ магнитъ;
Подъ тобою я кристальна,
Я невѣстой создана,
Отъ блаженныхъ сновъ печальна,
До безумья влюблена;
Ненасытно я взираю
На тебя со всѣхъ сторонъ,
Какъ Вакханка умираю,
Мой восторгъ завороженъ;
Такъ въ исполненныхъ прохлады,
Дивныхъ Кадмовыхъ лѣсахъ
Собиралися Менады
И кружились въ сладкихъ снахъ.
О, куда бы ты ни мчалась,
Я должна спѣшить вослѣдъ,
Лишь бы ты мнѣ улыбалась,
Лишь бы твой увидѣть свѣтъ;
Въ безпредѣльности пространства
Я пріютъ себѣ нашла,
Отъ тебя свое убранство,
Красоту свою взяла,
Отъ тебя мой блескъ исходитъ,
Я слилась съ душой твоей,—
Какъ влюбленная походитъ
На того, кто дорогъ ей,—
Какъ, въ окраскѣ измѣняясь,
Вѣчно слитъ хамелеонъ
Съ тѣмъ, гдѣ дышетъ онъ, скрываясь,—
Съ тѣмъ, на что взирастъ онъ,—
Какъ фіалка голубѣетъ,
Созерцая даль небесъ,—
Какъ туманъ рѣчной темнѣетъ,
Если смолкъ вечерній лѣсъ,
Если солнце отблистаетъ
И на склонахъ горъ темно.

ЗЕМЛЯ.

И угасшій день рыдаетъ,
Отчего такъ быть должно.

Луна! Луна! Твой голосъ нѣгой дышетъ,
Моя душа его съ отрадой слышитъ,
И въ тотъ же мигъ волна ладью колышетъ
Средь острововъ, навѣкъ спокойныхъ.
Луна! Луна! Съ мелодіей кристальной
Пришелъ покой къ моей пещерѣ дальной,
Бальзамъ отрады сладостно-печальной
Для вспышекъ тигровыхъ и знойныхъ.

ПАНТЕЯ.

Мнѣ чудится, я только-что купалась
Межъ темныхъ скалъ, среди лазурной влаги,
Игравшей переливами сіянья,
Въ потокѣ звуковъ.

ІОНА.

Милая сестра,
Мнѣ больно,—звуки прочь отъ насъ умчались,
И правда, можно было бы подумать,
Что вышла ты изъ тѣхъ пѣвучихъ волнъ:
Твои слова струятся нѣжной, ясной
Росой, какъ капли съ влажныхъ членовъ нимфы,
Когда она выходитъ изъ воды.

ПАНТЕЯ.

Молчи, молчи! Властительная Сила,
Какъ мракъ, встаетъ изъ самыхъ нѣдръ земли,
И съ неба ночь густымъ дождемъ струится,
Нахлынуло изъ воздуха затменье,
И свѣтлыя видѣнія, въ чьемъ лонѣ
Бродили съ пѣньемъ радостные духи,
Горятъ подобно блѣднымъ метеорамъ
Въ дождливую погоду.

ІОНА.

Чувство словъ
Дрожитъ въ моихъ ушахъ.

ПАНТЕЯ.

То звукъ всемірный!
Какъ бы слова, что говорятъ: Внемли.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Земля, спокойно-свѣтлая держава,
Тѣней и звуковъ стройная краса,
Блаженная, божественная слава,
Любовь, чьимъ свѣтомъ полны небеса!

ЗЕМЛЯ.

Я слышу твой призывъ: я меркну, какъ роса!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Луна, чей взглядъ взираетъ съ удивленьемъ
На землю въ часъ ночной, когда она
Исполнена спокойнымъ восхищеньемъ,
Увидя, какъ свѣтло горитъ Луна!

ЛУНА.

Я слышу: я, какъ листъ дрожащій, смущена!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Цари свѣтилъ, Воздушные Престолы,
Союзъ Боговъ и Демоновъ, предъ кѣмъ
Раскинуты безвѣтренные долы,
Пустынныхъ звѣздъ заоблачный Эдемъ!

ГОЛОСЪ СЪ ВЫСОТЫ.

Мы слышимъ твой призывъ: равно мы свѣтимъ всѣмъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Герои отошедшихъ лѣтъ, нѣмые,
Должны-ль вы были въ смерти утонуть,
Какъ часть вселенной, или какъ живые—

ГОЛОСЪ СНИЗУ.

Мѣняемся и мы, уходимъ въ новый путь!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вы, Геніи стихійные, чьи хоры,
Умы людей звѣздою замѣнивъ,
Уносятся въ небесные соборы,
На днѣ морей питаютъ волнъ порывъ!

СМУТНЫЙ ГОЛОСЪ.

Мы слышимъ: пробудилъ Забвенье твой призывъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вы, Духи, чьи дома—живое тѣло!
Вы, звѣри, птицы, рыбы, рой цвѣтовъ,
Туманы, тучи дальняго предѣла,
Стада падучихъ звѣздъ, услышьте зовъ!

ГОЛОСЪ.

Твой кличъ для насъ звучитъ, какъ долгій шумъ лѣсовъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Ты, Человѣкъ, мучитель и страдалецъ,
Отъ древнихъ дней обломокъ; глубока
Была твоя печаль; ты былъ скиталецъ,
Сквозь мракъ ночной тебя вела тоска.

ВСѢ.

Пророчествуй: тебѣ внимаютъ всѣ вѣка!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вотъ день, избранникъ времени счастливый!
Его заклятьемъ вызвалъ Сынъ Земли,
Чтобъ люди видѣть счастіе могли;
Любовь съ престола власти терпѣливой,
Побѣдоносная, сошла
И собрала свои усилья.
Изъ крайней пытки создала
Благословенье изобилья,
Простерла надо всѣмъ врачующія крылья.

Терпѣнье, Мудрость, Нѣжность, Доброта—
Печать надъ тѣмъ, въ чемъ скрыто Разрушенье;
И если Вѣчность, мать Уничтоженья,
Растворитъ дверь, гдѣ дремлетъ темнота,
Освободитъ змѣю измѣны
И кинетъ въ міръ чуму, какъ бичъ,
Желайте лучшей перемѣны,
Пошлите въ воздухъ звучный кличъ;
Вотъ чары, чтобъ опять гармоніи достичь:—

Не вѣрить въ торжество несовершенства;
Прощать обиды, черныя, какъ ночь;

Упорствомъ невозможность превозмочь;
Терпѣть, любить; и такъ желать блаженства,
Что Солнце вспыхнетъ сквозь туманъ
И обезсилѣетъ отрава,—
Надъ этимъ образъ твой, Титанъ,
Лишь въ этомъ Жизнь, Свобода, Слава,
Побѣда Красоты, лучистая Держава!

1819.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ЛЕЙ ГЕНТУ.

Мой милый другъ,

Въ далекомъ краю, послѣ разлуки, мѣсяцы которой показались мнѣ годами; я ставлю ваше имя надъ послѣднею изъ моихъ литературныхъ попытокъ.

Мои писанія, опубликованныя до сихъ поръ, были, главнымъ образомъ, ничѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ моихъ собственныхъ представленій о прекрасномъ и справедливомъ. И теперь я уже могу видѣть въ нихъ литературные недостатки, связанные съ молодостью и нетерпѣливостью; они были снами о томъ, чѣмъ имъ нужно было быть, или чѣмъ бы они могли быть. Драма, которую я предлагаю вамъ теперь, представляетъ изъ себя горькую дѣйствительность здѣсь я отказываюсь отъ всякой притязательной позы человѣка поучающаго, и довольствуюсь простымъ изображеніемъ того, что было,—въ краскахъ, заимствуемыхъ мною изъ моего собственнаго сердца.

Если бы я зналъ кого-нибудь болѣе одареннаго, чѣмъ вы, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ долженъ обладать человѣкъ, я постарался бы прибѣгнуть къ его имени, чтобы украсить это произведеніе. Но я никогда не зналъ никого, кто съ своею деликатностью сочеталъ бы столько достоинства, прямодушія и смѣлости; никого, кто, будучи самъ свободенъ отъ зла, относился бы съ такою удивительною терпимостью ко всѣмъ, въ чьихъ дѣлахъ и мысляхъ — злое; никого, кто такъ умѣлъ бы принять или оказать услугу, хотя онъ не можетъ не дѣлать такъ, чтобы послѣднее не превышало перваго; я не зналъ, наконецъ, никого, чья жизнь была бы болѣе простою и болѣе чистою въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. А я уже былъ счастливъ въ дружбѣ, когда къ числу именъ мнѣ дорогихъ присоединилось ваше.

Пусть же эта упорная и непримиримая вражда ко всякому семейному и общественному произволу и обману, которою украшена ваша жизнь и которая украсила бы мою, будь у меня для этого талантъ и здоровье, не разстается съ вами никогда, пусть съ нею мы живемъ и умремъ, поддерживая другъ друга въ нашей задачѣ.

Будьте же счастливы!

Искренно преданный вамъ другъ вашъ,

Перси Б. Шелли.

Римъ, 29 мая, 1819.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время моего путешествія по Италіи мнѣ сообщили манускриптъ, который былъ скопированъ изъ архивовъ Палаццо Ченчи въ Римѣ и содержалъ подробный разсказъ объ ужасахъ, окончившихся гибелью одной изъ самыхъ благородныхъ и богатыхъ Римскихъ фамилій въ эпоху правленія Папы Климента VIII, въ 1599-мъ году. Разсказъ заключается въ томъ, что нѣкій старикъ, проживъ жизнь въ распутствѣ и беззаконіяхъ, въ концѣ концовъ проникся неумолимою ненавистью къ своимъ собственнымъ дѣтямъ; по отношенію къ одной изъ дочерей это чувство выразилось въ формѣ кровосмѣсительной страсти, отягченной всякаго рода жестокостями и насиліемъ. Дочь его, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ избѣгнуть того, что она считала неизгладимымъ оскверненіемъ души и тѣла, задумала наконецъ, съ своею мачихой и братомъ, убить общаго ихъ притѣснителя. Молодая дѣвушка, побужденная къ такому страшному поступку извѣстнымъ душевнымъ движеніемъ, которое пересилило его ужасъ, была, несомнѣнно, кроткимъ и прекраснымъ существомъ, созданнымъ для того, чтобы быть любимымъ и обожаемымъ, и, такимъ образомъ, она была насильственно отброшена отъ своей мягкой натуры неотвратимою силой обстоятельствъ и убѣжденія. Преступленіе было быстро обнаружено, и, несмотря на самыя настойчивыя просьбы, съ которыми обращались къ Папѣ наиболѣе высокопоставленныя лица въ Римѣ, виновные были казнены. Старикъ Ченчи въ продолженіи своей жизни неоднократно покупалъ у Папы, за сумму въ сто тысячъ кронъ, прощеніе своимъ преступленіямъ, для которыхъ нѣтъ словъ,—такъ они чудовищны; поэтому смертная казнь для его жертвъ врядъ ли можетъ быть объяснена любовью къ правосудію. Среди другихъ побудительныхъ мотивовъ къ строгости, Папа, вѣроятно, чувствовалъ, что, кто бы

ни убилъ Графа Ченчи, во всякомъ случаѣ убійца лишалъ его казну вѣрнаго и богатаго источника доходовъ. Папское правительство предприняло крайнія мѣры предосторожности противъ опубликованія фактовъ, являющихся такимъ трагическимъ доказательствомъ собственнаго его беззаконія и слабости; такъ что пользованіе манускриптомъ, до послѣдняго времени, было связано съ извѣстными затрудненіями. Сообщить читателю такія событія, представивъ ему всѣ чувства тѣхъ, кто былъ въ нихъ нѣкогда дѣйствующими лицами, изобразить ихъ надежды и опасенія, ихъ увѣренность въ успѣхѣ и предчувствіе темнаго исхода, ихъ разнородные интересы, страсти и мнѣнія, связанные взаимодѣйствіемъ и соперничествомъ, но въ своей разнородности какъ бы вступившіе въ одинъ тайный заговоръ и ведущіе къ одному страшному концу,— изобразить все это, значитъ—бросить полосы свѣта въ самыя сокровенныя области человѣческаго сердца и сдѣлать явнымъ то, что есть тайнаго въ его темныхъ пещерахъ.

По пріѣздѣ въ Римъ я замѣтилъ, что, находясь въ Итальянскомъ обществѣ, нельзя упомянуть объ исторіи фамиліи Ченчи, безъ того, чтобы не вызвать глубокаго захватывающаго интереса; я замѣтилъ также, что въ Итальянцахъ неизмѣнно проявляется романтическая жалость къ той, чье тѣло два столѣтія тому назадъ смѣшалось съ общимъ прахомъ, и страстное оправданіе ужаснаго поступка, къ которому она была вынуждена своими обидами. Представители самыхъ разнородныхъ слоевъ общества знали фактическую канву разсказа и неизмѣнно отзывались на его подавляющій интересъ, который, повидимому, съ магическою силой можетъ завладѣвать человѣческимъ сердцемъ. У меня была съ собою копія съ портрета Беатриче, сдѣланнаго Гвидо и хранящагося въ Палаццо Колонна, и мой слуга тотчасъ же узналъ его, какъ портретъ *La Cenci* *).

Этотъ національный и всеобщій интересъ, который данное повѣствованіе въ теченіи двухъ столѣтій вызывало и продолжаетъ вызывать среди всѣхъ слоевъ общества, въ большомъ городѣ, гдѣ воображеніе вѣчно чѣмъ-нибудь занято, внушилъ мнѣ мысль, что данный сюжетъ подходитъ для драмы. Въ дѣйствительности это

*) Портретъ Беатриче Ченчи, сдѣланный Гвидо Рени, находится теперь въ Палаццо Барберини, зала III, № 85.

К. Б.

была уже готовая трагедія, получившая одобреніе и снискавшая успѣхъ, благодаря своей способности пробуждать и поддерживать сочувствіе людей. Нужно было только, какъ мнѣ думалось, облечь ее такимъ языкомъ, связать ее такимъ дѣйствіемъ, чтобы она показалась родною для воспринимающихъ сердецъ моихъ соотечественниковъ. Глубочайшія и самыя возвышенныя созданія трагической фантазіи, *Король Лиръ* и двѣ драмы, излагающія разсказъ объ Эдипѣ, были повѣствованіями, уже существовавшими въ преданіи, какъ предметъ народной вѣры и народнаго сочувствія, прежде чѣмъ Шекспиръ и Софоклъ сдѣлали ихъ близкими для симпатіи всѣхъ послѣдовательныхъ поколѣній человѣчества.

Правда, эта исторія Ченчи въ высшей степени ужасна и чудовищна: непосредственное изображеніе ея на сценѣ было бы чѣмъ-то нестерпимымъ. Тотъ, кто взялся бы за подобный сюжетъ, долженъ былъ бы усилить идеальный и уменьшить реальный ужасъ событій, такъ чтобы наслажденіе, проистекающее изъ поэзіи, связанной съ этими бурными страстями и преступленіями, могло смягчить боль созерцанія нравственнаго уродства, служащаго ихъ источникомъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ пытаться создать зрѣлище, служащее тому, что на низкомъ просторѣчіи именуется моральными задачами. Высшая моральная задача, къ которой можно стремиться въ драмѣ высшаго порядка, это—черезъ посредство человѣческихъ симпатій и антипатій—научить человѣческое сердце самопознанію: именно въ соотвѣтствіи съ тѣми или иными размѣрами такого знанія каждое человѣческое существо, въ той или иной мѣрѣ, можетъ быть мудрымъ, справедливымъ, искреннимъ, снисходительнымъ и добрымъ. Если догматы могутъ сдѣлать больше,—прекрасно; но драма вовсе не подходящее мѣсто, чтобы заняться ихъ подкрѣпленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что никакой человѣкъ не можетъ быть въ дѣйствительности обезчещенъ тѣмъ или инымъ поступкомъ другого; и лучшій отвѣтъ на самыя чудовищныя оскорбленія, это—доброта, сдержанность и рѣшимость отвратить оскорбителя отъ его темныхъ страстей силою кроткой любви. Месть, возмездіе, воздаяніе — не что иное, какъ зловредное заблужденіе. Если бы Беатриче думала такъ, она была бы болѣе мудрою и хорошей, но она никогда не могла бы явить изъ себя характеръ трагическій: тѣ немногіе, кого могло бы заинтересовать подобное зрѣлище, не были бы въ состояніи обусловить драматическій за-

мыселъ, за отсутствіемъ возможности снискать сочувствіе къ ихъ интересу въ массѣ людей, ихъ окружающихъ. Эта безпокойная анатомизирующая казуистика, съ которою люди стараются оправдать Беатриче, въ то же время чувствуя, что она сдѣлала нѣчто нуждающееся въ оправданіи;—этотъ суевѣрный ужасъ, съ которымъ они созерцаютъ одновременно ея обиды и ея месть,—и обусловливаютъ драматическій характеръ того, что она совершила и что она претерпѣла.

Я попытался изобразить характеры съ возможною исторической вѣрностью, такими, какими они, вѣроятно, были, и старался избѣгнуть ошибочнаго желанія заставить ихъ дѣйствовать согласно съ моими собственными представленіями о справедливомъ и несправедливомъ, истинномъ и ложномъ, ибо въ этомъ случаѣ подъ сквознымъ покровомъ именъ и дѣяній шестнадцатаго вѣка выступили бы холодныя олицетворенія извѣстныхъ чертъ моего собственнаго ума. Герои моей драмы представлены, какъ Католики, и какъ Католики, глубоко проникнутые религіознымъ чувствомъ. Протестантское чувство увидитъ нѣчто неестественное въ этомъ настойчивомъ и безпрерывномъ ощущеніи связи между Богомъ и человѣкомъ, которымъ проникнута трагедія Ченчи. Оно въ особенности будетъ поражено соединеніемъ несомнѣнной убѣжденности въ истинности общепринятой религіи съ холоднымъ и рѣшительнымъ упорствомъ въ осуществленіи чудовищнаго преступленія. Но религія въ Италіи не является, какъ въ странахъ Протестантскихъ, нарядомъ, который носятъ въ особенные дни, или паспортомъ, избавляющимъ отъ притѣсненій, или мрачной страстью къ разгадыванію непроницаемыхъ тайнъ нашего бытія, которая лишь пугаетъ того, кто обладаетъ ею, приводя его къ краю темной бездны. Въ умѣ Католика-Итальянца религія, такъ сказать, сосуществуетъ съ вѣрой въ то, относительно чего всѣ люди имѣютъ самое достовѣрное свѣдѣніе. Она переплетена здѣсь со всѣмъ строемъ жизни. Это—обожаніе, вѣра, подчиненность, раскаяніе, слѣпое восхищеніе; не правило нравственнаго поведенія. Она не имѣетъ необходимой связи съ какой-либо добродѣтелью Въ Италіи самый отъявленный негодяй можетъ быть вполнѣ набожнымъ человѣкомъ и признавать себя таковымъ, не оскорбляя этимъ установившуюся вѣру. Религія здѣсь напряженнымъ образомъ проникаетъ весь общественный строй и представляетъ изъ себя, согласно съ тѣмъ или инымъ темпераментомъ, страсть, убѣжденіе, извиненіе, прибѣжище,—никогда не задержку. Самъ Ченчи выстроилъ часовню въ честь св. Ѳомы Апостола и установилъ мессы для успокоенія своей души. Такъ точно въ первой сценѣ четвертаго дѣйствія Лукреція, послѣ того какъ она подлила Ченчи опіума, подвергаетъ себя всѣмъ послѣдствіямъ пререканій съ нимъ, лишь бы только добиться, посредствомъ вымышленной исторіи, чтобы онъ исповѣдался передъ смертью, что считается Католиками существеннымъ для спасенія души, и она только тогда отказывается отъ своего намѣренія, когда видитъ, что ея настойчивость можетъ подвергнуть Беатриче новымъ оскорбленіямъ.

Когда я писалъ эту драму, я тщательно избѣгалъ введенія въ нее того элемента, который носитъ названіе чистой поэзіи, и я надѣюсь, что въ ней едва-едва найдется какое-нибудь отдѣльное уподобленіе или описаніе такого рода, если только не считать, вложенное въ уста Беатриче, описаніе пропасти, гдѣ, по уговору, должно произойти убіеніе ея отца *).

Въ драматическомъ произведеніи воображеніе и страсть должны взаимно проникать другъ друга, такъ чтобы первое служило всецѣло для полнаго развитія и освѣщенія второй. Воображеніе—это какъ бы безсмертный Богъ, Который долженъ принять тѣлесную оболочку, чтобы принести освобожденіе отъ смертныхъ страстей. Такимъ путемъ, какъ самые отдаленные отъ обычнаго, такъ и самые повседневные образы одинаково могутъ служить цѣлямъ драматическаго искусства, когда ихъ примѣняютъ къ освѣщенію сильнаго чувства, которое возвышаетъ то, что низко, и ставитъ въ одинъ уровень съ пониманіемъ то, что возвышенно, набрасывая на все тѣнь своего собственнаго величія. Въ другихъ отношеніяхъ я менѣе стѣснялъ себя какими-либо соображеніями, т. е. писалъ безъ чрезмѣрной разборчивости и учености въ выборѣ словъ. Въ данномъ случаѣ я совершенно схожусь съ тѣми изъ современныхъ критиковъ, которые утверждаютъ, что нужно употреблять самый простой человѣческій языкъ, чтобы вызвать истинную симпатію, и что наши великіе предки, старые Англійскіе поэты, были писате-

*) Идея этого монолога была внушена однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ въ драмѣ Кальдерона *El Purgatorio de San Patricio* (*Чистилище святого Патрикка*),—единственный плагіатъ, который я умышленно допустилъ въ этой пьесѣ.
Шелли.

лями, изученіе которыхъ должно побуждать насъ сдѣлать для нашего вѣка то, что они сдѣлали для своего. Но тогда языкъ поэзіи долженъ быть реальнымъ языкомъ людей вообще, а не того отдѣльнаго класса, къ которому писатель случайно принадлежитъ. Все это я говорю о томъ, что я пытался сдѣлать; излишнее прибавлять, что успѣхъ—дѣло уже другое; въ особенности успѣхъ того, чье вниманіе лишь съ недавняго времени было обращено на изученіе драматической литературы.

Во время своего пребыванія въ Римѣ я старался ознакомиться съ памятниками, которые, относясь къ данному сюжету, доступны для иностранца. Портретъ Беатриче въ Палаццо Колонна представляетъ изъ себя превосходнѣйшее произведеніе искусства: Гвидо сдѣлалъ его въ то время, когда она была заключена въ тюрьму *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, портретъ этотъ въ высшей степени интересенъ, какъ вѣрное изображеніе одного изъ прекраснѣйшихъ созданій природы. Въ неподвижныхъ чертахъ блѣднаго лица чувствуется спокойная гармонія: она, повидимому, печальна и удручена, но отчаяніе, застывшее въ ея выраженіи, смягчено изящною кротостью терпѣнія. Ея голова задрапирована бѣлымъ тюрбаномъ, изъ-подъ складокъ котораго выбиваются свѣтлыя пряди золотыхъ волосъ, падающія вокругъ ея шеи. Очертанія лица ея въ высшей степени деликатны; брови раздѣлены и дугообразно приподняты; губы отмѣчены тою яркою и опредѣленною выразительностью воображенія и впечатлительности, которой не подавило страданіе и сама смерть, повидимому, не могла бы погасить. Лобъ широкій и открытый: глаза, которые, какъ передаютъ, были замѣчательны по своей живости, опухли отъ слезъ и лишены блеска, но они исполнены прекрасной нѣжности и ясности. Во всемъ лицѣ чувствуется простота и достоинство, производящія несказанно-патетическое впечатлѣніе, въ соединеніи съ изысканнымъ очарованіемъ и глубокою скорбью. Повидимому, Беатриче Ченчи была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, въ которыхъ энергія и грація уживаются вмѣстѣ, не умаляя одна другую: ея натура была простою и глубокой. Преступленія и бѣды, въ чьихъ сѣтяхъ пришлось ей быть дѣйствующимъ и страдательнымъ лицомъ, являются какъ бы маской

*) Это легенда, отвергнутая послѣдними изысканіями.

К. Б.

и мантіей, которыми обстоятельства облекли ее для ея индивидуальной роли на міровой сценѣ.

Палаццо Ченчи по размѣрамъ своимъ очень обширно; и хотя оно частью модернизировано, въ немъ еще остается обширная и мрачная масса феодальной архитектуры, въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ она была, когда здѣсь разыгрывались ужасающія сцены, явившіяся сюжетомъ этой трагедіи. Палаццо расположено въ одномъ изъ мрачныхъ уголковъ Рима, вблизи Еврейскаго квартала; изъ верхнихъ его оконъ можно видѣть обширныя руины Палатинскаго Холма, наполовину скрытыя подъ навѣсомъ пышной растительности. Въ одной части Палаццо есть дворъ,—быть можетъ, тотъ самый, гдѣ Ченчи выстроилъ Капеллу въ честь св. Ѳомы; окруженный гранитными колоннами и украшенный античными фризами тонкой работы, онъ замкнутъ въ то же время, согласно со стариннымъ Итальянскимъ вкусомъ, балконами надъ балконами, въ видѣ открытыхъ ложъ. Одни изъ воротъ Палаццо, выстроенныя изъ огромныхъ камней и ведущія темнымъ и высокимъ переходомъ къ угрюмымъ подземнымъ комнатамъ, поразили меня совершенно особеннымъ образомъ.

О Замкѣ Петрелла я не могъ получить никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ манускриптѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Франческо Ченчи.

Джакомо, Бернардо — его сыновья.

Кардиналъ Камилло.

Орсино, прелатъ.

Савелла, папскій легатъ.

Олимпіо, Марціо — убійцы.

Андреа, слуга Ченчи.

Нобили, судьи, стражи, слуги.

Лукреція, жена Ченчи и мачеха его дѣтей.

Беатриче, его дочь.

Сцена главнымъ образомъ въ Римѣ; во время четвертаго дѣйствія она переносится въ Петреллу, Замокъ среди Апулійскихъ Апеннинъ.

Эпоха: папство Климента VIII.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Входятъ графъ Ченчи и кардиналъ Камилло.

КАМИЛЛО.

Мы можемъ это дѣло объ убійствѣ
Замять совсѣмъ, но только вамъ придется
Отдать его Святѣйшеству помѣстье,
Которое за Пинчіо лежитъ.
Чтобъ въ этомъ пунктѣ вынудить у Папы
Согласіе, я долженъ былъ прибѣгнуть
Къ послѣднему рессурсу—опереться
На все мое вліяніе въ конклавѣ,
И вотъ его Святѣйшества слова:
«Графъ Ченчи покупаетъ за богатства
Такую безнаказанность, что въ ней
Великая скрывается опасность;
Уладить два-три раза преступленья,
Свершаемыя вами, это значитъ—
Весьма обогатить святую Церковь
И дать возможность гибнущей душѣ
Раскаяться и жить, избѣгнувъ Ада:
Но честь его высокаго престола
Не можетъ допустить, чтобъ этотъ торгъ
Былъ вещью ежедневной, прикрывая
Обширный сонмъ чудовищныхъ грѣховъ,
Которыхъ и скрывать вы не хотите
Отъ возмущенныхъ взоровъ глазъ людскихъ.»

ЧЕНЧИ.

Треть всѣхъ моихъ владѣній,—что-жь, недурно!
Идетъ! Какъ слышалъ я, племянникъ Папы
Однажды архитектора послалъ,
Чтобъ выстроить недурненькую виллу
Средь пышныхъ виноградниковъ моихъ,
Въ ближайшій разъ, какъ только я улажу
Свои дѣла съ его почтеннымъ дядей.
Не думалъ я, что такъ я попадусь!
Отнынѣ ни свидѣтель, ни лампада
Не будутъ угрожать разоблачить
Все, что увидѣлъ этотъ рабъ негодный,
Грозившій мнѣ. Онъ щедро награжденъ,—
Набилъ ему я глотку цѣпкой пылью.
И кстати, все, что видѣлъ онъ, лишь стоитъ
Того, что стоитъ жизнь его. Печально.—
«Избѣгнуть Ада!»—Пусть же Сатана
Поможетъ душамъ ихъ избѣгнуть Неба!
Сомнѣнья нѣтъ, что съ Папою Климентомъ
Любезные племянники его,
Склонивъ колѣни, молятся усердно
Апостолу Петру и всѣмъ святымъ,
Чтобъ ради нихъ онъ далъ мнѣ долгой жизни,
Чтобъ далъ мнѣ силы, гордости, богатства
И чувственныхъ желаній,—чтобы могъ я
Творить поступки, служащіе имъ
Чудеснымъ казначеемъ. Пусть же знаютъ
Мои доброжелатели, что много
Еще владѣній есть у Графа Ченчи,
Къ которымъ прикоснуться имъ нельзя.

КАМИЛЛО.

О, много, и достаточно, съ избыткомъ,
Чтобъ честно жить и честно примириться
Съ своей душой, и съ Богомъ, и съ людьми.
Подумайте, какой глубокій ужасъ:
Дѣянья сладострастія и крови,
Прикрытыя почтенностью сѣдинъ!

Вотъ въ этотъ часъ могли бы вы спокойно
Сидѣть въ кругу семьи, среди дѣтей,
Но страшно вамъ, въ ихъ взорахъ вы прочтете
Позоръ и стыдъ, написанные вами.
Гдѣ ваша молчаливая жена?
Гдѣ ваша дочь? Своимъ прозрачнымъ взглядомъ
На что она, бывало, ни посмотритъ,
Все дѣлалось какъ будто веселѣй.
Быть можетъ, могъ бы взоръ ея прекрасный
Убить врага, гнѣздящагося въ васъ.
Зачѣмъ она живетъ въ уединеньи,
Бесѣдуя съ одной своей тоской,
Не находящей словъ для выраженья?
Откройтесь мнѣ, вы знаете, что я
Желаю вамъ добра. Я видѣлъ близко,
Какъ юность ваша бурная прошла,
Исполненная дымнаго пожара;
Я видѣлъ близко дерзкій бѣгъ ея,
Какъ тотъ, кто видитъ пламя метеора,
Но въ васъ не гаснетъ этотъ жадный блескъ;
Я видѣлъ близко вашу возмужалость,
Въ которой вмѣстѣ съ бѣшенствомъ страстей,
Шла объ руку безжалостность; и нынѣ
Я вижу обезчещенную старость,
Согбенную подъ бременемъ грѣховъ,
Со свитою безстыдныхъ преступленій.
А я все ждалъ, что въ васъ проглянетъ свѣтъ.
Что вы еще исправитесь,—и трижды
Я спасъ вамъ жизнь.

ЧЕНЧИ.

За что Альдобрандино
Вамъ земли дастъ близь Пинчіо.—Еще
Прошу васъ, Кардиналъ, одно замѣтить,
И можемъ столковаться мы тогда:
Одинъ мой другъ заговорилъ сердечно
О дочери и о женѣ моей;
Онъ часто навѣщалъ меня; и что же!
Назавтра послѣ той бесѣды теплой

Его жена и дочь пришли ко мнѣ
Спросить,—что̀, не видалъ ли я ихъ мужа
И нѣжнаго отца.—Я улыбнулся.
Мнѣ помнится, съ тѣхъ поръ они его
Не видѣли.

КАМИЛЛО.

Несчастный, берегись!

ЧЕНЧИ.

Тебя? Помилуй, это безполезно.
Пора намъ знать другъ друга. А насчетъ
Того, что̀ преступленіемъ зовется
Среди людей,—насчетъ моей привычки
Желанія свои осуществлять,
Къ обману и къ насилью прибѣгая,—
Такъ это вѣдь ни для кого не тайна,—
Къ чему-жь теперь объ этомъ говорить?
Я чувствую спокойную возможность
Сказать одно и то же, говоря
Какъ съ вами, такъ и съ собственной душою.
Вѣдь вы же выдаете, будто вы
Меня почти исправили,—такъ, значитъ,
Невольно вамъ приходится молчать,
Хотя бы изъ тщеславія, притомъ же,
Я думаю, и страхъ побудитъ васъ
Не очень обо мнѣ распространяться.
Всѣ люди услаждаются въ развратѣ;
Всѣмъ людямъ месть сладка; и сладко всѣмъ
Торжествовать надъ ужасомъ терзаній,
Которыхъ не испытываешь самъ,
Ласкать свой тайный миръ чужимъ страданьемъ.
Но я ничѣмъ другимъ не наслаждаюсь,
Я радуюсь при видѣ агоніи,
Я радуюсь при мысли, что она
Другому смерть, а мнѣ—одна картина.
И нѣтъ укоровъ совѣсти въ душѣ,
И мелочнаго страха я не знаю,
Всего, въ чемъ грозный призракъ для другихъ.

Такія побужденья неразлучны
Со мной, какъ крылья съ коршуномъ,—и вѣчно
Мое воображеніе рисуетъ
Передо мной однѣ и тѣ же формы,
Одни и тѣ же алчныя мечтанья,
И только тѣ, которыя другихъ,
Подобныхъ вамъ, всегда заставятъ дрогнуть,
А мнѣ, какъ яство сладкое, какъ сонъ
Желанный,—ждешь его и не дождешься.

КАМИЛЛО.

Не чувствуешь, что ты изъ жалкихъ жалкій?

ЧЕНЧИ.

Я жалкій? Нѣтъ. Я только—то, что ваши
Теологи зовутъ ожесточеннымъ,
Иначе закоснѣлымъ называютъ;
Межь тѣмъ какъ если кто и закоснѣлъ,
Такъ это лишь они въ своемъ безстыдствѣ,
Позоря такъ особенный мой вкусъ.
Не скрою, я счастливѣй былъ когда-то,
Въ тѣ дни, какъ все, о чемъ я ни мечталъ,
Сейчасъ же могъ исполнить, какъ мужчина.
Тогда развратъ манилъ меня сильнѣе,
Чѣмъ месть; теперь мои затѣи меркнутъ;
Мы всѣ старѣемъ; да; таковъ законъ.
Но есть еще завѣтное дѣянье,
Чей ужасъ можетъ страсти пробудить
И въ томъ, кто холоднѣй меня, я жажду
Его свершить—свершу—не знаю, что̀.
Въ дни юности моей я думалъ только
О сладкихъ удовольствіяхъ, питался
Лишь медомъ; но, клянусь святымъ Ѳомой,
Не могутъ люди вѣчно жить, какъ пчелы;
И я усталъ; но до тѣхъ поръ, пока
Я не убилъ врага и не услышалъ
Его стенаній жалкихъ, и рыданій
Его дѣтей, не зналъ я, что на свѣтѣ
Есть новая услада, о которой

Теперь я мало думаю, любя
Не смерть, а дурно-скрытый ужасъ смерти,
Недвижные раскрытые глаза,
И блѣдныя, трепещущія губы,
Которыя безмолвно говорятъ,
Что скорбный духъ внутри залитъ слезами
Страшнѣе, чѣмъ кровавый потъ Христа.
Я очень-очень рѣдко убиваю
То тѣло, въ чьей мучительной темницѣ
Заключена плѣненная душа,
Покорная моей жестокой власти
И каждый мигъ питаемая страхомъ.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, даже самый черный адскій духъ,
Ликуя въ опьяненьи преступленья,
Не могъ такъ говорить съ самимъ собою,
Какъ въ этотъ мигъ ты говоришь со мной.
Благодарю Создателя, за то, что
Онъ позволяетъ мнѣ тебѣ не вѣрить.

(Входитъ Андреа)

АНДРЕА.

Васъ, господинъ мой, хочетъ увидать
Какой-то дворянинъ изъ Саламанки.

ЧЕНЧИ.

Проси его въ пріемный залъ.

(Андреа уходитъ)

КАМИЛЛО.

Прощай.
Я буду умолять Творца Благого,
Чтобъ слухъ Онъ не склонялъ къ твоимъ рѣчамъ,
Обманнымъ и безбожнымъ, чтобъ тебя Онъ
Не предалъ тьмѣ.

(Камилло уходитъ)

ЧЕНЧИ.

Треть всѣхъ моихъ владѣній!
Я долженъ сократить свои расходы,

Не то богатство, мечъ преклонныхъ лѣтъ,
Уйдетъ навѣкъ изъ рукъ моихъ изсохшихъ.
Еще вчера пришелъ приказъ отъ Папы,
Чтобъ содержанье я учетверилъ
Проклятымъ сыновьямъ моимъ; нарочно
Изъ Рима я послалъ ихъ въ Саламанку,
Быть можетъ, съ ними что-нибудь случится,
Быть можетъ, мнѣ удастся умертвить
Голодной смертью ихъ. О Боже мой,
Молю Тебя, пошли имъ смерть скорѣе!
Бернардо и женѣ моей теперь ужь
Не лучше, чѣмъ въ аду; а Беатриче...

(Подозрительно оглядывается кругомъ)

Я думаю, что тамъ меня не слышатъ,
Да если-бъ даже слышали! Но все же
Не нужно говорить, хотя въ словахъ
Ликуетъ торжествующее сердце.
Не нужно! О нѣмой безгласный воздухъ,
Ты не узнаешь тайныхъ думъ моихъ.
Вы, каменныя плиты, по которымъ
Я шествую, идя въ ея покой,
Пусть ваше эхо шепчется тревожно
О томъ, какъ властенъ шагъ мой, не о томъ,
Что̀ думаю!—Андреа!

(Входитъ Андреа)

АНДРЕА.

Господинъ мой!

ЧЕНЧИ.

Поди, скажи, чтобъ въ комнатѣ своей
Меня ждала сегодня Беатриче
Въ вечерній часъ,—нѣтъ, въ полночь, и одна.

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Садъ, примыкающій къ Палаццо Ченчи. Входятъ Беатриче и Орсино, продолжая свой разговоръ.

БЕАТРИЧЕ.

Не искажайте истины, Орсино.
Вы помните, мы съ вами говорили

Вонъ тамъ. Отсюда видно это мѣсто.
Съ тѣхъ поръ прошло два года,—столько дней!
Апрѣльской ночью лунной, тамъ, подъ тѣнью
Развалинъ Палатинскаго Холма,
Я вамъ открыла тайныя мечтанья.

ОРСИНО.

Вы мнѣ сказали: «Я тебя люблю.»

БЕАТРИЧЕ.

Священническій санъ стоитъ межь нами,
Не говорите больше о любви.

ОРСИНО.

Но получить могу я разрѣшенье
Отъ Папы. Онъ позволитъ мнѣ жениться.
Вы думаете, можетъ быть, что послѣ
Того, какъ принялъ я духовный санъ,
Вашъ образъ не стоитъ передо мною,
Во тьмѣ ночной и въ яркомъ свѣтѣ дня?

БЕАТРИЧЕ.

Я снова повторяю вамъ, Орсино:
Не говорите больше о любви.
И если-бъ разрѣшенье вы имѣли,
Оно для васъ, отнюдь не для меня.
Могу ли я покинуть домъ печали,
Пока Бернардо бѣдный въ немъ и та,
Чьей кротости обязана я жизнью
И всѣмъ, что есть хорошаго во мнѣ!
Пока есть силы, я должна терзаться.
И самая любовь, что прежде я
Къ вамъ чувствовала, стала горькой мукой.
Увы, Орсино! Юный нашъ союзъ
Дѣйствительно былъ только юной грезой.
И кто-жь его разрушилъ, какъ не вы,
Принявъ обѣтъ, который уничтожить
Не можетъ Папа. Я еще люблю,
Еще любить я васъ не перестану,
Но только какъ сестра, или какъ духъ;

И въ вѣрности холодной я клянусь вамъ.
Быть можетъ, это даже хорошо,
Что намъ нельзя жениться. Въ васъ я вижу
Какую-то неискренность и скрытность,
Что мнѣ не нравится. О, горе мнѣ!
Куда, къ кому должна я обратиться?
Вотъ даже и теперь, глядя на васъ,
Я чувствую, что вы не другъ мнѣ больше,
И вы, какъ будто сердцемъ отгадавъ,
Что въ сердцѣ у меня теперь, смѣетесь
Притворною улыбкой, точно я
Несправедлива въ этомъ подозрѣньи.
О, нѣтъ, простите! Это все не то!
Меня печаль казаться заставляетъ
Такою жесткой,—въ сердцѣ нѣтъ того,
Чѣмъ я кажусь. Я вся изнемогаю
Отъ бремени глубоко-скорбныхъ думъ,
Которыя какъ будто предвѣщаютъ
Какое-то несчастье... Впрочемъ, что же
Случиться можетъ худшаго еще?

ОРСИНО.

Все будетъ хорошо. Готова просьба?
Вы знаете, какъ сильно, Беатриче,
Вниманіе мое къ желаньямъ вашимъ.
Не сомнѣвайтесь, я употреблю
Все рвенье, все умѣніе, и Папа
Услышитъ вашу жалобу.

БЕАТРИЧЕ.

Вниманье
Къ желаніямъ моимъ, умѣнье, рвенье...
О, Боже, какъ вы холодны ко мнѣ!
Скажите мнѣ одно лишь слово...
(*Въ сторону*) Горе!
Мнѣ не къ кому пойти, а я стою
И ссорюсь здѣсь съ моимъ послѣднимъ другомъ!
(*Къ Орсино*)
Орсино, мой отецъ сегодня ночью

Готовитъ пышный пиръ. Изъ Саламанки
Онъ добрыя извѣстья получилъ
Отъ братьевъ, и наружною любовью
Онъ хочетъ скрыть, съ насмѣшкой, ту вражду,
Которая въ его душѣ гнѣздится.
Онъ дерзкій лицемѣръ. Скорѣй, я знаю,
Онъ сталъ бы смерть ихъ праздновать, о чемъ,
Какъ слышала сама я, онъ молился.
О Боже мой! Кого должна я звать
Своимъ отцомъ!—Для пира все готово.
Онъ созвалъ всѣхъ родныхъ и всѣхъ главнѣйшихъ
Изъ лучшей римской знати. Приказалъ мнѣ
И матери запуганной моей
Одѣться въ наши лучшія одежды.
Бѣдняжка! ей все чудится, что съ нимъ
Какая-то случится перемѣна,
Надѣется, что въ черный духъ его
Прольется лучъ какой-то просвѣтленья.
Я ничего не жду. Во время пира
Ходатайство свое я вамъ отдамъ.
Теперь же—до свиданья.

ОРСИНО.

До свиданья.

(Беатриче уходитъ)

Я знаю, если Папа согласится
Обѣтъ мой уничтожить, вмѣстѣ съ тѣмъ
Онъ уничтожитъ всѣ мои доходы
Съ епархій. Беатриче, я хочу
Тебя купить дешевле. Не прочтетъ онъ
Твое краснорѣчивое посланье.
А то, пожалуй, выдалъ бы онъ замужъ
Тебя за одного изъ неимущихъ
Приспѣшниковъ племянника шестого,
Какъ это сдѣлалъ онъ съ твоей сестрой.
Тогда «прости» навѣкъ мои разсчеты.
Да правда и насчетъ того, что будто
Отецъ ее терзаетъ, это все

Весьма преувеличено. Конечно,
Брюзгливы старики и своевольны.
Почтенный человѣкъ убьетъ врага,
Замучаетъ прислужника,—вотъ важность!—
Немножко позабавится насчетъ
Вина и женщинъ, поздно возвратится
Въ свой скучный домъ, и въ скверномъ настроеньи
Начнетъ бранить дѣтей, ругать жену,
А дочери и жены называютъ
Все это—нестерпимой тиранніей.
Я былъ бы счастливъ, если-бъ у меня
На совѣсти грѣховъ не тяготѣло
Важнѣй, чѣмъ тѣ, что связаны невольно
Съ затѣями любви моей. Изъ этой
Искусной сѣти ей не ускользнуть.
И все-жь мнѣ страшенъ умъ ея пытливый,
Глубокій взглядъ ея внушаетъ страхъ,
Все скрытое во мнѣ онъ обличаетъ,
Всѣ мысли потаенныя провидитъ,
И поневолѣ долженъ я краснѣть.
Но нѣтъ! Она одна и беззащитна,
Во мнѣ ея послѣдняя надежда,
Я былъ бы непростительнымъ глупцомъ,
Когда бы я позволилъ ускользнуть ей;
Я былъ бы такъ же страшно глупъ, какъ если-бъ
Пантера, увидавши антилопу,
Почувствовала ужасъ.

(Уходитъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Великолѣпный залъ въ Палаццо Ченчи. Пиръ. Входятъ Ченчи, Лукреція, Беатриче, Орсино, Камилло, Нобили.

ЧЕНЧИ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ, мои друзья, родные,
Основы церкви—Принцы, Кардиналы,
Вамъ всѣмъ, своимъ присутствіемъ почтившимъ
Нашъ праздникъ,—самый искренній привѣтъ.
Я слишкомъ долго жилъ анахоретомъ,

И въ эти дни, какъ былъ лишенъ я васъ,
Насчетъ меня распространились слухи
Нелестные, какъ, вѣрно, вамъ извѣстно,
Но я надѣюсь, добрые друзья,
Что вы, принявъ участье въ нашемъ пирѣ,
Узнавъ его достойную причину,
И чокнувшись со мною два-три раза,
Увидите, что я похожъ на васъ,
Что я, какъ вы, родился человѣкомъ,
Конечно, не безгрѣшнымъ; но, увы,
Насъ всѣхъ Адамъ содѣлалъ таковыми.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

О Графъ, у васъ такой веселый видъ,
Вы съ нами такъ привѣтливы, что слухи,
Конечно, лгутъ, приписывая вамъ
Дѣянья недостойныя.

(*Къ своему сосѣду*)

Смотрите,
Какой прямой, какой веселый взглядъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Скажите намъ скорѣе о желанномъ
Событіи, порадовавшемъ васъ,—
И радость будетъ общей.

ЧЕНЧИ.

Да, признаться,
Для радости достаточно причинъ.
Когда отецъ взываетъ неустанно,
Изъ глубины родительскаго сердца,
Къ Всевышнему Родителю всего,—
Когда одну мольбу онъ возсылаетъ,
Идя ко сну, вставая ото сна,—
Когда лелѣетъ онъ одно желанье,
Всегда одну завѣтную мечту,
И съ той мечтою связаны два сына,—
Когда внезапно, даже сверхъ надежды,
Его мольба услышана вполнѣ,—
О, такъ вполнѣ, что греза стала правдой,—

Еще-бъ ему тогда не ликовать,
Еще бы не сзывать на пиръ веселый
Своихъ друзей, какъ сдѣлалъ это я.

БЕАТРИЧЕ (*Къ Лукреціи*).

О Боже! Что за ужасъ! Вѣрно, братьевъ
Постигло что-то страшное.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не бойся.
Его слова звучатъ чистосердечно.

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ страшно отъ чудовищной улыбки,
Играющей вкругъ глазъ его, въ морщинахъ,
Что стягиваютъ кожу до волосъ.

ЧЕНЧИ.

Вотъ здѣсь письмо ко мнѣ изъ Саламанки,
Пусть мать твоя узнаетъ, Беатриче,
Что̀ пишутъ мнѣ. Прочти его. Господь,
Благодарю Тебя! Незримой дланью
Исполнилъ Ты желаніе мое
Въ короткій срокъ одной и той же ночи.
Ужь нѣтъ въ живыхъ моихъ дѣтей мятежныхъ,
Упрямыхъ, непослушныхъ! Нѣтъ въ живыхъ!
Что̀ значитъ это странное смущенье?
Вы, кажется, не слышите: мои
Два сына приказали долго жить,
И больше имъ не нужно ни одежды,
Ни пищи,—только траурныя свѣчи,
Что будутъ озарять ихъ темный путь,
Послужатъ ихъ послѣднею издержкой.
Я думаю, что Папа не захочетъ,
Чтобъ въ ихъ гробахъ я сталъ ихъ содержать.
Такъ радуйтесь—я счастливъ—я ликую.

(*Лукреція въ полу-обморокѣ; Беатриче поддерживаетъ ее*)

БЕАТРИЧЕ.

Не можетъ быть! Приди въ себя, молю,
Не можетъ быть, вѣдь есть же Богъ на Небѣ,

Ему не могъ бы Онъ позволить жить
И милостью такою похваляться.
Ты лжешь, безчеловѣчный, ты солгалъ.

ЧЕНЧИ.

Поистинѣ, солгалъ, какъ самъ Создатель.
Зову теперь въ свидѣтели Его:
Не только смерть, но самый родъ ихъ смерти—
Порука въ благосклонности ко мнѣ
Святого Провидѣнья. Сынъ мой Рокко
Съ шестнадцатью другими слушалъ мессу:
Вдругъ сводъ церковный рухнулъ, всѣ спаслись,
Погибъ лишь онъ одинъ. А Кристофано
Случайно, по ошибкѣ, былъ заколотъ
Какимъ-то тамъ стремительнымъ ревнивцемъ,
Въ то время какъ жена его спала
Съ любовникомъ. И это все случилось
Въ единый часъ одной и той же ночи.
И это есть свидѣтельство, что Небо
Особенно заботится о мнѣ.
Прошу моихъ друзей, во имя дружбы,
Отмѣтить этотъ день въ календарѣ.
Число двадцать седьмое. Новымъ дивнымъ
Обогатился праздникомъ Декабрь.
Хотите, можетъ быть, меня провѣрить?
Вотъ вамъ письмо, пожалуйста, прочтите.

(Всѣ присутствующіе смущены; нѣкоторые изъ гостей встаютъ)

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Чудовищно! Я ухожу.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И я!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Постойте, я увѣренъ, это шутка,
Хоть онъ и шутитъ слишкомъ ужь серьезно.
Я думаю, что сынъ его обвѣнчанъ
Съ инфантой, или, можетъ быть, нашелъ

Онъ копи золотыя въ Эльдорадо,—
Онъ хочетъ эту вѣсть преподнести
Съ пикантною приправой,—посмотрите,
Онъ только насмѣхается.

ЧЕНЧИ *(наполняя кубокъ виномъ и поднимая его).*

О, ты,
Веселое вино, чей блескъ багряный
Играетъ, пѣнясь, въ кубкѣ золотомъ,
Какъ духъ мой, веселящійся при вѣсти
О смерти этихъ гнусныхъ сыновей!
Когда-бъ не ты, а кровь ихъ здѣсь блистала,
Я выпилъ бы ее благоговѣйно,
Какъ кровь Святыхъ Даровъ, и, полный смѣха,
Привѣтствовалъ бы я заздравнымъ тостомъ
Могучаго владыку Сатану.
Онъ долженъ ликовать въ моемъ тріумфѣ,
Коль правда, какъ свидѣтельствуютъ люди,
Что страшное отцовское проклятье
За душами дѣтей, на быстрыхъ крыльяхъ,
Летитъ и тащитъ ихъ въ глубокій Адъ,
Хотя-бъ отъ самого престола Неба!
Ты лишнее, вино мое: я пьянъ
Отъ пьяности восторга—въ этотъ вечеръ
Другой мнѣ хмѣль не нуженъ.
Эй, Андреа,
Неси скорѣе кубокъ круговой!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ *(вставая).*

Несчастный! Неужели между нами
Не будетъ никого, кто-бъ удержалъ
Позорнаго мерзавца?

КАМИЛЛО.

Ради Бога,
Позвольте мнѣ, я распущу гостей,
Вы внѣ себя! Смотрите, будетъ худо!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Схватить его!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Связать его!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Смѣлѣе!

ЧЕНЧИ *(съ жестомъ угрозы обращаясь къ тѣмъ, которые встаютъ).*

Тутъ кто-то шевелится? Кто-то шепчетъ?
(Обращаясь къ сидящимъ за столомъ)
Нѣтъ, ничего. Прошу васъ, веселитесь.
И помните, что мщенье Графа Ченчи—
Какъ царскій запечатанный приказъ,
Который убиваетъ, но никто
По имени не назоветъ убійцу.
(Пиръ прерывается; нѣкоторые изъ гостей уходятъ)

БЕАТРИЧЕ.

О гости благородные, прошу васъ,
Останьтесь здѣсь, молю, не уходите;
Что̀ въ томъ, что деспотизмъ безчеловѣчный
Отцовскими сѣдинами прикрытъ?
Что̀ въ томъ, что онъ, кто далъ намъ жизнь и сердце,
Пытая насъ, хохочетъ, какъ палачъ?
Что̀ въ томъ, что мы, покинутыя всѣми,
Его родныя дѣти и жена,
Съ нимъ скованы неразрушимой связью?
Ужель за насъ не вступится никто?
Ужели въ цѣломъ мірѣ нѣтъ защиты?
Подумайте, какую бездну мукъ
Должна была я вынести, чтобъ въ сердцѣ,
Исполненномъ нѣмого послушанья,
Погасло все—любовь, и стыдъ, и страхъ?
Подумайте, я вытерпѣла много!
Ту руку, что гнела меня къ землѣ,
Я цѣловала кротко, какъ святыню,
И думала, что, можетъ быть, ударъ
Былъ карою отеческой, не больше!
Я много извиняла, сомнѣвалась,
Потомъ, понявъ, что больше нѣтъ сомнѣній,

Старалась я терпѣньемъ безъ конца
И ласкою смягчить его; когда же
И это оказалось безполезнымъ,
Въ тиши безсонныхъ тягостныхъ ночей
Я падала съ рыданьемъ на колѣни,
Молясь душой Всевышнему Отцу.
И видя, что молитвы не доходятъ
До Неба, все же я еще терпѣла,
Ждала,—пока на этотъ подлый пиръ
Не созвалъ онъ васъ всѣхъ, чтобъ веселиться
Надъ трупами моихъ погибшихъ братьевъ.
О Принцъ Колонна, ты намъ самый близкій,
О Кардиналъ, ты—Папскій камерарій,
И ты, Камилло, ты судья верховный:
Возьмите насъ отсюда!

ЧЕНЧИ *(въ то время, когда Беатриче произносила первую половину своего монолога, разговаривалъ съ Камилло; услышавъ заключительныя слова Беатриче, онъ приближается).*

Я надѣюсь,
Что добрые друзья не захотятъ
Послушать эту дерзкую дѣвчонку,—
О собственныхъ заботясь дочеряхъ,
Иль, можетъ быть, свое пощупавъ горло.

БЕАТРИЧЕ *(не обращая вниманія на слова Ченчи).*

Что-жь, даже вы не взглянете никто?
Вы даже мнѣ отвѣтить не хотите?
Одинъ тиранъ способенъ побѣдить
Толпу другихъ, умнѣйшихъ и добрѣйшихъ?
Иль я должна ходатайство свое
Въ законной точной формѣ вамъ представить?
О Господи, зачѣмъ я не въ землѣ,
Не съ братьями! Цвѣты весны увядшей
Теперь бы надъ моей могилой гасли,
И мой отецъ одинъ бы пиръ устроилъ
Надъ общимъ гробомъ!

КАМИЛЛО.

Горькое желанье
Въ устахъ такихъ невинно-молодыхъ!
Не можемъ ли мы чѣмъ-нибудь помочь имъ?

КОЛОННА.

Мнѣ кажется, ничѣмъ помочь нельзя.
Графъ Ченчи врагъ опасный. Но... я могъ бы...
Другого поддержать...

КАРДИНАЛЪ.

И я... охотно...

ЧЕНЧИ.

Иди отсюда въ комнату свою,—
Ты, дерзкое созданіе!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты
Иди отсюда, извергъ богохульный!
Сокройся, пусть никто тебя не видитъ.
Ты хочешь послушанья? Нѣтъ его!
Мучитель!—О, замѣть, что, если даже
Ты властвуешь надъ этою толпой,
Изъ злого можетъ выйти только злое.—
Не хмурься на меня! Спѣши, исчезни,
Не жди, чтобъ тѣни братьевъ отошедшихъ
Видѣньями возникли предъ тобой
Со взорами, исполненными мести!
Закрой свое лицо отъ смертныхъ взглядовъ,
Дрожи, когда услышишь звукъ шаговъ,
Найди себѣ прибѣжище во мракѣ,
Въ какомъ-нибудь безмолвномъ уголкѣ,
И тамъ, склонивши голову сѣдую,
Колѣнопреклоненный, ницъ пади
Предъ Господомъ, тобою оскорбленнымъ,
Мы тоже ницъ падемъ, и вкругъ тебя
Молиться будемъ Богу всей душою,
Чтобъ Онъ не погубилъ тебя и насъ!

ЧЕНЧИ.

Друзья мои, мнѣ жаль, что пиръ веселый
Испорченъ сумасшедшею дѣвчонкой.
Прощайте, доброй ночи. Не хочу
Вамъ больше досаждать глупѣйшей скукой
Домашнихъ нашихъ сценъ. Итакъ, надѣюсь,
До скораго свиданья.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Ченчи и Беатриче)

Дать мнѣ кубокъ!
Мой умъ скользитъ.

(Къ Беатриче)

Ты, милая ехидна!
Прекрасный, страшный звѣрь! Я знаю чары,
Чья власть тебя заставитъ быть ручной.
Прочь съ глазъ моихъ теперь!

(Беатриче уходитъ)

Сюда, Андреа,
Наполни кубокъ Греческимъ виномъ!
Сегодня не хотѣлъ я пить ни капли,—
Я долженъ; какъ ни странно, я робѣю
При мысли о рѣшеніи своемъ.

(Пьетъ вино)

Да будешь ты въ моихъ застывшихъ жилахъ —
Какъ быстрая рѣшимость юныхъ думъ,
Какъ твердое упорство зрѣлой воли,
Какъ мрачный и утонченный развратъ
Распутной престарѣлости. О, если-бъ
Дѣйствительно ты не было виномъ,
А кровью сыновей моихъ проклятыхъ,
Чтобъ могъ я утолить себя! Вотъ, такъ!
Я слышу; чары дѣйствуютъ. Мечта
Должна быть свершена. Она свершится!

(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Входятъ Лукреція и Бернардо.

ЛУКРЕЦІЯ

Не плачь, мой милый мальчикъ, онъ вѣдь только
Меня ударилъ; я терпѣла больше.
И право, если-бъ онъ меня убилъ,
Онъ лучше-бъ сдѣлалъ. Боже Всемогущій,
Взгляни на насъ, другой намъ нѣтъ защиты!
Не плачь же. Если даже я тебя
Люблю, какъ своего родного сына,
Тебѣ я не родная.

БЕРНАРДО.

Больше, больше,
Чѣмъ можетъ быть для собственнаго сына
Родная мать! И если бы онъ не былъ
Отецъ мнѣ, развѣ сталъ бы я рыдать?

ЛУКРЕЦІЯ.

Ну, что-жь еще ты могъ бы, мальчикъ бѣдный?
(Входитъ Беатриче)

БЕАТРИЧЕ *(торопливымъ голосомъ).*

Онъ здѣсь прошелъ? Вы видѣли его?
А! Нѣтъ! Вотъ-вотъ, на лѣстницѣ я слышу
Его шаги, все ближе, вотъ теперь
Его рука уже на ручкѣ двери.
О мать моя, спаси меня, спаси,
Коль я тебѣ всегда была послушной!
Ты, Господи, чей образъ на землѣ
Есть ликъ отца, и Ты меня покинулъ?
А! Онъ идетъ! Я вижу. Дверь открыта.
Онъ хмурится на всѣхъ, и только мнѣ
Смѣется, улыбается, какъ ночью.
(Входитъ Слуга)

О, Господи, благодарю Тебя,
Ты милосердъ. Слуга Орсино это.
Что новаго?

СЛУГА.

Меня сюда послалъ
Мой господинъ; Святой Отецъ обратно
Ходатайство вернулъ, не распечатавъ.
(Отдаетъ бумагу)
Мой господинъ еще велѣлъ спросить,
Въ какомъ часу онъ можетъ безъ помѣхи
Придти опять?

ЛУКРЕЦІЯ.

Мы ждемъ къ Ave Maria.
(Слуга уходитъ)
Такъ, дочь моя. Послѣдняя надежда
Намъ измѣнила. Боже, что̀ съ тобой?
Какъ ты блѣдна! Ты вся дрожишь, о чемъ-то
Задумалась такъ страшно и глубоко.
Какъ будто ты не можешь совладать
Съ какой-то мыслью: взоръ твой полонъ блеска
Холоднаго. О милое дитя,
Отвѣть мнѣ, если можешь! Ты лишилась
Разсудка? О, скажи мнѣ!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты видишь,
Я говорю. Я не сошла съ ума.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что̀ сдѣлалъ твой отецъ сегодня ночью,
Что̀ послѣ пира страшнаго онъ могъ
Еще страшнѣе сдѣлать? Какъ ужасно
Воскликнулъ онъ: «Ихъ больше нѣтъ въ живыхъ!»
И каждый посмотрѣлъ въ лицо сосѣда,
Чтобъ видѣть, такъ ли блѣденъ онъ, какъ всѣ.
Какъ только слово первое сказалъ онъ,
Вся кровь мнѣ къ сердцу хлынула, и я
Лишилась чувствъ; когда-жь опять очнулась,

Кругомъ всѣ были ужасомъ объяты,
И только ты, безстрашная, стояла
И рѣчью укоризненною въ немъ
Смирила необузданную гордость.
Я видѣла, какъ демонъ, въ немъ живущій,
Затрепеталъ. И ты всегда была
Межъ нами и отцомъ твоимъ жестокимъ
Единственной посредницей; въ тебѣ
Мы находили вѣрную защиту,
Прибѣжище. Что-жь такъ могло теперь
Тебя поработить? Откуда этотъ
Печальный взглядъ, смѣнившій твой испугъ?

БЕАТРИЧЕ.

О мать моя, что хочешь ты сказать мнѣ?
Я думала, что лучше, можетъ быть,
Съ несчастьемъ не бороться. Были люди,
Такіе же, какъ мой отецъ, грѣшили
И совершали страшныя дѣла,
Но никогда... О, прежде, чѣмъ случится
То, худшее, не лучше-ль умереть!
Со смертью все кончается.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не надо
Такъ говорить, о милое дитя!
Скажи мнѣ лучше, что̀ отецъ твой сдѣлалъ,
Что онъ сказалъ тебѣ? Вѣдь послѣ пира
Проклятаго онъ въ комнату твою
Не заходилъ.—Скажи.

БЕРНАРДО.

Сестра, сестра,
Отвѣть намъ, умоляю.

БЕАТРИЧЕ *(говоря очень медленно съ насильственнымъ спокойствіемъ)*

Это было
Одно лишь слово, мать моя, такъ, слово;
Одинъ лишь взглядъ, одна улыбка. *(Дико)* А!

А! онъ не разъ меня топталъ ногами,—
И по щекамъ моимъ струилась кровь,
Давалъ намъ пить гнилую воду, мясо
Больныхъ быковъ давалъ намъ ѣсть, со смѣхомъ,
И говорилъ, чтобъ ѣли мы и пили,
Не то умремъ,—и ѣли мы и пили.
Онъ силой заставлялъ меня глядѣть,
Какъ на рукахъ у милаго Бернардо,
Отъ ржавыхъ, крѣпко стянутыхъ, цѣпей,
Росли и до костей вростали язвы,—
Я никогда себѣ не позволяла
Отчаянью предаться—но теперь!
Что̀ я сказать хотѣла?

(Овладѣвая собою)

Нѣтъ, не то,
Все это ничего. Страданья наши
Меня лишили разума. Онъ только
Меня ударилъ, мимо проходя,
Онъ мнѣ послалъ какое-то проклятье,
Онъ посмотрѣлъ, онъ мнѣ сказалъ, онъ сдѣлалъ—
Все то же, что всегда,—но я смутилась
Сильнѣй обыкновеннаго. Увы!
Обязанность свою я позабыла,
Я ради васъ спокойной быть должна.

ЛУКРЕЦІЯ.

Молю, не падай духомъ, Беатриче,
Ужь если кто отчаяться бы долженъ,
Такъ это я; когда-то я его
Любила, и теперь должна съ нимъ жить,
Пока Господь не сжалится надъ нами
И отзоветъ его или меня.
А предъ тобой замужество, улыбки;
Пройдутъ года, и на твоихъ колѣняхъ
Усядутся смѣющіяся дѣти,
И я, тогда ужь мертвая, и все,
Что пережили мы, весь ужасъ пытокъ,
Сковавшій насъ мучительнымъ кольцомъ,
Передъ тобой предстанетъ сномъ далекимъ.

БЕАТРИЧЕ.

Не говори о мужѣ, о семьѣ!
Когда скончалась мать моя, не ты ли
Была замѣной ей? Не ты-ль была
Защитой мнѣ и этому ребенку?
Мой милый братъ, какъ я его люблю!
И кто намъ въ дѣтствѣ былъ завѣтнымъ другомъ,
Кто ласками и кротостью своей
Склонилъ отца, чтобъ насъ не убивалъ онъ?
И мнѣ тебя покинуть! Пусть душа
Моей умершей матери возстанетъ
И будетъ мстить моей душѣ, когда я
Покину ту, кто выказалъ любовь
Сильнѣй любви и ласки материнской!

БЕРНАРДО.

И я во всемъ съ моей сестрой согласенъ!
Въ такой бѣдѣ намъ нужно быть съ тобой.
И если-бъ даже Папа разрѣшилъ мнѣ
Свободно жить средь солнечныхъ лучей,
На воздухѣ, питаться нѣжной пищей,
Играть съ другими, тѣхъ же лѣтъ, какъ я,
Тебя я не покинулъ бы, родная!

ЛУКРЕЦІЯ.

О дѣти, дѣти милыя мои!
(Входитъ Ченчи внезапно)

ЧЕНЧИ.

Какъ, Беатриче здѣсь! Поди сюда!
(Она отступаетъ и закрываетъ лицо руками)
Нѣтъ, нѣтъ! Не прячь лицо. Оно прекрасно!
Смотри смѣлѣй! Вѣдь ты вчера смотрѣла
Такъ дерзко и упрямо на меня,
Стараясь разгадать суровымъ взглядомъ,
Что я хотѣлъ сказать, межъ тѣмъ какъ я
Старался скрыть намѣренье—напрасно.

БЕАТРИЧЕ *(шатаясь, въ безумномъ смущеніи направляется къ двери)*.

О Господи, сокрой меня! Земля,
Раскройся предо мной!

ЧЕНЧИ.

Тогда не ты,
Я говорилъ безсвязными словами,
Дрожащими шагами я старался
Отъ твоего присутствія бѣжать,
Какъ ты теперь бѣжишь отсюда. Стой же,
Стой, говорятъ тебѣ, и знай: отнынѣ,
Отъ этого рѣшительнаго часа,
Безстрашнымъ взглядомъ, видомъ превосходства,
И этими прекрасными губами,
Что созданы природою самой,
Чтобъ цѣловать иль выражать презрѣнье,
Всѣмъ этимъ, говорю я, никогда ужь
Не сможешь ты заставить замолчать
Послѣдняго среди людей, тѣмъ меньше
Меня. Ступай теперь отсюда прочь!
(Къ Бернардо)
И ты еще, двойникъ противно-мерзкій
Твоей проклятой матери, съ лицомъ
Молочно-бѣлымъ, мягкимъ,—прочь отсюда!
(Беатриче и Бернардо уходятъ)
(Въ сторону).
Такъ много уже было между нами,
Что я могу быть смѣлымъ, а она
Должна бояться. Страшно прикоснуться
Къ задуманному мною злодѣянью;
Такъ человѣкъ на влажномъ берегу,
Дрожитъ и воду пробуетъ ногами,
Разъ тамъ,—какой восторгъ, какая нѣга!

ЛУКРЕЦІЯ *(боязливо приближаясь къ нему)*.

Супругъ мой, не сердись на Беатриче,
Дурного въ мысляхъ не было у ней.

ЧЕНЧИ.

Какъ не было и у тебя, быть можетъ?
Какъ не было у этого чертенка,
Котораго ты азбукѣ учила,
Читая по складамъ—отцеубійство?
Джакомо также, вѣрно, не хотѣлъ
Дурного ничего, равно какъ эти
Два выродка, поссорившіе Папу
Со мною,—слава Богу, Онъ прибралъ ихъ
Одновременно. Агнцы! Ничего
Дурного нѣтъ въ ихъ мысляхъ! Значитъ, вы
Здѣсь не вступали въ заговоръ, не такъ ли?
О томъ вы ничего не говорили,
Чтобъ въ сумасшедшій домъ меня упрятать?
Или судомъ преслѣдовать меня,
Добиться смертной казни? Если-жь это
Не выгоритъ,—тогда нанять убійцъ,
Иль всыпать ядъ въ мое питье ночное?
Иль задушить, когда упьюсь виномъ?
Вѣдь нѣтъ судьи иного, кромѣ Бога,
А Онъ меня давно приговорилъ,
И, кромѣ васъ, здѣсь на землѣ, кому же
Исполнить этотъ смертный приговоръ,
Внесенный въ списки въ Небѣ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Видитъ Богъ,
Я никогда не думала объ этомъ!

ЧЕНЧИ.

Коль ты вторично такъ солжешь, тебя я
Убью. Не ты велѣла Беатриче
Испортить пиръ вчерашній? Ты хотѣла
Поднять моихъ враговъ и убѣжать,
Чтобъ досыта надъ тѣмъ поиздѣваться,
Предъ чѣмъ теперь твой каждый нервъ дрожитъ!
Не такъ-то люди смѣлы: промахнулась.
Немногіе безумцы захотятъ
Встать между мной и собственной могилой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Клянусь тебѣ,—о, не смотри такъ страшно!—
Клянусь моимъ спасеньемъ,—ничего
Не знала я о планахъ Беатриче,
И думаю, что даже у нея
Ихъ не было, пока не услыхала
Она о смерти братьевъ.

ЧЕНЧИ.

Снова лжешь,
И въ адъ пойдешь за это богохульство!
Но я васъ всѣхъ возьму съ собой туда,
Гдѣ вамъ придется къ каменному полу
Припасть, прося, чтобъ онъ освободилъ васъ.
Тамъ нѣтъ ни одного, кто-бъ не рѣшился
На все,—на все, что я ни прикажу.
Я выѣзжаю въ эту Среду. Знаешь
Тотъ мрачный Замокъ на скалѣ, Петреллу?
Онъ славно укрѣпленъ, окопанъ рвами,
Подземными темницами снабженъ,
И каменныя стѣны плотныхъ башенъ
Не выдали ни разу тайнъ своихъ,
И людямъ ничего не говорили,
Хоть видѣли и слышали такое,
Что мертвый камень могъ заговорить.
Чего-жь ты ждешь? Иди скорѣй, сбирайся,
Чтобъ не было задержекъ у меня!

(Лукреція уходитъ)

Еще горитъ всевидящее солнце,
И шумъ людской на улицахъ не смолкъ;
Въ окно глядитъ свѣтящееся небо,
Назойливый, широкій, яркій день;
Онъ смотритъ подозрительно, онъ полонъ
Ушей и глазъ; и въ каждомъ уголкѣ,
И въ каждой чуть замѣтной тонкой щели
Стоитъ и не уходитъ наглый свѣтъ.
Приди же, тьма!—Но что мнѣ день, когда я
Задумалъ совершить такое дѣло,

Которое смутитъ и день, и ночь.
О, да, не я,—она пойдетъ наощупь
Въ слѣпомъ туманѣ ужаса: и если
Взойдетъ на небо солнце,—не дерзнетъ
Она взглянуть на свѣтъ и не услышитъ
Тепла его лучей. Такъ пусть она
Желаетъ темной ночи; для меня же
Дѣяніе мое погаситъ все:
Въ себѣ ношу я мракъ, страшнѣй, мертвѣе,
Чѣмъ тѣнь земли, чѣмъ междулунный воздухъ,
Чѣмъ звѣзды, потонувшія во мглѣ
Мрачнѣйшей тучи; въ этой бездне черной
Незримо и спокойно я иду
Къ намѣченной и неотступной цѣли.
О, только бы скорѣй достичь ея!

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ Ватиканѣ. Входятъ Камилло и Джакомо, разговаривая.

КАМИЛЛО.

Да, есть такой законъ,—недостовѣрный,
Совсѣмъ забытый; если вы хотите,
Онъ вамъ доставитъ пищу и одежду,
Въ размѣрахъ скудныхъ...

ДЖАКОМО.

Это все? Увы,
Я знаю, скудно будетъ содержанье,
Которое прикажетъ мнѣ давать
Разсчетливый законъ, платить же станетъ
Косящаяся пасмурная скупость.
Зачѣмъ отецъ не научилъ меня
Хоть одному изъ тѣхъ ремеслъ, въ которыхъ
Нашелъ бы я свой хлѣбъ дневной, не зная
Потребностей моихъ высокородныхъ?
Да, старшій сынъ въ любомъ хорошемъ домѣ—
Наслѣдникъ неспособностей отца.
Желаній много, ихъ насытить—нечѣмъ.
Скажите, Кардиналъ, когда-бъ внезапно

Васъ кто-нибудь лишилъ тройныхъ перинъ,
Шести дворцовъ, и сотни слугъ, и пищи
Изысканной,—и если-бъ васъ къ тому лишь,
Что требуетъ природа, низвели?

КАМИЛЛО.

Кто говоритъ, мнѣ было-бъ очень трудно;
Есть правда въ вашихъ доводахъ.

ДЖАКОМО.

Такъ трудно,
Что только очень твердый человѣкъ
Способенъ это вынести. Притомъ же,
Я не одинъ, со мной моя жена.
Она привыкла къ роскоши и нѣгѣ,
Въ несчастный часъ приданое ея
Я далъ взаймы отцу, не взявъ расписки,
И не было свидѣтелей при этомъ.
Приходится отказывать и дѣтямъ
Рѣшительно во всемъ, а между тѣмъ
Они, какъ мать ихъ, любятъ жить въ довольствѣ.
И я отъ нихъ упрековъ не слыхалъ.
Скажите, Кардиналъ, быть можетъ Папа
Захочетъ намъ помочь и оказать
Вліянье свыше точныхъ словъ закона?

КАМИЛЛО.

Хоть случай вашъ особенный,—я знаю,
Что Папа не захочетъ отступить
Отъ буквы непреложнаго закона.
Съ Святѣйшествомъ его я говорилъ
О томъ, какъ пиръ устроенъ былъ безбожный,
О томъ, что надо чѣмъ-нибудь сдержать
Такой жестокій гнетъ руки отцовской;
Но онъ нахмурилъ брови и сказалъ:
«Всегда и всюду дѣти непослушны,
Изранить, до безумья довести
Родительское сердце—что̀ имъ въ этомъ!
Они всегда презрѣньемъ буйнымъ платятъ

За долгій рядъ отеческихъ заботъ.
Всѣмъ сердцемъ я жалѣю Графа Ченчи:
Онъ, вѣрно, оскорбленъ былъ очень горько
Въ своей любви, и вотъ теперь онъ мститъ,
И ненависть—любви его замѣна.
Въ великой и кощунственной войнѣ
Межъ молодымъ и старымъ я, который
Сѣдинами украшенъ, тѣломъ дряхлъ,
Хочу, по меньшей мѣрѣ, быть нейтральнымъ.»

(Входитъ Орсино)

Вы были тамъ, Орсино, подтвердите
Его слова.

ОРСИНО.

Слова? Какія?

ДЖАКОМО.

Нѣтъ,
Прошу не повторяйте ихъ. Довольно.
Такъ, значитъ, нѣтъ защиты для меня,—
Нѣтъ кромѣ той, которую найду я
Въ себѣ самомъ, ужь разъ меня пригнали
На край обрыва. Но еще скажите,
Невинная сестра моя и братъ
Доведены до крайности и гибнутъ
Въ рукахъ у безсердечнаго отца.
Я знаю, лѣтописныя страницы
Италіи укажутъ имена
Мучителей извѣстныхъ, Галеаццо
Висконти, Эццелино, Борджіа.
Но никогда своихъ рабовъ послѣднихъ
Такъ не терзали эти палачи,
Какъ собственныхъ дѣтей терзаетъ Ченчи.
Что-жь, имъ, какъ мнѣ, защиты нѣтъ?

КАМИЛЛО.

Зачѣмъ же,—
Пусть подадутъ они прошенье Папѣ,
Я думаю, что онъ имъ не откажетъ;
Но онъ не хочетъ только ослаблять

Отеческую власть, онъ видитъ въ этомъ
Примѣръ опасный, такъ какъ власть отца
Есть какъ бы тѣнь его верховной власти.
Прошу васъ извинить меня. Я занятъ,
И дѣло неотложное.

(Камилло уходитъ)

ДЖАКОМО.

Но вы,
Орсино,—для чего-жь вы задержали
Ходатайство?

ОРСИНО.

Я представлялъ его,
Сопровождая просьбами, мольбами,
Онъ даже не отвѣтилъ на него.
Я думаю, что ужасъ злодѣяній,
Описанныхъ въ прошеніи (и правда,
Кто могъ бы въ нихъ повѣрить), перенесъ
Весь гнѣвъ его Святѣйшества съ злодѣя
На тѣхъ, кто былъ страдательнымъ лицомъ.
Такъ разумѣю я изъ словъ Камилло.

ДЖАКОМО.

О другъ мой, этотъ дьяволъ, что блуждаетъ
Во всѣхъ дворцахъ и носитъ имя—деньги,
Молчанье нашепталъ Отцу Святому.
Что-жь намъ осталось? Быть какъ скорпіонъ,
Когда онъ сжатъ огнемъ кольцеобразнымъ,
Убить себя? Вѣдь тотъ, кто нашъ мучитель,
Прикрытъ священнымъ именемъ отца,—
А то бы...

(Рѣзко умолкаетъ)

ОРСИНО.

Что-жь ты смолкъ? Скажи, не бойся.
Понятье—только звукъ, когда оно
Не совпадаетъ съ точнымъ содержаньемъ.
Когда служитель Бога вѣроломно
Со словомъ Богъ соединяетъ ложь,—

Когда судья неправымъ приговоромъ
Невинность заставляетъ трепетать,—
Когда хитрецъ, надѣвъ личину друга,
Какъ если-бъ я теперь хитрилъ съ тобой,
Даетъ совѣты съ тайной личной цѣлью,—
И, наконецъ, когда свирѣпый деспотъ
Скрывается подъ именемъ отца,—
Изъ этихъ каждый только осквернитель
Того, чѣмъ быть онъ долженъ.

ДЖАКОМО.

Не могу я
Сказать тебѣ, что̀ въ мысляхъ у меня.
Нашъ умъ готовъ нерѣдко противъ воли
Измыслить то, чего онъ не хотѣлъ бы;
Воображенью нашему нерѣдко
Мы довѣряемъ ужасы, которыхъ
Вложить въ слова не смѣемъ; взоръ души,
На нихъ взглянувъ, смущается и слѣпнетъ.
Я слышу въ сердцѣ ропотъ возмущенья,
Въ отвѣтъ на мысль, встающую въ умѣ.

ОРСИНО.

Но сердце друга то же, что завѣтный
Укромный уголъ нашей же души,
Гдѣ скрыты мы отъ свѣтлыхъ взоровъ полдня
И воздуха, что можетъ все предать.
Въ твоихъ глазахъ читаю я догадку,
Мелькнувшую во мнѣ.

ДЖАКОМО.

О, пощади!
Вокругъ меня какъ будто лѣсъ полночный,
И я, ступая въ немъ, спросить не смѣю
Невиннаго прохожаго, какъ выйти,—
Боюсь, что онъ, какъ помыслы мои,
Окажется убійцею. Я знаю,
Что ты мой другъ, и все, что я посмѣю
Сказать моей душѣ, скажу тебѣ,

Но только не сейчасъ. Теперь хочу я
Побыть одинъ во тьмѣ заботъ безсонныхъ.
Прости, не говорю тебѣ привѣтствій,
Не въ силахъ я сказать тебѣ—«Всего
Хорошаго»,—что̀ я сказать хотѣлъ бы
Своей душѣ, измученной и темной,
Гдѣ встало подозрѣніе.

ОРСИНО.

Всего
Хорошаго! Будь чище иль смѣлѣе!

(Джакомо уходитъ)

Я убѣдилъ Камилло поддержать
Чуть-чуть его надежды. Такъ и вышло.
Съ моимъ сокрытымъ планомъ совпадаетъ
Одна черта, замѣченная мною
У всѣхъ, принадлежащихъ къ ихъ семьѣ:
Они всегда подробно разсѣкаютъ
Свой духъ и духъ другихъ, и эта склонность
Быть собственнымъ анатомомъ—всегда
Опаснымъ тайнамъ волю научаетъ;
Она, какъ искуситель, завлекаетъ
Способности души въ глухую пропасть
Намѣреній, давая намъ понять,
Что̀ можемъ мы задумать, можемъ сдѣлать:
Такъ Ченчи рухнулъ въ яму; такъ и я:
Съ тѣхъ поръ, какъ Беатриче мнѣ открылась,
И мнѣ пришлось постыдно отступить
Предъ тѣмъ, чего не жаждать не могу я,—
Я представляю жалкую фигуру
Предъ собственнымъ судомъ своимъ, съ которымъ
Теперь я начинаю примиряться.
Я сдѣлаю возможно меньше зла:
Пусть этой мыслью нѣсколько смягчится
Мой обвинитель—совѣсть.

(Послѣ паузы)

И потомъ,
Что̀ тутъ дурного, если Ченчи будетъ
Убитъ,—и если будетъ онъ убитъ,

Зачѣмъ же буду я орудьемъ смерти!
Не лучше-ль мнѣ всю выгоду извлечь
Изъ этого убійства, предоставивъ
Другимъ опасность, связанную съ нимъ,
И черный грѣхъ? Изъ всѣхъ земныхъ созданій
Я только одного боюсь: того,
Чей мѣткій ножъ быстрѣе словъ. И Ченчи
Какъ разъ такой: пока онъ живъ, священникъ,
Дерзнувшій обвѣнчаться съ Беатриче,
Найдетъ въ ея приданомъ скрытый гробъ.
О сладостная греза, Беатриче!
Когда бы могъ тебя я не любить!
Иль, полюбивъ, когда бы могъ презрѣть я
Опасности, и золото, и все,
Что хмурою угрозой возникаетъ
Межъ вспыхнувшимъ желаніемъ и цѣлью,
И дразнитъ за предѣлами желанья,
Заманчиво смѣясь! Исхода нѣтъ.
Нѣмая тѣнь ея со мною рядомъ
Склоняется, молясь, предъ алтаремъ,
Преслѣдуетъ меня, когда иду я
На торжища людскія, наполняетъ
Мой сонъ толпой мятущихся видѣній,
И я, проснувшись, чувствую, дрожа,
Что въ жилахъ у меня не кровь, а пламя;
Когда рукой горячей я коснусь
До головы, исполненной тумана,
Моя рука и жжетъ ее, и ранитъ;
И если кто-нибудь передо мной
Въ обычной рѣчи скажетъ «Беатриче»,
Я весь дрожу, горю и задыхаюсь;
И такъ безплодно мыслью обнимаю
Видѣнье неиспытанныхъ восторговъ,
Пока воображеніе мое
Не изнеможетъ такъ, что отъ желанья
Наполовину сладко обладаетъ
Самимъ же имъ возсозданною тѣнью.
Но больше не хочу я наполнять

Свой жадный духъ безсонными часами.
Въ разгаданныхъ сомнѣніяхъ Джакомо—
Опора сладкихъ замысловъ моихъ,
На нихъ они возникнутъ дерзновенно:
Какъ съ башни, вижу я конецъ всего.
Ея отецъ погибъ; межъ мной и братомъ
Глухая тайна, вѣрная, какъ гробъ;
У матери въ душѣ испугъ безмолвный
И, чуждая упрековъ, мысль о томъ,
Что страшно такъ мечта ея свершилась.
И, наконецъ, она!—Смѣлѣе, сердце!
Смѣлѣй! Что можетъ значить предъ тобою
Неопытность дѣвической души,
Во всемъ пустынномъ мірѣ одинокой.
Есть нѣчто, что даетъ мнѣ все предвидѣть
И служитъ мнѣ порукой за успѣхъ.
Когда подходитъ страшное,—какой-то
Незримый демонъ въ сердцѣ у людей
Взметаетъ мысли черныя, и вѣчно
Не тотъ преуспѣваетъ, кто для злого
Становится орудіемъ, а тотъ,
Кто льстить умѣетъ духу преисподней,
Пока его не сдѣлаетъ рабомъ,
И сможетъ захватить его владѣнья,
Съ добычей человѣческихъ сердецъ,
Какъ это я теперь сумѣю сдѣлать.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Лукреція, за ней входитъ Беатриче.

БЕАТРИЧЕ *(входитъ, шатаясь, и говоритъ безсвязно).*

Скорѣе дай платокъ мнѣ! Мозгъ мой раненъ;
Глаза налились кровью; вытри ихъ—
Я вижу все неясно.

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,
Дитя мое, нѣтъ раны у тебя,
Холодный потъ росой съ чела струится.
Увы! увы! Скажи мнѣ, что съ тобою?

БЕАТРИЧЕ.

Какъ? Волосы распущены? зачѣмъ?
Такъ это я отъ нихъ совсѣмъ ослѣпла—
Но я вѣдь заплетала ихъ.—О, ужасъ!
Колеблется земля, вотъ-вотъ, раскрылась!
И стѣны зашатались. Вонъ, я вижу,
Тамъ женщина рыдаетъ; неподвижно,
Спокойно, далеко стоитъ она,
А я съ землею въ бездну упадаю.
О Боже! Сводъ небесъ запачканъ кровью.
Лучи дневные черны. Свѣтлый воздухъ
Внезапно превратился въ тѣ пары,
Которыми въ могилахъ трупы дышутъ!
А! Задыхаюсь! Вкругъ меня ползетъ,
Цѣпляется туманъ—заразой черной

Онъ входитъ въ душу, плотный и тяжелый,
Я не могу сорвать его съ себя,
Онъ липнетъ,—вотъ, склеились пальцы, члены,
Онъ жилы разъѣдаетъ, онъ меня
Наполнилъ ядомъ, грязнымъ разложеньемъ,
Источникъ самой жизни осквернилъ!
О Господи! Я до сихъ поръ не знала,
Что̀ чувствуютъ безумные. Конечно!
Конечно, я съ ума сошла!

(Болѣе дико)

Но нѣтъ!
Я умерла! Гнилые эти члены
Скрываютъ душу, рвущуюся къ свѣту,
Ее въ могилѣ держатъ!

(Пауза)

Надо вспомнить...
Какая мысль ужасная была
Сейчасъ въ моей душѣ? Ушла... Уходитъ...
Но гнетъ ея, какъ прежде, остается
Въ глазахъ потухшихъ—въ сердцѣ утомленномъ!
О міръ! О жизнь! О день! О, горе мнѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, о чемъ ты такъ скорбишь?
Она молчитъ; она душою помнитъ
Страданіе, но не его причину,
Источникъ мукъ отъ горькихъ мукъ изсякъ.

БЕАТРИЧЕ *(въ изступленіи).*

Отцеубійца—да, несчастье быть
Отцеубійцей; знаю—да—но, Боже!
Его отецъ былъ не такой, какъ мой.
Нѣтъ, никогда!—О Боже, что со мною?

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, что̀ сдѣлалъ твой отецъ?

БЕАТРИЧЕ *(подозрительно).*

Ты кто, чтобъ такъ выспрашивать? Не знаешь:
У Беатриче нѣтъ отца. *(Въ сторону)* Она

Приставлена смотрѣть за мной. Сидѣлка
Въ больницѣ для лишившихся расудка!
Печальная обязанность! *(Къ Лукреціи тихо и медленно)*
Ты знаешь,
Мнѣ странно такъ почудилось, что я—
Та, жалкая, чье имя—Беатриче;
О ней такъ много люди говорятъ;
Ея отецъ, схвативъ ее за пряди
Распущенныхъ волосъ, таскалъ ее
По комнатамъ,—изъ комнаты въ другую;
А то нагую въ погребъ запиралъ,
Гдѣ ползали чешуйчатые черви,
Въ зловонной ямѣ голодомъ морилъ,
Пока она, измучившись, не ѣла
Какое-то причудливое мясо.
Печальное преданіе о ней
Такъ часто я въ умѣ перебирала,
Что мною овладѣлъ кошмаръ ужасный,
И я себѣ представила... О, нѣтъ!
Не можетъ быть! Въ безбрежномъ этомъ мірѣ
Есть много ужасающихъ видѣній,
Смѣшеній поразительныхъ, сліянья
Добра и зла въ чудовищныхъ чертахъ,
И худшее порой въ умахъ вставало,
Чѣмъ сдѣлано могло быть худшимъ сердцемъ.
Но никогда ничье воображенье
Не смѣло... *(Останавливается, внезапно приходя въ себя).*
Кто ты? Дай скорѣе клятву,—
Не то отъ ожиданья я умру,—
Клянись, что ты совсѣмъ не та, какою
Ты кажешься... О мать моя!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя
Родное, ты вѣдь знаешь...

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, не нужно!
Не говори, мнѣ страшно, потому что

Когда ты скажешь правду, и другое
Должно быть правдой,—правдой навсегда,
Непобѣдимо-точной и упорной,
Соединенной связью неразрывной
Со всѣмъ, что въ этой жизни быть должно,
И не пройдетъ, останется навѣки.
Да, такъ и есть. Я здѣсь, въ Палаццо Ченчи.
Тебя зовутъ Лукреція. А я
Была и вѣчно буду Беатриче.—
Я что-то говорила, такъ безсвязно,
Безумное. Но я не буду больше.
Поди ко мнѣ. О мать моя, отнынѣ
Я стала...
(Ея голосъ, слабѣя, замираетъ)

ЛУКРЕЦІЯ.

Что съ тобою, дочь моя,
Родная? разскажи мнѣ, что же сдѣлалъ
Отецъ твой?

БЕАТРИЧЕ.

Что я сдѣлала? Вѣдь я
Невинна? Развѣ это преступленье
Мое, что онъ, сѣдинами покрытый,—
И съ властнымъ видомъ,—мучившій меня
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, уже забытыхъ мною,
Какъ мучаютъ родители одни,
Зоветъ себя моимъ отцомъ,—и долженъ
Имъ быть... О, какъ же мнѣ назвать себя!
Какое дать мнѣ имя, память, мѣсто?
Какой прощальный крикъ о мнѣ напомнитъ,
Чтобъ пережить отчаянье мое?

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, я знаю, онъ ужасенъ,
Насъ можетъ только смерть освободить
Отъ пытки этихъ страшныхъ притѣсненій:
Смерть деспота иль наша. Но скажи мнѣ,
Какое оскорбленіе, страшнѣе

Всего, что было, могъ онъ нанести?
Тѣмъ могъ тебѣ онъ причинить обиду?
Ты больше не похожа на себя,
Въ твоихъ глазахъ мелькаетъ выраженье,
Такъ страшно-непривычное. Зачѣмъ
Ты смотришь такъ? Зачѣмъ ломаешь пальцы
Такъ судорожно сжатыхъ блѣдныхъ рукъ?

БЕАТРИЧЕ.

Въ нихъ бьется жизнь, которой нѣтъ исхода.
Должно случиться что-нибудь,—не знаю,
Что именно, но что-нибудь такое,
Чтобъ мой позоръ былъ только блѣдной тѣнью,
Въ смертельной вспышкѣ мстительныхъ огней,
Громовыхъ, быстрыхъ, грозныхъ, непреложныхъ,
И губящихъ послѣдствіе того,
Что больше быть исправлено не можетъ.
Должно случиться что-нибудь такое,
И я тогда навѣки успокоюсь,
И стихну, не заботясь ни о чемъ.
Но что теперь мнѣ дѣлать?—Кровь моя,
Мятущаяся въ жилахъ оскорбленныхъ,
Кровь не моя, а моего отца,
Когда-бъ, струями хлынувши на землю,
Могла ты смыть мучительный позоръ,
Изгладить преступленье... Невозможно!
У многихъ, такъ замученныхъ страданьемъ,
Возникло бы сомнѣнье, есть ли Богъ,
Они сказали-бъ: «Нѣтъ, Господь не могъ бы
Дозволить зло»—и умерли-бъ легко;
Во мнѣ мученья вѣры не погасятъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Съ тобою что-то страшное случилось,
Но что—не смѣю даже угадать.
О дочь моя, несчастная, не прячь же
Своихъ страданій въ скорби неприступной.
Откройся.

БЕАТРИЧЕ.

Я не прячу ничего.
Но гдѣ возьму я словъ для выраженья
Того, что я въ слова вложить не въ силахъ?
Въ моей душѣ нѣтъ образа—того,
Что сдѣлало меня навѣкъ другою;
Въ моей душѣ есть только мысль о томъ,
Что я—какъ трупъ, возставшій изъ могилы,
Закутанный, какъ въ саванъ гробовой,
Въ безформенный и безъимянный ужасъ.
Какія же слова должна я выбрать
Изъ тѣхъ, что служатъ смертнымъ для бесѣдъ?
Нѣтъ слова, чтобъ сказать мое мученье.
Когда-бъ другая женщина узнала
Хоть что-нибудь подобное, она
Скорѣй бы умерла, какъ я умру,
Но только бы оставила свой ужасъ
Безъ имени, что сдѣлаю и я.
Смерть! Смерть! И нашъ законъ, и наша вѣра
Зовутъ тебя наградою и карой!
Чего изъ двухъ заслуживаю я?

ЛУКРЕЦІЯ.

Спокойствія невинности и мира,
Пока въ свой часъ не будешь позвана
На небо. Что-бъ съ тобою ни случилось,
Ты не могла дурного сдѣлать. Смерть
Должна быть страшной карой преступленья
Иль сладостной наградою для тѣхъ,
Кто шелъ по тернамъ, брошеннымъ отъ Бога,
На путь, что насъ къ безсмертію ведетъ.

БЕАТРИЧЕ.

Смерть—кара преступленія. О Боже,
Не дай мнѣ быть введенной въ заблужденье,
Когда сужу. Такъ жить день изо дня
И сохранять вотъ эти члены, тѣло,
Храмъ, недостойный Духа Твоего,
Какъ грязную берлогу, изъ которой

То, чѣмъ Твой Духъ гнушается, начнетъ
Глядѣть, какъ звѣрь, смѣяться надъ Тобою,—
Нѣтъ, этому не быть. Самоубійство—
Въ немъ тоже нѣтъ исхода: Твой запретъ,
О Господи, какъ грозный Адъ зіяетъ
Межь нимъ и нашей волей. Въ этомъ мірѣ
Нѣтъ мести надлежащей, нѣтъ закона,
Чтобъ, осудивъ, исполнить приговоръ
Надъ тѣмъ, чрезъ что терплю я эти пытки.
(*Входитъ Орсино, она приближается къ нему съ торжественностью*)
Мой другъ, я вамъ должна сказать одно:
Со времени послѣдней нашей встрѣчи
Со мной случилась горькая бѣда,
Такая безъисходная, несчастье,
Такое необычное, что мнѣ
Ни жизнь, ни смерть не могутъ дать покоя.
Не спрашивайте, что со мной случилось:
Есть муки, слишкомъ страшныя для словъ,
Есть пытки, для которыхъ нѣтъ названья.

ОРСИНО.

Кто вамъ нанесъ такое оскорбленье?

БЕАТРИЧЕ.

Онъ носитъ имя страшное: отецъ.

ОРСИНО.

Не можетъ быть...

БЕАТРИЧЕ.

Не можетъ или можетъ,
Объ этомъ думать лишнее теперь.
Случилось, есть, боюсь, что будетъ снова,
Скажи мнѣ, какъ избѣгнуть. Я хотѣла
Искать спасенья въ смерти,—невозможно;
Мѣшаетъ мысль о томъ, что̀ ждетъ за гробомъ,
И мысль, что даже смерть сама не будетъ
Прибѣжищемъ отъ страшнаго сознанья
Того, что не искуплено. Отвѣть же,
Что дѣлать?

ОРСИНО.

Обвини его! Законъ
Отмститъ за оскорбленье.

БЕАТРИЧЕ.

Горе мнѣ!
Совѣтъ твой дышетъ холодомъ. Когда бы
Могла найти я слово, чтобъ отмѣтить
Преступное дѣяніе того,
Кто былъ мнѣ палачомъ;—когда-бъ рѣшилась
Я этимъ словомъ вырвать, какъ ножомъ,
Изъ сердца тайну, служащую язвой
Для лучшей части сердца моего;—
Когда-бъ я все разоблачила, сдѣлавъ
Изъ славы незапятнанной моей
Истасканный разсказъ подлѣйшихъ сплетницъ,
Насмѣшку, бранный возгласъ, поговорку;—
Когда бы все, что сдѣлано не будетъ,
Я сдѣлала,—подумай же о томъ,
Какъ силенъ золотой мѣшокъ злодѣя,
Какъ ненависть его страшна, какъ страненъ
Весь необычный ужасъ обвиненья,
Смѣющійся надъ самымъ вѣроятьемъ
И чуждый человѣческимъ словамъ,—
Едва встающій въ шопотѣ трусливомъ,
Въ намекахъ омерзительныхъ... О, да,
Поистинѣ прекрасная защита!

ОРСИНО.

Что-жь, будешь ты терпѣть?

БЕАТРИЧЕ.

Терпѣть! Орсино,
Въ совѣтахъ вашихъ очень мало прока.
(*Отвертывается отъ него и говоритъ какъ бы сама съ собою*)
Да, все должно быть рѣшено мгновенно,
Исполнено мгновеннно. Предо мной
Встаютъ неразличимые туманы,—
Что̀ тамъ за мысли черныя ростутъ?
За тѣнью тѣнь, одна темнитъ другую!

ОРСИНО.

Ужели оскорбитель будетъ жить?
Торжествовать въ позорномъ злодѣяньи?
И силою привычки повседневной
Заставитъ преступленіе свое
Содѣлаться твоей второй природой,
Пока не станешь ты совсѣмъ погибшей
И всей душой воспримешь духъ того,
Что ты допустишь?

БЕАТРИЧЕ *(къ самой себѣ).*

Царственная смерть!
Ты, тѣнь съ двойнымъ лицомъ! Судья единый!
Произноситель правыхъ приговоровъ!

(Отходитъ въ сторону, погруженная въ свои мысли)

ЛУКРЕЦІЯ.

О, если Божій гнѣвъ когда-нибудь
Какъ громъ сходилъ отмстить...

ОРСИНО.

Не богохульствуй!
Святое Провидѣнье поручаетъ
Землѣ Свою немеркнущую славу,
И бѣды, что нисходятъ на людей,
Оно даетъ сполна въ людскія руки;
Когда же преступленье наказать
Они не поспѣшаютъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Что же дѣлать,
Когда злодѣй, какъ нашъ палачъ, смѣется
Надъ обществомъ, надъ властью, надъ закономъ,
Найдя законъ въ карманѣ у себя?
Когда нельзя воззвать къ тому, что можетъ
Заставить самыхъ падшихъ трепетать?
Когда несчастья, чуждыя природѣ,
Такъ странны и чудовищны, что даже
Имъ вѣрить невозможно? Боже мой!
Что дѣлать, если тѣ какъ разъ причины,

Въ которыхъ бы для насъ должна возникнуть
Мгновенная и вѣрная защита,
Преступнику даютъ торжествовать?
А мы несемъ—мы, жертвы!—наказанье
Сильнѣй, чѣмъ понесетъ мучитель нашъ?

ОРСИНО.

Пойми: возмездье—тамъ, гдѣ—оскорбленье,
Пойми, и въ насъ довольно будетъ силы,
Чтобъ смыть позоръ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Когда-бъ могли мы знать,
Что мы отыщемъ вѣрную дорогу,
Какую,—я не знаю... Хорошо бы...

ОРСИНО.

То, чѣмъ онъ Беатриче оскорбилъ,—
Хоть это я угадываю смутно,—
Раскаяніе дѣлаетъ безчестьемъ,
Какъ долгъ, ей оставляетъ лишь одно—
Отмстить, найти дорогу къ быстрой мести;
Вамъ—лишь одинъ исходъ изъ этихъ бѣдствій;
Мнѣ—лишь одинъ совѣтъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Намъ нѣтъ надежды,
Что помощь, воздаянье или судъ,
Найдемъ мы тамъ, гдѣ съ меньшею нуждою
Нашелъ бы ихъ любой.

(Беатриче приближается)

ОРСИНО.

Итакъ...

БЕАТРИЧЕ.

Орсино
Прошу, ни слова, мать моя, ни слова,
Пока я говорю, откиньте прочь,
Какъ старыя лохмотья, уваженье,
Раскаянье, и сдержанность, и страхъ,

Всѣ узы повседневности, что съ дѣтства
Служили мнѣ одеждой, а теперь
Явились бы злорадною помѣхой
Для высшаго стремленья моего.
Какъ я сказала вамъ, со мной случилось
То, что должно остаться безъ названья,
Но что взываетъ голосомъ глухимъ
Къ возмездію. Возмездія за то,
Что было, и за то, что можетъ снова
День ото дня позоръ нагромождать
Въ моей душѣ, грѣхомъ обремененной,
Пока она, окутанная тьмой,
Не станетъ тѣмъ, что даже вамъ не снится.
Молилась Богу я. Я говорила
Съ моей душой, и спутанную волю,
Распутать удалось мнѣ, наконецъ,
И знаю я, что̀ право, что̀ неправо.
Ты другъ мнѣ или нѣтъ, скажи, Орсино?
Невѣрный или вѣрный? Поклянись
Твоимъ спасеньемъ!

ОРСИНО.

Я клянусь—отнынѣ
Отдать тебѣ, чѣмъ только я владѣю,
Мое умѣнье, силы, и молчанье.

ЛУКРЕЦІЯ.

Вы думаете—мы должны найти
Возможность умертвить его?

БЕАТРИЧЕ.

И тотчасъ,
Найдя возможность, выполнить ее.
Быть смѣлыми и быстрыми.

ОРСИНО.

Равно,
И крайне осторожными.

ЛУКРЕЦІЯ.

Законы,
Узнавъ, что мы виновники убійства,
Накажутъ насъ безчестіемъ и смертью
За то, что̀ сами сдѣлать бы должны.

БЕАТРИЧЕ.

Пусть будемъ осторожными, но только
Скорѣй, скорѣй. Орсино, какъ намъ быть?

ОРСИНО.

Я знаю двухъ свирѣпыхъ отщепенцевъ,
Для нихъ, что человѣкъ, что червь—одно,
Равны для нихъ и честный, и безчестный
По самому ничтожному предлогу
Они готовы каждаго убить.
Такихъ людей здѣсь, въ Римѣ, покупаютъ.
Они намъ нужны—что-жь—мы купимъ ихъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Но завтра предъ зарею Ченчи хочетъ
Насъ увезти къ пустынному утесу
Петрелла въ Апулійскихъ Аппенинахъ.
И если только онъ туда пріѣдетъ...

БЕАТРИЧЕ.

Туда пріѣхать онъ не долженъ.

ОРСИНО.

Башни
Достигнете вы засвѣтло?

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ разъ,
Когда заходитъ солнце.

БЕАТРИЧЕ.

Тамъ, я помню,
Отъ вала крѣпостного миляхъ въ двухъ,
Идетъ дорога рытвиной глубокой,
Она узка, обрывиста, и вьется

По склону внизъ, гдѣ въ пропасти глухой
Виситъ скала могучая—свидѣтель
Временъ давно-прошедшихъ—между стѣнъ
Той пропасти она въ провалъ склонилась
И, кажется, вотъ-вотъ сорвется внизъ,
И въ ужасѣ цѣпляется за стѣны,
И въ страхѣ подается ниже, ниже.
Такъ падшая душа, день ото дня,
Цѣпляется за тьму оплотовъ жизни,
Цѣпляясь, подается и, склоняясь,
Еще темнѣе дѣлаетъ ту бездну,
Куда упасть боится. Подъ скалой
Гигантская, какъ тьма и безутѣшность,
Зіяетъ снизу мрачная гора,
Гремитъ потокъ, невидимый, но слышный,
Свирѣпствуетъ среди пещеръ,—и мостъ
Пересѣкаетъ узкую тѣснину;
А сверху, высоко, свои стволы
Съ утесовъ на утесы перекинувъ,
Толпой темнѣютъ кедры, тисы, ели;
Ихъ вѣтви сплетены въ одинъ коверъ
Плющемъ темно-зеленымъ. Въ яркій полдень
Тамъ сумерки, съ закатомъ солнца—ночь.

ОРСИНО.

Предъ тѣмъ какъ къ мосту этому пріѣхать,
Старайтесь какъ-нибудь замедлить путь.
Старайтесь, чтобы мулы...

БЕАТРИЧЕ.

Тсс! Идутъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Кто-бъ это былъ? Слуга идти такъ быстро
Не могъ бы. Вѣрно Ченчи возвратился
Скорѣй, чѣмъ думалъ. Нужно чѣмъ-нибудь
Присутствіе Орсино извинить.

БЕАТРИЧЕ *(къ Орсино, выходя).*

Шаги, что приближаются такъ быстро,

Пусть завтра не пройдутъ чрезъ этотъ мостъ.
(Лукреція и Беатриче уходятъ)

ОРСИНО.

Что дѣлать мнѣ? Сейчасъ увижу Ченчи,
И долженъ буду вынести, какъ пытку,
Его непобѣдимо-властный взоръ.
Онъ взглядомъ инквизиторскимъ допроситъ,
Зачѣмъ я здѣсь. Такъ скрою же смущенье
Улыбкой незначительной.
(Вбѣгаетъ Джакомо торопливо)
Какъ? Вы?
Сюда войти рѣшились вы? Должно быть,
Извѣстно вамъ, что Ченчи дома нѣтъ!

ДЖАКОМО.

Я именно его хочу увидѣть
И буду ждать, пока онъ не придетъ.

ОРСИНО.

И вы опасность взвѣсили?

ДЖАКОМО.

Онъ взвѣсилъ
Свою опасность? Съ этихъ поръ мы съ нимъ
Ужь больше не отецъ и сынъ, а просто
Два человѣка: жертва и палачъ;
Позорный клеветникъ и тотъ, чье имя
Осквернено позорной клеветою;
Врагъ противъ ненавистнаго врага;
Ему щитомъ была сама Природа,
Надъ ней онъ насмѣялся, и теперь
Онъ выбросокъ передъ лицомъ Природы,
А я смѣюсь надъ нею и надъ нимъ.
Отцовская ли это будетъ глотка,
Которую схвачу я и скажу:
«Я денегъ не прошу, и мнѣ не надо
Счастливыхъ лѣтъ, похищенныхъ тобой;
Ни сладостныхъ воспоминаній дѣтства;
Ни мирнаго родного очага;

Хоть все это украдено тобою,
И многое другое;—имя, имя
Отдай мнѣ,—то единственный былъ кладъ,
Который я считалъ навѣкъ сохраннымъ
При нищетѣ, дарованной тобой,—
Отдай мнѣ незапятнанное имя,
Не то...»—Господь пойметъ, Господь проститъ.
Зачѣмъ съ тобой я говорю объ этомъ?

ОРСИНО.

О другъ мой, успокойся.

ДЖАКОМО.

Хорошо.
Я разскажу спокойно все, какъ было.
Я раньше говорилъ тебѣ, что этотъ
Старикъ Франческо Ченчи взялъ однажды
Приданое жены моей взаймы;
Взявъ деньги безъ росписки, онъ отрекся
Отъ займа и обрекъ меня на бѣдность;
Я нищету свою хотѣлъ поправить,
Хоть скудную отыскивая должность.
И мнѣ была обѣщана такая;
Уже купилъ я новую одежду
Моимъ несчастнымъ дѣтямъ, оборванцамъ,
Ужъ видѣлъ я улыбку на лицѣ
Моей жены, и сердце примирилось,—
Какъ вдругъ я узнаю, что эта должность,
Благодаря вмѣшательству отца,
Передана какому-то мерзавцу,
Которому за подлыя услуги
Такой услугой Ченчи заплатилъ.
Съ печальными вѣстями я вернулся
Къ себѣ домой, и мы съ женой сидѣли,
Унынiе стараясь побѣдить
Слезами дружбы, ласковостью вѣрной,
Что та же—въ самой тягостной бѣдѣ;
Внезапно входитъ онъ, мой истязатель,
Какъ онъ имѣлъ привычку это дѣлать,

Чтобъ насъ осыпать цѣлымъ градомъ низкихъ
Упрековъ и проклятiй, насмѣхаясь
Надъ нашей нищетой и говоря
Что въ этомъ—Божiй гнѣвъ на непослушныхъ.
Тогда, чтобъ онъ хоть чѣмъ-нибудь смутился,
Чтобъ онъ умолкъ,—сказалъ я о приданомъ
Моей жены. Но что же сдѣлалъ онъ?
Въ одну минуту сказку разсказалъ онъ,
Весьма правдоподобную, о томъ,
Что я ея приданое растратилъ
Средь тайныхъ оргiй; тотчасъ увидавъ,
Что онъ сумѣлъ мою жену затронуть,
Онъ прочь пошелъ, съ улыбкой. Я не могъ
Не видѣть, что жена съ презрѣньемъ тайнымъ
Внимаетъ страстнымъ доводамъ моимъ,
Что смотритъ съ недовѣрiемъ, враждебно,
И тоже прочь пошелъ; потомъ вернулся,
Почти сейчасъ, но все же слишкомъ поздно,—
Она успѣла дѣтямъ передать
Всѣ жесткiя слова, всѣ мысли злыя,
Возникшiя въ душѣ ея,—и вотъ,
Услышалъ я: «Отецъ, давай намъ платья,
Давай намъ лучшей пищи. Ты вѣдь за ночь
Истратишь столько, сколько намъ хватило-бъ
На мѣсяцы!» И я увидѣлъ ясно,
Что мой очагъ сталъ адомъ,—и вернусь я
Въ тотъ адъ кромѣшный развѣ лишь тогда,
Когда мой подлый врагъ вину загладитъ,—
Иначе, какъ онъ далъ мнѣ жизнь, такъ я,
Презрѣвъ запретъ, наложенный природой...

ОРСИНО.

Повѣрь, мой другъ, что здѣсь ты не найдешь
Отплаты за тяжелую обиду,
Твои надежды тщетны.

ДЖАКОМО.

Если такъ,—
Вѣдь ты мой другъ! Не ты ли намекалъ мнѣ

На тотъ жестокій выборъ, предъ которымъ
Теперь я, какъ надъ пропастью, стою.
Ты помнишь, мы объ этомъ говорили,
Тогда страдалъ я меньше. Это слово—
Отцеубійство—до сихъ поръ меня
Пугаетъ, словно выходецъ могильный,
Но я рѣшился твердо.

ОРСИНО.

Слово—тѣнь,
Насмѣшка безпредметная; бояться
Должны мы лишь того, въ чемъ—самый страхъ,
Замѣть, какъ Богъ разумно совлекаетъ
Въ единый узелъ нити приговора,
Своимъ судомъ оправдывая нашъ.
То, что замыслилъ ты, теперь какъ будто
Исполнено.

ДЖАКОМО.

Онъ мертвъ?

ОРСИНО.

Его могила
Ужь вырыта. Не знаешь ты, что Ченчи
За это время, послѣ нашей встрѣчи,
Глубоко оскорбилъ родную дочь.

ДЖАКОМО.

Въ чемъ было оскорбленіе?

ОРСИНО.

Не знаю.
Она не говоритъ, но ты, какъ я,
Наполовину можешь догадаться,
Взглянувъ на это скорбное лицо,
Окутанное блѣдностью недвижной,
Увидя безпредѣльную печаль,
Услыша этотъ голосъ монотонный,
Въ которомъ кротость съ ужасомъ слилась,
Какъ бы звуча суровымъ приговоромъ;

Чтобъ все тебѣ сказать, скажу одно:
Пока, объяты ужасомъ, какъ чарой,
Мы говорили съ мачехой ея,
Намеками неясными, блуждая
Вкругъ истины и робко запинаясь,
И все же къ мести съ трепетомъ идя,
Она прервала насъ, и яснымъ взглядомъ
Сказала прежде, чѣмъ въ словахъ воскликнуть:
«Онъ долженъ умереть!»

ДЖАКОМО.

Онъ долженъ. Такъ.
Теперь мои сомнѣнія исчезли.
Есть высшая причина, чѣмъ моя,
Чтобъ выполнить ужасное дѣянье.
Есть мститель незапятнанный, судья,
Исполненный святыни. Беатриче,
Проникнутая нѣжностью такой,
Что никогда червя не раздавила,
Цвѣтка не растоптала, не проливши
Ненужныхъ, но прекрасныхъ слезъ! Сестра.
Созданіе чудесное, въ которомъ
Любовь и умъ, на удивленье людямъ,
Слились въ одно, другъ другу не вредя!
Возможно ли, чтобъ образъ твой лучистый
Былъ оскверненъ? О сердце, замолчи!
Тебѣ не нужно больше оправданій!
Какъ думаешь, Орсино, подождать мнѣ
У двери здѣсь и заколоть его?

ОРСИНО.

Нѣтъ, что-нибудь всегда случиться можетъ,
Въ чемъ онъ найдетъ спасенье для себя,
Какъ разъ теперь, когда идетъ онъ къ смерти.
И некуда бѣжать тебѣ, и нечѣмъ
Убійство оправдать или прикрыть.
Послушай. Все обдумано. Предъ нами
Успѣхъ.

(*Входитъ Беатриче*)

БЕАТРИЧЕ.

То голосъ брата моего!
Ты болѣе не знаешь Беатриче.

ДЖАКОМО.

Сестра моя, погибшая сестра!

БЕАТРИЧЕ.

Погибшая! Я вижу, что Орсино
Съ тобою говорилъ, и ты теперь
Въ душѣ рисуешь то, что слишкомъ страшно,
Чтобъ быть способнымъ вылиться въ словахъ,
И все-жь не такъ чудовищно, какъ правда.
Теперь иди. Онъ можетъ возвратиться.
Но только поцѣлуй меня. Я въ этомъ
Увижу знакъ того, что ты согласенъ
На смерть его. Прощай. И пусть теперь
Твое благоговѣніе предъ Богомъ
И братская любовь, и милосердье,—
Все, что смягчить способно самыхъ жесткихъ,
Въ твоей душѣ, о братъ мой, укрѣпится,
Какъ жесткая безтрепетность и твердость.
Не отвѣчай мнѣ. Такъ. Прощай.—Прощай.

(*Уходятъ порознь*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Небольшая комната въ домѣ Джакомо. Джакомо одинъ.

ДЖАКОМО.

Ужь полночь. А Орсино нѣтъ какъ нѣтъ.

(*Громъ и шумъ бури*)

Что значитъ эта буря? Неужели
Безсмертныя стихіи могутъ такъ же,
Какъ человѣкъ, страдать и сострадать?
О, если такъ, изломъ воздушныхъ молній
Не долженъ былъ бы падать на деревья!
Жена моя и дѣти крѣпко спятъ.
Они теперь живутъ средь сновидѣній,
Лишенныхъ содержанія. А я

Здѣсь бодрствую и долженъ сомнѣваться
Въ добрѣ того, что было неизбѣжно.
Неполная лампада, твой огонь
Дрожитъ и бьется узкою полоской;
Въ дыханьи вѣтра, съ краю, дышетъ тьма,
Нависла ненасытная. О пламя,
Подобное послѣднему біенью
Еще живой, уже погибшей жизни,
Ты борешься, то вспыхнешь, то замрешь,
И если-бъ не поддерживалъ тебя я,
Какъ быстро бы угасло ты, исчезло,
Какъ будто бы и не было тебя.
Кто знаетъ, въ это самое мгновенье,
Быть можетъ, жизнь, зажегшая мою,
Такимъ же тлѣетъ пламенемъ. Но эту
Лампаду, разъ одинъ ее разбивъ,—
Потомъ уже ничѣмъ не возстановишь.
Та кровь, что бьется здѣсь, вотъ въ этихъ жилахъ,
Теперь бѣжитъ слабѣющимъ отливомъ
Отъ членовъ остывающихъ, пока
Во всемъ не воцарится мертвый холодъ;
Тѣ самыя живыя очертанья,
По чьимъ узорамъ созданы мои,
Теперь объяты судорогой смерти,
Подернулись налетомъ восковымъ;
Та самая душа, что облачила
Мою подобьемъ Господа безсмертнымъ,
Теперь стоитъ предъ Судіей Всевышнимъ,
Безсильная, нагая.

(*Ударъ колокола*)

Бьютъ часы.

Одинъ ударъ. Другой. Ползутъ мгновенья.
Когда сѣдымъ я буду старикомъ,
Мой сынъ, быть можетъ, будетъ ждать вотъ такъ же,
Колеблясь между ненавистью правой
И суетнымъ раскаяньемъ, ропща,—
Какъ я ропщу,—что нѣтъ вѣстей ужасныхъ,
Подобныхъ тѣмъ, которыхъ здѣсь я жду.

Не лучше-ль было-бъ, если-бъ онъ не умеръ!
Хоть страшно велика моя обида,
Но все же... Тсс! Шаги Орсино.

(*Входитъ Орсино*)

Ну?

ОРСИНО.

Пришелъ я сообщить, что Ченчи спасся.

ДЖАКОМО.

Онъ спасся?

ОРСИНО.

Часомъ раньше онъ проѣхалъ
Назначенное мѣсто, и теперь
Находится въ Петреллѣ.

ДЖАКОМО.

Значитъ, мы—
Игралище случайности, и тратимъ
Въ предчувствіяхъ слѣпыхъ часы, когда
Мы дѣйствовать должны. Такъ, значитъ, буря,
Казавшаяся звономъ похороннымъ,
Есть только громкій смѣхъ Небесъ, которымъ
Оно надъ нашей слабостью хохочетъ!
Отнынѣ не раскаюсь я ни въ чемъ,
Ни въ мысляхъ, ни въ дѣяніяхъ, а только
Въ раскаяньи моемъ.

ОРСИНО.

Лампада гаснетъ.

ДЖАКОМО.

Но вотъ, хоть свѣтъ погасъ, а въ нашемъ сердцѣ
Не можетъ быть раскаянія въ томъ,
Что воздухъ впилъ въ себя огонь безвинный:
Что-жь намъ скорбѣть, что жизнь Франческо Ченчи,
Въ мерцаніи которой злые духи
Яснѣе видятъ гнусныя дѣла,
Внушаемыя ими, истощится,
Погаснетъ навсегда. Нѣтъ, я рѣшился!

ОРСИНО.

Къ чему твои слова? и кто боится
Вмѣшательства раскаянья, когда
Мы правое задумали? Пусть рухнулъ
Нашъ планъ первоначальный,—все равно,
Сомнѣнья нѣтъ, онъ скоро будетъ мертвымъ.
Но что же ты лампаду не засвѣтишь?
Не будемъ говорить впотьмахъ.

ДЖАКОМО (*зажигая огонь*).

И все же,
Однажды погасивши жизнь отца,
Я не могу зажечь ее вторично.
Не думаешь ли ты, что духъ его
Предъ Господомъ представитъ этотъ доводъ?

ОРСИНО.

А миръ твоей сестрѣ вернуть ты можешь?
А мертвыя надежды ты забылъ
Твоихъ угасшихъ лѣтъ? А злое слово
Твоей жены? А эти оскорбленья,
Швыряемыя всѣмъ, кто нагъ и слабъ,
Счастливыми? А жизнь и всѣ мученья
Твоей погибшей матери?

ДЖАКОМО.

Умолкни.
Не надо больше словъ! Своей рукою
Я положу предѣлъ той черной жизни,
Что для моей началомъ послужила.

ОРСИНО.

Но въ этомъ нѣтъ нужды. Постой. Ты знаешь
Олимпіо, который былъ въ Петреллѣ
Смотрителемъ во времена Колонны,—
Его отецъ твой должности лишилъ,
И Марціо, безстрашнаго злодѣя,
Котораго онъ годъ тому назадъ
Обидѣлъ—не далъ платы за дѣянье

Кровавое, содѣланное имъ
Для Ченчи?

ДЖАКОМО.

Да, Олимпіо я знаю.
Онъ, говорятъ, такъ Ченчи ненавидитъ,
Что въ ярости безмолвной у него
Блѣднѣютъ губы, лишь его замѣтитъ.
О Марціо не знаю ничего.

ОРСИНО.

Чья ненависть сильнѣй,—рѣшить мнѣ трудно,
Олимпіо иль Марціо. Обоихъ,
Какъ будто бы по твоему желанью,
Къ твоей сестрѣ и мачехѣ послалъ я
Поговорить.

ДЖАКОМО.

Поговорить?

ОРСИНО.

Мгновенья,
Бѣгущія, чтобъ къ полночи привесть
Медлительное «завтра», могутъ бѣгъ свой
Увѣковѣчить смертью. Прежде чѣмъ
Пробьетъ полночный часъ, они успѣютъ
Условиться и, можетъ быть, исполнить
И, выполнивъ...

ДЖАКОМО.

Тсс! Что это за звукъ?

ОРСИНО.

Ворчитъ собака, балка заскрипѣла,
И больше ничего.

ДЖАКОМО.

Моя жена
Во снѣ на что-то жалуется,—вѣрно,
Тоскуетъ, негодуя на меня,
И дѣти спятъ вокругъ, и въ сновидѣньяхъ
Имъ грезится, что я грабитель ихъ.

ОРСИНО.

А въ это время онъ, кто горькій сонъ ихъ
Голодною тоскою омрачилъ,
Тотъ, кто ихъ обокралъ, спокойно дремлетъ,
Позорнымъ сладострастьемъ убаюканъ,
И съ торжествомъ смѣется надъ тобой
Въ видѣніяхъ вражды своей успѣшной,
Въ тѣхъ снахъ, въ которыхъ слишкомъ много правды.

ДЖАКОМО.

Клянусь, что, если онъ опять проснется,
Не надо рукъ наемныхъ больше мнѣ.

ОРСИНО.

Такъ, правда, будетъ лучше. Доброй ночи.
Когда еще мы встрѣтимся—

ДЖАКОМО.

Да будетъ
Все кончено и все навѣкъ забыто.
О если-бъ не родился я на свѣтъ!

(*Уходятъ*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Замкѣ Петрелла. Входитъ Ченчи.

ЧЕНЧИ.

Она нейдетъ. А я ее оставилъ
Изнеможенной, сдавшейся. И ей
Извѣстно наказанье за отсрочку.
Что, если всѣ мои угрозы тщетны?
Какъ, развѣ я не въ замкѣ у себя?
Не окруженъ окопами Петреллы?
Боюсь ушей и глазъ докучныхъ Рима?
Не смѣю притащить ее къ себѣ,
Схвативъ ее за пряди золотыя?
Топтать ее? Держать ее безъ сна,
Пока ея разсудокъ не померкнетъ?
И голодомъ, и жаждою смирять,
И въ цѣпи заковать ее? Довольно
И меньшаго. Но время убѣгаетъ,
А я еще не выполнилъ того,
Чего хочу всѣмъ сердцемъ. А! Такъ я же
Сломлю упорство гордое, исторгну
Согласіе у воли непреклонной,
Заставлю такъ же низко преклониться,
Какъ то, что внизъ теперь ее влечетъ?

(*Входитъ Лукреція*)

Проклятая, исчезни, прочь отсюда,
Бѣги отъ омерзенья моего!
Но, впрочемъ, стой. Скажи, чтобъ Беатриче
Пришла сюда.

ЛУКРЕЦІЯ.

Супругъ, молю тебя,
Хотя бы изъ любви къ себѣ, подумай,
О томъ, что хочешь сдѣлать! Человѣкъ,
Идущій по дорогѣ преступленій,
Какъ ты, среди опасностей грѣха,
Ежеминутно можетъ поскользнуться
Надъ собственной внезапною могилой.
А ты ужь старъ, сѣдинами покрытъ;
Спаси себя отъ смерти и отъ Ада,
И пожалѣй твою родную дочь;
Отдай ее кому-нибудь въ супруги,
Тогда она не будетъ искушать
Твоей души къ враждѣ, иль къ худшимъ мыслямъ.
Когда возможно худшее.

ЧЕНЧИ.

Еще бы!
Чтобъ такъ же, какъ сестра ея, она
Нашла пріютъ, гдѣ можно насмѣхаться
Своимъ благополучіемъ безстыднымъ
Надъ ненавистью жгучею моей.
Ея, тебя и всѣхъ, кто остается,
Ждетъ страшная и бѣшеная гибель.
Да, смерть моя, быть можетъ, будетъ быстрой,—
Ея судьба мою опередитъ.
Иди, скажи, я жду ее, и прежде,
Чѣмъ прихоть перемѣнится моя,—
Не то я притащу ее за пряди
Густыхъ ея волосъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Она послала
Меня къ тебѣ, супругъ мой. Какъ ты знаешь,
Она передъ тобой лишилась чувствъ,
И голосъ услыхала, говорившій:
«Франческо Ченчи долженъ умереть!
Свои грѣхи онъ долженъ исповѣдать!
Ужь Ангелъ-Обвинитель ждетъ, внимаетъ,

Не хочетъ ли Всевышній покарать
Сильнѣйшей карой тьму грѣховъ ужасныхъ,
Ожесточивъ скудѣющее сердце!»

ЧЕНЧИ.

Что-жь, можетъ быть. Случается. Я знаю,
Есть свыше откровенія. И Небо
Въ особенности было благосклонно
Ко мнѣ, когда я проклялъ сыновей.
Они тотчасъ же умерли. Да!—Да!
А вотъ насчетъ того, что справедливо
И что несправедливо,—это басни.
Раскаянье! Раскаянье есть дѣло
Удобнаго мгновенья и зависитъ
Не столько отъ меня, какъ отъ Небесъ.
Прекрасно. Но теперь еще я долженъ
Главнѣйшаго достигнуть: осквернить
И отравить въ ней душу.

(Пауза. Лукреція боязливо приближается и, по мѣрѣ того какъ онъ говоритъ, съ ужасомъ отступаетъ)

Двѣ души
Отравлены проклятьемъ: Кристофано
И Рокко; для Джакомо, полагаю,
Жизнь—худшій Адъ, чѣмъ тотъ, что ждетъ за гробомъ;
А что до Беатриче, такъ она,
Коль только есть искусство въ лютой злобѣ,
Научится усладѣ богохульства,
Умретъ во тьмѣ отчаянья. Бернардо,
Какъ самому невинному, хочу я
Достойное наслѣдство завѣщать,
Воспоминанье этихъ всѣхъ дѣяній,
И сдѣлаю изъ юности его
Угрюмый гробъ надеждъ, гдѣ злыя мысли
Взростутъ, какъ рой могильныхъ сорныхъ травъ.
Когда-жь исполню все, въ поляхъ Кампаньи
Построю столбъ изъ всѣхъ моихъ богатствъ.
Все золото, всѣ рѣдкія картины,
Убранства, ткани, утварь дорогую,
Одежды дорогоцѣнныя мои,

Пергаменты, и росписи владѣній,
И все, что только я зову своимъ,
Нагромоздивъ роскошною громадой,
Я въ честь свою привѣтственный костеръ
Зажгу среди равнины неоглядной;
Изъ всѣхъ своихъ владѣній—для потомства
Оставлю только имя,—это будетъ
Наслѣдство роковое: кто къ нему
Притронется, тотъ будетъ, какъ безславье,
Нагимъ и нищимъ. Это все свершивъ,
Мой бичъ, мою ликующую душу
Вручу тому, кто далъ ее: пусть будетъ
Она своею карой или ихъ,
Ее онъ отъ меня не спроситъ прежде,
Чѣмъ этотъ бичъ свирѣпый нанесетъ
Послѣднюю чудовищную рану,
И сломится въ кровавости глубокой.
Вся ненависть должна найти исходъ.
И чтобы смерть меня не обогнала,
Я буду скоръ и краткоъ.

(Идетъ)

ЛУКРЕЦІЯ *(удерживая его)*.

Погоди.
Я выдумала все. И Беатриче
Видѣнья не видала, голосъ Неба
Не слышала, я выдумала все,
Чтобъ только устрашить тебя.

ЧЕНЧИ.

Прекрасно.
Ты лжешь, играя истиною Бога.
Такъ пусть твоя душа въ своемъ кощунствѣ
Задохнется навѣкъ. Для Беатриче
Есть ужасы похуже наготовѣ,
И я ее скручу своею волей.

ЛУКРЕЦІЯ.

Своею волей скрутишь? Боже мой,

Какія ты еще придумалъ пытки,
Невѣдомыя ей?

ЧЕНЧИ.

Андреа! Тотчасъ
Скажи, чтобъ дочь моя пришла сюда,
А если не придетъ она, скажи ей,
Что я приду. Невѣдомыя пытки?
Я повлеку ее сквозь цѣлый рядъ
Неслыханныхъ доселѣ оскверненій,
И шагъ за шагомъ будетъ путь пройденъ.
Она предстанетъ, въ полдень, беззащитной,
Среди толпы, глумящейся надъ ней,
И будетъ стыдъ о ней гремѣть повсюду,
Разскажутся позорныя дѣянья,
И будетъ между этихъ всѣхъ одно:
Чего она сильнѣй всего боится,
Волшебною послужитъ западней
Ея неповинующейся волѣ.
Предъ совѣстью своей она возникнетъ
Тѣмъ, чѣмъ она покажется другимъ;
Умретъ безъ покаянья, безъ прощенья,
Мятежницей предъ Богомъ и отцомъ;
Ея останки выбросятъ собакамъ,
А имя будетъ ужасомъ земли.
И духъ ея придетъ къ престолу Бога
Покрытый, какъ проказой гноевой,
Чумой моихъ губительныхъ проклятій,
И духъ и тѣло вмѣстѣ обращу я
Въ одинъ обломокъ смерти и уродства.

(*Входитъ Андреа*)

АНДРЕА.

Синьора Беатриче...

ЧЕНЧИ.

Говори,
Ты, блѣдный рабъ! Скорѣй! Отвѣтъ ея!

АНДРЕА.

Мой господинъ, она сказала только,

Что̀ видѣла: «Иди, скажи отцу,
Я вижу Адъ, кипящій между нами,
Онъ можетъ перейти его, не я.»

(*Андреа уходитъ*)

ЧЕНЧИ.

Иди скорѣй, Лукреція, скажи ей,
Чтобы она пришла; пусть только знаетъ,
Что, разъ придя, она дастъ согласье;
И также не забудь сказать, что, если
Я буду ждать напрасно, прокляну.

(*Лукреція уходитъ*)

А! Чѣмъ, какъ не проклятіемъ, Всевышній
Въ побѣдѣ окрыленной будитъ ужасъ
Паническій, и сонмы городовъ
Окутываетъ блѣдностью испуга?
Отецъ вселенной долженъ внять отцу,
Возставшему на собственное чадо,
Хоть средь людей мое онъ носитъ имя.
И развѣ смерть ея мятежныхъ братьевъ
Не устрашитъ ее, предъ тѣмъ какъ я
Скажу свое проклятіе? Лишь только
На нихъ призвалъ я быструю погибель,
Она пришла.

(*Входитъ Лукреція*)

Ну, тварь, отвѣтъ, живѣе!

ЛУКРЕЦІЯ.

Она сказала: «Нѣтъ, я не могу!
Поди, скажи отцу, что не приду я.
Межъ нимъ и мною вижу я потокъ
Его пролитой крови,—негодуя,
Онъ мчится.»

ЧЕНЧИ (*становясь на колѣни*)

Боже! выслушай меня!
О, если та плѣнительная форма,
Что ты содѣлалъ дочерью моей,
Кровь, служащая частью, отдѣленной
Отъ крови и отъ сущности моей,

Или скорѣй моя болѣзнь, проклятье,
Чей видъ заразой служитъ для меня;—
О, если эта дьявольская греза,
Возникшая таинственно во мнѣ,
Какъ Сатана, возставшій въ безднахъ Ада,
Тобою предназначена была,
Чтобъ послужить для доброй цѣли;—если
Лучистое ея очарованье
Зажглось, чтобъ озарить нашъ темный міръ;—
И если добродѣтели такія,
Взлелѣянныя лучшею росой
Твоей любви, роскошно расцвѣли въ ней,
Чтобъ въ эту жизнь внести любовь и миръ,—
Молю Тебя, о Боже всемогущій,
Отецъ и Богъ ея, меня и всѣхъ,
Отвергни приговоръ Свой! Ты, земля,
Прошу тебя, молю во имя Бога,
Дай въ пищу ей отраву, пусть она
Покроется корою чумныхъ пятенъ!
Ты, небо, брось на голову ея
Нарывный дождь зловонныхъ росъ Мареммы,
Чтобъ пятнами покрылася она,
Какъ жаба; изсуши ей эти губы,
Окрашенныя пламенемъ любви;
Скриви ея чарующіе члены
Въ противную горбатость! Порази,
Всевидящее солнце, эти очи,
Огнемъ твоихъ слѣпительныхъ лучей!

ЛУКРЕЦІЯ.

Молчи! Молчи! Свою судьбу жалѣя,
Возьми назадъ ужасныя слова.
Когда всевышній Богъ къ такимъ молитвамъ
Склоняетъ слухъ, Онъ страшно мститъ за нихъ!

ЧЕНЧИ (*вскакивая и быстро поднимая къ небу правую руку*).

Своей Онъ служитъ волѣ, я—своей!
Еще одно проклятіе прибавлю:
Когда-бъ она беременною стала...—

ЛУКРЕЦІЯ.

Чудовищная мысль!

ЧЕНЧИ.

Когда-бъ у ней
Ребенокъ зародился,—о Природа
Поспѣшная, тебя я заклинаю,
Пребудь въ ней плодоносной, будь послушна
Велѣнію Создателя, умножься,
Умножь мое глубокое проклятье,—
Пусть это чадо гнусной будетъ тѣнью,
Подобьемъ омерзительнымъ ея,
Чтобы она всегда передъ собою,
Какъ дикій образъ въ зеркалѣ кривомъ,
Могла себя навѣкъ увидѣть слитой
Съ тѣмъ, что ее страшитъ сильнѣй всего,
На собственной груди увидѣть гада,
Глядящаго съ улыбкой на нее!
И пусть отъ дѣтскихъ дней отродье это
День ото дня становится мерзѣй,
Уродливѣй, чтобъ радость материнства
Росла бѣдой, и оба, мать и сынъ,
Дождались упоительнаго часа,
Когда за цѣлый рядъ заботъ и мукъ
Онъ ей отплатитъ ненавистью черной,
Иль чѣмъ-нибудь еще безчеловѣчнѣй!
Пусть гонитъ онъ ее сквозь громкій хохотъ,
Сквозь цѣлый міръ двусмысленностей грязныхъ,
Къ могилѣ обезчещенной!—Иди,
Скажи, пускай придетъ, пока есть время,
Еще могу проклятье взять назадъ,
Пока не вступитъ въ лѣтописи Неба.

(*Лукреція уходитъ*

Мнѣ чудится, что я не человѣкъ,
А нѣкій демонъ, призванный глумиться
И мстить за цѣлый сонмъ обидъ иного,
Уже невспоминаемаго міра:
Стремится кровь моя живымъ ключомъ,

Она шумитъ въ восторгѣ дерзновенья,
Ликуетъ, содрогается, горитъ.
Я чувствую какой-то странный ужасъ,
И сердце бьется въ грезѣ круговой,
Рисующей чудовищную радость.

(*Входитъ Лукреція*)

Ты мнѣ несешь...

ЛУКРЕЦІЯ.

Отказъ. Она сказала,
Что можешь проклинать ее, и если-бъ
Проклятія твои могли убить
Ея неумирающую душу...

ЧЕНЧИ.

Она придти не хочетъ? Хорошо.
Передо мной двоякій путь: сначала
Возьму, чего хочу, потомъ исторгну
Согласіе. Ступай къ себѣ. Бѣги,
Не то тебя я вышвырну отсюда.
И помни, въ эту ночь твои шаги
Съ моими пусть не встрѣтятся. Скорѣе
Стань между тигромъ и его добычей.

(*Лукреція уходитъ*)

Глаза мои слипаются и меркнутъ
Подъ необычной тяжестію сна.
Должно быть, поздно. Совѣсть! Лжецъ наглѣйшій!
Я слышалъ, будто сонъ, роса небесъ,
Не освѣжаетъ сладостнымъ бальзамомъ
Изгибовъ тѣхъ умовъ, гдѣ встала мысль,
Что ты пустой обманщикъ. Я намѣренъ
Тебя изобличить во лжи, уснуть
Въ теченьи часа сномъ невозмутимымъ,
И чувствую, что будетъ онъ глубокъ.
Потомъ,—о грозный Адъ, гдѣ столько духовъ
Отверженныхъ, твои оплоты дрогнутъ,
Когда въ предѣлахъ царственныхъ твоихъ
Всѣхъ дьяволовъ охватитъ дикій хохотъ!
По Небу пронесется горькій вопль,

Какъ будто бы объ ангелѣ погибшемъ,
И на Землѣ все доброе поблекнетъ,
А злое шевельнется и возстанетъ
Для жизни неестественной, ликуя,
Какъ я теперь ликую и живу.

(*Уходитъ*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Передъ Замкомъ Петреллы. Появляются Беатриче и Лукреція вверху на крѣпостномъ валу.

БЕАТРИЧЕ.

Ихъ нѣтъ еще.

ЛУКРЕЦІЯ.

Едва настала полночь.

БЕАТРИЧЕ.

Какъ медленно въ сравненьи съ бѣгомъ мысли,
Больной отъ быстроты, влачится время
Съ свинцовыми стопами!

ЛУКРЕЦІЯ.

Улетаютъ
Мгновенія. Что если онъ проснется,
Пока не совершится ничего?

БЕАТРИЧЕ.

О мать моя! Проснуться онъ не долженъ.
Твои слова глубоко убѣдили
Меня, что нашъ поступокъ лишь изгонитъ
Изъ тѣла человѣка духа тьмы,
Бѣжавшаго изъ адскихъ безднъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О смерти
И о судѣ такъ твердо говорилъ онъ,
Съ довѣріемъ, рисующимъ такого
Отверженца въ какомъ-то странномъ свѣтѣ,
Какъ будто въ Бога вѣритъ онъ и только
Добра и зла не хочетъ различать.

И все же, умереть безъ покаянья!

(*Входятъ Олимпіо и Марціо снизу*)

Они идутъ!

БЕАТРИЧЕ.

Все смертное здѣсь въ мірѣ
Должно спѣшить къ угрюмому концу.
Сойдемъ!

(*Лукреція и Беатриче уходятъ сверху*)

ОЛИМПІО.

О чемъ ты думаешь?

МАРЦІО.

О томъ,
Что десять сотенъ кронъ большая плата
За жизнь убійцы стараго. Ты блѣденъ.

ОЛИМПІО.

То—отраженье блѣдности твоей,
Цвѣтъ щекъ твоихъ...

МАРЦІО.

Естественный ихъ цвѣтъ?

ОЛИМПІО.

Цвѣтъ ненависти жгучей и желанья
Отмстить.

МАРЦІО.

Такъ ты готовъ на это дѣло?

ОЛИМПІО.

Не менѣе, какъ если бы мнѣ дали
Такія-жъ точно десять сотенъ кронъ,
Чтобъ я скорѣй убилъ змѣю, чье жало
Лишило жизни сына моего.

(*Входятъ Беатриче и Лукреція снизу*)

БЕАТРИЧЕ.

Рѣшились вы?

ОЛИМПІО.

Онъ спитъ?

МАРЦІО.

Вездѣ все тихо?

БЕАТРИЧЕ.

Пусть смерть его лишь будетъ перемѣной
Ужасныхъ сновъ, карающихъ грѣхи,
Угрюмымъ продолженьемъ адской бури,
Которая кипитъ въ его душѣ
И ждетъ, чтобъ отъ разгнѣваннаго Бога
Низвергся дождь ее гасящихъ словъ.
Такъ вы рѣшились твердо? Вамъ извѣстно,
Что это благороднѣйшее дѣло?

ОЛИМПІО.

Рѣшились твердо.

МАРЦІО.

Что до благородства,
Мы это вамъ рѣшить предоставляемъ.

БЕАТРИЧЕ.

Идемъ же!

ОЛИМПІО.

Тсс! Откуда этотъ шумъ?

МАРЦІО.

Идутъ!

БЕАТРИЧЕ.

О трусы, трусы! Успокойте
Смѣшной испугъ ребяческихъ сердецъ!
Когда сюда входили вы, навѣрно
Раскрытыми оставили ворота,
Они скрипятъ, и это быстрый вѣтеръ
Надъ вашей жалкой трусостью смѣется.
Идемъ же, наконецъ. Впередъ, смѣлѣй!
Какъ я иду: легко, свободно, смѣло.

(*Уходятъ*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ Замкѣ. Входятъ Беатриче и Лукреція.

ЛУКРЕЦІЯ.

Они теперь кончаютъ.

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, теперь
Все кончено.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я стона не слыхала.

БЕАТРИЧЕ.

Стонать не будетъ онъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты слышишь?

БЕАТРИЧЕ.

Шумъ!
То звукъ шаговъ вокругъ его постели.

ЛУКРЕЦІЯ.

О Господи! Быть можетъ, онъ теперь
Лежитъ холоднымъ трупомъ.

БЕАТРИЧЕ.

Не тревожься.
Что сдѣлано—не страшно. Бойся только
Того, что не исполнено еще.
Успѣхъ вѣнчаетъ все.
(*Входятъ Олимпіо и Марціо*)
Готово?

МАРЦІО.

Что?

ОЛИМПІО.

Вы звали насъ?

БЕАТРИЧЕ.

Когда?

ОЛИМПІО.

Сейчасъ.

БЕАТРИЧЕ.

Мы? Звали?
Я спрашиваю, кончено ли все?

ОЛИМПІО.

Его убить не смѣемъ мы, онъ старъ,
Онъ спитъ глубокимъ сномъ, онъ сѣдъ, и брови
Неспящія нахмурены, и руки
Скрестилъ онъ на встревоженной груди,
И сонъ его меня обезоружилъ.
О, нѣтъ! О, нѣтъ! Убить его нельзя!

МАРЦІО.

Но я смѣлѣе былъ и, осуждая
Олимпіо, сказалъ ему, чтобъ онъ
Терпѣлъ свои обиды до могилы,
Мнѣ одному награду предоставивъ.
И вотъ уже мой ножъ почти рѣзнулъ
Открытое морщинистое горло,
Какъ вдругъ старикъ во снѣ пошевельнулся,
И я услышалъ: «Господи, внемли
Отцовскому проклятію! Вѣдь Ты же
Отецъ намъ всѣмъ.»—И тутъ онъ засмѣялся.
И понялъ я, что этими устами
Духъ моего покойнаго отца
Проклятье изрекаетъ, и не могъ я
Его убить.

БЕАТРИЧЕ.

Злосчастные рабы!
Нѣтъ мужества въ душонкахъ вашихъ жалкихъ,
Чтобъ человѣка спящаго убить.
Откуда же вы храбрости набрались,
Чтобъ, дѣла не свершивъ, сюда придти?
Позорные измѣнники и трусы!
Да эта совѣсть самая, что въ васъ

Гнѣздится лишь для купли и продажи
Или для низкой мести, есть увертка!
Она спокойно спитъ во время тысячъ
Невидныхъ ежедневныхъ преступленій;
Когда же нужно дѣло совершить,
Въ которомъ жалость будетъ богохульствомъ...
Да что тутъ!

(Выхватываетъ кинжалъ у одного изъ нихъ и поднимаетъ его въ воздухъ)

Если-бъ даже ты посмѣлъ
Всѣмъ разсказать, что я отцеубійца,
Я все-жь его должна убить! Но только
Переживете вы его немного!

ОЛИМПІО.

Остановись, во имя Бога!

МАРЦІО.

Я
Сейчасъ пойду убить его!

ОЛИМПІО.

Отдай мнѣ
Кинжалъ, и мы твою исполнимъ волю.

БЕАТРИЧЕ.

Бери! Ступай! Чтобъ живо возвратиться!

(Олимпіо и Марціо уходятъ)

Какъ ты блѣдна! Мы дѣлаемъ лишь то,
Чего не сдѣлать было-бъ преступленьемъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, если бъ это было уже въ прошломъ!

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ, въ этотъ самый мигъ въ твоей душѣ
Проходятъ колебанья и сомнѣнья,
А міръ ужь перемѣну ощутилъ.
Пожрали адъ и тьма то испаренье,
Что ими было послано смутить
Сіянье жизни. Вотъ ужь мнѣ какъ будто

Отраднѣе дышать; въ застывшихъ жилахъ
Струится кровь свободнѣй. Тсс!

(Входятъ Олимпіо и Марціо)

Онъ...

ОЛИМПІО.

Мертвъ!

МАРЦІО.

Чтобы слѣдовъ кровавыхъ не осталось,
Его мы задушили, и потомъ
Въ тотъ садъ, что подъ балкономъ, сошвырнули
Отяжелѣвшій трупъ,—какъ будто онъ
Упалъ случайно.

БЕАТРИЧЕ *(отдавая имъ кошелекъ съ деньгами)*

Вотъ, берите деньги,
И поскорѣй отсюда уходите.
И такъ какъ ты, о Марціо, смутился
Лишь тѣмъ, что̀ духъ мой въ трепетъ повергало,
Возьми вотъ эту мантію.

(Надѣваетъ на него богатую мантію)

Ее
Носилъ мой дѣдъ во дни своихъ успѣховъ,
Когда будилъ онъ зависть: пусть же всѣ
Твоей судьбѣ завидуютъ. Ты былъ
Орудіемъ святымъ въ десницѣ Бога.
Живи, преуспѣвай и, если есть
На совѣсти твоей грѣхи, раскайся!
Въ томъ, что теперь ты сдѣлалъ,—нѣтъ грѣха.

(Слышенъ звукъ рога)

ЛУКРЕЦІЯ.

Чу! Замковый сигнальный рогъ. О Боже!
Звучитъ онъ словно зовъ на Страшный Судъ.

БЕАТРИЧЕ.

Какой-то гость не во-время пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Подъемный мостъ опущенъ; во дворѣ

Я слышу стукъ копытъ. Скорѣй, спасайтесь!

(*Уходятъ Олимпіо и Марціо*)

БЕАТРИЧЕ.

Уйдемъ къ себѣ, и притворимся, будто
Мы спимъ глубокимъ сномъ, да, впрочемъ, мнѣ
Наврядъ ли даже надо притворяться;
Тотъ духъ, что этимъ тѣломъ властно правитъ,
Мнѣ кажется такъ странно-безмятежнымъ,
Что я усну невозмутимымъ сномъ:
Все зло теперь окончилось навѣки.

(*Уходятъ*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другая комната въ Замкѣ. Входитъ съ одной стороны Легатъ Савелла, въ сопровожденіи слуги, съ другой Лукреція и Бернардо.

САВЕЛЛА.

Синьора, да послужитъ извиненьемъ
Мой долгъ передъ Святѣйшествомъ его,
Что я теперь покой вашъ нарушаю
Въ такой неподходящій часъ: я долженъ
Имѣть бесѣду тотчасъ съ Графомъ Ченчи.
Онъ спитъ?

ЛУКРЕЦІЯ (*съ торопливымъ смущеніемъ*)

Навѣрно, спитъ, но я прошу васъ
Ночной его покой не возмущать;
Пусть онъ поспитъ, не то случится худо,—
Онъ вспыльчивый и злобный человѣкъ.
Онъ долженъ этой ночью спать и видѣть
Въ жестокихъ снахъ свирѣпый ужасъ Ада.
Пусть только день забрезжитъ, и тогда...

(*Въ сторону*)

О, я изнемогаю!

САВЕЛЛА.

Мнѣ прискорбно,
Что я вамъ доставляю безпокойство,
Но долженъ Графъ немедля дать отвѣтъ

На цѣлый рядъ важнѣйшихъ обвиненій,
И въ этомъ цѣль пріѣзда моего.

ЛУКРЕЦІЯ (*съ возростающимъ безпокойствомъ*)

Но разбудить его я не посмѣю,
И кто бы могъ—не знаю никого я;
Будить змѣю опасно,—не змѣю,
А трупъ, въ которомъ спитъ свирѣпый демонъ.

САВЕЛЛА.

Мнѣ ждать нельзя, мои мгновенья здѣсь
Сосчитаны. И если никого
Здѣсь нѣтъ, кто разбудить его посмѣлъ бы,
Я самъ пойду будить его.

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сторону*)

О, ужасъ!
Отчаянье!

(*Къ Бернардо*)

Бернардо, проводи же
Посланника Святѣйшества его
Въ ту комнату, гдѣ твой отецъ.

(*Савелла и Бернардо уходятъ*)

(*Входитъ Беатриче*)

БЕАТРИЧЕ.

То вѣстникъ,
Прибывшій, чтобъ виновнаго схватить,
Уже теперь стоящаго предъ Богомъ,
Съ Его неотвергаемымъ судомъ.
Соединясь въ согласномъ приговорѣ,
Насъ оправдали Небо и Земля.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, ужасъ нестерпимый! Если-бъ только
Онъ былъ въ живыхъ! Я слышала сейчасъ,
Когда они всѣ мимо проходили,
Шепнулъ одинъ изъ свиты, что Легатъ
Имѣетъ полномочіе отъ Папы
Немедленно казнить его. Такъ, значитъ,

Путемъ законнымъ все произошло бы,
За что теперь мы дорого заплатимъ.
Вотъ-вотъ, они обыскиваютъ крѣпость,
Они находятъ трупъ, и подозрѣнье
Диктуетъ имъ, гдѣ истина; потомъ
Тихонько совѣщаются, что̀ дѣлать;
Потомъ воскликнутъ громко: «Это—вы!»
О, ужасъ! Все открылось!

БЕАТРИЧЕ.

Мать моя,
Что сдѣлано разумно, то прекрасно.
Будь столь же смѣлой, какъ ты справедлива.
И было бы ребячествомъ бояться,—
Когда спокойна совѣсть,—что другіе
Узнаютъ то, что сдѣлано тобой,
Съ пугливостью смотрѣть, въ лицѣ мѣняясь,
И этимъ обнажать, что̀ хочешь скрыть.
Себѣ лишь вѣрной будь и, кромѣ страха,
Не бойся ничего, другого нѣтъ
Свидѣтеля, а если-бъ онъ явился,—
Что прямо невозможно,—если-бъ вдругъ
Возникло что-нибудь не въ нашу пользу,
Мы можемъ подозрѣнье ослѣпить
Такимъ правдоподобнымъ удивленьемъ,
Такою оскорбленностью надменной,
Какая невозможна для убійцъ.
Что сдѣлано, то нужно было сдѣлать,—
И что мнѣ до другого! Я какъ міръ,
Какъ свѣтъ, лучи струящій по вселенной,
Какъ землю окружившій вольный воздухъ,
Какъ твердый центръ всѣхъ міровъ. Что будетъ,
Меня волнуетъ такъ же, какъ скалу
Безшумный вѣтеръ.

(*Крикъ внутри покоевъ и смятенье*)

Смерть! Убійство! Смерть!

(*Входятъ Бернардо и Савелла*)

САВЕЛЛА (*обращаясь къ своей свитѣ*).

Весь замокъ обыскать и бить тревогу;
У выходныхъ воротъ поставить стражу,
Чтобъ всѣ остались въ Замкѣ!

БЕАТРИЧЕ.

Что случилось?

БЕРНАРДО.

Не знаю, какъ сказать: отецъ нашъ мертвъ!

БЕАТРИЧЕ.

Какъ? Мертвъ? Онъ только спитъ. И ты ошибся,
Мой милый братъ; онъ крѣпко-крѣпко спитъ,
И тихій сонъ его подобенъ смерти.
Не странно ли: мучитель можетъ спать!
Но онъ не мертвъ?

БЕРНАРДО.

Онъ мертвъ! Убитъ!

ЛУКРЕЦІЯ (*въ крайнемъ возбужденіи*)

Нѣтъ, нѣтъ!
Онъ не убитъ, хотя, быть можетъ, умеръ.
Ключи отъ этихъ комнатъ у меня.

САВЕЛЛА.

А! Вотъ какъ!

БЕАТРИЧЕ.

Монсиньоръ, простите насъ,
Но мы должны уйти: ей очень худо;
Какъ видите, она изнемогаетъ
Отъ ужаса подобныхъ испытаній.

(*Лукреція и Беатриче уходятъ*)

САВЕЛЛА.

Не можете ли вы кого-нибудь
Въ убійствѣ заподозрить?

БЕРНАРДО.

Я не знаю:
Что думать.

САВЕЛЛА.

Можетъ быть, вы назовете
Кого-нибудь, кто въ смерти Графа Ченчи
Имѣлъ бы интересъ?

БЕРНАРДО.

Увы, не въ силахъ
Назвать хоть одного, кто не имѣлъ бы;
Имѣютъ всѣ, особенно же тѣ,
Кто горше всѣхъ скорбитъ о происшедшемъ:
Моя сестра, и мать, и самъ я.

САВЕЛЛА.

Странно!
Есть знаки несомнѣнные насилья.
Трупъ старика нашелъ я, въ лунномъ свѣтѣ,
Висящимъ подъ окномъ его же спальни,
Среди вѣтвей сосны; упасть не могъ онъ,—
Онъ весь лежалъ безформенною кучей.
Слѣдовъ кровавыхъ, правда, нѣтъ. Прошу васъ,—
Для чести дома вашего такъ важно,
Чтобъ выяснилось все,—скажите дамамъ,
Я ихъ прошу пожаловать сюда.

(Бернардо уходитъ)

(Входитъ Стража и вводитъ Марціо)

СТРАЖА.

Вотъ, одного поймали!

ОФИЦЕРЪ.

Монсиньоръ,
Мы этого злодѣя и другого
Нашли среди уступовъ. Нѣтъ сомнѣнья,
Они и есть убійцы графа Ченчи:
У каждаго нашли мы кошелекъ,
Наполненный монетами; а этотъ
Былъ мантіей роскошною покрытъ;
Сверкая золотой своей отдѣлкой
Средь темныхъ скалъ, подъ мутною луной,

Она его намъ выдала; другой же
Въ отчаянной защитѣ былъ убитъ.

САВЕЛЛА.

И что онъ говоритъ?

ОФИЦЕРЪ.

Хранитъ молчанье
Упорное; но эти строки скажутъ:
Письмо нашли мы у него въ карманѣ.

САВЕЛЛА.

По крайней мѣрѣ, ихъ языкъ правдивъ.

(Читаетъ)

«Доннѣ Беатриче.
«Чтобы возмездіе за то, что̀ вообразить
«моя душа противится, могло случиться скоро, я
«посылаю къ тебѣ, по желанію твоего брата,
«тѣхъ, которые скажутъ и сдѣлаютъ больше,
«чѣмъ я рѣшаюсь писать.
«Твой вѣрный слуга Орсино.»

(Входятъ Лукреція, Беатриче, и Бернардо)

Тебѣ извѣстенъ этотъ почеркъ?

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ.

САВЕЛЛА.

Тебѣ?

ЛУКРЕЦІЯ *(во все время этой сцены она исполнена крайняго возбужденія).*

Что это значитъ? Что такое?
Мнѣ кажется, рука Орсино это!
Откуда же достали вы письмо?
Въ немъ говоритъ невыразимый ужасъ,
Который не нашелъ себѣ исхода,
Но между этой дѣвушкой несчастной
И собственнымъ ея отцомъ усопшимъ
Успѣлъ создать зіяющую бездну
Глухой и темной ненависти.

САВЕЛЛА.

Такъ?
Синьора, это вѣрно, что отецъ твой
Тебѣ нанесъ такія оскорбленья,
Что ненависть зажегъ въ твоей душѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не ненависть, а нѣчто, что сильнѣе.
Но для чего объ этомъ говорить?

САВЕЛЛА.

Здѣсь что-то есть, о чемъ ты знаешь больше,
Чѣмъ выразить въ вопросѣ я могу.
Въ твоей душѣ есть тайна.

БЕАТРИЧЕ.

Монсиньоръ,
Вы говорите дерзко, не подумавъ.

САВЕЛЛА.

Отъ имени Святѣйшества его
Присутствующихъ всѣхъ я арестую.
Мы ѣдемъ въ Римъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ! Мы невиновны.
Не нужно въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Виновны? Кто же смѣетъ
Сказать, что мы виновны? Монсиньоръ,
Въ отцеубійствѣ такъ же я виновна,
Какъ безъ отца родившійся ребенокъ;
Еще, быть можетъ, меньше. Мать моя,
Твоя святая кротость, благородство,
Щитомъ служить не могутъ передъ этимъ
Язвительнымъ неправосуднымъ міромъ,
Предъ этой обоюдоострой ложью,
Что сразу выставляетъ два лица.
Какъ! Ваши безпощадные законы,
Вѣрнѣй, осуществляющіе ихъ,

Вы, слуги ихъ невѣрные, сначала
Дорогу къ правосудью заградите,
Потомъ, когда, во гнѣвѣ, Небеса,
Суда земного видя небреженье,
Вмѣшаются и мстителя пошлютъ,
Чтобъ наказать неслыханное дѣло,
Вы скажете, что тотъ, кто правды ждалъ,
Преступникъ? Вы преступники! Вотъ этотъ
Несчастный, что блѣднѣетъ и дрожитъ,
Коль вѣрно то, что онъ убійца Ченчи,
Есть мечъ въ десницѣ праведнаго Бога.
Зачѣмъ же я его взяла бы въ руки?
Богъ мститъ за тѣ дѣянья, о которыхъ
Не скажешь этимъ смертнымъ языкомъ.

САВЕЛЛА.

Такъ смерть его была для васъ желанной?

БЕАТРИЧЕ.

Когда бы хоть на мигъ въ моей душѣ
Остыло это дикое желанье,
То было-бъ преступленіемъ,—такимъ же,
Какъ черный грѣхъ, въ его душѣ возникшій.
Да, правда, я надѣялась, ждала,
Молилась, даже больше—твердо знала,—
Вѣдь есть же правосудный, мудрый Богъ,—
Я знала, что надъ нимъ нависла кара
Какой-то роковой внезапной смерти.
И вотъ, она пришла—и это правда,
Что для меня на всей землѣ и въ Небѣ
Была одна послѣдняя надежда,
Одно успокоенье—смерть его.
И что-жь теперь?

САВЕЛЛА.

Обычное явленье.
Изъ странныхъ мыслей—странныя дѣла.
Я не могу судить тебя.

БЕАТРИЧЕ.

Но, если
Меня вы арестуете, невольно
Вы станете судьей и палачомъ
Того, что я считаю жизнью жизни.
И самое дыханье обвиненья
Пятнаетъ незапятнанное имя,
И, послѣ оправданія косого,
Все то, что было свѣтлымъ и живымъ,
Становится безжизненною маской.
Я снова повторяю, это ложь,
Что будто я грѣшна въ отцеубійствѣ,
Хоть я по справедливости должна
Придти въ восторгъ, узнавъ объ этой смерти,
Узнавъ, что чья-то чуждая рука
Послала духъ его молить у Бога
Того, въ чемъ отказалъ онъ мнѣ: пощады.
Оставьте насъ свободными, прошу васъ;
Нашъ знатный домъ навѣкъ не оскверняйте
Неяснымъ подозрѣньемъ въ преступленьи;
Котораго не могъ онъ совершить;
Къ небрежности своей и къ нашимъ мукамъ
Еще сильнѣйшихъ мукъ не прибавляйте.
Ихъ было слишкомъ много; не лишайте
Обманутыхъ и выброшенныхъ бурей—
Послѣдняго: обломковъ корабля.

САВЕЛЛА.

Синьора, я не смѣю. Приготовьтесь.
Прошу васъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Римъ:
Что будетъ дальше, скажетъ воля Папы.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ, не надо въ Римъ! Не надо въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Зачѣмъ ты такъ тревожишься, родная?
Зачѣмъ бояться Рима? Тамъ, какъ здѣсь,
Мы нашей невиновностію можемъ

Безстрашно обвиненье растоптать.
Есть Богъ и тамъ, а Онъ своею тѣнью
Всегда прикроетъ слабыхъ, беззащитныхъ,
Обиженныхъ, какъ мы. Утѣшься. Помни,
Что на меня ты можешь опереться;
Блуждающія мысли собери.
Какъ только, Монсиньоръ, вы отдохнете
И выясните все, что только нужно
Для слѣдствія, вы насъ внизу найдете
Готовыми къ отъѣзду. Ты поѣдешь,
Родная?

ЛУКРЕЦІЯ.

А! Они насъ будутъ мучить,
Привяжутъ къ колесу, начнутъ пытать,
И этотъ ужасъ мукъ невыносимыхъ
У насъ исторгнетъ самообвиненье.
Джакомо будетъ тамъ? Орсино тамъ?
И Марціо? И всѣ на очной ставкѣ?
И каждый у другого на лицѣ
Увидитъ тайну собственнаго сердца!
О, горе мнѣ!
(Она лишается чувствъ, и ее уносятъ)

САВЕЛЛА.

Она лишилась чувствъ.
Недобрый знакъ.

БЕАТРИЧЕ.

Она людей не знаетъ,
И думаетъ, что власть есть дикій звѣрь,
Который схватитъ острыми когтями
И больше ужь не выпуститъ: змѣя,
Которая въ отраву превращаетъ
Что только ни увидитъ, находя
Въ свирѣпомъ ядѣ собственную пищу.
Она не можетъ знать, какъ хорошо
Прислужники слѣпого произвола
Читать умѣютъ истину вещей
Въ чертахъ лица безгрѣшно-простодушныхъ:

Невинности не видитъ, въ торжествѣ
Стоящей предъ судомъ того, кто смертенъ,
Судьей и обвинителемъ обидъ,
Ее туда привлекшихъ. Монсиньоръ,
Прошу васъ приготовиться къ отъѣзду;
Мы ждемъ васъ во дворѣ съ своею свитой.
(*Уходитъ*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Орсино. Входятъ Орсино и Джакомо.

ДЖАКОМО.

Такъ быстро злодѣяніе приходитъ
Къ ужасному концу? О, для чего же
Безплодное раскаянье, казня
За черный грѣхъ, когда онъ совершится,
Не можетъ громко насъ предостеречь,
А только ранитъ жаломъ смертоноснымъ,
Когда непоправимо преступленье!
О, если-бъ этотъ прошлый часъ тогда
Съ себя совлекъ покровъ туманной тайны,
Представъ съ зловѣщимъ ликомъ привидѣнья,
Съ которымъ онъ является теперь,
Когда душа—какъ мрачная берлога,
Гдѣ спугнутъ дикій звѣрь, теперь гонимый
Свирѣпымъ лаемъ псовъ, чье имя совѣсть!
Увы! Увы! Какая злая мысль—
Убить сѣдого дряхлаго отца.

ОРСИНО.

Кто зналъ, что все окончится такъ плохо!

ДЖАКОМО.

Безбожно посягнуть на святость сна!
Похитить кроткій миръ спокойной смерти,
Которая преклонности усталой
Назначена природою самой!

Отнять у Неба гибнущую душу,
Не давши ей раскаяньемъ сердечнымъ
И жаркими молитвами загладить
Жизнь, полную грѣховъ!

ОРСИНО.

Но развѣ я
Къ убійству побуждалъ тебя?

ДЖАКОМО.

О, если-бъ
Въ твоемъ лицѣ услужливо-любезномъ
Я зеркала не встрѣтилъ для своихъ
Ужасныхъ мыслей; если-бъ цѣлымъ рядомъ
Намековъ и разспросовъ ты меня
Не вынудилъ чудовище увидѣть
Моей души и на него глядѣть,
Пока оно съ желаньемъ не сроднилось!

ОРСИНО.

Вотъ такъ всегда, кто терпитъ неудачу,
Вину за все слагаетъ на того,
Кто былъ его рѣшенію поддержкой,
Или винитъ другое что-нибудь,
Но только не себя. А въ то же время,
Признайся, что раскаянье твое
Съ его больною блѣдностью возникло
Всецѣло оттого, что ты теперь
Находишься въ опасности; признайся,
Что это страхъ, откинувши свой стыдъ,
Скрывается подъ маской угрызеній.
А если-бъ мы могли еще спастись?

ДЖАКОМО.

Но какъ же это можно? Беатриче,
Лукреція и Марціо въ тюрьмѣ.
И, вѣрно, исполнители закона
Ужь посланы, пока мы говоримъ здѣсь,
Схватить и насъ.

ОРСИНО.

Я приготовилъ все
Для вѣрнаго немедленнаго бѣгства.
И если ты желаешь, мы сейчасъ же
Воспользуемся случаемъ.

ДЖАКОМО.

Скорѣй
Дыханье испущу средь пытокъ страшныхъ.
Какъ, бѣгствомъ обвинивъ самихъ себя,
Мы сложимъ всю вину на Беатриче?
Межь тѣмъ какъ въ этомъ дѣлѣ богохульномъ
Она одна—какъ свѣтлый Ангелъ Бога,
Прислужниковъ нашедшій въ духахъ тьмы
И мстящій за обиду безъ названья,
Предъ ужасомъ которой черный грѣхъ
Отцеубійства сталъ святымъ дѣяньемъ;
Тогда какъ мы для нашихъ низкихъ цѣлей...
Орсино, если я сравню твои
Слова и взгляды съ этимъ предложеньемъ,
Боюсь необходимости сознаться,
Что ты—подлецъ. Скажи, съ какою цѣлью,
Намеками, улыбками, словами
Въ опасное такое преступленье
Меня ты заманилъ—и бросилъ въ пропасть?
И ты не лжецъ? И ты не ложь сама?
Измѣнникъ и убійца! Трусъ и рабъ!
Да что тутъ тратить время! Защищайся!

(*Обнажаетъ шпагу*)

Пусть скажетъ сталь, чѣмъ заклеймить тебя
Гнушается языкъ мой.

ОРСИНО.

Спрячь оружье.
Джакомо, неужели до того
Твой страхъ тебя отчаяньемъ исполнилъ,
Что руку поднимаешь ты на друга,
Изъ-за тебя погибшаго? Но, если

Ты къ этому подвигнутъ честнымъ гнѣвомъ,
Узнай, что предложеніемъ своимъ
Хотѣлъ я испытать тебя, не больше.
Что-жь до меня, своимъ безплоднымъ чувствомъ
Я приведенъ къ той точкѣ, отъ которой
Не въ силахъ отступить, хотя бы даже
Мой твердый духъ раскаянье узналъ.
Пока мы говоримъ, внизу, у входа,
Ревнители закона ждутъ, и мнѣ
Даны лишь эти краткія мгновенья.
И если хочешь ты къ своей женѣ
Теперь пойти съ печальнымъ утѣшеньемъ,
Иди вотъ этимъ ходомъ потаеннымъ,—
Ты ихъ избѣгнешь.

ДЖАКОМО

Другъ великодушный!
Такъ ты меня простилъ? О, если-бъ могъ я
Своею жизнью выкупить твою!

ОРСИНО.

Твое желанье на день опоздало.
Спѣши. Всего хорошаго. Ты слышишь,
Идутъ по коридору!

(*Джакомо уходитъ*)

Очень жаль,
Но стражи ждутъ его теперь у входа
Его же дома; это сдѣлалъ я,
Чтобъ отъ него, какъ и отъ нихъ, сокрыться.
На этихъ размалеванныхъ подмосткахъ
Измѣнчиваго міра я задумалъ
Торжественную пьесу разыграть,
Хотѣлъ достичь моихъ особыхъ цѣлей
Сплетеніемъ добра и зла въ узоръ,
Подобный тѣмъ, какіе ткутся всюду;
Но встала Неожиданность и властно
Схватила нити замысловъ моихъ,
Порвала ихъ и съ страшной быстротою

Сплела изъ нихъ сѣть гибели. Кричатъ!

(*Слышенъ крикъ*)

Чу! Слышу. Я объявленъ внѣ закона,
Но съ ложнымъ простодушіемъ въ лицѣ,
Въ лохмотьяхъ жалкихъ, я пройти сумѣю
Въ толпѣ, всегда обманутой, что судитъ
Согласно съ тѣмъ, что кажется. И послѣ,
Подъ именемъ другимъ, въ странѣ другой,
Я почести покинутаго Рима
Легко перемѣню на жизнь другую,
Создавъ ее по старымъ образцамъ,
Служа своимъ желаньямъ. И душа
Останется все тою же, а обликъ
Всего, что внѣ, послужитъ вѣрной маской.
Но если происшедшее не дастъ мнѣ
Покоя—никогда? О, нѣтъ, къ чему же!
Никто о злодѣяніяхъ моихъ
Не будетъ знать! Зачѣмъ себя я буду
Своимъ же осужденіемъ тревожить!
Ужели побѣдить я не смогу
Безплодныхъ угрызеній? Буду вѣчно
Рабомъ—чего? Безсмысленнаго слова,
Которое всѣ люди примѣняютъ
Другъ противъ друга, только не къ себѣ,
Точь въ точь, какъ носятъ шпагу, чтобы ею
При случаѣ кого-нибудь убить
И защитить себя отъ нападенья.
Но, если я глубоко заблуждаюсь,—
Что буду дѣлать, гдѣ тогда найду я
Личину, чтобы скрыться отъ себя,
Какъ я теперь сокрытъ отъ чуждыхъ взоровъ?

(*Уходитъ*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Залъ суда. Камилло, Судьи, и проч., сидятъ. Вводятъ Марціо.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Ну, что же, обвиняемый, какъ прежде,
Вы будете упорно отрицать?

Скажите, вы виновны въ преступленьи
Иль нѣтъ? Скажите, кто у васъ зачинщикъ?
Иль, можетъ быть, ихъ нѣсколько? Отвѣтьте,
Но только, чтобы правду говорить!

МАРЦІО.

О Господи! Когда бы правду зналъ я!
Не я его убійца. Этотъ плащъ,
Который для меня уликой служитъ,
Олимпіо мнѣ продалъ.

ВТОРОЙ СУДЬЯ.

Взять его!

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Ты смѣешь поблѣднѣвшими губами
Произносить безстыднѣйшую ложь,
Еще дрожа отъ поцѣлуевъ дыбы?
Тебѣ, должно быть, очень полюбились
Объятья собесѣдницы такой?
Ты хочешь предоставить ей исторгнуть
Изъ тѣла жизнь и душу? Взять его!

МАРЦІО.

Пощады! О, пощады! Я признаюсь!

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Скорѣй!

МАРЦІО.

Я задушилъ его во снѣ.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

И кто подговорилъ тебя?

МАРЦІО.

Джакомо,
Его же сынъ родной, и съ нимъ Орсино,
Прелатъ, меня отправили въ Петреллу.
Тамъ донна Беатриче вмѣстѣ съ донной
Лукреціей со мною говорили,
Меня прельстили тысячею кронъ.

И я съ своимъ товарищемъ немедля
Убилъ его. Теперь меня казните.
Пусть я умру!

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Признаніе звучитъ
Зловѣщею правдивостью. Эй, стражи!
Введите заключенныхъ!

(Входятъ Лукреція, Беатриче и Джакомо, подъ стражей)

Посмотрите
На этого, что здѣсь стоитъ: когда вы
Въ послѣдній разъ съ нимъ видѣлись?

БЕАТРИЧЕ.

Его
Мы никогда не видѣли.

МАРЦІО.

Синьора,
Я вамъ извѣстенъ слишкомъ хорошо.

БЕАТРИЧЕ.

Ты мнѣ извѣстенъ? Какъ? Когда? Откуда?

МАРЦІО.

Забыть вы не могли, что вы меня
Угрозами и подкупомъ склонили,
Чтобъ вашего отца я умертвилъ.
Потомъ, когда убійство совершилось,
Вы, давъ мнѣ плащъ съ отдѣлкой золотою,
Сказали мнѣ, чтобъ я преуспѣвалъ.
Какъ преуспѣлъ я, можете вы видѣть!
И вы, синьоръ Джакомо, вы, синьора
Лукреція, не можете отречься
Отъ правды словъ моихъ.

(Беатриче приближается къ нему; онъ закрываетъ свое лицо и отшатывается)

О, не гляди
Такъ страшно на меня! Бросай на землю,
Безчувственно-нѣмую, взоры мести!

Они меня терзаютъ. Это пытка
Изъ устъ моихъ признаніе исторгла.
Молю, пусть буду я теперь казненъ.

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ жаль тебя, несчастный. Но помедли!

КАМИЛЛО.

Пусть онъ здѣсь ждетъ.

БЕАТРИЧЕ.

О Кардиналъ Камилло,
Извѣстно всѣмъ, какъ вы добры и мудры.
Возможно ли, что вы сидите здѣсь,
Возможно ли, что съ вашего согласья
Разыгрываютъ этотъ низкій фарсъ?
Несчастнаго раба влекутъ насильно,
Терзаютъ цѣлымъ рядомъ страшныхъ пытокъ,
Что могутъ самыхъ смѣлыхъ ужаснуть,
И требуютъ потомъ, чтобъ онъ отвѣтилъ
Не такъ, какъ говоритъ его душа,
А такъ, какъ палачи ему диктуютъ,
Вопросами отвѣтъ ему внушая:
И это подъ угрозой новыхъ мукъ,
Такихъ, какихъ не знаютъ въ безднѣ Ада,
По благости Создателя. Скажите,
Когда бы ваше собственное тѣло
Раскинули на дыбѣ и сказали:
«Сознайтесь, что ребенокъ синеглазый,
Что былъ для васъ звѣздою путеводной,
Племянникъ вашъ, малютка, былъ отравленъ
И ядъ подсыпанъ вашею рукою?»—
Хотя извѣстно всѣмъ, что съ той поры,
Какъ смерть его похитила внезапно,
Для васъ земля и небо, день и ночь,
И все, на что была еще надежда,
И все, что было, все перемѣнилось,
Отъ тягости великой вашей скорби,—
Скажите, вы бы въ пыткахъ не сказали:

«Да, я его убійца, сознаюсь»,—
Не стали бы мучителей просить,
Какъ этотъ рабъ, чтобъ вамъ скорѣе дали
Прибѣжище въ позорной, низкой смерти?
Прошу васъ, Кардиналъ, не откажитесь
Мою невинность громко подтвердить.

КАМИЛЛО (*очень тронутый*)

Синьоры, что вы скажете на это?
Стыжусь горячихъ слезъ своихъ, я думалъ,
Что въ сердцѣ ихъ источникъ оскудѣлъ.
Готовъ своей душою поручиться,
Что нѣтъ на ней вины.

ОДИНЪ ИЗЪ СУДЕЙ.

И все же нужно
Ее подвергнуть пыткѣ.

КАМИЛЛО.

Я скорѣе
Свое согласье далъ бы, чтобы мой
Племянникъ былъ подвергнутъ лютымъ пыткамъ.
(Когда-бъ онъ жилъ, онъ былъ бы тѣхъ же лѣтъ,
Съ такого-жь точно цвѣта волосами,
Съ глазами, какъ у ней, но не такими
Глубокими, и цвѣта голубого).
Нельзя порочить лучшій образъ Бога,
Блуждающій въ печали по землѣ.
Она чиста, какъ дѣтская улыбка!

СУДЬЯ.

Прекрасно, Монсиньоръ, но, если вы
Ее подвергнуть пыткамъ не хотите,
Пусть грѣхъ ея падетъ на васъ. Его
Святѣйшества прямое повелѣнье—
Преслѣдовать чудовищный поступокъ
По всей суровой строгости закона,
Его усилить даже въ примѣненьи
Къ преступникамъ. Они обвинены
Въ грѣхѣ отцеубійства, и улики

Настолько очевидны, что вполнѣ
Оправдываютъ пытку!

БЕАТРИЧЕ.

Гдѣ улики?
Признаніе вотъ этого?

СУДЬЯ.

Ну, да.

БЕАТРИЧЕ (*къ Марціо*).

Поди сюда. Итакъ, ты, значитъ, выбранъ
Изъ множества живущихъ, чтобъ убить
Невиннаго? Кто-жь ты?

МАРЦІО.

Я былъ когда-то
Служителемъ у твоего отца.
Я Марціо.

БЕАТРИЧЕ.

Смотри въ мои глаза,
И отвѣчай на всѣ мои вопросы.

(*Къ Судьямъ*)

Прошу васъ наблюдать его лицо.
Онъ непохожъ на тѣхъ безстыдно-наглыхъ
Клеветниковъ, которые не смѣютъ
Сказать о томъ, что взоромъ говорятъ;
Напротивъ, онъ сказать не смѣетъ взглядомъ
Того, что говоритъ въ словахъ, и взоры
Склоняетъ онъ къ слѣпой землѣ.

(*Къ Марціо*)

Такъ что-жь!
Ты скажешь мнѣ, что я отцеубійца?

МАРЦІО.

Молю! Пощады! Все во мнѣ смѣшалось!
Что мнѣ сказать? Свирѣпый ужасъ пытокъ
Меня принудилъ къ правдѣ. Дайте мнѣ
Уйти отсюда прочь! Не позволяйте
Ей на меня глядѣть! Я жалкій, низкій

Преступникъ; все, что знаю, я сказалъ:
Такъ дайте-жь умереть теперь!

БЕАТРИЧЕ.

Синьоры,
Когда бы я была такой жестокой,
Чтобъ это преступленіе задумать,
Какъ ваши подозрѣнія диктуютъ
Вотъ этому злосчастному рабу,
Который ихъ высказываетъ въ страхѣ
Предъ ужасами пытокъ,—неужели
Мнѣ хитрость не велѣла-бъ уничтожить
Орудье злодѣянья моего?
Зачѣмъ же я оставила бы этотъ
Кровавый ножъ, съ моей фамильной мѣткой
На черенкѣ, среди моихъ враговъ,
Для собственной моей грядущей казни?
Ужели я, нуждаясь безконечно
Въ молчаньи навсегда, не приняла бы
Такой предосторожности ничтожной,
Какъ сдѣлать изъ его нѣмой могилы
Хранилище для тайны роковой,
Записанной въ воспоминаньи вора?
Что̀ жизнь его, лишенная значенья?
Что̀ сотни жизней? Разъ отцеубійца,—
Топчи ихъ всѣхъ. Смотрите же, онъ живъ!

(*Обращаясь къ Марціо*)

А ты...

МАРЦІО.

О, пощади меня! Не надо,
Не надо больше словъ. Твои призывы
Торжественно-печальные, твой взоръ,
Одновременно полный состраданья
И строгости, терзаютъ хуже пытки.

(*Къ Судьямъ*)

Я все сказалъ. Молю, во имя Бога,
Ведите же меня скорѣй на казнь.

КАМИЛЛО.

Пусть онъ поближе станетъ къ Беатриче:
Отъ взоровъ испытующихъ ея
Онъ такъ же уклоняется, какъ желтый
Осеннiй листъ трепещетъ и бѣжитъ
Отъ рѣжущаго сѣвернаго вѣтра.

БЕАТРИЧЕ.

О ты, уже склонившiйся надъ бездной,
Надъ пропастью, гдѣ слиты жизнь и смерть,
Помедли, прежде чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь;
Тогда ты съ меньшимъ ужасомъ предстанешь
Съ отвѣтомъ предъ Всевѣдущимъ Судьею.
Какое зло мы сдѣлали тебѣ?
Чѣмъ я—увы!—могла тебя обидѣть?
Здѣсь на землѣ, гдѣ жизнь, и день, и солнце,
Я прожила такую малость лѣтъ,
Исполненныхъ томительной печали;
И участи моей угодно было,
Чтобъ мой отецъ бездушно отравилъ
Всѣ юныя мгновенья утра жизни,
Всю радость расцвѣтающихъ надеждъ;
Потомъ однимъ ударомъ безпощаднымъ
Убилъ онъ душу вѣчную мою,
Убилъ мою нетронутую славу,
И даже возмутилъ тотъ чистый мiръ,
Что тихо дремлетъ въ нѣжномъ сердцѣ сердца.
Но рана оказалась несмертельной,
И я одну лишь ненависть мою
Могла съ тѣхъ поръ влагать въ мои молитвы,
Склоняясь предъ Родителемъ всего,
Который, проникаясь милосердьемъ,
Какъ ты сказалъ, тебя вооружилъ,
Чтобъ ты его убралъ съ лица земного.
И смерть его—улика на меня!
И кто же обвинитель? Ты! О, если
Ты ждешь еще пощады въ небесахъ,
Яви же въ этомъ мiрѣ справедливость,—

Пойми, что зачерствѣлость сердца хуже
Руки окровавленной. Если ты
Убiйства совершалъ и цѣлой жизнью
Топталъ законы Бога и людей,
Побойся безразсудства, не бросайся
Предъ вѣчнымъ Судiею, восклицая:
«Создатель мой, я сдѣлалъ то, и больше;
Тамъ, на землѣ, я погубилъ одну,
Она была чиста, была невинна,
И вотъ за то, что вынесла она,
Чего не выносилъ еще досслѣ
Никто,—ни тотъ, кто чистъ, ни тотъ, въ комъ грѣхъ,—
За то, что ужасъ, выстраданный ею,
Не можетъ быть ни понятъ, ни разсказанъ,
За то, что, наконецъ, Твоя рука
Ее освободила, я—словами—
Убилъ ее и всѣхъ ея родныхъ.»—
Подумай, заклинаю, какъ жестоко
Въ умахъ людей навѣки умертвить
Лелѣемое ими преклоненье
Предъ нашимъ древнимъ домомъ, нашей славой,
Ни разу не запятнанной! Подумай,
Что значитъ задушить ребенка-жалость,
Которую во взорахъ прямодушныхъ
Баюкаетъ довѣрiе. Подумай,
Что значитъ—и безславiемъ, и кровью
Навѣки запятнать все то, на чемъ
Лежитъ печать невинности и—Боже!—
Клянусь, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть невинность,
Которую ты властенъ осквернить
Настолько, что утратится различье
Межъ хитрымъ дикимъ взглядомъ преступленья
И тою чистотою, что теперь
Тебя зоветъ и властно принуждаетъ
Отвѣтить мнѣ. Виновна я, иль нѣтъ
Въ грѣхѣ отцеубiйства?

МАРЦІО.

Невиновна!

СУДЬЯ.

Какъ? Что?

МАРЦІО.

Я объявляю здѣсь, что тѣ,
ого оговорилъ я, невиновны.
Виновенъ только я.

СУДЬЯ.

Пытать его.
На дыбу. Къ колесу. Пусть пытки будутъ
Утонченны и длительны, пусть въ немъ
Изгибы сокровенные порвутся.
Пытать его, пока онъ все не скажетъ.

МАРЦІО.

Пытайте, какъ хотите. Худшей пытки
Не выдумать, чѣмъ та, что съ губъ моихъ,
Охваченныхъ дыханіемъ послѣднимъ,
Сорвала правду высшую. Невинна,—
Она совсѣмъ невинна, говорю я!
Ищейки кровожадныя, не люди,
Насытьтесь мной, но я вамъ не позволю
Сгубить такой безцѣнный перлъ земли!

(Марціо уходитъ подъ стражей)

КАМИЛЛО.

Что-жъ вы на это скажете, синьоры?

СУДЬЯ.

Пусть пытки, какъ клещами, тянутъ правду,
Пока она, какъ снѣгъ, не побѣлѣетъ,
Просѣянный морознымъ вѣтромъ трижды.

КАМИЛЛО.

И въ то же время кровью обагренный!

СУДЬЯ *(къ Беатриче)*.

Синьора, это вамъ письмо извѣстно?

БЕАТРИЧЕ.

Не ставьте мнѣ ловушекъ! Кто встаетъ здѣсь,
Какъ обвинитель мой? А! Это ты!
Судья, и обвинитель, и свидѣтель,
И всѣ въ одномъ лицѣ? Я вижу имя
Орсино? Гдѣ Орсино? Позовите.
Пусть только взглянетъ онъ въ мои глаза.
Что значитъ эта жалкая бумага?
А! Это неизвѣстно вамъ, и вы
Въ одномъ предположеньи, что, быть можетъ,
Здѣсь кроется какая-то вина,
Хотите насъ убить?

(Входитъ Офицеръ)

ОФИЦЕРЪ.

Преступникъ умеръ.

СУДЬЯ.

Что-жъ онъ сказалъ предъ смертью?

ОФИЦЕРЪ.

Ничего.
Лишь къ колесу его мы привязали,
Онъ посмотрѣлъ съ улыбкою на насъ,
Какъ тотъ, кто надъ врагомъ своимъ смѣется,
Дыханье задержалъ свое—и умеръ.

СУДЬЯ.

Намъ больше ничего не остается
Какъ слѣдствіе сурово примѣнить
Къ упорствующимъ этимъ заключеннымъ.

КАМИЛЛО.

Я протестую противъ примѣненья
Дальнѣйшей процедуры. Я иду
Просить его Святѣйшество за этихъ
Невинныхъ благороднѣйшихъ людей,
И постараюсь сдѣлать все, что можно.

СУДЬЯ.

Итакъ, да совершится воля Папы.

А до тѣхъ поръ пусть стража размѣститъ
Преступниковъ по одиночнымъ кельямъ.
Держать орудья пытки на-готовѣ:
Сегодня-жь ночью, если только Папа
Въ рѣшеньи правосудномъ сохранитъ
Суровую рѣшимость благочестья,—
Изъ этихъ жилъ, изъ этихъ нервовъ тонкихъ,
Всю истину я вырву, стонъ за стономъ.

(*Уходятъ*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тюремная келья. Беатриче спитъ на постели. Входитъ Бернардо.

БЕРНАРДО.

Какъ нѣженъ сонъ въ чертахъ ея лица,
Похожій на послѣднія мечтанья
Плѣнительнаго дня, который былъ
Однимъ сплошнымъ восторгомъ, и съ закатомъ
Замкнулся въ ночь и въ сны, и вотъ все длится.
Какъ послѣ этихъ пытокъ, что она
Послѣдней ночью вынесла безъ крика,
Легко ея дыханье. Горе мнѣ!
Мнѣ чудится, я больше спать не буду.
Но съ этого закрытаго цвѣтка
Я долженъ, противъ воли, миръ небесный
Стряхнуть, какъ блескъ росы... Проснись! Проснись!
Сестра, ты можешь спать?

БЕАТРИЧЕ (*пробуждаясь*).

Мнѣ сладко снилось,
Что мы въ Раю. Ты знаешь, эта келья
Мнѣ кажется какимъ-то свѣтлымъ Раемъ,
Съ тѣхъ поръ какъ спасена я отъ отца.

БЕРНАРДО.

Сестра моя! Сестра! О Беатриче!
Когда бы сонъ твой не былъ только сномъ!
О Боже, какъ сказать тебѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Мой милый,
Что хочешь ты сказать мнѣ?

БЕРНАРДО.

Не гляди же
Такимъ счастливымъ взглядомъ, а не то,
Подумавъ, что̀ тебѣ сказать я долженъ,—
Умру.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ ты меня заставилъ плакать.
Мой милый, какъ ты былъ бы одинокъ,
Когда-бъ я умерла! Ну, говори же,
Что хочешь ты сказать?

БЕРНАРДО.

Они признались;
Не въ силахъ больше пытки выносить,
Они...

БЕАТРИЧЕ.

Признались? Въ чемъ? Чтобы потѣшить
Позорныхъ палачей, сказали ложь.
И что-жь они сказали? Что виновны?
Невинность бѣлоснѣжная, и ты
Должна носить личину преступленья,
Чтобъ скрыть спокойно-грозное лицо
Предъ тѣми, кто совсѣмъ тебя не знаетъ.

(*Входятъ Судья съ Лукреціей и Джакомо, въ сопровожденіи Стражи*)

О низкія сердца! Изъ-за того,
Чтобъ избѣжать короткихъ спазмъ терзаній,
Которыя, по меньшей мѣрѣ, смертны,
Какъ эти члены, схваченные пыткой,—
Столѣтія величія и блеска
Повержены во прахъ, и эта честь,
Которая должна была, какъ солнце,
Сіять превыше дыма смертной славы,
Навѣки стала жалкою насмѣшкой,

Позорной кличкой? Какъ? Такъ вы хотите,
Чтобъ эти благородныя тѣла,
Привязанныя къ бѣшенымъ копытамъ
Свирѣпыхъ лошадей, вздымали пыль,—
Чтобъ мы волной волосъ своихъ сметали
Слѣды слѣпой безчувственной толпы,
Тѣхъ жалкихъ, для которыхъ наше горе
Покажется настолько любопытнымъ,
Что, выбѣжавъ на зрѣлище такое,
Они оставятъ церкви и театры
Пустыми, какъ сердца ихъ? Эта чернь
По прихоти, когда пойдемъ мы мимо,
Начнетъ швырять проклятья, или жалость
Безумную, какъ мертвые цвѣты,
Прикрасу для живыхъ—полуумершихъ.
Какую-жь мы оставимъ память? Кровь,
Безславіе, отчаянье и ужасъ?
О ты, что мнѣ была какъ мать родная,
Не убивай дитя свое! И пусть
Тебя мои обиды не погубятъ.
О братъ, пойдемъ скорѣй со мной на дыбу!
Мы будемъ вмѣстѣ такъ молчать, какъ только
Молчать умѣетъ трупъ; и вскорѣ пытка
Намъ будетъ какъ покойный тихій гробъ!
Одно лишь можетъ сдѣлать пытку страшной—
Ея способность вырвать слово лжи.

ДЖАКОМО.

Въ концѣ-концовъ и ты имъ скажешь правду,
Отъ ужаса такихъ свирѣпыхъ мукъ;
Скажи изъ состраданія, скажи имъ,
Что ты виновна.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, скажи имъ правду!
Позволь намъ умереть, и послѣ смерти
Намъ будетъ Богъ судья, а не они;
Онъ сжалится надъ нами.

БЕРНАРДО.

Если это
Дѣйствительно такъ было, такъ скажи имъ,
Сестра моя, и Папа васъ проститъ,
И все тогда забудется.

СУДЬЯ.

Сознайтесь,
А то я ваше тѣло такъ скручу
Свирѣпой пыткой...

БЕАТРИЧЕ.

Пыткой! Съ этихъ поръ
Пусть дыба станетъ прялкою! Пытайте
Голодныхъ вашихъ псовъ, чтобы они
Сказали вамъ, когда они лизали
Въ послѣдній разъ ту кровь, что пролилъ здѣсь
Хозяинъ ихъ,—меня пытать нельзя!
Мои мученья—въ разумѣ и въ сердцѣ,
Въ сокрытыхъ тайникахъ моей души,
Рыдающей слезами жгучей желчи
При мысли, что въ ничтожномъ этомъ мірѣ
Никто себѣ не вѣренъ, и мои
Родные—отъ самихъ себя—бѣжали.
И если я подумаю о томъ,
Какъ я была несчастна въ этой жизни,
И какъ ко мнѣ и къ тѣмъ, кого люблю я,
Несправедливы Небо и Земля,
И что̀ ты за мучитель, что̀ за трусы
Вотъ эти малодушные рабы,—
Въ моей душѣ встаютъ такія пытки,
Что я къ отвѣту вынуждена. Ну?

СУДЬЯ.

Отвѣть, виновна-ль ты въ отцеубійствѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не хочешь ли скорѣе обвинить
Всевышняго Создателя за то, что
Позволилъ Онъ тому произойти,

Что я снесла и что Онъ видѣлъ съ неба;
Что сдѣлалъ безъимяннымъ, у чего
Онъ отнялъ все, прибѣжище, защиту,—
Оставивъ только то, что ты зовешь
Отцеубійствомъ? Есть ли грѣхъ, иль нѣтъ
Въ томъ, что людьми зовется преступленьемъ,
И я виновна въ немъ иль невиновна,
Какъ хочешь, такъ рѣши. Мнѣ все равно.
Я больше ничего не отрицаю.
Когда ты хочешь такъ, да будетъ такъ,
И кончено. Свою исполни волю.
Пытай, но я ни слова не прибавлю.

СУДЬЯ.

Она уличена, но не созналась.
Довольно и того. Теперь, пока
Послѣдній приговоръ не вступитъ въ силу,
Чтобъ къ нимъ не приходилъ никто. Синьоръ
Бернардо, уходите!

БЕАТРИЧЕ.

О, прошу васъ,
Пусть онъ со мною здѣсь побудетъ!

СУДЬЯ.

Стражи,
Вашъ долгъ.

БЕРНАРДО (*обнимая Беатриче*)

Не разлучайте душу съ тѣломъ!

ОФИЦЕРЪ.

То дѣло палача.

(*Уходятъ всѣ, кромѣ Лукреціи, Беатриче, и Джакомо*)

ДЖАКОМО.

Такъ я сознался?
Все кончено и больше нѣтъ надежды!
О слабый, о позорный мой языкъ,
Зачѣмъ тебя не вырвалъ я, зачѣмъ

Не выбросилъ собакамъ! О несчастный,
Убить отца, потомъ предать сестру,
Тебя, безгрѣшный ангелъ въ этомъ мірѣ,
Гдѣ всюду черный грѣхъ, тебя предать
Заслуженной лишь мною лютой казни!
Жена моя! И маленькія дѣти!
Одни! Въ нуждѣ! И я—отецъ! О Боже!
Простишь ли непростившимъ, если сердце
У нихъ на части рвется—такъ—вотъ такъ!

(*Закрываетъ свое лицо и плачетъ*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое родное, какъ могли мы
Придти къ такому страшному концу?
Какъ я сдалась? Зачѣмъ не поборола
Мученій? О, зачѣмъ я не могу
Излить себя въ своихъ слезахъ безплодныхъ,
Которыя, не чувствуя, бѣгутъ!

БЕАТРИЧЕ.

О томъ, что было слабостію сдѣлать,
Разъ сдѣлано, жалѣть—двойная слабость.
Смѣлѣй! Господь мою обиду зналъ,
Чрезъ насъ Имъ былъ ниспосланъ ангелъ мести,
Теперь Онъ насъ, какъ будто бы, покинулъ,
Но это только кажется, и мы,
Я вѣрю, не умремъ. Поди поближе,
Мой милый братъ, дай руку, ты мужчина.
Смѣлѣе же! И ты, моя родная,
Прильни ко мнѣ усталой головою,
Попробуй задремать; твои глаза
Измучены безсонницей и скорбью,
Отяжелѣли вѣки. Ну, прилягъ,
А я, склонясь къ тебѣ, спою тихонько
Какой-нибудь медлительный напѣвъ,
Ни грустный, ни веселый, а дремотный;
Такъ, что-нибудь изъ давнихъ-давнихъ лѣтъ,
Созвучья пѣсни смутно-монотонной,
Одну изъ тѣхъ, что пряхи напѣваютъ,

Пока онѣ почти совсѣмъ забудутъ,
Живутъ иль не живутъ онѣ на свѣтѣ.
Прилягъ. Вотъ такъ, родная! Какъ же быть?
Слова я позабыла? Нѣтъ, но, право,
Не знала я, что такъ они печальны!

ПѢСНЯ.

Невѣрный другъ моей мечты,
Вздохнешь ли ты, поймешь ли ты,
Что твой умершій другъ не дышетъ?
Но что улыбка, что слеза
Для тѣхъ, кого смела гроза!
Живого мертвый не услышитъ.
Конецъ—мечтамъ.
Кто шепчетъ тамъ?
Змѣя въ твоей улыбкѣ! Милый!
Въ твоихъ слезахъ—смертельный ядъ,
Такъ это правду говорятъ,
Что видишь правду—надъ могилой!

О, если-бъ могъ быть смертнымъ сонъ,
О, если-бъ смерть была какъ онъ,
Такой же ласковой и нѣжной,
Глаза смежила-бъ я тогда,
Чтобы забыться безмятежно,
И не проснуться—никогда!
О міръ! Прости.
Пора идти.
Ты слышишь звонъ? То стонъ разлуки.
Два сердца врозь; въ твоемъ—покой,
Въ моемъ, истерзанномъ тоской,
Неумирающія муки!

(Сцена закрывается)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тюремный залъ. Входятъ Камилло и Бернардо.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, Папа безпощаденъ. Невозможно
Его смягчить или хотя бы тронуть.

Онъ смотритъ такъ пронзительно-спокойно,
Какъ будто онъ орудье лютой казни,
Которая терзаетъ, но другихъ,
Убьетъ, но не себя; онъ—точно камень,
Глухое изваянье, сводъ закона,
Уставъ церковный, но не человѣкъ.
Онъ хмурился: какъ будто хмурить брови,—
Въ его душѣ, какъ въ скудномъ инструментѣ,
Пружиною единственною было:
Онъ хмурился. Защитники ему
Записки докладныя подавали,
А онъ ихъ рвалъ въ клочки, и безучастно
Охрипшимъ жесткимъ голосомъ ворчалъ имъ:
«Кто между васъ защитникъ ихъ отца,
Убитаго во снѣ?» Потомъ къ другому:
«Ты это говоришь по долгу чина;
Прекрасно, одобряю.»—И затѣмъ
Ко мнѣ онъ повернулся и, увидя,
Что у меня въ глазахъ стоитъ мольба,
Онъ два лишь слова холодно промолвилъ:
«Убійцамъ—смерть!»

БЕРНАРДО.

Но вы не отступились?

КАМИЛЛО.

Я продолжалъ настаивать, какъ могъ;
Сказалъ объ этомъ адскомъ оскорбленьи,
Которое ускорило погибель
Безжалостнаго изверга-отца.
А онъ въ отвѣтъ: «Паоло Санта Кроче
Вчера убилъ свою родную мать,
И спасся бѣгствомъ. Да, отцеубійство
Теперь совсѣмъ не рѣдкость,—и, навѣрно,
Коль не сегодня, завтра, молодежь,—
Конечно, по какой-нибудь причинѣ.
Разумной, уважительной,—задушитъ
Насъ всѣхъ, когда дремать мы будемъ въ креслахъ.
Вліянье, власть и волосы сѣдые

Теперь тяжелымъ сдѣлались грѣхомъ.
Вы мой племянникъ, вы ко мнѣ явились
Просить, чтобъ я простилъ ихъ. Подождите.
Вотъ приговоръ. Возьмите, и пока
Онъ выполненъ не будетъ, и буквально,—
Ко мнѣ не приходите.»

БЕРНАРДО.

Боже мой!
Не можетъ быть! Не можетъ быть! Я думалъ,
Что все, что говорили вы, есть только
Печальное начало, за которымъ
Послѣдуетъ желаннѣйшій конецъ.
О, есть же взгляды, есть слова такія,
Что самаго жестокаго смягчатъ!
Когда-то я ихъ зналъ, теперь, когда мнѣ
Они нужнѣй всего, я ихъ забылъ.
Что, если-бъ я его сейчасъ увидѣлъ,
Горячими и горькими слезами
Омылъ его стопы, его одежду?
Тѣснилъ его моленьями, терзалъ
Его усталый умъ докучнымъ крикомъ,
И до тѣхъ поръ свой стонъ не прерывалъ,
Пока, объятый бѣшенствомъ, меня бы
Онъ не ударилъ посохомъ своимъ,
И голову простертую не сталъ бы
Топтать, топтать, пока не брызнетъ кровь!
Быть можетъ, онъ раскаяньемъ проникся-бъ,
И въ немъ бы вдругъ проснулось милосердье?
О, да, я такъ и сдѣлаю! Прошу васъ
Дождитесь моего прихода здѣсь!

(*Стремительно убѣгаетъ*)

КАМИЛЛО.

Увы! Несчастный мальчикъ! Съ тѣмъ же самымъ
Успѣхомъ погибающій морякъ
Воззвалъ бы съ корабля къ глухому морю.

(*Входятъ Лукреція, Беатриче и Джакомо, въ сопровожденіи Стражи*)

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ кажется, едва ли я должна
Надѣяться на что-нибудь другое,
Какъ не на то, что ты теперь приносишь
Извѣстіе, что Папа насъ простилъ.

КАМИЛЛО.

Пусть Богъ на небесахъ къ молитвамъ Папы
Не будетъ такъ неумолимо глухъ,
Какъ Папа былъ къ моимъ! Вотъ полномочье,
Вотъ смертный приговоръ.

БЕАТРИЧЕ (*дико*).

О Боже мой!
О Господи, какъ можетъ это быть—
Такъ умереть внезапно? Молодою,
Лежать въ землѣ, холодной, влажной, мертвой,
Средь разложенья, мрака и червей;
Забитой быть въ какомъ-то узкомъ мѣстѣ,
Не видѣть больше солнечнаго свѣта,
Не слышать голосовъ живыхъ существъ,
Не думать о вещахъ давно-знакомыхъ,
Печальныхъ, но утраченныхъ, вотъ такъ...
Ужасно! Быть ничѣмъ! А то—но чѣмъ же?
Ничѣмъ! О Боже, гдѣ я? Умоляю,
Не позволяйте мнѣ сходить съ ума!
О Господи, прости мнѣ эти мысли!
Что̀ если бы въ пустомъ бездонномъ мірѣ
Не стало Бога, Неба и Земли!
Что̀ если-бъ всюду былъ безцвѣтный, сѣрый,
Раскинутый, слѣпой, безлюдный міръ!
Что̀ если вдругъ тогда все станетъ духомъ
Его, отца, начнетъ меня тѣснить,
Обступитъ, какъ его прикосновенье,
Какъ взглядъ его, какъ голосъ,—всюду будетъ
Тяжелое дыханье мертвеца!
Что̀ если онъ придетъ въ той самой формѣ,
Въ какой меня онъ мучилъ на землѣ,
Такъ страшно на себя во всемъ похожій,

Съ морщинами, съ сѣдыми волосами,
Придетъ ко мнѣ въ той мертвой полумглѣ
И адскими объятьями охватитъ,
Въ мои глаза вонзитъ свои глаза,
И повлечетъ все ниже, ниже, ниже!
Не онъ ли на землѣ былъ всемогущимъ,
Одинъ лишь онъ, повсюду и всегда?
И даже мертвый всѣми онъ владѣетъ—
Вошелъ въ живыхъ, какъ духъ, внушаетъ имъ
Все то, въ чемъ боль, отчаянье, презрѣнье
И гибель для меня и для моихъ!
Какъ знать! Еще никто не возвращался
Разоблачить законы царства смерти,
Гдѣ нѣтъ слѣдовъ, оставленныхъ живыми!
Быть можетъ, та же тамъ несправедливость,
Которая насъ гонитъ здѣсь—куда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Вручи себя любви живого Бога
И кроткимъ обѣщаніямъ Христа!
Мы вступимъ въ Рай еще до этой ночи.

БЕАТРИЧЕ.

Теперь прошло. И что бы ни случилось,
Мнѣ сердце уже больше не измѣнитъ.
И все же—почему, не знаю, право—
Твои слова такъ холодно звучатъ.
Мнѣ кажется, что все кругомъ такъ низко,
Такъ холодно и тускло. Въ этомъ мірѣ
Я видѣла всегда несправедливость.
И никогда ни Богъ, ни человѣкъ,
Ни эта власть безвѣстная, что вѣчно
Моей судьбой несчастной управляла,
Не дѣлали различья для меня
Между добромъ и зломъ. На утрѣ жизни
Я лишена единственнаго міра,
Который знаю; нѣтъ мнѣ ничего,
Ни жизни, ни любви, ни свѣта солнца.
Ты хорошо сказала мнѣ о Богѣ,

Что я должна вручить себя Ему:
Надѣюсь, что въ Него могу я вѣрить.
Въ кого-жь еще возможно вѣрить здѣсь?
И все-таки въ душѣ мертвящій холодъ.

(Пока она произносила послѣднія слова, Джакомо въ сторонѣ говорилъ съ Камилло, который теперь уходитъ. Джакомо приближается)

ДЖАКОМО.

Родная, ты не знаешь,—ты, сестра,
Не знаешь: вѣдь какъ разъ теперь Бернардо
Предъ Папой преклоняется съ мольбами,
Прося о снисхожденіи для насъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Быть можетъ, онъ и вымолитъ прощенье.
Мы будемъ жить, и эти муки станутъ
Какъ сказка для грядущихъ дальнихъ лѣтъ.
О, только я подумала объ этомъ,
И къ сердцу кровь прихлынула волной.

БЕАТРИЧЕ.

Ужь скоро въ немъ не будетъ больше крови.
Гони скорѣе эту мысль. Надежда
Ужаснѣе отчаянья, ужаснѣй,
Чѣмъ горечь смерти. Въ этотъ страшный часъ,
Влекущій къ безднѣ узкою тропинкой,
Что съ каждымъ шагомъ дѣлается уже,
У насъ одно несчастье только есть:
Надежда. Лучше спорь съ морозомъ быстрымъ,
Проси его, чтобъ онъ не убивалъ
Цвѣтовъ весны, не во-время расцвѣтшихъ;
Прося землетрясенье не взметаться,
Скажи, что города надъ нимъ стоятъ,
Могучіе, прекрасные,—быть можетъ,
Оно задержитъ взрывы черноты,
Не выброситъ смертельныхъ токовъ дыма;
Ходатайствуй предъ голодомъ; проси
Заразу вѣтроногую, сверканья
Слѣпыхъ и быстрыхъ молній; умоляй

Глухое море,—но не человѣка!
А! Онъ жестокъ, онъ весь живетъ во внѣшнемъ;
Онъ холоденъ; въ словахъ онъ справедливъ,—
Въ дѣлахъ онъ—Каинъ. Нѣтъ, о, нѣтъ, родная,
Намъ нужно умереть,—ужь разъ такая
Отплата за невинность—облегченье
Отъ самыхъ горькихъ золъ. И до тѣхъ поръ,
Пока убійцы наши торжествуютъ,
Живутъ себѣ, бездушные, тихонько
Идя сквозь міръ скорбей къ могилѣ мирной,
Гдѣ смерть съ улыбкой встрѣтитъ ихъ, какъ сонъ,—
Родная, намъ одна осталась радость,
И эта радость странная—могила.
Приди же, Смерть, и заключи меня
Въ свои всеобнимающія руки!
Какъ любящая Мать, меня сокрой
На ласковой груди и убаюкай,
Чтобъ я заснула сномъ непробуднымъ,
Которымъ, разъ заснувши, *будешь* спать.
Живите-жь вы, живущіе, сливайтесь
Одинъ съ другимъ въ позорной, рабской связи,
Какъ нѣкогда сливалися и мы,
Идущіе теперь...

(Бернардо вбѣгаетъ)

БЕРНАРДО.

О, ужасъ, ужасъ!
Напрасно все, рыданія, мольбы
Настойчивыхъ и неотступныхъ взглядовъ,
Отчаянье умолкнувшаго сердца,
Напрасно все! У самой двери ждутъ
Прислужники нѣмой, угрюмой смерти.
Мнѣ чудится, у одного изъ нихъ
Я на лицѣ замѣтилъ пятна крови,—
Иль, можетъ быть, мнѣ только показалось?
Ужь скоро кровь изъ сердца тѣхъ, кого
Люблю я въ этомъ мірѣ, брызнетъ ярко
На палача, а онъ лишь оботрется,

Какъ будто это брызнулъ только дождь.
О жизнь! О, міръ! Когда бы могъ я скрыться!
Не жить! Не быть! Я долженъ видѣть гибель
Невинности чистѣйшей. Та зеркальность,
Въ которую глядѣлся я всегда,—
И дѣлался счастливѣй,—предо мною
Должна разбиться въ прахѣ. Беатриче,
Тебя, которой міръ былъ такъ украшенъ,
Что предъ тобой все дѣлалось милѣй,
Тебя, свѣтъ жизни, долженъ я увидѣть
Холодной, мертвой! Я скажу: «Сестра»,
Мнѣ скажутъ: «Нѣтъ сестры!»—И ты, родная,
Связавшая насъ всѣхъ своей любовью,
Ты—мертвая! Порвалась связь!

(Входитъ Камилло и стража)

Идутъ!
Скорѣй, скорѣй! Живыя эти губы
Скорѣй поцѣловать, пока на нихъ
Румяные цвѣты еще не смяты,
Не стали тускло-блѣдными, нѣмыми!—
Скажи мнѣ: «До свиданія!», пока
Не задавила смерть твой нѣжный голосъ.
О, дай услышать, какъ ты говоришь!

БЕАТРИЧЕ.

Мой братъ, прощай, будь счастливъ. Думай вѣчно
О нашей горькой участи съ любовью,
Какъ думаешь теперь. И пусть твоя
Любовь и жалость къ намъ тебѣ послужатъ
Усладою въ страданіяхъ твоихъ.
Не отдавайся грусти безутѣшной,
Въ отчаяньи холодномъ не замкнись,—
А знай всегда терпѣніе и слезы.
Дитя мое, еще одно запомни:
Будь вѣренъ намъ, будь твердъ въ своей любви,
Твоя душа себѣ найдетъ въ ней благо.
Будь вѣренъ убѣжденію, что я,
Окутанная тѣнью необычной,

Туманомъ преступленья и стыда,
Была всегда святой и безупречной.
И если даже злые языки
Начнутъ терзать мое воспоминанье,
И наше имя общее, какъ кличка,
Къ тебѣ прильнетъ мучительнымъ клеймомъ,
И каждый на тебя въ толпѣ укажетъ,—
Щади, жалѣй, и никогда не думай
Дурного ничего о тѣхъ, чьи души,
Быть можетъ, тамъ въ гробахъ тебя жалѣютъ.
И смерть тебѣ покажется не страшной,
Ты встрѣтишь смертный часъ, какъ я, спокойно,
Безъ горечи. Прощай! Прощай! Прощай!

БЕРНАРДО.

Я не могу промолвить—до свиданья!

КАМИЛЛО.

О донна Беатриче!

БЕАТРИЧЕ.

Кардиналъ,
Прошу васъ, не скорбите, не тревожьтесь.
Родная, завяжи мнѣ этотъ поясъ,
И заплети мнѣ волосы—вотъ такъ—
Въ какой-нибудь простой непышный узелъ.
И у тебя распутались они.
Мы часто ихъ другъ другу заплетали,
Въ вечерній часъ и утренней порой,—
Но это безвозвратно. Мы готовы.
Идемъ. Такъ хорошо. Все хорошо.

ПРИМѢЧАНІЯ
К. Д. БАЛЬМОНТА.

Какъ я уже сообщалъ въ первомъ томѣ Шелли, о крупныхъ его произведеніяхъ я буду говорить подробно въ особомъ изслѣдованіи, посвященномъ его жизни и творчеству. Я буду здѣсь поэтому кратокъ.

Лаонъ и Цитна, или Возмущеніе Золотого Города.

Эта поэма была написана во время отшельнической жизни Шелли въ небольшомъ городѣ Марло. Въ ней онъ впервые серьезно вступилъ въ борьбу съ окружавшей его дѣйствительностью, и въ роскошной, частью космогонической, частью соціальной, симфоніи набросалъ рядъ поразительно яркихъ картинъ, прикоснулся въ упоръ къ вопросамъ общежитія, и съ чисто-шелліевской нѣжностью и оригинальностью затронулъ вопросы тончайшей психологіи, интересовавшіе Кальдерона и Тирсо де-Молину, Джона Форда и современныхъ художниковъ, какъ Д'Аннунціо и Пшибышевскаго. Общеизвѣстное лицемѣріе британскаго общества заставило эту поэму пережить разныя перипетіи, и прежде всего переименованіе ея въ *Возмущеніе Ислама* и возникновеніе ея въ нѣсколько измѣненной формѣ. При переводѣ я держался первичнаго текста. Поэма названа *видѣніемъ девятнадцатаго вѣка*, главнымъ образомъ, потому, что въ ней впервые созданъ типъ Свободной Женщины, безстрашно борющейся за полную свободу чувства и дѣйствія. Шелли и въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ точно предвидѣлъ характеръ начинавшагося столѣтія. Онъ только выразилъ свои предвидѣнія не въ реальной формѣ, а въ воздушныхъ очертаніяхъ, какъ воздушны были его грезы и воздушны краски и черты въ природѣ, когда, создавая свою поэму, онъ проплывалъ въ лодкѣ среди буковыхъ деревьевъ, наклоняющихъ вѣтви къ водѣ. Но воздушной дымкой неизбѣжно должны быть закутаны очертанія предметовъ, когда глазъ глядитъ на обширный міръ, уходящій къ далямъ горизонта. Въ первой пѣснѣ Шелли—въ области космогоническихъ миѳовъ, въ послѣдней—въ сферѣ тѣхъ ви-

дѣній, которыя доступны только для сторонниковъ Тайнаго Ученія (Теософіи). Между двумя этими предѣлами, которые родственны и въ извѣстномъ смыслѣ тождественны, проходитъ полносложная панорама утонченной созерцательности. Таинственная связь сна съ дѣйствительностью, ихъ взаимная сліянность, которую позднѣе такъ хорошо описали Пушкинъ въ снѣ Татьяны, Достоевскій въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* и Левъ Толстой въ *Войнѣ и Мирѣ*, поразительно описаны у Шелли въ пѣснѣ третьей. „Трупный кошмаръ“ этой же пѣсни, такъ же какъ величественный кошмаръ Чумы въ пѣснѣ десятой, предвосхищаютъ блестящія страницы Эдгара По, полновластнаго въ области поэзіи ужаса, и составили бы украшеніе замѣчательной книги Де-Фо *Годъ Чумы*. Пѣснь пятая, съ ея эпическимъ сномъ освобожденья Человѣчества, напоминаетъ лучшіе моменты освободительныхъ историческихъ переворотовъ, когда человѣкъ съ человѣкомъ дѣйствительно сливался въ массовыхъ размѣрахъ, и самыя простыя вещи, какъ общая трапеза, становились мистеріей. Любовныя строфы пѣсни шестой написаны такъ утонченно-воздушно, что поэзія переходитъ здѣсь въ музыку и въ волны свѣта. И въ каждой изъ остальныхъ пѣсенъ Шелли сумѣлъ воплотить въ словахъ что-нибудь настолько благородное по чувству, яркое по краскамъ, тонкое по оттѣнкамъ, или необычное по настроенію, что вся поэма переливается и сложно говоритъ душѣ, какъ переливается и говоритъ звукомъ и свѣтомъ широкая масса плещущихъ волнъ.

Два слова о формѣ. Шелли написалъ *Лаона и Цитну* Спенсеровскими стансами, съ ихъ перепѣвными риѳмами. Желая передать текстъ съ возможно большей точностью, я нѣсколько упростилъ размѣръ. Если я потерялъ что-нибудь въ пѣвучести, я получилъ зато возможность не опустить ни одного образа, родившагося въ воображеніи Шелли. Считаю, кромѣ того, нужнымъ прибавить, что мнѣ, какъ и многимъ англійскимъ поклонникамъ Шелли, Спенсеровская станса представляется мало подходящей къ условіямъ эпической поэмы; наоборотъ, она удивительно подходитъ къ поэмѣ лирической *Адонаисъ*, которую я перевелъ съ точнымъ воспроизведеніемъ ритма. (Войдетъ въ третій томъ).

Царевичъ Атаназъ.

Поэма имѣющая внутренно-біографическій характеръ, и родственная съ поэмами *Аласторъ*, *Эпипсихидіонъ*, *Цукка*. Въ первичномъ набросвѣ Шелли назвалъ ее *Пандемосъ и Уранія*. Отсылаю читателя къ діалогу Платона *Пиръ*, который имѣетъ тѣсную связь съ мыслями Шелли о любви, и который, между прочимъ, былъ переведенъ имъ на англійскій языкъ.

Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.

Залитыя блескомъ осенняго солнца, онѣ были созданы въ ту эпоху, когда Италія была еще полурабской страной. Шелли страстно любилъ Италію, и какъ страну Солнца, и какъ историческую страну искусства и знанія. Въ немъ самомъ было много итальянскаго въ смыслѣ нѣжности и утонченности, и нигдѣ за-границей культъ Шелли не укоренился такъ прочно, какъ именно въ Италіи. Эта страстная любовь въ странѣ солнечныхъ городовъ, овѣянныхъ славнымъ прошлымъ, и внушила Шелли такой легкій и пѣвучій гимнъ въ честь жизни и свободы. Подъ „прекраснымъ лебедемъ Альбіона“ подразумѣвается, конечно, Байронъ, связанный съ Италіей такими же неразрывными узами, какъ и Шелли.

Итальянскимъ воздухомъ окружены и всѣ другія произведенія, вошедшія въ данный томъ.

Розалинда и Елена.

Поэма начата въ Марло, но окончена въ Луккѣ. Въ этой поэмѣ повседневной жизни, будничной, хотя и связанной съ необычными приключеніями (но гдѣ же, какъ не на фонѣ повседневной жизни зарождаются и возникаютъ необычныя приключенія?), Шелли въ лицѣ Ліонеля нарисовалъ одинъ изъ своихъ собственныхъ ликовъ, главный свой ликъ—человѣка, въ которомъ любовь и жизнь являлись близнецами. Мэри Шелли справедливо говоритъ по поводу этой поэмы, что Шелли никогда не упоминалъ о Любви безъ того, чтобы не окружить ее очарованіемъ собственнаго своего существа. Онъ также понялъ и поэтически описалъ здѣсь, какъ никто, нѣжнѣйшія ощущенія, связанныя съ материнствомъ, и врядъ ли какая-нибудь женщина, бывшая разъ матерью, можетъ читать эту поэму безъ глубокаго волненія.

Юліанъ и Маддало.

Здѣсь Шелли опоэтизировалъ свою дружбу съ Байрономъ, съ которымъ, по закону контраста, онъ былъ неразрывно связанъ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на многія внутреннія и внѣшнія обстоятельства, періодически отталкивавшія ихъ другъ отъ друга. Шелли не измыслилъ, а взялъ изъ дѣйствительности трагическую обстановку поэмы—сумасшедшій домъ. И теперь, какъ въ его дни, недалеко отъ Венеціи, среди волнъ, стоитъ домъ, гдѣ живутъ умалишенные. Только поэма Шелли связываетъ съ тѣми, далекими отъ насъ, днями образъ покинутаго влюбленнаго, а когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я приплылъ въ гондолѣ взглянуть на это

убѣжище живыхъ, выброшенныхъ изъ жизни, лицо, болѣе всѣхъ поразившее меня, было изступленное лицо молодой красивой итальянки, которая, стоя на рѣшетчатомъ окнѣ, съ бѣшенствомъ безъ конца выкрикивала повѣсть, какъ *онъ* ее бросилъ.

Освобожденный Прометей.

Эта драма во многихъ отношеніяхъ является самымъ крупнымъ и наиболѣе цѣннымъ созданіемъ Шелли. Онъ далъ здѣсь свой догматъ, и этотъ догматъ гласитъ о неизбѣжной побѣдѣ Человѣчества надъ всѣмъ, что называютъ зломъ, и что, можетъ быть, вѣрнѣе было бы называть болью. По представленіямъ Шелли, зло не составляетъ неизбѣжной принадлежности мірозданія. Оно можетъ и должно быть устранено черезъ посредство воли. Геній Человѣчества, Прометей—геній Огня, которымъ дышутъ звѣзды, и которымъ исполнено все, что живетъ, на всемъ пространствѣ звѣзднаго неба, отъ края до края, и тамъ, въ невидимой небесной безкрайности. Окруженный стихіями, съ ихъ разорванностью, съ темнотой незнанія, и съ ихъ воплощеніями въ видѣ жестокихъ чудовищъ, Прометей въ концѣ концовъ—побѣдитель, ибо съ нимъ, не боящимся самопожертвованія, сливаются воедино Демогоргонъ, духъ Міровой Справедливости, приводящей черезъ устраненіе космическаго противорѣчія къ міровой гармоніи, съ нимъ Іона, юный духъ стремленья, Пантея, духъ проникновенной мудрости, Азія, духъ любви и красоты; съ нимъ принадлежащая ему планета Земля, которая со свитою всѣхъ своихъ созданій, окруженная духами часовъ, неудержимо мчится къ Свѣту и къ полной побѣдѣ Свѣта.

Ченчи.

Многіе англичане считаютъ это произведеніе лучшей драмой, написанной послѣ Шекспира. Шелли явилъ въ ней удивительную многогранность своего генія, давъ цѣлый рядъ совершенно реалистическихъ картинъ и характеровъ, и въ то же время фантастически касаясь тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ областей, которыя носятъ названіе пола, и которыя не устаютъ создавать въ человѣческой жизни самыя неправдоподобныя, и однако же самыя убѣдительныя событія. Въ этой трагедіи онъ предсталъ какъ одинъ изъ могучихъ властелиновъ поэзіи ужаса, и показалъ, что, твердо вѣря въ полную окончательную побѣду Свѣта, онъ ясно сознаетъ, какъ глубоко можетъ падать человѣческое сознаніе, и въ какіе страшные и странные переходы можетъ уходить запутанная мысль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНАГО СКЛАДА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

„Знаніе."

От 1 декабря 1903 г.

Просятъ обращаться исключительно по адресу:

Контора товарищества „ЗНАНІЕ",
С.-Петербургъ, Невскій пр., **92.**

Лица, выписывающія по этому адресу книги, помѣщенныя **въ** каталогѣ, **за пересылку не платятъ;** исключаются книги, по которымъ въ данный моментъ принимается подписка.

Подписка считается дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если деньги внесены до выхода книги.

Наложенія платежа на подписныя изданія **не** допускается; книги, поступившія въ продажу, высылаются наложеннымъ платежомъ только въ томъ случаѣ, если при заказѣ доставленъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе четверти стоимости книгъ.

Каталогъ изданій по первому требованію высылается **безплатно.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1903.

Списокъ отъ 1 декабря 1903 г.

	Цѣна.
М. Горькій. Разсказы. Томъ I.	1 р. — к.
М. Горькій. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ IV.	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ V.	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VI	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. *Только въ переплетахъ*	1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины.	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Скиталецъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ II.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ III.	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы	1 » — »
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разсказы.	— » 60 »
Ив. Бунинъ, Томъ II. Стихотворенія	1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
А. Купринъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I.	1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы	1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты	1 » — »
А. Яблоновскій. Разсказы	1 » — »
С. Елеонскій. Разсказы	1 » — »
Эсхилъ. Окованный Прометей *Изд. второе.*	— » 30 »
Софоклъ. Эдипъ-царь *Изд. второе.*	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. *Изд. второе.*	— » 40 »
Софоклъ. Антигона. *Изд. второе.*	— » 40 »
Эврипидъ. Медея. *Изд. второе.*	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ. *Изд. второе.*	— » 40 »
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Трагедіи. Роскошно-иллюстр. изд. *Печатается.*	— » — »
Платонъ. Пиръ. *Съ иллюстраціями*	— » 60 »
Бьёрнсонъ. Перчатка	— » 40 »
Гауптманъ Роза Берндъ.	— » 50 »
Байронъ. Манфредъ.	— » 40 »
Байронъ. Каинъ. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Разговоры. *Печатается.*	— » — »
Леопарди. Мысли. *Печатается.*	— » — »
Красинскій. Иридіонъ.	— » 60 »
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I	2 » — »
Шелли. Полное собраніе сочиненій » » » Томъ 2	2 » — »
Шелли. Освобожденный Прометей	— » 50 »
Шелли. Ченчи	— » 50 »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе	— » 80 »
Э. Золя. Углекопы. Изд. *второе*	1 » — »
Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ.	— » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. *2-е*	1 » 50 »
Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. *2-е. Печатается*	— » — »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста	2 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *третье*	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. *второе*	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. *второе*	1 » 50 »
Тиндаль. Звукъ. Изд. *второе.*	1 » 50 »

Списокъ отъ 1 декабря 1903 г.

	Цѣна
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *второе*	— » 80 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. *Печатается*	— » — »
Боммели. Исторія земли. *Печатается*	— » — »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. *Печатается.*	— » — »
Джэмсъ. Психологія. Изд. *пятое. Печатается.*	1 » 50 »
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи.	1 » 50 »
Вундтъ. Введеніе въ философію. *Печатается*	— » — »
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV: Кантъ	4 » — »
Сеньобосъ. Полит исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. *третье*	3 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ Современная Франція	2 » 50 »
Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. *Печатается*	— » 40 »
Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ.	— » 40 »
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Гюйо. Исторія и крит. совр. англ. ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность	1 » 50 »
Гюйо. Стихи философа.	1 » — »
Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія	2 » — »
Моррисъ. Искусство. Съ иллюстраціями. *Печатается*	— » — »
Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію: *Поступило въ продажу 16 книжекъ. Подробности см. на стр. 22-й и 23-й*	— » — »
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи.	3 » — »
Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго	— » 40 »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе	6 » — »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ.	1 » — »
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изд. *второе*	— » 80 »
Каутскій. Аграрный вопросъ	1 » 50 »
Гертцъ. Аграрные вопросы.	— » 80 »
Вандервельде. Притягательная сила городовъ	— » 40 »
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ	— » 80 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія.	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ.	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рескина	1 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ. Часть I.	2 » 50 »
Мутеръ. То же сочиненіе. Часть II.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ	17 » — »

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

	Цѣна: безъ пер.	съ пер.
Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли **Гетчинсонъ**. Вымершія чудовища **Гетчинсонъ**. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ	4 » 50 »	5 » 50 »
Настольная книга по народному образованію, 3 т.	5 » — »	6 » — »

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ.

Въ шести томахъ. *Содержаніе:*

I томъ. Макаръ Чудра.—О чижѣ.—Емельянъ Пиляй.—Дѣдъ Архипъ и Ленька.—Челкашъ.—Старуха Изергиль.—Однажды осенью.—Ошибка.—Мой спутникъ. — Дѣло съ застежками. — Пѣсня о соколѣ.— На плотахъ.—Болесь.—Тоска.

II томъ. Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ.—Выводъ. — Супруги Орловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олесова. — Товарищи.

III томъ. Въ степи.—Мальва.—Ярмарка въ Голтвѣ.— Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки. —Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.— Еще о чортѣ.—Васька Красный.

IV томъ. Ѳома Гордѣевъ.—Двадцать шесть и одна.

V томъ. Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ.

VI томъ. Пьесы:—Мѣщане.—На днѣ.

Цѣна каждаго тома 1 рубль, въ роскошн. перепл. 1 р. 40 к.

Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

М. Горькій. МѢЩАНЕ.

Драматическій эскизъ въ 4 актахъ.

Цѣна въ роск. переплетѣ 1 р.

М. Горькій. НА ДНѢ.

Картины. 4 акта.

Цѣна 60 к., въ роск. переплетѣ 1 р.

Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ и ПѢСНИ. Томъ I.

Содержаніе:—Колоколъ. —Сквозь строй.—«Спитъ море предо мной».—Композиторъ.—«Закипѣла въ сердцѣ кровь...» — Пѣвчіе.—Спѣвка. — «Колокольчики - бубенчики звенятъ...»—«Я хочу веселья...»—«Утромъ зорька молодая...» — Любовь декоратора.—Сонъ —Ночи.—«Вы сказались, безсонныя ночи...»—Ранняя обѣдня.—Нищіе.—Ручей. - Газетный листъ. — «Нѣтъ, я не съ вами...» — «Моя жизнь—это бурная ночь на волнахъ...» — Октава.—«Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей...» — Узникъ.—«Я упалъ съ облаковъ...»—«Каждый вечеръ...»—«Ты скажи-ка, оборванецъ молодой...»—«Ну, товарищи...»—За тюремной стѣной.—Алмазы.—Кузнецъ.

Цѣна 1 р.

Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Большой шлемъ.—Набатъ.—Ангелочекъ.—Молчаніе.—Смѣхъ.—**Валя.**—**Разсказъ** о Сергѣ Петровичѣ.—На рѣкѣ.—Бездна.—Въ подвалѣ.—Ложь.—**Петька на** дачѣ.—У окна.—Жили-были.—Стѣна.—Въ темную даль.

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I, II и III.

Цѣна каждаго тома 1 р.—*Содержаніе:*

I томъ. Ранніе всходы.—Бродячій мальчикъ.—Gaudeamus igitur.—Въ лѣсу —Калигула.—На стоянкѣ.—Студенты пріѣхали.—Съ ночевой.—Созрѣлъ.— Прогрессъ.

II томъ. Инвалиды.—Блудный сынъ.—Чужестранцы.—Въ отставку.

III томъ. Танино счастье.—Въ лощинѣ межъ горъ.—Какъ это случилось.—Фаустъ.—Именинница.—Лунная ночь.—Лошадка. — Предатель. — Обостренныя отношенія.—Одуванчикъ.

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ.

Содержаніе:—На дворѣ во флигелѣ.—За славой. Цѣна 60 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.

Содержаніе: Пастырь добрый.—Отецъ Памфилъ.—По теченію.—Самоходка.—Обида— **Гдѣ ветлы** стояли.—Больной.—Конокрадъ.—Миша.—Агасферъ.—Сквозь преграды.— **Послѣдній** часъ.—На родину.—Кахетинка.—Капитанъ Кукъ.—Бѣдный приходъ.— Сборщикъ.—Худая молва.—Идеалистъ.—Злой духъ.—Жалоба.

Цѣна 1 р.

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Перевалъ.—Руда.—Новая дорога.—Осенью.—Туманъ.—Байбаки.—Новый годъ.—Антоновскія яблоки.—Велга.—Скитъ.—Тарантелла.—Костеръ.—На край свѣта.—Кастрюкъ.—Въ Августѣ.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью.—На Донцѣ.—Фантазеръ.—Сосны.—Тишина.—Надежда.

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II. Цѣна 1 р.

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Пѣснь о трехъ юношахъ.—Домой!—Нужда.—Елка Митрича.—Съ Богомъ!—Противъ обычая.—Сухая бѣда.—Счастливецъ.—Сумерки.—Хлѣбъ-соль.—Дѣти.—Дуэль.

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Въ камышахъ. — Месть.—На льдинѣ. — Подъ уклонъ.—Тундра.—Буря.—Дежурство.—Прогулка.—Степные люди.—Ночью.—Стрѣлочникъ.—Преступленіе.—Рождественскій канунъ.—На заводѣ.—Подъ землей.

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Молохъ.—Ночная смѣна.—Болото.—Походъ.—Одиночество.—Ночлегъ.—Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ циркѣ.—На покоѣ.

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Распадъ. — Невинные.— Портной. — Убійца.— Кабатчикъ Гейманъ.—Ита Гайне.

С. Елеонскій. РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Неизреченный свѣтъ.—На поповомъ дворѣ.—Папаша-крестный.—Грубіянъ.—Зарокъ.—Огорченіе.—Юбилей.—Ссора.

А. Яблоновскій. РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Очерки гимназической жизни.—Пухимъ.—Дебютъ.—Деревенскія картинки.—На изысканіяхъ.—Конокрадъ.—Удружилъ.—Ребятишки.—Завѣтная мечта.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЁМЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ.—Цѣна 1 р.

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изд.

Вышелъ *томъ первый.*

Его содержаніе:—Вся лирика, 186 стихотвореній.—Царица Мабъ.—Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».—Демонъ міра.—Аласторъ.—Съ геліогравюрой Дюжардэна, изображающей Шелли.—Съ пояснит. примѣч. К. Д. Бальмонта. **Цѣна 2 р.**

Вышелъ *томъ второй.*

Его содержаніе:—Возмущеніе Ислама.—Царевичъ Атаназъ.—Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.—Розалинда и Елена.—Юліанъ и Маддало.—Освобожденный Прометей.—Ченчи.—Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта. **Цѣна 2 р.**

Печатается *томъ третій.*

Его содержаніе:—Маскарадъ анархіи.—Письмо къ Маріи Джисборнъ.—Волшебница Атласа.—Эпипсихидіонъ.—Адонаисъ.—Эллада.—Отрывки неоконченной драмы.—Карлъ Первый.—Торжество жизни.—Повѣствовательные отрывки.—Статьи.—Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта. Очеркъ жизни Шелли.

Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ А. А. Крогіуса. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по **психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи,** составленнаго проф. Спб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинымъ и А. А. Крогіусомъ.

П. Милюковъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Второе изданіе.

Верховники и шляхетство.—С. Т. Аксаковъ.—Станкевичъ.—Бѣлинскій.—Герценъ.—Грановскій.—Эпигоны славянофильства.—Вл. Соловьевъ.

Съ портретами. **Цѣна 1 р. 50 к.**

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. Эсхилъ. **СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . — р. 30 к.
2. Софоклъ. **ЭДИПЪ-ЦАРЬ** . . . . — » 40 »
3. Софоклъ. **ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ** . . . . — » 40 »
4. Софоклъ. **АНТИГОНА** . . . . — » 40 »
5. Эврипидъ. **МЕДЕЯ** . . . . — » 40 »
6. Эврипидъ. **ИППОЛИТЪ** . . . . — » 40 »

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. Платонъ. **ПИРЪ** . . . . — » 60 »

Философская поэма. *Иллюстраціи:* снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ" Фейербаха.

8. Байронъ. **МАНФРЕДЪ** . . . . — » 40 »
9. Шелли. **ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . — » 50 »
10. Шелли. **ЧЕНЧИ** . . . . — » 50 »
11. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . 2 » — »

Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное* изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

12. Лонгфелло. **ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . — » 80 »

Дешёвое изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстѣ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

13. Красинскій. **ИРИДІОНЪ** . . . . — » 60 »
14. Бьёрнсонъ. **ПЕРЧАТКА** . . . . — » 40 »
15. Гауптманъ. **РОЗА БЕРНДЪ** . . . . — » 50 »
16. Золя. **УГЛЕКОПЫ** . . . . 1 » — »

№1 КЛЕЙНЪ №1

АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ВЕЧЕРА.

Общедоступная астрономія съ очерками по исторіи астрономіи.

Третье изданіе русскаго перевода.

ДОПОЛНЕНІЯ изъ Араго, Барнарда, Болля, Гельмгольца, Гершеля, Лапласа, Митчелля, Ньюкомба, Секки, Скіапарелли, Фламмаріона и другихъ астрономовъ.

Дополненія о послѣднихъ открытіяхъ, написанныя профессоромъ С.-Петербургскаго Университета С. П. Глазенапомъ.

Дополненіе объ идеяхъ Ѳ. А. Бредихина, написанное астрономомъ-наблюдателемъ Юрьевскаго Университета К. Д. Покровскимъ.

Тридцать двѣ таблицы съ темными и цвѣтными рисунками. Около 400 иллюстрацій въ текстѣ. Карты луны. Карта Венеры по Лоуэллю. Карта Марса по Скіапарелли. Карта Марса по Фламмаріону. Карта Марса по Лоуэллю. Карта Марса по Бреннеру. Карта сѣвернаго звѣзднаго неба. Карты, представляющія движенія Марса, Юпитера и Сатурна въ 1899 г. и 1900 г. 66 портретовъ.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга **рекомендована** *для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для библіотекъ городскихъ училищъ, для народныхъ читаленъ и для подарковъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга **рекомендована** *для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга **рекомендована** *для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ коммерческихъ училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга **рекомендована** *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Отзывы печати:

«Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для популяризаціи астрономіи какъ изданіе вышеназванной книги Клейна; ее смѣло можно назвать образцовою во всѣхъ отношеніяхъ»... (Журн. Мин. Нар. Просв.).

«Дѣйствительно, прекрасная книга»... (Образованіе).

«Изданіе «Астрономическіе вечера» несомнѣнно является украшеніемъ нашей популярной астрономической литературы»... (Новости).

Цѣна 2 руб.

За экземпляры въ роскошныхъ переплетахъ доплачивается по 65 коп.

№ 2 Клейнъ. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ № 2

Общедоступныя бесѣды по космологіи.

9 портретовъ. **185** рисунковъ въ текстѣ. **Одиннадцать цвѣтныхъ таблицъ.**

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. книга
одобрена *для фунд. и учен., старш. возраста, библіотекъ средн. уч. зав. Мин. мужск. и женск., и для библ. учит. инст. и сем., а также* ***для выдачи въ награду*** *учащимся въ означенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
одобрена *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ* ***Мин. Земл. и Гос. Им.***

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга
одобрена *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Цѣна **1** р. **50** к.; за роскошный переплетъ доплачивается **65** к.

№ 3. Юнгъ. СОЛНЦЕ. № 3.

Съ англійскаго. **Дополненія**, написанныя **самимъ авторомъ.**
16 портрет **Три** цвѣтныхъ таблицы. Больше **150** иллюстрацій.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія. старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ и* ***для раздачи въ награду*** *ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допущена въ* ***безплатныя народныя читальни и библіотеки.***

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
рекомендована *для библ. уч. зав., подвѣдомственныхъ* ***Мин. З. и Гос. Им***

Ученымъ Ком. Учебнаго Отдѣла Мин. Финансовъ книга
рекомендована *для фунд. и учен. библ. коммерч. училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетск. корпусовъ.*

Цѣна **1** р. **50** к.; за роскошный переплетъ доплачивается **65** к.

Продолжается подписка на книгу:

КЛЕЙНЪ.

№ 13 — ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА. — № 13

Общедоступныя бесѣды по физической географіи.

Съ нѣмецкаго.—Переводъ В. А. Верещагина и А. П. Нечаева.

Съ предисловіемъ заслуж. ордин. профессора СПБ. Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

Книга посвящена **настоящему** земли. Въ **35** главахъ **авторъ сумѣлъ** затронуть и изложить въ современномъ освѣщеніи всѣ главные вопросы, относящіеся къ жизни земли

Краткій очеркъ содержанія. Рядъ разсказовъ изъ исторіи землевѣдѣнія. Новѣйшія научныя экспедиціи. Форма и размѣры земли. Вѣсъ и плотность. Внутренняя теплота. Возрастъ и происхожденіе материковъ. Моря. Полярные льды. Морскія теченія. Приливы и отливы. Острова. Источники. Пещеры. Рѣки. Озера. Происхожденіе озеръ. Болота. Лавины. Ледники. Ледниковый періодъ. Землетрясенія. Горные обвалы. Вулканическія явленія. Маары. Атмосфера. Давленіе. Вѣтры. Ураганы. Облака. Осадки. Грозовыя явленія. Полярныя сіянія. Земной магнетизмъ. Погода.

Въ русскомъ изд. сдѣланы **дополненія,** написанныя **А. П. Нечаевымъ.**

Прибавлены цѣлыя главы. Таковы:

1. Дѣятельность моря.—2. Волга, какъ типичная рѣка русской равнины.—3. Овраги.—4. Дѣятельность вѣтра, дюны, пустыни.—5. Происхожденіе и распредѣленіе почвъ.

Кромѣ того, въ большинствѣ главъ сдѣланы обширныя **дополненія по физической географіи России.** Напримѣръ:

Коралловые известняки Крыма. — Мелоборскія горы. — Артезіанскіе колодцы Россіи.—Минеральные источники Россіи.—Пещеры Крыма.—Пещеры - ледники; Кунгурская пещера.—Рѣки Россіи: ихъ пороги, водопады, перемѣщенія, мели, острова, террасы, дельты, половодья.—Озера Россіи, ихъ происхожденіе, ихъ зарастаніе.—Болота Россіи.—Ледники Россіи. — Землетрясенія въ Россіи.— Оползни —Вулканы Россіи и пр.

Въ книгу введены карты въ нѣсколько красокъ:

1. Почвенная карта Европ. Россіи. — 2. Сейсмическая карта Россіи.— 3. Вулканы. — 4. Морскія теченія. — 5. Льды въ настоящемъ и прошломъ.— 6. Распредѣленіе осадковъ.—7. Распредѣленіе грозъ и пр.

Цвѣтные рисунки изготовлены за границей.

Въ книгѣ будетъ больше **400 иллюстрацій.** Особенное вниманіе будетъ обращено на иллюстраціи, относящіяся къ физической географіи Россіи.

Подписная цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Товариществомъ „ЗНАНІЕ" открыта подписка на серію книгъ по геологіи и палеонтологіи:

№ 15. БОММЕЛИ. ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ. № 15.

Общедоступная **геологія**.—Съ нѣмецкаго. Переводъ М. А. Энгельгардта.

Дополненія по геологіи Россіи.

Роскошныя иллюстраціи: не менѣе **300** рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Рисунки **въ нѣсколько красокъ.** Ландшафты съ изображеніемъ растеній и животныхъ прошлыхъ геологическихъ эпохъ.

Геологическая карта Европейской Россіи въ **14** красокъ.

Сейсмическая **карта** Россіи въ 4 краски.

Карта, показывающая распредѣленіе вулкановъ.

Карта, показывающая распредѣленіе льдовъ въ настоящую и прошлыя геолог. эпохи и др.

№ 16. Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. № 16.

Общедоступныя бесѣды по **палеонтологіи.** — Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ **28 картинъ,** изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Эти картины заслужили лестный отзывъ Флоуэра, члена Корол. Общ. и директора Естественно-историческаго Музея въ Лондонѣ: «Я могу», пишетъ онъ: «съ полною увѣренностью подтвердить, что г. Гетчинсонъ и работавшій для него вполнѣ образованный художникъ г. Смитъ исполнили свою работу тщательно и добросовѣстно и дали намъ въ большинствѣ случаевъ полное понятіе о внѣшности животныхъ, которыхъ они старались изобразить, согласно лучшимъ свидѣтельствамъ, доступнымъ для насъ въ настоящее время»...

Книга № 16 поступила въ продажу. См. стран. 13.

№ 17. Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. № 17.

Съ англійскаго.—Переводъ Дм. Андр. Коропчевскаго.

Масса **рисунковъ.** Кромѣ того, на отд. таблицахъ **24 картины,** рисованныя тѣмъ-же Смитомъ.

Въ трехъ книгахъ, № 15, № 16 и № 17, больше 60 печатныхъ листовъ; около 600 иллюстрацій.

Подписная цѣна за эти три книги 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при полученіи первой книги 2 р., при полученіи слѣдующаго выпуска серіи—остальное.

По закрытіи подписки цѣна будетъ значительно повышена.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

№ 16. **Гетчинсонъ.** № 16.

ВЫМЕРШІЯ ЧУДОВИЩА.

Общедоступныя бесѣды по **палеонтологіи.**—Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ **28 картинъ,** изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга ***рекомендована*** *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. книга ***одобрена*** *для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для* ***безплатныхъ читаленъ,*** *а также для раздачи въ награду ученикамъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Землед. и Госуд. Им. книга ***рекомендована*** *для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.*

ЦѢНА 1 р. 20 к. За роск. переплетъ доплач. 65 к.

Книга входитъ въ составъ серіи по геологіи и палеонтологіи. **ПОДПИСКА** на серію по уменьшенной цѣнѣ еще продолжается; о подпискѣ см. 12 стран. этого каталога.

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

Тиндаль. Звукъ.

Съ англійскаго.—Переводъ *М. А. Антоновича.*—**Второе** русское изданіе.—**Двѣсти четыре** иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна **1 р. 50 к.**

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. настоящее изданіе перевода **Антоновича** ***одобрено*** *для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ* ***въ награду,*** *а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ* ***народныхъ читаленъ.***

Никольскій,

Факторъ зоологіи, пр.-доцентъ С.-Петерб. Университета, мл. зоологъ С.-Петербургской Академіи Наукъ.

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ рис. въ текстѣ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ: растенія; животныя; сцены изъ жизни животныхъ; виды мѣстностей; типы жителей.

Разсказъ о четырехъ научныхъ путешествіяхъ: I. ВЪ ТУРКЕСТАНѢ. II. НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ. III. ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ. IV. НА САХАЛИНѢ.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга **рекомендована** *для пріобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга

***одобрена** для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для **безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ**.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга

***одобрена** для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд Мин Финансовъ книга

***одобрена** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ **коммерческихъ** училищъ.*

Цѣна 2 р.—За роскошный переплетъ доплач. 65 к.

Григорьевъ. КРАТКІЙ КУРСЪ ХИМІИ.

62 рисунка въ текстѣ. Портреты. Цѣна **80** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга допущена для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ химія преподается въ объемѣ, соотвѣтствующемъ этой книгѣ, и для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Товариществомъ «ЗНАНІЕ» издается

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛО

ТРЕТЬЕ иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе:

№ 1 **Сеньобосъ** № 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

Эволюція партій и политическихъ формъ.

Съ приложеніемъ очерка „**Европа нашихъ дней**" (1897—1902 гг.) **русской** библіографіи и подробнаго указателя.

леон. Парламе руль и въ

Два тома; 840 стр.

[illegible] Бисмарка, Гладстона, Биконсфильда, Тьера, Гамбетты, Гарибальди, Кошута, К. Маркса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Оуэна, Луи Блана и многихъ другихъ,—всего до **50** портретовъ.

«**Эта книга** представляетъ собою замѣчательное по ясности и сжатости изложенія обозрѣніе европейской исторіи за періодъ времени отъ 1814 до 1896 года, причемъ авторъ главное вниманіе обращаетъ на исторію учрежденій и образованіе, составъ, тактику и программы партій, какъ выдающихся факторовъ, рѣшающихъ судьбу учрежденій. Но Сеньобосъ удѣляетъ также мѣсто и фактамъ, касающимся организаціи мѣстныхъ управленій, арміи, церкви, образованія политическихъ ученій, экономическаго строя въ тѣхъ случаяхъ, когда эти факты оказываютъ вліяніе на политическую жизнь»... (Отзывъ **«Русскихъ Вѣдомостей»** о первомъ изданіи).

«Главное достоинство книги — точныя формулировки политическихъ программъ, конкретныя характеристики конституцій, иногда краткія опредѣленія политическихъ доктринъ. Сеньобосъ старается схватить политическія и конституціонныя аналогіи, ясно опредѣлить всѣ характерные моменты политическаго положенія...

Переводъ сдѣланъ хорошо и дополненъ библіографическими указаніями книгъ и статей, появившихся на русскомъ языкѣ». (Отзывъ **«Міра Божьяго»** о второмъ изданіи).

Цѣна за оба тома 3 руб.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 2. **В. ЗОМБАРТЪ.** № 2.

Профессоръ Бреславльскаго Университета.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго **П. Ф. Теплова. Цѣна 40 коп.**

«Превосходное разсмотрѣніе задачъ соціальной политики читатель найдетъ въ недавно выпущенной въ русскомъ переводѣ книгѣ проф. В. Зомбарта «Идеалы соціальной политики»... Зомбартъ превосходно доказалъ автономность соціально-экономическаго идеала». (Изъ статьи П. Берлина въ **«Жизни»** апрѣль 1900 г.).

(*Первое изданіе распродано, второе—печатается*).

№ 3. **Ѳ. Курти,** № 3.

членъ швейцарскаго національнаго совѣта, членъ сэнъ-галленскаго правительственнаго совѣта.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДЕМОКРАТІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго **Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА. Цѣна . .**

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: 1. Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инціативы въ союзѣ. **Г. Ѳ. Львовича.** — II. Результаты швейцарскаго референдума. **Ѳ. Курти.**

«Изъ множества переводныхъ книгъ, которыми заваливаютъ нашъ книжный рынокъ, книга Курти выдѣляется интереснымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ. Ея авторъ не компиляторъ, трактующій свою тему по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а безукоризненный политическій дѣятель, которому, какъ члену швейцарскаго національнаго совѣта, хорошо извѣстно то, о чемъ онъ хочетъ бесѣдовать съ читателями».

(Изъ отзыва **«Вѣстника Всемірной Исторіи»**).

«Для лицъ, интересующихся государственнымъ бытомъ Западной Европы, книга Курти безусловно необходима».

(Изъ отзыва **«Журнала для всѣхъ»**).

№ 5. **К. Каутскій.** № 5.

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Цѣна 40 коп.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 4. **ГИББИНСЪ И САТУРИНЪ.** № 4.

Исторія современной Англіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Англія въ началѣ столѣтія.—Европейскій конфликтъ и Наполеонъ I.—Наполеонъ и Веллингтонъ.—**Промышленная революція и политическія реформы.** Вліяніе промышленности.—Торговля и политика.—Англійская индустрія въ прежнія времена.—Великія изобрѣтенія въ области механики.—Примѣненіе силы пара и послѣдствія его.—Промышленная революція въ связи съ ростомъ богатства.—Политическія послѣдствія промышленной революціи.—Агитація въ пользу парламентской реформы.—**Положеніе народа.** Благосостояніе нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ.—Бѣдность рабочихъ массъ.—Зло первыхъ фабрикъ.—Агитація въ пользу фабричной реформы.—Недовольство и смуты.—Рабочіе союзы.—Пауперизмъ.—Заработная плата.—Печальныя условія труда.—**Внутренняя политика и ирландскія дѣла.**—Эмансипація католиковъ.—Язвы Ирландіи.—Аграрныя затрудненія и О'Коннель.—Ирландское земледѣліе и картофельный голодъ.—Желѣзныя дороги.—Почты и телеграфы.—**Народная королева.** Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ.—Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.—Развитіе свободной торговли.—**Чартизмъ.—Англичане за моремъ.**—Вестъ-Индія.—Индія.—Южная Африка.—Канада и т. д.—**Англичане и иностранныя державы.**—Карьера лорда Пальмерстона.—Восточный вопросъ.—Пальмерстонъ и Наполеонъ III.—Крымская война.—Иностранная политика Биконсфильда и т. д.—**Парламентская реформа и ирландскія смуты.**—Феніи.—Парнель и борьба за гомруль и т. д.—**Промышленность и общественная жизнь.**—Колоніальный элементъ въ англійской политикѣ.—Народонаселеніе и большіе города.—Упадокъ земледѣлія.—Стачки рабочихъ и т. д.

Книга кончается обширнымъ приложеніемъ

Д. Сатуринъ.

ПОСЛѢДНІЕ МОМЕНТЫ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Южно-африканская война.—Причины изолированности Англіи.—Исторія Трансваала до открытія золотыхъ розсыпей.—Постройка золотого города.—Родезія.—Набѣгъ Джемсона. Конституція Трансвааля.—Оранжевая республика. Ея конституція.—Почему Оранжевая республика соединила свою судьбу съ судьбой Трансвааля?—Почему колоніи пришли на помощь Англіи?—Джингоизмъ англійской націи.—Деморализація англійской прессы.—Первый періодъ войны.—Второй періодъ.—Мертвая схватка.—Черная недѣля.—Третій періодъ.—Освобожденіе Кимберлея.—Взятіе въ плѣнъ Кронье.—Занятіе Преторіи и т. д.—Итоги южно-африканской войны.—**Федерація австралійскихъ колоній.—Голодъ въ Индіи.**

ОТЗЫВЪ **„Журнала для всѣхъ“** (мартъ 1901 г.). Англичанину Гиббинсу въ этой книгѣ принадлежитъ большая и болѣе значительная первая часть: „Англійскій народъ въ XIX в.“. Это сжатый и весьма толково составленный очеркъ всѣхъ выдающихся событій въ государственной жизни Англіи, какъ внѣшней, такъ и внутренней, вплоть до 1898 года. Авторъ, какъ англичанинъ, подсчитываетъ ростъ матерьяльнаго богатства и политическаго значенія своей родины за 100 лѣтъ и приходитъ въ общемъ къ самымъ утѣшительнымъ выводамъ...

Русскій **Д. Сатуринъ,** въ краткомъ очеркѣ „Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа“ останавливается, главнымъ образомъ, на обратной сторонѣ медали, разбираетъ причины и родъ южно-африканской войны, рисуетъ темныя стороны голода въ Индіи.

Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. Цѣна 1 р. 20 к.

М. Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности.

Первая часть: изложеніе ученій. Бентамъ, Овенъ, Макинтошъ, Джемсъ. Милль, Стюартъ Милль, Гротъ, Бенъ, Бэли, Льюисъ, Сиджвикъ, Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Клиффордъ, Барратъ. Лесли Стефенъ.

Вторая часть: критика. Введеніе Книга первая: о методѣ морали. Методъ индуктивный и методъ интуитивный. Книга вторая: нравственная цѣль. Количество удовольствій, какъ нравственный критерій. Ариѳметическая мораль. Бентама. Полуинтеллектуальная мораль Стюарта Милля. Счастіе человѣчества, какъ нравственный критерій. Мораль симпатіи Ст Милля. Необходимые законы жизни, какъ нравств. критерій. Натуралистическая и альтруистическая мораль Спенсера. Книга третья: о нравственномъ долгѣ. Естественная тождественность интересовъ и принципъ долга по Бентаму. Политическая экономія, соціальная полиція и симпатія. Искусственная ассоціація интересовъ въ мысли, какъ основаніе долга по Ст. Миллю. Искусственное отождествленіе интересовъ путемъ общественной организаціи. Утилитарное воспитаніе и религія. Нравственный организмъ и нравственный инстинктъ. Принципы долга по ученію Ч. Дарвина и Спенсера. Книга четвертая: о нравственной санкціи Нравственная отвѣтственность. Соціальная отвѣтственность. Заключеніе и общіе выводы.

Цѣна 2 рубля. 458 стр. 8°.

М. Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ О ВРЕМЕНИ. Введеніе Альфреда Фулье. Предисловіе автора. Періодъ первоначальнаго смѣшенія. Пассивная форма времени; ея генезисъ исходитъ изъ понятій разницы, сходства, множественности, степени и порядка.—Активная основа понятія времени; его генезисъ. Участіе воли, намѣренія двигательной дѣятельности. Настоящее, прошедшее и будущее.- Время и память. воспоминаніе и фонографъ. Пространство. какъ способъ представленія времени.—Нормальныя и патологическія иллюзіи времени —Заключеніе

Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. Книга первая. Плотскія удовольствія.—Книга вторая. Духовныя удовольствія.—Книга третья Частныя и общественныя добродѣтели.—Книга четвертая. Новѣйшіе послѣдователи Эпикура.

Цѣна 2 рубля. 372 стр. 8°.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ. Предисловіе.—Книга первая: Принципы искусства и поэзіи.—Книга вторая: Будущее искусство и поэзія.—Книга третья: Будущность и законы стиха.

ОЧЕРКЪ МОРАЛИ Предисловіе. Введеніе. Критика различныхъ попытокъ метафизическаго оправданія долга.—Книга первая: Нравственный двигатель съ научной точки зрѣнія. Первые эквиваленты долга.— Книга вторая: Послѣдніе возможные эквиваленты долга для поддержанія нравственности.—Книга третья: Идея санкціи.

Цѣна 2 рубля. 376 стр. 8°.

М. Гюйо. Наслѣдственность и воспитаніе.

СОДЕРЖАНІЕ: Внушеніе и воспитаніе, какъ средства, измѣняющія нравственный инстинктъ. Генезисъ нравственнаго инстинкта; роль наслѣдственности, идей и воспитанія. Физическое воспитаніе и наслѣдственность. Переутомленіе. Цѣль и методъ интеллектуальнаго воспитанія. Школа. Высшее и среднее образованіе. Воспитаніе дѣвушекъ и наслѣдственность. Воспитаніе и періодическая смѣна культуръ интеллекта. Что составляетъ истинную цѣль эволюціи и воспитанія: наслѣдственный автоматизмъ или полная сознательность. Дополненія 340 стран. 8°.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

М. Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія.

Предисловіе А. Фулье.—Портретъ автора.

Часть первая: Принципы, какъ соціологическая сущность искусства.—1. Общественная солидарность—принципъ наиболѣе полной эстетической эмоціи. —2. Геній, какъ сила общественности и какъ созданіе новой среды.—3. О симпатіи и объ общественности въ критикѣ.— 4. Выраженіе индивидуальной и соціальной жизни въ искусствѣ.— 5. Реализмъ. Тривіализмъ и средство избѣгнуть его.—Часть вторая: Примѣненіе принциповъ. Соціологическая эволюція современнаго искусства.—1. Психологическій и соціологическій романъ.—2—4. Введеніе философскихъ и соціальныхъ идей въ современную поэзію.—5. Стиль, какъ способъ выраженія и орудіе симпатіи. Эволюція современной прозы. 6. Литература декадентовъ и неуравновѣшенныхъ: ея анти-соціальный характеръ. Нравственная и соціальная задача искусства.

Цѣна 2 рубля.

М. Гюйо. Стихи философа.

Книга I: Мысль. — Книга II: Любовь. — Книга III: Искусство. Книга IV: Природа и человѣчество.

Цѣна 1 р.

М. ЛЕКЛЕРКЪ.

ВОСПИТАНІЕ И ОБЩЕСТВО ВЪ АНГЛІИ.

Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

КНИГА ПЕРВАЯ. Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англіи. Воспитаніе въ семьѣ. Англійская и французская семья. Воспитаніе въ школѣ, воспитаніе физическое, нравственное, умственное. Публичныя школы. Параллель съ Франціей. Родъ государства. Организація начальнаго образованія. Департаментъ наукъ и искусствъ. Техническое образованіе. Среднее образованіе въ Валлисѣ. Университеты. Характеристика старыхъ англійскихъ университетовъ. Внутренняя жизнь Оксфорда и Кембриджа. Расширеніе дѣятельности университетовъ. Вліяніе университетовъ на среднія школы и на страну. Мѣстные университетскіе экзамены. Распространеніе университетскаго образованія. Провинціальные университетскіе колледжи. Экзаменующія корпораціи. Печать, газеты и журналы. Библіотеки. Общій обзоръ современнаго положенія. **КНИГА ВТОРАЯ. Профессіи и общество въ Англіи.** Экономическое положеніе Англіи прежде и въ настоящее время. Развитіе общества въ политическомъ отношеніи. Общественные классы. Ихъ взаимныя отношенія. Политическое воспитаніе. Культура страны. Индивидуальная и общественная нравственность. Религія. 516 стр. 8°. **Цѣна 3 рубля.**

Паульсенъ. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА БУДУЩАГО. Цѣна 40 коп.

Георгъ Майръ.

СТАТИСТИКА и ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Профессора **ГЕОРГА МАЙРА.**

Въ двухъ томахъ.

Это капитальное произведеніе знаменитаго статистика, недавно появившееся въ нѣмецкомъ оригиналѣ, распадается на два тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА. Человѣкъ, какъ массовое явленіе. Соціальные группы и союзы. Соціальная масса, какъ объектъ научнаго наблюденія. Наука о соціальныхъ массахъ. Отношеніе науки о соціальныхъ массахъ къ другимъ отраслямъ знанія. Статистическая наука и ея общія основанія. Статистическій методъ и статистическая техника. Статистическія учрежденія. Къ исторіи статистики.

ВТОРОЙ ТОМЪ посвященъ статистикѣ населенія.

Цѣна за оба тома (878 стр. 8°) **6 рублей.**

Принимается подписка на изданіе т-ва „ЗНАНІЕ“, составленное Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

Настольная книга по народному образованію.

Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣ-школьному образованію народа.

Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учрежденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ трехъ томахъ, свыше 2500 страницъ очень убористой печати.

Изданіе составлено по первоисточникамъ; программа его обнимаетъ всѣ вопросы школьнаго и внѣ-школьнаго образованія народа.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Отдѣлъ I. Завѣдываніе народнымъ образованіемъ.—Отдѣлъ II. Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Отдѣлъ III. Узаконенія и распоряженія, касающіяся государственной службы.—Отдѣлъ IV. Учебныя заведенія и испытанія, дающія права на учительскія званія.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Отдѣлъ V. Узаконенія и распоряженія о низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Отдѣлъ VI. О школьной гигіенѣ и санитаріи.—Отдѣлъ VII. Узаконенія и распоряженія, касающіяся статистики народнаго образованія.—Отдѣлъ VIII. О внѣшкольномъ образованіи народа.—Отдѣлъ IX. О до-школьномъ образованіи.

Цѣна за три тома по подпискѣ: 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Два тома (1538 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. вышедшіе 2 тома «Настольной книги» *допущены въ библ. учит. институтовъ и семинарій, въ учит. библ. низшихъ учеб. зав. и въ безплатныя нар. читальни и библіотеки.*

Народное Образованіе въ Россіи.

Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Историческій очеркъ.—Современная организація начальнаго народнаго образованія въ Россіи.—Статистика и изданія по народному образованію.—Финансовыя средства народнаго образованія.—Главныя статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія. Грамотность населенія. — Таблицы. — Литература. Съ приложеніемъ статьи В. Ю. Скалона:

«Народное образованіе въ Финляндіи».

Цѣна 1 руб. 50 коп. 253 стр. 8°.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

1) **Учительскія семинаріи и школы.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для учащихъ и учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ всѣхъ вѣдомствъ, а также для готовящихся къ поступленію въ нихъ. **Цѣна 2 р.**

2) **Испытанія на званія уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей, на магометанскія должности, на вольноопредѣляющагося II разряда и на первый классный чинъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. *Второе, значительно дополненное, изданіе* **Цѣна 1 р.**

3) **Испытанія на званіе начальнаго учителя** (начальныхъ училищъ; инородческихъ училищъ; церковно-приходскихъ школъ). Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. **Цѣна 25 к.**

4) **Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 50 к.**

5) **Городскія, уѣздныя и маріинскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о городскихъ училищахъ по Положенію 1872 г., объ уѣздныхъ училищахъ по Уставу 1828 г. Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. **Цѣна 1 р.**

6) **Народныя училища по Положенію 25 мая 1874 года.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 75 к.**

7) **Приходскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, постановленій и распоряженій о приходскихъ училищахъ по Уставу 1828 г. и городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ по Положенію 1839 г. **Цѣна 25 к.**

8) **Министерскія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. **Цѣна 25 к.**

9) **Частныя училища и домашнее обученіе.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ II и III разрядовъ, домашнемъ обученіи, училищахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и горнозаводскихъ училищахъ. **Цѣна 50 к.**

10) **Инородческія и иновѣрческія училища.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній объ училищахъ колонистскихъ, протестантскихъ, католическихъ, армянскихъ, для раскольниковъ и сектантовъ, инородческихъ, магометанскихъ, караимскихъ и еврейскихъ. **Цѣна 50 к.**

11) **Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 40 к.**

См. слѣд. стр.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

(*Продолженіе*).

12) **Народныя училища сѣверо-западнаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. **Ц. 50 к.**

13) **Народныя училища юго-западнаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. **Ц. 40 к.**

14) **Народныя училища Прибалтійскаго края.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. **Ц. 75 к.**

15) **Народныя училища Царства Польскаго.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 60 коп.**

16) **Народныя училища Кавказа, Сибири, Степнаго края, Туркестана, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерній, Донской области и Казачьихъ войскъ.** Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій программъ и справочныхъ свѣдѣній. **Цѣна 75 коп.**

Готовится къ печати рядъ новыхъ справочныхъ изданій по различнымъ вопросамъ школьнаго и внѣ-школьнаго образованія.

Э. ЛЕВАССЕРЪ.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.

Переводъ подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Въ составленіи книги принимали участіе: проф. Георгъ Майръ, Бленкъ, Бодіо и многіе другіе выдающіеся статистики и государственные дѣятели. Она является плодомъ болѣе чѣмъ десятилѣтней работы автора, выполненной при помощи Международнаго Статистическаго Института. Цѣль книги—объединить и свести въ одну картину данныя о развитіи и современномъ положеніи народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ міра.

Первая часть книги заключаетъ въ себѣ описаніе положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ странахъ. Вторая часть посвящена общему сравнительному очерку положенія народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ.

Цѣна 3 рубля. 452 стр. 8°.

Финляндія.

Подъ редакціей Д. Протопопова.

При участіи И. Андреева (псевд.), В. Валлина, Г. В., А. Гранфельта, О. Грундстрёма, Г. К—на, Я. Клерикуса (псевд.), К. Лейно, Neuter (псевд.), Д. Протопопова, В. Скалона, І. Тикканена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Форселля, г-жи М. Фрибергъ и Э. Эркко.

Содержаніе: Географическій очеркъ. — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ“.—Законодательство, управленіе и судъ. —Церковное устройство и религіозныя движенія -Финансы.· Промышленность и торговля.—Сельское хозяйство.—Сельское населеніе.— Рабочіе. — Среднее образованіе. — Національное движеніе и партіи. — Общественная жизнь.— Періодическая печать.—Низшее образованіе.—Университетъ и студенческая жизнь.—Наука.— Литература.—Искусство.—Борьба съ пьянствомъ.—Призрѣніе бѣдныхъ.

51 иллюстрація: (виды Финляндіи, группы жителей, портреты выдающихся дѣятелей и писателей, картины финскихъ художниковъ и т. п.). Карта Финляндіи.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вандервельдэ.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ГОРОДОВЪ

Переводъ *Л. Винци.* Редакція Р. П. Цѣна 40 коп.

Дрейфусъ. ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(1894 — 1899).

Съ французск.—Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Смирнова.

Цѣна 1 р. 20 к.

А. И. Мертваго.

НЕ ПО ТОРНОМУ ПУТИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

К. ГУГО.

Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленій.

(Städte-Verwaltung und Municipal-Sozialismus in England).

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

Д. Протопопова.

Содержаніе: Глава I. Введеніе.—II. Исторія англійскихъ муниципалитетовъ.— III. Исторія самоуправленія Лондона.—IV. Совѣтъ лондонскаго графства.— V. Задачи городовъ въ области общественной гигіены.—VI. Пожарное и страховое дѣло.—VII. Рынки.—VIII. Снабженіе газомъ.—IX. Электрическое освѣщеніе.—X. Снабженіе гидравлической силой.—XI. Городскіе трамваи.—XII. Телефоны.—XIII. Народныя библіотеки.—XIV. Музеи, галлереи и художественныя школы.—XV. Техническія школы.—XVI. Отношеніе къ рабочему вопросу.—XVII. Реформа городского обложенія.—XVIII. Заключеніе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

«Новыя теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ чрезвычайно интересной и поучительной книжкѣ Гуго, заключаются въ постепенномъ расширеніи сферы городского самоуправленія и въ борьбѣ муниципалитетовъ съ частными предпріятіями» (Міръ Божій, іюнь 1898 г.

« . . . Мы дали только приблизительное понятіе о содержаніи этой любопытной и поучительной книги. Мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее всякому, кто интересуется вопросами городского самоуправленія». (Жизнь).

ВЫШЛА КНИГА:

Э. Бернштейнъ.

Историческій Матеріализмъ.

Второе изданіе.

Цѣна 80 коп.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ":

Вольтеръ.

По Коллини, Ваньеру, Штраусу и друг.

Переводъ съ нѣмецкаго *И. Андреева*. Редакція Д. Протопопова.

Съ портретомъ Вольтера. Цѣна 1 рубль.

БІОГРАФІЯ ВОЛЬТЕРА И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

«... Блестящая, полная, несмотря на свою краткость, штраусовская біографія Вольтера занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ о «царѣ мысли XVIII вѣка» и вмѣстѣ съ книгою Морлея и подробнымъ жизнеописаніемъ Денуартера представляетъ лучшее, что когда-либо было написано о немъ. Всѣ болѣе важные факты долгой жизни Вольтера освѣщены съ мастерствомъ настоящаго художника, литературныя произведенія его оцѣнены съ тонкимъ критическимъ тактомъ. Переводъ очень хорошій». (**Русскія Вѣдомости**, 1898 г. № 228).

«Книга **Штрауса**, такъ блестяще и тонко написанная, составляетъ для нашей исторической литературы цѣнный вкладъ. Имя Штрауса русскимъ читателямъ извѣстно по его другому труду, тоже прекрасному, «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ». Въ нашей замѣткѣ мы не дѣлаемъ разбора его сочиненія о Вольтерѣ, потому что самъ по себѣ трудъ этотъ давно уже занимаетъ первоклассное мѣсто въ ряду многочисленныхъ біографій и сочиненій о Вольтерѣ. Его отличительныя особенности—объективность и полнота, несмотря на краткость, и талантливое освѣщеніе дѣятельности Вольтера. Издана и переведена книга прекрасно».

(**Жизнь**, январь 1899 г., книга 2-я).

Куно Фишеръ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Поступилъ въ продажу томъ четвертый. Содержаніе:

Иммануилъ Кантъ. Возникновеніе и основаніе критической философіи.

Съ четвертаго, юбилейнаго нѣмецкаго изданія.—Перев. *Н. Н. Полилова, Н. О. Лосскаго* и *Д. Е. Жуковскаго*.—Съ портретомъ Канта.

Цѣна 4 рубля.

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ»:

ДЖ. А. ГОБСОНЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ РЁСКИНА.

Переводъ съ англійскаго *Н. Лончевской* и *В. Либина*.

Редакція **Д. Протопопова.**

СОДЕРЖАНІЕ: Первые годы жизни и ихъ вліяніе.—Переходъ отъ искусства къ вопросамъ общественныхъ реформъ.—Критика ходячей политической экономіи.—Теорія соціальной экономіи Рёскина.—Заблужденія въ наукѣ и практикѣ новѣйшей промышленности.—Промышленная конкурренція.—Истинный общественный строй.—Соціализмъ и аристократизмъ.—Машина и промышленный городъ.—Воспитаніе.—Положеніе женщины въ обществѣ и ея воспитаніе.—Промышленные опыты.—Гильдія св. Георга.—Краткая характеристика дѣятельности и вліянія Рёскина.

Съ геліогравюрнымъ портретомъ Рёскина.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЭРКМАНЪ-ШАТРІАНЪ.

ГАСПАРЪ ФИКСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ *Е. Джунковской*.

Редакція Д. Протопопова.

Цѣна 65 коп.

«Въ живой формѣ разсказа въ этомъ произведеніи правдиво обрисовывается эпоха революціи 1848 г. и начало 2-ой имперіи во Франціи... Въ общемъ правдивый, ярко разцвѣченный искреннимъ чувствомъ разсказъ читается съ большимъ интересомъ»... (Отзывъ «Сѣв. Кавказа»).

ИНСАРОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Исторія третьей республики. Цѣна 2 р. 50 к.

Новое изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“:

К. КАУТСКІЙ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переводъ *И. Андреева* и *В. Либина*.

Редакція Д. Протопопова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ф. О. Гертцъ.

АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ.

Съ предисловіемъ Э. Бернштейна.

Переводъ *А. Ильинскаго*. Редакція *Д. Протопопова*.

Цѣна 80 коп.

Л. Вигуру.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

въ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Съ предисловіемъ Поля де-Рузье.

Переводъ *А. Серебряковой*.

Редакція Д. Протопопова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ»:

Э. ВУРМЪ.

ЖИЗНЬ НѢМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Мандельштама*.

Редакція Д. Протопопова.

СОДЕРЖАНІЕ: Питаніе нѣмецкихъ рабочихъ, помѣщеніе, домашнее хозяйство, доходы, болѣзненность и смертность.

Цѣна 80 коп.

«...Въ каждой главѣ авторъ сопоставляетъ требованія нормальной гигіены съ данными точныхъ статистическихъ изслѣдованій о современномъ положеніи рабочихъ въ Германіи... Книга Вурма даетъ массу интересныхъ фактовъ и наводитъ на серьезное размышленіе... Переводъ сдѣланъ удовлетворительно и хорошимъ языкомъ». (Сынъ Отечества, 28 апр. 1899).

«Книга Вурма, депутата германскаго рейхстага, представляетъ огромный интересъ и навѣрно разойдется въ широкихъ кругахъ публики. Такъ какъ циклъ экономическаго развитія разныхъ странъ во многомъ совпадаетъ, то съ помощью книги Вурма мы, говоря словами проф. Чупрова, «какъ бы въ туманной перспективѣ» можемъ взглянуть въ будущія судьбы экономически отсталыхъ странъ». (Извѣстія Книж. Магазин. Т—ва М. О. Вольфъ, № 9—10, 1899).

Роза Люксембургъ,

Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Ф. Гурвича*.

Редакція Д. Протопопова.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Исторія и современное положеніе польской промышленности. 1) Мануфактурный періодъ 1820—1850; 2) Переходъ къ крупной промышленности; 3) Періодъ крупной промышленности въ Польшѣ; 4) Главные районы польской промышленности; 5) Сбытъ произведеній польской промышленности.

II. Экономическая политика Россіи въ Польшѣ. 1) Исторія борьбы между Лодзью и Москвой; 2) Условія промышленнаго производства въ Польшѣ и въ Россіи; 3) Экономическія отношенія между Польшей и Россіей; 4) Политическіе интересы Россіи въ Польшѣ; 5) Экономическіе интересы Россіи на Востокѣ.

Цѣна 50 коп.

Дозв. цензурою. Спб., 27 Августа 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., 34.